ISSN 2072-2087

ВЕСТНИК
Брянского государственного университета

№ 2 (32)

2017

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ / ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ / ЯЗЫКОЗНАНИЕ/ ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ISSN 2072-2087

The Bryansk State University Herald

№ 2 (32)

2017

**HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY/
SCIENCE OF LITERATURE / LINGUISTICS/
PEDAGOGICAL SCIENCE**

ISSN 2072-2087

№2(32) 2017

Научный рецензируемый журнал

Май

ВЕСТНИК
БРЯНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Учредитель: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»

ББК 74.58
В 38

Вестник Брянского государственного университета. №2 (32) 2017: исторические науки и археология/ литературоведение/ языкознание/ педагогические науки. Брянск: РИО БГУ, 2017. 296с.

Председатель редакционной коллегии:
Антюхов Андрей Викторович **-** ректор, доктор филологических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского.

Главный редактор журнала:
Степченко Татьяна Александровна **-** доктор педагогических наук, профессор, проректор по научно-исследовательской работе и международным связям, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского.

Ответственный секретарь:
Мельников Игорь Владимирович **-** кандидат биологических наук, доцент, начальник редакционно-издательского отдела, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского.

Редакционная коллегия:

Артамошин Сергей Викторович - доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского;

Асташова Надежда Александровна - доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой педагогики, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (отв. редактор по направлению «Педагогические науки»);

Биккулова Ирина Анатольевна - кандидат филологических наук, профессор, декан филологического факультета, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского;

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Алексейчикова Н.Н.
МЕТРИКА ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО КАК ИСТОЧНИК ПО МАТРИМОНИАЛЬНОМУ ПОВЕДЕНИЮ ЖИТЕЛЕЙ БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ В XVI в. 11

Антюхова Е.А.
ПОЛИТИКА США В БЛИЖНЕВОСТОЧНОМ РЕГИОНЕ И ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С СОЮЗНИКАМИ ПО НАТО В ПЕРИОД ПЕРВОГО ПРАВЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ ДЖ.БУША-МЛАДШЕГО..... 20

Антюхова Е.А., Нелидов В.В., Рустамова Л.Р., Середа М.А., Черногородова В.С., Ютяева И.Р.
ТРАНСГРАНИЧНЫЕ УГРОЗЫ В ПОСТКОНФЛИКТНОМ МИРОСТРОИТЕЛЬСТВЕ 27

Аюпова Н.И.
ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МИД ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ ПО РАЗВИТИЮ ОТНОШЕНИЙ С ФРГ (2009-2014 гг.) 34

Березин А.А.
К ВОПРОСУ СОХРАНЕНИЯ И КОНСЕРВАЦИИ ПАМЯТНИКОВ СУДОХОДСТВА..... 41

Воробьев Д.Н.
«РАСА ПРЕВЫШЕ ВСЕГО»: НЕГРИТЯНСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ МАРКУСА ГАРВИ..... 47

Горлова Н.И.
К ВОПРОСУ О ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ОЛИМПИЙСКОГО ВОЛОНТЕРСТВА..... 55

Долгова В.Н.
ПРОБЛЕМА ОБРАЗОВАНИЯ РУССКОГО ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ДВОРЯНСТВА XVIII ВЕКА В ОЦЕНКЕ СОВРЕМЕННИКОВ (НА МАТЕРИАЛАХ МЕМУАРНОЙ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ) 60

Дубровский А.М.
К ВОПРОСУ О РУССКО-ТУРЕЦКИХ ДОГОВОРАХ В НАЧАЛЕ XVIII в. 67

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по следующим отраслям и группам научных специальностей: 07.00.00 – исторические науки и археология; 10.01.00 – литературоведение; 10.02.00 – языкознание; 13.00.00 – педагогический науки.

Блох Марк Яковлевич - доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой грамматики английского языка, Московский педагогический государственный университет;

Блуменау Семен Федорович - доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой всеобщей истории, международных отношений и международного права, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского;

Богуславский Михаил Викторович - доктор педагогических наук, профессор, зав. лабораторией, Институт теории и истории педагогики Российской академии образования;

Василенко Анатолий Петрович - доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой французского языка, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского;

Гехтляр Светлана Яковлевна - доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской, зарубежной литературы и журналистики, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского;

Грибанова Лилия Владимировна - кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского;

Демидова Тамара Евгеньевна - доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой теории и методики начального общего и музыкального образования, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского;

Джамбов Иван - доктор исторических наук, Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского (Болгария);

Дубровский Александр Михайлович - доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского;

Евтеев Сергей Валентинович - кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой немецкого языка, Московский государственный институт международных отношений Министерства иностранных дел РФ;

Курпниеце Розанна Оскаровна - доктор филологических наук, доцент, доцент отделения русистики и славистики, Латвийский университет (Латвия);

Залепеев В.Н.
ГЕРМАНО-СОВЕТСКИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ГОДЫ МИРОВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА (1929-1933 гг.)..... 73

Зиновьев Г.А.
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СУДЕБНЫХ ОРГАНОВ СЕВЕРО-ОСЕТИНСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ (СОАО) (1924-1929 гг.) 78

Мартемьянова Е.О.
ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ СОБРАНИЯ В ЭПОХУ СТАРОГО ПОРЯДКА: ПОВОРОТЫ ИСТОРИОГРАФИИ (1856-2016 гг.)..... 85

Мороз И.А.
ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТОРГОВОЙ СЕТИ В СССР В 1950-60е ГОДЫ..... 92

Прилуцкий В.В.
МОРМОНСКАЯ ПОЛИГАМИЯ В ЮТЕ И НА ЗАПАДНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ США (1850–1890-е гг.) 96

Ранчинский В.П.
РАСПАД РОССИЙСКОЙ И ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИЙ: ЕДИНСТВО И ПРОТИВОПОЛОЖНОСТИ..... 101

Селиверстов Д.М.
ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА ВОЙНЫ И ВРАГА В БРИТАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ ДОВОЕННОЙ ЭПОХИ 107

Трошина Д.В.
БРАЧНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И В ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ 111

Черниловский А.А.
ПРОГНОЗИРОВАНИЕ БУДУЩЕЙ ВОЙНЫ В 1930-х ГОДАХ: НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКИХ, ФРАНЦУЗСКИХ И ЯПОНСКИХ ВОЕННО-ТЕОРЕТИЧЕСКИХ РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В СССР.... 115

Якутин А.В.
КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА НАЦИСТСКИХ ОККУПАЦИОННЫХ ВЛАСТЕЙ В ЗАХВАЧЕННЫХ РАЙОНАХ СМОЛЕНЩИНЫ В 1941-1943 ГОДАХ. 121

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Антюхов А.В., Шаравин А.В.
ОТ НЕМЕЦКО-АВСТРИЙСКИХ ОБРАЗЦОВ К ВОПЛОЩЕНИЮ СЛАВЯНСКОЙ КАРТИНЫ МИРА В БАЛЛАДАХ А.К. ТОЛСТОГО..... 125

Гун Ц.Ц.
ИГРА КАК МОТИВ И КОМПОЗИЦИОННЫЙ ПРИНЦИП В ПОВЕСТИ В.С. МАКАНИНА «ОТДУШИНА»..... 133

Демирал Х.
«АНТИТЕЗА» ТАЛАНТ-ГЕНИАЛЬНОСТЬ В РОМАНЕ В. С. МАКАНИНА «ПОРТРЕТ И ВОКРУГ»..... 140

Ковалев П.А.
ЛИРИЧЕСКАЯ СТРОФИКА ДЖ.Г. БАЙРОНА..... 145

Ланин Борис Александрович - доктор филологических наук, профессор, зав. лабораторией литературы, Институт содержания и методов обучения Российской академии образования;

Микрут Лешек - доктор филологических наук, университет им. Марии Складовской-Кюри (Польша);

Михальченко Сергей Иванович - доктор исторических наук, профессор, директор научно-исследовательского института фундаментальных и прикладных исследований, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (отв. редактор по направлению «Исторические науки и археология»);

Ретивых Михаил Васильевич - доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры теории и методики профессионально-технологического образования, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского;

Россихина Галина Николаевна - кандидат филологических наук, профессор, декан факультета иностранных языков, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (отв. редактор по направлению «Языкознание»);

Чугунова Светлана Александровна - доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории английского языка и переводоведения, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского;

Шаравин Андрей Владимирович - доктор филологических наук, профессор, заместитель директора института филологии, истории и мировой политики по научной деятельности, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (отв. редактор по направлению «Литературоведение»);

Ядвиршис Людмила Анатольевна - доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и социального образования, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского.

В данном выпуске журнала «Вестник Брянского государственного университета» представлены материалы ученых по основным направлениям исследований.
Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов.

Ответственность за точность фактологического материала, используемого в статьях, несут авторы.

Подписной индекс «Пресса России»: 40705 годовая

Колобов В.В.
КОНФОРМИЗМ ЖУРНАЛА «НОВЫЙ МИР» А.Т. ТВАРДОВСКОГО: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ (НА МАТЕРИАЛЕ ДНЕВНИКА А.В. ЖИГУЛИНА)..... 151

Никитина И.Н.
«ЛЕГКАЯ ПОЭЗИЯ» М.Н. МУРАВЬЕВА В ЭСТЕТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ПРЕДРОМАНТИЗМА..... 157

Старцева И.Л., Хасанова Г.Ф.
ТИП НАДЛОМЛЕННОГО ВОЙНОЙ ЧЕЛОВЕКА В ВОЕННОЙ ПРОЗЕ КОНЦА 1950-х – СЕРЕДИНЫ 1980-х ГОДОВ..... 162

Штыгашева О.Г.
ФЕНОМЕН ГОРОДСКОГО ТЕКСТА В РОМАНЕ Д. РУБИНОЙ «СИНДРОМ ПЕТРУШКИ»..... 167

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Асратян З.Д.
РОЛЬ ЗАГЛАВИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ..... 172

Борисова И.З.
ОБРАЗ ЭТНОСОВ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА НАРОДА САХА.... 176

Гришечкина А.М., Скачкова Л.В.
АНАЛИЗ СООТНОШЕНИЯ «СЛОВО/ФРАЗЕОЛОГИЗМ» ПРИ ИЗУЧЕНИИ СТИЛЕВОГО ЗАМЫСЛА АВТОРА И ПЕРЕВОДЧИКА (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА А.КАМЮ «ЧУМА» И ЕГО ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК)..... 184

Денисова И.В.
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В ОБЛАСТИ ВАГОНОВ И ВАГОНОСТРОЕНИЯ..... 189

Дружинин А.С.
МЕТОДЫ КОГНИТИВНОЙ СЕМАНТИКИ В ОБУЧЕНИИ ВРЕМЕНАМ АНГЛИЙСКОГО ГЛАГОЛА..... 193

Евтеев С.В., Латышев Л.К.
ТИПЫ ТЕКСТА И ИХ ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ НАПОЛНЕНИЕ..... 198

Ершов Д.И.
ОБУЧЕНИЕ ДИАХРОНИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКЕ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ У ВЬЕТНАМСКИХ СТУДЕНТОВ..... 203

Коваленко Г.Ф.
ФРАКТАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ САМООРГАНИЗАЦИИ ПРОСТРАНСТВА СТИЛИСТИЧЕСКОЙ КОНВЕРГЕНЦИИ КАК ИКОНИЧЕСКИЙ ЗНАК.. 214

Кудрявцева П.Б.
КЛЮЧЕВОЕ СЛОВО В СОВРЕМЕННЫХ УЧЕБНИКАХ ПО РИТОРИКЕ..... 220

Левчук Л.К.
НАЦИОНАЛЬНЫЕ МЕНТАЛИТЕТЫ РУССКИХ И АМЕРИКАНЦЕВ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕРМИНОВ КОНСТИТУЦИЙ РФ И США)..... 226

Маханова Г.Е.
СЕМАНТИКА ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОСТИ
В СОДЕРЖАНИИ КОНЦЕПТА «СКУКА» 232

Нечаева Н.А.
СПЕЦИФИКА ЭКОНОМИЧЕСКИ КОРРЕКТНОГО ДИСКУРСА 235

Петрова А.В.
ПЕРЦЕПТИВНЫЕ ГЛАГОЛЫ В ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ
(НА ПРИМЕРАХ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ Ф.И. ТЮТЧЕВА) 242

Пономаренко Е.В.
О ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ НЕЛИНЕЙНОСТИ АНГЛИЙСКОГО
ЯЗЫКА И ДИСКУРСА 248

Сафина А.Р.
КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ, РЕАЛИЗУЕМЫЕ
ПРИ ЭКСПЛИКАЦИИ ЭПИСТЕМИЧЕСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ
В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ 255

Филичкина Т.П.
ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ МОДАЛЬНОСТЬ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ
В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ 260

Червяков А.А.
О МОДАЛЬНОСТИ ПЕРСУАЗИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ
В СОВРЕМЕННОМ АГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ 265

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Асташова Н.А., Волкова М.Г.
ДИАЛОГ УЧИТЕЛЯ И УЧЕНИКОВ В ПРОСТРАНСТВЕ
ИСКУССТВА КАК УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЭСТЕТИЧЕСКОГО
ОТНОШЕНИЯ К МИРУ 270

Ретивых М.В., Пересыпко А.Г.
ПРОФОРИЕНТАЦИОННЫЕ ТВОРЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ КАК
СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ У СТАРШЕКЛАССНИКОВ
ГОТОВНОСТИ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ САМООПРЕДЕЛЕНИЮ .. 276

Сидорина М.С., Чухачева Е.В.
РОЛЬ КЕЙС-ТЕХНОЛОГИЙ В ПОДГОТОВКЕ БУДУЩИХ
ПЕДАГОГОВ К ОВЛАДЕНИЮ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМИ
КОМПЕТЕНЦИЯМИ 282

Тонких А.П.
ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В КУРСЕ ОБУЧЕНИЯ
МАТЕМАТИКЕ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ:
КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД 286

Vol.2 – No.32

Scientific peer-reviewed journal

May

The Bryansk State University Herald

The founder – Federal State Budget Educational Institutional of Higher Educational «Bryansk State Academician I.G. Petrovsky University»

The Bryansk State University Herald. № 2 (32) 2017: historical sciences and archaeology/ science of literature / linguistics/ pedagogical science. Bryansk: RIO BSU, 2017. 296p.

Chairman of editorial board:
Antyukhov Andrey Viktorovich - Rector, Doctor of Philological Sciences, Professor, Bryansk State Academician I.G. Petrovsky University.

Chief editor:
Stepchenko Tatyana Alexandrovna - Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Vice rector for research activity and international relations, Bryansk State Academician I.G. Petrovsky University.

Executive secretary:
Melnikov Igor Vladimirovich - Candidate of Biological Sciences, Associate Professor, chief of publishing department, Bryansk State Academician I.G. Petrovsky University.

Editorial board:
Artamoshin S.V. - Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of the History and International Relations faculty, BSU (research area: historical sciences and archaeology);

Astashova N.A. - Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Pedagogy department, BSU (research area: pedagogical science, Subject Expert with the Editorial Board);

Bikkulova I.A. - Candidate of Philological Sciences, Professor, Dean of the Philology faculty, BSU (research area: science of literature);

Bloch M. Ya. - Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of English Grammar department, MPSU (research area: linguistics);

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

Alekseichikova N.N.
THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA AS A SOURCE OF INFORMATION ABOUT MATRIMONIAL BEHAVIOR OF INHABITANT OF THE BELARUSIAN LANDS IN THE 16TH CENTURY 11

Antyukhova E.A.
THE US POLICY IN THE MIDDLE EAST REGION AND RELATIONSHIPS WITH THE NATO ALLIES DURING THE FIRST BOARD OF THE REPUBLICAN ADMINISTRATION OF J. BUSH JR..... 20

Antyukhova E.A., Nelidov V.V., Rustamova L.R., Sereda M.A., Chernogorodova V.S. Iutiaeva I.R.
TRANSBOUNDARY THREATS IN POST-CONFLICT PEACEMAKING 27

Aiupova N.I.
THE MAIN ACTIVITIES OF THE FOREIGN MINISTRY OF THE REPUBLIK OF TURKEY ON THE DEVELOPMENT OF RELATIONS WITH THE FEDERAL REPUBLIK OF GERMANY (2009-2014) 34

Berezin A.A.
TO THE PROBLEM OF PRESERVING MONUMENTS OF SHIPPING.... 41

Vorobyev D.N.
«THE RACE FIRST»: THE BLACK NATIONALISM OF MARCUS GARVEY 47

Gorlova N.I.
THE HISTORICAL PERIODS OF EVOLUTION OLYMPIC VOLUNTEERING 55

Dolgova V.N.
THE PROBLEM OF EDUCATION OF THE RUSSIAN PROVINCIAL NOBILITY OF THE 18th CENTURY IN THE ESTIMATION OF THE CONTEMPORARIES (IN THE MEMORIAL LITERATURE AND FICTION) 60

Dubrovskii A.M.
RUSSIAN-TURKISH RELATIONS IN THE BEGINNING OF XVIII CENTURY 67

Zalepeev V. N.
GERMAN-SOVIET ECONOMIC RELATIONS AT THE TIME OF THE GREAT DEPRESSION OF 1929-1933..... 73

Zinoviev G. A.
ACTIVITY OF COURTS IN NORTH OSSETIAN AUTONOMOUS OBLAST (NOAO) (1924-1929) 78

The journal is included into the List of the leading reviewed scientific journals in which the main scientific results of theses on a competition of academic degrees of the doctor and candidate of science on the following branches and groups of scientific specialties have to be published: 07.00.00 – historical sciences and archeology; 10.01.00 – science of literature; 10.02.00 – linguistics; 13.00.00 – pedagogical sciences.

Blumenau S.F. - Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the department of General History, International Relations and International Law, BSU (research area: historical sciences and archaeology);

Boguslavsky M.V. - Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the laboratory, Institute of the theory and history of pedagogics of RAE (research area: pedagogical science);

Vasilenko A.P. **-** Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the French Language department, BSU (research area: linguistics);

Gekhtlyar S. Ya. - Doctor of Philological Sciences, Professor, Professor of Department of Russian, foreign literatures and journalism, BSU (research area: linguistics);

Gribanova L.V. - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Russian Language, BSU (research area: linguistics);

Demidova T.E. **-** Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the department of theoretical studies in methodology of primary and musical education, BSU (research area: pedagogical science);

Dzhambov I. - Doctor of Historical Sciences, Plovdiv university of Paisiya Hilendarsky, Bulgaria (research area: historical sciences and archaeology);

Dubrovsky A.M. - Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of Department of General History, International Relations and International Law, BSU (research area: historical sciences and archaeology);

Evteev S.V. - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the department of German Language, MGIMO (research area: linguistics);

Kurpniyetsa R.O. - Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of Rusistiki and Slavic philology, Latvian university, Latvia (research area: linguistics);

Lanin B.A. - Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the laboratory of literature, Institute of contents and methods of training of RAE (research area: science of literature);

Martemyanova E.O.
HISTORIOGRAPHY OF THE PROVINCIAL ASSEMBLIES IN THE OLD REGIME FRANCE (1856-2016)..... 85

Moroz I.A.
THE PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF TRADE NETWORK IN THE USSR IN 1950-60 YEARS 92

Prilutskiy V. V.
MORMON POLIGAMY IN UTAH AND THE WESTERN TERRITORIES OF THE UNITED STATES (1850-1890-S) 96

Ranchinskiy V.P.
DISINTEGRATION OF THE RUSSIAN AND OTTOMAN EMPIRES: SIMILARITIES AND CONTRASTS..... 101

Seliverstov D.M.
THE FORMATION OF THE IMAGE OF WAR AND THE ENEMY IN BRITISH SOCIETY PRE-WAR ERA..... 107

Troshina D.V.
MARRIAGE LEGISLATION IN THE RUSSIAN EMPIRE AND IN THE GERMAN EMPIRE AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY:COMPARATIVE ANALYSIS..... 111

Chernilovsky A.A.
THE PREDICTING OF THE FUTURE WAR IN THE 1930-IES: ON THE MATERIALS OF ENGLISH, FRENCH AND JAPANESE MILITARY-THEORETICAL WORKS PUBLISHED IN THE USSR..... 115

Yakutin A.V.
CONFESSIONAL POLICY OF THE NAZI OCCUPATION AUTHORITIES IN THE OCCUPIED REGIONS OF SMOLENSK IN 1941-1943 121

SCIENCE OF LITERATURE

Antyukhov A.V., Sharavin A.V.
FROM THE GERMAN-AUSTRIAN SAMPLES TO THE EMBODIMENT OF THE SLAVIC WORLDVIEW IN THE BALLADS BY A.K. TOLSTOY... 125

Gong Q.Q.
THE GAME AS A MOTIVE AND COMPOSITIONAL PRINCIPLE IN V.S. MAKANIN'S STORY "OUTLET"..... 133

Demiral H.
"ANTITHESIS" TALENT-GENIUS IN THE NOVEL OF V. S. MAKANIN "THE PORTRAIT AND AROUND IT" 140

Kovalev P.A.
STANZAIC FORM IN BYRON'S LYRIC POETRY 145

Kolobov V.V.
CONFORMITY OF THE MAGAZINE "NEW WORLD" TVARDOVSKY: MYTH OR REALITY (BASED ON THE DIARY OF A.V. ZHIGULIN)..... 151

Nikitina I.N.
"EASY POETRY" OF M.N. MURAVYEV IN THE ESTHETIC CONCEPT OF PREROMANTISM 157

Mikrut L. - Doctor of Philological Sciences, University of Maria Skladovsky-Curie, Lublin, Poland (research area: science of literature);

Mikhalchenko S.I. - Doctor of Historical Sciences, Professor, director of research institute of basic and applied researches, BSU (research area: historical sciences and archaeology, Subject Expert with the Editorial Board);

Retivykh M.V. - Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of department of the theory and technique of professional and technological education, BSU (research area: pedagogical science, Subject Expert with the Editorial Board);

Rossikhina G.N. - Candidate of Philological Sciences, Professor, Dean of the faculty of Foreign Languages, BSU (research area: linguistics, Subject Expert with the Editorial Board);

Chugunova S.A. - Doctor of Philological Sciences, Professor, Professor of department of the theory of English and theory of translation, BSU (research area: linguistics);

Sharavin A.V. - Doctor of Philological Sciences, Professor, deputy director of an institute of philology, history and world politics for scientific activity, BSU (research area: science of literature, Subject Expert with the Editorial Board);

Yadvirshis L.A. - Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of department of pedagogics and social education, BSU (research area: pedagogical science).

In this issue of the journal "The Bryansk State University Herald" materials of scientists in the main directions of researches are presented, it is intended for scientists, teachers, graduate students and students.

Materials of articles are printed in author's edition.

Index 40705 of general catalog «Press of Russia»

Startseva I.L, Khasanova G.F.
TYPE WAR A BROKEN MAN IN MILITARY PROSE OF THE LATE 1950S – MID-1980-IES 162

Shtygasheva O.G.
THE PHENOMENON OF URBANE TEXT IN THE NOVEL “SYNDROME OF PETRUSHKA” BY D. RUBINA..... 167

LINGUISTICS

Asratyan Z.D.
THE ROLE OF THE TITLE IN A WORK OF ENGLISH FICTION 172

Borisova I.Z.
IMAGE ETHNIC GROUPS IN THE LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD OF THE SAKHA 176

Grishechkina A.M., Skachkova L.V.
ANALYSIS OF THE RATIO «WORD/PHRASEOLOGICAL UNIT» WHEN STUDYING THE STYLE PLAN OF THE AUTHOR AND TRANSLATOR (ON THE EXAMPLE OF THE FRENCH NOVEL OF A. CAMUS «PLAGUE» AND HIS TRANSLATION INTO RUSSIAN)..... 184

Denisova I.V.
SOME HISTORICAL ASPECTS OF ORIGIN AND DEVELOPMENT OF ENGLISH TERMINOLOGICAL SYSTEM IN THE FIELD OF CARS AND CAR BUILDING 189

Druzhinin A.S.
METHODS OF COGNITIVE SEMANTICS IN ENGLISH TENSES INSTRUCTION 193

Evteev S.V., Latyshev L.K.
TEXT TYPES AND THEIR FUNCTIONAL CONTENT 198

Ershov D.I.
TEACHING VIETNAMESE STUDENTS DIACHRONIC LEXIS WHILE FORMING THEIR ENGLISH LEXICAL COMPETENCE 203

Kovalenko G.F.
THE FRACTAL SELF-ORGANIZATION MODEL OF STYLISTIC CONVERGENCE SPACE AS AN ICON SIGN 214

Kudryavtseva P.B.
KEYWORD IN MODERN RHETORIC TEXTBOOKS 220

Levchuk L.K.
NATIONAL MENTALITIES OF RUSSIAN AND AMERICAN (BASED ON THE MATERIAL OF THE RUSSIAN FEDERATION’S AND THE USA’s CONSTITUTIONS)..... 226

Makhanova G.E.
SEMANTICS OF THE EXISTENTIALITY OF THE CONCEPT "BOREDOM"..... 232

Nechaeva N.A.
SPECIFICITY OF ECONOMICALLY CORRECT DISCOURSE 235

Petrova A.V.
PERCEPTIVE VERBS IN THE POETIC DISCOURSE (POETIC TEXTS BY TUTCHEV F.I. AS EXAMPLES-BASED) 242

Ponomarenko E.V.
ON FUNCTIONAL NON-LINEARITY OF ENGLISH
LANGUAGE AND DISCOURSE 248

Safina A.R.
COMMUNICATIVE STRATEGIES AND TACTICS REALIZED
IN EXPLICATING EPISTEMIC MODALITY
IN THE ENGLISH LANGUAGE 255

Filichkina T.P.
IDEOLOGICAL MODALITY OF IDIOMS IN ENGLISH LANGUAGE
POLITICAL DISCOURSE 260

Chervyakov A.A.
ON MODALITY OF PERSUASIVE CONSTRUCTIONS
IN MODERN ENGLISH 265

PEDAGOGICAL SCIENCES

Astashova N.A., Volkova M.G.
THE DIALOGUE OF TEACHERS AND STUDENTS IN THE FIELD
OF ART AS THE CONDITION FOR THE FORMATION
OF AESTHETIC RELATIONSHIP TO THE WORLD 270

Retivykh M.V., Peresypko A.G.
CAREER-ORIENTED CREATIVE PROJECTS AS A MEANS
OF FORMATION OF STUDENTS READINESS TO PROFESSIONAL
SELF-DETERMINATION 276

Sidorina, M.S., Suhacheva E.V.
CASE-TECHNOLOGIES IN TRAINING FUTURE TEACHERS
TO ACQUIRE PROFESSIONAL COMPETENCES 282

Tonkikh A.P.
PROJECT ACTIVITY IN THE COURSE OF TRAINING
THE MATHEMATICS OF THE FUTURE TEACHER OF THE INITIAL
CLASSES: A COMPETENT APPROACH 286

УДК 94(476)

МЕТРИКА ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО КАК ИСТОЧНИК ПО МАТРИМОНИАЛЬНОМУ ПОВЕДЕНИЮ ЖИТЕЛЕЙ БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ В XVI в.

Алексейчикова Н.Н.

Статья направлена на изучение материалов XVI в., содержащихся в Метрике Великого княжества Литовского. Анализ позволил выделить следующие виды документов, характеризующих матримониальное поведение жителей белорусских земель: 1) акты о закладе в долг за деньги недвижимости; 2) документы об отзыве уже переданного новому владельцу недвижимого имущества; 3) документы о купле-продаже объектов собственности; 4) документы о введении во владение; 5) завещания; 6) документы, связанные с дарением объектов недвижимости; 7) документы, связанные с усыновлением; 8) бракоразводные записи. Данный вид документов является важнейшим источником позволяющим исследовать: 1) имущественные взаимоотношения, возникавшие между различными категориями родственников; 2) права и обязанности членов семьи, обусловленные имущественными взаимоотношениями; 3) пролить свет на межличностные взаимоотношения, складывавшиеся в семьях жителей белорусских земель в XVI в. Метрика Великого княжества Литовского содержит богатый фактический материал, позволяющий изучить различные стороны семейной жизни жителей белорусских земель в XVI в.
Ключевые слова: матримониальное поведение жителей белорусских земель, имущественные отношения, межличностные отношения, Метрика Великого княжества Литовского.

THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA AS A SOURCE OF INFORMATION ABOUT MATRIMONIAL BEHAVIOR OF INHABITANT OF THE BELARUSIAN LANDS IN THE 16TH CENTURY

Alekseichikova N.N.

The paper is concerned with the study of the materials of the 16th century contained in the parish vital records of the Grand Duchy of Lithuania. The analysis results allowed us to identify the following documents, which describe matrimonial behavior of inhabitant of the Belarusian lands: 1) acts of real estate mortgage; 2) documents on the recall of the real estate already transferred to a new owner; 3) documents on sale and purchase of property; 4) ownership documents; 5) wills; 6) documents related to the donation of real estate; 7) documents related to adoption; 8) divorce records. This type of documentation is an important source which allows us to study: 1) property relations arising between different categories of relatives; 2) rights and duties of family members conditioned by property relations; 3) interpersonal relationships in the families of the inhabitants of the Belarusian lands in the 16th century. The parish vital records of the Grand Duchy of Lithuania contain rich factual material which helps us to study various aspects of family life of the inhabitants of the Belarusian lands in the 16th century.
Keywords: matrimonial behavior of inhabitant of the Belarusian lands, property relations, interpersonal relations, parish vital records of the Grand Duchy of Lithuania.

Метрика ВКЛ является одним из важнейших источников, характеризующих различные аспекты исторического прошлого белорусских земель. Изучению Метрики ВКЛ уделяется довольно пристальное внимание. Уже в XIX в. данный памятник привлек внимание исследователей. В частности Пташицкий С. не только осуществил работу по составлению описи Метрики ВКЛ, но и снабдил ее исследованием, в котором получили освящение вопросы формирования ее фонда [7, с. 16], вопросам происхождения данного исторического источника посвящены работы М. К. Любавского и Н. Г. Бережкова [4, 15]. Активная работа по изучению Метрики ВКЛ как исторического источника, а также по введению в научный оборот путем издания осуществляется и сегодня такими исследователями как В.С. Менжинский [18, 19, 41], Метельский А.А. [21], Д. Антановичус [40], А. Балюлис [37], Л. Анужите [38]. Хорошкевич А.Л. обращается к вопросам состава Метрики ВКЛ и путях ее формирования [14, 15]. Принцип комплектования книг Метрики, проблема их сохранности, функции – вот далеко не полный перечень вопросов получивших освящение в труде белорусского исследователя А.И. Гурши [8, с. 265–278].

Имеется также целый ряд работ, в которых Метрика ВКЛ выступает в качестве источника. В частности, опираясь на целый ряд источников, в том числе и материалы, содержащиеся в Метрике ВКЛ, белорусские ученые занимаются изучением отдельных аспектов судебной системы и деятельности канцелярий Великого княжества Литовского (П. Старостина, Груша А.И., А. Рыбаков) [9, 25, 29], обращаются к проблеме шляхетского землевладения (С. В. Менжинский, О. Дернович) [22], рассматривают вопросы внешней политики (О. Дернович) и т.д. [10].

Дореволюционная и советская историография не уделяла пристального внимания вопросам матримониального поведения, хотя к различным аспектам данной проблематики обращают в своих трудах этнографы (М.В. Довнар-Запольский, Б.А. Романов, М.Ф. Дембовецкий, А. Ефименко, Н.М. Никольский, М.Ф. Пилипенко, Г.П. Козловский) [7, с. 255, 259, 273, 267; 12, 22, 23, 24] и правоведы (И.А. Юхо, А. Товтолес) [31, 34], в 90-е годы XX века обращаются в проблеме воспитания подрастающего поколения в белорусской семье педагоги (Г.П. Орлова, Л.В. Ракова и В.С. Болбас, И.И. Калачова) [2, 5, 11]. В последнее время данная тематика, все больше и больше стала предметом исследований ученых. Так к изучению истории семьи представителей шляхетского сословия обращаются в своих трудах Н. Слиж, Л.Я. Климуть, Н. С. Гордиенко, А.А. Скепьян [6, 12, 27, 28, 29]. И. А. Марзалюк, Н. Алексейчикова обращаются в своих работах к проблеме матримониального поведения горожан [1, 17, 18]. Различные аспекты семейной жизни белорусов начиная с XVI и заканчивая XX веком проанализированы в многотомном издании «Беларусы» «Сям'я», а также труде Лобача В.А. [3, 14]. В тоже время стоит отметить, что материалы, содержащиеся в Метрике Великого княжества Литовского либо вообще не привлекаются в качестве источника, либо это наблюдается в незначительной степени. Данная статья является попыткой анализа Метрики Великого княжества Литовского в качестве источника по истории семьи, семейных отношений и матримониального поведения наших предков, а также призвана показать важность данного памятника для всестороннего изучения матримониальности представителей различных сословий.

Метрика ВКЛ содержит богатейший материал, отражающий матримониальное поведение жителей белорусских земель в XVI в. Метрика включает весьма важные сведения об имущественных взаимоотношения в семье. Хотя стоит отметить, что Метрика содержит документы, характеризующие имущественные права белорусского мещанства. Изучение данного вида источников, позволило выделить следующие виды документов: 1) акты о закладе в долг за деньги недвижимости; 2) документы об отзыве уже переданного новому владельцу недвижимого имущества; 3) документы о купле-продаже объектов собственности;4) документы о введении во владение; 5) документы, связанные с дарением объектов недвижимости; 6) завещания; 7) запись вена; 8) документы, регулирующие имущественные взаимоотношения между разведенными супругами.

1. Акты о закладе в долг за деньги недвижимости.

Это весьма распространенный вид документов. Подобного вида следки заключались между различными категориями родственников: супругами (в 1556 г. Станислав Андреевич Чиж составил документ, следующего содержания: *«ку своей потребе позычивши у ее милости пани Федоры, малъжонки своее, властных пенезей ее милости готовых чотырнадцать сот копъ грошей литовъское личбы и выдавши тую суму на властьные свои потребы, а не маючи чымъ тое сумы чотырнадцать сотъ копъ грошей ей милдости малъжонце своей заплатити, описалъ ей милости особливым листомъ своимъ у тых чаторнадъцать сотъ копах грошей две части тых же именей своих отчизных, материзных, и тежъ выслужоных и купленных отъ небожчыка отца его в повете Новгородъскомъ…»* [20, с. 72]), между родителями и детьми, ведущими отдельное хозяйство (*«постановивъшеся очевисто земянъка его королевъской милости Зофея Яковъна Матеевича Таличанъка, оповедала и сознала <…> именемъ своимъ, и именемъ мужа своего Михайла Себестыяновича Шемъбеля. О томъ, ижъ две части всихъ именей своих отчизных и дедизных, властъныхъ, которые правомъ прирожонымъ по отъцу ее небожчыку Яну Матеевичу Тельцы спали <…> зоставила земенину господарьскому Станиславу Миколаевичу Рокицкому и жоне его, матъце своей, Барьбаре Марътиновне, и детемъ, и потомъкомъ ихъ у певъной суме пенезей <…> Маеть панъ Станиславъ, жона и дети их во въсих тых именъях две части деръжати и их уживати, поки мы (София Яковна и Михаил Себестьянович – А.Н.) сами або близкие наши тую суму пенезей <…> сполна отъдадим…»* [20, с. 105–107]). Как видим, анализ Метрики ВКЛ дает возможность охарактеризовать имущественные отношения, складывавшие в шляхетской семье, также исследовать права родственников в отношении различных объектов недвижимой собственности: *«дворенинъ нашъ Степан Янович Сопега и жъ жоною своею Богданою, оповедили и вызнали то, ижъ которую частьфол-*

варка своего под Городномъ, над Маръковскимъ перевозомъ, уступилъ он первей сего в руки заставою у пенезях маршалъку и писару нашому <…> пану Остафью Богдановичу Воловичу….» (шляхта, 1555 г.) [20, с. 51]. В данном случае, можно утверждать, что имущество, оставленное в качестве залога, принадлежало обоим супругам, поскольку Степан Янович Сапега выступает и от своего имени и от имени своей жены. И они как собственники данной недвижимости, обладая правом распоряжаться им по своему усмотрению, оставили его в залог. Как показывает исследование источников, в некоторых семьях у каждого из супругов было свое личное, принадлежащее только ему имущество.

Некоторые из вышеозначенных документов позволяют рассмотреть взаимоотношения между родителями и детьми: *«дворенинъ <…> Михайло Макаровичъ, оповедалъ и доброволне то созналъ, ижъ што который сынъ его Иванъ, держачи урадъ отъ пана Остафья Воловича, маршалка и писара господаръского <…> осталъ виненъ его милости на личбе до скарбу его королевское милости пенезей господарсъских полъторасто копъ грошей. Где жъ дей пан Остафей за просьбою его пятдесят копъ грошей с тых пенезей выпустити рачилъ и самъ ся перенялъ до скарбу его королевское милости платити. А сто копъ грошей маеть панъ Михайло Мокарович пану Остафью заплатит на часъ и рокъ певный <…> А естли бы на тотъ рокъ оных пенезей ста копъ грошей его милости пану Остафью не заплатилъ, тогды маеть в той суме пенезеи панъ Остафей увезатис в ыменье его Понерлицу…»* (шляхта, 1555 г.) [20, с. 59–61]. Здесь мы видим, что отец берет на себя долговые обязательства взрослого сына. Свидетельством чего является тот факт, что он был вызван в суд без представителей, как это должно было быть, если бы речь шла о несовершеннолетнем ребенке. Кроме того, приведенный выше текст позволяет предположить, что Иван не был отделен от отца, иначе бы долг был взыскан с имущества.

2. Документы об отзыве уже переданного новому владельцу недвижимого имущества.

Данный вид актов связан с неправомерной передачей в залог, или продажей недвижимого имущества одним из родственников: *«жаловалъ перед нами мещанинъ мерецкий Стаско Онопъкович на мещанку жъ мерецкую Дороту Кгойлевую о томъ, «што жъ, дей, она продала мне з дочъками своими: с Катерыною и з Зофиею, подворье в места <…> то паъ, дей, муж ее Кговен мене с того подворъя теперь выганяеть» <…> и тотъ Когвен, стоячы очевисте передо мною, поведилъ тымъ обычаемъ: «Я, дей, ходилъ по людемъ, кормил ся и тепер есьми пришолъ до Меречы, а тое подворье есть купля моя властная…» <…> И мы, тому зрозумевшы, иж жона не моцна мужнего именья або подворья отчызного ани купли, кгды муж жывъ, продавати, и сказали есьмо тому Кгоилю пятьдесять и пять грошей отдати, а подворье свое взятии…»* (мещане, 1531 г.) [35, с. 117–118]; *«жаловала перед нами боярыня господарская волости Ошменское Якубовая Дорота з дочками и з зятем своим на Левка, боярына господарского, о землю, отъчызну мужа своего. И Левко поведилъ, иж тую землю купилъ предокъ его у мужа ее Якуба, яко жъ и лист покладалъ купчый <…> господар, его милость, рачылъ тому Левъку пенези свои у тое Якубовое казати взятии, а тое земли ей поступити…»* (шляхта, 1528 г.) [35, с. 63]. Как видим, сделки были признаны недействительными. В первом случае это обусловлено тем, что замужняя женщина вообще не имеет права осуществлять подобного рода следки в отношении недвижимости, принадлежащей ее мужу, не зависимо от правового статуса последней. Во втором – потому, что были ущемлены права наследников, т.к. следка была осуществлена без их ведома.

Таким образом, данный вид документов позволяет охарактеризовать права различных категорий родственников в отношении недвижимого имущества с разным правовым статусом.

3. Документы о купле-продаже объектов собственности.

В XVI–XVIII вв. заключали сделки по купле-продаже движимого и недвижимого имущества. К данному виду документов относятся различного вида сделки по купле-продаже объектов собственности, совершаемые между родственниками: *«я, Зофея <...> з мужомъ моимъ, Михаиломъ Себестыяновичомъ Шемъбелемъ, кромъ жадного припуженья они с чией намовы, лечъ сами з доброй воли, тых всих именей отчизных вышейписаных, тое естъ: у Линъкове и въ Малой Линъковъце <...> што мне досталося по небожъчику отъцу моемъ, тыъ всихъ именей третюю часть, яко ся в собе маеть, не оставуючи на себе и на потомки свои продали есмо пану Станиславу Рокицкому и жоне его, матъце нашой, паней Барбаре Марътиновъне…»* (1559 г.) [20, с. 108]. Сюда же относятся документы,

связанные со следками по купле-продаже недвижимого имущества третьим лицам, т.е. не членам семьи и не родственникам: *«Билъ намъ чломъ войтъ места нашого Киевъского Семенъ Мелешъкович и поведилъ передъ нами. Ижъ он купилъ собе на вечность у земянъ повету Киевъского на ймя Богдана Степановича Дубъляньского и в сестры его Феди Золотушинъны землю их властную отъчизную А у <...> Льва Ивановича Волъковича и жоны его Марины Борисовъны землю их ластъную, выслугу отъца их Ивана Волковича…»* (1558) [20, с. 97]. Этот вид документов, позволяет охарактеризовать имущественные отношения между родственниками: кто является собственником того или иного имущества и какими правами обладает вследствие этого. Как видим, в приведенном отрывке речь идет о различных категориях собственников, находящихся в родственных связях: брата и сестры и мужа и жены. К сожалению, остается неясным, почему Лев и Марина выступают как сособственники ведь речь идет о земле полученной за службу отцом Льва.

4. Документы о введении во владение.

Весьма распространенный вид документов в Метрике ВКЛ, тесно связанный с наследственным правом: *«Били нам чоломъ бояре наши <...> Янъ, Миколай а Войтех Семашковичи и поведели передъ нами. Ижъ бояринъ повету Ковенского на ймя Томашъ Станиславовичъ продалъ навечность небожъчику отцу их Семашку Серейковичу землю, чоловека своего, у воловсти Виленьской у Жосетейской подле Кросты – речъки <...> за десять копъ крошей личбы и монеты литовъское. <...> Ино мы, бачечи в той прозбе их быти речъ слушную, з ласки нашое господарьское на чоломъбитье их то есьмо вчинили: И кгдыжъ будутъ тыи земли их купленые вышеймененые здавна на служъбу шляхетскую деръжаны были, а оный бояринъ нашъ Томашъ Станисълавовичъ яко власъность свою кгрунтъ именья своего за волность шляхетскую то имъ навечность продалъ, при тых землях, купли отъца их зоставуемъ, и то имъ подтверъждаемъ…»* (1558 г.) [20, с. 87–88]. В данном случае необходимость введения во владение была обусловлена тем, что проданное имущество находилось в пожизненном пользовании за несение службы, а значит не должно было отчуждаться и передаваться по наследству. В связи с тем, что здесь речь идет о приобретении недвижимости не только самими Яном, Николаем и Войтехом Семашковичами, но и их отцом, Семашко Серейковичем, то это позволяет утверждать, что последний скорее всего уже умер, и они претендуют на то, чтобы приобретенное имущество было закреплено за ними как за наследниками.

Кроме того, представители шляхетского сословия передавали недвижимое имущество в пользу третьих лиц на условиях несения службы: *«Билъ намъ чоломъ дворанинъ нашъ Каленикъ Люпъко Ходычичъ и поведилъ перед нами, ижъ отецъ его Ходыка выслужилъ на наместнику полоцъкомъ небощику пану Юрю Пацовичу и его жоне кнегини Зофеи именье на имя дворецъ Еленьскии, на штожъ они и листъ свои ему дали, <...> вечъность, и такъ в листе своемъ выписали: естли бы небожъчикъ панъ Юри с тою панею своею, жоною своею панею Зофеею, дети мелъ, тогды тотъ Ходыка и его жона, и ихъ дети, мели имъ самымъ и ихъ детемъ служити, пак ли жъ бы панъ Юреи детей с панею своею плоду не мелъ, тогды Ходыка и его жона, и ихъ дети, вольни кому хотя с тымъ именьемъ служити <...> и билъ намъ чоломъ, абыхъмо на то дали ему нашъ листъ. Ино мы, того листа ихъ небожъчика пана Юрева и жоны его панее Зофеи выслухавъши, з ласки нашое, на его чоломъбитье, то вчинили...»* [41, с. 124]. В данном случае мы сталкиваемся с тем, что супружеская пара составила завещание в пользу одного из своих подчиненных, Ходыка. Таким образом, наследнику Ходыки, потребовалось получить соответствующие документы, гарантировавшие его право пожизненного пользования переданным имуществом.

Документы-интрамисии также составлялись, когда должник не возвращал долг в оговоренный в договоре срок, а в качестве залога выступало какое-либо недвижимое имущество. Так в 1556 г. Станислав Андреевич Чиж составил документ, следующего содержания: *«ку своей потребе позычивши у ее милости пани Федоры, малъжонки своее, властных пенезей ее милости готовых чотырнадцать сот копъ грошей литовъское личбы и выдавши тую суму на властьные свои потребы, а не маючи чымъ тое сумы чотырнадцать сотъ копъ грошей ей милдости малъжонце своей заплатити, описалъ ей милости особливым листомъ своимъ у тых чаторнадъцать сотъ копах грошей две части тых же именей своих отчизных, материзных, и тежъ выслужоных и купленных отъ небожчыка отца его в повете*

Новгородъскомъ…» [20, с. 72]. В данном случае в качестве кредитора выступала «пани Федора», жена должника[1]. Таким образом, анализ подобного рода источников позволяет судить о материальном благополучии семьи, об имущественных взаимоотношениях, которые временами в ней складывались, а также являться косвенным свидетельством положения, которое занимала женщина в семье, представителей шляхетского сословия.

К данному виду, документов также можно отнести и запись вена. Процедура венования была важным этапом при заключении брака, т.к. в случае смерти супруга, являлась материальным обеспечением женщины-вдовы. Наряду с приданным оговаривался вопрос о вене для будущей жены: *«<…>пан Криштофъ Радивил оповедал <…> понявши за себе в стан малженскии дочку старосты варшавского и солецкого, небощика пана Криштофа Собка <…> панну Ганну <…> а взявши по неи посагу готовыми грошми и у выправе певную суму, против того за листовымъ позволеньемъ вперод речоного воеводы виленского, отца своего, вено и оправу тои малжонце своеи панеи Ганне Собковне на замку, дворе и месте <…> записал и учинил…»* (шляхта) [42, с. 268]; *«Я, княз Михаило Ивановичъ Юревича Жославъскии и Мстиславъскии, чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ, <…> Вмысливъши есмо водлугъ справы Великого Князства Литовъского и Статуту земъского <…> я, маючи к собе кнегиню мою добре врожоную шляхетную кнегиню Василису Ивановну Юревича Голшаньскую, а такъ з дому высокого взятую с посагомъ знакомитымъ, а я, напротивъку посагу ее, веную и записую выслугу мою, <…> даю и записую кнегини моеи, кнегини Василисе, до живота ее, а по животе кнегини моее мають сынове мои напротивъку посагу кнегини моее дати тисячу копъ грошеи широкихъ ческое монеты, кому кнегиня моя Василиса отпишет <…> И к тому тежъ дарую и записую кнегини моеи Василисе дворецъ мои купленыи на имя Сырмяжъ со всимъ вечно и непорушно, такъ широко и округло, какъ ся в собе с стародавна и въ своихъ границахъ ся мають. Волна она тот дворецъ Сырмяжъ отдати и продати, и на церковъ записати, розширити и прибавити, и к своему лепъшому и вжиточъному обернута, какъ ся ей налепеи увидить…»* (шляхта, 1524 г.) [41, с. 93]. Муж записывал своей жене вено примерно такого же размера как получал за ней приданное, о чем, на мой взгляд, свидетельствуют слова «напротивку посагу ее». При желании он мог наделить свою супругу веном, превышающим размер ее внесения, однако, вено ни в коем случае не должно было превышать ⅓ недвижимого имущества, о чем речь пойдет ниже. После составления данного документа данное имущество принадлежало женщине, свидетельством чего на наш взгляд, являлся тот факт, что муж без ее согласия не имел право распоряжаться им по своему усмотрению: *«Жаловала перед нами боярыни господарская Михайловая Юршычъ Оршуля на Михала Шымъковича Кибортовича <…> иж взялъ жону, дочъку пани Михайловое Юршычъ Ганну, и веновалъ ее трымасты копами грошей, и заплатил на ймeньи своем, на Свядску <…> И мовила пани Михайловая: «Иж, дей, онъ тую трыста копъ грошей жоне своей, дочъце моей <…> записалъ перъвей, нижли кому инъшому, и тепер тое именье хочеть завести в долъгох своихъ <…>» Господар, его милость, рачылъ на томъ именьи, на Свядску, жону его <…> зоставити. Не маеть Михайло Шымъковичъ Кирботовичъ того именья <…> никому ни заставляти, ани продовати, ани у долгох заводити без воли жоны…»* [39, с. 81 – 82].

Таким образом, документы, связанные с введением во владение, позволяют нам охарактеризовать имущественное положение семьи, рассмотреть имущественные взаимоотношения, которые временами складывались между различными категориями родственников, а также их имущественные права.

5. Завещания.

Завещания являются важным источником для характеристики семьи жителей ВКЛ. Текст завещаний позволяет не только установить, каково было материальное состояние завещателя, каким образом решался вопрос о возвращении долгов, если таковые оставались к моменту смерти, кто выступал в качестве основных наследников, охарактеризовать имущественные взаимоотношения между супругами и т.д. Кроме того, данный вид документов позволяет охарактеризовать и саму семью: *«я* (пан Ян Михайлович Зеновевич – А.Н.) *розумеючи тому, жемъ тепере профоробу свою естъ близший смерти а нижли на томъ свете здорового помешъкаья живота моего, для того, абы по*

[1] Подобные ситуации были весьма распространенным явлением.

смерти моей малъжонка моя пани Дорота Цыбулская спокойнее подле листовъ моих записных двухъ, которые листы свои я первей сего ей далъ <…> Одинъ листъ на суму пенезей двадъцать сотъ копъ грошей литовъское личбы на именьи моемъ на йма Мосоре и на людех дисенъскихъ зо въсимъ, яко ся тое именье мое Мосоръ и люди дисенъские в собе маеть. Записанную которую суму пенезей я перъвей сего в пани Дороты Цыбулское, еще не понемъши ее за себе в малъженъство, кгды она по смерти пана Станислава Коморовъского, <…> перъвшого мужа своего, вдовою была, ку потребе моей позычилъ и взялъ, и до заплаты тое сумы пенезей тое именье Мосоръ и люди дисенъские ей заставилъ. <…> А другий листъ мой ей, малъжонъце моей, даный на вси речи и статъки мои рухомые <…> я ей далъ и даровал <…> в той суме пенезей, двадъцать сотъ копах грошей литовское личбы штомъ я в нее позычилъ, поки бы тую суму пенезей братья и близкий мой пани Дороте Цыбулской або кому бы то она записала и даровала, отълодать и заплатять, маеть она держати, и тежъ предъсе доживотное мешъканье и вживанье того именья Мосорского и людей дисенъских она, малжонъка моя, хотя по заплате ей тое сумы пенезей <…> водле запису моего до живота своего спокайне мети маеть…» (шляхта, 1555 г.) [20, с. 49–50]. Перед нами показана простая малая семья, представленная бездетной супружеской парой, для женщины это был второй по счету брак. Как у мужа, так и у жены имелось свое личное имущество, свидетельством чему является факт оформления долгового листа Яном Михайловичем Зеновичем. После смерти супруга Дорота Цыбулькина получила право пожизненного проживания и пользования имением, на котором был записан долг ее супруга, причем это право она сохраняла вне зависимости от того выплатят ли другие родственники ее мужа этот долг или нет.

В 1556 г. Андрей Морштыл, державца довкгялишский и борский составил завещание следующего характера: *«За живота моего беру собе за опекуны, которые будуть по животе моемъ добромъ моимъ шофовати, кому будеть што приналежало, его милость велможъного пана Миколая Трубеховского, подкоморего его кролевъской милости, а пана Конъдрата Кнофа. Которымъ я зуполную моц даю, яко нижей а ширей написано. Которые опекунове одинъ без другого не мають ничого чинити, ажъ ободва весполок. <…> Потомъкови моему Анъдрею, естъли му панъ Богъ здовровъе рачи дать, все именье мое стоячое, што навечность которое маю в местъскомъ праве так в Коруне Полской въ Кракове, яко и тутъ в Литве. А естъли бы ему панъ Богъ смерть допустилъ, тогды на близкие мои такъ, яко нижей будеть написано. Малжонъце моей Зофеи Моръштыновой описую суму пенезей на Болниках и Довъкгялишъках, и на Опъсе <…> К тому тежъ ей описую и отъдаваю все клейноту и перстни, золото, серебъро и перълы, шаты, штомъ спадъкомъ з нею взялъ яко отъ отца моего и матки моее властной, такъ тежъ от отъца ее и матки и по штомъ ей посправлялъ будучи ей при мне. Тымъ всимъ дарую вечными часы. И к тому ей записую вси хусты белыи и статокъ довомый яко цыну, медь и все господарство домовое и иные вси рухомые речи якимкольвек могуть быть названы и поменены. Тотъ долгъ, которымъ зосталъ виненъ детямъ небожъчика Еронима Беера водле описанъя моего виннъни будуть опекунове платити <…> не рухаючи ничого именей тых, штомъ первей описалъ малъжонце своей. <…> Описую приятелемъ своимъ <…> по сту чирвоных золотых и по кубъку, и по шате…»* [20, с. 93–94]. В данном случае мы видим простую малую семью, состоящую из мужа, жены и несовершеннолетнего ребенка. Глава семейства является весьма состоятельным человеком. Основным наследником выступает сын завещателя, Андрей. Говорить о том, что мальчик является несовершеннолетним, нам позволяет с одной стороны позволяет факт определения опекунов, с другой – то, что не он как прямой наследник обязан выплатить долги отца, а опекуны. Супруга же получает приданное, которое она внесла в дом супруга, когда вступала в барк и кгераду.

Данный вид документов проливает свет и на эмоциональную сторону взаимоотношений супругов, т.е. позволяют нам судить о межличностных отношениях, которые складывались меду супругами. Жители Великого княжества Литовского, оставляя завещания, благодарили свои вторые половины за любовь, верность, взаимопонимание, поддержку и заботу, которую оказывал одним из супругов в трудную минуту. Так в своем «тестаменте» (1567 г.) княжна Анна Богдановна Путятична пишет: *«Я, Андреевая Петровича Ма-*

салская Анна Богдановна Путятична <…> дознавши ку собе ласку и правдивую милость и великое добродеиство малжонка своего милого его милости князя Андрея Петровича Масалского и хотечи его милости тое добродеиство отдати <…> дарую <…> именя мои отчизные…» [42, с. 157]. Имеются подобного рода завещания и со стороны мужей, которые также оставляют своим женам имущество в благодарность за счастливую семейную жизнь: *«<…> небожчыкъ* (Николай Михнович – прим. А.Н.), *бачачы ку собе повольность жоны своее Альжбъеты, иж его, в летех и в немоцах будучого, почътиве ховаеть и ховала аж до смерти <…> той-то жоне своей Альжбете далъ и даровалъ…»* [18, с. 179]; *«Богдан Кузмич Покалевскии, иж он <…> узнавши по неи, малжонце своеи, великую милость и поволность ку собе, и во всемъ верную а цнотливую милость малженскую и захованье ее справедливое, даю, дарую и записую еи малжонце моеи милои, в ыменю своем Покалеве третюю часть…»* (1556 г.) [42, С. 121].

6. Документы, связанные с дарением объектов недвижимости.

Дарственная матери в пользу дочери и зятя: *«Оповедала мне пани Миколаевая и то доброволне сознала. Што жъ без жадное намовы и принужденья, одъно жъ по своей доброй воли, а дознавъши кус обе здавъна веръные а въставичные службы тое дочки свое пани Якубовое Рейны и зятя своего пана Якуба Красовъского, а намовившися с паномъ малъжонкомъ своимъ, пномъ Миколаемъ Глебовичомъ, даровала и на вечные часы записала ей, дочце своей, по животе своемъ, вышацовавъши со въсихъ именей своихъ менъшей, нижли третюю часть именей своих отъчизных и материстых, которые в моцы и въ руках своих маеть, одъно именье свое отъчизное, никому ничимъ непенъное, дворъ у Верескове…»* (1557 г.) [20, с. 89–91]. Данный документ свидетельствует о том, что Настасья Венцлавовна Немеровна владела на правах собственности частью недвижимости, которая ей досталась по наследству от отца, и имела право по своему усмотрению распоряжаться данным имуществом. В частности, женщина решила подарить его своей дочери и зятю.

7. Документы, связанные с усыновлением.

Материалы, содержащиеся в Метрике Великого княжества Литовского, не только позволяют утверждать, что в XVI в. была распространена практика усыновления, но и рассмотреть саму процедуру усыновления. Для того чтобы произвести усыновление, необходимо было получить, с одной стороны, согласие у представителей местной администрации: *«пишеть у своемъ листе виленъский, староста жомойтъский, панъ Янъ Кезкийлович, ижъ билъ чоломъ его милости чоловекъ господарский Петрашъ, жебы его милость ему дозволилъ того Войтъка Яцковича, близкого своего, за сына место приняти, бо не мялъ тот Петраш отъродъку: ни сына, ани дочъки, и его милость ему дозволилъ того Войтъка Яцковича, братанича своего, приняти у свой домъ…»* [39, с. 30 – 31]; с другой, такое же согласие усыновитель должен был получить со стороны своих родственников, которые в последствии могли стать его наследниками: *«Я* (Богуш Васкович Крупчич – прим. А.Н.) *<…> з вашымъ ведомомъ* (усыновитель со своей женой спросил разрешение на усыновление у мужа сестры его жены – прим. А.Н.) *<…> пана Льва Потеевича, братанича моего, не маючы в себе детей, взялъ есьми его собе за сына место, и посполь з небожчыцою жоною моею то есьмо именье Здитовцы ему даровали и записали яко отчызну…»* [39, с. 158].

8. Бракоразводные записи.

Это довольно редкий вид документов, которые появляются в Метрике. Это обусловлено тем, что данные вопросы находились в юрисдикции церкви, а потому и решение по ним принимали представители духовенства: *«Бил намъ чоломъ бояринъ полоцкии Яцко Сенкович и поведилъ перед нами, ижъ он понял былъ за себе невестъку свою, жону брата своего старшого Михаиловую Сенковича Ульяну, з нею ся венчалъ, и мешъкаючы з нею, детеи прыбыли трех сынов на имя Грыгоря, а Ивана, а Семена, и потомъ деи митрополитъ киевъскии и всея Руси Иосифъ, доведавшы ся, иж он невестъку свою понял <…> в том их розъвелъ, нижъли што ся дотычеть тых трех сыновъ их, митрополитъ в томъ опытъганя вчынилъ, естъли ся с тою жоною венчалъ, и въ законе тыхъ детеи з нею прыбылъ, и доведавщы ся о томъ, оставил тых детеи его при чести, ижъ они суть правыи законъныи дети…»* (шляхта) [36, с. 65]. Данный документ позволяет говорить об установлении запрета на браки между кровными родственниками. В качестве кровной родственницы признана вдова брата, в связи с чем был дан развод. Однако, в виду того, что эти мужчина и женщина венчались в церкви, их дети были признаны законными, а значит, обладающими всеми правами как наследственными, так и правами, полагающимися им по социальному статусу.

Таким образом, материалы, содержащиеся в Метрике Великого княжества Литовского, являются важнейшим источником позволяющим: 1) исследовать имущественные взаимоотношения, возникавшие между различными категориями родственников; 2) права и обязанности членов семьи, обусловленные имущественными взаимоотношениями; 3) пролить свет на межличностные взаимоотношения, складывавшиеся в семьях жителей белорусских земель в XVI в. Метрика Великого княжества Литовского содержит богатый фактический материал, позволяющий изучить различные стороны семейной жизни жителей белорусских земель в XVI в.

Список литературы

1. Алексейчикова Н.Н. Семейная жизнь белорусских горожан магдебургской юрисдикции 16–18 вв. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. 387 с.

2. Арлова Г.П. Беларуская народная педагогіка. Минск: Нар. асвета, 1993. 120 с.

3. Беларусы: у 9 т. Т. 5: Сям'я / В.К. Бандарчык, Г.М. Курыловіч Т.І. Кухаронак; пад рэд. В.К.Бандарчыка [і інш.]. Мінск: Бел. навука. 2001. 375 с.

4. Бережков С.Н. Литовская Метрика как исторический источник. – М.-Л.: Академкнига, Ч. 1 : О первоначальном составе книг Литовской до 1522 года. 179 с.

5. Болбас В.С. Ідэі маральнага выхавання ў педагагічнай думцы Беларусі эпохі адраджэння (XVI–XVII ст.). Мінск: Нац. інстытут адукацыі, Мазыр, РВФ «Белы вецер», 1998. 172 с.

6. Гардзіенка Н. Каханне і сэкс у паўсядзённым жыцці шляхцянак XVIII стст.//Terra Alba. Т. 2: Homo venerius: Сексуальная прастора беларускай культуры/пад рэд. С.І. Даніленкі; Магілёўскае таварыства інтэлектуал. і культур. ініцыятыў «Брама». Мінск: «Экаперспектыва», 2001. С. 167–179.

7. Грамадскі быт і культура гарадскога насельніцтва Беларусі./пад рэд. В.К. Бандарчыка. Мінск: Навука і тэхніка, 1990. 248 с.

8. Груша А.И. Документальная письменность Великого княжества Литовского (конец XIV – первая треть ЧМШ в.) Минск: Беларуская навука, 2015. 484 с.

9. Груша, А.І. Канцылярыя Вялікага княства Літоўскага 40-х гадоў XV–першай паловы XVI ст. / А.І. Груша. Мінск: Беларуская навука, 2006. 215 с.

10. Дзярновіч А. Метрыка ВКЛ аб адносінах Вялікага княства Літоўскага і Святой Рымскай імперыі// Беларусі гістарычны часопіс. 1995. № 4. С. 90–100.

11. Калачова І.І. Народныя традыцыі і звычаі выхавання. Этнапедагагічная спадчына народаў Беларусі. Мінск: НІА, 1999. 179 с.

12. Клімуць, Л. Я. Жаночы вобраз у шляхецкай культуры / Л. Я. Клімуць // Веснік МДУ імя А. Куляшова. 2003. № 2–3. С. 22–35.

13. Козловский П.Г. Крестьяне Белоруссии во второй половине XVI–XVIII в. (по материалам магнатских вотчин). Минск: Наука и техника, 1969. 203 с.

14. Лобач У.А. Этнаграфія Беларусі: вучэбна-метадычны комплекс для студ. спец. 1-21 03 01 "Гісторыя", 1-02 01 02 "Гісторыя. Замежная мова". – Наваполацк: ПДУ, 2006. 328 с.

15. Любавский, М. Литовско-русскій сеймъ. Опытъ по исторіи учрежденіи въ связи съ внутреннимъ строемъ и внешнею жизнью государства. Москва: Университетская тип., 1900. 331 с.

16. Марзалюк І.А. Людзі даўняй Беларусі: этнаканфесійныя і сацыякультурныя стэрэатыпы (X–XVII стст.). Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2003. 324 с.

17. Марзалюк І.А. Магілёў у XII–XVIII стагоддзях: людзі і рэчы. Мінск: Веды, 1998. 260 с.

18. Метрыка Вялікага Княства Літоўскага. Кніга 28 (1522-1552 гг.). Кніга запісаў 28 / Падрыхтоўка тэкстаў да друку і навуковы апарат: В. Мянжынскі, Ул. Свяжынскі. Менск: ATHENÆUM, 2000. 312 с.

19. Метрыка Вялікана Княства Літоўскага. Кніга № 30 (1480–1546 гг.): Кніга запісаў № 30 (копія канца XVI ст.) / падрыхт. В.С. Мянжынскі. Мінск: Беларус.навука, 2008. 386 с.

20. Метрыка Вялікана Княства Літоўскага. Кніга № 43 (1523–1560 гг.): Кн. запісаў № 43 (копія канца XVI ст.) / падрыхт. В.С. Мянжынскі; НАН Беларусі, Ін-т гісторыі. Мінск: Беларус. навука, 2003. 168 с.

21. Метрыка Вялікана Княства Літоўскага. Кніга № 70 (1582–1585 гг.): кніга запісаў № 70 (копія канца XVI ст.) / падрыхт. А.А. Мяцельскі. Мінск: Беларус.навука, 2008. 354 с.

22. Мянжынскі В., Дзярновіч А. Шляхта, іншыя землеўласнікі і землеўладальнікі да іхныя зямельныя уладанні ў Берасцейскім, Камянецкім і Кобрынскім паветах у другой палове XV – першай палове XVI ст. (паводле Кнігаў №№ 12–33 Метрыкі ВКЛ)// METRICIANE: Даследаванні і матэрыялы Метрыкі Вяліка Княства Літоўскага. Т. III. Мінск: Athenaneaum, 2004. С. 57–196.

23. Никольский Н.М. Происхождение и история белорусской свадебной обрядности. Минск: Изд-во АН БССР, 1956. 273 с.

24. Пилипенко М.Ф. Этнография Белоруссии. Минск: Вышэйшая школа, 1981. 192 с.

25. Романов Б.А. Люди и нравы Древней Руси. М.–Л.: Наука, 1966. 240 с.

26. Рыбакоў А. Галоўная і меншыя канцэлярыі ВКЛ у XVI ст.//Беларускі гістарычны часопіс. 1998. № 3. С. 43–48.

27. Скеп'ян, А.А. Штодзённае жыццё шляхты ВКЛ у XVI ст. па лістах Л.Сапегі і яго сучаснікаў//Леў Сапега (1557–1633 гг.) і яго час: зб. навук. артык. /ГрДУ імя Я. Купалы; рэдкал.: С.В. Марозава [і інш.]. Гродна: ГрДУ, 2007. С. 266–269.

28. Сліж Н. Шлюбныя і пазашлюбныя стасункі шляхты Вялікага Княства Літоўскага ў XVI—XVII стст. Смаленск: Інбелкульт, 2015. 672 с.

29. Сліж Н. У. Шляхецкая сям'я ў Вялікім княстве Літоўскім у XVI–XVII стагоддзях: уздзеянне саслоўнага падзелу грамадства на яе фарміраванне і развіццё: аўтарэф. дыс. .... канд. гіст. навук: 22.03.2002. Мінск: Інстытут гісторыі НАН Беларусі, 2002. 24 с.

30. Старостина И.В. К вопросу о составе «Книги Витебского замкового суда» в Литовской Метрике (Книга № 228)// METRICIANE: Даследаванні і матэрыялы Метрыкі Вяліка Княства Літоўскага. Т. III. Мінск: Athenaneaum, 2004. С. 18–34.

31. Таўталес А. Права сямейнае паводле літоўскіх Статутаў (нарыс да гісторыі страражытнага беларуска-літоўскага грамадзянскага права) // Запіскі аддзелу гуманітарных навук/пад. рэд. З. Даўгялы. Менск, 1929. Кн. 8. Т. III: Працы клясы гісторыі. С. 21–52.

32. Харашкевіч Г.Л. Беларуская археаграфія на новым этапе (Метрыка Вялікага Княства Літоўскага: Кніга 44: Кніга запісаў 44 (1559-1566) / Падрыхт. А.І. Груша) // Беларускі гістарычны агляд. Том 9. Сш. 1-2 (16-17). 2002. С. 189-194.

33. Харашкевіч Г.Л. Праблемы выдання Літоўскай Метрыкі і першая беларуская публікацыя (рэц.: Метрыка Вялікага княства Літоўскага. Кніга 28 (1522–1552). Кніга запісаў 28) // Беларускі гістарычны агляд. Том 7. Сшытак 2 (13). Снежань 2000. С. 509–524.

34. Юхо И.А. Правовое положение населения Белоруссии в XVI в. М.: Изд-во БГУ им. В.И. Ленина, 1978. 144 с.

35. Lietuvos Metrika (1528 – 1547). 6-oji Teismų bylų knyga (Kopija – XVI a. pabaiga). – Vilnius: Vilnius universiteto leidyka, 1995. 488 p.

36. Lietuvos Metrika (1518 – 1523). Įraš ų knyga 11 / Parengė A. Dubonis, Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, 1997. 227 p.

37. Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 3 (1140–1498). Užrašymų knyga 3. /Parengė L. Anužytė, A. Baliulis. Vilnus: Žara, 1998. 164 p.

38. Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 4 (1479–1491) Užrašymų knyga 4/ Parengė L. Anužytė. – Vilnus: Žara, 2004. 286 p.

39. Lietuvos Metrika. Rnyga Nr.8: (1499 – 1514 metai)/ Parengė A. Baliulis, R. Firkovičius, D. Antanavičius. Vilnus: Molko ir enciklopedykla, 1995. 708 p.

40. Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 22 (1547). Užrašymų knyga 22 / Parengė A. Blanutsa, D. Vashchuk, D. Antanavičius. – Vilnius: LII leidykla, 2010. XVI, 176 p.

41. Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 25 (1387 – 1546) Užrašymų knyga 25. / Parengė D. Antanavičius, A. Baliulis – Vilnus: Molko ir enciklopedykla, 1998. 460 p.

42. Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 51 (1566 – 1574) Užrašymų knyga 51/ Parengė A. Baliulis, A. Ragauskas ir R. Ragauskienė, Vilnius: Žara, 2000. 486 p.

Об авторе

Алексейчикова Наталья Николаевна – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин, Белорусско-Российский университет, annatasha@list.ru

УДК 327.51+327 (7 США)6

ПОЛИТИКА США В БЛИЖНЕВОСТОЧНОМ РЕГИОНЕ И ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С СОЮЗНИКАМИ ПО НАТО В ПЕРИОД ПЕРВОГО ПРАВЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ ДЖ.БУША-МЛАДШЕГО

Антюхова Е.А.

Статья посвящена периоду первого правления республиканской администрации Дж. Буша-младшего и политике взаимоотношений США и НАТО в ближневосточном регионе. Рассматриваются слагаемые нового внешнеполитического курса, проводимого США, взаимоотношение США с государствами, входящими в Североатлантический альянс. Анализу подвергнуты причины, по которым американская администрация Дж. Буша-мл. выделяла Ближний Восток в качестве приоритетного региона. Затрагиваются доктринальные установки НАТО и их реализация в Ближневосточном регионе.
Ключевые слова: республиканская администрация США, НАТО, Ближневосточный регион, военная доктрина, политический курс, стратегические установки, национальные интересы.

THE US POLICY IN THE MIDDLE EAST REGION AND RELATIONSHIPS WITH THE NATO ALLIES DURING THE FIRST BOARD OF THE REPUBLICAN ADMINISTRATION OF J. BUSH JR.

Antyukhova E.A.

The article is devoted to the period of the first board of the Republican Administration of J. Bush Jr. and the policy of the USA and NATO relationship in the Middle East region. The terms of the new foreign policy conducted by the USA, relationships of the USA with the countries of the North Atlantic Alliance are considered. The reasons for which the American Administration of J. Bush Jr. allocated the Middle East as the priority region are subjected to the analysis. Some doctrinal aims of NATO and their implementation in the Middle East region are touched upon.
Keywords: Republican Administration of the USA, NATO, the Middle East region, military doctrine, political policy, strategic aims, national interests.

В период предвыборной кампании 2000 года Республиканская партия, единым кандидатом которой был выдвинут Дж.Буш-младший, декларативно заявила о намерении своего кандидата в случае прихода к власти значительно снизить уровень международной вовлечённости США, уделяя при этом первостепенное внимание в большей степени проблемам внутриполитического, а не внешнеполитического характера. Однако с приходом в Белый дом, предвыборная риторика новой администрации США в значительной степени трансформировалась, уступив место более прагматическому подходу в выработке стратегических ориентиров при принятии политических решений. Возобладал иной подход, катализатором которого во многом стали трагические события 11 сентября 2001 года, когда в результате террористического акта боевики-смертники "Аль-Каида" обрушили два из четырёх захваченных самолетов на символ делового центра Нью-Йорка- башни Всемирного торгового центра-, унеся жизни 2977 человек. Террористическая угроза, борьба с новыми вызовами, с которыми столкнулись не только США, но и другие страны мира, стали своеобразной политической индульгенцией американскому руководству для внесения существенных корректив во внешнюю политику.

Приход к власти Дж. Буша-младшего и трагические события 11 сентября 2001 года оказались в политической взаимосвязи, т.к. привели к изменению политического курса США, который оказал воздействие на партнеров по НАТО, придав необходимость согласования действий и выработки общего подхода к преодолению глобальных угроз. В основе американского взгляда на основы взаимодействия с НАТО лежала внешнеполитическая “доктрина Буша”.

Формирование «доктрины Буша» происходило в условиях возникшей транснациональной террористической угрозы. Консервативная модель республиканской администрации опиралась на противопоставление ценностных установок «западных демократий» и антизападного исламского фундаментализма международных террористических организаций. Неоконсервативная политическая идеология опиралась на принципы морализма, интернационализма, милитаризма и абсолютизации демократической системы. Морализм республиканской администрации находился во взаимосвязи с концепцией американской исключительности. Опора на интернационалистский подход позволяла утверждать необходимость защиты национальных интересов

США от возникающих угроз, которые могут реализовываться на территории самого американского государства. Поэтому защита национальных интересов США требует вмешательства, в том числе и военного, во внешние и внутренние дела иностранных государств на основе модели «превентивных действий». Использование военной силы при решении политических проблем считалось оправданной, так как это обеспечивало достижение эффективного результата. Таким образом, неоконсерваторы отдавали предпочтение силовым действиям, отодвигая на второй план дипломатические и экономические средства [1, с. 22-23].

Республиканской администрацией Дж. Буша-мл. была выдвинута концепция «превентивного действия» для противодействия национальным или глобальным угрозам. Во многом оправданием данного подхода служил страх распространения оружия массового уничтожения и использование его как террористического средства. Склонность неоконсерваторов к применению вооруженной силы определялась не фактом угрозы, а гипотетической возможностью ее возникновения при тех или иных обстоятельствах. Опасность данного подхода состояла в том, что необходимость проведения «превентивной войны» определялась самим инициатором, что создавало угрозу произвольного инициирования ударов. Вмешательство в дела суверенного государства определяется путем апелляции к правам человека или неспособности Совета безопасности ООН оперативно среагировать на возникшие угрозы[2, p.252-254].

Стратегия «превентивных действий» выступала в качестве инструмента выполнения Соединенными Штатами миссии распространения демократии. В представлениях республиканской администрации Дж. Буша-мл. процесс демократизации имел конкретную региональную направленность – Ближний Восток, с которым были связаны многочисленные интересы США как политические, определяемые необходимостью борьбы и противодействия террористической угрозе, так и экономические, основанные на энергоносителях и контроле, а также регулировании рынка энергоресурсов[3, с.8-11]. Американские неоконсерваторы выступали за использование вооруженной силы в отношении отдельных государств Ближнего Востока в соответствии с американскими интересами. Следует указать на волюнтаризм США в отношении принципа суверенитета, которого они придерживаются в отношении американского государства и конъюнктурно трактуют в отношении других стран.

Американская администрация Дж. Буша-мл. не случайно выделяла Ближний Восток в качестве приоритетного региона. Руководство США считало, что распространение демократии и реформирование исламского общества региона в соответствии со стандартами американской демократии будет способствовать не только сближению систем и росту потенциальных союзников, но и, самое главное, снизит угрозу национальным интересам США. Поэтому демократизация исламских стран Аравийского полуострова служит обеспечению национальной безопасности американского общества. Как отмечал Дж. Буш-мл. во время Второй иракской войны, «до тех пор, пока Ближний Восток остается местом тирании, безысходности и гнева, он будет порождать людей и движения, которые угрожают безопасности Америки и наших друзей. Таким образом, Америка следует прогрессивной стратегии свободы на Большом Ближнем Востоке. Мы будет бросать вызов противникам реформ, противостоять союзникам террора и ожидать высоких стандартов от наших друзей»[4].

В сентябре 2002 г. госсекретарь США К. Райс в ходе выступления в Манхэттенском институте подчеркнула, что «некоторые угрозы потенциально …не могут быть предотвращены. Экстремистов, которые стремятся представить самоубийство как священное действие, вряд ли можно сдерживать. И новые технологии требуют нового взгляда на то, что когда именно угроза действительно становится «неминуемой». Поэтому, исходя из соображений здравого смысла, США должны быть готовы предпринять действия, если необходимо, до того, как угрозы полностью материализовались»[5].

С началом Иракской войны Дж. Буш-мл. отмечал, что «главное обязательство нашего поколения – распространять свободу, особенно на Ближнем Востоке<…>. И победа свободы в Ираке усилит нового союзника в войне с террором, вдохновит демократических реформаторов от Дамаска до Тегерана, принесет надежду и прогресс в проблемный регион и, таким образом, отведет ужасную угрозу от жизни наших детей»[4].

Выработанная во время подготовки и проведения Второй иракской войны «доктрина Буша» включала в себя четыре компонента: 1) существование взаимосвязи между внутриполитическим режимом государства и его внешней политикой; 2) придание исключительного характера угрозам,

с которыми сталкивается Америка, и необходимость решительных и экстраординарных мер по их нейтрализации; 3) оправдание превентивных действий политической необходимостью; 4) в целях обеспечения политической стабильности США берут на себя бремя доминирования в основных областях мировой политики[7, с. 114-124]. Следует сказать, что хотя «доктрина Буша» в 2000-е гг. не оказала влияние на содержание стратегических документов НАТО, тем не менее, она во многом определила привлечение сил Альянса к операциям за пределами традиционной географии деятельности Альянса (на то время в Афганистане) в рамках реализации программы ИСАФ (International Security Assistance Force). С 2006 года НАТО приняла командование силами в Южном Афганистане.

В годы правления республиканской администрации Дж. Буша-мл. широкое распространение получила теория государств-изгоев [7, с. 99-110]. К категории государств-изгоев американская администрация относила те страны, в которых нарушаются международные стандарты политического поведения, а также осуществляется систематическая дискриминация и нарушение прав человека на основе расового или гендерного аспектов, производятся репрессии против собственного населения. Именно государства-изгои должны быть подвергнуты процессу демократизации в первую очередь посредством смены режима или перехода всей полноты власти в руки политической оппозиции. В отношении этих стран демократия будет способствовать становлению правовой системы, основанной на стандартах западноевропейского общества [8, p.377-378]. Так называемые государства-изгои стали рассматриваться в качестве наиболее вероятных объектов военных вторжений США и их союзников по НАТО. В качестве сценариев следующих актов насилия указывались и государства Ближнего Востока, например, Сирия [9, с. 69-90].

С точки зрения республиканской администрации США, демократизация стран исламского Ближнего Востока способствовала бы снижению террористической угрозы и выступала бы противодействием радикальному экстремизму и террору. Распространение демократии в регионе вовлечет в орбиту США новых сторонников либерально-демократических ценностей, что будет способствовать усилению присутствия США в нестабильных регионах и вытеснению из них возможных конкурентов.

Американская администрация ориентировалась на использование американской военной мощи в большей степени, чем задействование союзников по НАТО. Нельзя сбрасывать со счетов и стремление нормализовать отношения и обезопасить союзника США в ближневосточном регионе – Израиль. Американская тенденция демократизации Ближнего Востока была высказана президентом США Дж. Бушем-мл.: «Демократии производят идеологию<…>, которая говорит людям о том, что они свободны – свободны делать свой выбор. Идеология нашего врага говорит о том, что лишь немногие достойны делать выбор, и если вам не нравится то, во что мы призываем вас верить, мы запугаем вас или убьем. <…>Очевидно, что единственный способ уничтожить террористов заключается в том, чтобы уничтожить их темное мировоззрение ненависти и страха, предложив многообещающую альтернативу политической свободы и мирных реформ»[11]. Политическую поддержку США видели во взаимодействии с умеренными авторитарными режимами бассейна Персидского залива, которые демонстрировали видимость проведения реформ и могли рассматриваться в качестве форпоста демократизации региона.

Направленность американской политики в ближневосточном регионе четко демонстрировала стремление США к проведению односторонних действий без задействования арсенала и военно-политического потенциала НАТО. Это объяснялось уверенностью Соединенных Штатов в собственных силах, громоздкостью управленческого аппарата Альянса и необходимостью применения экстраординарных мер. Также имело место несогласие ряда европейских членов НАТО с американской политикой в регионе [10, p. 195].

Военные кампании в Афганистане и Ираке, приведшие к смене режимов, не привели к быстрой демократизации общества. Столкнувшись с военно-политическими сложностями, американская администрация стала говорить о необходимости привлечения натовских сил для поддержания безопасности в регионе. В целом, американская доктрина продвижения демократии с упором на односторонние действия продемонстрировала свою мало эффективность.

Объявленная администрацией Дж. Буша-мл. война с терроризмом привела к изменению отношений США и НАТО, вызванному тактической необходимостью американского правительства продемонстрировать эффективность противостояния новой глобальной угрозе, которая бросила

вызов США на ее территории. Здесь сочетались внутриполитические и внешнеполитические причины, определяемые, с одной стороны, необходимостью консолидации американского общества перед угрозой террористических действий, с другой стороны, оперативной эффективностью военного противостояния мусульманскому террористическому экстремизму[11, p.68-69].

Неудавшиеся уроки косовского конфликта 1999 г. наглядно показали неэффективность громоздкой структуры военного управления в рамках миротворческой акции НАТО. Именно этим объясняется неучастие НАТО в афганской операции США против талибов в Афганистане в 2001 г.[12, p. 7; 111; 34-35, 69] По мнению американского сенатора Р. Лугара, неучастие Альянса в афганской операции 2001 г. объяснялось необходимостью в сжатые сроки мобилизовать военный потенциал для проведения войсковой операции против талибов, что в условиях взаимодействия США с системой НАТО было достичь проблематично. Поэтому это «легче было сделать самостоятельно» и Пентагон отдал предпочтение системе единого командования перед сложной натовской системой управления. Р. Лугар отмечал, что кроме системы военной эффективности существовал фактор политического доверия. В глазах американского руководства европейские союзники по НАТО теряли характер надежных партнеров политики США. «Годы сокращения оборонных расходов и неудачи по улучшению европейского военного потенциала вызвали сомнения в способности европейцев внести существенный вклад в обеспечение безопасности. Верно это или нет, но наследие Косово усилило опасение, что НАТО не подходит для ведения современной войны»[13, p.137].

Афганская операция США и НАТО против талибов 2001 г. продемонстрировала избирательный характер к выбору партнеров при проведении военной операции силами американской армии. Отбор партнеров определялся их способностью быстро и эффективно принять участие в боевых действиях как в рамках НАТО, так и на основе двухсторонней договоренности вне евроатлантических структур. Тем не менее, НАТО стала основой формирования таких коалиций, их ядро составляли государства-члены Альянса, связанные с США тесными партнерскими отношениями. Как заявлял министр обороны США Д. Рамсфельд, «цель определяет коалицию, а не коалиция – цель» [13, p.140].

Некоторое охлаждение США к НАТО в начале афганской кампании носило в большей степени временный характер, определяемый политической необходимостью продемонстрировать американскому обществу способность государства противостоять вызову терроризма и склонность республиканцев к решительным наступательным действиям. Односторонние действия США против талибов вызвали критику в начале 2002 г., в которой среди прочего отмечалось ошибочность односторонних действий американской администрации и необходимость привлечения НАТО к проведению антитеррористических действий [14, p. 124]. Вовлечение в войну с международным терроризмом партнеров по НАТО придало бы действиям США большую легитимность. По мнению американского историка У. Пфаффа, администрация США признала значение военного потенциала НАТО, который мог быть задействован в антитеррористических действиях. «НАТО остается для Соединенных Штатов ценным инструментом, незаменимым для военных операций США в Европе, на Ближнем Востоке, в западной и центральных частях азиатского континента. Она обеспечивает хорошо развитую и разветвленную военную инфраструктуру и сеть военных баз в Европе».

Американская администрация Дж. Буша-мл. с 2002 г. поддерживала идею расширения НАТО, руководствуясь тем, что США удастся использовать это взаимодействие в своих целях. Расширение НАТО позволило бы объединить европейские государства вокруг Соединенных Штатов в стратегическом отношении, а также создавало бы возможность для превращения Альянса в инструмент американской политики, который можно было бы использовать не только в рамках европейского пространства, но и вне его.

Прошедший в 2002 г. в Праге саммит привел к поиску эффективных отношений между США и НАТО. В ходе обсуждения проблемы будущего НАТО были обозначены три наиболее вероятных пути модернизации Альянса. Сторонники первого пути считали, что в современных условиях трансконтинентальных угроз европейские партнеры по НАТО не в состоянии обеспечить безопасность, поэтому следует в рамках НАТО разграничить функции: США обеспечивают использование военной силы, а партнеры по НАТО – ее финансирование. Сторонники второго подхода полагали, что Североатлантический альянс сохранит свою роль военно-политического союза, в рамках которого США возьмет на себя бремя использования вооруженных сил, а европейские партнеры составят основу миротворческих сил, обеспечивающих прикрытие военных

операций. Сторонники третьего подхода придерживались позиции, что НАТО должно возглавить борьбу с терроризмом на глобальном уровне[15].

Главным результатом Пражского саммита стали решения, подчеркнувшие важную роль трансатлантического Альянса в решении глобальных проблем и сохранение позиций НАТО в организационной иерархии европейской безопасности в условиях доминирования США в мировой политике.

Решения Пражского саммита вызвали критические комментарии о путях трансформации НАТО в условиях глобальных угроз. В целом, подчеркивая роль НАТО как фактора коллективной обороны и безопасности, высказывалось опасение за то, какое место США стремились отвести Альянсу. Это превращало НАТО в своего рода «мусорный коллектор», уборщика за Соединенными Штатами [16]. Начатая США война с терроризмом обозначила различие в подходах между США и европейскими государствами – членами НАТО. Если Соединенные Штаты придерживались проведения военных действий с использованием высокотехнологичного военного потенциала, то европейские государства выступали за долгосрочные методы юридического (единый европейский ордер на арест) и экономического (блокирование источников финансирования террористов) характера [17, p. 50].

Стремление США превратить Пражский саммит в прелюдию будущей Иракской кампании не увенчалось успехом. Надежда американцев на то, что будущая вторая иракская война вызовет такую же политическую поддержку, как и первая, не учитывала изменившуюся мировую конъюнктуру. Два ключевых государства ЕС и члены НАТО ФРГ и Франция высказались против нанесения удара по Ираку. В случае военного решения иракской проблемы они заявили США об отказе в политической поддержке. Иракский вопрос обозначил раскол в рамках НАТО между США и европейскими государствами, а также определил отсутствие политического единства по иракскому вопросу среди самих европейских государств. В итоге в рамках второй иракской войны военные действия США были поддержаны только Великобританией, политическое одобрение американским шагам было высказано Италией и Испанией [18, p. 615]. В феврале 2003 г. основные европейские противники иракской политики США ФРГ, Франция и Бельгия отказались удовлетворить натовский запрос об оказании Турции дополнительной помощи в связи с возможным началом войны в Ираке. Бонн, Париж и Брюссель сочли оказание такой помощи Турции равнозначной согласию на начало войны США против Ирака. Таким образом, иракская война продемонстрировала различие в подходе к разрешению глобальных политических угроз между Соединенными Штатами и европейскими государствами.

В рамках борьбы с терроризмом стратегами Альянса рассматривались различные пути возможных действий Североатлантического союза. Натовская концепция защиты от терроризма предусматривала профилактическое применение вооруженной силы, хотя само понятие «превентивного удара» в ней отсутствовало. Концепция НАТО определяла четыре направления возможной военной деятельности Альянса: 1) антитерроризм; 2) ликвидация последствий терактов; 3) контртерроризм (использование наступательных мер как в рамках НАТО, так и с использованием союзнических коалиций); 4) военное сотрудничество. Необходимо указать на то, что решение на применение вооруженной силы с целью нанесения упреждающего удара возможно только на основе консенсуса [19].

Прошедший 28-29 июня 2004 г. в Стамбуле саммит НАТО привел к согласованию позиций и выработке общей стратегии для стран-членов НАТО в борьбе с глобальным терроризмом. В рамках проходившей встречи был обозначен регион, приоритетный, с точки зрения НАТО, в свете определенных политических интересов Альянса, в который вошел Кавказ, Центральная Азия и «Большой Ближний Восток». Свою позицию по данному вопросу обозначили и США.

Высказанная помощником госсекретаря США У. Бернсом концепция «Большого Ближнего Востока» предусматривала привитие мусульманскому миру американо-европейских ценностей «открытого общества». Американское видение изменений предусматривало создание институтов гражданского общества с наличием обязательных элементов, таких как: свободные и открытые выборы, возможность для населения участвовать в формировании политической власти, создание конкурентной политики, политических партий и свободных средств массовой информации, либерализация экономической жизни путем уменьшения государственного регулирования экономики и расширение роли малого и среднего бизнеса [20, с. 231-235].

Стамбульская встреча способствовала сглаживанию возникшей напряженности между отдельными представителями НАТО и США, хотя

ФРГ и Франция продемонстрировали критику американской концепции «Большого Ближнего Востока». Прагматический подход США к определению роли НАТО в рамках американской внешнеполитической доктрины при администрации Дж. Буша-мл. отводил Альянсу место инструмента распространения ценностей демократического общества, что приводило к разностороннему подходу в предназначении военного блока. Если европейские члены НАТО, прежде всего ФРГ и Франция, рассматривали ее как элемент системы безопасности и не спешили придавать ей глобальные задачи, то США, напротив, видели в ней и инструмент безопасности, и средство продвижения американских интересов.

Одним из ключевых вопросов между США и европейскими членами НАТО выступал выбор средств противодействия глобальным угрозам, особенно террористическим действиям. Как показал иракский кризис, найти точки соприкосновения в этом вопросе оказалось крайне сложно. По оценке М. Рюле, выработать совместный единый взгляд на транснациональные угрозы на основе признания единства позиции представляется практически невозможным. Для поиска компромисса следовало бы активизировать стратегический диалог по различным политическим и военным вопросам, в рамках которого можно предпринять усилия по выходу из политического тупика [21, p.99].

Трансформация внешнеполитической идеологии США в условиях роста глобальных угроз начала XXI в. во многом имела определяющее значение для изменения политической стратегии НАТО по противодействию глобальным угрозам. Несмотря на разногласия между членами блока по вопросу вторжения в Ирак, эволюция Альянса и его стратегии была определена политической линией США по установлению однополярного миропорядка. В значительной степени, в соответствии с интересами США, развитие НАТО было направлено на совершенствование его глобального потенциала.

В период руководства страной Дж. Бушем-младшим США, безусловно, укрепили свои позиции в качестве лидера НАТО. Несмотря на то, что подходы, предложенные Вашингтоном, не всегда совпадали с позицией государств, входивших в Североатлантический альянс, НАТО приобрела в лице США политического партнера, готового к защите не только своих интересов, но и интересов североатлантического сообщества, продвижению на мировом пространстве глобальных интересов военно-политического блока.

Список литературы

1. Батюк В. Национальная оборонительная стратегия США после неоконсервативной революции // США-Канада: экономика, политика, культура. 2007. №7. С. 22-23.

2. Holsti O. Public Opinion and American Foreign Policy. Michigan, 2004. P. 252-254.

3. США на Ближнем Востоке: «доктрина Буша» в действии. М.: ИСКРАН, 2004. С. 8-11.

4. Bush G.W. Address Before a Joint Session of the Congress on the State of the Union. The American Presidency Project. Режим доступа: http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=58746 [дата обращения – 12.06.2014].

5. Rice C. A Balance of Power That Favors Freedom. Manhattan Institute for Policy Research. Режим доступа: URL:http://www.manhattan-institute.org/html/w12002.htm [дата обращения 13.06.2014]

6. Богданов А.Н. Внешнеполитическая идеология США и современный мировой порядок/ А.Н. Богданов. СПб.: Издательство СПбГУ, 2012. С.114-124.

7. Харкевич М. В. Государства-изгои как образ “другого” в мировой политике /М.В. Харкевич// Полис. 2009. №. 4. С. 99-110.

8. Caprioli M., Trumbore P. Identifying “Rogue” States and Testing their Interstate Conflict Behavior// European Journal of International Relations. 2003. №3. P. 377-378.

9. Эллиот С. Сценарий дальнейших вторжений США. Официальные документы Пентагона. М.: Европа, 2009. С. 69-90.

10. Schmidt B. The Bush Doctrine and the Iraq War: Neoconservatives vs. Realists// Security Studies. 2008. № 2.P. 195.

11. Berger S.R. A Foreign Policy for the Global Age//Foreign Affairs. – 2000. - №6. – P.12:Haglund D. Trouble in Pax Atlantica? The United States, Europa, and the Future of Multilateralism// US Hegemony and International Organizations/ ed. by R. Foot. N.Y., 2003. P. 68-69.

12. Howorth J., Keeler T.S. The EU, NATO and the Quest for European Autonomy. //Defending Europe: The EU, NATO and the Quest for European Autonomy.(eds.) Howorth J., Keleer T.S. N.Y.: Palgrave Macmillan. 2003. P.7; Hunter R. The European Security and Defense Policy: NATO’s Companion

– or Competitor? N.Y., 2002. P.111; Kagan R. Paradise and Power. America and Europe in a New World Order. L., 2003. P.34-35,69.

13. Gerges F.A. The Rise and Fall of Al-Qaeda. Oxford, 2011.

14. Gheciu A. NATO in the "New Europe": the politics of international socialization after the Cold War. Stanford University Press. 2005. P.124.

15. Conservative Policy Research and Analysis. Режим доступа: http://www.heritage.org [режим обращения – 22.05.2014]

16. Missing Something? The Future of NATO. A Moment of Truth// Economist.com. Special reporf. 2002. Mai 2.

17. Rasmussen M.V. Turbulent Neighborhoods: How to Deploy the EU's Rapid Reaction Force// Comtenporary Security Policy. 2002. August. Vol.23. № 2. P.50.

18. Peterson J. America as a European Power: the End of Empire by Integration// International Affairs. 2004. № 4. P. 615.

19. Transforming NATO. Nato Review. Режим доступа: http://www.nato.int/docu/review/2003 [дата обращения – 3.06.2014г.]

20. Шарипов У.З. Концепция «Большого Ближнего Востока» в действии/ У.З.Шарипов. М.: Институт востоковедения РАН, 2013. С.231-235.

21. Rühle M. Op. cit. P. 99.

Об авторе

Антюхова Екатерина Андреевна - кандидат политических наук, старший преподаватель, кафедра сравнительной политологии, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, 15e_ant77@mail.ru

УДК 327.57+341.23

ТРАНСГРАНИЧНЫЕ УГРОЗЫ В ПОСТКОНФЛИКТНОМ МИРОСТРОИТЕЛЬСТВЕ[1]

Антюхова Е.А., Нелидов В.В., Рустамова Л.Р.,
Середа М.А., Черногородова В.С., Ютяева И.Р.

Статья посвящена постконфликтному миростроительству и влиянию на этот процесс транснациональных угроз в Колумбии, Гвинее-Бисау, Центральноафриканской республике, Афганистане, Таджикистане, в бывших югославских республиках. Прежде всего, речь идет о распространении терроризма, неконтролируемой миграции, контрабанде наркотических средств и оружия.
Ключевые слова: миростроительство, транснациональные угрозы, наркотрафик, вооруженный конфликт, Гвинея-Бисау, Колумбия, ЦАР, Афганистан, Таджикистан, бывшие югославские республики.

TRANSBOUNDARY THREATS IN POST-CONFLICT PEACEMAKING

Antyukhova E.A., Nelidov V.V., Rustamova L.R.,
Sereda M.A., Chernogorodova V.S., Iutiaeva I.R.

The article is devoted to the problem of post-conflict peacemaking and the influence of transnational threats in Colombia, Guinea-Bisau, the Central African Republic, Afghanistan, Tajikistan, the former Yugoslavian republics on this process. First of all, it is referred to the spread of terrorism, uncontrollable migration, drug and weapon smuggling.
Keywords: peacemaking, transnational threats, drug traffic, armed conflict, Colombia, Guinea-Bisau, the CAR, Afghanistan, Tajikistan, the former Yugoslavian republics.

Современный мир характеризуется значительными изменениями в сфере международной безопасности. Данное обстоятельство во многом объясняется тем, что в ходе глобализации происходит все более тесное переплетение внутриполитических и внешнеполитических факторов, вследствие чего на первый план выходят вызовы и угрозы, имеющие трансграничный характер. Прежде всего, речь идет о распространении терроризма, неконтролируемой миграции, контрабанде наркотических средств и оружия.

Особенно актуальной проблема трансграничных вызовов и угроз является для тех стран, которые только пережили конфликтную ситуацию и вступили на путь миростроительства. В таких государствах, как правило, имеются условия для деятельности террористов, преступных группировок, торговцев наркотиками. Результатом перемещения десятков тысяч беженцев становится все более возрастающая напряженность в приграничных областях. Как показывает практика, трансграничные угрозы приводят к дестабилизации ситуации как в отдельно взятой стране, так и в регионе в целом. Зачастую результатом становится нарушение хрупкого компромисса между бывшими сторонами конфликта и сведение на нет всех усилий по достижению мира.

К числу государств, для которых проблема миростроительства является особенно актуальной, относятся такие страны как Колумбия, Гвинея-Бисау, Гвинея, Бурунди, Сьерра-Леоне, Либерия, ЦАР, Афганистан, Таджикистан и бывшие югославские республики.

Среди российских политологов, обративших внимание на проблему трансграничных угроз в разрешении конфликтов, следует отметить работы Лебедевой М.М., Никитина А.И., Степановой Е.А., Чумаковой М.Л., Емельянова А.Л., Кукушкиной П.В., Поликанова Д.В. и др. Данную тему затрагивали в своих работах ряд зарубежных авторов: Р. Гарсия, Дж. Хендерсон, Э. Дейв, П. Том, Д. Кёртис и Г.А. Дзинеса, А. Робертс, Н.С. Теран, В. Бенедек, Дж. Гудханд и другие. Кроме того, отдельные аспекты проблемы миростроительства были частично освещены в докладах и ридерах различных международных и неправительственных организаций.

В то же время, до сих пор трансграничные угрозы не были предметом отдельного глубокого исследования, характер их воздействия на процесс миростроительства не был системно изучен, а предпосылки возникновения этих угроз в различных регионах мира не подвергались сравнительному анализу. Вот почему любая исследовательская попытка обратиться к анализу трансграничных угроз и их влияния на процесс миростроительства представляется весьма актуальной.

[1]Статья подготовлена в рамках гранта МГИМО МИД России на выполнение НИР научными группами под руководством молодых ученых (КМУ-4)

Ключевой трансграничной угрозой, препятствующей процессу миростроительства в Гвинее-Бисау, является наркотрафик. По данным ООН, около 60% кокаина поступает в Европу именно через Западную Африку [1, p. 12]. Основные маршруты наркотрафика проходят через пустыню Сахара: по территориям Мали, Мавритании, Алжира, Марокко в страны Южной Европы [2, p. 9]. Гвинея-Бисау является одной из ключевых стран северной ветки маршрутов, которая распространяется также на территории Гвинеи, Гамбии и Сенегала.

Активную деятельность в стране ведут, по оценкам, более пятидесяти колумбийских наркобаронов, а также контрабандисты крупнейшего наркокартеля Мексики Синалоа [3]. Стоимость кокаина, который ежегодно проходит через страну (около 2 млрд долл.), почти вдвое превышает размер её ВВП [4]. В прессе для характеристики экономического строя Гвинеи-Бисау часто используется термин «наркокапитализм», который указывает на прямую зависимость экономического благосостояния части политической и военной элиты от наркоторговли.

Борьба за контроль над наркоторговлей на протяжении всей истории независимого существования оставалась ключевой причиной политической нестабильности в Гвинее-Бисау. Каждый раз, когда политическое руководство принимало меры, направленные на ограничение торговли наркотиками, борьба внутренних сил порождала очередной переворот. При этом Управление по борьбе с наркотиками США неоднократно выдвигала обвинения в причастности к наркоторговле против гвинейских военных. Так, в 2013 году Управление обвинило в попытке ввоза наркотиков на территорию США начальника Генштаба Гвинеи-Биссау Антониу Инджаи, и в том же году арестовало по аналогичному обвинению контр-адмирала Хосе Америко Бубо-На-Чуто [4]. При этом за период с 2005 года характер вовлечённости военных в систему наркоторговли значительно изменился: изначально они лишь обеспечивали «безопасность» наркотрафика, в то время как впоследствии стали активно участвовать и в самой наркоторговле.

Проблема наркотрафика в Гвинее-Бисау – лишь один из примеров того, какое сильное негативное влияние могут оказывать трансграничные угрозы на процесс миростроительства. Вопросы безопасности большинства стран Африки напрямую связаны с деятельностью в них неправительственных акторов [5, p. 27-60] – контрабандистов, вооружённых групп, криминальных сообществ, – которые регулярно дестабилизируют внутриполитическую обстановку. Это обстоятельство принимают во внимание как внешние доноры африканских стран, так и международные организации. Так, в 2008 году заместитель Генерального секретаря ООН по политическим вопросам Б. Линн Пэскоу в ходе своего выступления, посвящённого ситуации в Гвинее-Бисау, заявил о том, что «решительная борьба с новыми вызовами, связанными с наркотрафиком, играет ключевую роль в успешном осуществлении текущих инициатив в сфере миростроительства».

Важно учитывать, в частности, тот факт, что существование региональных сетей неправительственных акторов ставит ситуацию в сфере безопасности в Гвинее-Бисау в зависимость от обстановки в странах-соседях. К примеру, такие внешние обстоятельства, как гибель соратника Нино Виейры Лансаны Конте и намерение нового правительства Гвинеи покончить с наркоторговлей значительно ослабили политические позиции Нино в 2008 году.

Наблюдается и обратное влияние: неудачи процесса миростроительства и недостаточно быстрое проведение необходимых реформ усугубляет проблему влияния трансграничных угроз на политическую стабильность в стране. Так, международные эксперты отмечают, что резкое увеличение оборота наркотиков в Гвинее-Бисау в последние годы напрямую связано с промедлением в осуществлении реформы сектора безопасности, которая считается ключевой задачей миростроительства в Гвинее-Бисау [6, p. 13]. Вместе с тем, совершенно очевидно, что одной этой реформы недостаточно: наряду с ограничением власти армии потребуется, к примеру, реформа судебной системы, которая часто оказывается слишком слаба, чтобы призвать к ответу военных, уличённых в причастности к наркоторговле.

Несмотря на международные усилия, за последние годы Гвинее-Бисау так и не удалось добиться значительного сокращения наркотрафика. Как отмечают сотрудники Международной кризисной группы, отсутствие в стране эффективно функционирующих государственных институтов неизменно будет привлекать туда наркодельцов и даже террористов. [7, p. 3] В свою очередь, те же самые обстоятельства будут отпугивать потенциальных инвесторов, что

негативно сказывается на состоянии экономики, которая сама по себе крайне слаба и сильно зависит от уровня цен на основной товар экспорта (кешью). Судя по всему, неспособность государства эффективно контролировать территорию и защищать границы будет ещё долгое время оставаться ключевой проблемой, затрудняющей процесс постконфликтного миростроительства в стране.

Наглядным примером государства, где до сих пор не разрешены внутренние вооруженные конфликты, является Колумбия. Это последний подобный конфликт в Латинской Америке, продолжающийся более пятидесяти лет и затрагивающий все слои населения. Данный конфликт затрудняет экономическое развитие страны и решение социальных проблем. Основные стороны конфликта леворадикальная герилья – Революционные вооруженные силы Колумбии (РВСК, FARC), Армия народного освобождения (АНО, ELN), Движение 19 апреля (М-19) (демобилизовано в 1990 г.); праворадикальные военизированные формирования – парамилитарес, организованные в Объединенные силы самообороны Колумбии (ОССК, AUC), демобилизованные в 2002-2005 гг. и преобразованные в криминальные группы (БАКРИМ, BACRIM). Данная группировка несет ответственность за появление вынужденных переселенцев и политические убийства [8, p.19]; вооруженные силы Колумбии, которые также виновны в преступлениях против человечества.

В настоящий момент Колумбия находится в начале третьего этапа - миростроительства. Данный термин впервые появился в 1976 г. в работах Й. Галтунга, а наиболее полно данное понятие было объяснено в «Повестке дня для мира 1992 г. Генерального секретаря ООН Б. Бутроса-Гали. Его современное определение сформулировано в 2007 г. комитетом по политике Генерального секретаря ООН: Миростроительство включает в себя совокупность мер, направленных на то, чтобы уменьшить риск возобновления конфликта, оказать помощь государству для успешного управления конфликтом, а также создать основы для устойчивого мира и развития.

Еще одна проблема для Колумбии, ставшая связующей для всех сторон конфликта и поддерживающая его – это наркотрафик. В 80-е годы, когда на территории всей страны резко увеличилось количество посевов коки, особенно в местах, контролировавшихся РВСК, они невольно оказались вовлечены в наркоторговлю, а затем поняли, что с помощью наркобизнеса они могли бы финансировать свою деятельность, а также улучшить благосостояние крестьян, поддерживающих их, если разрешить им выращивать коку. К тому же им казалось, что поставка наркотиков в США была своего рода борьбой с капитализмом. РВСК давно не отрицают своей причастности к производству наркотиков, однако еще больше были связаны с наркоторговлю парамилитарес (праворадикальные военизированные формирования), работавшие на наркобаронов. Борьба же за контроль над посевами коки привела к гибели мирного населения, проживающего в тех районах [9].

Еще одной проблемой является влияние внешних факторов, что можно назвать одной из причин конфликта. Из особо активных внешних игроков в рамках данной темы можно выделять Венесуэлу и США.

Как пограничное с Колумбией государство, граница которого проходит через места дислокации партизан, Венесуэла с самого начала конфликта была вовлечена в него. Из-за трудных природных условий колумбийско-венесуэльскую границу сложно охранять, поэтому наблюдалось перемещение как герильи, так и жертв конфликта на территорию Венесуэлы еще с конца 90-х. Так, в 2004 г. в Венесуэле укрывались 60 беженцев и 2200 просили убежища [10]. На территориях, прилегающих к границе между государствами, похищали венесуэльских граждан, военные самолеты, транспортировалось большое количество наркотиков. Венесуэла выступила одним из первых посредников на переговорах между партизанами и правительством Колумбии, когда в 1991 г. в Каракасе были проведены первые раунды переговоров. Уго Чавес играл особую роль в качестве посредника между колумбийским правительством и герильей, однако это вызывало неприятие у экс-президента А.Урибе.

Во внешней политике Колумбии США всегда занимали особое место и являлись ее главным партнером, США же называли Колумбию своим самым преданным союзником. Еще с начала XX века лозунгом внешней политики Колумбии являлся тезис: «ориентироваться на север» [11, p.268]. Колумбия является единственной страной Латинской Америки, которая за все время многочисленных политических изменений в регионе не изменяла своего политического курса и оставалась крепким оплотом правых сил.

Разумеется, все это не могло не отра-

зиться на внутренней ситуации в стране. Влияние США на политическую элиту Колумбии, интервенция во внутренние дела государства стали одной из причин внутреннего вооруженного конфликта. Укрепление отношений между правительством Колумбии и США на разных этапах конфликта способствовало его эскалации, так как герилья болезненно на это реагировала и выступала против действий правительства (например, во время переговоров по заключению договора о свободной торговле с США). Спорным остается отношение США к парамилитарес, а также результаты плана Колумбия. Так, Мигель Эррера отмечает двуличную политику США, которые поддерживают мирный процесс с герильей после того, как оказывали военную поддержку колумбийскому правительству для ведения войны с герильей и нарко-парамилитарес с помощью плана Колумбия, принятого в 1999 г. [12, p. 118]. До сих пор неразрешенной является проблема выдачи некоторых лидеров герильи в США за участие в наркотрафике, что усложняет мирный процесс. США неоднократно заявляли о поддержке переговорного процесса, проходящего в Гаване, а в марте 2016 г. Дж. Керри посетил стол переговоров для того, чтобы склонить стороны к компромиссу. ООН, ЕС и США назначили специальных представителей на переговорах правительства и РВСК, а после отрицательного результата референдума подчеркнули, что будут в дальнейшем помогать Колумбии завершить вооруженный конфликт [13].

5 февраля 2016 г. во время визита Сантоса в Вашингтон был согласован новый план помощи США для постконфликтного периода в Колумбии «Мир в Колумбии», который предусматривает борьбу с организованной преступностью, поддержку мирного процесса [14, p.115-127].

В эпоху глобализации трансграничные угрозы приобретают всё большое значение, особенно в государствах Африки, которые часто оказываются слишком слабы, чтобы им противостоять. Незащищённость границ Центральноафриканской республики – один из ключевых факторов, препятствующих процессу постконфликтного миростроительства в этой стране.

Границы в Африке часто проводились искусственно, в связи с чем в настоящее время 109 пограничных линий разделяют 177 культурных и этнических групп. Это даёт населению приграничных территорий стимул для неконтролируемого перемещения из одного государства в другое, при этом ситуация усугубляется тем, что около 25% общей протяжённости границ между африканскими странами до сих пор не демаркированы. Кроме того, границы между африканскими странами, как правило, плохо охраняются: известно около 70 дорог, на которых отсутствуют таможенные посты в районе пересечения государственной границы [15, p.4].

Если в государстве, восстанавливающемся после конфликта, правительству не удаётся установить контроль над приграничными территориями, это создаёт условия для деятельности террористов, преступных группировок, торговцев наркотиками, что, в свою очередь, приводит к обострению социальных противоречий и оттоку беженцев. Примером того, как незащищённость внешних границ оказывает крайне негативное влияние на процесс постконфликтного миростроительства, может служить ситуация в Центральноафриканской республике.

На данный момент в ЦАР продолжается комплексный социально-политический конфликт, усугубляющийся общим кризисом государственной системы [16, с.492]. Ситуация осложняется глубоким кризисом национальной экономики, притоком оружия из-за рубежа, а также массовым переходом военнослужащих на сторону антиправительственных групп. Ситуация в очередной раз обострилась в начале декабря 2013 года после столкновений в Банги двух группировок – «Селеки» (мусульмане) и «Анти-балаки» (христиане и анимисты). После принудительной отставки президента ЦАР Мишеля Джотодиа в начале 2014 года было создано переходное правительство во главе с нейтральной фигурой Катрин Самба-Панза. В июле 2014 года конфликтующие стороны в ЦАР при посредничестве президента Республики Конго подписали Браззавильское соглашение о перемирии, которое было нарушено в конце 2016 года в результате новых столкновений в столице страны. В мае 2015 года в ходе форума по урегулированию в ЦАР в Банги вооруженные группировки ЦАР подписали соглашение о «формальном разоружении, отказе от вооруженных столкновений как политических средств и вступлении в процесс разоружения, демобилизации, реинтеграции и репатриации» (DDRR). В 2016 году в стране состоялись президентские выборы. К участию в них не было допущено руководство страны и члены правительства переходного периода, а также лидеры боевых повстанческих группировок. Победу одержал

Форстен-Арканж Туадера, бывший премьер-министр при режиме Бозизе. Переходный период формально на этом закончился, однако столкновения между различными вооруженными группировками по-прежнему продолжаются.

Центральноафриканская республика не способна обеспечить на всей своей территории циркуляцию общественных благ; её силовые структуры и бюрократическая система крайне слабы и неэффективны; качество государственного управления остаётся низким. Всё это позволяет сделать вывод о недостаточной государственной состоятельности ЦАР, а следовательно – о её неспособности контролировать свои границы и приграничные территории. Это обстоятельство приводит к экономической и культурной переориентации отдалённых от центра префектур на внешние центры, делает население этих префектур крайне уязвимым в условиях постоянной угрозы вторжения с территории соседних государств.

Центральноафриканская республика оказывается не в состоянии наладить эффективный механизм реагирования на трансграничные угрозы в силу недостаточной государственной состоятельности и своего неблагоприятного геополитического положения в кольце стран, отличающихся высоким уровнем внутренней нестабильности и наличием относительно сильных культурных центров.

Из всех центральноазиатских государств именно Таджикистан можно считать страной, в наибольшей степени подверженной рискам, исходящим из Афганистана. Для этих государств наиболее характерны две угрозы: наркотрафик, с одной стороны, и деятельность террористических группировок и бандформирований, с другой. Не отрицая того, что и другие трансграничные угрозы (проблема беженцев и неконтролируемой миграции, деградации окружающей среды и т.п.) могут представлять проблему для Афганистана и Таджикистана, нельзя не признать, что именно два указанных вызова, представляются наиболее значимыми не только с точки зрения безопасности Афганистана и Таджикистана, но и в более широком региональном контексте,

Ключевой угрозой для этих двух государств является комплекс проблем, в котором рост экстремистских группировок (в случае Афганистана, ставящих под свой контроль целые районы) и наркотрафик оказываются тесно переплетены в один клубок. Бандформирования используют производство и экспорт наркотиков в качестве своего основного источника финансирования, и потому ликвидация или хотя бы сокращение наркотрафика невозможны без восстановления контроля Кабула над всей территорией страны. Иными словами, без окончательного политического урегулирования длящегося десятилетиями внутреннего конфликта решить проблему, связанную с наркотрафиком, в Афганистане не представляется возможным, а урегулирование в обозримой перспективе представляется по-прежнему практически недостижимой целью.

Несмотря на то, что основным источником нестабильности является именно Афганистан, Таджикистан из всех центральноазиатских государств является страной, наименее защищенной от рисков, исходящих из Афганистана.

Хотя основной «базой» экстремистских группировок и основным районом производства наркотических веществ является именно Афганистан, распространение этих проблем на Таджикистан вызвано не только фактором географической близости, но и внутренними условиями. Низкий уровень жизни, межэтнические противоречия, нежелание правящей элиты проводить конструктивный диалог со своими оппонентами ведут к тому, что политический протест маргинализируется, становясь питательной средой для экстремистских организаций из-за рубежа, а участие в наркотрафике оказывается для части населения способом не столько обогащения, сколько выживания.

На практическом уровне это означает, что меры, нацеленные на ликвидацию структур экстремистских организаций в Таджикистане и других странах Центральной Азии, укрепление контроля над таджикско-афганской границей и пресечение контрабанды наркотиков являются необходимым, но недостаточным условием решения стоящих перед странами региона проблем в сфере трансграничной безопасности. Без вовлечения оппозиционных сил в политический диалог, без создания новых экономических возможностей для населения любые меры, нацеленные на стабилизацию ситуации, обречены на неудачу.

Ситуация, приведшая к распаду Югославии, привела к конфликту и острому противостоянию сербов и албанцев, а затем к вторжению войск НАТО и бомбардировкам Белграда в 1999 году. Признание независимости Косово до сих пор остается камнем преткновения в отношениях ряда государств.

Несмотря на то, что Косово стало суверенным государством, назвать его дееспособным и функционирующим невозможно. До сих пор на его территории располагается миротворческий

контингент ООН, миссия ЕС, отвечающие за обеспечение безопасности, точнее защиту сербских анклавов, составляющих меньшинство, от нападений албанского большинства. В 2004 году албанцы устроили поджог цыганских кварталов в Вуштри. Из-за опасений за свою жизнь отток сербского населения продолжился. В ноябре 2011 года представитель объединения «Старая Сербия» Златибор Джорджевич передал Послу России в Белграде 21 733 прошения о получении российского гражданства от сербов, проживающих в Косово [17].

Следует отметить, что экономика края находится на низком уровне: импорт значительно превосходит экспорт, внешний долг составляет 35 процентов от всего ВВП. Крайне высок уровень безработицы и организованной преступности. Одной из важнейших статей дохода остается перечисления денежных средств семьям косоваров, работающих за границей, а также средства от продажи наркотиков. Центр стратегических и международных исследований Массачусетского технологического института неоднократно указывал на то, что албанские выходцы из Косово «держат» около 70% рынка героина в Германии и Швейцарии [18]. Албанские преступные синдикаты остаются одними из самых сильных и организованных в Европе. На территории республики активно действует террористическая организация «Албанская национальная армия», провозгласившая своей целю создание великой Албании, на счету которой многочисленные террористические акты, преступления, связанные с торговлей людьми, контрабандой наркотиков. Сеть этой террористической организации охватывает помимо Косово и другие бывшие югославские республики.

Помимо участия в мировой торговле наркотиками, территория Косова стала удобной площадкой для незаконной торговли человеческими органами. Впервые об этой проблеме заявила в своей книге экс-прокурор Международного трибунала для бывшей Югославии Карла дель Понте "Охота: я и военные преступники" [19]. В книге дель Понте рассказала о похищении в 1999 году около 300 косовских сербов и транспортировке в Албанию с целю изъятия их органов. В настоящий момент, время от времени раскрываются факты преступлений, связанных с незаконной изъятием и трансплантацией органов в клиниках Косова. Так, в 2011 году предметом расследования миссии ОБСЕ стала деятельность косовской клиники «Медикус», где подтверждены 11 фактов незаконного изъятия органов [20].

Очевидно, что Косово - остается квазигосударством с недееспособным политическим руководством, «черной дырой» Европы, где нет ни закона, ни порядка. Без контроля миротворческой миссии ООН и ЕС в будущем невозможно избежать возможного кровопролития между сербами и албанцами, поскольку напряженность в отношениях двух народов, проживающих на одной территории, к сожалению, не снижается. Инциденты, свидетельствующие о возможности столкновений сербов и албанцев, возникают перманентно. Так в январе этого года (2017) при попытке Сербии впервые с 1999 года наладить железнодорожное сообщение между Белградом и Косовско - Митровицем косовские албанцы пригрозили остановить поезд силой [21].

Приведенные выше примеры наглядно подтверждают, что для предотвращения возобновления открытого насилия, создания условий для установления устойчивого мира, достижения социального примирения между этническими, религиозными группами, необходимо проведение эффективных политических реформ, устранение причин конфликта, примирение сторон. Эти составляющие являются важнейшими компонентами процесса миростроительства и поддержания мира.

Список литературы

1. The Transatlantic Cocaine Market // UNODC. Vienna, 2011. P.12. [Electronic resource]. URL: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/Studies/Transatlantic_cocaine_market.pdf (The date of request: 01.04.2017).

2. Transnational Organized Crime In West Africa: A Threat Assessment // UNODC. Vienna, 2013. [Electronic resource]. P.9. URL: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/tocta/West_Africa_TOCTA_2013_EN.pdf (The date of request: 27.03.2017).

3. Loewenstein A. How Not to Fix an African Narco-State // Foreign Policy. 6.01.2016. [Electronic resource]. URL: http://foreignpolicy.com/2016/01/06/how-not-to-deal-with-an-african-narco-state-guinea-bissau/ (The date of request: 28.03.2017).

4. West Africa and Drug Trafficking // Africa Economic Development Institute. [Electronic resource]. URL: http://www.africaecon.org/index.php/africa_business_reports/read/70 (The date of request: 01.04.2017).

5. Ebo A. The role of security sector reform in sustainable development: donor policy trends and challenges // Conflict, Security and Development. 2007. V.7, № 1. P. 27-60.

6. Guinea-Bissau: Building a Real Stability Pact // International Crisis Group. Dakar/Brussels, 2009. Africa Briefing № 57. P.13. [Electronic resource]. URL: https://d2071andvip0wj.cloudfront.net/b57-guinea-bissau-building-a-real-stability-pact.pdf (The date of request: 01/04.2017).

7. Ngwube A. Drug Trafficking: A threat to Stability in Guinea Bissau // 23rd World Congress of Political Science. Montréal, 2014. P.3. [Electronic resource]. URL: http://paperroom.ipsa.org/papers/paper_37484.pdf (The date of request: 30.03.2017).

8. Currea-Lugo V. Un intento por explicar la violencia en Colombia. Y si no somos nación?// América Latina Hoy. 1999. №23. P. 17-27.

9. The FARC and Colombia's Illegal Drug Trade. [Electronic resource]. URL:https://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/Otis_FARCDrugTrade2014.pdf (accessed: 10.12.2016).

10. Kornblith M. Percepciones venezolanas sobre la crisis en Colombia// Colombia Internacional. 2004. № 60. [Electronic resource]. URL: http://colombiainternacional.uniandes.edu.co/view.php/444/index.php?id=444 (accessed: 15.12.2016).

11. Pardo R. Política exterior colombiana. ¿De la subordinación a la autonomía?/ Pardo R., Tokatlian J. G. // Bogotá: Tercer Mundo Editores-Ediciones Uniandes. 1989. P. 268.

12. Los cuatro pilares del plan "Paz Colombia» [Electronic resource]. URL: http://www.elcolombiano.com/colombia/politica/los-cuatro-pilares-del-plan-paz-colombia-XX3550437 (accessed: 11.04.2016)

13. El enviado especial de EEUU visita La Habana para ayudar con paz en Colombia [Electronic resource] // Infolatam. – 05.10.16. – URL: http://www.infolatam.com/2016/10/05/el-enviado-especial-de-eeuu-visita-la-habana-para-ayudar-con-paz-en-colombia/ (accessed: 08.11.2016)

14. Herrera Zgaib M. A. Paz, orden glocal y pensamiento de ruptura// Utopía y Praxis Latinoamericana. 2014. Vol. 19, № 65. P. 115-127.

15. Okumu W. Border management and security in Africa. Concordis Briefing №4. Cambridge, England: Concordis International. 2011. P.4. [Electronic resource]. URL: http://concordis.international/wp-content/uploads/2012/11/2011_Sudan_Border_Regime_Briefing_4_BORDER-MANAGEMENT-SECURITY-II_LR.pdf (The date of request: 15.01.2017).

16. Торкунов А.В. Политические системы современных государств: Энциклопедический справочник: В 4 т. Т. 4: Африка / А.В. Торкунов, А.Ю. Мельвиль. М., 2014. 560 с.

17. Более 20 тысяч косовских сербов запросили российское гражданство https://ria.ru/world/20111114/488673259.html

18. Качалин К. Косовский наркотрафик // Международная жизнь https://interaffairs.ru/news/show/9369

19. Карла дель Понте. "Охота: я и военные преступники". М.: Эксмо, 2008. - 639 с.

20. Саможнев А. В Косово у 11 россиян незаконно изъяли органы // Российская газета https://rg.ru/2013/07/10/transplantacia-site.html

21. Сербия после инцидента в Рашке пригрозила отправить войска в Косово https://lenta.ru/news/2017/01/15/serbosovo/

Об авторах

Антюхова Екатерина Андреевна – кандидат политических наук, старший преподаватель, кафедра сравнительной политологии, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, 15e_ant77@mail.ru

Нелидов Владимир Владимирович – аспирант кафедры Востоковедения МГИМО МИД России, преподаватель кафедры Востоковедения МГИМО МИД России, vladimir.nelidov@gmail.com

Рустамова Лейли Рустамовна – эксперт отдела докторантуры и аспирантуры управления научной политики МГИМО МИД России, leili-rustamova@yandex.ru

Середа Мария Андреевна – студентка 1 курса магистратуры Дипломатия и дипломатическая служба МГИМО МИД России, maria_sereda@mail.ru

Черногородова Валерия Сергеевна – студентка 1 курса магистратуры МГИМО МИД России, valeria1500@yandex.ru

Ютяева Ирина Романова – студентка 1 курса магистратуры МГИМО МИД России, ассоциированный член Института Африки РАН, indigerda@mail.ru

УДК 94. 327

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МИД ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ ПО РАЗВИТИЮ ОТНОШЕНИЙ С ФРГ (2009-2014 гг.)

Аюпова Н. И.

В статье рассмотрены основные двусторонние визиты министров иностранных дел Турции и ФРГ. Министр иностранных дел Ахмет Давутоглу стал «главным архитектором» нового курса внешней политики Турции. Особый интерес уделяется возможным мерам по разрешению сирийского вопроса. Отдельно рассматривается вопрос вступления Турции в ЕС и позиция ФРГ по этому вопросу. В заключении дается характеристика интересов и ожидаемых результатов обеих стран от развития стратегического диалога.
Ключевые слова: турецко-германское сотрудничество, стратегический диалог, А. Давутоглу, сирийский вопрос, ЕС.

THE MAIN ACTIVITIES OF THE FOREIGN MINISTRY OF THE REPUBLIK OF TURKEY ON THE DEVELOPMENT OF RELATIONS WITH THE FEDERAL REPUBLIK OF GERMANY (2009-2014)

Aiupova N.I.

The article describes the main bilateral visits of the Foreign Ministers of Turkey and Germany. Minister of Foreign Affairs Ahmet Davutoglu was the “chief architect” of a new foreign policy of Turkey. Of particular interest is given to possible measures to resolve the Syrian issue. Separate issue of Turkey's accession to the EU and the German position on this issue. In conclusion, the characteristic of interest and the expected results of the two countries on the development of a strategic dialogue.
Keywords: Turkish-German cooperation, strategic dialogue, Davutoglu, the Syrian issue, the EU.

Отношения между Турцией и Германией многообразны и исторически мотивированы. Турция и ФРГ сотрудничают в самых разнонаправленных сферах: политической, экономической, военной и социальной. ФРГ является давним союзником и продолжает быть первостепенным торговым партнером Турции. Германия - страна, в которую идет самый большой экспорт из Турции. В 2013 г. Турция в экспорте Германии заняла 6 место, а в импорте - 7. Двусторонний объем торговли Турции по данным на 2014 г. достиг 38 млрд. дол. В Турции действует почти 6 000 фирм с немецким капиталом. В период с 2002 по 2014 гг. количество капиталовложений, пришедших из Германии в Турцию, достигло более чем 7,8 млрд. дол. Номинальное число турецких предприятий в Германии по данным 2014 г. составляет 80 000 фирм с оборотом 40 млрд. евро. Данные предприятия обеспечивают возможность занятости примерно 40 тысячам людей. В период с 2002 по 2014 гг. (включая октябрь) количество прямых капиталовложений, пришедших из Турции в Германию, достигло 1,7 млрд. дол. [12].

Современные турецко-германские отношения обусловлены взаимным интересом. Турция стала региональной державой и для Евросоюза действительно «ключевой страной» и к региону Средиземноморья, и в целом к мусульманскому миру. Турция, считающая себя «ключевой страной» Востока, видит Германию как «ключевую страну» Евросоюза [2]. Важными факторами турецко-германских отношений выступают турецкая диаспора, численность которой уже превышает 3 млн. человек (причем 1 575 000 - граждане Германии), немецкие туристы, приблизительно 5 млн. которых каждый год посещают Турцию, и более 15 тысяч германских граждан, обосновавшихся в Турции [17].

2009 год по причине выборов в Германии для Турции стал критическим, так как Ангела Меркель, лидер германской христианско-демократической партии, ведущей пропаганду против Турции, вновь стала канцлером ФРГ. Тем не менее, двусторонние отношения между Турцией и Германией поддерживались в конструктивном ключе благодаря регулярным двусторонним визитам как на уровне лидеров государств, так и на уровне министров иностранных дел, в ходе которых проводились консультации с широким спектром тем. Министр иностранных дел ФРГ Гидо Вестервелле нанес очень плодотворные и позитивные визиты в Турцию в 2009 г., 2010г. (6-8 января и 28-19 июля), 2011 г. и 2013 г. (20 апреля). Министр иностранных дел Ахмет Давутоглу посетил ФРГ в 2009 г. (15-17 июня), 2010 г. (8-9 октября), 2011 г. (1-5 декабря), 2012 г. (3-5 февраля и октябрь), 2013 г.

(22 августа), 2014 г. (31 января - 2 февраля). Однако не все визиты были освещены в СМИ.

Ахмет Давутоглу, турецкий министр иностранных дел с 1 мая 2009 по 28 августа 2014 гг., стал «главным архитектором» нового курса внешней политики. Его монография «Стратегическая глубина» - основополагающий для турецкого внешнеполитического курса труд. А. Давутоглу стал постоянным партнером ФРГ по переговорам. Первый свой визит в ФРГ в качестве главы МИДа А. Давутоглу совершил 15-17 июня 2009 г. по приглашению министра иностранных дел ФРГ Франка-Вальтера Штайнмайера [9]. Министр А. Давутоглу во время своего очередного визита в ФРГ 1-5 декабря 2011 г. встретился с президентом ФРГ, а также посетил и провел встречи в традиционно наиболее заселенных турками городах (Гамбург, Франкфурт, Мюнхен, Берлин и Кельн), встретился в городской администрации с представителями 8 турецких и 1 греческой семей, пострадавших от рук праворадикальной группы, действовавшей в Германии в 2000-2006 гг. Министр в ходе визита был принят президентом ФРГ Христианом Вульфом и провел переговоры с министром внутренних дел Гансом-Петером Фридриком и министром иностранных дел Гидо Вестервелле [10]. В 2012 г. глава МИДа Турции посетил ФРГ по случаю 48 мюнхенской конференции по вопросам безопасности, а в октябре того же года и в 2013 г. во время визита в Берлин провел переговоры с Г. Вестервелле [6].

Во время визитов Гидо Вестервелле в Турецкую Республику в основе повестки дня были региональные и международные вопросы, в частности, сирийский, и вопрос членства Турции в ЕС [7]. Лишь одной из многих целей состоявшегося 1-2 июля 2011 г. визита федерального министра иностранных дел Гидо Вестервелле в Турцию стала перезагрузка германо-турецких отношений. Встречи в Анкаре и Стамбуле, переговоры с министром иностранных дел Турции Ахметом Давутоглу вскоре после парламентских выборов в Турции свидетельствовали об укреплении германо-турецких отношений. Это был первый визит зарубежного лидера в Турцию после состоявшихся 12 июня 2011 г. парламентских выборов. С одной стороны, подобный визит закреплял германские интересы на Босфоре, с другой стороны, сообщал турецкой элите о признании третьей подряд победы правящей ПСР во главе с премьер-министром Реджепом Т. Эрдоганом.

Переговоры между главами внешнеполитических ведомств Германии и Турции проходили на «хорошем уровне понимания и последовательности в оценке ситуации в кризисных районах арабского мира». Гидо Вестервелле заявил, что Турция играет в регионе ключевую стратегическую роль, подчеркнув при этом ее двоякую миссию: «один из новых сильных научных центров мира» и «мост к исламскому миру». Судя по оценкам немецкой прессы, визит высокого германского гостя был в своем роде уникальным, ибо не турецкая сторона призывала немцев содействовать скорейшему вступлению Турции в Евросоюз, а наоборот. Идея визита Вестервелле в Турцию в определенной мере противоречила декларациям Меркель и продолжала линию президента ФРГ. Визит Г. Вестервелле обозначил новую веху не только в германо-турецких, но и в турецко-европейских отношениях, так как он начал перезагрузку в свете новой роли Турции в регионе, имея в виду сирийский и ливийский вектор ее влияния. Оценка руководством Турции действий сирийского и ливийского режима и конкретные акции страны, направленные на поддержку демократических сил Сирии и Ливии, определяли ее актуальное лидирующее положение и побуждали страны Запада отказаться от прежних требований, выполнение которых обеспечивало Анкаре место в Евросоюзе [1].

В том же году 13 октября министр иностранных дел ФРГ Г. Вестервелле провел в Турции серию переговоров, в которых участвовали премьер-министр Р. Эрдоган, министры А. Давутоглу и Э. Багыш. Визит тематически продолжал идею перезагрузки германо-турецких отношений, как была обозначена предыдущая поездка Г. Вестервелле в Турцию, проходившая 1-2 июля 2011 г. Тематика встреч состояла из трех пунктов: актуальная ситуация на Севере Африки и Ближнем Востоке; присоединение Турции к ЕС; запуск совместного германо-турецкого культурного проекта в Стамбуле. Встречи в Анкаре и Стамбуле, переговоры с министром иностранных дел Турции Ахметом Давутоглу вскоре после парламентских выборов в Турции стали знаком укрепления тесных германо-турецких отношений. В известной степени визит Г. Вестервелле обогатил их: вместе со своим турецким коллегой Ахметом Давутоглу Вестервелле принял участие в церемонии открытия в Стамбуле Академии Tarabya [2].

В многолетней истории турецко-германских отношений период 2013-2014 гг. можно рассматривать как новый этап - этап создания механизма стратегического диалога двух стран. Под стратегическим диалогом между Турцией и ФРГ понимается диалог на высшем уровне между Турцией и ФРГ с целью обсуждения широкого спектра международных и двусторонних вопросов, включая аспекты региональной и глобальной безопасности, между этими двумя странами. Турция и ФРГ, отмечавшие в 2013 г. 250-летие дипломатических отношений, начали выводить сотрудничество на «стратегический» уровень [16]. Еще в сентябре 2009 г. до выборов в Германии кандидат на пост премьера-министра от социал-демократов Франк-Вальтер Штайнмайер подчеркнул важность отношений с Турцией и в особенности развитие стратегического диалога министров иностранных дел Турции и ФРГ посредством регулярных переговоров [11, с. 361]. Тесные связи между Турцией и Германией характеризуются как «уникальное сотрудничество». Согласно дипломатическим источникам, между странами отмечается еще большее укрепление отношений и тесный диалог после Арабской весны, а также сотрудничество в сфере экономики [14]. Выражение «стратегический диалог» в двусторонних отношениях Турции и Германии появлялось в повестке дня и ранее. Все официальные встречи, проведенные в последние годы, постоянно определялись как «стратегический диалог». Каждая из двух стран имеет свои интересы в этом сотрудничестве. Турция, считая Германию своим «адвокатом» в ЕС, признает, что стране не избежать немецкой поддержки. При этом Турция понимает, что в глобальной и региональной политике Германии она является важным политическим и экономическим актором. Здесь стоит вспомнить высказывание президента А. Гюля, что две страны - Германия и Турция - имеют две самые здоровые экономики в Европе. Официальный визит канцлера Меркель 25 февраля 2013 г. со многих точек зрения был очень важным. Был запущен процесс продвижения отношений еще на один шаг. Германия, не особо поддерживающая сирийскую политику Турции, снова отправила на территорию Турции ракетную систему обороны «Patriot». В продолжение этого визита 12 мая 2013 г. на уровне министров иностранных дел был разработан механизм стратегического диалога (МСД), направленный на достижение «стратегических параметров» и теоретической перспективы отношений двух стран. Первые переговоры были проведены в Берлине в упомянутое время, а вторые - в Стамбуле 19-20 июня 2014 г. [12].

Остановимся подробнее на каждой из встреч.

11-12 мая 2013 г. между двумя странами были проведены переговоры под сопредседательством министров иностранных дел Турции и Германии Ахмета Давутоглу и Гидо Вестервелле. Переговоры состоялись в гостевом доме МИД в Вилла Борсиге.

Благодаря соглашению между двумя близкими союзническими странами были достигнуты договоренности по созданию «механизма стратегического диалога». Целями диалога стали более близкое сотрудничество по региональным и глобальным проблемам, прежде всего по Ближнему Востоку, продвижение двусторонних отношений, распространяющихся на широкие сферы, преодоление некоторых имеющихся различий взглядов [17].

После переговоров министров было подписано совместное коммюнике по созданию механизма стратегического диалога. В документе отмечается, что министерства Турецкой Республики и Федеративной Республики Германия «признают важность увеличивающегося двустороннего сотрудничества в контексте отношений между Турцией и ЕС, оценивая пользу для каждой из сторон»; а также «тесные и развивающиеся экономические отношения между странами - торговыми и деловыми партнерами - на протяжении многих лет благодаря вкладу инвестиций каждой из сторон» [16]. Согласно коммюнике, обе стороны обновили «обязательства по преобразованию и укреплению тесного сотрудничества в политике и безопасности, в особенности внутри двусторонних и международных организаций, направленного на продолжительные и крепкие отношения», а также «выражают важность увеличения сотрудничества по вопросу борьбы с организованной преступностью, насильственным экстремизмом и террором» [16].

В документе выделяется шесть основных пунктов по созданию механизма стратегического диалога. В первых двух пунктах речь идет о том, что форумы по созданию механизма стратегического диалога будут организовываться поочередно в Турции и Германии мини-

мум один раз в год под председательством министров иностранных дел Федеративной Республики Германия и Турецкой Республики. Дополнительно к ежегодному форуму на уровне министров иностранных дел минимум один раз в год будут проводиться консультации на уровне советников министерств иностранных дел/государственных секретарей с целью подготовки и наблюдения за реализацией механизма стратегического диалога. Согласно третьему и четвертому пунктам в рамках стратегического диалога министров иностранных дел по совместному решению появится ряд экспертных рабочих групп, в каждой из которых будет сопредседательствовать турецкое и немецкое высокопоставленные лица. Рабочие группы, наряду с двусторонними и международными проблемами, будут заниматься вопросами, касающимися ЕС, миграционных потоков, угроз национальной и международной безопасности, миграции как фактора социально-экономического развития и другими. Первые пять рабочих групп будут работать над проблемами двусторонних отношений, политикой безопасности, борьбой с террором, партнерством с Европой, а также над региональными и международными вопросами. Экспертные рабочие группы самостоятельно будут определять повестку дня и собираться в случае необходимости. Пятый пункт посвящен постоянной поддержке стратегического диалога на протяжении года посредством организации серии регулярных межминистерских консультаций по экономике, энергетике и окружающей среде, а также проблемам внешней политики и политики безопасности, борьбы с терроризмом, консульскими вопросами, вопросами культуры, научно-исследовательскими, европейскими, трудовыми и социальными. Помимо этого могут создаваться дополнительные консультативные форумы при участии других необходимых министерств / ведомств. В последнем пункте коммюнике подчеркивается, что «обе стороны с удовольствием встречают инициативу, имеющую своей целью увеличение числа акторов гражданского и молодежного сообществ» [16].

Механизм стратегического диалога, выдвинутый на высших уровень двусторонних отношений, воспринимается дипломатами как шаг к еще более тесному сотрудничеству двух стран. После подписания совместного коммюнике была организована пресс-конференция с участием обоих министров. Повестка дня включала следующие пункты: проблемы турок, проживающих в Германии, прежде всего вопросы, касающиеся адаптации и применения строгого визового режима, средства более эффективной борьбы против курдской рабочей партии и других организаций, Сирия, процесс вхождения Турции в ЕС. Что касается последнего пункта, то здесь турецкая сторона ожидала от Германии большей поддержки в вопросе обсуждения срока.

Давутоглу сообщил о желании углубить отношения Германии и Турции во всех сферах, тем самым, обратив их в самые тесные в мире. Особый акцент министр сделал на увеличение немецких инвестиций в Турцию: «Мы желаем развития инфраструктуры и инвестиций в Германии со стороны Турции. В связи с этим мы решили усилить экономический механизм». Министр также заявил о желании освобождения от визового контроля и начала процесса по вхождению в ЕС. Давутоглу заверил своего коллегу, что с обязательным решением кипрского вопроса возможно вывести турецко-германские отношения на новую парадигму [15]. Делая отсылку к турецким гражданам, живущим в Германии, он сказал: «Отношения Турции и Германии - это отношения не государств, а отношения, переплетающиеся между нашими народами» [14]. Ни между какими обществами не наблюдаются такого рода отношения. Учитывая и этот факт, на встрече в октябре 2012 г. премьер-министр Турции и канцлер ФРГ Англела Меркель достигли договоренности по приведению в действие этого механизма. Говоря о создании механизма стратегического диалога между Турцией и Германией, министр иностранных дел Турции подчеркнул следующее: «Это новая страница между Турцией и Германией, первый шаг. Я уверен, этот исторический шаг положительным образом повлияет не только на будущее стратегическое сотрудничество между Турцией и Германией, но и на европейское будущее, международную безопасность, стабильность и мир» [5]. Глава внешнеполитического ведомства Турции заявил журналистам, что ксенофобия может быть препятствием для действий Турции по вступлению в ЕС. «Мы обеспокоены ростом ксенофобии и правых настроений после экономического кризиса в Европе. ЕС начался как мирный проект, но события последних лет являются источником беспокойства для всех нас» [15]. Касательно сирийского вопроса, Давутоглу заявил, что международное сообщество

должно выработать единую позицию по этому вопросу. «Риски для безопасности как Турции, так и других стран-соседей Сирии в связи с конфликтом в Сирии растут», – сказал он, указав на то, что в Турции и Иордании находятся тысячи сирийских беженцев. ООН пора соотнести свою позицию по отношению к сирийской проблеме с реальной обстановкой в регионе, отметил турецкий министр.

На встрече в Берлине Гидо Вестервелле заверил своего турецкого коллегу Ахмета Давутоглу в том, что Германия стремится к серьёзному углублению отношений с Анкарой и намерена активизировать переговорный процесс о вступлении Турции в Евросоюз. По словам немецкого министра, уже в ближайшее время в этом вопросе «будет открыта новая глава». Спустя два года без особого прогресса в данном переговорном процессе Берлин посылает «чёткий сигнал» Анкаре, обещая Турции стратегическое партнёрство. Как особо подчеркнул глава МИД ФРГ, затянувшийся штиль в переговорах о вступлении Турции в ЕС не соответствует интересам Берлина. За минувшие пятнадцать лет политическое и экономическое развитие Турции являет собой «впечатляющую историю успеха», считают в Берлине. Именно поэтому Германия, как отмечает министр, намерена развивать равноправное партнёрство с Турцией [4]. Вестервелле принес свои соболезнования и назвал варварским террористический акт в приграничном с Сирией турецком городе Рейханлы, унесший жизни более 40 человек. «Германия в это тяжелое время находится вместе с Турцией», – отметил глава МИД ФРГ, подчеркнув, что необходимо как можно скорее найти и привлечь к ответственности организаторов теракта [3].

Следует указать на возникшее между министрами иностранных дел разногласие: использовалось или нет химическое оружие в Сирии. Германия подходит к этой теме более осторожно и Вестервелле в своем заявлении предлагал не торопиться Давутоглу. Глава внешнеполитического ведомства ФРГ, защищая свою позицию, сообщил, что «наша красная черта - химическое оружие». Его турецкий коллега, в свою очередь, заявил, что «нашей красной чертой не должно быть только химическое оружие. Для нас красная черта - это продолжение общественного наказания» [3]. На совещании турецкой стороной была предоставлена информации о том, что режимом Асада используется химическое оружие. На что Вестервелле предложил передать эту информацию в секретную службу ФРГ, которая, внимательно изучив ее, даст оценку.

Вторая встреча по установлению механизма стратегического диалога прошла в Стамбуле во дворце Чираган 19-20 июня 2014 г. под председательством министра иностранных дел ФРГ Франка-Вальтера Штайнмайера (Вестервелле покинул пост в связи с онкологическим заболеванием) и министра иностранных дел Турции Ахмета Давутоглу. Переговоры были закрыты для прессы. 19 июня 70 высокопоставленных правительственных представителей в составе пять рабочих групп провели переговоры в рамках встречи по стратегическому диалогу. Между специалистами двух стран произошел взаимный обмен по двусторонним отношениям, региональным и международным вопросам, Европейскому партнерству, политике безопасности, борьбе с терроризмом. 20 июня переговоры с участием министров иностранных дел завершились. Встреча министров продолжалась примерно 20 минут. После чего между делегациями под председательством министров были проведены переговоры и оба министра вышли к прессе. Давутоглу сделал следующее заявление: «Турецкая сторона должна разработать документ по борьбе с любой террористической и жестокой организацией, включая ИГИЛ». Так же глава МИД Турции отметил, что «благодаря пяти рабочим группам, созданным на сегодняшний день, мы сделали еще один шаг в направлении еще большего развития отношений». Первая группа занималась двусторонними отношениями, вторая - ЕС и европейским партнерством, третья - борьбой с террором, четвертая - международной безопасностью, а пятая - региональными и международными вопросами [13]. Министры на протяжении двух дней изучали отчеты этих групп по проделанной работе. Глава МИД Турецкой Республики выразил уверенность в обеспечении большого вклада в будущие отношения посредством работы экспертных групп. Глава внешнеполитического ведомства Турции отметил усиление политической, экономической и культурной инфраструктуры двусторонних отношений, а также, подчеркивая членство Турции в ЕС как стратегическую цель, отметил ожидание от Германии, как передовой страны в ЕС,

вклада в продвижение этого процесса. Затронув тему нахождения стран в очень динамичной международной конъюнктуре, он сказал: «Между кризисами и в такой динамичной конъюнктуре Турция совместно с Германией планируют развитие совместных перспектив посредством консультаций по Каспийскому бассейну, Ближнему Востоку, региону Черного моря, Восточной Европе, Балканам. Все это является важным с точки зрения как интересов Турции и Германии, так и с точки зрения стабильности и постоянного мира в Евразии и на Ближнем Востоке. ...Я верю, что членство Турции в ЕС внесет большое значение с точки зрения экономического динамизма и стратегического влияния. Для Турции ЕС - стратегическая цель. Мы никогда не откажемся от этой цели. Главным пунктом во всей нашей внешней политике является приход в ЕС» [13].

Благодаря механизму стратегического сотрудничества между правительствами Турции и ФРГ ожидается принятие совместных решений по политическим, экономическим, социальным и техническим вопросам, что приведет к укреплению двустороннего сотрудничества [18, с. 137]. Турецко-германский механизм стратегического диалога - это качественно новая и долгосрочная консультационная платформа между двумя странами. Однако встречаются и оценки одностороннего характера данного диалога. Подписанное соглашение, рассматриваемое с обеих сторон как «новый ход», будет более выгодно ФРГ, нежели Турции. Более корректно сказать, ФРГ вынуждена идти на сближение с Турцией. Это связано, в первую очередь, со значительным обострением ситуации в ближневосточном регионе и крайне непростыми событиями в Сирии. Берлин надеется через Турцию поучаствовать в решении сирийского вопроса. В приоритете турецко-германских отношений попрежнему остается немецкий капитал с его региональными интересами.

Таким образом, рассмотрев основные направления деятельности МИД Турецкой Республики по развитию отношений с ФРГ в период с 2009 по 2014 гг., несмотря на приход к власти канцлера ФРГ Ангелы Меркель, лидера германской христианско-демократической партии, ведущей пропаганду против Турции, следует отметить поддержание двусторонних отношений в конструктивном ключе благодаря регулярным визитам первых лиц государства, а также активизацию турецко-германских связей на уровне глав внешнеполитических ведомств во многом с турецкой стороны под влиянием министра иностранных дел Ахмета Давутоглу (2009-2014 гг.) и его фундаментального труда «Стратегическая глубина». Вывод турецко-германских отношений на «стратегический уровень» и создание механизма стратегического диалога безусловно положительным образом повлияет как на будущее стратегическое сотрудничество между Турцией и Германией в политической, экономической, социальной, технической, культурной сферах, так и на европейское будущее и международную безопасность.

Список литературы

1. Берг И.С. Визит главы МИДа ФРГ Г. Вестервелле в Турцию. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.iimes.ru/?p=12921#more-12921 (дата обращения: 20.10.2016)

2. Берг И.С. Визит Г. Вестервелле в Турцию: цели, задачи, итоги. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.iimes.ru/?p=13464#more-13464 (дата обращения: 20.10.2016)

3. Давутоглу: Необходимо выработать единую позицию по кризису в Сирии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://aze.az/news_davutoglu_neobhodimo_vyir_91752.html (дата обращения: 20.10.2016)

4. Так нужен нам берег турецкий? [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.rg-rb.de/index.php?option=com_rg&task=item&id=9345&Itemid=13 (дата обращения: 20.10.2016)

5. Almanya ile stratejik diyalog mekanizmasi. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.akparti.org.tr/site/haberler/almanya-ile-stratejik-diyalog-mekanizmasi/44457#1 (дата обращения: 12.10.2016)

6. Davutoğlu A. 2013 yılına girerken dış politikamız. S. 15. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.mfa.gov.tr/site_media/html/butce_2013.pdf (дата обращения: 12.10.2016)

7. Dış Politika Kronolojisi. 2010. Ekim. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.mfa.gov.tr/ekim_.tr.mfa (дата обращения: 20.10.2016)

8. Dış Politika Kronolojisi. 2014. Ocak. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.mfa.gov.tr/ocak___.tr.mfa (дата обращения: 20.10.2016)

9. Dış Politika Kronolojisi. 2009. Haziran. [Электронный ресурс]. Режим доступа:

http://www.mfa.gov.tr/haziran.tr.mfa (дата обращения: 20.10.2016)

10. Dış Politika Kronolojisi. 2011. Aralık. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.mfa.gov.tr/aralik__.tr.mfa (дата обращения: 20.10.2016)

11. Genç S., Çelebi B. Türkiyenin Almanya Politikası 2009 // Türk dış politikası yıllığı 2009. Ankara, 2011. S. 355-380.

12. Türkiye-Almanya Federal Cumhuriyeti Siyasi İlişkileri. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.mfa.gov.tr/turkiye-almanya_-siyasi-iliskileri.tr.mfa (дата обращения: 20.10.2016)

13. Türkiye-Almanya Stratejik Diyalog Mekanizması Toplantısı. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.haberler.com/turkiye-almanya-stratejik-diyalog-mekanizmasi-6177064-haberi/ (дата обращения: 20.10.2016)

14. Türkiye – Almanya Stratejik Diyalog Mekanizması'nın ilk toplantısı Berlin'de gerçekleştirildi. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.mfa.gov.tr/turkiye-almanya-stratejik-diyalog-mekanizmasi_nin-ilk-toplantisi-berlin_de-gerceklestirildi.tr.mfa (дата обращения: 18.10.2016)

15. Türkiye ile Almanya arasında Stratejik Diyalog Mekanizması kurulmasına yönelik ortak bildiriyi imzalayan Dışişleri Bakanı Ahmet Davutoğlu ve Almanya Dışişleri Bakanı Guido Westerwelle, gündeme dair önemli açıklamalarda bulundu. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.haberexen.com/disisleri-bakani-ahmet-davutoglu-304780h.htm (дата обращения: 20.10.2016)

16. Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı ile Almanya Federal Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı Arasında Stratejik Diyalog Mekanizması Kurulmasına İlişkin Ortak Bildiri, 12 Mayıs 2013, Berlin. [Электронный ресурс]. Режим доступа:http://www.mfa.gov.tr/turkiye-cumhuriyeti-disisleri-bakanligi-ile-almanya-federal-cumhuriyeti-disisleri-bakanligi-arasinda-stratejik-diyalog-mekanizma.tr.mfa (дата обращения: 20.10.2016)

17. Türkiye ve Almanya'dan 'stratejik' hamle [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.dw.com/tr/t%C3%BCrkiye-ve-almanyadan-stratejik-hamle/a-16801398 (дата обращения: 15.10.2016)

18. 2013'te Türkiye: Siyaset, hukuk ve insan hakları, dış politika, ekonomi, eğitim. İstanbul: Seta. 2013. №74. 196 s.

Об авторе

Аюпова Наиля Иршатовна – аспирант кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории, преподаватель кафедры восточных языков и лингвокультурологии, Институт международных отношений и мировой истории, Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, aupovani@mail.ru

УДК 902.03.41.01

К ВОПРОСУ СОХРАНЕНИЯ И КОНСЕРВАЦИИ ПАМЯТНИКОВ СУДОХОДСТВА

Березин А.А.

Приводимый материал освещает современные методы поиска, идентификации и консервации подводно-археологических памятников судоходства внутренних водных путей России. Высокая историко-культурная значимость исследований подобного характера обуславливается все возрастающим интересом отечественной науки к более широкому спектру применения выводов экспедиционной и лабораторной деятельности археологов, когда помимо исключительно проблем исторической направленности, затрагиваются вопросы дисциплин, как общего гуманитарного, так и инженерно-технического характера. В статье дается характеристика основных методов организации работ по обработке, подъему, транспортировке и консервации артефактов на примере объектов, обнаруженных в последнее время.
Ключевые слова: подводная археология, культурно-историческое наследие рек и озер, развитие судоходства в акваториях пресноводных водоёмов.

TO THE PROBLEM OF PRESERVING MONUMENTS OF SHIPPING

Berezin A.A.

The article explores modern methodology for searching, identification and preservation of underwater archaeological sites with regard to navigation history of Russia's inland waterways. High historical and cultural value of such research is due to an ever-growing interest across national scientific community seeking a comprehensive application of the findings made in the field and archaeological laboratories, in a way that apart from purely historical issues scholars address various aspects of general humanitarian and engineering/technical disciplines.
Keywords: Underwater archaeology, historical and cultural heritage of rivers and lakes, the development of navigation on inland waters.

Стремительно развивающиеся в настоящее время средства поиска и обработки объектов искусственного происхождения, скрытых не только под толщей воды, но и в донных отложениях, существенно скорректировали методы комплексного подхода при организации работ с памятниками культурно – исторического наследия. Успешно апробированный опыт независимых друг от друга организаций требует коллегиального приведения к единому знаменателю правил обнаружения, транспортировки и консервации подводно – археологических артефактов, содержащихся в пресноводной среде.

Внутренние водные пути – естественные транспортные артерии, используемые человеком с самой зари цивилизации. Наличие воды и возможность регулярного сообщения обеспечивали возникновение прибрежных оседлых поселений, с течением времени, благодаря развивающимся транспортным коммуникациям, перерастающих в крупные ремесленно – торговые очаги. Развитие прибрежных центров жизнедеятельности требовали усовершенствованную систему сообщения с соседями по воде, с целью чего наиболее практичным являлось распространение изготовления челнов – однодеревок (однодревок). Не смотря на кажущуюся простоту и безопасность речной навигации – катастрофы случались с завидной регулярностью. К примеру, судя по запротоколированным источникам во второй половине XIX столетия на Неве в год гибло 8 судов, на Волхове 6 [4, с.121] и это цифры эпохи пароходов, в более ранний период картина складывалась не менее удручающей.

На данный момент исторической науке известен челн, датируемый периодом неолита [9, с.2], возраст самого взрослого судна по разным оценкам определяют в 8 000 – 6 000 лет до новой эры. Челн был обнаружен в 1955 году в болотистой местности, близ посёлка Пессе, около города Хогевен (Нидерланды). Лодка, изготовленная из цельного бревна сосны, имеет внешние габариты 298х44 см., в 2001 году археологи изготовили точную копию челна, и продемонстрировали его приемлемые мореходные качества. В настоящее время находка экспонируется в Дрентском музее города Ассен. Необходимо отметить, что обнаружение челнов чаще носили случайный характер – памятники обнажились из под воды в результате обмеления реки или частичного изменения русла. Более значительные изменения палеографического характера серьезно влияют на развитие региона в целом, и на изменение фарватера и схему судоходства в частности [2, с. 9].

Родоначальник отечественной подводной археологии, профессор Р.А. Орбели в своей практической деятельности памятники речного

судоходства не оставлял без внимания – нам известно как минимум о двух экспедициях осуществленных в конце 30-х годов: на Десну, и на Буг [6, с. 40]. В послевоенный период неоспоримым центром по поиску и дальнейшей обработки памятников речного судоходства стала Экспедиция Подводно - Археологических Работ (ЭПАР) Запорожского музея. Трудно недооценивать высокую значимость проводимых здесь работ по сохранению и музеефикации маломерных судов и сопутствующей утвари различных эпох. Здесь же был опробован наиболее простой способ сохранения памятника в условиях отсутствия специального оборудования и помещений, с необходимым климатом и температурой: благополучно поднятую со дна Днепра дюбуль-шлюпку XVIII века зарисовали, измерили, взяли пробу древесины, осмотрели и закопали в прибрежной полосе, на участке с высоким уровнем грунтовых вод, где артефакт до сих пор храниться в привычной для себя среде. [11, с. 7].

На 2016 год профессором А.В. Окороковым, занимающегося систематизацией разрозненной информацией о челнах – однодеревках зафиксировано 54 идентичных памятника на постсоветском пространстве, из которых 38 располагаются на территории современной России. Возраст объектов датируется от III тысячелетия до нашей эры до XVIII века [5, с.2]. Проведенный анализ изготовления судов и их эксплуатационных характеристик позволили ученому провести классификацию основных типов судов-однодеревок, изготовленных по субстрактивной технологии (обработка ствола дерева с целью придачи ей необходимых форм и габаритов для использования, как плавательного средства) [5, с. 5].

В нашей стране, в бассейнах пресноводных водоемов, на сегодняшний день функционирует ряд постоянно действующих подводно – археологических экспедиций, преимущественно в Северо–Западном регионе, которые фактически и являются носителями современных методик проведения работ, вокруг которых, так или иначе аккумулируется весь отечественный опыт изысканий, апробируются наработки зарубежных школ, испытываются технические новинки. Особенностью проведения работ на реках является навигационный период – если акватория судоходная, осуществлять погружения на фарватере разрешат только зимой. Геофизическая действительность пресноводных водоемов отлична от морской в следующих аспектах: высокое замутнение воды, низкая видимость, сводимая к нулю из – за донной взвеси, скрытый материковой грунт, в силу заболоченности дна.

Исходя из сказанного, во избежание постоянного заиливания в процессе откачки грунта, рекомендуется перед раскопом, против течения установить защитный экран из мелкоячеистой сетки. Если раскоп предстоит законсервировать на продолжительное время, находку необходимо поместить в достаточно прочный саркофаг, дабы памятник не пострадал в момент ледохода. Для более качественного обеспечения работы с помпой лучше не использовать лодку, а устойчивый и широкий плот, снабженный навесом от солнца и лестницей для аквалангистов. Если размывка раскопа осуществляется в непосредственной близости от берегового среза, уместнее отвал организовать на суше, протянув к нему рукав от помпы, или же сконструировать желоб, на подобии используемых в строительстве при подаче бетонного раствора. Методика размыва памятника с помощью помпового оборудования известна в археологии с середины минувшего столетия, но до сих пор повсеместно используется, как наиболее действенная и щадящая. К примеру, специалисты Европейского института Подводной археологии по настоящее время размывают дворец Клеопатры в Александрии столь, казалось бы, заурядным способом.

Рис. 1. Сонограма акустического воспроизведения нахождения судна на речном дне.

Не менее острый вопрос - фиксация артефактов на глубине, на примере уральских коллег можно рекомендовать метод, когда в срез раскопа вбивается кол в материковый грунт, с метрическими рисками для обозначения уровня глубины при зарисовке, а сверху располагается бот со страхующим водолазом. Археолог, используя шест, как незыблемый ориентир, зафиксированный и на карте раскопа, использует его, как отправную точку, работая в условиях нулевой видимости. Данный метод положительно зарекомендовал себя при раскопках на Шигирском озере, близ Екатеринбурга, где слой торфяного уровня над раскопом достигал четырех метров [7, с. 2].

Приводимые аргументы лишний раз подчеркивает необходимость всестороннего изучения места обнаружения находки – помимо непосредственно самого плавательного средства, не менее значимую историческую ценность представляет собой и такелаж, и палубное вооружение, и личные вещи экипажа.

В 2014 году, при строительстве моста через реку Волхов в Новгородской области, было обнаружено средневековое парусно–весельное судно. Экспедицию возглавил научный сотрудник ИА РАН А.В. Степанов. При видимости в 20 см., археологами был осуществлен обмер памятника, и установлена длина ладьи – 21 метр, глубина залегания, в зависимости от сезона колеблется на отметке 18–11 метров. Конструкция судна в известных письменных источниках не зафиксирована, что вводит находку в разряд уникальных, а вот перевозимый груз – кирпич, во первых по своим клеймам, даёт точную датировку ЧП – вторая половина XV века, а во вторых подтверждает гипотезу о наличии в Новгороде Великом собственного кирпичного производства.

В силу геоморфологического изменения русла реки с течением времени памятники судоходства могут быть обнаружены, как целиком на суше, так и частично погруженными в воду. Так в период 2001–2003 годов Древнерусской экспедицией из Брянска, под руководством профессора Е.А. Шинакова был проведен весь комплекс мероприятий от находки челна – однодеревки до его установки на постаменте в музее. Памятник был обнаружен в бассейне река Десна, на северо–восточной окраине села Вщиж, входившего с XI века в состав Черниговского княжества, как удельный центр. Челн выступал из песчаного грунта правого, обрывистого берега непосредственно над меженном уровне реки. В момент подъема ладьи автокраном на равнину, памятник разошелся на две части. Процесс сушки, обработки углеродом и последующей консервации раствором ПВА с противогнилостным составом занял порядка четырех месяцев. Челн был изготовлен из цельного ствола соснового дерева, диаметром не менее одного метра, после обработки, заготовка видимо была распарена, и для придания окружности бортам в распор вставлены шпангоуты. Длина сохранившейся части 8,8 метров, высота 0,7 – 0,8 м., ширина борта и днища колеблется от 8 до 14 см, максимальная ширина самого судна 80 см., под весельные уключины и парусное вооружение были просверлены перьевые отверстия. Радиоуглеродный анализ древесины, произведенный в лаборатории ИИМК РАН отнес челн к середине XIII века [10, с. 171].

Рис. 2. Вщиж. момент подъема челна над Десной.

В свою очередь, наглядным примером комплексного подхода к раскопкам памятника судоходства и на суше, и под водой служит экспедиция

на реке Кирьяс (протока Оби, район Нижневартовска), осуществленная в 2015 году силами НПО «Северная Археология». Барка – довольно распространенный класс несамоходных торговых, плоскодонных судов, имеющих хождение в России вплоть до XIX века. Сибирская находка имеет 34 метра длины и достигает 7 метров в ширину. Из – за внушительных габаритов, судно при погрузке на баржу пришлось распиливать на пять составных частей. В последствии петербургский реставратор и подводный археолог М.Л. Копейкин провел цикл мероприятий с целью сохранения деревянного корпуса, отказавшись от поллиэтиленгликоля в пользу более современного материала – кремнийорганики [3, с. 57].

Рис. 3. Расположение барки на Кирьяссе. Общий вид раскопа.

В минувшем полевом сезоне НПО «Черноземье», при финансовой поддержке липецкой телекомпании «Говорит и показывает» осуществляла подводно – археологические исследования в бассейне реки Быстрая Сосна, с целью локализации средневековой гавани города Елец. Для обследования профиля дна были приглашены сотрудники НПП «Форт XXI», эксплуатирующие АМК «СКАТ–ТИЭМ». В результате, в месте предположительного нахождения пристани, в центральной части города, напротив Вознесенского собора был зафиксирован объект не природного происхождения, напоминающий габаритами маломерное судно при аномально высоком содержании металла. Изначально поднимался вопрос о возможности огородить часть акватории металлическим каркасом, стенки которого выполнить из прочной фанеры, и укрепить мешками с песком, с целью осушить раскоп и превратить в сухопутный. Гидроинженерные иллюзии разбились об аргументы археолога из Воронежа В.Н.Латарцева, имеющего опыт подобных операций на Фанагории – слишком крутой береговой склон и течение не позволят выполнить задуманное. Осуществленные нами разведочные погружения идентифицировали находку, как современную моторную лодку типа «Казанка», номенклатуру археологического материала составили кованные гвозди, подковы, столярная фурнитура, фрагменты чугунной посуды [1, с. 5].

Летом 2003 года, в месте впадения Вашаны в Оку (Тульская область) был обнаружен челн – однодеревка. Экспедицию по извлечению и транспортировке находки возглавил директор Алексинского краеведческого музея В.К. Ефремов, освещал происходящее журналист областной газеты «Молодой коммунар» К.Н.Леонов. Носовая часть артефакта обнажилась из под воды в результате обмеления акватории. В силу серьезной заболоченности, раскопки осуществляли в ручную, с помощью ведер, когда лодка под собственным весом начал покачиваться, археологи потянули судно из трясины, и оно легко выскочило из многовекового плена. Памятник представляет собой челн – однодеревку, изготовленный из сосны диаметром около метра, длина изделия 6,5 метров, высота борта и общая ширина 0,7 метра, толщина бортов и днища достигает 10 см. Дабы не подвергать памятник излишнему взаимодействию с кислородом, под находку завели рыболовную сеть с пенопластом, и залив челн водой, притопили над срезом воды, после чего отбуксировали на удобное место. Возраст судна отчертили IX–XI веками. При обследовании

судна, были обнаружены останки человеческого скелета и четырехгранного наконечника стрелы. Изготовив герметичный контейнер, сотрудники музея «Куликово поле» передали на реставрацию находку новгородским коллегам, имеющим в данном направлении хорошую практику. С учетом всех перипетий и с соблюдением обязательных технологий широкой публике данный памятник археологии предоставили для осмотра только через десять лет – столько трудозатрат понадобилось специалистам для восстановительных мероприятий.

Рис. 4 Карта акватории Б.Сосны, с обозначенными объектами для исследования.

Годом ранее, в том же самом месте, но уже со стороны Калужской области, близ Тарусы, в донных отложениях Оки был обнаружен однотипный «Алексинскому» челн. Авторство находки зафиксировано за археологом А.С. Фроловым. Лодка представляет из себя классическую однодеревку хорошей сохранности, выполненную из осины, длина 6,8 м., ширина и высота бортов 0,6 м. При работах с данным памятником была апробирована методика, разработанная командой кандидата географических наук С.М. Фазлулина по всему комплексу необходимых мероприятий: подъём, консервация, доставка к месту экспонирования.

Рис. 5 Схема фиксации челна в тубусе по методу С.М. Фазлуллина.

Контейнер для транспортировки предметов из мокрой археологической древесины выполняется из химически нейтральных материалов, и представляет собой трубу для магистрального водопровода, способную выдержать давление в несколько атмосфер, торцы тубуса герметично закрываются стандартными заглушками. Труба помещается в жесткую обрешетку, лучше металлическую, предохраняющею от случайного удара, и позволяющая стропалить конструкцию в ходе проведения погрузочно-разгрузочных работ.

Предусмотренные конструкцией ревизионные лючки в корпусе используются для откачки воздуха и подачи жидкостей и газов, необходимых для сохранности и сушки артефакта. Внутри трубы челн фиксируется в распор спицами (напоминая визуально колёсную ступицу), снабженные для предотвращения повреждений резиновыми прокладками [8, с. 97].

Преимущества данной методики очевидны: археологи получают возможность обеспечить локальную временную консервацию находки, при этом, в условиях транспортировки, контейнер можно поворачивать, ставить вверх тормашками, обеспечивая через элементарную систему баллона с редуктором - необходимым количеством газовой смеси, или жидкости - через ревизионные лючки. Неоспоримым достоинством данной конструкции, по отношению к аналогам – ее техническая простота и финансовая доступность, к минусам же можно отнести стандартную для всех подобных систем нежелательностью нахождения вместе с деревом в контейнере предметов из других материалов (железа), в силу их естественной разрушаемости в смесях, приготовленных для сохранения древесной конструкции.

Список литературы

1. Березин А.А. Проведение археологических разведок в бассейне реки Быстрая Сосна // Вопросы подводной археологии. 2016. № 7. С. 3–9.

2. Березин А.А. Подводная археология в исследовании систем судоходства в районах Северного Причерноморья // Подводное культурное наследие: перспективы изучения и сохранения: сб.науч.тр. Новгород, 2007. С. 7–12.

3. Копейкин М.Л., Кухтерин С.А. Кирьясская барка. Опыт раскопок, извлечения и транспортировки // Вопросы подводной археологии. 2015. № 6. С. 56 – 65.

4. Лукошков А.В., Агеев Д.М., Прохоров Р.Ю., Галайда И.В. Находки затонувших судов на трассе торгового пути река Нева – Ладожское озеро – река Волхов // Подводная археология: прошлое, настоящее, будущее: сб.науч.тр. М.; КПДР, 2008. С. 121– 125.

5. Окороков А.В. Древнейшие средства передвижения на воде по территории России (по материалам археологических и этнографических исследований) // Журнал института Наследия. 2016. № 1(4). С. 3–16.

6. Орбели Р.А. Исследования и изыскания. М.: РечИздат. 1947. С. 210.

7. Савченко С.Н. Тайны Шигирских древностей // Мир музея. 2004. №8. С. 2–9.

8. Фазлуллин С.М., Тарасов А.С., Грознодумов П.Л. Проект консервационных мероприятий археологической находки челна–однодеревки из района Тарусы // Вопросы подводной археологии. 2011. №2. С. 76–85.

9. Федотов Д.Г. Теория и устройство корабля – Северодвинск.; Севмашвтуз, 2008 С. 156.

10. Чубур А.А. Древнерусская ладья – однодревка из летописного Вщижа // Российская археология. 2004. № 3. С. 171–174.

11. Шаповалов Г.И., Трипольский И.Л. О древних судах со дна Днепра у острова Хортица // Проблемы охраны и исследования подводных историко–археологических памятников Запорожья: сб.науч.тр. Запорожье, 1987. С. 6–19.

Об авторе

Березин Александр Алексеевич – аспирант кафедры отечественной истории, факультет истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, berezin-79@yandex.ru

УДК 94 (73)

«РАСА ПРЕВЫШЕ ВСЕГО»: НЕГРИТЯНСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ МАРКУСА ГАРВИ

Воробьев Д.Н.

Статья посвящается анализу взглядов и деятельности Маркуса Гарви - одного из крупнейших деятелей негритянского национализма первой половины XX в. Понятие «расы» было центральным в концепции национализма Гарви, вокруг которого формировались его представления о месте и роли негритянского населения во всех сферах жизни. Его взгляды оказали большое влияние на афроамериканскую общественность, приведя к созданию популярного в 1920-е гг. движения «Назад – в Африку», главной целью которого было достижение независимости черного континента с последующей миграцией в Африку чернокожего населения Америки. Несмотря на целый ряд факторов, приведших данное движение в упадок уже к концу десятилетия, многие пункты идеологии Гарви оставались востребованными последующими поколениями сторонников негритянского национализма.
Ключевые слова: США, Африка, афроамериканцы, негритянский национализм, межрасовые отношения, М. Гарви.

«THE RACE FIRST»: THE BLACK NATIONALISM OF MARCUS GARVEY

Vorobyev D.N.

This article presents analysis of the views and activities of Marcus Garvey – one of the greatest figures of Black Nationalism of the first half of the 20th century. The idea of «race» was central to the Garvey's concept of nationalism, around which his views about place and role of black people in all spheres of life were formed. His views had a great influence on the African-American public, leading to the creation of the popular in the 1920s The "Back to Africa" movement, whose main goal was to achieve the independence of the black continent with the subsequent migration of the America's black population to Africa. Despite a number of factors that drove this movement into decline by the end of the decade, many points of Garvey's ideology remained in demand for subsequent generations of supporters of Black Nationalism.
Keywords: The USA, Africa, African-Americans, Black Nationalism, race relationship, M. Garvey.

Победа Севера в Гражданской войне привела к отмене рабства и наделению вольноотпущенников равными со всеми жителями гражданскими и политическими правами, что было закреплено принятыми поправками к Конституции США. Однако последовавшее за периодом Реконструкции Юга ослабление позиций Республиканской партии в этом регионе привело к тому, что южные штаты оказались в руках демократов, приступивших к планомерному ограничению прав чернокожего населения. В этих условиях среди афроамериканцев набирало популярность движение «приспособления» Букера Т. Вашингтона, заявлявшего о первостепенной необходимости экономического и социокультурного развития афроамериканцев в обмен на временное признание ими политического бесправия. Однако надежда Вашингтона на то, что успехи афроамериканцев в экономике и образовании приведут в будущем к полной реализации политических и гражданских прав, оказалась ошибочной, так как его позиция была расценена белыми властями Юга как признание негритянским населением своей гражданской второсортности, что привело к еще большему ограничению прав афроамериканцев в регионе.

Окончательно движение «приспособления» пришло в упадок к середине 1910-х гг. в связи с обвалом цен на хлопок с началом Первой мировой войны, что привело к разорению многих чернокожих фермеров. Оказавшись неспособными отдать кредиты, они решились на самый радикальный выход из ситуации, начав миграцию с Юга. В результате «великого переселения» 454 тыс. афроамериканцев перебралось в северные штаты [20, p. 24], остро нуждавшихся в дополнительных рабочих руках, так как поток иммигрантов из Европы был сведен практически к нулю. В ряде городов образовались крупные негритянские общины: в Нью-Йорке в 1920 г. проживало 160 тыс. негров, в Филадельфии 136 тыс., в Чикаго – 113 тыс., Детройте – 42 тыс. [7, p. 23]. Итогом «переселения» стало резкое изменение привычной национальной и расовой палитры Севера-Востока, где чернокожие жители стали их существенной составляющей и важным электоратом для политиков. Так, президент В. Вильсон в предвыборной кампании 1916 г., сделал ряд обращений к афроамериканцам, в которых обещал предоставить им полные гражданские права. В то же время росла популярность негритянского протестного движения, видящего своей первостепенной задачей достижение гражданского равноправия двух рас. В 1909 г. сторонники этого движения объединили

свои усилия в борьбе с расовой дискриминацией с белыми либералами в единой Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения (далее – НАСПЦН).

Вступление США в Первую мировую войну было с энтузиазмом встречено негритянской общественностью. В 1917 г. 367 тыс. афроамериканцев были призваны в вооруженные ряды, из них почти ½ (200 тыс. чел.) были отправлены во Францию, составив 13% состава экспедиционного корпуса [6, p. 118]. Негритянские полки проявили себя с лучших сторон в боях, но это не уберегло их от дискриминации. Так, военное министерство США было регулярно «заваленным» письмами от чернокожих солдат, жаловавшихся на жестокое обращение в лагерях со стороны белых офицеров. Тем не менее, многие солдаты возвращались из Европы с воодушевлением и ожиданием скорых изменений в собственной судьбе, но сначала столкнулись с экономическим кризисом 1920-1921 гг., оставившем без работы около 5,7 млн. чел. Более того, возрастал террор воссозданного Ку-Клукс-Клана, в котором к 1919 г. состояло уже 100 тыс чел. На Юге в 1919 г. было предано «суду Линча» от 77 до 83 негров, среди которых были и ветераны войны [6, p. 125]. В течение второй половины 1919 г. произошло 25 крупных расовых погромов, происходивших, в том числе в таких крупных городах как Вашингтон и Чикаго. Волна насилия спала далеко не сразу – в 1920 г. имелись 53 случая линчеваний, в 1921 г. – 59 [11, p. 75].

Вместо обещанных гражданских прав афроамериканцы получили очередной всплеск белого расизма. Не знавшие, как найти выход из сложившейся ситуации, они теряли веру в возможность достижения равноправия двух рас, в то время как негритянское протестное движение оказалось морально подавленным. В этот тяжелый момент идейного кризиса афроамериканской общественности стал резко набирать популярность общественный деятель, предложивший оригинальный путь к «спасению» негритянской расы. Его звали Маркус Гарви (1887 – 1940 гг.).

В американской, как и отечественной историографии закрепился преимущественно положительный образ М. Гарви. Американские исследователи, выделяя во взглядах данного деятеля ряд противоречивых идей, как отрицание особой специфики, сложившейся в отношении чернокожего населения США, а также фактическую пропаганду отказа от активной борьбы за гражданские права, в то же время отмечали, что философия Гарви во многом способствовала росту гордости афроамериканцев за свое происхождение, стимулируя их веру в собственные силы [12]. В советской историографии, при определении исторического места негритянского сепаратизма Гарви отмечалось, что это движение стало шагом вперед по сравнению с идеями «приспособления», но в то же время противодействовало растущему интеграционистскому движению, которое в отличие от объективно пораженческой стратегии сепаратистов нацеливало негритянское движение на боевой союз со всеми прогрессивными силами в США и на международной арене [1, с. 117]. Современная российская историография продолжает во многом рассматривать Гарви с позиций советской науки, акцентируя внимание в первую очередь на практическом воплощении взглядов Гарви, нежели самой идейной концепции данного деятеля [2].

Таким образом, представляется необходимым раскрыть наиболее важные черты черного национализма Гарви, акцентируя внимание на основных элементах его концепции, главным и основополагающим из которых было понятие «раса – превыше всего», а также, выявить, как он стремился воплотить данные принципы на практике. Более того, важно понять причины столь успешного взлета и столь же стремительного падения концепции Гарви, показав, как движение, к которому обратили взоры миллионы афроамериканцев, в конце концов, оказалось оставленным своими сторонниками.

На формирование взглядов Маруса Мосайи Гарви оказала большое влияние среда, в которой он рос. Гарви родился 17 августа 1887 г. в небольшой деревушке острове Ямайка, в многодетной семье. Большинство негров, составлявших 80% населения острова, были бедны и не владели землей, в то время как Гарви, будучи сыном торговца и землевладельца, оказался в относительно привилегированном положении [5, p. 8]. Тем не менее, возможности сделать карьеру для чернокожего ямайца были весьма ограниченными, так как власть на острове оставалась в руках белого меньшинства и местных мулатов, составлявших 18% населения Ямайки. Таким образом, Маркус с детства знал о существовании разных

рас с отдельной социальной жизнью, четко осознавая, что в этой жизни ему придется биться за место под солнцем. Закончив частную школу грамматики, Гарви стал помощником в типографии своего крестного отца, продолжая обучение по вечерам. В 18 лет Маркус переехал в Кингстон, столицу Ямайки, где вскоре сумел стать старшим печатником в одной из самых больших компаний города. Юношу быстро привлекла к себе политическая жизнь города, и в 1909 г. в возрасте 22 лет он стал членом национального клуба местных интеллектуалов, выступавших за независимость острова.

Однако, чувствуя, что он перерос Ямайку, Гарви вскоре отправился за границу, чтобы найти более высокооплачиваемую работу. В 1912 г. Маркус перебрался в Лондон, где в свободное от работы время посещал курсы по праву и философии в Биркбекском университете. Там он познакомился со многими известными чернокожими деятелями, устроившись на работу в одну из популярных панафриканистских газет «African Times and Orient Review». Значительно улучшив уровень своего образования, и расширив кругозор касательно положения негритянской расы, Гарви вернулся на Ямайку, считая, что готов стать одним из лидеров чернокожего населения острова.

15 июля 1914 г. он основал Всеобщую ассоциацию по улучшению положения негров (по англ. UNIA, далее ЮНИА), став ее президентом. В своей декларации организация обозначила такие глобальные задачи как улучшение экономического и социокультурного состояния негритянского населения во всем мире. Несмотря на то, что подчеркивался неполитический характер организации, в качестве главной цели ЮНИА дала обет добиться создания независимых негритянских государств в Африке [8, p. 37]. Таким образом, Гарви не только поднял знамя воинствующего протеста, но и нарисовал видение новой «земли обетованной» на «черном континенте» [2, с. 31]. В то же время, осознавая далекую перспективу подобных свершений, Гарви видел первоочередную необходимость решить локальные задачи на острове. Являясь одной из благотворительных организаций Ямайки, ЮНИА заявляла о намерении «способствовать росту образованности чернокожих ямайцев, помогать в трудоустройстве малоимущим слоям, поднять уровень расовой гордости негров» [10, p. 117].

Будучи пламенным последователем Б. Вашингтона, Гарви видел в образовании кротчайший путь к повышению социального статуса и уровня благосостояния чернокожего населения, считая, что пока негры не начнут самосовершенствоваться, белые будут продолжать смотреть на них «сверху вниз» [5, p. 22]. Президент ЮНИА проводил дебаты, лекции, религиозные собрания, организовывал классы для образования взрослых, мечтая однажды основать технический институт для чернокожих студентов, наподобие американского Таскиги, директором которого был Вашингтон.

Однако вскоре стало ясно, что движение находилось в плачевном состоянии: в ЮНИА состояло лишь 100 человек, а сама организация постоянно нуждалась в средствах, так как поддержка белых филантропов практически прекратилась с началом Первой мировой войны. Более того, суровое обращение с чернокожими солдатами из Вест-Индии (островов Карибского бассейна) в британской армии, усугубляемое враждебным отношением цветных ямайцев к программе ЮНИА, в которой те видели угрозу своему социальному положению, убедили Гарви в крайней незаинтересованности белых властей острова в улучшении жизни чернокожего населения.

В 1916 г. поисках средств для своей организации Гарви отправился в турне по США, рассказывая о состоянии чернокожего населения Вест-Индии. Попутно он встречался с рядом местных негритянских деятелей, стремясь ознакомиться с американской спецификой расовых отношений. Экономические и социальные успехи афроамериканцев произвели большое впечатление на Гарви, в результате чего, он принял решение основать филиал ЮНИА в Америке. Штаб-квартира организации была перенесена в район Гарлем – культурный и экономический центр афроамериканцев в Нью-Йорке. Для Гарви, прекрасно владевшего ораторскими способностями, улицы Гарлема, являвшиеся своего рода открытой площадкой для выступлений всех желающих, были идеальным местом по вербовке сторонников.

Расовая солидарность с доктриной «раса – превыше всего», являлась центральным и наиболее популярной частью программы Гарви. «Быть черным в мире считают преступлением, и я совместно с такими же угнетенными людьми, постараюсь сделать из этого не преступление, а добродетель» [13], – заявлял лидер ЮНИА, считая, что в первую очередь,

сами негры должны полюбить свою расу. Уважение и любовь к самим себе должны были проявляться в мельчайших деталях и воспитываться с детских лет, для чего, например, Гарви требовал, чтобы родители разрешали играть своим детям только с черными куклами. Более того, призывая негров соблюдать чистоту крови, лидер ЮНИА выступал против межрасовых браков, считая, что это приведет к появлению привилегированной «касты» среди афроамериканцев, как это произошло на Ямайке.

Неудачные попытки сотрудничества с белыми филантропами на Ямайке, убедили Гарви в том, что неграм следовало рассчитывать исключительно на свои силы. По мнению лидера ЮНИА, все действия белых сводились к извлечению выгоды для самих себя, так как понятия расизм и белая раса неразрывно связаны друг с другом. Особую опасность Гарви видел в деятельности белых либералов, преследовавших, по его мнению, цель обмануть афроамериканцев, притворяясь их друзьями и союзниками: «Главные враги негра находятся среди тех, кто лицемерно предлагает ему любовь и дружбу, когда на самом деле в глубине души ненавидит и презирает его» [7, p. 70].

Преисполненный огромного пессимизма в отношении будущего чернокожего населения в Америке, Гарви был уверен в том, что афроамериканцам следовало вернуться назад в Африку, а до той поры стремиться к расовому разделению в экономической и социальной сферах [3]. Будучи убежденным социал-дарвинистом, лидер ЮНИА верил, что если черный человек не будет двигаться вперед, он вновь приведет себя к состоянию рабства и даже к полному уничтожению. Так как негры могли рассчитывать только на себя, им предстояло в первую очередь добиться собственного экономического процветания, поддерживая негритянское предпринимательство. Маркус верил, что экономическая независимость чернокожего населения, является важнейшим шагом на пути к политической независимости [17]. По мнению Гарви, негры должны были учесть уроки прошлого, став своего рода спасителями человечества, тем самым указав истинный путь свободный от материализма и расового превосходства, придя на смену «разлагающейся белой европейской цивилизации» [14].

Стремясь к политической независимости Африки, по мнению Гарви, следовало сформировать единую африканскую нацию, частью которой должны были стать все негры, вне зависимости от своего места проживания. Несмотря на то, что лидер ЮНИА часто говорил о неграх с точки зрения понятия «расы», в его понимании «негритянская раса» была неразрывно связана с африканским национализмом, в результате чего «негритянская раса» и «африканская нация» являлись для него неразрывно связанными терминами. Афроамериканцам, в свою очередь, следовало полностью отказаться от своей идентификации с американским обществом, слившись со всеми неграми в единой африканской нации. «Мы хотим иметь национальность, подобно англичанам, французам, итальянцам, немцам, белым американцам и желтым японцам; мы хотим иметь национальное правительство…» [7, p. 106], - говорил президент ЮНИА.

По мнению Гарви, люди ошибались, считая негритянскую цивилизацию примитивной, забывая о том, что могущественные державы Африки, превосходившие в своем развитии жителей Европы, были известны еще Геродоту [9, p. 125]. По мнению лидера ЮНИА, белые люди заставили негров забыть об их былом величии, но теперь настал момент, когда чернокожие должны вспомнить свое прошлое и реабилитировать свою историю: «Пришло время для негра перестать боготворить другие расы, и начать творить своих собственных героев. Мы должны канонизировать своих святых, создавать своих мучеников, и поднять до уровня славы и чести своих мужчин и женщин, которые внесли особый вклад в историю нашей расы» [9, p. 143]. В то же время, он считал, что лишь негры могут заниматься изучением своей истории, агитируя за запрет белым историкам писать «черную историю», ввиду их неспособности делать это объективно в силу предубеждений [8, p. 82].

Для пропаганды идей расовой солидарности и гордости лидер ЮНИА активно использовал сферу культуры, которую считал одним из основных орудий освобождения негритянской расы. Сам Маркус нередко писал поэмы, в которых восхвалял черную красоту и победы негритянской истории. ЮНИА активно поддерживала развитие «гарлемского ренессанса», а многие писатели и художники той эпохи становились ее активными сторонниками. В 1918 г. начался выпуск газеты «Negro World», ставшей основным рупором распространения

взглядов Гарви. Чтобы способствовать росту популярности газеты на первых порах, каждый житель Гарлема мог обнаружить ее под дверью своего дома совершенно бесплатно, а в дальнейшие годы ее стоимость составляла от 5 до 10 центов [8, p. 32]. Газета, выпускаемая на нескольких языках, активно распространялась в США, Канаде, Латинской Америке, Вест-Индии, Европе, Африке и даже Австралии, имея, по словам Гарви, тираж в 500 тыс. экземпляров. Девизом главного рупора пропаганды гарвиизма стала фраза: «Один бог, одна цель, одна судьба».

Однако именно всплеск расизма в США в конце 1910-х гг., привел к тому, что все больше афроамериканцев обращали свой взор в сторону гарвиизма, ставшего, по их мнению, объективным ответом на происходившие в стране события. Вскоре ЮНИА открыла филиалы в Чикаго, Филадельфии, Новом Орлеане, а также Панаме и Коста-Рике. К 1920 г. ЮНИА имела практически 2 тыс. (1900) филиалов в 40 странах мира, большинство из которых, правда, находились на территории США. В августе 1920 г. Гарви заявил, что в его организации состояло 3 млн. чел., что, в действительности, невозможно знать точно, ввиду отсутствия у ЮНИА отчетов по данному вопросу.

Гарви весьма тяготился тем фактом, что негры были в первую очередь потребителями, а не производителями. Для того чтобы изменить данный баланс ЮНИА, сумев получить крупные ссуды в банках, приняла активнейшее участие в развитии негритянского бизнеса: в 1919 г. ей была основана пароходная компания «The Black Star Line», а вскоре следом «The Negro Factories Corporation», которая на корпоративных началах объединила «Universal Launderies», «Universal Millinery Store», «Universal Restaurants» и «Universal Grocery Stores». Уже в первой половине 1920-х гг. организация располагалась в трех зданиях Нью-Йорка, а в 1920 г. даже открыла свой собственный банк. Акции компаний UNIA продавались лишь неграм, не более 200 акций по 5 долл. в одни руки. Так около 40 тыс. чел. купили 155,5 тыс. акций «The Black Star Line» на общую сумму в 750 тыс. долл., в результате чего компания позволила себе приобрести два корабля. Многие афромериканцы покупали акции, искренне веря, что это поможет обеспечить их родных работой. Филиалы организации за пределами США также занимались предпринимательской деятельностью, так как, по мнению Гарви, они должны было составить одну мировую систему панафриканского экономического сотрудничества [4].

Однако вскоре Гарви постиг большой провал в делах компании «The Black Star Line», которую он привел к банкротству по причине своей некомпетентности в коммерческих делах, не разделяя финансы компании и самой организации ЮНИА. В январе 1922 г. Гарви был арестован и обвинен в использовании почты в целях обмана, а также в незаконных финансовых операциях. Несмотря на то, что его вскоре освободили, имущество компании было продано с торгов за долги перед кредиторами, вследствие чего о скором расцвете панафриканской торговли пришлось забыть.

Подобно Вашингтону Гарви был убежден, что всестороннее повышение уровня образования являлось основой для успешного экономического и социального развития негритянской расы: «В настоящее время расе нужны работники… мужчины и женщины, которые способны создавать, производить и улучшать, таким образом, внося личный вклад своей расы в развитие мира и цивилизации» [15]. С этой целью ЮНИА стала собственником нью-йоркского «Университета имени Букера Т. Вашингтона», а затем и технического института в Клэрмонте, переименованного в «университет Свободы», который в связи с финансовыми трудностями был закрыт уже в 1929 г. Важное место Гарви отдавал самообразованию негров, в виду отсутствия у многих средств на учебу. «Если вы пишете или читаете с ошибками, они (белые люди) становятся предвзятыми в отношении ваших умственных способностей…» [9, p. 185], - говорил президент ЮНИА, призывая негров как можно больше читать.

В 1920 г. ЮНИА организовала I Международный съезд негритянских народов мира, на который прибыло 2 тыс. делегатов из 25 стран и колоний Вест-Индии, Центральной и Южной Америки, а также Африки. На данном съезде в качестве программы организации была принята «Декларация прав негритянских народов мира», требовавшая независимости «Черного континента» согласно принципу «Африка – для африканцев» [8, p. 184]. Гарви был избран временным президентом Африканской республики, а также главой Высшего исполнительного совета, что являлось своего рода правительством в изгнании. Лидер ЮНИА создал своего рода миниатюрное подобие будущего

африканского государства: были сформированы «Африканский легион», который должен был стать передовой частью будущей армии освобождения Африки, отряды бойскаутов и пожарных, корпус «сестер черного креста». Подобные шаги Гарви давали основной массе его приверженцев, в лице малограмотных обитателей черных гетто, ощущение причастности к великому начинанию.

По мнению Гарви, религия также должна была способствовать формированию общего негритянского сознания и росту расовой гордости, для чего неграм следовало верить в своего черного бога, так как попытка навязать чернокожему населению белого бога преследовало лишь цель сохранения власти белых над неграми. Ряд сторонников Гарви поддержало идею создания «церкви черного человека», основав в 1921 г. Африканскую ортодоксальную церковь, которую возглавил Макгуайр. На религиозной церемонии по случаю закрытия международной конвенции негритянских народов мира в 1924 г., Иисус Христос был канонизирован как «скорбящий черный человек», а дева Мария, как «черная мадонна», в то время как бог был признан «существом без физической формы, но созданием по образу и подобию которого была создана черная раса». Таким образом, по мнению Гарви, ЮНИА не изобретала новую религию, а лишь корректировала ошибки прошедших столетий» [16]. Африканская ортодоксальная церковь, имевшая приходы в Вест-Индии, Канаде, Южной Африке и Уганде, стала одним из самых важных рупоров пропаганды ЮНИА, в первую очередь посредством своей газеты «The Negro Churchman». В то же время, в связи с тем, что главные негритянские церковные деятели заняли крайне враждебную позицию в отношении «черной религии», которую поддерживала лишь небольшая часть сторонников Гарви, ЮНИА была толерантна к различным христианским деноминациям, а также исламу, который стал активно проникать и в США.

В то же время перед ЮНИА стояла наиболее сложная задача по деколонизации «черного континента» и передаче его под управление негритянской расы. В то время как периодические попытки добиться у Лиги Наций независимости, в первую очередь, бывших германских колоний заканчивались провалом, по мнению Гарви, именно миграция многочисленного и наиболее развитого чернокожего населения Америки на свою историческую Родину могла во многом ускорить процесс достижения Африкой независимости, в результате чего за его движением закрепилось название «Назад – в Африку». В первую очередь, миграционные планы организации были связаны с Либерией, с руководством которой, ЮНИА в 1921 г. вступила в переговоры о покупке земли с целью последующей колонизации. Однако, несмотря на первоначальное продвижение в переговорах, власти Либерии отказались от сделки с Гарви. В качестве причины либерийский консул заявил американскому руководству об имевшемся давлении на его страну со стороны Франции и Великобритании, чьи колонии были расположены вокруг Либерии [12, p. 172]. Неспособность Гарви добиться успеха в деле освобождении Африки, а также неудачи в положительном решении миграционного вопроса, нанесли существенный ущерб имиджу его организации.

Большой повод для критики Гарви подал своими связями с Ку-Клукс-Кланом. Следует отметить, что первоначально лидер ЮНИА был противником Клана, так как их члены нередко совершали нападения на гарвитистов. Однако в 1922 г. по предложению главы клансменов К. Кларка Гарви согласился на встречу. В результате разговора Гарви и Кларк выступили с совместным заявлением, в котором сообщили, что организации не имеют претензий друг к другу, так как борются за общую цель – осуществление раздельного существования двух рас [18]. Подобные действия Гарви привели к большому возмущению со стороны либеральных кругов страны.

Практически все 1920-е гг. вплоть до своей экстрадиции из США Гарви находился в состоянии перманентного конфликта с лагерем интеграционистов, видевших в его взглядах огромную угрозу в достижении гражданского равноправия двух рас. Главным камнем преткновения между двумя негритянскими организациями был расовый вопрос. Гарви, выступавший против самой идеи объединения действий негритянского сообщества и белых либеральных сил, безустанно обличал руководство НАСПЦН. Более того, его выпады в сторону мулатов, в числе которых был и президент НАСПЦН Дж. Джонсон, по мнению интеграционистов лишь вбивали клин между афроамериканцами по цветной линии. Панафриканизм

ЮНИА также разделял организации, так как НАСПЦН официально заявляла о своей заинтересованности исключительно в судьбе афроамериканцев. «Для афроамериканцев лучший способ помочь себе – это заняться своими собственными делами у себя в стране» [19], - считал Джонсон. В борьбе с Гарви интеграционисты нашли мощного союзника в лице руководства США, весьма отрицательно настроенного по отношению к радикальному национализму ЮНИА и контактам Гарви с местными коммунистами [12, p. 178]. В итоге, власти приняли решение начать повторное судебное разбирательство в отношении Гарви в мае 1923 г., по итогам которого он был приговорен к штрафу в 1000 долл., а также тюремному заключения сроком на 5 лет. Зная, что Гарви подал документы на получение американского гражданства, власти США приняли решение выслать Гарви из страны, что входило в развернутую ими компанию по высылке из страны «радикалов». В результате срок Гарви был уменьшен, а сам он депортирован 2 декабря 1927 г.

Еще до высылки лидера ЮНИА из США в 1926 г. часть членов ямайских членов, не желая зависеть от решений американских филиалов, приняло решение отделиться и организовать свое собственное движение. В августе 1929 г. на VI Международном съезде негритянских народов мира в Кингстоне произошел очередной раскол движения Гарви. Его призывы отказаться от сотрудничества белых и черных рабочих, привели к тому, что делегация США, в которой были сильны позиции коммунистов, покинула съезд и основала свою организацию. Несмотря на постигавшие его неудачи, Маркус Гарви продолжал строить планы будущих свершений, которым так, и не суждено было сбыться при его жизни. «Черный Моисей» умер в 1940 г. в Лондоне в возрасте 52 лет, будучи забытым большинством своих некогда многочисленных сторонников. После его смерти оставалось лишь две небольшие соперничавшие друг с другом гарвитистские организации, в каждой из которой было менее 1000 чел., что стало последними лучами на закате движения «Назад – в Африку».

Взгляды и философия Маркуса Гарви в вопросах решения проблем чернокожего населения были сформированы под влиянием ранее популярных в негритянской среде течений, таких как панафриканизм, а также движения «»приспособления» Б. Вашингтона. Однако Гарви был первым, кто смог собрать подобного рода разнородные идеи в цельную концепцию, главной характерной чертой которой был негритянский национализм. Концепция Гарви, конечной целью которой было создание единой «африканской нации» на независимом «Черном континенте», основывалась в, первую очередь, на понятии «раса – превыше всего», что подразумевало под собой рост расовой гордости за свое происхождение, а также формирование единого негритянского самосознания. На пути к долгожданной политической независимости Африки, Гарви считал необходимым решить задачи достижения успехов в сфере экономического развития и образования чернокожего населения, а также социокультурной трансформации негров, путем продвижения идей «черной религии» и «истинной» истории негритянских народов.

Главной причиной кратковременности успеха движения Гарви было его противоречие объективному процессу развития афроамериканской общественности в XX в. Чернокожие предприниматели были заинтересованы в расширении своей клиентской базы за счет белых американцев, в то время как Гарви призывал к добровольной экономической сегрегации. В результате чернокожие владельцы крупного бизнеса, среди которых было много ненавистных ЮНИА мулатов, практически не оказывали финансовой помощи движению [7, p. 121]. Попытки еще сильнее увеличить расовое разделение также не могло соответствовать интересам растущих негритянских среднего класса и интеллигенции, желавших стать равноправной частью американского общества.

К тому времени афроамериканцы уже не обладали какой-либо культурной связи с Африкой, имея о ней лишь смутные представления. Тем не менее, Гарви призывал их отказаться от борьбы за свои права, отдать все, что было завоевано тяжким трудом, и уехать туда, где у них ничего не было. Призывы начать все сначала на «черном континенте» для большинства американских негров, считавших себя полноправной частью своей страны, были своего рода романтикой, на которую, в действительности, практически никто не был готов пойти. Отказ ЮНИА от борьбы за гражданские права афроамериканцев в пользу миграции в Африку вскоре лишил движение Гарви надежды на массовую поддержку в США.

Однако идеи Гарви активно пробуждали расовое самосознание и гордость афроамериканцев, способствуя развитию их группового

сознания. Стремление президента ЮНИА воплотить в своей программе идеи политического, экономического и культурного национализма, оказали огромное влияние на послевоенные негритянские движения, не только в Африке, но и в США. Память же о Маркусе Гарви жива до сих пор, особенно на его родине, Ямайке, куда в 1964 г. был перевезен прах негритянского лидера и помещен в мавзолей. День рождения Гарви является в стране праздником, а его именем названа одна из главных улиц Кингстона.

Список литературы

1. Королева А.П. Расовые войны и расовые компромиссы. М., 1987.
2. Нитобург Э.Л. Афроамериканцы США XX век. М., 2009.
3. Blackman, 1929, 3 September.
4. Blackman, 1929, 10 April.
5. Davenport J., Lawler M. Marcus Garvey: Black Nationalist Leader. Philadelphia, 2005.
6. Foner. J.D. Black and the Military in American History. N.Y., 1974.
7. Frazier E.F. Black Bourgeoisie. N.Y., 1957.
8. Garvey A.J., Garvey M. Philosophy and Opinions of Marcus Garvey, Or: Africa for the Africans. London, 1967.
9. Garvey M., Hill R.A. Marcus Garvey Life and Lessons: A Centennial Companion to the Marcus Garvey and Universal Negro Improvement Association Papers. University of California Press, 1987.
10. Garvey M., Hill R.A. The Marcus Garvey and Universal Negro Improvement Association Papers. University of California Press, 1986.
11. Ginzberg R. 100 years of Linchings. N.Y., 1962.
12. Martin T. Race First. London, 1976. 421 p.
13. Negro World, 1928, 7 January.
14. Negro World, 1924, 7 June.
15. Negro World, 1921, 8 October.
16. Negro World, 1926, 17 July.
17. Negro World, 1924, 17 May.
18. Negro World, 1923, 18 August.
19. New York Age, 1920, 21 August.
20. Report of the National Advisory Commission on Civil Disorders. N.Y., 1968.

Об авторе

Воробьев Дмитрий Николаевич – аспирант кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки исторического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,worobjowdima@mail.ru

УДК 796.032; 93/94

К ВОПРОСУ О ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ОЛИМПИЙСКОГО ВОЛОНТЕРСТВА

Горлова Н. И.

В статье анализируется ряд подходов к исследованию истории развития олимпийского волонтерства. Рассматриваются ключевые критерии для выделения основных этапов периодизации олимпийского волонтерства: от изменения ключевых характеристик социально-демографического портрета добровольных помощников и его функциональных направлений деятельности до влияния изменений, происходящих в области спорта и международной политики. Изучение ключевых характеристик, выделенных исторических периодов формирования олимпийского волонтерства как специфического института, со свойственными ему традициями и преемственностью «поколений», позволяет обозначить ряд тенденций в исследовании данного международного феномена.
Ключевые слова: волонтерство, добровольчество, волонтерская деятельность, олимпийское волонтерское движение, олимпийские игры, периодизация.

THE HISTORICAL PERIODS OF EVOLUTION OLYMPIC VOLUNTEERING

Gorlova N.I.

The article analyzes a number of approaches to the study of the evolution history of the development of Olympic volunteerism. The key criteria for highlighting the main stages of the periodization of the Olympic Volunteering, from changing the key characteristics of the socio-demographic portrait of voluntary assistants and its functional activities, to the impact of changes in the field of sport and international politics are considered. The study of the key characteristics of the selected historical periods of the formation of Olympic volunteerism as a specific institution, with its inherent traditions and succession of «generations», makes it possible to identify a number of trends in the study of this international phenomenon.
Key words: volunteering, volunteerism, volunteer activity, Olympic volunteer movement, Olympic games, periodization.

Олимпийское волонтерство – это разновидность общественного движения, которое функционирует для помощи Организационному комитету Олимпийских игр в проведении этого мероприятия. Международный опыт организации волонтерского корпуса Игр становится обязательной составной частью формулы успеха, на которую опираются организаторы крупномасштабных спортивных мероприятий.

Международное олимпийское волонтерство (добровольчество) за свою столетнюю историю прошло сложный и длительный путь институционального развития, формирования обширной инфраструктуры поддержки добровольческого движения, приобрело популярность и присущие ему современные черты и масштабы. Однако в масштабах «национальных границ» государств олимпийское волонтерство шло по собственной траектории развития в русле мировых тенденций [1, с. 103].

Последние десятилетия стали наиболее активным этапом развития и подъема олимпийского волонтёрства в истории проведения Олимпийских игр. За это время добровольческий сектор стремительно развивался и своему нынешнему состоянию во многом обязан проводимой политике Международного олимпийского комитета, общественной инициативе и социальной активности населения (см.: [2]).

Концепция олимпийского волонтерства была впервые определена в рамках отчета Олимпийских игр в Барселоне в 1992 году [3]. В нем было сказано: «Волонтер – это человек, который на добровольных началах способствует организации Олимпийских игр, выполняя задачи, возложенные на него, в меру своих способностей, не получая за это оплаты или вознаграждения» [4, p. 381].

Отечественные практики в области волонтерского менеджмента Д.А. Кружков, М.В. Коренева определяют олимпийского волонтера как человека, «выполняющего индивидуальную альтруистическую деятельность в рамках сотрудничества с Олимпийским комитетом» [5]. М. Линович, Е.В. Крутицкая подчеркивают, что олимпийское волонтерство на данный момент имеет все характеристики социального института: внутреннюю иерархию социальных статусов; признанную систему поощрений и санкций; историю развития; материальные символы и духовные ценности; идеологию, объясняющую окружающую реальность и происходящие события.

На наш взгляд, анализ олимпийского движения волонтеров требует его четкой периодизации, что позволит выявить «отправные точки» формирования профессионального волонтер-

ского сообщества Олимпийских игр в проблемно-хронологическом ключе исторических этапов его развития, охарактеризовать основные функциональные направления (сервисы) волонтерской деятельности с учетом специфики формирующего его социокультурного контекста, политико-правовой действительности, общественных настроений, а также официальной идеологии помогающего поведения.

Российские и зарубежные ученые в рамках культурологических, социологических, исторических исследований проявили единодушие в построении периодизации истории олимпийского волонтерского движения. Обратимся к анализу периодизации зарубежных исследователей.

Испанский исследователь Анна Морено выделяет четыре основных этапа периодизации становления и развития олимпийского волонтерского движения. Представленные этапы автор связывает с увеличением численности волонтерского корпуса в различные исторические этапы, а также с изменением качественных показателей в социально-демографическом портрете основных участников добровольческой деятельности на Играх. Кроме того, автор обращает внимание на необходимость учитывать изменения в сфере спорта и международной политики.

Первый этап начинается с Олимпийских игр в Афинах в 1896 году и заканчивается Олимпийскими играми 1936 года в Берлине. Для этого этапа характерна анонимная работа волонтеров через формирование федераций и клубов, все в соответствии с социально-образовательным характером спорта в те годы. В качестве «штатного» состава волонтеров Игр выступали бойскауты и военные. На первом этапе институт олимпийского волонтерства еще не сформирован, регистрация и учет участников движения не ведется, их вклад не оценивается. Отсутствуют официальные программы привлечения и организации работы волонтеров, организаторы Игр не владеют инструментами и технологиями управления добровольческими ресурсами. Волонтерский менеджмент находится в зачаточном состоянии. Задача волонтеров, по мнению автора, сводится на этом этапе к минимальной помощи в организации крупномасштабного спортивного мероприятия.

Второй этап начинается с Олимпийских игр в Лондоне в 1948 году и заканчивается Олимпийскими играми в Монреале в 1976 году. В послевоенную эпоху Игры проходят в индустриально развитых странах, которые выступают поборниками нового миропорядка, гарантами новых социально-экономических изменений и экономического порядка, установленного в мире после победы над гитлеризмом. А. Морено подчеркивает, что страны – организаторы Игр зачастую могли оказывать непосредственное влияние на проведение спортивного мероприятия, а также формировали собственные традиции рекрутинга волонтеров. Роль и общественная значимость добровольных помощников в организации мероприятия продолжает расти, расширяя постепенно границы волонтерского сообщества посредством вовлечения других проактивных категорий волонтеров, помимо военных и бойскаутов. Автор приходит к выводу, что на данном этапе организационные комитеты, осознавая важность трудового потенциала добровольного труда, его социальную и экономическую эффективность, целенаправленно берут курс на расширение функционала и полномочий волонтеров Игр. Добровольный «штат» Игр начинает успешно интегрироваться в сферу организации Олимпийских игр, волонтеры уже рассматриваются наравне с наемным персоналом.

Третий этап начался с Олимпийских игр в Солт-Лейк-Сити в 1980 году и продолжался до игр в Сеуле в 1988 году. Это этап становления современной модели олимпийского волонтерства, которая характеризуется оформлением собственных социальных норм, ценностей, принципов и процедур. Теперь волонтерам требуется специальная аккредитация, получение которой было связано с выполнением определенных регламентированных Оргкомитетом Игр правил поведения. На Олимпийских играх в Солт-Лейк-Сити волонтеры были включены в программу Организационного комитета. К Олимпийским играм в Лос-Анжелесе их роль становится основополагающей. На данном этапе продолжается процесс институционализации олимпийского волонтерского движения: общие идеи, принципы, правила, социальные нормы и процедуры, корпоративная культура.

В четвертый этап автор включает Олимпийские игры в Альбервиле 1992 года и в Сиднее 2000 года. На этом этапе складывается современная модель олимпийского волонтерства: включение волонтеров в организационный комитет игр, рассмотрение труда волонтеров как

человеческого капитала в подготовке мероприятий – лично индивидуального, с одной стороны, и всего института – с другой.

Изменение масштабов самих Олимпийских игр привело к тому, что МОК и национальные комитеты делают ставку на участие волонтеров в их проведении и расширении сфер функциональных направлений деятельности. Уже на лос-анджелесской Олимпиаде (1984 года) волонтеры получают официальное признание и статус «помощников Игр», разделяющих олимпийские идеалы и ценности. На Олимпиадах в Сараево, Калгари и Сеуле волонтерский вклад стал основным звеном в организации крупномасштабного мероприятия и их труд использовался практически на всех службах Игр. А. Морено указывает на то, что значимость волонтерства на Олимпийских играх рассматривается уже с нескольких позиций: политической (объединение индивидуальных усилий в общий проект, новая форма участия и выражения общественного движения); экономической (значительное сокращение в расходах по заработной плате и организации всего мероприятия); культурной (образование, мультикультурализм и солидарность). Именно волонтеры становятся визитной карточкой Игр.

В целом история проведения Олимпийских игр показывает постоянное устойчивое увеличение количества привлекаемых волонтеров, что свидетельствует о распространении олимпийского волонтерского движения (см.: [6]).

Исследователи С. Матвеев, И. Когут, Е. Гончаренко также утверждают, что, «несмотря на то, что впервые термин «олимпийский волонтер» был озвучен лишь в 1992 году, истории олимпийского волонтерства столько же лет, сколько и самому олимпийскому движению» [7].

Рассматривая хронологию эволюции олимпийского волонтерства как исторический феномен, С. Матвеев, И. Когут, Е. Гончаренко также выделяют 4 этапа в его развитии. В основе периодизации генезис добровольческого труда с точки зрения формирования системы его управления, а также определения и расширения сферы функциональных направлений деятельности волонтера, его полномочий и места в системе Олимпийских игр.

1 этап (1896–1948 гг.) истории олимпийского волонтерства связан с зарождением волонтёрского движения Игр из числа скаутов, военнослужащих, анонимных добровольцев. Обеспечивались такие направления деятельности мероприятия, как информационное поддержание порядка на стадионах, помощь в проведении соревнований, материальная помощь. Первыми волонтерами авторы считают спонсоров Афинских игр 1896 года. Далее авторы говорят о том, что с самого начала повелось так, что личный вклад свободного гражданина в Олимпиаду мог быть самым разным – от продажи билетов на спортивное состязание до участия в торжественном шествии.

В 20–30-х гг. бойскауты принимают непосредственное участие в каждых проводимых Олимпийских играх. На первых зимних Олимпийских играх в Шамони (1924 г.) волонтерам доверили самую почетную роль – знаменосцев во время торжественных церемоний открытия и закрытия.

2 этап (1948–1980 гг.) характеризуется увеличением числа добровольных помощников в обеспечении церемоний Игр, привлечением к строительству олимпийских объектов;

3 этапа (1980–1992 гг.) – происходит расширение функциональных направлений деятельности волонтеров от сопровождения и услуг в качестве переводчиков до обеспечения безопасности на Играх;

4 этап (с 1992 года) ознаменовал собой формирование корпуса олимпийских волонтеров, проходящих специальный отбор, обучение и подготовку с дальнейшей специализацией предоставляемых услуг по следующим направлениям: транспорт, допинг-контроль, обслуживание и сопровождение команд-участниц и делегаций, аккредитация, экстренная медицинская помощь, административная деятельность, обслуживание технических средств коммуникации, пресса, экстренная медицинская помощь, услуги переводчиков. С каждыми следующими Играми расширяется перечень направлений деятельности волонтеров и предоставляемых услуг.

Так, Организаторы XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в городе Сочи разработали уникальные социальной услуги в отношении инвалидов по устранению визуальных информационных барьеров в получении социально-значимой информации, в реализации законного права слепых и слабовидящих на информационное обеспечение, которое предусмотрено пунктом 4 статьи 29 Конституции Российской Федерации «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации». Конституция гарантирует всем без исключения гражданам России

«право на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям» (пункт 2 статьи 44). Была запущена специальная программа по подготовке волонтеров-тифлокомментаторов для предстоящих Паралимпийских игр, которые обещали стать самыми «социально-адаптированными» за всю историю проведения Игр. Волонтерам предстояло сделать не просто сухой тифлоперевод событий, происходящих на Играх. Перед ними стояла задача передать дух и атмосферу XXII Зимних Олимпийских игр, не потеряв при этом точности описываемых ими фактов. Самое главное испытание – трансляция главных церемоний открытия и закрытия Олимпийских и Паралимпийских игр [8].

Сервис по комментированию церемоний Игр с учётом особенностей восприятия информации незрячими людьми был подготовлен и проведён согласно требованиям Accessibility Guide An Inclusive Approach to the Olympic & Paralympic Games 2013: «Система усиления звука вместе с более громким звуком и тифлопереводом различных художественных элементов поможет людям с сенсорными нарушениями (нарушения слуха, глухота, слепота, нарушения зрения) получить более полные впечатления от церемонии)» [9, с. 152].

Кроме того, был подготовлен уникальный корпус волонтеров, которые, помимо своих прямых обязанностей в рамках работы по функциональной специфике на объекте, могли быть привлечены по необходимости к организации «безбарьерного общения» с людьми с полным или частичным нарушением слуха.

Оргкомитет в рамках данного этапа активно привлекал к олимпийскому проекту крупнейших игроков на рынке рекрутинговых и тренинговых услуг – компании, которые имеют международную экспертизу и опыт работы на национальных рынках. Благодаря опыту и инновационным разработкам компаний – партнеров Оргкомитета была сформирована передовая технология рекрутинга и подготовки олимпийских волонтеров.

Представленные периодизации отражают наиболее часто встречающиеся сегодня точки зрения российских и зарубежных исследователей относительно истории олимпийского волонтерства. Изучение ключевых характеристик выделенных исторических периодов формирования олимпийского волонтерства как специфического института, со свойственными ему традициями и преемственностью «поколений» волонтеров, позволяет обозначить ряд тенденций в исследовании данного феномена. Во-первых, институализация олимпийского волонтерства с четко оформленной идеологией добровольческого труда, системой ценностей и принципами деятельности (см.: [10]). Во-вторых, обозначим ведущую роль проактивной части населения в развитии олимпийского движения волонтеров. В-третьих, изменение роли и статуса олимпийского волонтера, задача которого теперь уже не ограничивается минимальным набором непрофессиональных видов помощи. Принципиальным образом меняется содержание ключевых компетенций волонтеров Игр в сторону профессионализации. Специфика организации добровольческой деятельности определяется ее социально-массовым и инструментальным характером, функционалом и содержанием структурных компонентов. В-четвертых, отметим наличие современной модели управления добровольческими ресурсами в рамках проведения крупномасштабных спортивных мероприятий. Проявление выше обозначенных тенденций можно проследить в рассмотренных нами периодизациях. Опыт последних десятилетий свидетельствует о расширение границ олимпийского волонтерства, увеличении «штата» волонтеров, вовлеченных в различные социально значимые инициативы. Можно с полной уверенностью утверждать, что на международном уровне сформировался волонтерский корпус из числа социально активных людей, которые могут быть задействованы в практике добровольческой деятельности и готовы внести значительный вклад в процессы модернизации общества.

Список литературы

1. Козлова Н.И. Олимпиада и волонтерское движение в России: проблемы, перспективы развития // Подготовка кадров для Олимпиады: проблемы и перспективы: материалы 1-й междунар. науч.-практич. конф. (13–16 мая 2008 г.) / отв. ред. Г.М. Романова. Сочи: РИО СГУТиКД, 2008. С. 103.

2. Злоказова Н.Е. Международный опыт подготовки волонтеров в решении задач кадрового обеспечения Олимпиады «Сочи-2014» // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2008. № 7-8. Т. 3. С. 85–97.

3. Moreno A.B. The evolution of volunteers at the Olympic Games / Volunteers, Global Society and the Olympic movement / Centre d'Estudis // Olympics I de L'Esport. UAB, Spain, 1999.

4. Memoria Oficial de los Juegos Olímpicos de Barcelona 1992. Barcelona: COOB'92, 1992. Vol. 1.

5. Кружков Д.А., Коренева М.В. Феномен волонтерства в общественной жизни и олимпийском движении: исторический аспект: учеб.-метод. пособие. Краснодар, 2008.

6. Сафонова Е. Французский опыт подготовки специалистов по организации и проведению крупных спортивных мероприятий // Подготовка кадров для Олимпиады: проблемы и перспективы: материалы 1-й Междунар. науч.-практич. конф. (13–16 мая 2008 г.) / отв. ред. Г.М. Романова. Сочи: РИО СГУТиКД, 2008.

7. Матвеев С., Когут И., Гончаренко Е. Волонтерские движения в спорте: проблемы и перспективы // Наука в олимпийском спорте. 2011. № 1–2. С. 26–31.

8. Горлова Н.И., Троска З.А. История практики подготовки волонтеров сервиса тифлокомментирования в рамках проекта «Сочи 2014» на примере деятельности Волонтерского центра Российского государственного социального университета // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2015. Т. 14. № 6 (133). С. 20–31.

9. Руководство Международного паралимпийского комитета в области доступности. «Инклюзивный подход к Олимпийским и Паралимпийским играм» (в редакции 2013 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://shop.cntd.ru (дата обращения: 12.03.2017).

10. Коренева М.В., Кружков Д.А. Разработка программы подготовки волонтеров в Олимпийском движении и ее внедрение в профессиональное образование сервисных специальностей //Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2009. № 1. С. 60–63.

Об авторе

Горлова Наталья Ивановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры менеджмента и маркетинга спортивной индустрии, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, г. Москва, Gorlovanat@yandex.ru

УДК 94(47).06

ПРОБЛЕМА ОБРАЗОВАНИЯ РУССКОГО ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ДВОРЯНСТВА XVIII ВЕКА В ОЦЕНКЕ СОВРЕМЕННИКОВ (НА МАТЕРИАЛАХ МЕМУАРНОЙ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)

Долгова В.Н.

Данная статья посвящена изучению восприятия современниками системы образования русского провинциального дворянства в XVIII веке. Предполагается охарактеризовать исторические условия, повлиявшие на изменение системы образования дворян в изучаемый период, специфику образования русского провинциального дворянства, проанализировать его достоинства и недостатки.
Ключевые слова: провинциальное дворянство, петровские преобразования, образовательная система, галломания, женское образование.

THE PROBLEM OF EDUCATION OF THE RUSSIAN PROVINCIAL NOBILITY OF THE 18th CENTURY IN THE ESTIMATION OF THE CONTEMPORARIES (IN THE MEMORIAL LITERATURE AND FICTION)

Dolgova V.N.

This article is devoted to the study of the system of education of the Russian provincial nobility in the 18th century. It is supposed to characterize the historical conditions that affected the change in the system of education of noblemen in the period under study, the specifics of the education of the Russian provincial nobility.
Keywords: the provincial nobility, Peter's reforms, the educational system, Gallomania, the female education.

Одним из выдающихся произведений русской художественной литературы второй половины XVIII века была комедия Д.Фонвизина «Недоросль». Сразу же после своей публикации комедия получила широкую известность в русском обществе и была поставлена на сцене театров. В центре комедии шестнадцатилетний дворянин Митрофанушка, для обучения которого родители наняли иностранца, бывшего французского кучера Вральмана и местных учителей: отставного сержанта Цыфиркина и дьяка Кутейкина. При этом юный помещик так и не научился читать, считать, не знает грамматику, не имеет представление об истории и географии. Оправдывая неграмотность Митрофанушки, мать и дядя заявляют Стародуму, что это не обязательно, так как достигнуть постов и богатства можно с помощью взяток и связей [11, с. 135]. Возникают вопросы: «Что из себя представляла система образования русских провинциальных дворян в XVIII столетии? И имела ли данная система недостатки?»

Целью исследования являлось изучить восприятие современниками системы образования русского провинциального дворянства XVIII века, опираясь на мемуарную литературу. Дополнительным источником при написании публикации служила русская художественная литература изучаемого периода, которая широко используется при изучении истории русского дворянства XVIII века, такими известными современными историками, как О.Елисеевой, Н.Л.Пушкаревой, О.С.Муравьевой, M.Raeff и др [15]. Следует учесть, что русская художественная литература XVIII столетия очень субъективна, и требует от исследователя определенных навыков работы в ее интерпретации, но вместе с тем, является интереснейшим источником, так как относиться к направлению критического реализма и бесспорно в ней освещаются проблемы волновавшие передовую часть русской интеллигенции. Задачи исследования сводились к следующему:

- изучить исторические условия, которые оказывали влияние на формирование русского провинциального дворянства данного периода;
- исследовать систему образования русского провинциального дворянства и его уровни;
- проанализировать специфику воспитания и обучения детей провинциальных дворян.

Восемнадцатый век был временем активного экономического, политического, культурного развития России. В этот период, благодаря стараниям Петра I, Елизаветы, Екатерины II наша страна вышла на международную арену, с ее мнением стали считаться ведущие мировые державы. В конце XVIII века канцлер Безбородко говорил молодым дипломатам: «Не знаю, как будет при вас, а при мне ни одна пушка в Европе без позволения нашего выпалить не могла» [7, с.20].

В 1722 году в России был введен «Табель

о рангах», который позволил рядовым россиянам, достигнув определенного чина по воинской и гражданской службе, получить для себя не только личное, но и потомственное дворянство. Если в допетровской Руси особенно ценилась знатность, «порода», то в XVIII веке доминировать стала чиновность: чин определял социальное положение человека, давал право на получение должности и различных привилегий. Большинство русского дворянства XVIII столетия проживало в провинции. В зависимости от материального положения оно делилось на мелко-поместное, среднее и высшее. Социальные преобразования рассматриваемого периода не просто сделали дворянство привилегированным сословием, но и повлияли на формирование специфического менталитета. Европеизация, начатая Петром I и продолжавшаяся на протяжении всего столетия, оказывала значительное воздействие на быт и нравы российского дворянства. Обязав дворян служить государству, первый русский император обязал их получать образование.

Российский историк Платонов С.Ф. пишет: «Подраставших дворян требовали на смотры, которые проводились в Петербурге и Москве. На смотрах для них определяли род службы, посылали учиться в русские и заграничные школы». По указам 1714,1723 годов первоначальное образование стало обязательным для всех молодых дворян. До 15 лет они должны были обучаться грамоте, арифметике, геометрии в специально устроенных школах при монастырях и архиерейских домах. Уклонявшиеся от обязательного обучения дворяне теряли право жениться. Таким образом, с помощью государственной политики на дворянство была возложена обязанность дать надлежащее образование своим детям.

Как показывает исследование, первым уровнем образования провинциальных дворян было «домашнее образование». В качестве учителей не всегда выступали грамотные педагоги. Домашними учителями становились солдаты, церковные служители. Так, как одним из атрибутов образованного человека этого времени стало знание иностранных языков, в семьи провинциальных дворян приглашались иностранные гувернеры. Качество домашнего образования страдало, это нашло отражение в произведения русской художественной литературы.

Так, в другом произведении Фонвизина «Друг честных людей, или Стародум» дедиловский помещика Дурыкин просит Стародума присмотреть ему учителя для его детей из среды студентов. При этом последний должен соответствовать следующим требованиям: знать немецкий, французский, арифметику, согласиться жить в доме помещика и обедать со слугами. В день ему будут выдаваться три бутылки домашнего пива. Кроме обучения детей, учитель должен вести приходные и расходные книги барина и ухаживать за его париком [12, с. 135]. При этом мы явно видим, что Фонвизин касается вопроса отношения крепостников к домашним учителям, которые видят в них не свободных людей, а слуг.

Тему недостаточной образованности «домашних учителей» Д.Фонвизин продолжает в комедии «Выбор гувернера». Действие комедии разворачивается в провинции, где перед семьей князей Самодуровых встает вопрос, где найти гувернера для их десятилетнего сына Василия. И если местный предводитель Сеум советует им взять на эту должность мелкопоместного дворянина, штаб-офицера Нельстецова, то княгиня Слабоумова склоняется в пользу француза, рекомендованного княгиней Самодуровой. Как впоследствии оказывается во Франции сей француз состоял при больнице и единственным его достоинством является то, что он умеет рвать зубы и вырезать мозоли. Приехав в Россию, «бывший лекарь» нанялся гувернером в семью одного провинциального дворянина, откуда был с позором выгнан. И вот он снова ищет себе место гувернера теперь уже в другой провинции [11, с. 197-198].

Проблемы образования касался и А.Н.Радищев в своем бессмертном произведении «Путешествии из Петербурга в Москву» (1790). В главе «Городня» автор описывает встречу с французом, который делится с ним впечатлениями о жизни в России: «Проезжая через Москву, я встретился на улице с двумя моими земляками, которые советовали мне оставить хозяина и искать в Москве учительского места. Я им сказал, что худо писать умею. Но они мне отвечали: ты говоришь по – французски, то и того довольно. Я остался в Москве. Скоро мне земляки мои нашли учительское место за 150 рублей, пуд сахару, пуд кофе, десять фунтов чаю в год, стол, слуга и карета. Но жить надлежало в деревне. Тем лучше. Там целый год не знали, что я писать не умею. Но какой-то сват того господина, у которого я жил, открыл мою тайну, и

меня свезли. Не найдя другого подобному сему дурака, боясь умереть с голоду, я продал себя за 200 рублей в солдаты» [10, с. 181-182].

Следует признать, что рассказ Радищева о французе-лакее, ставшем учителем, не зная грамоты, окрашен в сатирические тона, но с опорой на реальную действительность. Как бывшему пажу, писателю, конечно, было известно, что когда И.И.Шувалов выписал из Франции восемь лакеев для пажеского корпуса, петербургская знать переманила их для воспитания своих детей. А в Москве был случай, когда уроженец Прибалтики выдавал себя за француза и обучал воспитанников вместо французского языка финскому [5, с. 229].

Кроме того, одним из недостатков образовательной системы дворян стало непомерное увлечение иностранным, в частности французским. Данное явление появилось в российском обществе во второй половине XVIII столетия и нашло отражение в комедии Д.Фонвизина «Бригадир»(1796), где сын бригадира Иван благодаря невежеству родителей, отдавших своего ребенка на воспитание французскому кучеру, вырос расчетливым эгоистом, циником и развратником. Он ненавидит свое отечество и тупо восхищается Францией и французами. В своей беседе с советницей он заявляет, что «молодой человек подобен воску и если бы в юности его воспитывал бы русский, который бы любил свою нацию, и я, возможно, был таков».

Проблему непомерного увлечения всем иностранным в процессе обуения дворянских детей поднимал и Петр Плавильщиков. Характеризуя дворянское воспитание в конце XVIII века в своей публикации «Нечто о врожденных свойствах душ российских», он писал: «Свойство подражать явно проявляется в новейшем воспитании. Спросят у меня, что это за чудовище такое модное воспитание? Я о нем скажу, и скажу самую истину. Воспитать значит, с самого рождения сохранить жизнь младенца, питать его тело, потом просветить его разум, устроить сердце, дать нравы, открыть способности душевные и образовать к добру его свойства, дабы отечество могло видеть полезного сына» [9, с. 3].

В реальности же мы имеем молодых дворян, которые не просто пренебрегают и плохо говорят по-русски, предпочитая французский язык, но и которые презрительно относятся к своему отечеству. Пытаясь ответить на вопрос, почему новая русская молодежь так не любит свое отечество, Плавильщиков приходил к выводу, что во многом в этом виноваты иностранные учителя. Последние, «часто удалившиеся из своей страны в связи с тем, что они там за дела и нравы нетерпимы», не имея куска хлеба и постоянного заработка, в России не просто становятся востребованными учителями, но и возвращаются в свое отечество обогащенными, весело насмехаясь над русским добродушием.

Здесь мы видим сходство воззрений П.Плавильщикова и Д.Фонвизина. Последний вкладывает в уста сына бригадира, яростного галломана, мысль, что если бы его воспитывали русские учителя, он, быть может, гораздо больше любил свое отечество.

Важно отметить, что проблема образования русского провинциального дворянства, поднятая Д.Фонвизиным, нашла свое отражение в мемуарной литературе. Так, характеризуя жизнь выходца из провинциальной среды, впоследствии видного публициста, генерала Льва Николаевича Энгельгарда, исследователь И.И.Подольская отмечает: «До восьми лет Л.Н.Эгельгард жил у своей бабки со стороны матери Наталии Федоровны Бутурлиной в селе Кирманы Арзамасского уезда Нижегородской губернии. Мальчик рос недорослем, проводя время на улице в играх и забавах с крестьянскими детьми. Никто не занимался его духовным развитием, так как бабка была безграмотной» [13, с. 135]. Так продолжалось до 1774 года, когда умерла бабушка, и отец забрал мальчика к себе в Витебск. Здесь Л.Н.Энгельгардт был отдан на обучение дьяку греко-католической, униатской церкви и после двух лет обучения выучился читать.

В возрасте десяти лет к мальчику приставили поручика Л.М. Брауншвейга, который за жалование 60 рублей в год, должен был выучить его писать по-русски, говорить по-немецки и первым правилам арифметики. Изучать французский язык Энгельгардт ходил в иезуитский монастырь к иезуиту Вольфорту. В 1777 году для сестры Л.Н.Энгельгардта была выписана madame Leneveu за 500 рублей, благодаря которой он смог вскоре говорить «по-французски изрядно», в то время как обучение у иезуита немецкому языку, который наказывал ребенка, отвратили его от изучения данного языка.

Далее обучение и воспитание Л.Н.Энгельгарда проходило в специализированных учебных заведениях для детей дворянства. Сначала в 13 лет он был помещен в пансион к Эллерту в

Смоленске. Описание данного пансиона интересно тем, что дает представление, как воспитывались дети русских провинциальных дворян в данных образовательных учреждениях. Вся учебная деятельность в пансионе Эллерта сводилась к обобщенному преподаванию всех наук, в том числе катехизиса, грамматики, истории, географии, мифологии. Обучение в пансионе сопровождалось телесными наказаниями за малейшие проступки. Как пишет Энгельгард, учеников били по рукам деревянными лопатками, розгами из подошвенной кожи, секли розгами и плетью, ставили на колени на три-четыре часа. Детей учили арифметике, геометрии, фехтованию. Для более эффективного освоения французского языка им запрещали разговаривать на русском, ослушавшихся били ферулами по рукам. Несмотря на жестокие методы воспитания, пансион был всегда полон. Стоимость обучения составляла сто рублей в год. Через год Энгельгардта привезли домой в Полоцк. Родители были в восторге, увидев ребенка «исправленного от пороков, говорящего по-французски и обо всех науках».

Описание провинциальных пансионов для детей дворянства мы встречаем в воспоминаниях другого видного русского литератора, поэта Ивана Ивановича Дмитриева (1760 – 1837). В восемь лет он был отдан матерью в пансион в г. Казани, который содержал французский мещанин Манжен, где воспитанники обучались французскому языку, арифметике и рисованию.Далее И.И.Дмириев был переведен в пансион к г. Кибиту. В этом пансионе среди изучаемых предметов были французский и немецкий язык, русская грамматика, история, география, математика. «Признаюсь, - отмечает поэт, - что до того времени считался в последнем классе самым тупым учеником». Кибит был обходителен с учениками, давал им во время занятий отдыхать, возможность задавать вопросы, рассказывал военные анекдоты, знакомил с деятельностью современных полководцев. Однако курс обучения в пансионе был прерван после того, как отец Дмитриева узнал, что двадцати шестилетний Кибит подвержен «слабостям своего возраста». «В тот период, - отмечает И.Дмитриев, - «я не дошел еще до синтаксиса, а в немецком остановился на глаголах» [3, с. 181].

Знаменитый русский поэт, политический деятель Державин Г.Р. родился в 1743 году в Казани в семье мелкопоместного дворянина. У отца Державина было 10 крепостных, у матери 50. Первоначальным обучением сына занималась мать. В четыре года благодаря стараниям священника мальчик выучился читать, в семь лет был показан на первый смотр оренбургскому губернатору И.И.Неплюеву и отдан обучаться немецкому языку за неимением других учителей, каторжанину Иосифу Розе. Последний учил детей «лучших» дворянских семей Оренбурга. «Сей наставник, - указывает поэт, - был нравов развращенных, наказывая своих учеников самым мучительным образом; был сам невежда. Не знал даже грамматических правил, а для того и упражнял только детей твержением наизусть вокабул и разговоров и списанных оных, его рукою прекрасно писаных. Через несколько лет посредством такого учения упомянутый питомец мог по-немецки читать, писать и говорить»[2, с. 10].

В 1754 году у Державина умер отец, несмотря на бедность и нескончаемые тяжбы, мать поэта продолжила обучение своих детей. В связи с недостатком денежных средств старший сын Гавриил для изучения арифметике и геометрии был отдан сначала гарнизонному школяру Лебедеву, а потом штык-юнкеру Полетаеву.

В 1758 году Г.Державин вместе со своим младшим братом был отдан в только что открытую казанскую гимназию, первым директором, которой был асессор М.И.Веревкин. Гимназистам преподавали латинский, французский, немецкий языки, арифметику, геометрию, музицирование, рисование и танцы. Первое время в гимназии не хватало учителей, поэтому учеников старались, прежде всего, научить читать, писать, быть обходительными. На торжественных собраниях по поводу сдачи экзаменов воспитанники танцевали, участвовали в постановках трагедий Сумарокова. Данное обучение, указывал Державин, делало «питомцев хотя в науках неискусными, однако ж доставляло людскость и некоторую развязаность в обращении» [2, с. 12].

Выдающийся ученый, писатель, мемуарист А.Т.Болотов вспоминал, что его обучение началось в шесть лет, когда его отдали учиться старику украинцу. В девять лет во время пребывания семьи Болотовых в Эстляндии для обучения был нанят выходец из Германии, унтер-офицер Миллер, который неплохо знал арифметику и мог писать, читать по-немецки. Миллер был человеком строптивым и своенравным, не терпел шуток и пререканий, в связи, с чем достаточно грубо обращался со своим учеником, нередко доводя его до слез.

Болотов описывает случай, что однажды, усомнившись, что он сам решил арифметическую задачку, Миллер впал в ярость и стал жестоко избивать его розгами. Придя в себя, учитель испугался гнева родителей, но отец, узнав о происшествии, не только его не выгнал, но и одобрил. Вследствие чего истязания над А.Т.Болотовым продолжились [1, с. 52-56].

Интересным источником, позволяющим судить о воспитании дворянства в XVIII столетии являются «Записки» М.В. Данилова. По его словам при Петре I «в военную службу охотою никто не хотел, а записывали дворянских детей с принуждением; науки и художества в редком еще доме были известны, а многие дворянские дети грамоте с нуждою могли разуметь, а писать только редкие знали» [4, с. 244].

Как было принято в начале XVIII века первоначальное образование дети помещиков получали у церковнослужителей (дьячков, пономарей), иногда грамотные родители сами обучали своих детей. Так, Данилов, выучившись азбуке у пономаря, был отправлен к родственнице в Тулу, где с помощью слуги «окончил словесное чтение», то есть освоил Часослов и Псалтырь. Позднее его отправили в Данков, где его обучал престарелый поп, затем попал к родственнику в Глухов, где обучением недоросля никто не занимался. Дальнейшее свое образование М.В.Данилов продолжил в артиллерийской школе в Москве, а позднее благодаря стараниям брата в петербургской школе для чертежного обучения.

Следует сказать, что доступ провинциального дворянства к обучению в столичных привилегированных учебных заведениях был ограничен. Показательна в этом плане история такого политического деятеля, как А.Аракчеев. Отец «временщика» никогда не был богат и владел лишь 20 крепостными, имением в Гарусово, домом в г. Бежецке Тверской провинции. Выйдя в отставку после опубликования «Манифеста о вольности дворянства» он поселился в деревне. 23 сентября 1769 года у него родился сын Алексей, воспитанием и обучением которого занялась более инициативная и энергичная мать Елизавета Андреевна. Для обучения она наняла местного священника, который, однако, был плохим учителем. Вследствие чего Аракчеев в течение всей своей жизни не мог написать трех слов без орфографических и грамматических ошибок. Отец мечтал, что Алексей сделал гражданскую карьеру, поэтому, преследуя цель сформировать у него почерк и правописание, он заставлял его переписывать многочисленные официальные документы. В тринадцать лет А.Аракчеев воспылал мечтой поступать в Шуваловскую артиллерийскую школу. Родители первоначально не одобряли стремление сына, так как понимали, что без связей и денег поступить в данное привилегированное заведение практически невозможно, однако, вынуждены были уступить желанию сына.

Собрав сто рублей денег, Андрей Аракчеев вместе с Алексеем направились в Петербург и подал прошение о принятии в школу. Каждый день они ходили к директору П.И.Мелиссино, чтоб спросить его об ответе на прошение. Ситуация становилась критической, деньги закончились, жить было не на что. Тогда при очередной встрече с Мелиссино Аракчеев находясь в крайней степени отчаяния воскликнул: «Ваша Светлость, примите меня в кадеты. Если мы будем ждать дальше, мы умрем с голода. Я буду благодарен Вашей Светлости всю свою жизнь и буду молить за вас бога. Мой отец не может более ждать и скоро умрет здесь и я вместе с ним!» Мелиссино сжалился над Аракчеевым и принял его в кадеты [14, с. 31-34].

Не менее интересным является вопрос о воспитании женщин в среде провинциального дворянства. Как свидетельствуют источники, в семьях мелкопоместного дворянства воспитанию девочек особого внимания не уделяли. Дочь горного чиновника Е.А.Яковлева, по второму мужу А.Е.Лабзина, отмечала, что ее детство прошло в маленьком имении между Екатеринбургом и Челябинском. В семь лет она умела читать, ее любимыми занятиями были бег, игры, лазание по деревьям. Воспитывали Лабзину по-спартански, она питалась грубой пищей, заставляли ежедневно совершать пешие прогулки в любую погоду, учили милосердию. Будущая жена конференц – секретаря Академии художеств, директора Департамента министра морским сил А.Ф.Лабзина, как следует из ее мемуаров, работала в саду, сажала, полола, поливала грядки, угощала крестьян во время праздников, которые для них специально устраивали [6, с. 17]. Следует отметить, что тип провинциальной дворянки, подобно Софье из комедии Фонвизина «Недоросль», которая не просто умела читать и писать, но и знакомилась с научной литературой, могла поддержать дискуссию, был скорее исключением, чем правилом.

Как показывает исследование, система образования провинциальных дворян состояла из трех этапов. Первый этап составляло домашнего образования, учителями выступали как сами родители, так и священники, отставные военные. Нанять иностранных учителей было под силу только обеспеченным людям. Опираясь на воспоминания выходцев из провинциальной среды Г.Р.Державина, Л.Н.Энгельгардта, И.И.Дмитриева и др., мы видим, что уровень образованности самих учителей был недостаточно высок, и они походили на Цыфиркина, Кутейкина и Вральмана, героев комедии Фонвизина «Недоросль». Данный вывод подтверждает и немецкий историк Ян Кусбер. В своей статье «Какие знания нужны для дворянской жизни? Провинциальные воспитательные дискурсы второй половины XVIII века» он отмечает, что претенденты на должность домашних учителей не имели необходимой квалификации. С учителями составлялись договоры, кроме иностранных языков, они должны были изучать с детьми мифологию, историю, естествознание, военную науку, фехтование, танцы. Степенью образованности среди провинциального дворянства считалось умение вести элегантную беседу и вовремя вставить в свою речь элегантные фразы на иностранном языке [15].

Следует отметить, что домашние учителя иностранцы были роскошью. Так, немецкий историк Клаус Шарф пишет, что повсеместно шансы дворянских детей на получение образования зависели от доходов всего дворянского «дома», в среднем расходы на получение европейского образования одним сыном равнялись 100 рублям в год, с проживанием и питание 150 рублей, для чего требовался оброк с 20-30 крестьян[15]. Как видим, сумма, названная А.Н.Радищевым, которая платилась гувернеру-иностранцу в деревне, подтверждается современными исследователями. Не имея возможности нанять иностранцев, мелкопоместные дворяне нанимали учителей подешевле – местных священников, военных.

Второй ступенью в образовании провинциального дворянства являлись специализированные учебные заведения – частные пансионы, гимназии, корпуса и др. Они подразделялись на частные и государственные. Владельцы частных пансионов также, как и домашние учителя - иностранцы не сдавали экзамен на квалификацию. Среди предметов, которым обучали в средних учебных заведениях были арифметика, геометрия, грамматика, иностранные языки, история, география, рисование, танцы и т.д. Обучение сопровождалось жестокой дисциплиной, возникал парадокс - дворяне, как высшее привилегированное сословие были освобождены от телесных наказаний, но при обучении в частных пансионах и гимназиях нерадивых учеников наказывали, в частности, секли розгами. При этом родители дворян закрывали на это глаза, так как важен был результат образованность. По окончанию данных заведений дворяне поступали на государственную службу. Третий уровень образования составляли высшие учебные заведения, среди них, Московский университет, Славяно-греко-латинская академия и другие. Специфичным было обучение провинциальных дворянок, оно ограничивалось преимущественно домашним обучением.

Подводя итог исследования необходимо отметить, что благодаря европеизации страны начатой Петром I, была полностью изменена система образования дворянства, как привилегированного класса. Данная система состояла из трех уровней: домашнего, среднего и высшего образования. В России исследуемого периода отсутствовал класс профессиональных учителей, было много учителей иностранцев, образовательный уровень которого оставлял желать лучшего. Данное явление нашло отражение в русской художественной литературе изучаемого периода, в частности в произведениях Д. Фонвизина, А.Н.Радищева, Н.И.Новикова, а также мемуарной литературе. Изменения в системе дворянского образования, безусловно, оказало позитивное влияние на последующее культурное и социальное развитие страны. Увеличился процент образованных дворян, образовательная система совершенствовалась, иностранные путешествия, чтение книг меняли менталитет дворян. XIX век стал «золотым веком» в истории русской культуры. Среди негативных явлений дворянской образовательной системы можно назвать следующее, это непомерное увлечение дворян иностранными языками и всем иностранным, которое вылилось в галоманию и англоманию, а также в такое явление, как варваризм.

Список литературы

1. Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для потомков. В 3 томах. М., 1993. Т.1.
2. Державин Г.Р. Записки. М.: Мысль, 2000.
3. Дмитриев И.И. Взгляд на мою жизнь / Русские мемуары. Избранные страницы. XVIII век. М.: Правда, 1988.
4. Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI - XX вв.: Исторические очерки. М., 2001.
5. Кулакова Л.И., Западов В.А. Путешествие из Петербурга в Москву. Комментарии. Л.: Просвещение, 1974.
6. Лабзина А.Е. Воспоминания. Описание жизни благородной женщины /История жизни благородной женщины. М., 1996.
7. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XIX в.) СПб.: Дмитрий Булавин, 2000. Т.1.
8. Молчанов Н.Н. Дипломатия Петра Первого. М.: Международные отношения,1986.
9. Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву. М.,1962.
10. Плавильщиков П. Сочинения. СПб., 1816. Т.4.
11. Фонвизин Д.И. Собрание сочинений. В 2 томах. М.,1959. Т.1.
12. Фонвизин Д.И. Сочинения. М.,1981.
13. Энгельгардт Л.Н. Записки /Русские мемуары. Избранные страницы. XVIII век. М.: Правда,1988.
14. Jenkins M. Arakcheev. Grand vizier of Russian empire. L., 1969.
15. Marc Raeff.Origins of the Russian Intelligentsia: The Eighteenth-Century Nobility . Harcourt, Brace, and World, 1966; Ян Кусбер. Какие знания нужны для дворянской жизни? Провинциальные воспитательные дискурсы второй половины XVIII века // Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII века. М., 2009; Клаус Шарф. Горацианская сельская жизнь и европейский дух в Обуховке: дворянский интеллигент Василий Капнист в малороссийской провинции // Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII века. М., 2009; Елисеева О. Повседневная жизнь благородного сословия в золотой век Екатерины. М., 2008; Пушкарева Н.Л. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница. М., 1997.

Об авторе

Долгова Вероника Николаевна – кандидат исторических наук, доцент, Орловский государственный университет имени И.С.Тургенева (Карачевский филиал), dolgovaveronika@mail.ru

УДК 947.05

К ВОПРОСУ О РУССКО-ТУРЕЦКИХ ДОГОВОРАХ В НАЧАЛЕ XVIII в.

Дубровский А.М.

В работе проводится сопоставление договоров России и Турции, заключённых в 1713т 1720гг. Историко-юридический анализ позволяет выяснить эволюцию русско-турецких отношений после окончания Северной войны и перед Персидским походом Петра I.
Ключевые слова: договор, условия, отношения, границы.

RUSSIAN-TURKISH RELATIONS IN THE BEGINNING OF XVIII CENTURY

Dubrovskii A.M.

The article analyzes two Russian-Turkish treaties 1713 and 1720. This analyze gives opportunity for reconstruction the Russian-Turkish relations evolution during 1710's –from the last years of the North War till the Persian War.
Keywords: treaty conditions relations frontiers.

Как известно, после неудачного для России Прутского похода Петра между двумя государствами - Россией и Турцией - был заключён мирный договор в Адрианополе в 1713 г. Через семь лет, в 1720-м, был подписан «вечный мир» в Константинополе «на основании прежних трактатов». В работах современных исследователей мирный договор 1720 г. оказался вне поля зрения. Ничего о нём не говорил В.П. Лысцов [3]. В обстоятельной монографии С.Ф. Орешниковой, посвящённой русско-турецким отношениям при Петре, изложение событий доведено только до 1713 г. [5]. В более поздних монографических трудах В.С. Бобылёва и Н.Н. Молчанова этот договор обойдён вниманием исследователей [1, 4]. Не обратил внимания на этот договор и И.В. Курукин [2] Между тем, договор 1720 г. являлся важным шагом, сделанным по инициативе российского правительства. Сопоставления текстов двух документов – 1713 и 1720 гг. - пока не проводилось в нашей науке, между тем эта исследовательская операция проливает свет на некоторые стороны взаимоотношений России и Турции в годы, последовавшие после Прутского похода.

История взаимоотношений между Россией и Турцией в годы, непосредственно последовавшие после Прутского похода, очень подробно была освещена ещё С.М. Соловьёвым [6, с. 370-396]. Не останавливаясь на деталях, отметим, что эти отношения развивались сложно из-за присутствия в Турции Карла XII, страха российского правительства перед новой возможной войной с этим государством. Турция также опасалась присутствия российских войск в Польше, возможности нападения России на Турцию после окончания войны со шведами, при этом Польша могла бы быть плацдармом для войск Петра, который в своё время заключил договор с польским королём Августом.

Оба документа 1713 г. и 1720 г. начинаются с преамбулы – исторической справки, - в которой после краткого упоминания о Прутском походе освещаются взаимоотношения России и Оттоманской империи – «блистательной Порты». О Прутском походе договор 1713 г. говорил, что «билися жестоко с войски царского величества» [7, с.37], в договоре 1720 г. сказано сильнее и конкретнее: «билися жестоко огненным возжением» [8, с.253]. В договоре 1713 г., в преамбуле, шла речь о достигнутом после Прутского похода соглашении - о возвращении Турции Азова, разорении крепостей Таганрог, Каменный Затон и новой крепости, поставленной в устье реки Самары, передаче турецкой стороне пушек и амуниции из фортеции Каменный Затон. Россия не должна была влиять на казачество, жившее на территориях Польши и подвластное крымскому хану. Только купцы, приезжавшие сухим путём из России в «блистательную Порту», могли играть роль послов от русского царя (это был отказ в праве России содержать в Турции своего посла). Россия должна была вернуть пленных мусульман и не мешать шведскому королю Карлу XII вернуться на родину. Это был договор, победившего с победителем, унижавший Россию, отбиравший у неё прежние завоевания.

Пётр медлил с выполнением условий русско-турецкого договора (отдача туркам Азова, срытие Таганрога), желая, чтобы турки выслали из своей страны Карла XII. Русский царь знал о том недовольстве ходом войны с Россией, которое охватило шведов; что давало Петру надежду

на окончание войны, главных результатов которой он уже достиг [4, с.295] Напряжение в отношениях то усиливалось, то ослабевало. Из-за того, что российское правительство не выполняло всех условий договора, Турция снова «рассудила учинить войну», о чём было объявлено сперва в декабре 1711 г., потом в январе 1712 г. [4, 296, 298]. Петру пришлось пойти на уступки. Благодаря этому обстоятельству в апреле 1712 г. между Турцией и Россией был заключён новый договор из 7 пунктов. Однако и после этого Пётр не только не выполнил статьи о выводе русских войск из Польши, но и сам «с своими войсками проехал через Польшу до Померании шведской», что было поступком, препятствовавшим мирным отношениям между Россией и Турцией. Верховные турецкие власти снова стали готовиться к войне и подтянули войска к Адрианополю «с намерением к бою» и, как говорил документ, «намерены будучи в поход весною идтить» [7, с.38].

Находившиеся в Турции подканцлер П. Шафиров и генерал-майор М. Шереметев «посылали к блистательной Порте несколькократно мемориалы с прошением и извинением» [7, с.38]. То есть встревоженные и, может быть, даже напуганные военными приготовлениями российские дипломаты не один раз обращались письменно к турецкому правительству с намерением отвратить его от желания начать новую войну. Вняв их просьбам, турецкое правительство вывезло их из Константинополя в Адрианополь, где находился султан. В этом городе на основе переработки прежних договорённостей были составлены статьи нового договора России и Турции, которые они подписали в меру своих полномочий. В основу нового текста были положены некоторые статьи из договора о мире, «учинённого прежде сего на реке Прут», часть статей из договора, заключённого в апреле 1712 г. В новом договоре устаревшие статьи были «переправлены», «некоторые же пункты присовокуплены». В итоге в договоре 1713 г. появились 4 новых статьи, о чём и говорили сами составители [7, с.38].

В первой статье договора 1713 г. Россию обязали вывести войска из Польши в течение двух месяцев, не вмешиваться в польские дела и впредь свои войска в Польшу не посылать. Только в случае если бы шведский король ввёл свои войска в Польшу и стал натравливать Польшу на Россию, Россия могла воевать на польской территории. Известно, что после самого главного требования Турции – возвращения Азова - сохранение соседней Польши, предотвращение усиления в ней российского влияния было по значению вторым требованием Порты. Турция стремилась навсегда решить вопрос о Польше в свою пользу – закрыть путь в неё российскому влиянию. Нужно учесть, что до войны с Россией Карл обещал турецкому султану отдать Польшу «в качестве вассального государства» [4, с.300].

Поскольку Карл XII находился на территории Турции, то вторая статья была специально посвящена его возвращению на родину. Султанское правительство оговорило и вариант проезда Карла через территорию России, а также обратное движение по российской земле турецкой охраны, данной шведскому королю. Война со Швецией отвлекала Россию от её южных границ, гарантировала спокойствие для турок.

Четыре статьи договора были посвящены уточнению границ между Турцией и Россией и сохранению равновесия сил. Третья статья закрепляла за Россией старую границу по Днепру, сложившуюся в результате русско-польской войны во второй половине XVII в., и требовала мирных отношений между казаками и жителями Турции. Четвёртая статья была посвящена укреплению границ между двумя государствами в районе Дона и установлению некоего равновесия в крепостных сооружениях. . Оборонительные сооружения возвращённого Турции Азова были срыты, поэтому документ позволял Турции поставить новую крепость. Шестая статья подтверждала условие о том, чтобы российской стороне не строить новых крепостей на турецкой границе. Военное равновесие, заключавшееся в одинаковом количестве пограничных крепостей, подтверждалось и применительно к днепровской границе в седьмой статье. Подтверждалась та граница, которая была у Турции до азовских походов Петра.

Пятая статья обязывала Россию вернуть медные (а не железные) пушки, которых в Азове было 60. А в случае меньшего количества возвращённых пушек, Россия должна была выплатить Турции соответствующую сумму денег. Железные пушки Россия должна была забрать себе.

Две статьи были посвящены сохранению мира в приграничной зоне. В восьмой статье предусматривались меры по сохранению мира на пограничных территориях. В девятой статье

договор стремился учесть агрессивность калмыков при условии, что они никак не будут связаны с россиянами. Девятая статья сдерживала стремления крымцев и татар к грабежу русского населения.

В одиннадцатой (заключительной) статье обговаривался срок действия договорённостей – 25 лет, - условия обновления договора.

Если прежний договор содержал только 7 статей («пунктов»), то трактат 1713 г. заключал в себе 11. Судя по содержанию большей части статей, главным вопросом был вопрос о военном равновесии и мире на границах.

Главное содержание статей договора было направлено на удовлетворение интересов Турции, победившей Россию в Прутском походе. Условия этого соглашения, по мысли В.С. Бобылёва, «в целом совпадали с основными положениями Прутского трактата» [1, с.91]. Уточняя мнение исследователя, укажем на то, что в некотором отношении этот договор был менее унизительным для России. Его нужно сравнивать не только с договором 1712 г., но и с теми требованиями, которые прозвучали в адрес России от султанского правительства в более позднее время. В частности, в договоре 1713 г. российскому правительству не было отказано в содержании посла в Турции, как это было сделано в документе 1712 г., не было одностороннего требования к России о возвращении пленных мусульман. В этом договоре нет и следа того «наглого ультиматума», «фантастической претензии», по выражению Н.Н. Молчанова, который Турция предъявила России в конце 1711 г. – отдать Турции всю Украину [4, с.296, 298]. Последнее требование исходило не от турецкого правительства, а было порождено непомерными амбициями султана, с претензиями которого государственные деятели Турции не были согласны. Турецкое правительство всё же опасалось войны с Россией и не замечало признаков страха в поведении Петра с его долгим упорством в невыполнении некоторых пунктов Прутского договора.

«Трактат вечного между российским и турецким двором мира» 1720 г. был заключён, учитывая личное желание Петра – «его царское величество партикулярное имеет почтение, дабы мир и дружба временная восстановлена была вечно» [8, с.254]. Объем документа был заметно большим, чем текст договора 1713 г. . Как уже говорилось, первую часть составляла историческая по содержанию преамбула, а вторую – статьи договора. В преамбуле шла речь о том, что «для соблюдения и охранения от всяких конфузий… мира и крепкой дружбы» в Турцию прибыл надворный советник чрезвычайный посланник А. Дашков. К этому времени некоторые статьи предыдущего договора были выполнены – о возвращении Карла XII в Швецию, об отдаче Азова, о пушках (об этом напоминала преамбула). Более того, Карла уже не было в живых, распалось единение Швеции и Турции, Россия выиграла Северную войну и уже не вела военных действий, даже повернула своё внимание с запада снова на восток.

Уже в 1714 г. Пётр послал экспедицию А.Б. Черкасского, конечной целью которой было проведывание пути в Индию. Промежуточной целью было привести в подданство России Хиву и Бухару. Задумывая Персидский поход, Пётр стремился не допустить заключения союза между Персией и Турцией. Отправленный в Персию А. Волынский должен был в 1717 г. «персам… внушать, какие главные неприятели они, турки, их государству и народу суть, и какова всем соседям от них есть опасность» [2, с.31.]. До начала Персидского похода оставалось совсем немного времени. Эту обстановку не мог не отражать «вечный мир», который и был заключён по инициативе Петра как одна из подготовительных мер к будущему походу.

Для заключения нового мирного договора в Турцию был отправлен надворный советник, чрезвычайный посланник Алексей Дашков. Служа некоторое время резидентом в Польше, Дашков не мог не быть и в курсе турецких дел, прочно связанных с польскими проблемами. Как гласил текст договора, Дашков «как гость, по силе данной ему комиссии предъявлял многократно намерение его царского величества для постановления и подтверждения блаженного мира и крепкой дружбы», «дабы мир и дружба временная возстановлена была вечно», «временный мир да утвердится и укрепится во веки» [8, с.254]. Договор 1713 г. рассматривался как «перемирие между обеими империями на 25 лет»[7, с.36]. Такой статус документа не мог устраивать Петра, готовящегося к войне с соседкой Турции. Нужно было обязать турецкого султана сохранять нейтралитет в течение всего Персидского похода.

В самом начале этого документа (в его названии) указывалось на право России иметь в Константинополе своего резидента, что было достижением для российского правительства. Как известно, именно при Петре на смену более или менее кратковременным посольствам

из России в другие страны была создана система постоянных представительств. Присутствие резидента в Турции обеспечивало оперативную реакцию российского правительства на менявшуюся обстановку при султанском дворе, своевременное получение достоверной информации о турецких делах; всё это приобретало особое значение в свете планов Петра относительно Персии.

Основная часть нового договора содержала уже не 11, а 13 статей, причём две старые статьи о Карле и Азове не были внесены в новый текст («уничтожены»), 9-я статья разделена на две, появились статьи нового содержания. В тех статьях, которые дублировал новый договор, текст повторялся либо без изменений («несколько пунктов… не переменены и осталися в своей силе»), либо с очень незначительными (обычно стилистическими) изменениями.

В первой статье подчёркивался вечный характер заключённого договора, оба государства обязывались поддерживать мирные отношения, одно государство не должно было помогать неприятелям другого. Здесь важно было то, что договор изолировал Турцию от персидских дел, предусматривал её нейтралитет во время Персидского похода, отсекал возможность её союза с Персией, которая во время похода и была неприятелем России. В преамбуле и первой статье настойчиво повторялась мысль о нерушимом мире между Турцией и Россией, что выражало желание российского правительства, начиная военные действия против Персии, не натолкнуться на нового противника – Турцию.

Как и в предыдущем договоре, в начале нового (во второй статье) говорилось о польских делах. Статья нового договора продублировала прежний текст о том, что войска Петра не должны находиться на территории Польши. Пётр брал на себя обязательство вывести свои войска из Польши за два месяца после подписания договора. Существенное дополнение заключалось в том, что Петру давалось право ввести войска в Польшу, если какая-нибудь держава «вступила бы в Польшу с войски», чтобы завоевать её или нарушить древние права, или отнять часть территории. В таком случае, выполнив задачу сохранения status quo, Петру надлежало вывести войска и Польши. Прежде речь шла только о возможном вторжении в Польшу шведского короля. Теперь права России были несколько расширены.

Помня о реакции турок на прохождение в Померанию русских войск через Польшу, во второй статье специально говорилось о том, что в случае похода на Померанию российские войска будут идти не через Польшу – «и боле не имеет проходить через Польшу в Померанию» [8, с.255]. Настойчивость, с которой в обоих документах турецкое правительство ограничивало поползновения России усилиться за счёт Польши, ясно говорила о значительной озабоченности султанского правительства ситуацией к северу от земель Оттоманской Порты. Пётр, понимая это, пошёл на уступку Турции. Возможность изменения обстановки в пользу России очень беспокоила турок, наученных успехом второго азовского похода Петра. Видимо, Пётр мирился с таким условием договора. Его выполнение обеспечивало мирные отношения с Турцией. Планов по захвату Польши у Петра не было, Август II оставался союзником России, причём после Полтавской битвы он играл уже роль не равного партнёра, а, так сказать, нижестоящего.

Третья статья была посвящена проблемам пограничья: подтверждалось право России на владение казацкими землями по левому берегу Днепра и Киевом на правом берегу. Россия гарантировала, что не будет претендовать на правобережные территории, подданные русского царя «не будут чинить убытка жителям крымским, а также и жителям провинций мусульманских, принадлежащих блистательной Порте» [8, с.256]. Турция также обязывалась наказывать своих подданных, если те «учинят какой поступок против мира» [8, с.256].

В четвёртой статье речь шла о пограничных территориях, которые некогда были театром военных действий во время азовских походов Петра. Пётр предлагал не строить новых крепостей между Азовом и Черкасском; вместе с тем он соглашался на то, чтобы Турция (в случае нужды) возобновила разрушенную русскими войсками фортификацию из системы укреплений Азова. Это была одна из тех уступок Турции, которые нужно было сделать для того, чтобы она быстрее подписала договор. .

Пятой статьёй подтверждалась принадлежность Азова Турции, выражалось удовлетворение тем, что петровское правительство выполнило требование уничтожить крепость Таган-Каменный и крепость в устье реки Самары., указывалось на то, чтобы впредь никаких крепостей российское правительство в по-

граничье не строило. Судя по дальнейшим событиям, характеризующим внешнюю политику Петра, он потерял интерес к Азову, у правителя появились новые приоритеты; поэтому статья о судьбе этого города-крепости в глазах Петра не имела особого значения.

В следующей, шестой, статье турки выражали удовлетворение по поводу разорения русских крепостей по валашской границе и выражали надежду на то, что «впредь помянутый артикул да будет содержан», то есть строгое соблюдение военного равновесия на северо-западной границе Турции должно было сохраняться. И этот район потерял прежнее значение в планах российского правителя. Думается, Пётр легко пошёл на включение такой статьи в русско-турецкий договор. И в пятой и в шестой статьях речь шла о малых жертвах (если это вообще можно назвать жертвами) во имя новых заманчивых и гораздо более важных целей.

В седьмой статье речь шла о соблюдении границ и военного равновесия по всему северу турецких территорий - от Днепра до Дона. Подтверждалась та граница, которая была между Россией и Турцией до азовских походов.

Восьмая статья трактовала о поведении русских казаков, которые не должны «чинить обид» и грабить жителей Азова и Крыма. Со своей стороны и Турция обещала наказывать своих подданных, наносящих урон русскому населению.

В девятой стороны речь шла об общей проблеме – нападениях калмыков то на русские, то на турецкие земли. Обе стороны договорились о том, чтобы подданные обоих государств «под отговоркою калмыцкою» не «чинили убытков» ни России, ни Турции.

Десятая статья не была вписана в договор, так как она должна была быть посвящена «претензии крымской», однако Дашков не имел полномочий для ответа на эту «претензию»; о её содержании ничего не говорилось.

Одиннадцатая статья была новой по содержанию. Она посвящалась передвижению купцов и паломников по Турции. Обе стороны соглашались на свободное передвижение купцов по территории обоих государств. О русских паломниках, идущих в Иерусалим, говорилось то, чтобы они шли только прямой дорогой до святых мест, «не отходя в другие стороны», не останавливались там. Здесь, несомненно, расширялись права России по сравнению с прежними договорами.

В двенадцатой статье оговаривалось присутствие в Турции русского министра-резидента, который в тексте договора был представлен как некий гарант сохранения «вечно восстановленного мира», он должен был употреблять «все добрые способы для сохранения от всяких конфузий и противных причин»[8, с.259]. Речь также шла о том, чтобы прибывали и были «приняты и трактованы честно» послы обоих правительств. Российский министр-резидент должен иметь такое положение, «как трактуются прочие министры-резиденты других приятелей блистательной Порты» [8, с.259]. Эти меры можно истолковывать как укрепление дипломатических отношений между Турцией и Россией с усиленным подчёркиванием истинно дружеских отношений.

В тринадцатой статье шла речь о ратификации договора 1720 г.

Оценивая заключённый мир с точки зрения российских военно-политических перспектив, нужно признать, что для России он был благоприятен. В некоторых отношениях права России расширялись. Российское правительство предложило Турции этот договор по своей инициативе и, естественно, шло на некоторые уступки, которые облегчались тем обстоятельством, что Пётр потерял интерес к азовскому вопросу и выдвинул совершенно иные задачи в области внешней политики. Между Турцией и Россией утверждалась та граница, которая была до азовских походов Петра. Договор создавал ряд условий для похода на Персию и, прежде всего, обязательство Турции не соединяться с врагами России, то есть не вступать в союз с персидским шахом и не ставить Россию лицом к лицу не с одним, а с двумя противниками.

Список литературы

1. Бобылёв В.С. Внешняя политика эпохи Петра I. М., 1990.
2. Курукин И.В. Персидский поход Петра .Великого. Низовой корпус на берегах Каспия (1722-1735). М., 2010.
3. Лысцов В.П. Персидский поход Петра I. 1722-1723. М., 1951.
4. Молчанов Н.Н. Дипломатия Петра Великого. М., 1990.
5. Орешникова С.Ф. Русско-турецкие отношения вначале XVIII в М., 1971.

6. Соловьёв С.М. Сочинения. Кн.VII. История России с древнейших времён. Тома 15-16. М., 1993.

7. Трактат, заключённый в Адрианополе российскими послами бароном Шафировым и графом Шереметевым с верховным турецким визирем Али-пашою // Полное собрание законов Российской империи. Т.V. СПб., 1830. С.36-43

8. Трактат вечного между российским и турецким двором мира, заключённый в Константинополе российским полномочным послом Алексеем Дашковым и турецким верховным визирем Ибрагим-пашою // Полное собрание законов Российской империи. Т.VI. СПб., 1830. С.253-260.

Об авторе

Дубровский Александр Михайлович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, alexdubr48@mail.ru

УДК 94(430).085

ГЕРМАНО-СОВЕТСКИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ГОДЫ МИРОВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА (1929-1933 гг.)

Залепеев В.Н.

В статье рассматривается развитие торгово-экономических отношений между Германией и Советским Союзом в период мирового экономического кризиса, его влияние на торговую политику этих стран. Падение мировых цен на сырье и продовольствие, основных статей советского экспорта в Германию, при сохранении высоких цен на немецкие промышленные товары, способствовали росту торгового дисбаланса во взаимоотношениях двух стран. Анализ падения германо-советского товарооборота показывает, что они были вызваны как экономическими, так и политическими причинами, в частности антисоветской политикой гитлеровского режима.

Ключевые слова: экспорт, импорт, товарооборот, ассортимент товаров, внешняя торговля, кредитное соглашение, сырье, продовольствие, мировой экономический кризис, торгпредство.

GERMAN-SOVIET ECONOMIC RELATIONS AT THE TIME OF THE GREAT DEPRESSION OF 1929-1933 YEARS

Zalepeev V.N.

The article discusses the development of trade and economic relations between Germany and the Soviet Union in the Great Depression period and its effect on the trade policy on these countries. Fall in raw material and food prices in the world markets and the export of the Soviet Union's basic goods to Germany and at the same time high tariffs for German manufactured goods, contributed to the growth of trade imbalance between the two countries. A review of fall in German-Soviet goods turnover shows, that they were caused both by economic and political reasons, in particular by the anti-Soviet policy of the Hitler regime.

Keywords: exports, imports, turnover goods, assortment goods, foreign trade, credit agreement, raw material, food, The Great Depression, trade mission.

Экономические отношения между Веймарской республикой и Советским Союзом к началу мирового экономического кризиса базировались на торговом договоре 1925 г. и 300 – х миллионном Кредитном соглашении, предоставленным германским правительством советской стороне. Благодаря этим соглашениям товарооборот между странами значительно вырос. Если в 1925/26 гг. советский экспорт в Германию составил 489 млн. рублей, а импорт 771 млн. рублей, то в 1927/28 гг., соответственно, 815 млн. рублей и 1089 млн. рублей [1, с. 136]. Причем в структуре советского импорта из Германии произошел значительный сдвиг – выросла продукция машиностроения. В заказах советских торговых организаций доля машин в 1924/25 гг. составляла 30,8%, а в 1929/30 гг. уже 51,8% [1, с. 137].

В 1929 г. начались двусторонние переговоры о новых кредитах, которые привели к соглашению лишь в апреле 1931 г., когда были закончены расчеты по 300-миллионному кредиту от 1926 г. В это время Веймарская республика переживала тяжелый экономический кризис, и стремилась к увеличению своего экспорта. Чтобы способствовать усилению экспорта в СССР, германское правительство повысило свою гарантию на кредит с 60% до 70%. Кроме этого, Гольддисконтбанк, который полностью подчинялся руководству Рейхсбанка, заявил о своем согласии принять векселя торгпредства к перечету на общую сумму в 100 млн. марок.

14 апреля 1931 г. между Высшим советом народного хозяйства и представителями германской промышленности заключено соглашение. ВСНХ принял на себя обязательства разместить между германскими фирмами в период с 15 апреля по 31 августа 1931 г. заказы сверх торговых сделок, заключенных ранее, на общую сумму в 300 млн. марок [2, с. 246-248].

На основе кредита 1931 г. уже в течение 3,5 месяцев советское торгпредство разместило заказов на сумму 345,1 млн. марок. Главным образом были размещены закупки машин и аппаратов, черных металлов и изделий из них. Удельный вес этих трех товарных групп вырос с 31% в 1929 г. до 45% в 1930 г., 62% в 1931 г. и 68% в 1932 г. [1, с. 138].

В условиях глубокого экономического кризиса 1929 г., вызвавшего резкое падение цен, произошло сокращение оборотов мировой торговли и торговли Германии. Однако импорт СССР из Германии не только не уменьшился по сравнению с докризисным периодом, а увеличился в два раза. С одиннадцатого места среди германских рынков сбыта в 1930 г. Советский Союз перешел на четвертое место в 1931 г. и на второе место в 1932 г. [3, с. 315]. В германском экспорте машин СССР в 1931 и 1932 гг. стоял на первом месте. Из общей суммы экспорта машин в 1931 г. на СССР приходилось около 28%, а в 1932 г. 43%. Так например, только в первой

половине 1932 г. в СССР вывозилось 80% всех землечерпалок и гидротурбин, 80% локомобилей, 70% металлообрабатывающих станков, 90% паровых и газовых турбин [4, с. 201].

За годы кризиса изменилась не только структура немецкого импорта, но и ассортимент советского экспорта в Германию. В 1928 г. от общего советского экспорта на германские рынки занимали: продовольственные товары -37,6%, сырье и полуфабрикаты-56,1%, готовые изделия – 6,2%. Но уже в 1933 г. структура советского экспорта стала следующей: продовольственные товары -18,0%, сырье и полуфабрикаты-71,5%, готовые изделия – 10,4% [1, с. 140]. Изменения в ассортименте советского экспорта были вызваны следующими причинами. Во-первых, в это время резко упали цены на мировых рынках на продовольственные товары, особенно зерно, почти в 3 раза [5, с. 5]. Из-за низких цен, несмотря на возрастания объемов, выручка от экспорта зерна падала. В тоже время мировые цены на оборудование оставались высокими, что вело к росту дисбаланса в советском товарообороте [5, с. 9]. Во-вторых, германское руководство, стремясь защитить своего сельхозпроизводителя, придерживалось протекционистской политики. В – третьих, в условиях кризиса Берлин ввел жесткую систему валютных ограничений [1, с. 139-140]. В результате пассивное сальдо советского торгового баланса с Германией только за 1931 г. составил 1,2 млрд. рублей. Советское правительство потребовало облегчения условий для своего экспорта в Германию. Переговоры по этому вопросу начались в ноябре 1931 г., а спустя месяц был подписан протокол, по которому платеж двустороннего товарооборота был переведен на германские марки. Советские торговые организации при экспорте своих товаров в Германию получали выручку от продажи в немецких марках. С другой стороны, советские заказы в Германии также оплачивались в немецких марках. Соглашение предусматривало незначительные таможенные льготы для товаров из СССР.

За ратификацией нового экспортного соглашения 6-7 мая 1932 г. последовало заключение нового соглашения об общих условиях поставок от 15 июня 1932 г., оно регулировало различные частные вопросы выполнения договоров о поставке. Важнейшую часть его представляло соглашение о сроках кредитов и процентов по ним. В этом соглашении не было предусмотрено общей суммы заказов [6, с. 362-362].

Соглашение о расчетах в немецких марках и кредитное соглашение от 15 июня 1932 г. явились предпосылками для размещения новых значительных советских заказов в германской промышленности. Вследствие этого германский экспорт в СССР в 1932 г. держался на очень высоком уровне. Доля Германии в импорте Советского Союза возросла с 23,7% в 1930 г. до 37,2% в 1931 г. и до 46,5% в 1932 г. Напротив доля Германии в экспорте СССР была значительно ниже: 19,8% а 1930 г., 15,9% в 1931 г., 17,5% [1, с. 141].

Таким образом, 1920-х гг. товарооборот между Германией и СССР постоянно нарастал. В годы мирового экономического кризиса экспорт Германии в СССР увеличился в 2 раза и достиг почти половины от всего немецкого экспорта, что по мнению западногерманского историка Х. Раша, особенно сильно помогло немецкой экономике [7, s. 890]. В конечном счете, политика Веймарского правительства по отношению к Советскому Союзу, как отмечает немецкий исследователь Г. Мюнх, «хотя и была противоречивой, всё же на практике характеризовалась до 1933 года нормальными отношениями» [8, s. 23].

С приходом к власти нацистского правительства в январе 1933 г. германо-советские экономические отношения, первоначально, не претерпели изменений. Ещё в декабре 1932 г. в Министерстве иностранных дел Германии завершились двусторонние переговоры по предоставлению очередного финансового кредита СССР [9, с. 31]. 17 января 1933 г. стороны приняли Заключительный протокол, который зафиксировал встречные пожелания по финансовым вопросам, пошлинам и контингентированию, транспортировке товаров и другим. В частности, германские представители выразили заинтересованность в закупке из СССР зерна и нефтепродуктов, что отвечало и советским интересам [9, с. 31-36]. После дополнительных консультаций 25 февраля 1933 г. был подписан целый пакет документов по финансовым обязательствам и кредитному соглашению [9, с. 112-114].

По кредитному соглашению между Госбанком СССР и советским торгпредством в Германии, с одной стороны, и «Дейче банк унд Дисконто-гезельшафт» и «Дрезденер банк», с другой, Советскому Союзу был предоставлен кредит на общую сумму в 140 млн. немецких марок. Советская сторона получила кредит под векселя, которые должны были выдаваться советским хозяйственным органам (по совместному выбору с Банковским консорциумом и акцептироваться торгпредством и Госбанком СССР). Уплата по векселям производилась в германских марках.

«Дейче банк унд Дисконто-гезельшафт» предоставлял кредит в 50 млн. марок по частям (всего 7 частей). При этом срок кредита определялся в 14 месяцев со дня представления каждой из частей общей суммы кредита. Учетная ставка была установлена в 1,6% при ставке Рейхсбанка 5,6 + 3% других банковских издержек.

«Дрезденер банк» предоставлял кредит в 90 млн. марок. При этом срок кредита, порядок выдачи векселей, учетная ставка и гарантирование курса марки определялись такие же, как и в соглашении с «Дейче банк».

За предоставленный кредит Советский Союз обязывался продать Германии золота в 1933 г. на 125 млн. марок, в 1934 г. - на 100 млн. марок. Большую часть золота предполагалось продать на марки. За часть золота Советский Союз имел право требовать инвалюту в тех размерах, в каких это необходимо было для погашения задолженности немецким фирмам, если эта задолженность выписана в иностранной валюте и платеж по ней производился за границей. Выручка от проданного в Германии золота шла полностью на погашение советских обязательств в Германии и на погашение данного кредита [9, с. 810-812].

Финансовый кредит от 25 февраля 1933 г. в большей степени учитывал советские пожелания. Германское правительство согласилось, вместо порядка оплаты ранее фактически поступающих товаров, авансировать последующие советские поставки. Кредит был так же необходим советской стороне, чтобы увеличить свой экспорт и тем самым сократить пассивное сальдо торгового баланса с Германией. В расширении товарооборота с СССР, главным образом, за счёт увеличения своего экспорта, была заинтересована и немецкая сторона. Часть немецкой элиты искала договоренности с Кремлем на основе свободной от идеологии внешней политики. Статс-секретарь Бюлов, в разработанной им докладной записке для главы правительства о дальнейшей внешней политике, особое внимание обращал на важность экономических моментов. Ведь Россия, отмечал он, «постепенно становилась самым большим импортером немецких промышленных товаров. В подобной мере... увеличение ввоза русских изделий было бы желательно» [10, s. 103]. Подобной экономической политики придерживался и новый канцлер Адольф Гитлер. Выступая 23 марта 1933 г. перед рейхстагом он заявил: «Географическое положение бедной сырьем Германии не обеспечивает... полной экономической независимости. Правительству рейха совершенно чуждо... враждебное отношение к экспорту». Что же касается Советского Союза, то, по мнению Гитлера, «правительство рейха намерено поддерживать дружественные отношения, приносящие пользу сторонам» [11, с. 75].

В мае 1933 г. в имперской канцелярии было подготовлено экспертное заключение об уровне и возможностях немецкого экспорта, позднее представленное Гитлеру и одобренное им. В документе подчеркивалась необходимость срочной реорганизации и усиления внешних экономических связей, нарушенных вследствие мирового экономического кризиса, таможенных войн и мероприятий по бойкоту национал-социалистического режима. Налаживание таких связей отвечало интересам при проведении вооружения и достижения на этой основе экономического подъема страны. Как говорилось в заключение, «Германия должна использовать любые щели в политическом и торгово-политическом заборе, который ее окружает». Этот постулат Гитлер считал принципиально относящимся и к Советскому Союзу. Однако он сознавал всю сложность выполнения этой задачи, ибо, по его словам, «в экономической области перед нами воздвигнута стена. Соседние государства отгородились от нас в экономическом отношении». Поэтому важно пока не обострять экономическую войну, в том числе и с Советским Союзом, а напротив, всячески налаживать хозяйственные связи. Следует «добиваться договоренности со всеми, с кем можно договариваться, так как у нас еще нет другого выхода... Я провожу политику договоренности для того, чтобы на ее основе позже перейти к политике с позиции силы» [11, с. 75-76].

Декларируя заинтересованность Германии в развитии экономического сотрудничества с другими странами, Гитлер стремился скрыть истинные мотивы своей политики, которую он обозначил в «Майн кампф». Сам рейхсканцлер с трудом маскировал свои глубоко антисоветские убеждения. Неудивительно, что с приходом нацистов к власти, в печати началась массовая антисоветская кампания, которая сопровождалась произволом со стороны нацистов к гражданам и учреждениям СССР, что вызывало протест со стороны советского руководства. В сводном меморандуме, врученном 26 сентября 1933 г. советским полпредом Л. Хинчуком министру иностранных дел Германии фон Нейрату, отмечалось, что с января по сентябрь немецкими властями было «произведено 39 незаконных арестов советских граждан, 69 обысков на квартирах, не

считая многочисленных задержаний и обысков на улице». За весь 1933 год только полномочным представительством СССР в Германии было направлено в нацистское министерство иностранных дел «217 нот, не считая бесчисленных устных представлений» [9, с. 814].

Рост напряжённости в германо-советских отношениях негативно влиял и на экономические связи. Ещё 19 февраля немецкое правительство повысило тарифы на советский экспорт в Германию рыбы, кружева, соли, масла, жмыхов, детских игрушек из дерева и др. [12, лл. 278-280]. Не способствовала росту товарооборота и антисоветская кампания нацистов, направленная на дезорганизацию и подрыв хозяйственной деятельности торгпредства и советско-германских акционерных обществ «Дерутра» и «Дероп», которые занимались сбытом нефтепродуктов. Так, фирма «Дероп», обслуживающая около 2 тыс. бензоколонок по всей территории Германии, была подвергнута бойкоту: нефтепродукты незаконно конфисковывались, договоры о поставках расторгались, склады и колонки закрывались. В результате в первой половине 1933 г. сбыт нефтепродуктов сократился более чем на 40%, по сравнению с тем же периодом 1932 г. [9, с. 814-815], что было серьёзным ударом по экономическим интересам СССР. Ведь сбыт нефтепродуктов являлся важнейшим источником получения средств для погашения советской задолженности по кредитам и был одной из немногих статей советского экспорта в Германию, в минимальной степени испытавших последствия протекционистских мер немецких властей.

Сужение советского экспорта стало одной из главных тем обсуждения в ходе встреч представителей Германии и СССР на самых различных уровнях. Во время беседы 4 апреля 1933 г. советского посла Л. Хинчука с К. фон Нейратом, министр иностранных дел Германии пообещал доложить резюме беседы с Гитлером и составить разговор с имперским министром экономики Гугенбергом о содействии сбыту нефтепродуктов фирме «Дероп» [9, с. 220-221]. Спустя четыре дня немецкий посол Дирксен, по поручению своего правительства, заверил наркома иностранных дел Литвинова, что «германское правительство позаботится о беспрепятственной работе советских хозяйственных органов в Германии в соответствии с существующими соглашениями». Дезорганизацию работы «Дероп», посол объяснил тем, «что немецкие служащие, состоявшие на 85% из германских коммунистов, занимались активной коммунистической работой, что и дало повод для обысков» [9, с.221].

Попытки советского правительства увеличить квоты экспорта на яйца, животное масло и добиться беспошлинного ввоза на рыбу, растительное масло, жмыхи не увенчались успехом [9, с. 835-836].

На встрече 28 апреля 1933 г. с рейхсканцлером Гитлером советский посол Хинчук, передал конкретные предложения своего руководства по нормализации двусторонних отношений. Они предусматривали безотлагательную ратификацию Протокола о продлении Берлинского договора 1926 г., прекращение преследования советских граждан и учреждений, а так же антисоветскую кампанию в прессе; установление приемлемого для СССР торгового и платёжного баланса с Германией и разрешение проблем «Дероп» и «Дерунафт». В ответном «монологе» Гитлер заверил советского полпреда, что Советский Союз и Германия «не должны вмешиваться во внутреннюю жизнь друг друга….», «независимо от миросозерцания обеих стран, их связывают взаимные интересы и эта связь носит длительный характер. Это верно и для экономической области и для политической, потому что трудности и враги у них одни и те же» [9, с. 271-273].

Несмотря на заверения Гитлера, переговоры по увеличению советского экспорта в Германию систематически затягивались. Только лишь к осени 1933 г., после длительных переговоров, министерства экономики и внутренних дел издали циркуляр, рекомендовавший государственным и коммунальным предприятиям покупку советских нефтепродуктов у фирмы «Дероп». Однако убытки «Дероп» в результате бойкота были столь существенные, что к концу 1933 г. он фактически обанкротился.

В результате низких цен на сырье и продовольствие, жёсткой торговой политики гитлеровского руководства советский экспорт в Германию только в первой половине 1933 г. сократился на 44%, в то время как импорт лишь на 12%, что привело к ещё большему увеличению пассивного сальдо торгового баланса СССР. Для покрытия своих платёжных обязательств советская сторона должна была увеличить вывоз в Германию «золота и валюты не менее чем на 350 млн. марок» [9, с. 814]. Это было не выгодно и в результате советское руководство пошло на резкое сокращение своего импорта из Германии, что видно из ниже приведённых данных [1, с. 128]:

Годы	Советский экспорт (в млн. руб.)	Советский импорт (в млн. руб.)	Сальдо баланса для СССР
1930	901,0	1098,6	-197,6
1931	566,5	1798,6	-1232,1
1932	440,2	1435,3	-995,1
1933	375,6	648,5	-272,9

Советский экспорт из Германии в первый год нацистского режима, по сравнению с 1932 г., сократился на 17%, а импорт более чем на 120%. Пассивное торговое сальдо СССР уменьшилось в 3,6 раз, а товарооборот между двумя странами сократился на 83%.

Статистика свидетельствует, что в целом объём советской внешней торговли с 1931 г. обнаруживал общую тенденцию к сокращению, прежде всего, снижался ввоз товаров. Заметно упал экспорт, но по стоимости он превышал импорт, что свидетельствовало о стремлении погасить задолженность. В 1933 г. СССР впервые за последние три года, добился положительного торгового сальдо [13, с. 10].

Падение товарооборота Советского Союза с Германией было обусловлено низкими ценами на сырье и продовольствие, основные статьи советского экспорта, и высокой стоимостью промышленных товаров. Протекционистская политика германского руководства в годы мирового экономического кризиса, сделало не выгодным для СССР ввоз в Германию целого ряда продовольственных товаров. Немецкий бойкот акционерных компаний «Дероп» и «Дерунафт», сбытом советских нефтепродуктов, а также антисоветская политика гитлеровского руководства, стали главными причинами ухудшения двусторонних отношений. Выступая на сессии ЦИК СССР 28 декабря 1933 года председатель СНК В. Молотов открыто заявил, что германская политика насквозь пропитана вожделениями и захватническими империалистическими планами, что несовместимо с укреплением дружественных отношений с СССР [14].

Список литературы

1. Торговые отношения СССР с капиталистическими странами. М., 1938.
2. Документы внешней политики СССР. М., 1968. Т.XIV.
3. Муравьев В.П. Из истории советско-германских отношений в годы мирового экономического кризиса 1929-1933 гг.//Германский империализм. М., 1965.
4. Сухоруков С. Западногерманская историография советско-германских отношений. М., 1976.
5. Осокина Б.А. За зеркальной дверью торгсина//Отечественная история. 1995, №2.
6. Документы внешней политики СССР. М., 1969. Т.XV.
7. Rasch H. Funfzig jahre deutsch – sowjetischen Beziehungen. Blatter fur deutsche internationale Politik. Koln, 1967, №9.
8. Munch H. Arbeit und Brot durch Sowjetische Produktionsauftrge (1929-1932). Berlin, 1937.
9. Документы внешней политики СССР. М., 1970. Т.XVI.
10. Kuczynski J, Wittkowski G. Die deutsch-russischen Handelsbeziengen in den letzten 150 jaren. Berlin, 1947.
11. Фолькман Х.-Э. Советский Союз в экономических расчётах «третьего рейха», 1933-1941 годы //Отечественная история. 1997, №2.
12. Архив внешней политики Российской федерации. Ф.0165. П.135. д.364.
13. Внешняя торговля СССР за 20 лет, 1918-1937. М., 1937.
14. Правда. 29.12.1933.

Об авторе

Залепеев Владимир Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права, Брянский государственный университет имени академика И.Г.Петровского, zalepeev.vladimir@yandex.ru

УДК 94 (470. 65)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СУДЕБНЫХ ОРГАНОВ СЕВЕРО-ОСЕТИНСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ (СОАО) (1924-1929 гг.)

Зиновьев Г. А.

В статье исследуются особенности создания и функционирования судебной системы в Северо-Осетинской автономной области в период с 1924 года по 1929 год. Описывается историческая обстановка во время которой происходило становление этой системы. В статье отражены национальные факторы, повлиявшие на выстраивание судебной системы в период, когда Северная Осетия была автономной областью в составе РСФСР. Приведены примеры уголовных дел тех лет.
Ключевые слова: судебные органы, Советская власть, Северо-Осетинская автономная область, Уголовный кодекс РСФСР1922 года, Уголовный кодекс РСФСР 1926 года.

ACTIVITY OF COURTS IN NORTH OSSETIAN AUTONOMOUS OBLAST (NOAO) (1924-1929)

Zinoviev G. A.

This article investigates features of the formation and functioning of judicial system in North Ossetian Autonomous Oblast in the period between 1924-1929. The author describe the historical situation during which the formation of this system took place. The article also takes into account national factors that influenced the building of the judicial system in the period when North Ossetia was an autonomous region in the RSFSR. The author gave examples of criminal cases of those years.
Key words: courts, North Ossetian Autonomous Oblast, Criminal Code of the RSFSR in 1922, Criminal Code of the RSFSR in 1926.

В процессе национально-государственного строительства Северная Осетия прошла ряд этапов. Так, до 1917 года Северная Осетия была округом Терской области, являвшейся частью Российской Империи. После установления Советской власти на Северном Кавказе, что явилось итогом напряженной борьбы между большевиками и деникинцами, 17 ноября 1920 года на съезде народов Терека было провозглашено образование Горской Автономной Советской Социалистической Республики (ГАССР), в состав которой вошла Северная Осетия как Владикавказский (Осетинский) округ [4, с. 178]. Помимо Осетинского ГАССР включала в себя Чеченский, Ингушский, Кабардинский, Балкарский, Карачаевский и Сунженский казачий округи, а также города Владикавказ и Грозный.

Однако в 1921 году начался процесс выделения округов из состава ГАССР и формирование автономных областей, что было связано, на наш взгляд, с национальными интересами народов, населявших ГАССР, заключавшимися в разрешении территориальных споров и вопросов внутреннего политического управления. Выход из этой ситуации виделся в определении границ и создании аппарата государственной власти в каждом округе, преобразованном в автономную область, представляющую собой, по верному определению Р. С. Мулукаева, «…советское национально-государственное образование, входящее в состав союзной республики, пользующееся правом административной автономии. Народы, объединённые на основе свободного волеизъявления и добровольности в составе автономной области, обладают определённой самостоятельностью в вопросах руководства внутренней жизнью области, распространяющейся только на государственное управление, без предоставления законодательных прав» [3, с. 51].

Итогом этой политики стало издание Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом декрета от 07 июня 1924 года об упразднении Горской АССР и образовании двух автономных областей: Северо-Осетинской (СОАО) и Ингушской. Однако, как верно отметил О. Н. Джулай, «…параллельно с распадом Горской АССР происходило образование массивного административно-территориального комплекса краевого масштаба. Таким комплексом стал Северо-Кавказский край (до конца 1924 г. – Юго-Восток России)» [1, с. 25]. Первоначально Северо-Кавказский край был образован из Донской области, Кубано-Черноморской, Терской и Ставропольской губерний, города Грозного и автономных областей Кабардино-Балкарской, Карачаево-Черкесской, Адыгейской (Черкесской) и Чеченской [24]. ВЦИК РСФСР постановлением от 26 февраля 1925 года включил Северо-Осетинскую и Ингушскую автономные области в состав Северо-Кавказского края [2, с. 56].

Правоотношения между краем и автономной областью регулировались Положением о Северо-Кавказском крае, введенном в действие Декретом ВЦИК РСФСР от 26 января 1925 года «О введении в действие положения о Северо-Кавказском крае». Так, в п. а ст. 71 Положения о Северо-Кавказском крае определено, что в

области внутреннего управления, народного образования, здравоохранения, социального обеспечения, судоустройства, местного хозяйства, местного бюджета и земельной автономные национальные области независимы от краевых органов управления [20]. Если говорить о судоустройстве, то фактически ещё до издания Декрета ВЦИК РСФСР от 26 января 1925 года «О введении в действие положения о Северо-Кавказском крае» вопросы судоустройства решались местными исполнительными комитетами. К таким вопросам, к примеру, относились кадровые решения. В соответствии с Протоколом № 10 заседания бюро Обкома Северо-Осетинской Автономной Области (Особласти) от 01.12.1924 года рассматривалось назначение председателя Областного суда Северо-Осетинской Автономной Области (Предоссуда). Председателем был назначен Загалов Виссарион [5]. В соответствии с Протоколом № 11 заседания Бюро Обкома Особласти от 08.12.1924 года был решён вопрос о комплектовании состава Областного суда Северо-Осетинской Автономной Области (Облсуда). Бюро Областного Комитета постановило: «Выдвинуть т. Загалова В. Предсуда, Зам. Предсуда т. Дзасохова, членами суда: Жантиева, Тандуева, в отношении же кандидатуры заместителя по уголовному отделу суда согласовать с Загаловым В.» [6]. В течение порядка десяти лет после принятия Протокола № 11 заседания Бюро Обкома Особласти от 08.12.1924 года данные работники судебной системы СОАО формировали правоприменительную практику в Северной Осетии. Постановлением Всероссийского ЦИК от 19 ноября 1926 года было утверждено Положение о судоустройстве РСФСР. Статья 2 данного Положения гласила: «…на территории РСФСР действует следующая единая система судебных учреждений: а) народный суд; б) губернский суд (или соответствующий ему); в) Верховный Суд Р.С.Ф.С.Р. (в автономных республиках главный суд)» [21]. В этой же статье отмечалось, что в краевых и областных административно-территориальных объединениях взамен губернских судов организуются и действуют краевые и окружные суды. В статье 3 Положения о судоустройстве РСФСР было закреплено, что в автономных областях организуются и действуют на правах губернских судов областные суды [21]. Согласно статье 129 Положения о судоустройстве РСФСР областные суды автономных областей, действующие на правах губернских судов, не входят в состав судебных учреждений, подведомственных краевому суду. Таким образом, Северо-Осетинская автономная область, как и другие автономные области, входившие в Северо-Кавказский край, получила существенную самостоятельность по сравнению с различными округами края в политической сфере, а следовательно, и в сфере судоустройства. На это, в частности, указывает статья 76 Положения о Северо-Кавказском крае, в которой закреплено, что в случае несогласия областного исполнительного комитета автономной национальной области с постановлениями и распоряжениями краевого исполнительного комитета или президиума он может, по особому в каждом случае постановлению областного исполнительного комитета автономной национальной области или его президиума, приостановить действие распоряжения краевого исполнительного комитета и обжаловать таковое в Президиум Всероссийского Исполнительного Комитета [20]. При наличии подобной самостоятельности возникает вопрос о смысле вхождения автономных областей Северного Кавказа в состав Северо-Кавказского края. Как пишет Ю. Кониев: «Вхождение автономных областей Северного Кавказа в состав края должно было обеспечить ускоренное экономическое и культурное развитие национальных автономий на основе общих народнохозяйнических планов» [2, с. 56]. Данная версия кажется нам наиболее верной, так как экономическая отсталость большинства населенных пунктов, находившихся в пределах территории автономных областей, была явной. При этом Советская власть, учитывая национальные интересы титульных коренных народов, населявших и формировавших автономные области Северного Кавказа, предоставила автономиям существенные политические и правовые возможности, к числу которых, безусловно, можно отнести прямое подчинение судов автономных областей Верховному Суду РСФСР в обход Северо-Кавказского краевого суда.

Областной суд СОАО и народные суды СОАО являлись составными частями судебной системы РСФСР. Народные суды рассматривали уголовные дела по преступлениям небольшой тяжести и гражданские дела по искам, сумма которых не превышала 500 рублей и др. Исходя из ст.15 Положения о судоустройстве РСФСР народным судьей мог «быть всякий гражданин, пользующийся на основании Конституции Р.С.Ф.С.Р. избирательными правами, если он имеет двухгодовой стаж ответственной политической работы в государственных учреждениях

или в рабоче-крестьянских, общественных, профессиональных или в партийных рабочих организациях или трехгодовой стаж практической работы в органах советской юстиции на должностях не ниже следователя. Лица, осужденные за корыстные или порочащие преступления или исключенные из общественных организаций за порочащие проступки или поведение, не могут быть избираемы на должность народного судьи впредь до их реабилитации» [21]. Как гласит ст. 16 Положения о судоустройстве РСФСР: «Народные судьи избираются сроком на один год губернскими исполнительными комитетами, а в особо предусмотренных законом случаях - городскими советами, по представлению губернского суда или Народного Комиссариата Юстиции, по числу участков или районов народного суда данной губернии. По истечении указанного срока те же лица могут быть вновь переизбираемы» [21]. В связи с тем, что закон позволял региональным комитетам компартии ежегодно избирать народных судей, их сменяемость и перемещения были частыми явлениями, в том числе и на территории СОАО. К примеру, в соответствии с Протоколом № 29 заседания Бюро Северо-Осетинского Областного комитета РКП (б) от 11.11.1925 года по вопросу № 293 «О снятии некоторых нарсудей и выдвижении на их места кандидатов» было вынесено следующее постановление (№ 293): «а) отозвать нарсудью Правобережного округа т. Слонова, на его место выдвинуть т. Дзасохова. б) на место Суменова перевести нарсудью Дигорского округа т. Цоколаева. в) нарсудьей Дигорского округа выдвинуть т. Дарчиева Ивана» [7]. Буквально через месяц, 14.12.1925 года, Бюро Северо-Осетинского областного комитета РКП (б) в отношении народного судьи Правобережного округа (2-ой участок) Дзасохова постановило: «а) тов. Дзасохова Н. для пользы дела перебросить в Угрозыск в качестве Зав. Опер. Секретной частью. б) орготделу совместно с Облсудом выдвинуть кандидата на должность нарсудьи 2-ого участка, вместо т. Дзасохов» [8]. Как уже было отмечено, в соответствии со ст. 15 Положения о судоустройстве РСФСР осужденные лица не могли быть избраны на должности народных судей. Этих правил придерживался и Северо-Осетинский Областной Комитет ВКП (б). К примеру, на заседании бюро областного комитета, проходившем 10 апреля 1928 года, был поставлен вопрос № 187 «О нарсудье 3-го участка». По данному вопросу бюро постановило: «187. Предложить фракции Исполкома проверить причину осуждения т. Олисаева в прошлом. До проверки не утверждать нарсудьей» [9]. Таким образом, кадровая политика при выдвижении и избрании кандидатур на должности судей в СОАО, как и во всем РСФСР, характеризовалась прежде всего идеологической составляющей. Главными критериями были не опыт и соответствующее образование, а «стаж ответственной политической работы» или «стаж практической работы в органах советской юстиции на должностях не ниже следователя». Причем кандидат с политическим стажем имел преимущество, нежели кандидат со стажем юридическим, так как, имея два года политического стажа, можно было быть выдвинутым и избранным народным судьей, в то время как кандидат-практик должен был иметь три года стажа, к тому же на должности не ниже следователя. Все это усугублялось тем, что в стране, а тем более в регионах, в 1920-ые годы наблюдался дефицит работников с юридическим образованием. Поэтому подобная кадровая политика приводила к тому, что наиболее приближенное к населению звено судебное системы, народные суды, преимущественно состояло из некомпетентных работников, по-прежнему, как и в годы Гражданской войны, опиравшихся при принятии решений лишь на идеологию.

Нам представляется, что одним из индикаторов действительности, в которой пребывала Северная Осетия во второй половине 1920-ых годов, является статистика по уголовным делам тех лет. Вопросы «преступления и наказания» строящегося федеративного государства и его регионов наиболее полно отражают реалии общественных отношений времени становления и укрепления советской власти в СОАО. При подготовке данной статьи нами изучено и проанализировано тридцать уголовных дел, рассмотренных Областным судом СОАО в период с 1924 года по 1929 год. Половину из изученных уголовных дел составляют преступления против жизни, а именно убийства и покушения на убийства, совершенные по мотивам кровной мести. Шесть уголовных дел связаны с пережитками родового строя, а именно с похищением девушек и принуждением их к вступлению в брак. Восемь дел относятся к должностным преступлениям, а одно - к антисемитизму.

Проанализировав судебную практику по делам, связанным с убийствами и покушениями на убийства, совершенными по мотивам кровной мести, мы приходим к выводу, что руководство РСФСР сознательно ввело в Уголовный кодекс РСФСР 1922 года и Уголовный кодекс РСФСР 1926 года такой вид преступления,

как убийство, совершенное в состоянии (под влиянием) сильного душевного волнения, вызванного действием (насилием) или оскорблением со стороны потерпевшего. В обеих редакциях Уголовного кодекса за данное преступление предусматриваются наказания небольшой строгости. В УК РСФСР 1922 года в соответствии со ст. 143 – это лишение свободы на срок до трех лет, а в УК РСФСР 1926 года в соответствии со ст. 138 – это лишение свободы на срок до пяти лет или принудительные работы на срок до одного года. Другой правовой нормой, которую применяли при осуждении за преступления, совершенные по мотивам кровной мести, были статьи со следующим содержанием:

- статья 142 пункт «а» УК РСФСР 1922 года: «…умышленное убийство карается лишением свободы на срок не ниже восьми лет со строгой изоляцией при условии его совершения: а) из корысти, ревности (если она не подходит под признаки ст. 143) и других низменных побуждений» [23];

- статья 136 пункт «а» УК РСФСР 1926 года: «…умышленное убийство, совершенное: а) из корысти, ревности (если она не подходит под признаки ст. 138) и других низменных побуждений, влечет за собой лишение свободы со строгой изоляцией на срок до десяти лет» [24].

Мы считаем, что такие виды наказания были введены и применялись в связи с послевоенным состоянием, в котором пребывала страна, а также ввиду кадровых проблем в рамках судебной системы государства. На Северном Кавказе, в частности в Северо-Осетинской Автономной Области, к озвученным проблемам также добавлялось столкновение норм обычного права осетин с правовыми нормами, устанавливавшимися советским государством. Несмотря на то, что на территории СОАО была введена Советская система судов, такие обычаи, как обычай кровной мести, продолжали действовать в Северной Осетии. Естественно наличие всех вышеуказанных факторов, влиявших на установление модели советского судопроизводства, приводило порой к неблагоприятным последствиям для жизни конкретных людей. Примером является ситуация, сложившаяся между Мильдзиховым Сабазгери, с одной стороны, и Чеджемовым Темботом и Чеджемовым Габыдто - с другой. Как усматривается из Приговора Областного суда СОАО от 15.04.1925 года, «…в 1922 году, проходя по улице селения Эльхотово, Тембот Чеджемов встретил проезжавших на арбе кровника своего Мильдзихова Сабазгери и работника его Царикаева Абдула, в которых Чеджемов произвел несколько выстрелов из ружья. Но ранения не причинил» [18]. Суд признал Чеджемова Тембота виновным в совершении преступления, предусмотренного статьей 142 УК РСФСР. В приговоре говорится: «Подвергнуть его лишению свободы на 8 лет без строгой изоляции и поражения прав. Но принимая во внимание его первую судимость, чистосердечное признание, темноту и невежество, наказание снизить на основании 28 статьи УК наполовину. И принимая во внимание степень безопасности его для общества, приговор настоящий в части лишения его свободы на основании статьи 36 УК считать условным при условии несовершения им аналогичного или тождественного преступления в течение 4-х лет» [19]. Данный конфликт можно было бы считать исчерпанным, если бы не последовавшее продолжение. Как указано в Приговоре Областного суда СОАО от 25.05.1925 года, «… в 1923 году приехавший в Эльхотово Чеджемов Габыдто, демобилизованный красноармеец, в ночь под 13 апреля 1923 года с заранее обдуманной целью, из чувства мести, спрятавшись на ночь в саперке, расположенной против дома его кровника Мильдзихова, выстрелом из винтовки лишил жизни односельца своего Мильдзихова Сабазгери, убившего в 1920 году его, Чеджемова, брата» [15]. Суд приговорил Чеджемова Габыдто к лишению свободы на 8 лет. Но как далее указано в приговоре: «Принимая во внимание его первую судимость, чистосердечное признание, невежество, добровольную службу в Красной армии с 1919 года, наказание снизить на основании ст. 28 УК наполовину, и, принимая во внимание степень безопасности его для общества, приговор настоящий в части лишения его свободы на основании статьи 36 УК считать условным при условии несовершения им аналогичного или тождественного преступления в течение 4-х лет» [16]. Как изложено в приговоре, Мильдзихов Сабазгери в 1920 году убил брата Чеджемова Габыдто. То есть преступление было совершено в год установления Советской власти на территории Северной Осетии, когда система судебных органов была ещё не выстроена. При отсутствии реакции государства на действия Мильдзихова Чеджемовы решили воспользоваться нормами обычного права осетин, а именно обычаем кровной мести. Таким образом, при оценке двух данных уголовных дел явно прослеживается безнаказанность в отношении действий как Мильдзихова Сабазгери

(изначально), так и обоих Чеджемовых. При этом, с точки зрения органов правосудия того времени, Областной суд СОАО на законных основаниях применил меры, смягчающие строгость наказания Чеджемова Тембота и Чеджемова Габыдто, и вынес соответствующие приговоры по обоим делам. Более того, аналогичную позицию по делу Чеджемова Габыдто занял Верховный суд РСФСР, что подтверждается информацией, содержащейся в Определении № 27005 Кассационной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР от 28 августа 1925 года. В определении указано, что в Верховный суд РСФСР с кассационной жалобой на приговор Областного суда СОАО от 25 мая 1925 года по делу Чеджемова Габыдто обратился Урусби Мильдзихов. В резолютивной части определения Верховного суда РСФСР указано: «Приговор оставить в силе» [17].

Примером правоприменительной практики по преступлениям, характерным для Северо-Осетинского региона, а именно по делам о похищении девушек и принудительном вступлении их в брак, является уголовное дело Уртаева Урусби, который в июне месяце 1922 года со своими родственниками и товарищами похитил Тебиеву Ксению. Уголовные дела такого рода сопровождались противоправным поведением большого числа лиц. К уголовной ответственности, помимо Уртаева, было привлечено ещё шестеро граждан. В резолютивной части Приговора Областного суда СОАО от 20, 21 февраля 1926 года в отношении содеянного Уртаевым Урусби определено: «Уртаева Урусби Давитовича, 38 лет, холостого, осетина, неграмотного, беспартийного, признать виновным в совершении преступления по ст. 169 УК, т. е. в изнасиловании Тебиевой и подвергнуть его за это лишению свободы без строгой изоляции лишению свободы сроком на 3 года и без поражения в правах; признать его же виновным в совершении преступления по 160 ст. применительно к 15 и 16 статьям УК, т.е. в похищении девицы Тебиевой и за это подвергнуть его лишению свободы сроком на два года без строгой изоляции. А по совокупности преступлений подвергнуть лишению свободы сроком на 3 года без изоляции и поражения прав с зачетом предварительного заключения с 24 дек. 24 г. 18 мая 1925 года, и с 14/I по 23/I-26 г. Но принимая его слепоту, от наказания его освободить» [13]. Соучастники преступления в отношении Ксении Тебиевой были освобождены от наказания вследствие наличия разного рода смягчающих обстоятельств, а именно вследствие совершения ими преступления «до издания амнистии 5-й годовщины Октябрьской революции»; вследствие чистосердечного признания в совершенном ими преступлении, крестьянского происхождения, первых судимостей и невежества обвиняемых, отбытия ими сроков во время предварительного заключения [14]. В данном уголовном деле мы также наблюдаем сознательное смягчение меры наказания со стороны судебных органов СОАО. В отношении каждого из виновных Областным судом СОАО была применена статья 28 УК РСФСР 1922 года. Данная статья гласит: «В том случае, когда по исключительным обстоятельствам дела суд приходит к убеждению в необходимости определить меру наказания ниже низшего предела наказания, указанного в соответствующей данному преступлению статье Уголовного Кодекса, или перейти к другому, менее тяжкому, роду наказания, в этой статье не обозначенному, суд может допустить такое отступление, не иначе, однако, как точно изложив в приговоре мотивы, его к тому вынудившие» [23]. Мы полагаем, что право суда на свое усмотрение с указанием аргументов понижать строгость наказания было продиктовано послевоенным состоянием, в котором пребывала страна, и временем перемен, становления органов юстиции как в центре, так и в регионах. Вместе с тем, снижение судом степени строгости наказаний не приводило к снижению количества преступлений. При изучении законодательства и уголовных дел того времени у нас складывается мнение о том, что не реагировать на преступления Советская власть не могла, но и определять строгие наказания, не имея опытные кадры, не решалась. При регулировании общественных отношений, тем более в регионах с вековым применение норм обычного права, к каким относилась Северная Осетия, Советская власть сталкивалась с национальными особенностями народов. Поэтому твердая позиция большевиков касаемо неукоснительного применения норм советского права на Северном Кавказе, в частности в Северной Осетии, могла привести к неблагоприятным последствиям для укрепления их политических позиций.

Внимание также заслуживает уголовное дело по обвинению в антисемитизме в селении Хумалаг в 1929 году. Непосредственно материалов уголовного дела нами не было найдено, но в наличии имеется информация, взятая из протоколов заседаний бюро Северо-Осетинского об-

ластного комитета ВКП(б) за 1929 год. В соответствии с Протоколом № 32 заседания бюро Северо-Осетинского областного комитета ВКП(б) от 28.05.1929 года областным комитетом был заслушан вопрос № 385: «Заключение Прокурора по Хумалагскому делу». Докладчиком выступал прокурор города Владикавказ товарищ Лутцев. По данному вопросу областной комитет постановил: «Сообщение Прокурора города Владикавказа т. Лутцева о том, что следствие по делу об антисемитизме в Хумалагской школе закончено, принять к сведению. Принять к сведению заявление тов. Лутцева, что по материалам следственных органов и его личному мнению в Хумалаге имеет место организованный антисемитизм» [10]. Обращает на себя внимание тот факт, что непосредственный контроль за ходом данного уголовного дела осуществлялся Северо-Осетинским областным комитетом ВКП(б). Данный факт свидетельствует о контроле всего ВКП(б) за делами, связанными с антисемитизмом. В своей статье Пряников П. Н. пишет: «При выработке Уголовного Кодекса 1922 года, первого советского уголовного кодекса, слово «антисемитизм» не фигурировало в соответствующих статьях, но он подразумевался в формулировке «агитация и пропаганда, заключающаяся в возбуждении национальной вражды и розни» (фактически это – аналог нынешней 282-й статьи УК РФ). В качестве кары Кодекс предусматривал «лишение свободы на срок не ниже одного года со строгой изоляцией». За то же преступление при особо отягчающих обстоятельствах во время войны кара могла быть повышена вплоть до расстрела (ст. 83 УК от 1922 года)» [22]. В Уголовном кодексе РСФСР 1926 года содержалась аналогичная статья номер 59.6., которая гласила: «Агитация и пропаганда всякого рода, заключающая призыв к совершению преступлений, предусмотренных статьями 59.2 - 59.5, а равно в возбуждении национальной вражды и розни, - лишение свободы со строгой изоляцией на срок не ниже одного года. Если же агитация и пропаганда имели место во время войны и были направлены к неисполнению гражданами возложенных на них воинских или связанных с военными действиями обязанностей и повинностей - расстрел» [24]. Исходя из информации, изложенной в протоколах заседаний, Северо-Осетинский областной комитет ВКП(б) полностью придерживался линии Центрального комитета партии. Согласно Протоколу № 48 заседания бюро Северо-Осетинского Обкома от 21 августа 1929 года по вопросу № 620: «Информация Пред. Обл. Суда т. Загалова о пересмотре дела хумалагских антисемитов», Областной комитет постановил: «Принять к сведению сообщение о том, что слушание дела назначено на 26/VIII-с.г., под председательством тов. Загалова, при государственном обвинителе прокуроре С.О.А.О. т. Тавасиеве. Считать необходимым дело провести показательным процессом. Процесс провести в клубе зав. «Алагир», обеспечив участие широких масс рабочих и работников просвещения. Поручить Облсуду выдвинуть заседателей, из них - одного рабочего с производства. Считать необходимым участие на процессе представителя газеты «Власть Труда», желательно тов. Тепцова. Поручить Орготделу совместно с Прокурором до 12 час. 21/VIII-29 г. подыскать общественного обвинителя, по возможности рабочего с предприятия, осетина. Предложить газетам «Растдзинад» и «Арыгон Большевик» полностью освещать ход процесса Хумалагских антисемитов. Просить КК расследовать причины отсутствия в газете «Растдзинад» освещения прошлого процесса и доложить в Бюро» [11].

Из данного постановления Обкома нами сделано несколько выводов. Во-первых, данному процессу всячески придавались огласка и демонстративность, что подтверждается присутствием широких масс и привлечением прессы при проведении процесса. Во-вторых, имела место быть и этническая составляющая, что заключалось в привлечении к освещению процесса газет, издававшихся на осетинском языке. В-третьих, данный процесс был явно политически смоделирован в соответствии с реалиями и требованиями того времени, так как в качестве общественного обвинителя привлекался именно рабочий, к тому же осетин по национальности. Подходящая кандидатура была найдена. Согласно Протоколу № 49 заседания бюро Северо-Осетинского Обкома от 22 августа 1929 года по вопросу № 633: «О кандидатуре общественного обвинителя на процессе Хумалагских антисемитов» Обком постановил: «Не возражать против кандидатуры Корнаева» [12].

Подводя итоги, следует отметить, что практика формирования и работы судебных органов Северо-Осетинской автономной области в 1924-1929 гг. свидетельствует о политической, общественной, экономической ситуации, в которой пребывал Северо-Осетинский регион в изучаемый исторический период. Выстраивание работы судебных органов на территории СОАО имело свои особенности, отличные от других частей РСФСР. Главными задачами Советов в

описываемый период были: во-первых, удержать и укрепить свою власть в СОАО, а значит вести политику в правовой и экономических сферах, учитывая национальные особенности осетинского народа; во-вторых, произвести постепенный переход населения СОАО от следования нормам обычного права к следованию нормам советского законодательства.

Список литературы

1. Джулай О. Н. К вопросу о периодизации государственного строительства в Северо-Кавказском регионе и развитии Карачаево-Черкессии в советский период // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. № 3. С. 24-30.

2. Кониев Ю. И. Национально-государственное строительство на Тереке. Орджоникидзе: Ир, 1969. 96 С.

3. Мулукаев Р. С. Избранные труды: К 80-летию со дня рождения / Академия управления МВД России. М., 2009. 562 С.

4. Тотоев М. С. Очерки истории революционного движения в Северной Осетии (1917-1920 гг.). Орджоникидзе, 1957. 134 С.

5. Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Северная Осетия-Алания (ЦГА ИПД РСО-А) Ф. Р.1. Оп. 1. Д. 33 Л. 1 Об.

6. ЦГА ИПД РСО-А. Ф. Р.1. Оп. 1. Д. 35 Л. 1 Об.

7. ЦГА ИПД РСО-А. Ф. Р.1. Оп. 1. Д. 85 Л. 9.

8. ЦГА ИПД РСО-А. Ф. Р.1. Оп. 1. Д. 197 Л. 7.

9. ЦГА ИПД РСО-А. Ф. Р.1. Оп. 1. Д. 543 Л. 1.

10. ЦГА ИПД РСО-А. Ф. Р.1. Оп. 1. Д. 641 Л. 1.

11. ЦГА ИПД РСО-А. Ф. Р.1. Оп. 1. Д. 658 Л. 2.

12. ЦГА ИПД РСО-А. Ф. Р.1. Оп. 1. Д. 659 Л. 2.

13. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (ЦГА ИПД РСО-А) Ф. Р.166. Оп. 1. Д. 2 Л. 380 Об.

14. ЦГА РСО-А. Ф. Р.166. Оп. 1. Д. 2 Л. 381.

15. ЦГА РСО-А. Ф. Р.166. Оп. 1. Д. 8 Л. 12.

16. ЦГА РСО-А. Ф. Р.166. Оп. 1. Д. 8 Л. 72.

17. ЦГА РСО-А. Ф. Р.166. Оп. 1. Д. 8 Л. 79.

18. ЦГА РСО-А. Ф. Р.166. Оп. 1. Д. 9 Л. 21.

19. ЦГА РСО-А. Ф. Р.166. Оп. 1. Д. 9 Л. 21 Об.

20. Положение о Северо-Кавказском крае, введенное в действие Декретом ВЦИК РСФСР «О введении в действие положения о Северо-Кавказском крае» от 26 января 1925 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2325.htm (дата обращения 20.02.2017).

21. Положение о судоустройстве РСФСР, введенное в действие Постановлением ВЦИК РСФСР «Об утверждении Положения о судоустройстве РСФСР» от 19 ноября 1926 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3125.htm (дата обращения 20.02.2017).

22. Пряников П. Н. «Активные антисемиты караются по законам СССР смертной казнью» // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://rusplt.ru/society/zakony-protiv-anticimitizma.html (дата обращения 01.03.2017).

23. Уголовный кодекс РСФСР 1922 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1338.htm (дата обращения 23.02.2017).

24. Уголовный кодекс РСФСР 1926 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3132.htm (дата обращения 23.02.2017).

Об авторе

Зиновьев Георгий Алексеевич – аспирант кафедры всеобщей истории и исторической политологии, Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова, george.alex.zinobios@mairl.ru

УДК 930.091+94(44) “1856/2016”

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ СОБРАНИЯ В ЭПОХУ СТАРОГО ПОРЯДКА: ПОВОРОТЫ ИСТОРИОГРАФИИ (1856-2016 гг.)

Мартемьянова Е.О.

Статья посвящена обзору историографии провинциальных представительных собраний во Франции Старого порядка с 1856 г. по наше время. Автор анализирует ключевые моменты роста интереса к теме. Несмотря на то, что в статье особое внимание уделено франкоязычной литературе, автор указывает и на основные тенденции исследований в работах учёных из других стран. В статье отмечены последние научные события, связанные с темой провинциальных собраний и истории парламентаризма в Европе.
Ключевые слова: историография, история Франции, Новое время, представительные собрания, провинциальная администрация.

HISTORIOGRAPHY OF THE PROVINCIAL ASSEMBLIES IN THE OLD REGIME FRANCE (1856-2016)

Martemyanova E.O.

This article is dedicated to the historiography of representative assemblies in the Old Regime France since 1856 to our days. The author analyses and explains key moments of growing interest to the subject. Based mostly on French historiography, the article shows new trends developed by European researchers during past decades. It highlights topics of recent scientific events on the subject of representation in the Modern Europe.
Keywords: French history, historiography, Modern times, provincial administration, representative assemblies.

Историография Франции Старого порядка часто изображает административную историю французской монархии как долгий путь к установлению централизованного королевства. Усиление абсолютной монархии во Франции было неразрывно связано с правом короля собирать налоги, ставшим со временем безусловным: монарх более не нуждался в согласовании фискальной политики с Генеральными штатами, и только в некоторых провинциях королевские налоги вотировались представительными собраниями [27, p. 4]. Конец монархии последовал за воссозданием Генеральных штатов с представительством от трёх сословий [7; 8, p. 97-126; 9]. Такое зигзагообразное поведение едва ли можно интерпретировать как последовательную централизацию, но это не значит, что само по себе понятие «централизация» не оправдало себя и вышло из арсенала историков. Наоборот, оно остаётся ключевым для описания политической и административной систем, хотя и является одним из наиболее сложных [13, p. 9], поскольку требует многостороннего изучения, необходимого, чтобы избежать диспропорций в представлениях о границах королевской власти.

Ряд исторических работ последних лет, о которых пойдёт речь в этой статье, показывают историю управления королевством «снизу», то есть с точки зрения провинциальной администрации. Анализ взаимоотношений королевской власти с провинциями часто проводится по официальным источникам, преподнося однобокое видение процессов централизации. Такой подход грозит диспропорциональным отображением событий политической и административной истории. В данной статье будут освещены основные направления и вопросы историографии, посвященной провинциальным собраниям в монархии Старого порядка.

Нам представляется целесообразным выделить три волны интереса к обозначенной теме: в период с 1856 по 1930-е гг. произошло первичное накопление фактического материала и первых обобщений. С 1930-х по 1980-е гг. тема представительства и его форм в истории вышла на международный уровень, что предопределило появление общих направлений исследований у историков из разных стран.

В самой Франции можно без сомнения говорить о возобновлении интереса к теме провинциальной администрации Старого порядка в 1980-е годы. Этот поворот был отчасти предопределён событиями V Республики: в 1982 г. была проведена реформа государственного управления, заключавшаяся в расширении полномочий регионов, и это обстоятельство заставило всерьёз задуматься об её исторических предпосылках.

Современный этап – с 1980-х гг. по наше время – это время обобщения результатов и

расширения географии сравнительных исследований. Он совпал с волной теоретических работ на тему абсолютизма, что позитивно отразилось на развитии гипотез и сопутствующих тем, связанных с понятием «представительство» в Новое время.

Вплоть до реформы административного деления 1790 г. Франция состояла из множества разнородных земель, присоединённых либо мирным (Бургундия в 1476 г., Прованс в 1482 г., Бретань в 1532 г.), либо военным путём (Франш-Конте в 1678 г.). Различия провинций отображались в местных кутюмах и провинциальных привилегиях. Принято выделять провинции элексьонов (*pays d'élections*), где волю монарха претворяли в жизнь так называемые «элю», которые на самом деле были королевскими ставленниками, и провинции штатов (*pays, provinces d'états*).

Провинции штатов пользовались широкими вольностями, закреплёнными на момент присоединения к французскому королевству. В их управлении соблюдалось условие согласовывать королевские сборы с местным собранием. Считается, что королевская централизация меньше всего затронула эти провинции, благодаря функционировавшим в них провинциальным собраниям. В частности, королевские налоги должны были проходить процедуру согласования с местным провинциальным собранием.

В XV в. насчитывалось 15 провинциальных штатов [20, p. 6], часть из которых, правда, исчезла под натиском кардинала Ришельё. Так, в XVII в. функции провансальского всесословного представительного собрания были переданы Генеральному собранию общин. Многие другие провинции штатов, как например, Дофине, и вовсе лишились представительных собраний. Наиболее значительными из провинций штатов считались Лангедок, Бретань, Артуа, Бургундия, где провинциальные штаты просуществовали до конца Старого порядка.

При всём многообразии традиционных представительных собраний в их структуре наблюдаются общие черты. Их первостепенной задачей было согласование королевской тальи, прямого налога с населения. Талья могла именоваться по-разному: Прованс, к примеру, вносил так называемый «добровольный дар» провинции. Кроме того, в перерывах между регулярными собраниями – проводимыми раз в один, два или три года в разных провинциях – реализацию решений собрания и ведение текущих дел осуществляла группа администраторов: промежуточная комиссия в Бретани, алькады в Бургундии, прирождённые прокуроры в Провансе. Подготовка к сессиям составляла ключевую часть их работы: они обговаривали условия взимания налогов с королевской администрацией и добивались порой значительной выгоды в пользу провинции.

Ввиду растущих финансовых нужд королевства, в XVIII в. на первое место встала задача эффективной налоговой политики. Остро встал вопрос и о кредитовании займов на имя короля. Помимо кредитования королевских нужд частными лицами, ресурсы в провинциях черпались из местных доходов. На местную администрацию возлагалась, в итоге, организация взиманий податей с населения. Провинциальное собрание в лице постоянной группы администраторов становилось важным подспорьем королевской власти на местах.

С необходимостью осуществления «справедливого» и пропорционального налогообложения тесно сплетался вопрос о представительстве. В XVIII в. всё чаще появлялись проекты создания иерархии местных, провинциальных и общенациональных собраний, в которых имели бы голос «граждане-собственники»[17, p. 140]. В этом отношении уже существовавшие на тот момент местные представительные собрания в провинциях штатов являли собой живой пример диалога – и его недостаточности — между королевской властью и сословиями: духовенством, дворянством и основным налогоплательщиком королевства, третьим сословием, представленным, как правило, городской муниципальной элитой.

Несмотря на важность роли, которая была вверена местным собраниям Старого порядка, их изучение было надолго отодвинуто на второй план из-за суждения французского историка Марселя Мариона. По его мнению, изложенному в 1923 г., эти органы местной власти были «по существу олигархическими институтами, противниками всякого прогресса, всяких нововведений [...], склонными к расточительству, неравномерному и весьма ошибочному распределению налогового бремени» [28, p. 229]. Этим утверждением он стремился поставить точку в рассуждениях, начатых Алексисом де Токвилем (1805-1859) на страницах работы «Старый порядок и революция» (1856 г.). С точки зрения Токвиля, провинциальные

собрания создавали лишь видимость независимости от королевской власти. В своих суждениях он порой использовал ошибочные данные [11, p. 153], но вне всякого сомнения, работа Токвиля стала первой важной попыткой пересмотреть новшества Революции путём ретроспективного экскурса вглубь Старого порядка.

Учитывая исторический контекст и полномочия местных собраний, ряд историков усомнился в справедливости радикального суждения Токвиля, подтверждённого Марионом. Несколько значимых исследований позитивистского толка пролили свет на доселе не известные факты и документы из истории разных провинций. Были предприняты также попытки обобщения – например, в форме лекций, прочитанных Иваном Васильевичем Лучицким [2], – и систематизации разнородных данных, произведённой французом Г. де Люсе [25].

Надо сказать, что в России и во Франции этот накопленный материал не останется не у дел и в начале XX в., благодаря исследованиям Павла Николаевича Ардашева о провинциальной администрации и интендантах [1]. Значимость его работ, которые были сразу же переведены с русского на французский язык, была широко признана научным сообществом, и без ссылки на них до сих пор не обходится ни одно полномасштабное исследование провинциальной администрации Старого порядка.

Однако «вердикт» М. Мариона обозначил рубеж в историографии. От этого суждения будут отталкиваться и современные историки.

Историографическому повороту в изучении темы провинциальных собраний предшествовали несколько событий. В широком плане историческая наука испытывала методологические изменения. Ещё в 1932 г. французский учёный Жорж Лефевр подчёркивал необходимость изучения истории «снизу» [22, p. 193-210]. Смещение акцентов позитивно отразилось на разработке темы местного представительства. Вслед за исследованиями общего характера, которые описывают всё многообразие институтов по отдельным провинциям, последовали работы, посвящённые конкретным органам местного управления, в том числе провинциальным штатам. Так, в 1932 г. появилась первая систематизированная работа на эту тему авторства Армана Ребийона, который изучал провинциальные штаты Бретани [29]. Следом, в 1936 г. появилась публикация диссертационного исследования Бернара Хильдешеймера «Генеральное собрание общин в Провансе» [16].

Публикации этих диссертаций совпали по времени с созданием Международной комиссии по истории представительных собраний и парламентских учреждений (ICHRPI) в лоне Международного комитета по историческим наукам. С тех пор и в течение более чем восьмидесяти лет эта комиссия почти беспрерывно продолжает работу по изучению политического представительства и смежных тем в мировой истории. Её работа не ограничена хронологическими рамками: вопросы парламентов и представительных институтов освещаются со времён Античности до наших дней.

Подход к изучению французской истории «снизу» был признан Робером Мандру, который подчеркивал необходимость знать всё многообразие взаимоотношений, составлявших реалии управления во французской монархии [27, p. 262]. Такая методологическая установка имела большой потенциал. Послевоенный период вплоть до 1980-х гг. был отмечен поиском методов изучения истории «снизу». Важнейшей стала работа Рассела Мейджора «Представительные институты во Франции эпохи Ренессанса (1421-1559)» [26], в которой автор заложил основу для полномасштабных исследований региональной истории Нового времени. Эта работа была представлена на сессиях Международной комиссии по истории представительных собраний и парламентских учреждений и предвосхитила первую в послевоенный период работу обобщающего характера Д. Герхарда о проблемах репрезентации и делегирования полномочий в XVIII в. [11, p. 117-149], где одним из ключевых направлений было изучение налоговых отношений провинций с центральной властью. Как следствие, уже в 1965-1967 гг. в программу сессий Международной комиссии в обязательном порядке вошли доклады по вопросам налогообложения и провинциального представительства.

Шаг за шагом необходимость изучить в подробностях реалии провинциальной жизни становилась всё очевиднее. Важную роль в этом сыграли работы Мориса Борда. Изначально обратившись к архивам Гаскони, учёный вышел на тему о реформе Лаверди (C.-C.-F. de L'Averdy, 1724-1793), задуманной в целях унификации муниципального управления в 1764-1771 гг. В 1970 г. вышла его монография «Провинциальная и муниципальная администрация во Фран-

ции в XVIII в.»[4], которая представила систематизированное описание институтов местной власти по всем провинциям.

Внимание к местным архивам привело к формулировке гипотезы о значительной роли местных собраний в провинциальном управлении. Вслед за конференцией 1979 г. под названием «Провинциальные штаты», организованной французским обществом историков Нового времени, появилась работа историка дореволюционного Прованса Франсуа-Ксавье Эммануэлли, в которой был отмечен недооценённый потенциал провинциальных собраний в истории Франции [10]. Десятилетие спустя к этой идее обратились коллеги из Монпелье, чьими усилиями была организована и проведена конференция «Провинциальные собрания средиземноморского побережья Франции в Новое время» в университете Поля Валери Монпелье III [20].

Доклады на конференции касались как политической роли собраний, так и их финансовых возможностей. Было подчёркнуто, что в изучении провинции следует учитывать многообразие традиционных правовых систем. Это замечание предопределило складывание двух направлений в исследованиях: «северное», начатое работами Мари-Лор Легэ о штатах Фландрии и Артуа [23], и «южное», разрабатываемое специалистами по истории южных провинций.

Вместо «децентрализации» власти на периферии, которая подразумевает большую степень автономии провинции, М.-Л. Легэ предложила судить о «деконцентрации» королевской власти в пользу административной элиты северных провинций штатов. Иными словами, в XVIII в. штаты Артуа и Фландрии являлись подспорьем королевской политики, своего рода проводниками воли суверена, что подтверждает правильность мнения Ф.-К. Эммануэлли о роли представительных собраний в провинции и королевстве в целом. Легэ также подчеркнула значимость начинаний провинциальных штатов в области дорожного строительства, ирригации, благотворительности, которые поддерживали штаты Артуа и Фландрии. Если провинциальные собрания и можно было обвинить в «олигархичности», это не мешало тому, что, по мнению исследовательницы, они проявляли достаточно лояльности к королю и осуществляли инициативы в интересах жителей провинций.

Дальнейшее углубление тематики форм децентрализации происходило в работе над сборником под названием «Создание децентрализации: дворянство и промежуточные институты власти во Франции и Европе, XVII-XVIII в.» [21]. Главный вывод авторов сборника заключается в том, что дворянство в Европе усилило свои позиции в провинциальном управлении в Новое время вплоть до середины XIX в., в частности в лоне провинциальных собраний. Это усиление власти элиты происходило по большей части за счёт финансовых и фискальных механизмов.

Разработка темы велась усилиями не только французских исследователей, которые имеют почти не ограниченный доступ к оригиналам исторических документов. Тенденция к изучению теоретических вопросов о характере абсолютной власти во Франции, наблюдаемая в работах иностранных историков, позитивно повлияла на разработку темы представительных собраний. Волна британского «ревизионизма» совпала с ростом интереса к провинциальной истории среди французских учёных. Значительное влияние на расхожие взгляды об абсолютной монархии оказали работы Уильяма Бейка, Хилтона Рута и Николаса Хеншелла.

Пример плодотворного влияния иностранного исследования на французскую историографию представлен работой У. Бейка «Абсолютизм и общество во Франции XVII в. Государственная власть и провинциальная аристократия в Лангедоке» [3]. Работа Бейка была нацелена на пересмотр подхода к изучению административной истории Лангедока: интерес автора обращён к «социальной составляющей» королевской власти на местах в XVII в., то есть к тем, кто на деле управлял провинцией (*rulers*). Британский учёный выделил несколько властных кругов в провинции: нотаблей высшего и провинциального эшелона, провинциальных офисье, представителей муниципалитетов.

Структура лангедокского общества представлена с помощью фискальных документов, в которых в деталях отображено, как распределялось налоговое бремя. Используя этот метод, Бейк дал интерпретацию поведения провинциальной элиты, преследовавшей цель сохранения максимума привилегий, порой в ущерб другим социальным группам, вплоть до событий Фронды.

После 1670 г. центральное место в защите местных и корпоративных привилегий заняли провинциальные штаты Лангедока, которые

стали вовлекаться в конфликты с прочими институтами провинциальной власти. Если Бейк сосредоточил своё внимание на конце XVII в., то разработкой гипотез о влиянии местных нотаблей в предшествующий период занялась французский историк Арлетт Жуанна, изучая роль провинциальной элиты в борьбе за власть в провинции [18].

Цель исследования Х. Рута «Государственное строительство в Европе Нового времени: Франция и Великобритания» [30] заключалась в том, чтобы выяснить, каким образом королевская администрация выстраивала отношения с провинциальной элитой на наиболее выгодных для себя условиях: за счёт усиления контроля и финансовых связей, а также, если не в первую очередь, путём разрешения конфликтов между представителями разных групп интересов. Его выводы основаны на сравнительном анализе Франции и Великобритании в Новое время с целью подчеркнуть национальные особенности двух стран. Его подход был предопределен предшествующей публикацией Н. Хеншелла. В «Мифе абсолютизма» [15] Хеншелл задался вопросом о правомерности использования терминов «абсолютизм» в отношении Франции и «конституционная монархия» в отношении Англии. По его наблюдениям, как ни парадоксально, но в отсутствие писаной конституции власть французского монарха была на деле весьма ограничена привилегиями, как личными, так и провинциальными. В то же время, в понимании автора, в Англии «конституционная» монархия оставляла широкие возможности суверену. Представления о монархии во многом, как оказалось, были мифами национальной истории: если государственное строительство Людовика XIV и было отмечено рядом радикальных мер по унификации и централизации королевства, то уже после короля-солнца французские монархи более не шли на кардинальные новшества, стремясь не нарушать сословных и провинциальных привилегий.

Исследования англо-саксонских исследователей не ограничились теоретическими обобщениями. Вслед за монографией Джеймса Коллинза о штатах Бретани [5], переведённой в 2006 г. на французский язык [6], работа Джулиана Суона «Провинциальные штаты Бургундии» нашла отклик во французском научном сообществе: ряд затронутых в книге вопросов о королевском кредитовании и финансах были разработаны в диссертации французского исследователя Жерома Луазо о бургундском дворянстве [24]. В своей работе он показал, какими методами монаршая власть добивалась финансового подспорья от провинции в XVII в.

Углубление подхода к проблематике провинциальной власти в Лангедоке вдохновило учёных на создание масштабной работы «Штаты в государстве: провинциальные штаты Лангедока со времён Фронды до Революции» [19]. Выводы авторов этой коллективной монографии вряд ли можно назвать отличными от обобщающих итогов, к которым пришла М.-Л. Легэ. Несмотря на значимость вольностей южной провинции штатов, исследователи заключили, что и здесь местное собрание оказалось, скорее, советником короля и исполнителем монаршей воли. Вслед за Эммануэлли и Легэ авторы признали консолидирующую роль представительных собраний во Франции в XVIII в., достигнутую в контексте затратной внешней и внутренней политики Бурбонов. Новаторской можно назвать попытку авторов работы «Штаты в государстве» ввести новый термин в исследовательский обиход: так называемую «территориализацию» штатов, то есть процесс расширения контроля над податным населением как в налоговой сфере, так и путём реализации работ по благоустройству и развитию дорожной сети в провинции.

Подводя итоги почти двухсотлетнему опыту изучения провинциальных собраний во Франции эпохи Старого порядка, можно заключить, что интерес учёных к этой теме не был постоянным. За первоначальной концептуализацией и переосмыслением роли местной администрации в XVII-XVIII вв. последовала наработка архивного и документального материала, далее – вслед за противоречивым утверждением об их второстепенной роли – наступил период частичного забытья. Однако со временем стало ясно, что авторитетное мнение М. Мариона нельзя считать абсолютно верным. Он заклеймил провинциальные штаты как тормоз местного развития, обличая их «олигархический» характер, но обошёл вниманием всё то, что можно интерпретировать как их позитивное влияние на жизнь провинций.

Со временем тема провинциальных собраний стала привлекать всё больше учёных во Франции и за рубежом. Побудительным мотивом к этому послужила интенсификация научной коммуникации между исследовательскими

лабораториями: влияние британского «ревизионистского» течения проявилось как в исследованиях конкретно-исторического характера, так и в обобщающих сравнительных работах.

Учитывая все локально-исторические различия в периодизации и специфике истории представительных собраний, исследователи признают роль местного дворянства в развитии и изменениях представительных органов. Плодотворным направлением исследований стала налоговая история и анализ компромиссных решений, удобных для центральной власти и провинции.

На сегодняшний день в разработке проблематики представительных собраний взаимовыгодное общение исследователей подкреплено возрастающей ролью немецких, итальянских и испанских учёных, как специалистов по истории Нового времени, так и медиевистов. Так, под влиянием одной из последних публикаций Мишеля Эбера [14, p. 535] учёные стремятся перенять методологию анализа средневековых парламентских учреждений для того, чтобы преодолеть хронологические границы исторических исследований в широких географических рамках. Сравнение типов представительных органов указывает на ещё не решённые вопросы и обрисовывает контуры новых исследовательских задач.

Список литературы

1. Ардашев П.Н. Провинциальная администрация во Франции в последнюю пору Старого порядка. 1774—1789. Провинциальные интенданты. Историческое исследование преимущественно по архивным данным. Т. 1-2. Санкт-Петербург: тип. «В.С. Балашев и К°», 1900—1906. 734 с. (франц. перев.: Ardašev P. L'Administration provinciale en France pendant les dernières années de l'Ancien régime, 1774-1789. Les intendants des provinces: Étude historique principalement d'après les documents inédits. Saint-Petersburg, 1909. 488 p.).

2. Лучицкий И.В. Провинциальные собрания во Франции при Людовике XVI и их политическая роль. Киев: Унив. тип. И.И. Завадского, 1879. 40 с.

3. Beik W. Absolutism and Society in Seventeenth-Century France. State Power and Provincial Aristocracy in Languedoc. Cambridge: Cambridge University press, 1985. 375 p.

4. Bordes M. L'administration provinciale et municipale en France au XVIIIe siècle. Paris : Société d'édition d'enseignement supérieur, 1970. 378 p.

5. Collins J. Classes, estates, and order in early modern Brittany. Cambridge: Cambridge University press, 1994. 312 p.

6. Collins J. La Bretagne dans l'État royal: classes sociales, États provinciaux et ordre public de l'Édit d'Union à la Révolte des bonnets rouges. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2006. 389 p.

7. Doyle W. Origins of the French Revolution. London: Oxford University Press, 1980.

8. Egret J. La Pré-Révolution en Provence (1787-1789) // Annales historiques de la Révolution française. 1954. P. 97-126.

9. Egret J. La Pré-Révolution française (1787-1788). Paris: Champion, 1978. 400 p.

10. Emmanuelli Fr.-X. Pour une réhabilitation de l'histoire politique provinciale: l'exemple de l'Assemblée des communautés de Provence // Revue historique de droit français et étranger. № 57. T. 172. 1979. P. 431-450.

11. Gannett R.T. Tocqueville Unveiled: the Historian and His Sources for The Old Regime and the Revolution. Chicago: University of Chicago Press, 2003. 246 p.

12. Gerhard B. «Problems of Representation and Delegation in the Eighteenth Century» // Liber Memorialis Sir Maurice Pawicke. Dublin: Louvain-Paris, 1965. P. 117-149.

13. Grémion P. Le pouvoir périphérique: bureaucrates et notable dans le système politique français. Paris: Seuil, 1976. 477 p.

14. Hébert M. Parlementer: assemblées représentatives et échange politique en Europe occidentale à la fin du Moyen Age. Romanité et modernité du droit. Paris: Éd. de Boccard, 2014. 687 p.

15. Henshall N. The Myth of Absolutism: Change and Continuity in Early Modern European Monarchy. London: Longman, 1992. 245 p. (русск. перев.: Хеншелл Н. Миф абсолютизма: Перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени. СПб.: Алетейя, 2003. 271 с.).

16. Hildesheimer B. Les Assemblées générales des communautés de Provence. Paris: Pedone,

1935. 234 p.

17. Jones P. M. Reform and Revolution in France: The Politics of Transition, 1774-1791. Cambridge: Cambridge University |Press, 1995. 275 p.

18. Jouanna A. Le Devoir de révolte : la noblesse française et la gestation de l'État moderne: 1559-1661. Paris: Fayard, 1989. 504 p.

19. Jouanna A., Durand S., Pélaquier E., et alii. Des États dans l'État. Les États de Languedoc de la Fronde à la Révolution. Genève: Droz, 2014. 983 p.

20. Les assemblées d'États dans la France méridionale à l'époque moderne, actes du colloque de 1994 / Blanchard A., Michel H., Pélaquier E. Montpellier : Université Paul Valéry, 1995. 299 p.

21. L'invention de la décentralisation: noblesse et pouvoirs intermédiaires en France et en Europe, XVIIe-XIXe siècle / Legay M.-L., Baury R. Villeneuve-d'Ascq: Presses universitaires du Septentrion, 2009. 387 p.

22. Lefebvre J. L'œuvre historique d'Albert Mathiez // Annales historiques de la révolution française. N 51. 1932. P. 192-210.

23. Legay M.-L. Les États provinciaux dans la construction de l'État moderne aux XVIIe et XVIIIe siècles. Genève: Droz, 2001.

24. Loiseau J. Ella fera ce que l'on voudra. Besançon: Presses universitaires de la Franche-Comté, 2014. 408 p.

25. Luçay H. de. La Décentralisation, étude pour servir à son histoire en France. Paris: Guillaumin, 1895. 244 p.

26. Major R. Representative Government in Early Modern France. New-Haven-London: Yale University Press, 1980. 731 p.

27. Mandrou R. La France aux XVIIe et XVIIIe siècles. T.1-2. Paris: Presses universitaires de France, 1997. 438 p.

28. Marion M. Dictionnaire des institutions de la France aux XVIIe et XVIIIe siècles. Paris: A. Picard, 1923. 564 p.

29. Rébillon A. Les États de Bretagne de 1661 à 1789: leur organisation, l'évolution de leurs pouvoirs, leur administration financière. Paris: Université de Paris, 1932. 792 p.

30. Root H. La construction de l'État moderne en Europe. La France et l'Angleterre. Paris: Presses universitaires de France, 1994. 390 p.

Об авторе

Мартемьянова Екатерина Олеговна – аспирант Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова и Университа Пари-Эст Кретей, c.martem@gmail.com

УДК 381.09

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТОРГОВОЙ СЕТИ В СССР В 1950-60е ГОДЫ

Мороз И.А.

В статье на основе архивных данных и материалов периодической печати автором сформулированы основные проблемы увеличения объёмов строительства материально-технической базы торговли. В статье представлены типовые проекты магазинов и предприятий общественного питания с точки зрения удобства обслуживания покупателей. Особое внимание обращено на проблему рационального размещения торговых предприятий.
Ключевые слова: торговля, торговое строительство, универмаг, торговые центры, типовые проекты, размещение торговых предприятий.

THE PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF TRADE NETWORK IN THE USSR IN 1950-60 YEARS

Moroz I.A.

The author of the article used archival data and materials of the periodical press to formulate the main problems of increase in construction of material-technical base of trade. The article presents model projects for shops and public catering enterprises from the viewpoint of ease of customer service. Special attention is paid to the problem of rational allocation of commercial enterprises.
Keywords: trade, commercial building, Department store, shopping centers, types of projects, location of commercial enterprises.

Важнейшей задачей в первые послевоенные годы в СССР являлось восстановление промышленности и сельского хозяйства. Так как в данный период на развитие торговли не хватало ни средств, ни рабочих рук, то строительство магазинов, складов и хранилищ отодвигалось на второй план. Чаще всего их ремонтировали сохранившимися после боевых действий материалами, а также пытались приспособить помещения или землянки. Однако к началу 1950х проблемы обеспечения людей продуктами и товарами первой необходимости приводили к необходимости строительства новых торговых организаций с увеличением их площадей и оснащением современным оборудованием.

Целью данной работы является выявление основных проблем развития торговой сети в СССР и анализ попыток их решения. Это было очень важным, так как именно с начала 1950х годов руководство страны и партии сформулировало задачу повышения благосостояния советского народа. А решение вопросов, связанных с развитием торговли, помогло бы в выполнении поставленных задач.

1960е годы характеризовались значительным увеличением объемов строительства материально-технической базы торговли. Для её нормального бесперебойного функционирования нужны были не только магазины и предприятия общественного питания, но и склады, холодильники, овощехранилища. Начало 60х годов демонстрировало внушительную цифру – 302 тысячи – прироста рабочих мест в розничной торговой сети. Почти вдвое увеличилась складская площадь в оптовой торговле, ёмкость холодильников в 2,4 раза [1, с.21].

Но темпы развития торговой сети все-таки отставали от темпов развития товарооборота в стране. Поэтому вопросы капитального строительства и проектирования в рассматриваемый период оставались наиболее существенными для развития торговли.

Изменение основных показателей развития розничной торговли в 1950 – начале 1960х годов представлено в таблице 1[2 , с.21].

Таблица 1

Показатели развития розничной торговли в 1950 – начале 1960х годов (тыс.)

	1950г.	1952г.	1958г.	1960г.	1962г.	1963г.
Число торговых предприятий:						
Торговых складов розничной торговли	97,2	100,1	119,5	125,5	127,3	127,0
Предприятий розничной торговли	415,8	441,5	519,3	567,3	603,5	616,1

Анализируя данные, представленные в таблице 1, можно выделить общую тенденцию постепенного увеличения количества торговых складов: незначительно с 1950 по 1952 год (2,9

тыс.) и с 1960 по 1962 год (2,2 тыс.), уменьшение темпов строительства наблюдалось с 1952 по 1958 год (9,4 тыс., то есть примерно 1,6 тыс. в год). Ускоренные темпы строительства торговых складов происходило с 1958 по 1960 год (6 тыс.), а с 1962 по 1963 год заметно снижение их введения в строй на 0,3 тысячи.

Торговые склады были, безусловно, важны для сохранности продаваемой продукции, но особую важность приобретало строительство объектов торговли. Данные таблицы 1 демонстрируют стабильное увеличение количества торговых предприятий. Небольшой рост заметен с 1950 по 1952 год (2,9 тыс.), с 1960 по 1962 год (2,2 тыс.), наиболее наглядное снижение роста происходит с 1952 по 1958 год (в среднем за год на 13 тыс.), а с 1962 по 1963 год (12,6 тыс.). Наибольшими темпами строительство предприятий розничной торговли произошло с 1958 по 1960 год на 48 тысяч магазинов.

Безусловно, покупателям нравились новые магазины с просторными помещениями, свободным доступом к витринам и стеллажам, с возможностью рассмотреть товар, с их открытой выкладкой и различными вариантами самообслуживания. Однако с начала 1960^{х} годов проблемой становится выполнение плана капиталовложений в государственную торговлю, то есть выделяемые государством средства не осваивались. Для иллюстрации данного тезиса приведем факты за 1964 год: по данным ЦСУ СССР план капиталовложений по государственной торговле был выполнен на 88%, а план ввода в действие основных фондов – на 82%. Лучше других был выполнен план в Узбекской ССР (99%) и в УССР (98%). Неудовлетворительными были результаты в Казахской (67%), Азербайджанской (69%) и Таджикской ССР (73%) [3, с.307].

Помимо показателя капиталовложений в государственную торговлю в союзных республиках наиболее актуальным в 1960^{х} годах важным был вопрос увеличения строительства магазинов. В таблице 2 представлены данные по выполнению заданий по строительству магазинов на 1961-1964 годы в соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР №851 от 08.08.1960г. «О мерах по дальнейшему улучшению торговли» в разрезе союзных республик СССР[4, л.70].

Таблица 2

Выполнение заданий по строительству магазинов в союзных республиках в 1961-1964гг.

	Задание	Выполнение	В %% к заданию
СССР	46698	21752	46,6
РСФСР	28649	13105	45,7
Украинская ССР	9100	4219	46,4
Белорусская ССР	892	560	62,8
Узбекская ССР	1255	529	42,2
Казахская ССР	2774	1288	46,4
Грузинская ССР	420	306	72,9
Азербайджанская ССР	738	471	63,8
Литовская ССР	331	116	35,0
Молдавская ССР	295	165	55,9
Латвийская ССР	400	161	40,3
Киргизская ССР	392	81	20,7
Таджикская ССР	410	170	41,5
Армянская ССР	428	247	57,7
Туркменская ССР	385	107	27,8
Эстонская ССР	229	107	46,7

Данные таблицы 2 позволяют сделать вывод о крайне низком уровне выполнения планов строительства магазинов в СССР – всего лишь 46,6%. Самыми высокими были темпы строительства в Грузинской ССР(72,9%), Азербайджанской ССР(63,8%) и Белорусской ССР(62,8%). Средний уровень строительства наблюдался в Эстонской ССР(46,7%), Казахской ССР и Украинской ССР(46,4%). РСФСР(45,7%). Самые слабые показатели были в Литовской ССР(35%), Туркменской ССР(27,8) и особенно плохо ситуация складывалась в Киргизской ССР(20,7%). Руководство страны, анализируя причины неудовлетворительного выполнения плана строительства торговых предприятий, сделало выводы о вине руководителей министерств торговли республик, краевых, областных и городских управлений торговли.

Однако в рассматриваемый период важным было не только строительство новых торговых объектов, но и насыщение их разнообразными товарами. Недостаточный выпуск промышленностью товаров, плохая организация обеспечения ими магазинов, когда имеющаяся на базах продукция не завозилась своевременно в торговые точки, несоблюдение обязательного товарного минимума приводили к постоянному дефициту товаров. О бедности ассортимента товаров в различных городах страны свидетельствуют докладные записки проверяющих работников Министерства торговли СССР. Так, сотрудник министерства И.Серебренников по итогам командировки в Киргизскую ССР 22 февраля 1956 года отмечал

отсутствие в продаже ученических ручек, перьев, авторучек, бумажных изделий, керосиновых ламп. В магазинах отсутствовали мясо, рыба, крупы, овощи, карамель, масло животное специи [5, л.7]. Аналогичная ситуация была во многих регионах страны.

Недостаточное обеспечение магазинов товарами приводила к их нормированию. Однако по результатам проверок сотрудниками Госторгинспекции Брянской области довольно часто фиксировались нарушения норм отпуска товаров. Так, в решении Главного государственного инспектора по торговле в Брянской области №70 от 1 марта 1956 года «О результатах проверки Дятьковского горторга» отмечалось, что продавец магазина №39 Коршунова М.Н., нарушая норму отпуска товаров в одни руки, отпустила одному покупателю 8 кг ржано-пшеничного хлеба. Заведующая магазином №34 Сергеенкова М.В. отпустила покупателю 7 буханок штучного хлеба. Заведующая магазином №19 Козулина М.А. отпускала по 5 кг хлеба в одни руки [6, л.82].

Одной из важнейших проблем в торговле 1950-60^{х} годов была сложная система ценообразования товаров. Для определения конечной цены продукции производителю приходилось её согласовывать с большим количеством структур и инстанций. Так, в распоряжении исполнительного комитета Брянского областного Совета депутатов трудящихся г. Брянска №99-р от 13 февраля 1965 года указывалось, что для утверждения розничной цены на шкаф лакированный, изготовляемый предприятиями областного управления местной и топливной промышленности, требовалось в соответствии с постановлением Совета Министров РСФСР от 22 августа 1962 года №969 согласование с управлением местной и топливной промышленности, а также с областным управлением торговли [7, л.396].

Сложности и проблемы в процессе ценообразования в рассматриваемый период приводили к тому, что установление, снижением или повышение цен происходило на местах только после согласования с исполнительным комитетом областного Совета трудящихся. Так, цены на булочку дорожную (6 копеек), ватрушку с повидлом (5 копеек), пирожковое тесто (38 копеек за кг) утверждались местными исполнительными органами в соответствии с постановлением Совета Министров РСФСР [8, л. 391]. Подобная практика ценообразования, характерная для всех регионов страны, приводила к многочисленным согласованиям и многомесячной переписке, что затрудняло ускоренный выпуск продукции и его реализацию через торговую сеть страны.

Из-за отсутствия планов размещения торговой сети магазины часто открывались не там, где они были нужны, а на случайно отведенных площадках. Ярким примером подобного подхода являлась Москва. Так, в районах Новые Черемушки, Юго-Западный, Кунцево ощущался острый недостаток торговой сети. В некоторых из этих районов на каждый магазин приходилось 20–25 тысяч человек, поэтому население было вынуждено ходить по 1–2 км или ездить за продуктами и предметами первой необходимости в другие районы и центр города [9, л.5].

Анализируя ситуацию в Брянске, можно наблюдать общесоюзную тенденцию развитой торговой сети в центре города и нехватки магазинов на окраинах. В связи с этим местные жители высказывали пожелания равномерного распределения торговых организаций и открытия магазинов в новых микрорайонах [10, л.23].

В таблице 3 представлены данные о строительстве новых магазинов в Брянской области с 1959 по 01.07.1964 года[11 , л.3].

Таблица 3

Строительство магазинов в Брянской области в конце 1950-60^{е} годы

	1959г.		1961г.		1964г.		Рост	
	план	факт	план	факт	план	факт	план	факт
Число магазинов	27	19	45	44	28	19	210	169
В них рабочих мест	228	225	130	108	130	73	900	771

Данные таблицы 3 показывают, что ни в одном из указанных годов план строительства магазинов не был выполнен. Наиболее близкими к запланированным были показатели в 1961 году (построено 44 магазина из 45 запланированных), значительными были расхождения в 1959 году (19 из 27 по плану строительства) и в 1964 году (19 из 28 запланированных).

Таким образом, комфорт быта людей, удобства, которые они находили в сфере обслуживания, напрямую зависели от уровня проектирования и строительства магазинов и развития торговой сети. Данные положения и являлись важнейшими задачами в СССР в 1950-60^{е} годы.

Список литературы

1. Советская торговля. Стат. сборник. М.: Статистика, 1964. 504 с.

2. Народное хозяйство СССР в 1964 году. Статистический ежегодник. М.: Статистика, 1965. 888 с.

3. Советская торговля. Стат. сборник. М.: Статистика, 1964. 504 с.

4. Российский государственный архив экономики (далее - РГАЭ). Ф. 195. Оп. 1. Д. 357. Цифровые данные об организационном построении торговли и сети предприятий торговли и общественного питания по стране на 1 января 1965 года.

5. РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 1. Д. 2744. Информация из городов, областей и республик о состоянии торговли.

6. Государственный архив Брянской области (далее - ГАБО). Ф. Р-2185. Оп. 1. Д.43. Решения о нарушении правил торговли за 1956 год.

7. ГАБО. Ф. 2891. Оп. 1. Д. 1. Л. 396. Материалы по экономическому обоснованию розничных цен на товары народного потребления за 1960-1969 годы.

8. ГАБО. Ф. 2891. Оп. 1. Д. 1. Л. 391. Материалы по экономическому обоснованию розничных цен на товары народного потребления за 1960-1969 годы.

9. РГАЭ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 356. Материалы Управления организации торговли и обмена опытом по вопросам развития новых форм торгового обслуживания населения, соблюдения правил торговли, развития торговой сети.

10. ГАБО. Ф. 2545. Оп. 1. Д. 176. Л.23. Материалы (сведения, решения, справки) по наказам избирателей.

11. ГАБО. Ф. 2545. Оп. 1. Д.167. Л. 3. Отчет о наличии и движении торговой сети. 1965 год.

Об авторе

Мороз Ирина Анатольевна – преподаватель, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова (Брянский филиал), zima.morozz@yandex.ru

УДК 94(73)"1850/1900"

МОРМОНСКАЯ ПОЛИГАМИЯ В ЮТЕ И НА ЗАПАДНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ США (1850–1890-е гг.)

Прилуцкий В. В.

В статье охарактеризована мормонская полигамия во второй половине XIX в. на Западе Соединенных Штатов. Эпоха многоженства стала важным периодом в истории Церкви Иисуса Христа Святых последних дней.
Ключевые слова: история Церкви Иисуса Христа Святых последних дней (мормонов-бригамитов), мормонская полигамия, Бригам Янг, законы против многоженства в США.

MORMON POLIGAMY IN UTAH AND THE WESTERN TERRITORIES OF THE UNITED STATES (1850-1890-S)

Prilutskiy V. V.

The article described Mormon polygamy in the second half of the XIX-th century in the West of the United States. The era of polygamy was an important period in the history of the Church of Jesus Christ of Latter-day Saints.
Key words: history of the Church of Jesus Christ of latter-day Saints (Mormons-Brighamites), Mormon polygamy, Brigham Young, the laws against polygamy in the United States.

Мощное религиозное движение Святых последних дней – мормонов оказало огромное влияние на историю колонизации Запада США. Основателем мормонизма и первым пророком Церкви был Джозеф Смит-младший (1805-1844), проповедовавший идею возрождения полигамии, существовавшей у древних семитов в ветхозаветные времена. В США и других западных странах издано множество монографий и статей, посвященные Святым последних дней, их истории и учению, написанных как профессиональными историками, так и мормонскими исследователями [11; 12; 17 и др.]. Отечественная историография небогата научными трудами, посвященными истории мормонства, что во многом было связано с длительным отсутствием в нашей стране необходимой источниковой базы для исследований. Интерес представляют работы А.А. Кисловой, И.В. Девиной, Л.С. Элбакян, С.Г. Антоненко [1; 2; 5; 6; 10]. В современной России вышли в свет также публицистические сочинения христианских теологов – своего рода богословские диспуты с «оккультно - неоязыческой сектой» [3; 4; 7; 8].

По некоторым данным у каждого из первых пророков, руководивших Церковью с 1830 г. по 1877 г., Джозефа Смита и Бригама Янга (1801-1877) было до 70 жен. В 50-е – 80-е гг. XIX в. Бригам Янг и другие руководители Церкви утверждали, что «единственные люди, ставшие Богами, детьми Бога, – это те, кто был многоженцем». «Если вы противитесь многоженству, вы могли бы заодно отречься и от «Мормонизма», отвернуться от него. Если даже Председательство и Двенадцать Апостолов, и все руководство объединятся и скажут в один голос, что они против этого учения, – все они будут прокляты». «...Все те, кто выступает против этого учения, мужчина то или женщина, будут прокляты». Полигамия никогда не может и не должна быть отменена: «Если многоженство дано Богом, как и говорят о нем Святые Последних Дней, то никакая сила на земле не может подавить его, разве что вы сокрушите и уничтожите весь народ». «Если бы нам пришлось покончить с полигамией, то это было бы только первой каплей, только первым таинством в Церкви и Царстве. Покончив с ним, нам придется покончить с Апостолами и Пророками, с откровением и дарами, и милостями Евангелия и, в конце концов, оставить всю нашу религию, и стать сектантами, и поступать, как поступает мир» [15]. Мормоны длительное время стремились к тому, чтобы западная территория Юта, оформившаяся в 1847-1850 гг., получила статус штата и смогла принять местный закон, разрешающий полигамию. Федеральное правительство из-за существования многоженства всячески препятствовало этому вплоть до 1896 г.

Семьи полигамистов в XIX в. составляли по некоторым данным в Юте около 20-25%. Американская политическая элита, религиозные лидеры и общественность были возмущены «безнравственностью» и «нехристианскими обычаями» мормонов и требовали принятия жестких репрессивных мер. Пуритане видели в многоженстве угрозу для института

«естественной» семьи и равноправия женщин в обществе. Особенно резко против полигамии выступала Республиканская партия, что нашло отражение в ее национальных программах 1856 и 1860 гг. Республиканцы заявляли, что их главной задачей является уничтожение «двух пережитков варварства – рабства и многоженства» [18, p. 27-28, 31-33].

Видный республиканец - конгрессмен, спикер палаты представителей, глава комитета почт и путей сообщения, будущий вице-президент в первой администрации У. Гранта Шайлер (Скайлер) Колфакс (1823-1885) совершил поездку на Запад весной 1865 г. Он провел несколько дней в Солт-Лейк-Сити и встречался с Янгом. Беседа с живым пророком произвела огромное впечатление на республиканца. Президент Церкви заявил Колфаксу о том, что учение о множественности жен является «божественным откровением» пророку Джозефу Смиту. В то же время, он отметил, что на практике при его реализации часто возможны злоупотребления и серьезные проблемы [13, p. 105-122]. Колфакс сказал, что «дополнение» о полигамии в «оригинальное вероучение» мормонов может привести к разрушению «сплоченной организации», поскольку многоженство противоречит нравственным нормам мировой цивилизации, законам США и не пора ли «как можно скорее получить другое откровение, отменяющее его». Политика - республиканца несколько удивил ответ Янга, который торжественно сообщил, что «лично был бы рад получить подобное откровение, но следующим шагом после отмены полигамии будет отказ от Мормонской Библии» [14, p. 31-32]. Колфакс отметил в записях, что рядовые многоженцы – Святые могут поставить вопрос о том, действовал Янг «по вдохновению или нет». Дело в том, что любое откровение пророка должно быть обязательно утверждено высшим священством мормонов – двумя советниками президента, Советом Двенадцати Апостолов и ратифицировано генеральной конференцией, т.е. найти одобрение всей Церкви.

Колфакс указывал на то, что 9/10 населения Юты считают полигамию «вдохновленным небом» институтом, но, по крайней мере, 2/3 из них ее не практикуют. Восточноамериканский политик имел мало возможностей для общения с мормонскими женщинами. Он был вынужден пользоваться информацией об их положении, полученной у соседок - «язычниц», принадлежавших к немормонским христианским исповеданиям. По мнению последних, мормонки не чувствуют особой разницы между своим браком и моногамными отношениями. Колфакс же считал полигинию «противоестественной», «аморальной», «противоречащей природе» и нормам «цивилизованного мира». Он пытался понять, как могут себя чувствовать в полигамном браке жены и дети. Несомненно, у членов семьи, проживающих под одной крышей, должны возникнуть ревность и нездоровая конкуренция за право называться «фаворитом». Еще хуже, когда полигамные жены с детьми живут в отдельных домах, а право постоянного пребывания с мужем имеет только первая жена. Вывод однозначен: полигамия делает семьи «несчастными». «Терпимое отношение предыдущей и настоящей администраций позволило этой застаревшей раковой опухоли быстро разрастись, расшириться, глубоко пустить метастазы» [14, p. 34-36].

В письме в военный департамент Колфакс отмечал, что не имеет ничего против мормонства как системы религиозных верований. Однако его беспокоила безграничная власть пророка над «новыми израильтянами» и полный контроль Церкви над судами, законодательным собранием (легислатурой) и милицией «отдаленной территории». Немормонское («языческое») население американского Запада должно быть защищено от «произвола, тирании и террора» «военной мощью республики». «…Нация вправе потребовать от всех соблюдения законов…». Колфакса тревожило то обстоятельство что «с каждым годом растет количество полигамных браков и увеличивается число рожденных в них детей». Он предлагал принять новые правительственные акты против «незаконного сожительства» в Юте и других регионах США. Итогом борьбы с полигамией должно было стать полное уничтожение «противоправного, дикарского и унижающего женщину института». Особое значение Колфакс придавал строительству Тихоокеанской трансконтинентальной железной дороги, которая способствовала бы ускорению процесса иммиграции и разрушению изоляции «мормонского царства» [14, p. 37-38]. (Трансконтинентальная железная дорога была построена в 1862-1869 гг. Приток переселенцев из восточных штатов значительно ослабил влияние мормонской церкви в Западной Америке).

Придя к власти накануне Гражданской

войны, республиканцы приняли в 1862 г. первый федеральный акт (Morrill Anti-Bigamy Law), запрещавший практику многоженства на Западе. Однако длительное время этот закон реально не действовал, поскольку юридическую систему Юты контролировали мормоны, а в стране имела место война между штатами и Реконструкция. Только в начале 1870-х гг. правительство США начало предпринимать силовые меры против «Святых последних дней мира», стремясь ликвидировать их квазигосударственное образование. К уголовной ответственности привлекли ряд руководителей Церкви, а одного из них – ближайшего помощника Бригама Янга епископа Джона Д. Ли повесили в 1877 г. Федеральные власти обвиняли Ли в уничтожении группы из более ста переселенцев - немормонов в период «Ютской войны» в 1857 г. (этот случай известен в истории как «Резня на горных лугах»).

В 1879 г. Верховный суд США признал полигамию «варварской практикой». В 1882 и 1887 гг. Конгресс принял законы Эдмундса (Edmunds Act) и Эдмундса - Такера (Edmunds-Tucker Law) об окончательном запрещении полигамии. Эти акты предусматривали арест банковских счетов, конфискацию церковной собственности, ограничение политического влияния Святых в Юте и на других западных территориях. Мормоны-многоженцы лишались права голосовать и занимать судейские места, их имущество подлежало конфискации, а они сами заключались в тюрьму на 5 лет. Представители федеральной власти организовали охоту на лиц, находившихся в полигамных браках, проводилась слежка, устраивались ночные облавы и обыски в домах. Сотни мужчин и несколько женщин – Святых последних дней были арестованы в Юте, Айдахо, Аризоне, Небраске, Мичигане и Южной Дакоте. Многие отцы семейств и церковные лидеры вынуждены были перейти на нелегальное положение. Они укрывались на отдаленных фермах, в молельных домах, в жилищах соседей и своих полигамных жен. На Юге США были убиты три мормонских проповедника. В тюрьмах оказались Джордж К. Кэннон, Роджер Клаусон, Бригам Генри Робертс, Джордж Рейнолдс, будущий пророк Лоренцо Сноу и другие лидеры религиозной организации. Мормонская церковь расценила эти действия как «целенаправленную и шумную политическую кампанию», наняла адвокатов и начала судебный процесс против американского правительства.

Новый пророк Тейлор, возглавивший мормонов после смерти Янга в 1877 г., вынужден был скрываться от американских властей, часто менять место жительства. В июле 1887 г. он умер в фактической ссылке в поселке Кэйсвилл в 20 милях к северу от Солт-Лейк-Сити. Четвертый пророк Уилфорд Вудрафф 23 сентября 1890 г., действуя по вдохновению, написал «Манифест» – документ, положивший конец многоженству среди членов Церкви. Господь показал Вудраффу в видении, что если бы практика полигамии не была прекращена, то правительство США отняло бы у Церкви все храмы и покончило с «храмовой работой для живущих и умерших». Первое Президентство, Кворум Двенадцати Апостолов и октябрьская Генеральная конференция одобрили Манифест, который впоследствии вошел в «Учение и Заветы» как «Официальное Заявление 1». После «откровения» 1890 г. власти постепенно прекратили судебные преследования мормонов [9, с. 100-101]. В начале 1893 г. республиканец президент Бенджамин Гаррисон освободил из тюрем мужчин, осужденных за нарушение антиполигамного законодательства (в общей сложности были арестованы 1 300 чел.). Подавляющее большинство мормонов признали моногамию, оставив только первых жен и их детей. Брошенные семьи оказались в очень тяжелом материальном положении.

Тысячи упорствующих защитников полигинии, многобрачников - «фундаменталистов» обвинили У. Вудраффа в предательстве фундаментальных основ мормонизма, объявив его «великим Иудой», и откололись от Церкви. «Отделившиеся мормоны» в 80-е – 90-е гг. XIX в., спасаясь от гонений, с семьями переселились в Западную Канаду и Северную Мексику. Они обосновались в 1884-1885 гг. в Чихуахуа, Соноре и других мексиканских штатах, построили города Колония Хуарес, Колония Диас и еще 7 приграничных поселений. Постепенно среди мексиканцев и местных индейцев начал распространяться мормонизм, особенно после перевода Книги Мормона на испанский язык в 1886 г. Исход «радикалов» в Мексику, где действовало более либеральное законодательство, чем в США, а также в Канаду продолжался и в первой половине XX в.

Факты свидетельствуют, что полигамия среди «Нового Израиля» продолжала суще-

ствовать и спустя много лет после упразднившего ее Манифеста. В период 1890-1910 гг. некоторые церковные начальники заключили секретные полигамные браки. Неслучайно, что будущий седьмой президент Святых Хибер Дж. Грант в 1899 г. был арестован и в суде признан виновным в «незаконном сожительстве», т.е. многоженстве. За те же деяния в 1906 г. был осужден и будущий шестой пророк Джозеф Ф. Смит. Считается, что в 1910-е – 1920-е годы перестали заключать «множественные» браки, а последний официально признанный Церковью многоженец умер в 1976 г. Энциклопедическое издание «Мормонская доктрина», неофициально одобренное в 50-е – 60-е гг. XX в. руководством Церкви Святых последних дней, подобный образ жизни не одобряет и считает полигамистов опасными еретиками: «Многоженство несущественно для спасения или возвышения... Все, кто вступает или собирается вступить в полигамный брак в наши дни, когда держащий ключи отнял власть, которой эти браки совершаются, виновны в великом грехе» [16, p. 38-39, 410]. В то же время, церковными идеологами всегда теоретически допускалась возможность восстановления «священной практики» в будущем, после «Второго Пришествия» и установления «Тысячелетнего Царства», а также признавалось существование многоженства в «духовном мире».

Противники мормонов – западные традиционные христиане и современные православные российские теологи, ссылаясь на опубликованные свидетельства людей, покинувших мормонскую организацию, утверждают, что наследие исторического многоженства все еще ощущается в Церкви. После смерти праведника и трансформации в бога мертвые женщины могут стать его женами и рожать детей – духов для заселения новых миров. Несмотря на формальную отмену полигамии, мормоны и в настоящее время теоретически являются многоженцами, поскольку признают заключенные в храмах «целестиальные (небесные) браки» между мертвыми. В современной практике усопший мужчина может быть посвящен в таинство со всеми женщинами, на которых был женат при жизни, в присутствии доверенных лиц. Недавно Церковью было принято решение, что женщине тоже позволено быть посвященной в таинство вечного брака с несколькими мужчинами, но при условии, что муж и жена уже умерли. Таинство также проводится и для покойных супругов, разведенных в земной жизни. При этом официальные церковные власти мормонов в наши дни не могут ясно объяснить, в какой форме существуют полигамные браки и полигамия в потустороннем мире.

Список литературы

1. Антоненко С.Г. Мормоны в России. Путь длиной в столетие. М.: ООО «Родина», 2007. 304 с.
2. Антоненко С.Г. Путь длиной в столетие. Формирование образа мормонов в российском общественном сознании // Родина. 2007. №8. С. 116-121.
3. Дворкин А.Л. Пророки и боги мормонов. М.: Изд-во Московской Патриархии, 1999. 56 с.
4. Дворкин А.Л. Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования.- Нижний Новгород, 2002. 554 с.
5. Девина И.В. Мормоны: философия, религия, культура. Научно-аналитический обзор. М.: ИНИОН, 1994. 42 с.
6. Кислова А.А. Религия и церковь в общественно-политической жизни США первой половины XIX в. М.: Наука, 1989. 238 с.
7. Ли Р., Хиндсон Э. Ангелы обмана. М.: «Протестант», 1994. 240 с.
8. Мартин У. Царство культов. СПб.: СП «Логос», 1992. 352 с.
9. Наше наследие. Краткая история Церкви Иисуса Христа Святых последних дней.- Б.м., 1999. 152 с.
10. Элбакян Е.С. Церковь Иисуса Христа Святых последних дней: история и современность // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. №3. 2004. С. 44-69.
11. Arrington L.J., Bitton D. The Mormon Experience: A History of the Latter-day Saints. N.Y.: Vintage Books, 1979. 404 p.
12. Bitton D., Beecher M.U. New Views of Mormon History. Salt Lake City: Univ. of Utah Press, 1987. 480 p.
13. Bowles S. Across the continent: a stage ride over the plains to the Rocky Mountains, the Mormons and the Pacific states, in the summer of 1865, with speaker Colfax.- Springfield, Mass.: S. Bowles, N.Y.: Hurd & Houghton, 1869. 436 p.

14. Colfax S. Across the continent by overland stage in 1865. Letter-April 18, 1865. 41 p. // URL:http://cdm15999.contentdm.oclc.org/cdm/ref/collection/Diaries/id/4233 (дата обращения 10.04.2017 г.)

15. Journal of Discourses 5:203; 11:268-269; 13:166; 17:224; 20:276.

16. McConkie B.R. Mormon Doctrine.- Salt Lake City: Deseret Book Co., 1966. 613 p.

17. Mormons and Mormonism: An Introduction to an American World Religion / Edited by E.A. Eliason.- Urbana: Univ. of Illinois Press, 2001. 250 p.

18. Republican Platform of 1856, 1860 // National Party Platforms. 1840-1960 / Compiled by D.B. Johnson, K.H. Porter. Urbana: Univ. of Illinois Press, 1961. 640 p.

Об авторе

Прилуцкий Виталий Викторович – доктор исторических наук, доцент, кафедра всеобщей истории, международных отношений и международного права, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, vitaliypr@yandex.ru

УДК 956.91

РАСПАД РОССИЙСКОЙ И ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИЙ: ЕДИНСТВО И ПРОТИВОПОЛОЖНОСТИ

Ранчинский В.П.

Революции начала XX в. и Первая мировая война привели к распаду четырёх империй. В статье сделана попытка анализа развала Российской и Османской империй, выявления общего и особенного анатомии разрушения двух государств.
Ключевые слова: Российская империя, Османская империя, распад империй, младотурки, национализм.

DISINTEGRATION OF THE RUSSIAN AND OTTOMAN EMPIRES: SIMILARITIES AND CONTRASTS

Ranchinskiy V.P.

Revolutions of the beginning of the XX century and World War I led to disintegration of four empires. In the article there was made an attempt to analyse the disintegration of the Russian and Ottoman Empires, to find out the general and particular in the anatomy of disintegrating two states.
Key words. Russian Empire, Ottoman Empire, disintegration of empires, Young Turks, nationalism.

В 2017 г. исполняется сто лет со времени двух русских революций – февральской и октябрьской. Они произошли в тот период Первой мировой войны, когда баланс сил стал меняться в пользу Антанты и становилось ясно, что судьба Германского блока предрешена. Основным итогом революций в России стало падение монархии Романовых и распад Российской империи. Однако, как оказалось, эти процессы происходили в контексте мирового мегатренда – распада трёх великих империй: Российской, Османской, Австро-Венгерской и государства кайзера Вильгельма II, которого английский историк Джейсон Гудвин назвал “императором без империи” [3, с. 387]. Единство исторических судеб распавшихся империй даёт основание для сравнительного анализа процесса их распада. На наш взгляд, вполне уместным является сравнение анатомии распада Российской и Османской империй, несмотря на то, что империя Романовых развалилась фактически в течение одного 1917 г., а разрушение дома Османов растянулось на десять лет и продолжалось с 1908 г. по ноябрь 1918 г., когда Турция капитулировала перед Антантой. Выбор двух этих государств для сравнительного анализа обусловлен тем, что Россию с Турцией в большей мере нежели с двумя другими империями, объединяли признаки имперскости.

Как Российская, так и Османская империи включали в своих границах части Европы и Азии. Правда, к началу XX в. Османская империя потеряла большую часть своих европейских территорий, и по мнению ряда историков, именно Россия, нанесшая поражение туркам в войне 1877-1878 гг. и освободившая от турецкого ига Болгарию, запустила скачкообразный процесс распада Османской империи [10, с. 85]. В ходе балканских войн 1912-1913 гг. её европейские владения сократились до жалких остатков. Российская империя подошла к распаду без ощутимых территориальных потерь, за исключением южного Сахалина до 50-ой параллели, Порт-Артура и Дальнего в Китае и железной дороги к ним, а также концессий в Манчжурии, которые были сугубо колониальными приобретениями. Все эти владения Россия уступила Японии по Портсмутскому миру.

Полиэтничный состав населения, которым характеризовались оба государства, как в одном, так и в другом имел государственно образующий этнос: в России это были русские, а в Турции – тюрки по крови. В Царской России цивилизация русского этноса определяла идентичность россиянина, в то время как в Турции ситуация была иной. Создавшие государство турки-османы после завоевания в 1517 г. халифата Аббасидов и включения арабов в состав своего государства подверглись мощному процессу окультуривания классической арабо-исламской культурой, которая сформировалась в IX – XII вв., задолго до создания мощного государства Османов. Арабский язык стал доминирующим среди образованной части турецкого общества, он был не только языком ислама, но и языком высокой культуры. Последний арабский халиф Аль-Мутаваккил опоясал султана-завоевателя Селима I мечом Пророка, а в Стамбул из Каира были перевезены его знамя и плащ, что символизировало передачу

султану сакральной власти халифа. Однако в общественном сознании арабской родовой аристократии турецкие султаны не являлись законными халифами, а турки первородными мусульманами, так как Аллах передал божественную истину, изложенную в Коране не тюрку, а арабу Пророку Мухаммаду. Поэтому с точки зрения образованного правоверного араба фундамент государства мусульман должен был опираться на арабов. Именно на этой основе на рубеже XIX – XX вв. стал зарождаться арабский национализм. Несмотря на эти особенности, Османская империя в своей сущности была турецким государством, лояльным к тюркской фамильной династии.

Некоторые исследователи империй считают, что одним из их признаков является тенденция к расширению их границ. Однако, как у Царской России, так и у Османской империи в начале XX в. этот признак не фиксируется, наоборот государство Османов стремительно теряло свои территории не только в Европе, но и в Северной Африке, а также в Аравии. Государство Романовых отступило на Дальнем Востоке перед натиском Японии и вело дипломатические войны с Великобританией за влияние в Персии, Афганистане и в Тибете. Уже нарастали проблемы в Королевстве польском ввиду поддержки союзниками России по Антанте стремления польской шляхты к независимости. Президент США Вудро Вильсон в своей известной программе мира, которую он привезёт на Парижскую мирную конференцию, тринадцатым пунктом включил требование предоставления Польше независимости.

Монархический характер власти накануне распада империй как в России, так и в Турции дополнялся отчуждением её от народа, что принято считать важнейшим признаком имперскости. Вместе с тем в России после революции 1905 г. рядом манифестов царя от 1905 и 1906 гг. фактически была оформлена конституционная монархия и было введено равенство всех подданных перед законом вне зависимости от сословной принадлежности, что встретило одобрение значительной части российского общества [6]. В Турции восстановление конституции, принятой в 1876 г., за сорок два года до принятия первой конституции в России в 1918 г., не привело к заметным изменениям в обществе. Её сторонники поступали, вероятно, из лучших пробуждений, однако натолкнулись на полное равнодушие общества, потому что концепция равенства всех людей перед законом вне зависимости от вероисповедования не имела смысла в традиционной исламской картине мира и лишь обрушала его. Вместе с тем, как в России, так и в Турции накануне развала империй монархии пали. В Турции она формально просуществовала почти четыре года после развала империи, до принятия Национальным собранием в 1922 г. двух законов: об отделении султаната от халифата и о ликвидации султаната. Последний султан Вахи ад – Дин сумел тайно, в больничной карете бежать из дворца на английский корабль, доставивший его в Лондон, иначе его ожидала печальная участь. Однако фактически власть султанов в Турции закончилась после дворцового переворота 1909 г., после которого султанат уже являлся отжившей декорацией, которую в 1922 г. без какого-либо сопротивления демонтировал Мустафа Кемаль.

Одним из признаков имперскости принято считать наличие централизованного бюрократического аппарата управления государством, который отрешён от национальных меньшинств и чужд их чаяниям и нуждам. Однако этот признак чрезвычайно уязвим с точки зрения верификации его реальной действительностью как Российской, так и Османской империй. В многонациональных и поликонфессиональных государствах, каковыми являлись обе империи, мы не находим бесспорных доказательств препятствий развитию национальных окраин со стороны центральных властей. На наш взгляд, на местах центральный аппарат управления дополнялся широким разнообразием форм участия туземцев в самоуправлении. Так, например, в кавказских и центрально -азиатских владениях Российской империи была внедрена, по сути, английская система косвенного управления, которая широко применялась англичанами в Индии. Как и англичане в Индии, русские селились в национальных окраинах отдельными поселениями, не мешая местному населению и не нарушая его традиционного жизненного уклада [9, с. 247, 281-282]. Центральное правительство наделяло местное самоуправление большими полномочиями. В Центральной Азии действовал “Устав о сибирских киргизах” от 1822 г., по которому туземцы, избранные в местные органы власти, приравнивались согласно “Табелю о рангах” к гражданским и военным чинам России, а трёхкратное избрание на одну из

высших должностей позволяло претендовать на дворянство. Официальное исламское духовенство получало от российского государства ежемесячное денежное содержание [1, с. 213-214; 4, с.117-118, 166-167]. В Османской империи к началу XX в. практически все не мусульманские конфессии имели юридический статус миллета (религиозной общины –В.Р.), или, по словам английского журналиста Д. Джексона, "… были организованы в независимые государства – церкви", а иностранцы, проживавшие в империи, подчинялись юрисдикции своих консулов [2. с, 85]. При последнем великом султане Абдул - Хамиде II (1876-1909) знать национальных меньшинств, в частности арабов, курдов и так называемых черкесов – переселенцев из мусульманских анклавов России и Балкан, была вовлечена во власть и обвинять турок-османов в том, что они не допускали к государственному управлению этнические меньшинства, на наш взгляд, некорректно, по крайней мере, начиная с конца XIX в. Во всех эшелонах власти государства Османов были представлены почти все народы, населявшие империю. Представители христиан и иудеев, попадая во власть, как правило, принимали ислам и становились донме. В народе их называли "перевёрнутыми", притворными мусульманами, так как в домашнем кругу многие из них сохраняли приверженность "вере отцов", однако это не являлось препятствием к занятию государственных должностей.

Сказанное выше позволяет заключить: наличие в многонациональных государствах централизованного государственного аппарата управления вовсе не является бесспорным признаком имперскости этого государства. Он может отражать в своих сущностных чертах стремление власти найти наиболее эффективные в тех или иных условиях формы реализации государственной власти. Как в Российской, так и в Османской империях в рамках отношений между титульным этносом и конфессией, с одной стороны, и этноконфессиональными меньшинствами, с другой, простирались Пакс Россия и Пакс Оттоманика, принципы устройства которых обнаруживают сходство в терпимости к инаковым. И там и там, вплоть до распада империй, мы не обнаруживаем того атомарного и группового геноцида аборигенов – автохтонов, которым сопровождалось заселение испанцами, португальцами, англичанами или немцами в юго-западной Африке, новых земель. Геноцид армянского населения Османской империи выходит за рамки Пакс Оттоманика и был порождён судорожными попытками Абдул Хамида II и младотурков сохранить разваливавшийся дом Османов.

Единство процесса распада двух империй, на наш взгляд, прослеживается также отношением к ним главных акторов мировой политики начала XX в. В начале века крупный капитал Западной Европы активно проникал в обе империи, захватывая в виде концессий различные отрасли производства и инфраструктурные проекты. Как известно, в годы Первой мировой войны экономика России была сдана в концессии Англии, Франции, США и другим её кредиторам. В Османской империи накануне войны главными концессионерами были Франция, Германия и Англия. Вступление империи в войну на стороне германского блока парализовало деятельность конкурентов немецких компаний. В ответ Англия с Францией в союзе с Россией приступили к разработке проектов расчленения азиатских владений Османской империи. Намерения и требования России по отношению к Турции были изложены перед Англией и Францией в меморандуме Сазонова, С.Д., министра иностранных дел (1910-1916). Они вызвали категорическое неприятие союзников России по Антанте, в частности её желание поставить под свой контроль Босфор и Дарданеллы, а также Палестину. Англия уже в 1915 г. искала способы остановить Россию в её ближневосточных притязаниях, о чём свидетельствуют дневниковые записи посла Англии в Париже [11].

Претензии России на Палестину как часть Великой Сирии противоречили планам Франции и между союзниками по Антанте начался отчаянный торг, который закончился в марте-апреле 1915 г. подписанием протокола о намерениях - Константинопольского соглашения о передаче России проливов и Стамбула после победы над противником [7, с. 729].

Константинопольское соглашение было вынужденной уступкой дипломатии Англии и Франции и выполнять его ни та ни другая держава не собирались. Однако в феврале 1916 г. русская армия заняла Эрзурум и Битлис и оказалась на ближних подступах к Ираку и Сирии. Союзникам России пришлось считаться с её претензиями на территориальные приобретения в Османской империи и в Петербург срочно отправился французский консул в Бейруте Жорж -

Пико и эксперт по Ближнему Востоку английского Министерства иностранных дел Марк Сайкс. В результате переговоров Россия согласилась на компенсацию своих претензий по Константинопольскому соглашению: ей пообещали передать Турецкую Армению, область Хаккяри (к югу от озера Ван – В.Р.) и часть южного побережья Чёрного моря. Арабские провинции Османской империи Англия и Франция делили между собой. Так родилось известное соглашение Сайкса -Пико, подписанное в глубокой тайне в Лондоне в виде обмена нотами 16 мая 1916 г. между Англией и Францией.

Вступая в войну, Российская и Османская империи каждая в своём блоке являлись наиболее слабым его звеном. Они отставали в своём развитии от своих союзников. Так, например, в России к началу войны, по самым оптимистичным оценкам, грамотным было не более 50 % населения страны [10, с. 106]. В Турции этот показатель оптимисты дотягивали до 10 % и не случайно английский историк Эрик Хобсбаум писал, что с точки зрения европейских либералов Османская империя "являлась самым очевидным эволюционным ископаемым" [Цит. по: 7, с. 669]. В то время как общественная жизнь уже начинала развиваться по европейскому пути, государственные институты были привержены старым порядкам, сохранявшим обветшавшие декорации, которые власть не желала снимать.

По капризу истории, во главе России и во главе Турции накануне их распада оказались государственные деятели, получившие от своих современников одинаково нелестные характеристики. В России царя Николая II назвали "царём – вешателем", а султана Абдул Хамида II "великим убийцей", при этом оба они были богобоязнены, во всех делах уповали на волю Бога. В тоже время, на наш взгляд, в государственных делах они являлись прямо противоположными личностями. По свидетельству полковника Преображенского полка Зуева, ко времени отрешения Николая II от престола его авторитет уже был уничтожен [8, с. 150]. Его ближайшее окружение характеризует его как человека безвольного, лишенного простой житейской осмотрительности, позволившего без сопротивления отнять у него трон императора. Совершенно иным был Абдул Хамид II, которого историки характеризуют как грозного властителя, весьма почитаемого подданными, "умелого дипломата с потрясающей житейской осмотрительностью" [7, с. 669-700]. В борьбе за сохранение дома Османов он не останавливался перед массовым насилием, отчаянно дрался за трон, сделав, на наш взгляд всё, что мог сделать любой другой человек на его месте. Однако его судьба мало чем отличалась от судьбы Николая II. Как известно, русский царь был расстрелян вместе со своею семьёй, а турецкому султану помогли умереть в изгнании.

Как в России, так и в Турции борьбу с самодержавием возглавила внутренняя оппозиция, представленная в большинстве своём инородцами, членами масонских лож. В России члены Четвёртой Государственной думы, поощряемые послами иностранных государств и прежде всего Англии 2 марта 1917 г. добились отречения Николая II от престола в пользу брата Михаила Александровича, так и не взошедшего на престол. В Османской империи роль тарана, который сокрушал монархию, взяла на себя военная организация "Комитет единения и прогресса", состоящая преимущественно из офицеров Третьей армии, дислоцировавшейся на Балканах. В июле 1908 г. члены этой организации вынудили султана Абдул Хамида II согласиться на восстановление приостановленной им ранее конституции 1876 г., а 27 апреля 1909 г. низложили его, заставив передать престол султана и халифа своему безвольному брату Мехмеду V, ставшему марионеткой в руках заговорщиков. Передача трона сопровождалась подписанием новым султаном исправленного варианта конституции, по которому, как в Великобритании, султан царствовал, но не правил. Государственный переворот в два шага был поддержан Англией и США, еврейскими банковскими домами, а также донме.

В России роль троянского коня сыграл генерал Алексеев М.В., начальник штаба Ставки Верховного главнокомандующего, пользовавшийся доверием Николая II, вступивший в сговор с депутатами думы Родзянко, Львовым и Гучковым. В Турции эту роль исполнили главный астролог и великий муфтий: первый убедил суеверного Абдул Хамида II, что восстановлению конституции благоприятствует расположение звёзд, а второй обосновал требования заговорщиков Священным законом [7, с. 622]. Как в первом, так и во втором случаях у монархов одним ударом выбивали из-под ног тот столп, который до этого служил их опорой.

В России силой, сокрушившей Временное правительство, созданное после отречения

Николая II от престола, были моряки Балтийского флота, той его части, которая базировалась в портах Финляндии, куда немецкая агентура доставляла крупные партии морфина, оплаченного немецким Генеральным штабом и продаваемого матросам за гроши, доставляемого в кубрики кораблей почти бесплатно.

В Турции силой, вынудившей султана отречься от трона, стали солдаты и офицеры Третьей армии, которых заговорщики привели из Македонии в Стамбул, окружили его дворец и фактически поставили перед выбором: отречение или физическая расправа над ним и его семьёй. Накануне "кто-то" предварительно вывел личную охрану султана, состоящую из албанцев, за стены дворца, оставив его лицом к лицу с заговорщиками.

После войны процесс распада обеих империй сопровождался попытками аннексии Англией, Францией и США исторических земель, вокруг которых они формировались. Эти попытки были заблокированы революциями и войнами, которые как в России, так и в Турции носили двоякий характер: гражданских и национально-освободительных. В ходе этих войн в России гегемоном революционных преобразований постимперского государства был объявлен рабочий класс в союзе с крестьянством, а официальной идеологией стал приспособленный к реалиям России марксизм, имеющий ярко выраженный классовый характер. В Турции, ввиду отсутствия организованного рабочего класса, гегемоном революции выступила часть офицерского корпуса бывшей султанской армии, сумевшая повести за собой крестьянство и горцев Центральной Анатолии. В Турции классовая идеология не могла найти себе опору в силу неразвитости самих классов и мощной философской традиции ислама, приучившей мусульманина искать объяснения всех явлений общественной, экономической и социальной жизни в Священных текстах. Поэтому пришедшие в 1908 г. к власти младотурки попытались заменить официальную идеологию Абдул Хамида II панисламизм геополитической доктриной пантюркизма, разработанную в конце XIX в. венгерским евреем Арминием Вамбери. Он появился в Стамбуле в конце 70-х гг. XIX в., изучил арабский язык, принял ислам и под именем Рашида стал зарабатывать на жизнь переводами, составлять письма, деловые бумаги по заказу частных лиц. Владея всеми европейскими языками, он приобрёл известность как полиглот и был принят на службу переводчиком в канцелярию Мехмеда Фуад-паши, министра иностранных дел Османской империи. Он быстро стал незаменим для своего патрона, возглавил его канцелярию, стал богат, получил собственный выезд с охраной, совершил хадж в Мекку и обрёл право на почётный титул "хаджи". Вероятно, в это время он был завербован британской разведкой и стал для неё ценнейшим агентом. Работая в Министерстве иностранных дел, А. Вамбери изучил персидский и тюркский языки и неожиданно для окружающих оставил службу и под видом странствующего дервиша отправился в Туркестан, куда активно проникала Россия. Он обошел с торговыми караванами все ханства Туркестана и вернувшись в Европу, стал незаменимым экспертом по Турции и Туркестану. В изданной им книге: "Путешествие по Средней Азии" он обосновал идеологическую концепцию пантюркизма, основанную на приоритете признака крови и происхождения тюркских народов. Вот её то и нашли удобной пришедшие после переворота 1908 г. к власти младотурки, отказавшиеся от панисламизма Абдул Хамида II. Однако при младотурках она, на наш взгляд, не смогла стать идеологией объединения населения распадавшейся империи, принесла больше вреда, чем пользы, так как оскорбляла арабов – исторических носителей ислама, делая их второсортными. Ситуация изменилась после навязанного Антантой Турции в октябре 1918 г. Мудросского соглашения, а затем в августе 1920 г. Севрского мирного договора, по которому она расчленялась на четыре зоны оккупации и теряла большую часть территории. Пантюркизм был использован в качестве идеологии национально-освободительного движения и его главным пропагандистом стал полусерб и полуалбанец по отцу, полумакедонец и полуалбанец по матери, Мустафа Кемаль.

Таким образом, как в России, так и в Турции распад империй сопровождался заимствованием идеологических теорий, разработанных представителями не титульных этносов. Насаждение их в качестве официальной идеологии привело в России к крайнему обострению социального конфликта, а в Турции – национальных отношений. В России марксизм так и не смог стать национальной идеей и спустя семьдесят четыре года он утратил статус государственной идеологии, в то время как в Турции пантюркизм в различных вариациях

периодически актуализируется и остаётся поныне официальной идеологией.

Подведём итоги. Революции первых двух десятилетий XX в. и Первая мировая война проверили на прочность все существовавшие в то время империи и ни одна из них не выдержала испытаний – все они развалились.

Османская империя, вступившая в войну на стороне немецкого блока рассчитывала, что после войны турецко-германский союз станет доминирующим фактором на Ближнем Восток. Однако эти планы шли в разрез с планами Англии, Франции и России. Последняя видела в начавшейся войне шанс реализовать свою мечту, овладеть зоной проливов Босфора и Дарданелл и обеспечить себе выход из Чёрного моря в Средиземное и Мировой океан. Однако война разрушила планы обеих империй: слабые экономики России и Турции не выдержали бремени военных расходов и империи начали распадаться. Помимо военного бремени империи разрушались изнутри. В Османской империи антиосманским внутренним фактором стал партикулярный национализм, концепция которого была враждебна принципам династической многонациональной империи. Поощряемый Западом, национализм сначала стал болезнью дома Османов и апогеем его стали Балканские войны и восстание арабов Хиджаза под руководством шерифа Мекки Хусейна аль-Хашими. Россия в то время поощряла национализм балканских народов, но уже через несколько лет столкнулась с таким же партикулярным национализмом в Польше, Прибалтике, в Украине и в Закавказье. От империй стали отпочковываться моноэтнические образования, ставшие позже независимыми государствами.

В постимперских Турции и России пришедшие к власти силы добивались восторженного признания населением их заслуг в деле спасения Отечества. В Турции на пьедестал истории был поднят М. Кемаль, получивший почётные титулы “газзи” (воин ислама - В.Р.) и “Ата тюрк” (Отец тюрков – В.Р.), в России на пьедестале оказались вожди большевиков. Как в Турции, так и в России это привело к культивированию культа вождя, мнение которого считалось единственно верным. Как Турция, так и Россия, исчезнув как империи, выстояли в гражданских войнах и иностранной интервенции и возродились республиками. Они сохранили определённую степень преемственности между республиками и империями, сохранив турецкое и русское по сути государства, и объединили в своей новой светской идентичности традиционные культуры Востока и Запада.

Список литературы

1. Арапов Д.Ю. Императорская Россия и мусульманский мир. М., 2006.
2. Джексон Д. Послевоенный мир. М., 1937.
3. Джейсон Гудвин. Величие и крах Османской империи. Властители бескрайних горизонтов. М., 2012.
4. Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика). Составитель Д.Ю. Арапов. М.,2001.
5. Лорд Кинрос. Расцвет и упадок Османской империи. М., 1998.
6. Российская империя. Конституция России. [Электронный ресурс] http: //www.rusimpire.ru/ronstitutsiya-rossii. html
7. Финкель Кэролайн. История Османской империи. Видение Османа. М., 2005.
8. Шестопалов П.И. Настроения офицеров 1-й гвардейской “Петровской “ бригады между февралём и октябрём 1917 года //Вестник Брянского государственного университета № 1(3) 2017.
9. Чиркин С.В. Двадцать лет службы на Востоке. Записки царского дипломата. М., 2006.
10. Яковлев Е. Война на уничтожение. Что готовил Третий рейх для России. С. Пб., 2017.
11. [Электронный ресурс] https // regnum.ru//news/polit/2257316. html
12. [Электронный ресурс] http: //www.poliglots.ru//articls/vambery. html

Об авторе

Ранчинский Виктор Павлович – кандидат исторических наук, первый заместитель директора института филологии, истории и мировой политики, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, vpr_1949@ mail.ru

УДК 94(410+100)"1914/19"

ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА ВОЙНЫ И ВРАГА В БРИТАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ ДОВОЕННОЙ ЭПОХИ

Селиверстов Д.М.

В статье рассматривается английская беллетристика конца XIX - начала XX вв., как один из видов пропагандистской литературы, и её влияние на создание образа врага и войны в британском общественном мнении.
Ключевые слова: Пропаганда, беллетристика, Великобритания, литература.

THE FORMATION OF THE IMAGE OF WAR AND THE ENEMY IN BRITISH SOCIETY PRE-WAR ERA

Seliverstov D.M.

The article deals with English literature of the late XIX - early XX centuries, as one type of propaganda literature, and its influence on the creation of enemy images and war in the British public opinion.
Keywords: Propaganda, fiction, United Kingdom, literature.

В конце XIX в. – начале XX в. произошло изменение баланса сил на Европейском континенте. Столкновение имперских интересов Германии, начавшей проводить активную колониальную политику, и англичан, уже привыкших к владению огромными территориями и получавших от этого определенные выгоды, породило соперничество этих стран. Проникновение немцев в начале XX века на территории Ближнего Востока и Африки не могло остаться незамеченным среди передовых колониальных европейских держав: Великобритании и Франции. Более того, особое опасение вызывала у англичан немецкая программа по строительству военно-морского флота, начатая немецким адмиралом Альфредом фон Тирпицем, которого по праву считают создателем «Большого флота» Германии, еще в конце XIX века, и к началу XX достигшая определенных успехов. Эти и многие другие причины стали основными для противостояния Англии и Германии в конце XIX начале XX вв. и превратились в основополагающий мотив английской пропаганды.

Интересным феноменом довоенной Британии стало появление и стремительное развитие «паникерской (алармистской)» художественной литературы. С последней трети XIX века в Великобритании наблюдается расцвет бульварной беллетристики, в которой затрагивались весьма специфические темы. Можно выделить четыре направления в английской антигерманской литературе. Первое из них характеризуется как шпионско-патриотическое», к работам этого направления мы можем отнести романы У. Ле Кё, У. Вуда, А. Кёртиса. Они являются классическими образцами жанра и, именно эти произведения ввели понятие «шпионская лихорадка» в массовый обиход. Второе направление было сосредоточено преимущественно на последствиях возможной победы Германии и оккупации Великобритании. Это книги Г. Х. Манро, Э. Олдмидоу и другие. Представители третьего направления искали альтернативного врага для Британии, в меньшей степени указывая на Германию, например, Л. Трейси, М. Пембертон и др. Создатели четвертого направления пытались детально предсказать и показать, какой будет предстоящая война, каких бедствий стоит ожидать населению всей Европы. Это предсказания К. Эйзенхарта, Г. Уэллса, И.С. Блоха и другие.

Военная беллетристика приобрела огромную популярность, начиная с публикации в журнале «Blackwood`s Edinburgh Magazine» [1] в мае 1871 г. рассказа подполковника сэра Джорджа Чесни «Сражение при Доркинге: воспоминание добровольца», где в художественно-фантастической форме описывалось применение технических новинок в войне Англии против иностранных захватчиков – немцев. Рассказ стал родоначальником нового популярного жанра в английской литературе, так называемого «романа вторжения» (invasion novel).

Целью Д. Чесни было показать, что британское правительство перестало заботиться о военно-морском флоте. Влияние романа на социальную и политическую обстановку в стране было огромным. Во-первых, «Сражение при Доркинге» спровоцировал появление множества изданий, явившихся непосредственным откликом на события, описанные в рассказе Д. Чесни. Одни из них были полемическими и касались политических причин и последствий воображаемого поражения

Англии. Другие же представляли собой прямые литературные продолжения произведения «Битвы при Доркинге». Во-вторых, тема военного вторжения в Англию сразу же была с энтузиазмом подхвачена английскими литераторами, которые принялись изобретать собственные сценарии падения Британской империи.

Начиная с 90-х годов XIX в., появилось огромное количество «пророческих» романов, где главным врагом выступала исключительно Германия.

Одним из самых первых «пророков», предсказывающих возможную войну, был Хэдон Хилл. Его роман «Шпионы из Уайта» [2, p. 120] (1899 г.) основан на зловещих махинациях немецких шпионов, направленных против Великобритании. Роман стал первым из большого числа произведений о вымышленных ожиданиях будущей англо-немецкой войны.

В романе А. Кёртиса «Новый Трафальгар» (1902 г.) в отсутствие «флота Ла-Манша» Германия нанесла молниеносный военно-морской удар по Великобритании. К счастью, у Королевского флота был в запасе «убойный» линкор, который и выиграл битву [2, p. 129-139]. В известном рассказе Эрскина Чайлдерса «Загадка песков» (1903 г.) герои Каррутерс и Дэвис случайно находят доказательства существования немецкого плана, согласно которому большое число мореходных лихтеров, битком набитые солдатами, должны пересечь Северное море в сопровождении Имперского военно-морского флота и одновременно атаковать английские берега [3, p. 248]. Эти и подобного рода произведения красочно описывали происки немецких шпионов и воображаемые операции немецкой армии и флота на территории Британской империи.

Возможно, самым известным и популярным из всех вымышленных немецких вторжений того времени являлся бестселлер Уильяма Ле Кё «Вторжение 1910», впервые опубликованный в «The Daily Mail» в 1906 году и сначала издававшийся частями. Сюжет книги сводится к успешному вторжению сильной сорокатысячной армии Германии в Англию, сопровождавшемуся такими ужасами, как сражение при Ройстоне и бомбардировка Лондона [4]. Завершается роман поражением захватчиков.

С 1907 г. в «пророческих» историях появляется интересная сюжетная линия. Если раньше англичане сами могли справляться с атаками врагов, то теперь на помощь Британии приходят союзники (в 1907 году окончательно оформился блок Антанта). В романе Р. Коула «Смертельная ловушка» [5] (1907 г.) ими стали японцы, которые приходят на помощь британцам после того, как кайзеровский «отряд вторжения» высадился на остров. Книга А. Доусона «Послание», изданная в 1907 году, была одним из первых произведений, в котором англичане потерпели поражение, что привело к оккупации, репарациям и потере нескольких колоний. В книге А. Доусона важно было то, что враг находился как на территории Великобритании, так и вне её. Оказывается, что еще до нападения тысячи немецких иммигрантов действовали как сборщики информации, таким образом, «немецкая армия знала все вплоть до расположения стогов сена, которые лежали в качестве «корма» между Лондоном и побережьем» [6].

В 1905 г. тема немецких шпионов в Британском королевстве была затронута в романах «Производитель истории» Эдварда Филлипса Оппенхейма и Уальтер Вуд, в книге «Враг среди нас» (1906 г.). В этих книгах появляется идея о существовании немецких комитетов секретных приготовлений, тайно закладывающих основу для государственного переворота в Лондоне. В английской литературе и прессе существовали многочисленные вариации на тему германских шпионов, а мнение о «шпионской лихорадке начала XX века» кажется вполне оправданным. В 1909 году был издан, возможно, самый известный роман У. Ле Кё «Шпионы Кайзера», в котором автор высказал мнение о возможном существовании секретной сети немецких шпионов в Великобритании [7].

У тех, кто пытался визуализировать будущую войну, было два желания: продать экземпляры книг или газет читающей публике и продвинуть в массы идеи об особом политическом представлении.

После того, как англо-бурская война закончилась, стала ощутима нехватка фактических новостей, которые могли бы вернуть интерес британских читателей. У. Ле Кё и его коллеги предоставили прессе «вымышленные» замены. Поэтому «романы вторжения» и патриотические фантазии о вымышленных войнах выполняли двойную задачу. С одной стороны, они являлись своего рода искусственными литературными заменителями военных сводок и, таким образом, обеспечивали постоянный интерес и увеличение количества потенциальных читателей. С другой стороны, доступная военная беллетристика, публикуемая на страницах массовых изданий, наряду с правительственными и чисто пропагандистскими материалами, являлась важным инструментом для

внедрения соответствующих политических идей в общественное мнение, доверие которого к прессе в Англии было традиционно высоким.

Выбор немцев в качестве одного из основных врагов не случаен. Германия в конце XIX – начале XX вв. представляла собой развивающуюся империю, способную составить конкуренцию любой европейской стране. Растущее экономическое влияние, активное усиление военно-морской мощи, привлекала к ней взгляды всех мировых держав. Неудивительно, что именно Германия стала главной целью английской пропаганды.

Не все «пророки» войны ожидали, что она будет именно между Англией и Германией. До 1900 года фактически мало кто в этом жанре видел Германию в качестве главного врага Великобритании. С поразительной дальновидностью контр-адмирал П. Коломб в своем рассказе «Великая война 189-», опубликованном в 1891 году в иллюстрированном еженедельнике «Black and White» («Черное и белое»), описывает воображаемую войну на Балканах, в которую втягиваются континентальные державы – блок Германии и Австро-Венгрии против России и Франции. Англия оставалась нейтральной страной, но в ходе военных действий вступает в войну против Франции [8].

В романе Луи Трэйси «Последняя война» [9] (1893 г.) Германия и Франция тайно замышляют вторгнуться в Великобританию, но немцы переходят на британскую сторону, и Париж терпит поражение от лорда Робертса. Таким образом, налицо успех объединенных войск англосаксов. У. Ле Кё начал свою карьеру в качестве франкофоба и русофоба, но не германофоба. Его работа «Отравленная пуля» (1893 г.) говорит о русском и французском вторжении в Великобританию. В более позднем романе У. Ле Кё «Опасность Англии: история секретной службы» в роли злодея выступает начальник французской Секретной службы Гастон Ла Туш [10, p. 68]. Англо-бурская война способствовала появлению большого числа подобных антифранцузских историй.

Следует подчеркнуть, что многие современники считали шпионские рассказы просто смехотворными. Одной из лучших сатирических работ является книга П. Г. Вудхауса «Налет! или, как Кларенс спас Англию: рассказ о большом вторжении» (1909 г.), в котором страна одновременно наводнена немцами, русскими, швейцарцами, китайцами. Здесь идея немецкого вторжения стала столь банальной, что на плакате продавца газет можно было прочесть следующее:

«ПРОБЛЕМА
СУРРЕЯ.
НЕМЕЦКАЯ АРМИЯ
ВЫСАЖИВАЕТСЯ В АНГЛИИ» [11, p. 313-323].

В сатирической беллетристике конца XIX- начала XX вв. Первую мировую войну ожидали, но все-таки отказывались верить в её возможность, поэтому и искали различные уловки для осмеяния потенциального конфликта. Авторы не могли сойтись в едином мнении, хотя это и не было обязательным: кто развяжет войну, и кто на чьей стороне будет выступать. Британия против всей Европы, или только против Германии, а может главным врагом станет Франция? Активная роль в подобных сатирических романах отводилась шпионам. Именно они могли добыть нужную информацию для своего правительства и стать главными героями своей страны.

Существовал целый ряд авторов, которые не отрицали возможной трагедии с разрушительными последствиями для европейского континента. Известный английский писатель Герберт Уэллс в романе «Война в воздухе» [12] (1908 г.), изображает апокалипсис, в результате которого европейская цивилизация будет уничтожена.

В Европе высокий общественный резонанс (как в Британии, так и во всём мире) вызвала книга варшавского финансиста Ивана Станиславовича Блоха. В работе «Война теперь невозможна?» (1899 г.) им был дан самый подробный и наиболее точный прогноз будущей войны. Он утверждал, что главная европейская война будет беспрецедентна в своем масштабе и разрушительном действии по трем причинам [13, p. 36]. Во-первых, военная техника изменила природу войны в том отношении, что она исключала быструю победу нападавшего. Во-вторых, увеличение размера европейских армий означало, что любая война вовлечет в борьбу десять миллионов солдат, разбросанных по огромному фронту боевых действий. «Таким образом, показатели смертности будут очень высокими, а следующая война будет долгой войной», [13, p. 37] утверждал И.С. Блох. В-третьих, экономический фактор станет доминирующим и решающим элементом в вопросе. Разрушение торговли затронет поставку продовольствия в те страны, которые не смогут себя обеспечивать; возникнут колоссальные финансовые трудности, нехватка рабочих рук и, в

конце концов, социальная нестабильность.

Работа И.С. Блоха разительно отличалась от того, о чем писали представители «алармистского» (паникерского) направления. Он был прав в том, что европейская война будет ужасной, но и немного ошибся, считая, что ключевыми, решающими факторами в её начале станут лишь экономика и социальная нестабильность европейских стран.

Работы писателей и публицистов конца XIX – начала XX вв. вызвали широкий общественный резонанс, в том числе и в правительстве Великобритании. Они ускорили реализацию решений власти о совершенствовании разведывательных служб. Такие писатели, как У. Ле Кё, сыграли чрезвычайно важную роль в создании современной британской разведывательной службы, а именно, «Бюро Секретной службы» МО (t) (позже МО 5 (g)), «Специальной Части Управления Военного министерства Военных операций и Разведки» (предшественник МИ5) [14, p. P. 355-65] во главе с полковником Джеймсом Эдмондсом (который позже стал автором британской официальной истории Западного Фронта) и капитаном Вреноном Келлем (капитан «К»). Секретные службы Великобритании обратили внимание на множество работ писателей-фантастов и сами перешли к активным действиям в поиске и поимке шпионов. Таким образом, ранее казавшиеся нереальными романы публицистов дали толчок к развитию не только разведывательных учреждений, но и привлекли внимание правительства Великобритании к проблеме войны, хотя раньше беллетристика воспринималась правительством с огромной долей иронии.

Английской беллетристике довоенной эпохе удалось сформировать в умах британцев образы возможной войны, которая по количеству жертв и своему размаху будет превосходить все ранее известные столкновения. Более того, писатели- «паникеры» смогли показать явного и ранее неизвестного для Британии врага – Германию. Беллетристам удалось создать картину возможных военных событий и их исхода, как для Великобритании, так и для всего европейского континента. Во многом благодаря усилиям беллетристов, английскому обществу было проще воспринимать антигерманскую пропаганду периода войны.

Список литературы

1. Chesney G.T. The Battle of Dorking. L., 1914. 60 p.
2. Clarke I. The Tale of the Next Great War, 1871-1914: Fictions of Future Warfare and of Battles Still-to-Come. Liverpool, 1995. 382 p.
3. Childers E. Riddle of the Sands, P. 248. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gutenberg.org/ebooks/2360 (дата обращения: 19.10.2015).
4. Le Queux W. The Invasion of 1910.L., 1906. 165 p.
5. Cole R. W. The Death Trap // The Great War with Germany, 1890-1914: Fictions and Fantasies of the War-to-come. Liverpool: Liverpool University Press, 1997. P. 167- 177.
6. Dawson, A. J. (Alec John). The Message. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://archive.org/details/messagedawson00dawsiala (дата обращения: 15.09.2015).
7. Le Queux Spies of the Kaiser. N. Y., 2013. 198 p.
8. Подробнее см.: The Great War of 189-. L., 2002. 332 p.
9. Tracy L. The Final War. N. Y., 1896. 511 p.
10. Andrew C. Secret Service: The Making of the British Intelligence Community. L.: Heinemann, 1985. 516 p.
11. Clarke I. Great War with Germany, 1890-1914: Fictions and Fantasies of the War-to-Come. Liverpool, 1997. 448 p.
12. Уэллс Г. Война в воздухе. М., 1964. 152 с.
13. Bloch I.S. Is War Now Impossible? Being An Abridgment Of The War Of The Future In Its Technical, Economic, And Political Relations. L., 1899. 468 p.
14. French D. Spy Fever in Britain 1900-1915 // Central European History. Vol. 21., L., June 1978. Pp. 355 – 370.

Об авторе

Селиверстов Дмитрий Михайлович – ассистент кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, dmseliverstov@mail.ru

УДК 93/94

БРАЧНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И В ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Трошина Д.В.

В статье дается сравнение Свода законов Российской Империи и Германского гражданского уложения в части брачного законодательства. Затрагиваются вопросы заключения и расторжения брака, правового положения детей. Прослеживается процесс постепенной либерализации брака.
Ключевые слова: брак, брачное законодательство, правовое положение детей, развод, имущественные отношения.

MARRIAGE LEGISLATION IN THE RUSSIAN EMPIRE AND IN THE GERMAN EMPIRE AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY:COMPARATIVE ANALYSIS

Troshina D.V.

There is a comparison of the marriage paragraphs in the law codes in the Russian and Germany in article. Besides it raises the questions of a marriage, a divorce, a legal status of children in the family. Continuous liberalization of marriage institution is traced.
Keywords: marriage, marriage legislation, children's family status, divorce, property relations.

В начале XX века российское общество оказалось перед лицом острых социальных и экономических проблем, на фоне которых семейные и демографические вопросы выглядели не самыми главными. Но всё-таки и на эту сторону народной жизни обращали внимание.

Традиционная модель всеобщих и ранних браков начала постепенно приспосабливаться к новым условиям и новым взглядам на семейную жизнь. Тон изменениям в брачной модели задавали крупные города и образованные слои населения [1, с.178].

В XIX – начале XX вв. вопросами семейной политики интересовались ученые – правоведы, историки, философы, писатели, церковные, общественные и государственные деятели: А.И. Загоровский [2], Г.Ф. Шершеневич [3], Д.И. Мейер [4], К.А. Неволин [5], В.И. Синайский [6] и многие другие.

Вопросам регулирования семейных отношений уделяется внимание и в работах современных обществоведов. Так, правовому регулированию семейных отношений в указанный период посвящены труды А.М. Нечаевой [7], М.В. Антокольской [8], Н.С. Нижник[9]. Тем не менее, этот период остается одним из наименее разработанных.

Целью работы является изучение начавшегося процесса изменения брачного законодательства в Российской Империи в исторических условиях начала XX века.

Основным законодательным документом, регулирующим семейные отношения в дореволюционной России, являлся «Свод законов Российской империи». Статьи, регламентирующие брачно-семейные отношения, содержались в первой книге X Тома Свода законов Российской империи — «Своде законов гражданских» [10]. Книга содержала следующие разделы: «О союзе брачном», «О союзе родителей и детей и союзе родственном», «Об опеке и попечительстве в порядке семейственном». Некоторые положения, регулировавшие имущественные отношения в семье, содержалась в третьей книге «Свода законов гражданских» – «О порядке приобретения и укрепления прав на имущество в особенности».

Законодательство Российской Империи, в отличие от западноевропейского, причислявшего брак к институтам гражданского права, смотрело на брак как на акт религиозный по преимуществу [2, с.6], в силу чего и регулирование его в важнейших вопросах отдавало в руки того вероисповедания, к которому принадлежали супруги [10, Т.10, ст. 31]. Такая ситуация облегчала задачу законодателя при контроле брака, однако создавала немало трудностей супругам при смешанных браках, внося разнородность по самым основным вопросам брачного права.

Одним из главных условий совершения брака было достижение брачного возраста для мужчин – 18 лет, для женщин – 16 лет [10, Т.10, ст.3]. Закрепление брачного возраста в законе было необходимо ввиду физических (рождение детей) и моральных целей брака, т. е. для того, чтобы можно было предположить в брачующихся ясное сознание и свободную волю при решении вопроса о браке [11, с.409].

Схожие процессы изменения законодательства в области семейного права проходили в Германской Империи. В институтах брака и семьи в Германии в полной мере были отражены патриархально-консервативные черты, характерные для буржуазного уклада жизни германского общества. Однако определенные изменения происходили в сфере имущественных отношений супругов, общий вектор которых можно определить как медленное движение от режима общности к установлению раздельного режима собственности супругов.

1 января 1900 г. вступил в силу новый Гражданский кодекс – «Германское Гражданское уложение» [12].

Четвертая книга Уложения - «Семейное право» - закрепляла нормы брачно-семейного права, в том числе о заключении и расторжении брака, имущественных отношениях супругов, правовое положение детей. Признавая законным только гражданский брак, закон допускал и церковный брак. Мужчина мог вступать в брак при достижении 21 года, женщина – 16 лет [13, с.44]. Заключение брака до достижения совершеннолетия было возможно только после разрешения родителей (для законных детей – разрешение отца, для незаконных – матери). Обоюдное согласие необходимо было заявить перед чиновником органа регистрации гражданского состояния.

В Российской Империи важным условием, необходимым для вступления в брак, являлось умственное здоровье. Статья 5 «Свода законов гражданских» гласила: «Запрещается вступать в брак с безумными и сумасшедшими» [10, Т.10, ст.5].

Вне зависимости от возраста, для вступления в брак необходимо было заручиться согласием родителей, опекунов или попечителей [10, Т.10, ст.6]. Таким образом, законодатель стремился соединить две противоположных традиции: сохранить свободное волеизъявление брачующихся и дать в то же время место для участия в заключении брака воле родителей. В силу этого в статье 12 Свода было зафиксировано: «Брак не может быть законно совершен без взаимного и непринужденного согласия сочетающихся лиц; посему запрещается родителям своих детей и опекунам лиц, вверенных их опеке, принуждать к вступлению в брак против их желания» [10, Т.10, ст.12].

По закону также существовали ограничения в числе повторных браков. Брак одним человеком, по прекращении предшествующего, мог быть заключен не более трех раз. Статья 21 Свода законов гласила: «Запрещается вступать в четвертый брак» [10, Т.10, ст.21].

В Своде законов не предусматривался и, более того, осуждался гражданский брак: «Гражданский брак у нас до сих пор не дозволен, и те невенчанные связи, которые под этим названием все более и более умножаются в обществе, закон считает греховными и преступными, а живущих в них лиц – «явными прелюбодеями» [14, с.211].

Всеми бракоразводными делами ведала церковь. Расторжение брака могло быть произведено только «формальным духовным судом» по просьбе одного из супругов: в случае доказанного прелюбодеяния или неспособности к брачному сожитию, в случае приговора к наказанию с лишением всех прав, в случае безвестного отсутствия другого супруга [10, Т.10, ст.45].

Поскольку брак не мог быть расторгнут по взаимному согласию, обвинение в измене давало единственную возможность для развода путем дачи ложных свидетельских показаний [15, с.90-94].

Действительный брачный союз мог быть прекращен только физической смертью, и данное представление отразилось и в законе: «Брак прекращается сам собою через смерть одного из супругов» [10, Т.10, ст.43]. При этом «по смерти одного из супругов, оставшийся в живых может вступить в новый брак, если нет законных к тому препятствий»[10, Т.10, ст.44].

В Германии условиями расторжения брака для обеих сторон выступали прелюбодеяние, злонамеренное оставление одного супруга другим, грубое нарушение брачных обязательств, развратное поведение, жестокое обращение с супругом, безнадежная душевная болезнь [16, с.535] и др.

В XIX в. только после длительной и дорогостоящей процедуры можно было расторгнуть брак, поэтому добиться развода могли только представители обеспеченных слоев.

Дети до совершеннолетия находились под отцовской властью, они должны были помогать ему по хозяйству и его мнение было всегда окончательным [17, с.234]. Внебрачные дети считались законными только по линии матери, формально с отцом их ничего не связывало, но, тем не менее, в соответствии с §1708 Гражданского уложения, он должен был обеспечивать их до

16-летнего возраста в соответствии с социальным положением матери [18, с.52-57].

Вторую половину XIX в. в Европе можно назвать символической точкой отсчета развития мер общественной помощи семьям, когда семья «стала рассматриваться не как частный, а как общественный вопрос, решение которого требует государственного вмешательства» [19, с.72].

Именно тогда стали появляться первые детские дошкольные образовательные учреждения, в которых дети могли проводить весь день, пока их мамы были на работе, а также впервые были назначены детские пособия отдельным категориям семей. Государственное финансирование детских садов в Европе начинается с 1870-х гг.[20, с.106]. Первый детский сад в Германии появился в 1840 году.

В России к началу XX в. некоторые правоведы стали полагать, что семейные отношения в значительной степени публичны. «Содержание отношений семейных в большинстве случаев дано самой природою, веления которой право только освещает и приноравливает к потребностям общества: в виду особой важности отношений семейных для общежития, предписания права, касающиеся их, имеют характер абсолютных, неизменных по частному произволу, норм, в противоположность отношениям имущественным, где частная автономия имеет полный простор. Поэтому нормы семейного права заключают в себе в значительной степени элемент публичный, тогда как нормы права имущественного запечатлены характером приватным» [2, с.3].

Однако историки права полагали, что семейные отношения «по существу своему чужды сфере гражданского права» [4, с.86].

Совместное проживание супругов в дореволюционной России, как гарант сохранности брака, строго контролировалось: их раздельное проживание при отсутствии для этого законных оснований, равно как и написание договоров, предусматривающих раздельное проживание, запрещалось [10, Т.X, ст. 103, 1529, п. 1]. В этом вопросе российское законодательство было самым жестким в Европе.

Имущественные отношения супругов были построены на началах раздельности, поэтому заключение брака не влекло за собой установления общности супружеских имуществ [10, Т.10, ст.109] (каждый из супругов сам распоряжался своей собственностью [10, Т.10, ст.114]). Супруги могли брать кредит друг у друга [10, Т.10, ст.117], передавать свое имущество друг другу [10, Т.10, ст.116], однако, чтобы распоряжаться имуществом другого супруга, надо было иметь акт, удостоверяющий право делать это [10, Т.10, ст.115].

Полная имущественная независимость супругов была новаторством, и в этом вопросе русское законодательство опережало европейское [4, с.86].

Несмотря на кажущуюся статичность (некоторые положения сохранились с Соборного уложения 1649 г.) русское семейное право эволюционировало, и важность необходимых изменений осознавалась, в том числе и правительством. Некоторые правоведы также заявляли о необходимости реформирования брачного права. Для этого имелись все возможности, однако помешала начавшаяся Первая мировая война.

Примером может служить проект закона, упомянутый А.И. Загоровским в своей книге [2, с.156], предлагавшего разрешить раздельное проживание супругов. Согласно проекту супруги могли жить порознь в случаях жестокого обращения, тяжких оскорблений, некоторых болезней, развратной жизни, пьянства и мотовства одного из супругов.

Все сказанное позволяет сделать некоторые выводы о брачном законодательстве России и Германии начала XX в. Вопросам семейной политики уделялось большое внимание, к их обсуждению были привлечены лучшие умы своего времени – виднейшие ученые и мыслители, а не только государственные деятели. В Российской империи семейную жизнь регулировали два института, поддерживавших традиционные семейные ценности: Церковь регулировала личные отношения, а государство – имущественные. В Европе семейные отношения уже полностью были подчинены гражданскому регулированию.

Разделение обязанностей между супругами было четко прописано. Разделение ролей внутри семьи соответствовало традиционным представлениям. Родители имели широкие права и значительные обязанности по отношению к детям. Однако необходимо отметить, что закон, и в России, и в Германии, старался поддерживать наименее защищенных членов семьи – женщин и детей, как в имущественном, так и в моральном плане.

Хотя дореволюционное русское законодательство в целом отставало от западноевропейского, в некоторых вопросах (например, право распоряжаться собственным имуществом в браке) оно опережало его [21, с.63].

В результате к началу XX в. брачное законодательство Российской империи сохранило в нетронутом виде строгую нравственно-религиозную основу законов о личных отношениях супругов, а либеральные правоведы добились множества уступок в сфере их имущественных отношений. Рост имущественных прав повлек за собой увеличение прав личности, но к началу XX в. этот процесс только начинался.

Список литературы

1. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII—начало XX в.). В 2 т. СПб, 2003. 548 с.
2. Загоровский А.И. Курс семейного права. Одесса, 1909. 554 с.
3. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М, 1911. 851 с.
4. Мейер Д.И. Русское гражданское право. По исправленному и дополненному 8-му изд., 1902. М, 2003. 831 с.
5. Неволин К.А. Полное собрание сочинений. Т.1. Энциклопедия законоведения. С-Пб, 1857. 534 с.
6. Синайский В. И. Русское гражданское право. (Пособие к изуч. т. 10, ч. 1 и сенат. практики). Киев, 1912. 427 с.
7. Нечаева А.М. Семья и закон. М, 1980. 161 с.
8. Антокольская М.В. Семейное право: Учебник. М, 2002. 336 с.
9. Нижник Н.С. Правовое регулирование брачно-семейных отношений в контексте эволюции государственно-правовой системы России (IX - XX вв.). Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. СПб, 2003. 492 с.
10. Свод законов Российской империи (СЗРИ). СПб, 1899. Т. X. Свод законов гражданских. 385 с.
11. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов-на-Дону, 1995. 800 с.
12. Гражданское уложение Германии (ГГУ) от 18.08.1896 [электронный ресурс] // http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=55851#0 (дата обращения: 29.01.2017)
13. Зидер Р. Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе. М, 1997. 301 с.
14. Шашков С.С. Очерк истории русской женщины. СПб, 1872. 370 с.
15. Трохина Т.Б. «Пикантные ситуации»: некоторые размышления о разводе в Росси конца XIX в. // Семья в ракурсе социального знания. Барнаул, 2001. 272 с.
16. Графский В.Г. Всеобщая история права и государства. М, 2007. 752 с.
17. Цвайгерт К., Кётц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. М, 2000. 480 с.
18. Савельев В.А. Гражданский кодекс Германии (история, система, институты). М, 1994. 96 с.
19. Зубченко Л.А. Семейная политика во Франции // Актуальные проблемы Европы. М, 2009. 92 с.
20. Синица А.Л. Труд по уходу за детьми дошкольного возраста: сочетание домашней и общественной форм. М, 2012. 224 с.
21. Синица А.Л., Королева М.В. Законодательные основы брачно-семейных отношений в Российской империи в начале XX века // Православный экономический вестник «Приход». М, 2011. 68 с.

Об авторе

Трошина Дарья Владимировна – аспирант, кафедра отечественной истории, Брянский государственный университет имени академика И.Г.Петровского

УДК 94(47).084.6

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ БУДУЩЕЙ ВОЙНЫ В 1930-Х ГОДАХ: НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКИХ, ФРАНЦУЗСКИХ И ЯПОНСКИХ ВОЕННО-ТЕОРЕТИЧЕСКИХ РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В СССР

Черниловский А.А.

В статье анализируются работы некоторых английских, французских и японских военных теоретиков, переведенные на русский язык и опубликованные в СССР в 1930-х годах, оценивается, насколько сделанные авторами этих работ прогнозы оказались адекватными той реальности, в которой шла Вторая мировая война. Автор статьи приходит к выводу, что невозможно предвидеть ход боевых действий в будущей войне, невозможно предвидеть научно-технический прогресс, развитие военной техники.

Ключевые слова: прогнозы, военные теоретики, Вторая мировая война, профессиональная армия, стратегические бомбардировщики, танки, артиллерия, пехота, танковое сражение, химическое оружие.

THE PREDICTING OF THE FUTURE WAR IN THE 1930-IES: ON THE MATERIALS OF ENGLISH, FRENCH AND JAPANESE MILITARY-THEORETICAL WORKS PUBLISHED IN THE USSR

Chernilovsky A.A.

The works of some of the English, French and Japanese military theorists, translated into Russian and published in the USSR in the 1930s are analyzed in the article. It is estimated the forecasts made by the authors of these works and how much they were adequate to that reality, in which there was the Second World War. The author concludes that it is impossible to foresee the course of the combat operations in the future war, it is impossible to anticipate the scientific and technological progress and the development of the military equipment.

Key words: the forecasts; the military theorists; The Second World War; the professional army; the strategic bombers; the tanks; the artillery; the infantry; the tank battle; the chemical weapon.

В 1930-х гг. военным всех стран было очевидно приближение новой мировой войны, создавались прогнозы ее хода и последствий. Такие прогнозы создавали и советские военные мыслители, но наряду с этим в 1930-х годах было переведено на русский язык и издано в СССР большое количество переводной военно-теоретической и военно-публицистической литературы, в которой идет речь о будущей войне. Разумеется, взгляды «буржуазных» военных теоретиков в Красной армии оценивались весьма критически, но все же их работы оказали определенное воздействие на формирование представлений советских военных о надвигающейся войне.

Цель настоящей статьи заключается в том, что проанализировать предвидение Второй мировой войны в работах английских, французских и японских военных авторов, опубликованных в СССР в 1930-х гг. и оценить, насколько прогнозы этих авторов соответствовали той действительности, в которой шла Вторая мировая война.

Появление танковых войск, начавшаяся моторизация пехоты породили в межвоенный период концепцию малочисленной, но высокомеханизированной и хорошо вооруженной профессиональной армии. Сторонники этой концепции не предлагали отказаться от всеобщей воинской повинности, но полагали, что формируемые на ее основе многомиллионные пехотные массы отойдут на второй план перед добровольно-контрактными танковыми и моторизованными дивизиями, своего рода гвардией XX века.

Автором этой концепции был английский военный теоретик Джон Фуллер. Летом 1933 г. в СССР вышла его работа «Операции механизированных сил».

По словам Фуллера, он пытается набросать контуры новой теории войны, которую вызвал к жизни двигатель внутреннего сгорания [10, с. 5]. Фуллер начал с нелепого утверждения, что появление танка якобы устранило пулю, а пушки, в том числе противотанковые, не смогут как следует защитить пехоту от танковых атак из-за отсутствия у них брони. Очевидно, что танки не устранили стрелковое оружие, а дополнили его. Столь же очевидно, что снаряд всегда имеет преимущество перед броней, а буксируемые противотанковые пушки, пусть и не имеющие брони, имеют перед танками то преимущество, что они могут быть замаскированы. Известно мнение знаменитого немецкого танкиста Второй мировой войны Отто Кариуса что для танка противотанковая пушка вдвое опаснее, чем другой танк [8, с.

144]. Наконец, вскоре после выхода в свет работы Фуллера появились самоходные орудия, закованные в броню.

Затем следует новое нелепое утверждение, что каждый водитель машины является потенциально моторизованным партизаном, и такие моторизованные партизаны будут использоваться в самых широких масштабах [10, с. 6 – 7].

Совершенно справедливо указывая на огромную роль промышленности в будущей войне, на то, что страна, не имеющая развитой промышленности не будет в состоянии отразить вторжение противника» [10, с. 7], Фуллер затем пришел к ошибочному выводу о сокращении численности армий: «высокая стоимость механизированных армий ограничит их размеры. Если в мировую войну были мобилизованы миллионные массы пехоты, то в ближайшей войне едва ли какая-либо страна сможет выставить в поле более нескольких тысяч танков» [10, с. 7 – 8].

Практика опровергла такой прогноз: СССР к началу Великой Отечественной войны имел в строю свыше 23 тысяч танков, а в ходе войны выпустил еще около 100 тысяч танков.

Структуру сухопутных армий в будущей войне Фуллер представлял себе следующим образом: «Для ведения боя необходимы хорошо тренированные профессиональные армии, а не современные армии краткосрочной службы, комплектуемые на основе обязательной воинской повинности. Это не значит конечно, что обязательная воинская повинность должна исчезнуть, но комплектуемые этим путем люди должны превратиться в солдат так называемого «второго разряда», т. е. они будут бойцами второго разряда, задачей которых явятся занятие, закрепление и удержание районов, завоеванных механизированными силами» [10, с. 8]. Солдат-призывник в будущей войне будет представлять собой всего лишь комбинацию сапера с жандармом.

Легко заметить, что этот прогноза также был опровергнут реальностью. Личный состав механизированных соединений, в том числе и танковые экипажи, во время Второй мировой войны укомплектовывались солдатами-призывниками. Что касается пехотных соединений, то их задачи во Второй мировой войне вовсе не ограничивались занятием и удержанием территорий, пехота по-прежнему оставалась главным родом войск, основой сухопутных сил.

Скорости в будущей войне Фуллер оценивал для авиации – 300 км/ час, для автомобилей – 60 км/час, для танков – 30 км/час. Мы видим, что научно-технический прогресс может превзойти любые прогнозы.

Наконец Фуллер, как и все военные теоретики межвоенного периода, ошибочно полагал, что в будущей войне будет массово применяться химическое оружие.

Совершенно верным оказался лишь прогноз Фуллера о будущей судьбе кавалерии. По его словам, конница существует, лишь пока существуют пехотные массы, когда они будут моторизованы, кавалерия исчезнет [10, с. 15 – 16]. Это действительно осуществилось в первые годы после Второй мировой войны.

Во Франции активным сторонником теории профессиональной армии был малоизвестный в то время офицер Шарль де Голль. В 1935 г. в СССР была издана его работа «Профессиональная армия».

В этой работе мало говорится о будущей войне. Автор констатировал уязвимость северо-восточной границы Франции, где в будущем развернется новое германское наступление, отсутствие естественных преград на пути противника к Парижу, наличие горных и водных преград на пути французской армии к Берлину, и предлагал эту географическую уязвимость Франции компенсировать созданием профессиональной армии.

Как и Фуллер, де Голль не ставил вопрос о ликвидации массовой армии, основанной на всеобщей воинской повинности. Он лишь предлагал дополнить ее комплектуемой на добровольно-контрактной основе танковой армией, состоящей из 6 дивизий, каждая из которых будет включать танковую, мотопехотную и артиллерийскую бригады.

Де Голль полагал, что крупные танковые соединения позволят не только прорвать вражескую оборону (это было достигнуто уже в конце Первой мировой войны), но и развить тактический прорыв фронта на стратегическую глубину: «При всяком прорыве фронта в будущих конфликтах мы увидим быстроходные войсковые части устремляющимися в далекий тыл противника, наносящими удары в самые чувствительные места его и опрокидывающими всю его оборонительную систему. Таким путем будет осуществляться стратегическое расширение успехов, достигнутых тактиче-

ским порядком, чего за отсутствием надлежащих средств никогда не умели достигнуть ни Жоффр, ни Фалькенгайн, ни Гинденбург, ни Фош» [4, с. 68]. Такой прогноз, разумеется, следует признать верным.

Но реальная мощь танковых армий Второй мировой войны была гораздо больше, чем та, которую мог представить французский военный теоретик в середине 1930-х гг. Кроме того, выше уже говорилось, что во время Второй мировой войны танковые и моторизованные соединения, как и все остальные, комплектовались на призывной основе.

Де Голль, полагал, что описанная им «профессиональная армия» начнет активные действия в первые дни войны, когда во всех странах идет мобилизация. Такое мнение оказалось ошибочным: во Второй мировой войне мобилизация и развертывание проходили до начала боевых действий, Вермахт начинал полномасштабное вторжение в первые же часы. Наконец, такое вторжение отнюдь не всегда начиналось ударом танковых соединений: так во время вторжения во Францию в мае 1940 г. танковая группа Клейста ввязалась в бои лишь на четвертый день наступления [6, с. 93].

Впрочем, после войны де Голль в своих мемуарах всячески превозносил эту свою довоенную книгу [3, с. 30 – 35], утверждал, что принятие его рекомендаций якобы позволило бы Франции избежать национальной катастрофы, которую она потерпела в 1940 г оду.

Помимо теории «профессиональной армии», в 1930-х гг. в военных кругах получила большую популярность теория итальянского генерала Джулио Дуэ, полагавшего, что с появлением авиации сухопутная армия и военно-морской флот утратили свое значение, исход будущей войны будет за несколько дней решен армадами тяжелых бомбардировщиков, их налетами на города и промышленные предприятия, истребительная авиация и зенитная артиллерия будут бессильны перед бомбардировочными армадами, и никакое правительство не сможет удержать обезумевшее населения от бегства из горящих городов в деревню или в поле.

В 1937 г. в СССР вышла работа французского офицера ПВО Пьера Вотье, представлявшая собой изложение концепции Дуэ. Она представляет собой апологию итальянского генерала и его книг. Несмотря на то, что этот французский автор был профессиональным зенитчиком, он вслед за своим кумиром Дуэ считал ПВО заведомо неэффективной в будущей войне. Впрочем, Вотье отмечал, что концепция Дуэ предназначена исключительно для Италии, и в других географических условиях, возможно, решающая роль в войне будет принадлежать не авиации, а сухопутным силам или флоту.

В 1936 г. в СССР была издана работа французского генерала Эмиля Аллео, в которой автор пытался оценить готовность своей страны, Франции, к неизбежной, по его мнению, новой мировой войне.

Французский автор, полемизируя с теми, кто ожидал повторения позиционной войны 1914 – 1918 гг., совершенно справедливо указывал, что создание непреодолимой обороны, существовавшей в мировую войну, стало невозможным, будущая война неминуемо приобретет маневренный характер. Массы танков и бронетранспортеров, артиллерия на гусеничном ходу делают возможным прорыв фронта и его развитие [1, с. 139]. Аллео доказывал, что даже укрепленные линии не представляют собой непреодолимой преграды для наступающего противника.

Однако Аллео также делал ошибочные прогнозы. Прежде всего, он, как и все военные мыслители того времени, не смог предвидеть того, что произошло 1 сентября 1939 г. и 22 июня 1941 г. – заблаговременного развертывания всех войск агрессора и полномасштабных боевых действий с первого дня войны. Аллео предполагал, что полномасштабные операции развернутся лишь через несколько дней после начала войны, когда пройдут мобилизация и развертывания. Французский генерал ошибочно думал, что в будущей войне будет массово применяться химическое оружие: «Было бы слишком наивно и крайне опасно верить в то, что беззастенчивый агрессор будет соблюдать договоры, запрещающие применение ОВ. Еще не забыты клочки бумаги договоров, разорванных в августе 1914 г.» [1, с. 43 – 44]. Уповал он и на некое оружие, основанное на электричестве.

Книга писалась в 1934 г., когда Гитлер еще не решился открыто растоптать Версальский договор и начать создание вермахта. Тем не менее, уже тогда французский военный теоретик считал положение своей страны весьма угрожаемым: «С приходом к власти Гитлера уже совершенно открыто, на виду у всего мира и со все ускоряющимся темпом, происходит обучение личного состава, формирование ча-

стей и соединений, идет полным ходом производство военной материальной части. Мы видим, как германский народ, объятый каким-то мистицизмом силы, напрягает всю свою энергию, и физическую, и моральную, стремясь к какому-то свирепо воинственному идеалу» [1, с. 131 – 132].

Генерал Аллео видел два варианта боевых действий германской армии против Франции. В первом случае наряду рейхсвер при поддержке гитлеровских охранников немедленно начнет боевые действия, а в это время в тылу будет создано массовое ополчение: [1, 132]. К такой войне Германия будет готова в 1935 или 1936 году.

Во втором варианте с самого начала войны Германия выставит массовую армию, насчитывающую около 120 дивизий. Это станет возможно в 1940 году, а возможно и раньше. Это представлялось генералу Аллео более вероятным. На Германию наверняка никто не нападет, никто ей не угрожает. а ее агрессивные стремления очевидны. Было бы безрассудно не учитывать вероятность войны с заранее намеченным сроком ее начала [1, с. 133].

Большое внимание Аллео уделил и перспективам войны в воздухе Он критиковал теорию Дуэ. Исход войны не может быть решен лишь действиями стратегических бомбардировщиков. Доктрина Дуэ не учитывает, что в крупном государстве живые силы почти неограниченны, тогда как, наоборот, наступательная мощь воздушной армии будет иметь пределы, причем этих пределов она достигнет довольно быстро» [1, с. 36].

Во-первых, нельзя согласиться с мнением Дуэ и его последователей, что зенитная артиллерия и истребительная авиация бессильны против бомбардировочной армады. Они не смогут вообще воспретить бомбардировки, но нанесут воздушной армии ощутимые потери. Невозможно рассчитывать и на то, что агрессору удастся полностью уничтожить авиацию атакованной страны на аэродромах внезапным нападением. Во-вторых, Дуэ преувеличил саму возможность глубоко расстроить с помощью воздушных атак жизнь густонаселенных городов. Это невозможно даже в случае применения химического оружия. В-третьих, появление танковых соединений делает возможным решение исхода войны на суше. Операции сухопутных сил будут иметь решающее значение, главной задачей воздушной армии будет их поддержка, а действовать против городов можно будет только в периоды развертывания и перерывов между операциями.

Прогнозы, сделанные этим французским генералом, следует признать достаточно верными.

Аллео говорил, что лишь в союзе с другими державами Франция может рассчитывать на успех в предстоящей войне с фашистской Германией: «В особенности надо подчеркнуть, что, с одной стороны, 40 миллионов французов, а с другой стороны – 60 миллионов германцев, причем там значительно больший процент молодых мужчин. О чем это говорит, как не о том, что никогда мы не должны в одиночестве вступать в борьбу с нашими зарейнскими соседями» [1, с. 170]. Но французский теоретик не мог предвидеть, что его страна будет разгромлена Вермахтом за месяц с небольшим.

Работа французского полковника Фредерика Кюльмана была издана в СССР, вероятно, уже осенью 1939 г. – такой вывод мы сделали на том основании, что в предисловии советской редакции используется термин «первая мировая война».

Кюльман полагал, что будущая война, подобно Первой мировой, будет носить позиционный характер, аргументируя это следующим образом: «Автотранспорт может продолжать работу железнодорожного пути на 50 – 100 км от конечной станции, но на 150 км он уже неприменим. Таким образом, массовое разрушение железных дорог отступающим противником может повлечь за собой полную приостановку действий и переход к позиционной войне, которая может длиться месяцами» [9, с. 60]. Очевидно, что такой прогноз совершенно ошибочен.

Кюльман предсказывал появление на полях сражений «микробного» и «электрического» оружия. Кюльман также прогнозировал, что начало новой войны будет таким же, как в 1914 г.: «Начало будущего конфликта <…> будет поэтому характеризоваться предварительными операциями с призывом в строй от половины до четверти подлежащих мобилизации контингентов, сосредотачиваемых так же быстро, как и в 1914 г. Эти операции будут продолжаться, пока военные заводы не достигнут своей полной производительности» [9, с. 461]. Предполагаемым операциям в период развертывания французский военный теоретик уделил целых две главы, не догадываясь, что в сентябре 1939 г. этого периода просто не будет.

Как и все военные теоретики того времени, Кюльман ошибочно ожидал химической войны: «Германия непременно попытается в ближайшем столкновении бросить на весы свое химическое превосходство» [9, с. 467].

Вскоре после оккупации Японией Манчжурии, осенью 1933 г., советский журнал «Военный зарубежник» опубликовал главу из работы японского военного публициста Сисаку Хираты, в которой тот пытался описать будущую войну между Японией и СССР.

В этой работе констатируется, что:

1) Три советских области, Приморская, Амурская и Забайкальская, с трех сторон охватывают территорию Маньчжоу-Го, поэтому Красная армия будет действовать по внешним операционным линиям, Квантунская армия Японии – по внутренним;

2) За последнее десятилетие Красная армия превратилась в грозную силу, она имеет значительный перевес над японской армией в численности, танках, артиллерии, кавалерии;

3) коммуникации японской армии гораздо более развиты, чем у Красной армии, имеющей лишь одну железную дорогу, идущую на восток от Урала;

4) СССР на востоке имеет 5 дивизий, не считая частей ГПУ и железнодорожных частей, в течение года он сможет перебросить миллионную армию.

5) на море советский флот не может противостоять японскому.

По словам Хираты, Япония – миролюбивая держава, которая не стремится к завоеваниям, и как войну на Тихом океане могут развязать только США, так и войну в Сибири может начать только СССР. Если такая война начнется, то бои развернутся одновременно на всех трех направлениях. В начале войны Владивосток окажется в мышеловке, как когда-то Порт-Артур, его падение предрешено. Благодаря опыту, полученному во время Сибирской экспедиции (интервенции во время Гражданской войны в России) японцы легко уничтожат партизан в Приморье. На Амурском направлении красными создана сильная линия обороны, сам Амур и местность, покрытая густым лесом, представляют серьезное препятствие. Однако японцы, пусть и ценой больших потерь, сумеют перейти Амур. Северный Сахалин и Камчатка будут захвачены легко.

Главные бои развернутся на границе Манчжурии и Монголии. Японии нечего опасаться советского вторжения в Манчжурию – горы Большого Хингана представляют собой настолько мощную преграду, что, опираясь на нее, 3 японских дивизии легко могут остановить 500-тысячную армию красных. Проблема заключается в том, чтобы разбить красные войска в Монголии и овладеть русским Забайкальем. Хирата нарисовал захватывающую дух картину грандиозного встречного сражения в монгольских степях с использованием огромных масс кавалерии, танков, авиации, химического оружия. Победу в этой операции он заранее отдал японской армии. После победы японцы должны преследовать разбитые красные войска до Иркутска.

Излишне говорить о том, насколько прогнозы японского военного автора отличались от советско-японской войны в августе 1945 г., в которой СССР к началу боевых действий развернул 189,5 дивизий общей численностью около полутора миллионов солдат, почти 30 тысяч артиллерийских орудий, более 5 тысяч танков, более 5 тысяч боевых самолетов [7, 197], и через 10 дней после начала войны Квантунская армия Японии капитулировала.

Подводя итог, можно сказать, что содержащиеся в переводной военной литературе 1930-х годов прогнозы будущей войны большей частью оказались неадекватны реальности. Прежде всего, ошибочной оказалась концепция «малой профессиональной армии»: Вторая мировая война велась призывными армиями, переход к добровольно-контрактным армиям начался лишь в 1970-х гг., на совершенно другом уровне развития экономики и технологий (3), причем даже в 2010-х гг. этот переход остается далеко не завершенным. Столь же ошибочной оказалась и концепция Дуэ. Не осуществились основанные на опыте Первой мировой войны прогнозы о периоде мобилизации и развертывания в начале войны, о массовом применении химического оружия. Наконец, невозможно предвидеть научно-технический прогресс, пути развития военной техники.

Список литературы

1. Аллео Э. Воздушная мощь и сухопутные вооруженные силы. пер. с фран. М.: Воениздат, 1936. 250 с.
2. Вотье П. Военная доктрина генерала Дуэ. пер. с фран. М.: Воениздат, 1937. 240 с.
3. Голль Ш. де. Военные мемуары. Призыв: 1940 – 1942. пер. с фран. М.: АСТ, Астрель, 2003. 814 с.
4. Голль Ш. де. Профессиональная армия. пер. с фран. М.: Госвоениздат, 1935. 86 с.
5. Дуэ Д. Господство в воздухе. Сборник трудов по вопросам воздушной войны. пер. с итал. М.: Воениздат, 1936. изд. 2-е. 607 с.
6. История второй мировой войны 1939 – 1945. Т. 3. Начало войны. Подготовка агрессии против СССР. М.: Воениздат, 1974. 505 с.
7. История второй мировой войны 1939 – 1945. Т. 11. Поражение милитаристской Японии. Окончание второй мировой войны. М.: Воениздат, 1980. 496 с.
8. Кариус О. «Тигры» в грязи. Воспоминания немецкого танкиста. пер. с нем. М.: Центрполиграф, 2004. 367 с.
9. Кюльман Ф. Стратегия. М.: Воениздат, 1939. 547 с.
10. Фуллер Д. Операции механизированных сил. пер. с анг. М.: Военгиз, 1933. 115 с.
11. Хирата С. Как мы будем воевать // Военный зарубежник, 1933, № 9.

Об авторе

Черниловский Артем Александрович – кандидат исторических наук, преподаватель, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева (Карачевский филиал), senior.chernilowsky2013@yandex.ru

УДК 94 (471.332) “1941 / 1943”

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА НАЦИСТСКИХ ОККУПАЦИОННЫХ ВЛАСТЕЙ В ЗАХВАЧЕННЫХ РАЙОНАХ СМОЛЕНЩИНЫ В 1941-1943 ГОДАХ

Якутин А.В.

В статье на основе опубликованных и архивных материалов анализируется конфессиональная политика нацистских оккупационных властей в захваченных областях СССР на примере оккупированных районов Смоленской области. Приводятся факты, показывающие деятельность захватчиков по организации отправления религиозных обрядов и использованию чувств верующих в пропагандистских и экономических целях в пользу III Рейха. Материалы статьи могут быть использованы при написании научных работ по истории России в годы Великой Отечественной войны.
Ключевые слова: Смоленская область, оккупация, война, религия, церковь, пропаганда, налоги.

CONFESSIONAL POLICY OF THE NAZI OCCUPATION AUTHORITIES IN THE OCCUPIED REGIONS OF SMOLENSK IN 1941-1943

Yakutin A.V.

In the article on the basis of the published and archival materials the confessional policy of the Nazi occupation authorities in the occupied areas of the Soviet Union on the example of the occupied areas of the Smolensk region is analyzed. The facts showing activities of aggressors for the organization of worship and their use of feelings of believers for propaganda and economic purposes in favor of the Third Reich are given. Materials of the article can be used when writing research works on the history of Russia during the Great Patriotic War.
Keywords: Smolensk region, occupation, war, religion, church, propaganda, taxes.

Разработкой и проведением в жизнь конфессиональной политики в захваченных областях СССР занималось Главное управление имперской безопасности (РСХА) и Восточное министерство Германии. Определённой позиции по религиозным вопросам на оккупированной советской территории за время войны идеологами нацистской Германии выработано не было. Отношение к православной церкви со стороны захватчиков в большей степени зависело от того, насколько религия способствовала утверждению «нового порядка» на оккупированных территориях.

В одном из своих выступлений перед ближайшими соратниками А. Гитлер 11.04.1942г. обозначил свою позицию по отношению к религии на захваченной территории СССР следующим образом: «…надо не допускать устройства единых крупных церквей для молитвенных целей. В наших интересах, чтобы каждая деревня имела собственную секту, развивающую собственное представление о боге. Даже если таким образом в отдельных деревнях возникнет культ колдунов, как, скажем, у негров или индейцев, мы должны это только приветствовать, ибо это увеличивает число разделяющих моментов на русской территории» [1, с. 153].

Таким образом, фашистское руководство рассчитывало не допустить возможного воздействия православной церкви на народные массы с целью активизации борьбы с захватчиками.

Религиозные вопросы в прифронтовой полосе входили в компетенцию военной администрации в лице командующих тыловыми областями групп армий «Север», «Центр», «Юг». Командующие этими областями стремились не провоцировать лишних конфликтов с гражданским населением, поэтому и деятельности православного духовенства, как правило, открыто не препятствовали. В первые месяцы войны отдельные офицеры и представители военной администрации помогали открытию храмов, а иногда даже приказывали это делать [2, с. 76].

На территории оккупированной фашистами Смоленской области, входившей в тыловую область группы армий «Центр», руководство конфессиональными вопросами лично осуществлял командующий охранными войсками и тылом этой армейской группы генерал фон Шенкендорф.

Оккупантами было учтено, что в СССР в 20-30-е гг. проводились гонения на церковь, вызвавшие чувства недовольства и протеста у населения. Этот факт нацисты активно использовали в пропагандистских целях, рассчитывая на лояльность местного населения к новой власти. В частности, летом 1941 г. в нацистских листовках, разбрасываемых с самолетов над советской территорией, говорилось, что Германия разрешает свободное отправление религиозных обрядов: «выньте из сундуков иконы и украсьте ими углы» [3, л. 12].

Свобода вероисповеданий для советских

людей декларировалась в издаваемых командованием германской армией специальных приказах, которые вывешивались в людных местах. Так в распоряжении командования германской армией № 1, доводившемся до сведения местного населения сразу же после захвата нацистами того или иного населённого пункта, наряду с другими указаниями, в пункте 11 говорилось: «В результате освобождения народов Советского Союза от большевистского гнёта, населению даётся право свободного и открытого богослужения без различия вероисповедания. Для этой цели народу разрешается использовать церкви, молитвенные дома и церковные здания» [4, л. 58].

К началу Великой Отечественной войны на территории Смоленской области отправление верующими религиозных обрядов и культов было крайне затруднено. Так в Смоленске, насчитывающем в предвоенное время 150 тысяч жителей, к лету 1941г. незакрытой осталась только Тихвинская кладбищенская церковь. Абсолютное большинство священников были либо репрессированы органами НКВД, либо были вынуждены оставить своё служение [5, с. 37]. Любое проявление религиозности преследовалось советскими карательными органами жесточайшим образом. По-прежнему велась активная атеистическая пропаганда.

С захватом Смоленской области летом-осенью 1941г. немецкими оккупантами, началом возрождения церковной жизни Смоленщины стало открытие Свято-Успенского кафедрального собора, в котором с 1933 г. размещался антирелигиозный музей [6, с. 83].

Первоначально в оккупированный Смоленск прибывали священники из Белоруссии, которые там скрывали свой сан от преследования. Захватчики им выдавали удостоверения, «уполномочивавшие их беспрепятственно совершать богослужения и исполнять пастырские обязанности для народа в условиях оккупации». Так в Смоленск прибыли протоиереи Т. Глебов и Н. Шиловский, ставший впоследствии настоятелем Успенского собора [7, с. 21].

Всего за время немецко-фашистской оккупации в Смоленской области было открыто 63 храма: 1941 г. – 7, 1942 г. – 43, 1943 г. – 13 [8, с. 284]. Это являлось большим достижением церковной жизни на Смоленщине в оккупационный период, поскольку к началу войны в Смоленской епархии незакрытыми оставались только 4 церкви.

Однако, несмотря на открытие в оккупационный период сравнительно большого количества православных храмов, взаимоотношения между Русской Православной Церковью и оккупантами были далеко не безоблачными. Разрешив свободное отправление религиозных культов, оккупанты при этом проявляли попытки извлечения материальной выгоды. В частности, при открытии православных храмов на территории Смоленской области захватчики обязывали местные русские административные власти проводить среди населения сборы продуктов, денег, старинных икон якобы на нужды вновь открываемых церквей. Однако собранные таким способом материальные ценности использовались оккупантами совершенно по иному назначению. Так, весной 1942 г. в г. Кондрово сделал вынужденную посадку немецкий аэроплан, загруженный старинными иконами. Допрошенный немецкий лётчик пояснил, что иконы предназначались для обмена среди населения оккупированных районов на молоко [9, л. 12].

Даже проведя сбор материальных средств на «нужды открываемых церквей», оккупанты не торопились с их открытием. К примеру, такие случаи засвидетельствованы в г. Кондрово и п. Износки, жителями которых в этих целях жертвовались суммы от 50 рублей и более, но храмы так и не были открыты [10, л. 12].

Тем не менее, несмотря на трудности при открытии культовых зданий, потребности русских людей в религии были высоки. Так по сообщению Смоленской оккупационной газеты «Новый путь» от 12 июля 1942г. в Починковском районе области за март – апрель 1942г. было окрещено детей в возрасте от одного месяца до 12 лет – около 1500 человек. Пик этого религиозного обряда пришелся на пасхальную неделю, в дни которой крещение проходило по 115-120 детей ежедневно [11].

Разрешив отправление религиозных культов, захватчики в то же время демонстрировали полное пренебрежение к религиозным чувствам местного населения. Таких примеров на территории области было зафиксировано много. В частности, в оккупированных районах области в 1941-43 гг. были зарегистрированы многочисленные факты использования не имеющих исторической ценности икон в качестве дров для печей. Такие факты отмечены в деревнях Хламово Мещёвского района и Редькино Дзержинского района [12, л. 12]. В п. Сычёвка оккупанты превратили православный храм в концентрационный лагерь. В одной из церквей г. Демидова захватчиками был устроен кабак [13, с. 124].

Захватчики не придавали большого значения различиям в существовавших течениях хри-

стианства в СССР и проводили политику унификации. Так для отправления религиозных обрядов своих солдат нацисты использовали православные храмы. К примеру, в г. Мещёвске православный храм был освящён лютеранским священником и разделен на 2 части: одна для православных верующих, другая – для немцев-протестантов. В г. Смоленске богослужение в церквах было распределено по дням недели: одни дни для православных русских, другие – для немецких офицеров, третьи – для солдат [14, л. 124].

Оккупанты вмешивались даже в суть православных религиозных обрядов. В частности, для православных священников нацистами были разработаны специальные тексты проповедей. К примеру, в церквах Руднянского района области священниками читались проповеди пропагандистского характера, смысл которых заключался в том, что: «…Советская власть отвергла религию, тем самым большевики прогневали Бога и поэтому идёт война». Кроме того в обязанность местным священнослужителям захватчиками вменялось чтение молитв за А. Гитлера, победу германского оружия, против открытия Второго фронта и т.д. [15, л. 38]

Вследствие отсутствия достаточного количества профессиональных священников, в ряде церквей их обязанности исполняли рядовые граждане, знающие религиозные обряды. Так, в деревне Ветьмица Куйбышевского района священником был бывший красноармеец [16, л. 141], в г. Рудня – бывший сторож [17, л. 38].

Для того чтобы исправить создавшееся положение с нехваткой профессиональных священнослужителей, в г. Смоленске в июле 1943г. оккупантами были открыты пасторские курсы для подготовки церковнослужителей из мирян. Пройти это обучение изъявило желание 40 человек, среди которых были даже учителя и ученики старших классов школ. Для проведения курсов было отведено помещение в квартире епископа. Обучение были рассчитаны на 3 месяца. На курсах изучались следующие предметы: Священная история Ветхого и Нового Завета, церковно-славянский богослужебный язык, церковное пение, литургика и катехизис, история церкви, основное богословие. [18]

В отдельных районах области оккупационные власти старательно насаждали религиозные обряды, зачастую под страхом наказания. Так в г. Рудня было введено обязательное крещение детей до пятилетнего возраста, а некрещёных было приказано отправлять в концентрационные лагеря вместе с евреями. В принудительном порядке вводилось ношение крестов, которые изготавливались из патронных гильз. Вводился запрет на работу в религиозные праздники. За его исполнением следили русские полицейские и немецкие солдаты, ездившие в эти дни по сёлам и избивавшие работавших крестьян. [19, л. 13] В п. Монастырщина за поведением молящихся в храме наблюдали полицейские. Провинившихся выводили из помещения и наказывали 20-25 ударами розог прямо на крыльце. Жителей, которые не посещали храм, переписывали, а потом расстреливали, объявляя их коммунистами. [20, л. 27]

Насаждая, таким образом, религию, оккупанты в то же время глумились и над самими служителями культа. Так в январе 1942 г. в д. Чатовая Куйбышевского района к местному священнику зашёл немецкий офицер. Увидев на его ногах хорошие валенки, офицер под угрозой оружия заставил священника их снять и отдать ему. [21, л. 141]

Необходимо отметить, что передовые священнослужители, являясь в душе патриотами своей Родины, не остались равнодушными к жестокостям оккупационного режима, прилагая личные усилия к всевозможной помощи советским людям, оказавшимся в беде. Так настоятель смоленской церкви святых Гурия, Самона и Авива, протоиерей Евгений Лызлов выхлопотал разрешение в немецкой комендатуре посещать лагеря военнопленных для духовного окормления. Благодаря его стараниям нацистская администрация отпустила из одного большого лагеря для военнопленных, расположенных в предместьях Смоленска, всех солдат и позволила местному населению приносить военнопленным продукты питания. Сам же отец Евгений собирал одежду и обувь для солдат и на санках отвозил собранное в лагерь. [22, с. 141] В г. Рославле, неподалёку от Вознесенской церкви, в августе 1941г. нацисты создали концентрационный лагерь № 130 для военнопленных и мирных жителей. Настоятель этого храма протоиерей Всеволод Корицкий призвал верующих организовать сбор продовольствия для содержавшихся там заключённых. Хлеб, картофельные лепёшки и оладьи и другие продукты, приносимые людьми, собирались и сразу же отправлялись в лагерь. Это позволило спасти много советских солдат от голодной смерти. Кроме того, при возможности, отец Всеволод выводил военнопленных на свободу под личное поручительство. Некоторым из них затем удалось уйти в партизаны. [23, с. 115]

Таким образом, проводимая оккупантами

религиозная политика отличалась непоследовательностью и не соответствовала их первоначальным лозунгам начала войны. Под видом благих начинаний для верующих, захватчики проявили стремление извлекать дополнительные материальные выгоды в своих целях, а также использовать церковные кафедры в целях нацистской пропаганды, положения которой далеко не соответствовали реальной действительности. Такое непродуманное и оскорбительное отношение захватчиков к православной церкви и религиозным чувствам русских верующих не могло и не вызвало поддержки оккупационному режиму. Верующие русские люди и передовые священнослужители довольно быстро разобрались в сути этих начинаний оккупантов. Пренебрежительное отношение захватчиков к православной религии привело к усилению недовольства населения оккупационным режимом, и, как следствие, к усилению различных форм сопротивления оккупантам, в том числе вооружённой борьбы.

Список литературы

1. Откровения и признания нацистская верхушка о войне «Третьего Рейха» против СССР. Секретные речи. Дневники. Смоленск. 2000. 640с.
2. Шкаровский М. О поддержке Православной церкви не может быть и речи: Церковная политика нацистской Германии на оккупированных территориях СССР, 1941-1945 гг. // Источник: Документы русской истории. 2001. - №6 (54). С. 74-96.
3. Центр документации новейшей истории Смоленской области (ЦДНИСО). - Ф. 6. Оп. 1. Д. 1300. Л. 12.
4. ЦДНИСО. - Ф. 8. Оп. 2. Д. 162. Л. 58.
5. Москалёва Н.Г. Закрытие храмов в Смоленске и на территории Смоленской епархии в середине 20-х – 30-х годов XX века. Возрождение церкви на Смоленщине в годы Великой Отечественной войны. // Смоленские епархиальные ведомости. 2006. № 1. С. 36-48.
6. Амельченков В.Л. Смоленская епархия в годы Великой Отечественной войны. Смоленск. 2006. 191с.
7. Афанасий (Мартос), архиепископ. Беларусь в исторической, государственной и церковной жизни. Минск. 1990. 256с.
8. Красильников И.Б. Политика государства по отношению к церкви в первые послевоенные годы (по материалам Смоленской области). // Идеи христианской культуры в истории славянской письменности: Материалы научной конференции 24 мая 2000 г. Смоленск. 2001. С. 284 -287.
9. ЦДНИСО. - Ф. 6. Оп. 1. Д. 1300. Л. 12 (об.).
10. ЦДНИСО. - Ф. 6. Оп. 1. Д. 1300. Л. 12 (об.).
11. Новый путь. 1942. 12 июля.
12. ЦДНИСО. - Ф. 6. Оп. 1. Д. 1300. Л. 12.
13. Логунова Т. В лесах Смоленщины. Смоленск. 1947. 224с.
14. ЦДНИСО. - Ф. 6. Оп. 1. Д. 1300. Л. 13.
15. ЦДНИСО. - Ф. 8. Оп. 1. Д. 25. Л. 38 (об.).
16. ЦДНИСО. - Ф. 8. Оп. 2. Д. 76. Л. 141.
17. ЦДНИСО. - Ф. 8. Оп. 1. Д. 25. Л. 38.
18. Новый путь. 1943. 13 июля.
19. ЦДНИСО. - Ф. 6. Оп. 1. Д. 1300. Л. 13.
20. ЦДНИСО. - Ф. 8. Оп. 2. Д. 114. Л. 27.
21. ЦДНИСО. - Ф. 8. Оп. 2. Д. 76. Л. 141.
22. Москалёва Н.Г. Закрытие храмов в Смоленске и на территории Смоленской епархии в середине 20-х – 30-х годов XX века. Возрождение церкви на Смоленщине в годы Великой Отечественной войны. //Смоленские епархиальные ведомости. 2006. № 1. С. 36-48.
23. Амельченков В.Л. Смоленская епархия в годы Великой Отечественной войны. Смоленск. 2006. 191с.

Об авторе

Якутин Александр Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Смоленский филиал), a.yakutin2014@mail.ru

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК821.161.1

ОТ НЕМЕЦКО-АВСТРИЙСКИХ ОБРАЗЦОВ К ВОПЛОЩЕНИЮ СЛАВЯНСКОЙ КАРТИНЫ МИРА В БАЛЛАДАХ А. К. ТОЛСТОГО[1]

Антюхов А.В., Шаравин А.В.

В статье рассматривается «механизм» создания образа национального славянского мира в балладах А.К. Толстого. Для анализа прежде всего отобраны произведения, которые создавались в непосредственной зависимости от иноязычного классического «образца». В статье рассмотрены стихотворения в следующей соотнесенности: «Где гнутся над омутом лозы» / «Лесной царь» И.В. Гете; «Курган» / «Воздушный корабль» И.-Х. Цедлица; «Князь Ростислав» / «Король Гаральд Гарфагар» Гейне. Делается вывод что соперничество с иноязычным образцом – только одна из задач, стоявших перед А.К. Толстым, главное, что писатель, отталкиваясь от иноязычного текста-образца, создавал национальную славянскую картину мира.

Ключевые слова: образ национального славянского мира, славянская картина мира, иноязычный текст-образец, славянский хронотоп, славянские мотивы.

FROM THE GERMAN-AUSTRIAN SAMPLES TO THE EMBODIMENT OF THE SLAVIC WORLDVIEW IN THE BALLADS BY A.K. TOLSTOY

Antyukhov A.V., Sharavin A.V.

The article deals with the "mechanism" of creation of an image of the national Slavic world in A.K. Tolstoy's ballads. The analysis is first of all based on the works which were created in direct dependence to the foreign-language classical "sample". In the article the poems are considered in the following correlation: "Where the vine bends over the whirlpool" / "The Erlking" by I.V. Goethe; “The Mound” / "The Air Ship" by J.-C. Zedlitz; "Prince Rostislav" / "King Harald Harfagar" by Heine. It is concluded that rivalry with a foreign-language sample is only one of the tasks A.K. Tolstoy faced, the main thing was the writer sought to create the national Slavic worldview.

Keywords: image of the national Slavic world, Slavic worldview, foreign-language text sample, Slavic chronotope, Slavic motives.

В творчестве А.К. Толстого можно выделить группу «особых» баллад, стихотворений. Это тексты, написанные в непосредственно ощущаемой, да и не скрываемой Алексеем Константиновичем, первоначальной зависимости от иноязычного классического «образца». Мы обратимся к трем балладам А.К. Толстого («Где гнутся над омутом лозы», «Курган», «Князь Ростислав»), восходящим к известным стихотворениям Гете, Гейне и Цейдлица.

Исследователи сразу заметили связь между произведениями Алексея Константиновича и стихотворениями «Лесной царь» И.В. Гете и «Воздушный корабль» И.-Х. Цедлица. Так, комментируя изменения, внесенные поэтом в окончательную редакцию баллады "Где гнутся над омутом лозы...", И. Ямпольский делает вывод: "Несомненна связь этого стихотворения с "Лесным царем" Гете в переводе Жуковского. Именно то обстоятельство, что она показалась поэту слишком явной, и побудило его, по-видимому, отсечь вторую половину"[1, с.122]. В подобном ключе исследователь характеризует и воздействие "Воздушного корабля И.-Х. Цедлица в переводе М.Ю. Лермонтова на "Курган" А.К. Толстого. "Лермонтов оказал существенное влияние и на "Курган", - считает И. Ямпольский.- По тем же причинам, что и в "Где гнутся над омутом лозы...", в нем были отброшены последние шесть строф, в которых говорится о том, как, когда гаснет день, на кургане появляется тень забытого витязя, как он вздыхает о своей промелькнувшей славе, сетует на певцов, которые обманули его, обещая бессмертие, и. т.д. Влияние "Воздушного корабля австрийского поэта И.-Х. Цедлица в переводе Лермонтова вполне очевидно"[1, с.122-123]. Также литературовед подчеркивает воздействие на балладу "Князь Ростислав" стихотворений Гейне и Лермонтова ("В первом распространенный романтический сюжет развит Толстым в связи с дошедшими до нас сведениями о гибели Ростислава (в "Слове о полку Игореве" и летописи), подобно тому как Гейне соединил тот же сюжет с образом Гаральда Гарфагара (в стихотворении "Король Гаральд Гарфагар"). Литературными источниками послу-

[1] Статья выполнена при поддержке РГНФ в рамках гранта №16-14-32001

жили для Толстого стихотворение Гейне и "Русалка" Лермонтова"[1, с. 122]). И. Ямпольский определяет влияние иноязычного источника как воздействие на баллады и стихотворения А.К. Толстого. «Где гнутся над омутом лозы», «Курган», «Князь Ростислав» связаны, по мнению литературоведа, с «Лесным царем» И. В. Гете, «Воздушным кораблем» И.-Х. Цедлица, "Королем Гаральдом Гарфагаром" Гейне, испытывая зависимость от поэтических образцов в тематике, мотивике, концепции.

Совсем другой подход к указанным произведениям А.К. Толстого у М. Сухотина. В статье "Жадные грачи (о работе графа А.К. Толстого с литературным образцом)" литературовед стихи поэтов, которые становились для Алексея Константиновича отправной точкой для создания нового текста, обозначает как "образцы". При этом М. Сухотин отказывается от терминов "воздействие", "перепев", считая, что писатель создает уникальный художественный мир. "Бытующий в литературной критике термин «перепев» вряд ли можно относить к стихам А.К. Толстого напрямую. Во всяком случае в том виде, в котором его применяют по отношению к стихам поэтов его окружения..." - считает М. Сухотин. "У Толстого – совсем не так. Он ведь ничего не перепевал. Он, скорее, подпевал. Но подпевал так, что в конце концов вы задаётесь вопросом: а кто кому подпевает? Уж не Пушкин ли Толстому? Причём интересно, что при всей открытости его поэзии журналистике, при всей её публицистичности, там, где он касался образцов, это меньше всего напоминало дискредитацию их языка другим... Но зато это почти всегда было углублением, уточнением их лирических возможностей. То есть он говорил как бы на языке образца, но всякий раз старался, чтобы в нём слышнее было лирическое звучание. Даже противопоставляя старому языку поэтических образцов – новый, он представлял их как зависимые друг от друга части целого",- продолжает литературовед [2]. В статье «Два «Дон-Жуана» М. Сухотин еще более акцентированно формулирует свою позицию по соотношению к «образцу» и его переделке писателем: «Дело в том, что А. К. Толстой, как никто, пожалуй, из его современников, умел воспринимать искусство как единую диалогическую структуру. Это видно по его собственным произведениям, неизменно втянутым и втягивающим читателя в диалог образцов, уже в искусстве имеющихся, почти демонстративно, напоказ, предполагающим узнавание и участие. Эти образцы были для него своеобразным языком» [3].

Мысль М. Сухотина о том, что А.К. Толстой "умел найти такое самостоятельное целое, которое, включая в себя и его, сам этот образец, оказывалось в то же время и сочинением исключительно графа А. К. Толстого. Это как побег, идущий от корня дерева, мгновенно развивающийся в не менее сильное самостоятельное растение", кажется нам более точной, чем концепция И. Ямпольского. Кстати, автор статьи "Жадные грачи (о работе графа А. К. Толстого с литературным образцом)" опровергает и вывод автора книги "Середина века" относительно окончательной редакции, исключившей ряд строф из баллад «Где гнутся над омутом лозы», «Курган» ("Так же, как и у ранней баллады «Где гнутся над омутом лозы», в публикации 56 года «Кургана». автором была отрублена концовка, отчего он как бы выпал из жанра. Но, скорее всего, это произошло не потому что, как пишет Ямпольский в «Середине века», вещь получилась бы уж слишком похожей на «Волшебный корабль» Цейдлица (как «Где гнутся...» – на «Лесного царя» Гёте), а потому что в тимофеевско-цейдлицевском виде она оказалась просто слишком затянутой. Тем более что у него была уже другая вещь – «Князь Ростислав», где та же концовка Цейдлица (самый известный его перевод – Лермонтова) была прекрасно развита, сочетаясь с мотивом лермонтовской же «Русалки». Вряд ли, отсекая последние 6 строф «Кургана», А.К. Толстой маскировал схожесть с образцом. Наоборот, он её не боялся"[2].

С М. Сухотиным трудно не согласиться: А.К. Толстой воплощал образ славянского национального мира, во многом отличавшийся от инонационального образца. И содержательно-формальные черты произведений, как и «усечение» последних строф, подчинены прежде всего этой задаче.

О связи личности и творчества Алексея Константиновича с немецкой культурой и литературой есть обстоятельные работы [4]. Так что дополнительно останавливаться на данном вопросе вряд ли имеет смысл. Гораздо важнее проанализировать баллады А.К. Толстого с позиции воплощения национального образа мира и его отличия от картины мира, воссозданной в поэтических образцах И.В. Гете, И.-Х. Цедлица, Гейне.

Интересный анализ стихотворения И.В. Гете «Лесной царь» с позиции моделирования немецкого космоса сделал Георгий Гачев в работе «Национальные образы мира» [5]. Исследователь отмечает «философическую склон-

ность» инонационального «Логоса парить поверх частного случая, человека и ситуации» [5, с. 131]. Конкретизируя данное положение, Г. Гачев иллюстрирует его примерами кантовских антиномий – ноуменов и феноменов («Баллада Гете «Лесной царь» имеет сюжетом как бы Кантову антиномию двух оптик, которые непереходимы и неисповедимы друг другом. Бурной ночью всадник мчится лесом, сжимая в руках сына. Сын видит Лесного царя, слышит его речи, зовы, видит его чертоги, луга, хороводы дочерей и говорит об этом отцу – о событиях в своем внутреннем мире, в видениях души. Отец же видит другое своим материалистическим мировосприятием фактов и явлений:

- Дитя, что ко мне ты так робко прильнул?
- Родимый, лесной царь в глаза мне сверкнул;
Он в темной короне, с густой бородой.
- О нет, то белеет туман над водой.
- Родимый, лесной царь со мной говорит:
Он золото, перлы и радость сулит.
- О нет, мой младенец, ослышался ты:
То ветер, проснувшись, колыхнул листы.

Вот два мира: ноуменов – и феноменов, и вместе им не сойтись. Сходятся они – лишь в смерти (по трагическому Психо-Логосу Германства, где еще прописан и Вагнер с «Тристаном и Изольдой» и др.).

Ездок погоняет, ездок доскакал…

В руках его мертвый младенец лежал» [5, с.131-132].

Таким образом, на основании анализа, проведенного Г. Гачевым, можно выделить следующие черты инонационального мира: философскую интенцию, превращающую частный случай и ситуацию в картину немецкого бытия; борьбу за душу младенца двух отцов – физического и метафизического, а также победу последнего; драму неслиянности «наружного Космоса» и Психеи, «внутренней жизни души» [5, с.131-132].

В балладе «Где гнутся над омутом лозы» А. К. Толстого не прослеживается целенаправленное воплощение мира ноуменов и феноменов, хотя антиномия трансцендентного и умопостигаемого в тексте присутствует. Однако в стихотворении русского поэта первоначально представлена объективная, привычная глазу человека картина природного мира:

Где гнутся над омутом лозы,
Где летнее солнце печет,
Летают и пляшут стрекозы,
Веселый ведут хоровод [6, т.1, с.134].

В последующих строфах метафизическое реализуется в пении стрекоз, которые, подобно сиренам, стремятся заманить ребенка на гибель в глубины омута. Отличие от баллады «Лесной царь» Гете обнаруживается сразу: сверхъестественное еще не коснулось души ребенка и не стало частью его души. Поступка дитя нет, как и отсылок к тому, слышит ли ребенок смертельный зов стрекоз, и мы не можем сказать: удалось или нет метафизическим силам подтолкнуть его к гибельному шагу. В окончательной редакции стихотворения «Где гнутся над омутом лозы» А.К. Толстого вопрос: прельщена ли сверхъестественными, могущественными силами природы душа ребенка, остается открытым, во всяком случае реакция детского сознания находится за сюжетом баллады. Два мира - метафизический и реальный - скорее в тексте А.К. Толстого сосуществуют параллельно; да, взаимопроникновение обнаруживается, однако оно лишено трагической конфликтности, присущей балладе «Лесной царь» Гете.

В стихотворении русского поэта реализуется национальный мотив гибельного очарования славянской, детской души силами природы. А в таком прочтении немецкую философичность образца сменяет притчевость. Сюжетная незавершенность баллады «Где гнутся над омутом лозы» А.К. Толстого и возможность любых вариантов: от жизни до смерти ребенка - ориентирована на специфику русского сознания – проявлении свободы воли, свободы выбора. Поэт стремился избежать, и это ему удалось, ощущения неотвратимости, гибельности рока.

Уходит А.К. Толстой и от изображения борьбы двух отцов – физического и метафизического, как было в тексте Гете, наоборот, в стихотворении «Где гнутся над омутом лозы» упомянута спящая мать:

«Дитя, подойди к нам поближе,
Тебя мы научим летать,
Дитя, подойди, подойди же,
Пока не проснулася мать!» [6, т.1, с.134].

Отметим, что для русской культуры мистический мотив борьбы двух отцов – физического и метафизического не характерен, а вот физический отец, убивающий сына, и прежде всего в вариации - убийство престолонаследника, распространен (достаточно назвать роман «Князь Серебряный» и драму «Смерть Иоанна Грозного» А.К. Толстого, отсылающие к убийству царевича от руки русского царя).

В природной картине, изображенной в балладе «Где гнутся над омутом лозы», действительно, с точки зрения воплощения рус-

ского/славянского национального сознания образ матери более концептуален и органичен. Россия всегда ассоциировалась с женским началом и соотносилась или с бабушкой (И.А. Гончаров «Обрыв»), или с матерью, или с женой (А. Блок). Да и мифологема России – «мать сыра земля» (в произведении Алексея Константиновича место действия – "омут", "берег отлогий", "песчаное дно", словно конкретизация мифологемы «мать сыра земля») доминирует в русском хронотопе. Кроме того, в русском православии богородичное сакральное начало выступает и как аллегория Руси - дома пресвятой Богородицы.

Сон матери из стихотворения А.К. Толстого отдает ребенка во власть стрекоз, чем-то похожих на мифологических западных эльфов или фей, лишая его внимательного женского надзора (необходимо отметить, что сон в ранней лирике поэта характеризует состояние человека, утратившего связь с реальностью, оказавшись под воздействием таинственных сил, или состояние стареющего мира, остановившегося в развитии, – «Что за грустная обитель», «Пустой дом» и т.д.). Ребенок в стихотворении «Где гнутся над омутом лозы» остается без милостивого и милосердного материнского взгляда, опеки, оказываясь один на один со сверхъестественными силами дохристианского мира. И многоликость женской символики для России обернется еще одним смыслом в балладе А.К. Толстого: кратким буйством языческих сил во время сна Женственного христианского начала.

Кстати, интересно отметить, что М. Элиаде в книге «Оккультизм, колдовство и моды в культуре» приводит дошедший до нас рассказ молодого человека, характерный для европейской культуры, о его сражении с ведьмой, обернувшейся стрекозой («…молодой человек рассказал, что он сражался с ведьмой, которая летала кругом в образе стрекозы» [7, с.76]. А.А. Фаустов в статье "Голос стрекозы в русской поэзии" подчеркивает: "...в русской поэзии стрекозы (в отличие, к примеру, от мух, пчел или бабочек) – нечастые гостьи" [8, с.130]. И в балладе «Где гнутся над омутом лозы» проявляется совершенно неожиданный взгляд на насекомое. А. К. Толстой, по мнению исследователя, реализует "смертельный код" стрекозы: "смертельная" интенция из "метафорической" "становится сугубо реальной" ("Из означивающего ту или иную ситуацию индекса стрекоза обращается у Толстого в действующее по преимуществу лицо, в субъект губительной воли"[8, с.132]. Далее А.А. Фаустов подчеркивает, что "...такие смертоносные стрекозы в XX в. будут запечатлены прежде всего у Мандельштама" [8, с. 132]. По мнению литературоведа, "смертоносный код" стрекоз вытекает из "...связи стрекоз с отсчетом времени, и времени особого – граничного, выпадающего из естественного...", как в стихотворении "Звуки ночи" (1858) А.Н. Майкова [8, с. 131]. На наш взгляд, "гибельность кода насекомых" может быть прочитана в том числе и через их метафорическую соотнесенность/похожесть с феями, эльфами и сильфидами. Так. у А.К. Толстого в стихотворении "В альбом" есть эпизод, похожий на заманивание стрекозами ребенка из баллады «Где гнутся над омутом лозы». В произведении описываются сильфиды и их царица (в кельтских и германских мифах эти существа - элементали, духи воздуха, с крылышками, иногда их женское воплощение называют феями или эльфами), которые заманивают путника в водные глубины:

Лишь в сумерках застанет
В лесу она стрелка,
Зовет его и манит
К себе издалека;
Скользит над влагой зыбкой
Среди глухих болот
И странника с улыбкой
Над пропастию ждет [6, т.1, с. 130].

Ситуации двух стихотворений А.К. Толстого, действительно, очень похожи, а если вспомнить и о "прекрасных дочерях" лесного царя из баллады Гете ("Узнаешь прекрасных моих дочерей: / При месяце будут играть и летать, / Играя, летая, тебя усыплять"), очень напоминающих духов воздуха, то, очевидно, можно признать поэтическую логику превращения германских мифологических фей, эльфов, сильфид, дочерей лесного царя в славянских стрекоз с их "гибельным кодом". Тем более, что "цветы бирюзовы" в чертогах лесного царя так напоминают о "бирюзовых спинках" русских стрекоз (однако в цветовой гамме переводчик В.А. Жуковский совершил поэтический произвол: в оригинале Гете немецкое bunt переводится как разноцветный, пестрый (а не бирюзовый), так что скорее можно говорить о заимствовании цветописи не у Гете, а у перевода баллады «Лесной царь» 1818 года, сделанного Жуковским). Пожалуй, отмеченное немногое из заимствованного А.К. Толстым у немецкого образца, заимствованное, добавим, преобразованное и мастерски совмещенное с русским/славянским образом мира.

А. Афанасьев в уже упомянутом трехтомном труде указывает на смертельную опасность (тот же «смертельный код», по определению А. Фаустова) мифологических эльфов для людей ("По указанію народныхъ сагъ, лица, попадающіе къ эльфамъ, редко возвращаются назадъ, а если кто и воротится - то навѣрно на всю жизнь останется полоумным..."[9, т.3, с.71]). Кроме того, ученый отмечает одинаковое словесное обозначение в Швейцарии мотылька и эльфа, а также приводит примеры того, что в процессах о ведьмах злой дух прилетает в виде бабочки, конечно, не в виде стрекозы, но в виде насекомого очень на нее похожего, хотя выше уже отмечалась по книге М. Элиаде и ведьма, превращавшаяся в стрекозу.

Особо следует подчеркнуть и полную противоположность хронотопов баллад «Лесной царь» и «Где гнутся над омутом лозы». В стихотворении Гете «хладная мгла», «белеет туман над водой», «месяц», «ночная глубина», «темные ветви», «ветлы седые», а у А.К. Толстого «гнутся над омутом лозы», «летнее солнце печет», «летают и пляшут стрекозы, / веселый ведут хоровод», «берег отлогий», «песчаное дно».

Баллада «Лесной царь» написана так, словно призвана помочь осознать более позднюю цитату А. Блока из «Скифов» про «сумрачный германский гений». Действительно, сумрачность настроения, сумрачность пейзажа – отличительная черта стихотворения Гете. Г. Гачев в ранее упомянутой книге «Национальные образы мира» отмечает: «Инерция же, статика – производятся гравитацией земли, которая притягивает континентальную, материковую германскую душу с равной силой в глубь (Tiefe). Немец распялен между этими двумя полюсами вертикали Бытия. Глубины Земли также завораживающе влекут этот народ горняков, металлургов, химиков: таинство превращения земли-стихии силой огня-жара неудержимо влекло и средневековых алхимиков… и медиков» [5, с.120]. В другом месте исследователь пишет о том, что «мифические нибелунги» - «гномы, божества, связанные с подземельем», а «спуск по штольням и штрекам в пещеры и кладовые недр – изображен как мистический путь познания мироздания в его основах» [5, с. 120 -121].

Отмеченная Г. Гачевым индустриальная устремленность немецкого национального духа в темноту глубинных слоев земли отражается и в сумрачности национальной картины мира Германии. С этой сумрачностью в немецкой культуре неразрывно связана и идея творческого зла, подчеркнутая автором книги «Национальные образы мира»: «Идея ТВОРЧЕСКОГО ЗЛА нигде так не развита, как в германской мысли. И сам Бог благословляет дух отрицанья на его искусительную деятельность среди человеков…И вот германский вариант разрешения проблемы ТЕОДИЦЕИ – т.е. оправдания бога за наличие, допущение Зла в мире. Оно нужно – как подстрекатель к деятельности, труду, к УРГИИ, - чтобы мог Фауст, переводя Евангелие от Иоанна, заменить «В начале было Слово» - на «В начале было Дело» [5, с. 117.118]. Лесной царь – одно из проявлений силы, в которой добро и зло в человеческом понимании лишается смысла, это враждебное людям начало, соперничающее с ними, постоянно утверждающее свою власть над ними, обретшая мифологическо-языческие очертания, она, тем не менее, узнаваема: это «тот «дух отрицанья и сомненья», который «в различных вариантах и ипостасях… сопровождает шествие Германского духа в истории и культуре» [5, с. 116-117]. Таким образом, в сумрачности, метафизичности, философичности, трагическом разделении внешнего космоса и внутренней жизни души, воплощенных в балладе «Лесной царь» Гете, отразился немецкий образ мира.

Пейзаж баллады А. К. Толстого "антонимичен" пейзажу немецкого образца. Может быть, в такой противопоставленности и заключается один из главных законов построения русского/славянского образа мира («Русский ум начинает с некоторого отрицания, отвержения…» [5, с. 222]). Отталкиваясь от немецкого образца, А. К. Толстой создает солнечный, безмятежный мир, мир «водо-земли» «по составу стихий» [5, с.217]. Пейзаж прозрачен и воздушен, даже крылышки стрекоз просвечиваются:

У нас бирюзовые спинки,

А крылышки точно стекло! [6, т.1, с.134].

Представление о прозрачности как свойстве соединения солнечного света и воды для славянского мировосприятия было устойчивым. А. Афанасьев в книге "Поэтические воззрения славян на природу" отмечает: "... съ зорею соединялась мысль о свѣтлой богинѣ весны, а съ возвратомъ весеннихъ дней отмыкались облачныя криницы, то естественно, что представленіе о солнцевыхъ источникахъ должно было прилагаться и къ живой водѣ дождевыхъ ливней. Сверхъ того, понятія блеска, чистоты, прозрачности на самомъ дѣлѣ нераздѣльны съ водою, которая нерѣдко и сравнивается съ кристалломъ;

озаренная лучами солнца и луны, она дѣйствительно поражаетъ глазъ своими золотыми и серебреными переливами" [9, т.2, с.288-289].

Стихия света, солнечный свет, светоносность, воздушность, легкость, прозрачность всегда характеризовали славянский/русский образ мира. В статье "Славянская мифология" из энциклопедии "Мифы народов мира" отмечается, что одна из основных мифологических оппозиций в верованиях славян - оппозиция света и тьмы в разных вариациях: огонь/влага; день/ночь; весна/зима; солнце/луна; белый/черный; Белобог/Чернобог и т. д. [10, Т.2, с. 452]. В дальнейшем Русская земля изображалась как осиянная стихией света, достаточно указать на "Слово о погибели Русской земли", где свет - квинтэссенция, отражающая сущность Руси: "О, свѣтло свѣтлая и украсно украшена, земля Руськая!".

Однако прозрачность в балладе А.К. Толстого оборачивается призрачностью, безмятежность - опасностью. Впрочем, такая организация художественного мира была довольна распространенной у русских поэтов. Достаточно назвать стихотворения Ф.И. Тютчева «Полдень» (1827-1830), «Последний катаклизм» (1830) и т. д. В пейзажной зарисовке стихотворения «Полдень» за одушевленной, гармоничной, безмятежной картиной природы ощущаются скрытые катаклизмы, и бог полей и лесов Пан, олицетворяющий панический страх, вот-вот готов проснуться и повергнуть человечество в состояние ужаса. Ф.И. Тютчев достигает эффекта «смены декораций» за счет контраста между описанием лениво дышащего полдня, лениво текущей реки, «пламенной и чистой» тверди и внезапной метафоры «полдень мглистый», вызывающей чувство тревоги. Такая «антитезная» организация стихотворения и приводит к ощущению эфемерности покоя и безмятежности, в которые погружен мир. Тютчевское поэтическое «у бездны», конечно, отличается от толстовского «у омута» и по философскому подтексту, и по силе, и по глубине выражения, и по трагичности мироощущения. Однако состояние русского духа, переданное А.С. Пушкиным в поэме «Медный всадник» как ощущение «над бездной», словно структура ДНК входит в образ русского/славянского мира.

Дожурнальная редакция стихотворения содержала еще четыре строфы:

Дитя побежало проворно
На голос манящий стрекоз,
Там ил был глубокий и черный
И тиною омут порос.

Стрекозы на пир поскорее
Приятелей черных зовут.
Из нор своих жадные раки
С клещами к добыче ползут,
Впилися в ребенка и тащат
И тащат на черное дно,
Болото под ним расступилось,
И вновь затянулось оно.
И вновь, где нагнулися лозы
От солнца палящих лучей,
Летают и пляшут стрекозы,
Зовут неразумных детей [6, т. 1, с.456].

Однако концептуально они уничтожают балладный жанр дидактикой и нравоучением, обращением к «неразумным детям» в последних строчках. Кроме того такая конкретизация ужасного разрушала поэтику horror и целостность, естественность, единство славянского образа мира (особенно дисгармоничны эпитет «черный» (использован три раза), «некрасивость» болотного мира, мотив дружбы воздушных стрекоз и обитателей черного дна омута, описание пира раков и т. д. для созданной писателем картины). Очевидно, со всеми указанными причинами и связано отсечение этих строф в окончательном варианте баллады «Где гнутся над омутом лозы».

Как уже отмечалась, исследователи, и в частности И. Ямпольский, писали о воздействии «Воздушного корабля» И.-Х. Цедлица в переводе М.Ю. Лермонтова на балладу «Курган» А.К. Толстого. «Оттолкнувшись» от классического австрийского «образца» поэт воссоздает национальный славянский образ мира. Сразу же бросается в глаза, что по сравнению с «Воздушным кораблем» И.-Х. Цедлица (по оригиналу, так как М.Ю. Лермонтов в ряде случаев отходит от него) изменены и ситуация, и хронотоп, и главный герой (дух Наполеона пытается найти подвластные народы, свою империю, свои города и своего сына-наследника/ зарытый в кургане безымянный витязь в окончательной редакции стихотворения «Курган» только упомянут и с ним, персонифицировано, не связано развитие сюжета произведения; море, несущийся по нему безлюдный корабль, остров с могилой императора, появление Наполеона на берегу Франции/ степь, открытая равнина, курган). А.К. Толстой воссоздает степное пространство, в историческом прошлом - пограничье Руси, описывает тризну над останками «знаменитого» витязя. Писатель рисует бесконечную русскую равнину, в необозримости кото-

рой, казалось, должен был бы затеряться, а с течением времени и разрушиться старинный курган – последнее пристанище знаменитого витязя. Однако древний курган по-прежнему напоминает о прошедших временах:

И вот миновалися годы,
Столетия вслед протекли,
Народы сменили народы,
Лицо изменилось земли.
Курган же с высокой главою,
Где витязь могучий зарыт,
Еще не сровнялся с землею,
По-прежнему гордо стоит [6, т.1, с.135].

Развитие балладного сюжета ведется из настоящего, забывшем о «наезднике державном»:

А витязя славное имя
До наших времен не дошло…
Кто был он? венцами какими
Свое он украсил чело?
Чью кровь проливал он рекою?
Какие он жег города?
И смертью погиб он какою?
И в землю опущен когда?[6, т.1, с.135-136].

Однако «забытость» в балладе А.К. Толстого совсем другая, чем в стихотворении И.-Х. Цедлица. В произведении австрийского поэта вся прижизненная слава Наполеона в загробном мире – тлен, никто не откликается на его зов в мире людей, происходит щемяще-томительное блуждание духа, прощающегося со своей земным триумфом.

В балладе А.К. Толстого место захоронения героя очеловечено, курган словно впитал богатырскую энергию “наездника державного”. Могучая, древняя сила не распылилась, не исчезла в глубинах времени и пространства, она соединилась со стихией земли (курганом) и готова пробудиться в достойном из новой эпохи. Русская земля конденсирует и консервирует богатырскую энергию. Феномен богатырства в балладе “Курган” А.К. Толстого архетипичен. Богатырство в лирическом произведении закодировано как архаический тип славяно-русского менталитета. В балладе “Курган” богатырство, оказавшись вытесненным из физического плана бытия, функционирует на совершенно других уровнях – метафизических, трансцендентных – существования мира. В таком подходе отразились фольклорные мотивы славянских народов, связывающие богатырскую силу с родной землей. Творческое соперничество с иноязычным текстом и вылилось в созданный А.К. Толстым национальный образ мира в балладе “Курган”. Отброшенные поэтом шесть последних строф, в которых витязь вздыхает об ушедшей славе, а с зарей уходит в могилу, максимально сближали бы “Курган” с «Воздушным кораблем», нивелируя значение мотива богатырства, одного из краеугольных камней славянской ментальности.

Остановимся на соотнесенности иноязычного образца - баллады "Король Гаральд Гарфагар" Гейне и баллады «Князь Ростислав» А.К. Толстого. В стихотворении русского поэта славянский хронотоп и славянский менталитет реализуется в многочисленных древнерусских реалиях. Это и цитата из "Слова о полку Игореве", и боги из славянского пантеона - Перун (бог грома и молнии), Посвист (бог ветра, бури), и старославянская лексика, и реальная основа события - гибель исторического Ростислава, брата Владимира Мономаха, утонувшего при переправе через реку Стугну в 1093 году и т.д. Так что останавливаться дополнительно на внешних атрибутах национального мира вряд ли имеет смысл. Гораздо важнее сопоставить концепции баллад "Король Гаральд Гарфагар" и «Князь Ростислав». На наш взгляд, именно на этом уровне и должна максимально проявиться модель славянского образа мира. В стихотворении Гейне король Гаральд в посмертии, на дне морском, находясь под воздействием чар прекрасной феи, не может вспомнить о родине и обратиться к родичам-норманнам. В балладе А.К. Толстого ситуация кардинально противоположна: князь Ростислав из речного омута зовет, просит о помощи и "жену младую", и брата, и киевских попов, однако никто его не слышит. Посмертие славянского витязя, его неупокоенность обусловлена, в том числе, и тем, что его могила находится "в земле чужой", "на дне речном". В такой трактовке за границей загробного мира князь Ростислав помнит и о Руси, и о родичах, даже чары подводных дев не могут разрушить эти мысли героя. Слитность, вечное слияние с родной землей, родом, даже в посмертии, - главная черта славянского мира в балладе А.К. Толстого, отличающая его инонационального образа мира в балладе "Король Гаральд Гарфагар" Гейне.

Иноязычные образцы своей непохожестью и специфичностью и "провоцировали" А.К. Толстого на создание яркого, самобытного образа славянского мира.

Список литературы

1. Ямпольский И. Середина века: очерки о русской поэзии, 1840-1870 гг. Л., 1974. 349 с
2. Сухотин М. Жадные грачи (о работе графа А. К. Толстого с литературным образцом)// [Электронный ресурс]/URL:http://www.levin.rinet.ru/FRIENDS/SUHOTIN/Statji/Grachi.html
3. Сухотин М. Два "Дон-Жуана"// [Электронный ресурс]/ URL:http://www.levin.rinet.ru/FRIENDS/SUHOTIN/Statji/DonJuan.html
4. Шешнева Т.Н. Творчество А.К. Толстого в контексте русско-немецких литературных и историко-культурных связей.: дис. на соиск. ученой степ. канд. филол. наук. Саратов, 2007
5. Гачев Г. Национальные образы мира. М., 1998. 430 с
6. Толстой А.К. Собрание сочинений. В 4-х т. М.: Правда, 1980
7. Элиаде М. Оккультизм, колдовство и моды в культуре / Пер. с анг. - К.: София; М.: ИД Гелиос, 2002
8. Фаустов А.А. Голос стрекозы в русской поэзии / Мировое древо. Выпуск 11. М., 2004, с.130-149
9. Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу. В 3-х томах. М., 1994
10. Иванов В.В., Топоров В.Н. Славянская мифология / Мифы народов мира. Энциклопедия. М., 1998, т.2, с. 450-456

Об авторах

Антюхов Андрей Викторович – доктор филологических наук, профессор Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского.

Шаравин Андрей Владимирович – доктор филологических наук, профессор Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского.

УДК 821.161.1

ИГРА КАК МОТИВ И КОМПОЗИЦИОННЫЙ ПРИНЦИП В ПОВЕСТИ В.С. МАКАНИНА «ОТДУШИНА»

Гун Ц.Ц.

В статье анализируется художественная роль игры в повести В.С. Маканина «Отдушина». Игра в повести характеризуется полифункциональностью и многомерностью. Она рассматривается не только как шахматный поединок, но и как форма взаимоотношений героев. Мотив игры становится смыслообразующим и сюжетообразующим в повести, реализуясь как на уровне содержания, так и на уровне формы. Игра воспринимается автором как художественный приём, а также выполняет композиционную роль, в результате чего автор одновременно играет и с персонажами, и с читателем. Кроме того, с помощью языковой игры и метафоры в заглавии автор создаёт эффект загадки. Авторское сознание выражается в выстраивании внутритекстовых семантических связей.
Ключевые слова: Маканин, отдушина, шахматная игра, игровой принцип, языковая игра, авторское сознание.

THE GAME AS A MOTIVE AND COMPOSITIONAL PRINCIPLE IN V.S. MAKANIN'S STORY "OUTLET"

Gong Q.Q.

This article analyzes the role of game in V.S. Makanin's prose *Outlet* . The game in the story is characterized by multifunctionality and multidimensionality. It is viewed not only in the literal sense (chess game), but also as a form of mutual relationship between heroes. The story unfolds around the motive of the game. The game principle in the text of performs structure-forming functions both at the content level and at the level of form. The game is perceived by the author as a technique, performing a compositional role. As a result, Makanin simultaneously plays both with characters, as well as with the reader. In addition, using the language game and metaphor in the title, the author creates the effect of riddles. Author's consciousness is expressed in the alignment of intramural semantic links.
Keywords: Makanin, outlet, chess game, game principle, language game, author's consciousness.

Проза В.С. Маканина носит интеллектуальный характер, отличается определенной элегантностью и тонкостью. Одной из важных особенностей прозы Маканина является то, что она нередко воспринимается читателем как интеллектуальный лабиринт. Это обусловлено разными причинами, но одну из них следует искать в том, что его отношения с читателем нередко строятся по законам игры. И это не только игра со словом или фактом. Читатель, как и маканинские персонажи, может стать участником разработанных автором интеллектуальных сюжетных квестов.

Одним из самых ярких примеров использования Маканиным игрового принципа в прозе является повесть «Отдушина» (1989): в этом произведении все, от начала до конца, от заглавия к финалу, от описания персонажей до изображения их конфликта, напоминает по своему построению шахматную игру. Такую параллель мы проводим не случайно: шахматы являются первой любовью и страстью Маканина. Выступая перед зрителями в передаче «Линия жизни» на телеканале «Культура», писатель отмечал, что «серьёзно увлёкся шахматами в школе, был достаточно сильным игроком» [12]. Он высоко ценил магию шахматной игры, которая отражает процесс размышления. В одном из интервью он отмечает: «<…>я хорошо считаю ходы. Когда я пишу повести или роман, всегда знаю, играю белыми или черными. Белая партия динамична, энергична, но поверхностна. Мне кажется, что самым интересным является играть чёрными, когда с темой я мало знаком. Когда я играю черными, как будто ступаю в тёмный лес, это даёт мне ощущение творчества по какому-то более высокому счёту. Я не спешу, пишу постепенно, как хочу»[12]. В последовательности ходов шахматной игры воплощается авторская логика.

Понятие «игра» в повести характеризуется многомерностью. С одной стороны, противостояние Михайлова и Стрепетова напоминает шахматное состязание, в котором один постепенно выживает другого с помощью хорошо продуманной стратегии. С другой стороны, оба героя относятся к любви Алевтины играючи, это для них только «отдушина» и ничего более. И даже сама формулировка хождения Михайлова и Стрепетова на квартиру к Алевтине

наталкивает на ассоциацию с шахматными фигурами, которыми «ходят» игроки.

В процессе соперничества, делая ход в отношениях с избранницей, Михайлов и Стрепетов используют разные стратегии по очереди. В начале борьбы они просто приходят к Алевтине, сидят и смотрят, ждут, кому она отдаст предпочтение. Героиня становится своего рода воплощением спортивной удачи, фортуны, которая меняет свою благосклонность по отношению к игрокам.

В начале повести Михайлов встречается с Алевтиной. Между ними возникает чувство, и в этот момент по воле автора в их отношения вмешивается Стрепетов. Он, красивый и умный, принадлежит к числу мужчин, которые нравятся героине. Кроме того, их объединяют общие интересы. Все это приводит к тому, что на первом этапе начавшегося поединка Стрепетов побеждает. На первый взгляд, Михайлов отдает инициативу, на самом же деле он ищет новую стратегию борьбы со Стрепетовым, чтобы вернуть героиню.

Когда Алевтина теряет интерес к Стрепетову, Михайлов как бы перехватывает инициативу, проявляя активность в поединке: преподносит ей подарок, помогает найти надёжного врача. Все действия Михайлова способствуют пробуждению в Алевтине привязанности к нему. Он стремится удержать завоеванную позицию и, находясь рядом с героиней, постоянно проявляет заботу о ней. Когда Алевтину начинает тяготить его присутствие, он меняет тактику: отправляя ей с рабочими изящный шкафчик, сам заходит к ней уже по поводу мебели, спокойный, деловитый, даже не намекая на личные отношения. Алевтине нравится новая форма его поведения.

Михайлов продумывает все до мелочей. Он проявляет подчеркнутую заботу об Алевтине, может вспомнить о значимых для нее бытовых мелочах: ремонте магнитофона, сменах старых блоков, чистке и смазывании мотора, отыскании книги Мопассаны. Однако в его поступках слишком отчетливо проявляется рациональность процесса игры. «Стихами можно отблагодарить на слишком короткое время, и, когда стихи раз от разу потеряют смысл и значение подарка, она попадет в некое подобие зависимости от Михайлова»[3, с. 35].

Михайлов не только соперничает со Стрепетовым, но и играет с Алевтиной, их отношения рассматриваются им как игра. «И возвращается чувство; удивительно, но еще удивительнее, как оно возвращается; сначала скрытые подарки и ненавязчивые услуги — это только ход, довольно точный и продуманный ход, из тех рычагов, какими Михайлов поднимает себя в глазах Алевтины» [3, с. 37]. Продумывая стратегию игры, Михайлов получает видимое преимущество перед Стрепетовым, практически побеждает его. И здесь фортуна неожиданно отворачивается от него. Автор предусмотрел новый поворот в противостоянии героев.

Сначала в логически выстроенной, на первый взгляд, непробиваемой защите образуется брешь, причиной которой становится вмешательство иррационального начала. Герой неожиданно для себя оказывается во власти эмоций: «Но очень скоро Михайлов отмечает, что дарить радостно. Это любовь» [3, с. 37]. Прочность отвоеванных позиций перестала быть безусловной. И именно в тот момент, когда герой меньше всего был готов к дальнейшему продвижению в игре, так как необходимость ее продолжения оказалась под вопросом, бытовые обстоятельства заставили Михайлова добровольно уступить сопернику.

Его сыновья собрались поступать в университет на математический факультет, в связи с чем он должен был просить помощи у Стрепетова. Последний получает возможность идти в наступление, соперник дает ему своего рода карт-бланш, отступая ради своих сыновей. Это опять предоставит Стрепетову возможность возвратиться к Алевтине. Маканин подчеркивает, что оба противника продолжают строить отношения по законам игры. Их поединок близится к концу, а как свидетельствует практика шахматной игры, чем ближе партия к финалу, тем осторожнее становятся игроки: «Стрепетов, может быть, и рад, но, скорее всего, растерян. Он думает: а был ли тот разговор в машине, не померещилось ли, то есть не сам разговор, а смысл и значение его — были ли? Или же это какая-то психологическая накладка и самообман?.. Стрепетов спешно закуривает» [3, с. 47]. «Стрепетов осторожничает и дает себе возможность обратного хода»[3, с. 48]. В конце концов, когда Алевтины нет дома, Михайлов и Стрепетов заключают сделку. В результате Михайлов отказывается от борьбы, а Стрепетов получает возможность добиваться благосклонности избранницы, не тратя сил на борьбу

с соперником. Он победил, но и Михайлов не упустил свою выгоду, обеспечив своим детям поступление в университет, отказавшись от перспективы нравственного очищения души любовью. Продолжая проводить параллель с шахматной игрой, можно сказать, что происходит «размен» фигурами. Поистине проигравшей оказывается Алевтина, так как борьба за нее стала всего лишь игрой, завершившейся банальной сделкой.

Очевидно, что на уровне содержания игровое начало обнаруживается и в разработке сюжета, и в развитии мотива. Для художественного текста характерны ключевые знаки, которые обнаруживают себя в выражении авторского сознания и в выстраивании внутритекстовых семантических связей. Н.А. Николина считает, что «ключевые слова образуют синонимичные им единицы, слова, ассоциативно с ними связанные, наконец, однокоренные слова, повтор которых в том иди ином контексте, как правило, не случаен» [6, с. 187]. В «Отдушине» слово *игра* повторяется 8 раз. Ассоциативно-смысловое поле слова «игра» становится ключевым элементом, определяющим поведение игроков в борьбе. Сквозь призму игры Маканин видит человека и окружающую его действительность, чему способствуют семантические параллели «игра-человек», «игра-жизнь», «игра-любовь». Для того чтобы глубоко понимать текст, надо включать в этот ряд ещё параллели и «игра-борьба». Нидерландский культуролог Й. Хейзинга, разрабатывая теорию игры в аспекте культурологии, подчеркивала, что в игре присутствует дух состязания, отвечающий потребностям человеческой натуры, «которая постоянно стремится ввысь, неважно, будет ли эта высь земной славой и превосходством или победой над всем земным. Игра и есть та самая врожденная функция, благодаря которой человек осуществляет свое стремление» [10, с. 92].

Этот тезис отчасти иллюстрируется в повести Маканина. Во-первых, человек в художественном пространстве его произведения является объектом игры. Участники в этой любовной игре – поэтесса Алевтина, мебельщик Михайлов, математик Стрепетов. Поэтесса является целью и добычей мебельщика и математика. Платон отмечал связь между человеком и игрой, «человек <…> — это какая-то выдуманная игрушка богов, и по существу это стало наилучшим его назначением. Надо жить, играя <…>. Что же это за игра? Жертвоприношения, песни, пляски, чтобы, играя, снискать милость богов и прожить согласно свойствам своей природы; ведь люди в большей своей части куклы и лишь немного причастны к истине» [7, с. 282-283]. М. Эпштейн отметил дуалистическую суть представления Платона: либо «надо жить, играя», либо «человек — всего лишь игрушка» [11, с. 272]. Алевтина бессильна перед этой экзистенциальной по своей сути игрой, она обречена на то, чтобы стать игрушкой.

Во-вторых, игра становится метафорой самой жизни. Для понимания специфики авторского сознания очень важной является характеристика, данная Алевтине: «Есть и понимание своих усилий: она старается быть «просто доброй бабой», и чтобы он отдыхал здесь от суеты и тщеты, и чтобы не мучился своей, скажем, судьбой, или женой, или чем там еще мучаются мужчины, не понимающие простой истины, что выше головы не прыгнешь и что в конце концов игра с жизнью, как и игра с женщиной, идет не на обман и не на итог, — мужчины этого знать не желают, но пусть хотя бы, бедняги, почувствуют» [3, с. 11]. В таком тексте игра отождествлена с жизнью, превращается в способ существования.

В-третьих, любовь - это также игра. И. Б. Роднянская в статьи «Незнакомые знакомцы» упомянула о том, «что повесть «Отдушина» единственно понята её интерпретаторами как драма попранной и проданной любви. Любовь является одним из самых волшебных, волнующих чувств, которое только может испытать человек» [8, с. 611]. В повести автор дает общую информацию об участниках игры, описывает внешность и личную жизни трех персонажей. Поскольку Алевтина сначала познакомилась с Михайловым, то автор в начале повествования описывает отношения Михайлова и Алевтины, потом в них вмешивается Стрепетов.

Кроме того, игра отождествляется с борьбой двух игроков. Оппозиция «выиграть-проиграть» положена в основу шахматной игры, поскольку с самого начала она была не просто развлечением, а настоящим состязанием, в котором игрок оказывается либо победителем, либо проигравшим. Хейзинга отмечает, что «исход игры либо состязания важен лишь для тех, кто в качестве игрока или зрителя (на месте действия, по радио или как-то иначе) включается в игровую атмосферу и принимает правила игры»[10, с.

65]. Цель игры-состязания заключается в результатах — выигрыш или проигрыш. Процесс такой игры доставляет удовольствие игрокам и читателям. Михайлов и Стрепетов ведут «борьбу за бабу». Каждый из них имеет свою цель и использует неопределенные стратегии, которые могут вести к выигрышу или проигрышу. Когда они развёртывают конкурентную борьбу, Алевтина как всякий человек делает выбор. По сути, она тоже проводит критический анализ, чтобы на его основе определить соответствующую стратегию поведения. «Она режиссирует весь процесс, она тянет нить, она мелькает спицами, она вяжет, как вязала ее прабабка теплые носки внуку <…> Алевтина сама вяжет роман, сама ставит точку и сама доставляет тебе горечь, не дожидаясь, пока ты вдруг уйдешь и доставишь горечь ей» [3, с. 31].

Игра воспринимается автором как важный композиционный элемент**.** В лекции о Ф.М. Достоевском В.В. Набоков даёт своё определение игры: «…обращаясь к художественному произведению, нельзя забыть, что искусство - божественная игра. Эти два элемента — божественность и игра — равноценны. Оно божественно, ибо именно оно приближает человека к Богу, делая из него истинного полноправного творца. При всём том искусство — игра, поскольку оно остаётся искусством лишь до тех пор, пока мы помним, что в конце концов это всего лишь вымысел, что актеров на сцене не убивают.» [4, с. 185]. Набоков отмечает связь между искусством и игрой. Искусство имеет игровую природу, и читатели или зрители наслаждаются искусством, а не переживают в процессе наслаждения.

Маканин не просто организует сюжетное действие по игровым принципам, но и хронотоп произведения: пространство в повести строго локализовано, очерчено и напоминает шахматную доску, герои, как шахматные фигуры, не выходят за его границы. Герои принимают решения, но их независимость иллюзорна, они свободны лишь в рамках игры. Вне ее они не могут изменить свою жизнь, ибо не в силах отказаться от поединка.

Время тоже подчинено законам игры: шахматные часы включаются, отделяя один ход от другого. Маканин учитывает такие факторы, как игровое время, игровая позиция, динамика развития игры, психологическое воздействие игроков друг на друга. Все эти факторы влияют на принятия игроками решения в шахматной партии с целью сохранения или развития собственной инициативы. И Михайлову, и Стрепетову отводится определенный промежуток времени для принятия решения: если стратегия следующего этапа не будет выбрана, герой рискует попасть в цейтнот. Например, «Михайлов пытается что-то переменить, звонит чаще или приходит к ней без звонка и внезапно («Случайно шел мимо — дай, думаю, зайду»), но тем бесцеремоннее его вытесняют» [3, с. 31]. Автор наблюдает за своими персонажами, меняя условия игры. «А появившийся новенький — это Стрепетов. Нет, новенький был, и мелькнул, и как-то мгновенно исчез, а второй новенький — вот это уже математик. Михайлов видит вдруг, что теперь не его черед и час и что теперь в эту ее жизнь втягивается Стрепетов, приходит Стрепетов, звонит Стрепетов» [3, с. 30].

Цейтнот возникает в повести из-за нерационального использования времени игроками в ходе поединка. Возникновение цейтнотной ситуации связано с влиянием авторитета соперника. В шахматной игре каждый из противников вольно или невольно оказывает на соперника определенное психологическое давление. Они подробно изучили стиль, слабые и сильные стороны противника. В восприятии Михайлова Стрепетов, как игрок в шахматной партии, - сильный соперник «и машина своя, и красив пес, и времени свободного хоть засыпься» [3. с. 22]. В глазах же Стрепетова «Михайлов <…> туповатый и медлительный «мебельщик», деляга, начальничек с пузом <…> Дуб» [3. с. 24].

Действие развивается на двух уровнях, на одном из которых противоборствуют Михайлов и Стрепетов, другой же уровень, спрятанный от читателя, всецело принадлежит автору, сознание которого порождает новые игровые стратегии: «теперь вот (и именно теперь) начинается то самое просиживанье друг против друга с чашечками кофе в руках — и оба, и Стрепетов и Михайлов, так сказать, признаны и приняты, и это, вероятно, несколько нарушает обычную спланированность жизни Алевтины, но Алевтина неспланированность эту терпит. А время идет. Стрепетов все еще посмеивается, как посмеивается *старожил,* но и тут эволюция, математик заметно нервничает» [3, с. 35].

Автор одновременно играет и с персонажами, и с читателем. В прозе Маканина отно-

шения между автором и читателями логоцентричны, поэтому, возможно, они и превращаются в своеобразный интеллектуальный квест. С одной стороны, читатель должен понимать логику игры, развивающейся на его глазах. В повести Маканин отдает предпочтение повествованию от третьего лица и использованию несобственно-прямой речи, что помогает ему дистанцироваться от героев. Читатель, как зритель, смотрит, как развёртывается борьба за Алевтину. С другой стороны, писатель сам ведет свою партию в игре, меняя ее стратегию и создавая препятствия (барьеры) как для героев, так и для читателя. В начале повести Михайлов встречается с Алевтиной, между ними вроде бы возникает чувство. Пока читатель наблюдает развитие их любви, Маканин меняет структуру системы персонажей и включает в нее Стрепетова. Стрепетов — красивый и умный, принадлежит к числу мужчин, которые нравятся Алевтине. Поскольку у них общее хобби и общий язык, Стрепетов взял в борьбе верх над соперником. Михайлов, на первый взгляд, уступает, а на самом деле использует разные стратегии для борьбы со Стрепетовым и возвращения Алевтины. От хода к ходу герои то получают преимущество в игре, то его теряют. Но этот процесс зависит не только от них, но и от автора, помогающего каждому из них создать такую расстановку фигур на сюжетной доске, которая озадачивает соперника, заставляет его искать новые пути разрешения шахматной и жизненной задачи. И так продолжается до заключения сделки, разрушившей красоту и загадочность игры.

Герои, по сути, предают игру как высокое искусство, опошляя ее меркантильностью. Но для автора мистическая сила игры безусловна. Он осознает, что власть человека на шахматной доске иллюзорна. Каждый шаг приближает противника к проигрышу, но этого шага он не может не совершить. Г.К. Каспаров в работе «Шахматы как модель жизни» отмечает бесконечные комбинационные возможности и варианты, которые заключены в игре: «Шахматную игру невозможно свести к полному перебору вариантов, в первую очередь из-за огромного количества возможностей, с которыми приходиться иметь дело. Она в силу своей дискретной природы носит комбинаторный характер. Дерево вариантов ветвится в геометрической прогрессии. Уже через пять ходов после начала игры могут возникнуть миллионы различных позиций» [2, с. 74-75]. В контексте художественной реальности шахматная комбинаторика может создавать в процессе развития действия эффект deus ex machine, но в маканинской повести этого не происходит благодаря тому, что автор остается верен выбранной повествовательной стратегии, прислушиваясь к пульсу игры и сохраняя логику поединка.

Автор, сознательно замедляя развитие действия и создавая иллюзию повседневной текучести жизни, поочередно погружает героев в бытовую реальность, таким образом, маркируя очередной переход хода. Поэтому важную роль в повести играет бытовая деталь. С ее помощью Маканин не просто конструирует реальный мир, но делает его осязаемым и зримым. Благодаря этому читатель получает возможность занять позицию зрителя, включается в игру. Таким способом писатель характеризует победу Михайлова, подчеркивая, что герой в квартире Алевтины «и ведет себя как старожил — просит кофе, прохаживается, привычно и со знанием роется на книжной полке. Тут он впервые понимает, что в известной мере живет в этой квартире: зачастил, браток, — у него любимые *свои* книжечки стихов, *своя* чашка, из которой он пьет кофе, и кресло, на которое он садится чаще, чем на другое, вроде бы тоже *свое.* » [3, с. 30].

Не менее важна в повести и языковая игра, проявляющаяся, например, как в использовании различных метафор, так и в варьировании синонимов или повторении однокоренных слов. Так, автор использует не только лексему игра, но и другие однокоренные слова, например, «играть»(1), «проиграл»(2), «выиграл»(2), «играющую»(1). Выстраивание антонимических отношений - «проиграл» / «выиграл» - помогает подчеркнуть противоположность разных состояний героев: «Михайлову плевать. Он не замечает пыли. Зато он замечает другое — Стрепетов проиграл <…> А Стрепетов, такой умный и такой неоцененный, поднимается и уходит. <…> Он спускается по лестнице и в сердцах повторяет: — Тупица выиграл…Тупица выиграл, а как?»[3, с. 37]. В приведённых контекстах лексема «выиграть» употребляется в значении «одержать верх», «победить в чем-нибудь» (в игре, споре, состязании), а «проиграть» обозначает «потерпеть неудачу в игре и состязании».

Состояние влюбленности, как и процесс игры, обладает магической силой, которая втягивает игроков в игру. Это отражается в повести на лексическом уровне. Например, глагол «тянуть» используется один раз, «тянет» - два раза, «втягивается» - два раза. Оба, Михайлов и Стрепетов, «втягиваются» в жизнь Алевтины.

Самым важным условием протекания игры является наличие времени, поэтому самую многочисленную группу составляют глаголы с фазисным значением. Временное значение здесь заложено в лексеме «сидеть» (3) и её однокоренных словах: «пересидит» (1), «сидит» (5), «сидят»(6), «посидеть», «высидит»(1), «просиживание»(1), «высиживание»(2), «высидел»(1), «садиться»(2), которые употреблены в процессе борьбы. С помощью глаголов «высидит»(1), «высидел»(1) и имен существительных «просиживание»(1), «высиживание»(2) обозначается временная протяженность игры. Особенно значимы лексемы «высидеть» и «просидеть». Если слово «просидеть» в контексте развития действия означает инициированное героями длительное проведение времени в доме героини в ожидании желаемого результата (являющееся частью стратегии игры каждого из них), то слово «высидеть» обозначает получение результата, то есть выигрыш в результате хода.

Игра в повести предстает не только как шахматный поединок, но и как «борьба за бабу», поэтому в повести используются и другие однокоренные слова, связанные с соперничеством за любовь, такие, как «ревнуешь»(2), «ревнуй»(1), «ревнует»(3), «осторожничает»(1), «настораживает»(1), «осторожность»(1). Более того, так как игра - это сложная интеллектуальная работа, автор подключает к характеристике процесса поединка словосочетания, обозначающие напряжённый процесс соперничества Михайлова и Стрепетова, - «одолеть мебельщика», «держит в разговоре верх». И хотя повторение однокоренных слов нередко создает речевую избыточность, являясь нарушением лексической нормы, в маканинской повести оно вполне оправдано, так как замена использованных синонимов не решила бы в полном объеме задачи обозначения процесса чередования ходов. Кроме того, частичный лексико-семантический повтор способствует сохранению связности текста.

Эффект игры создается и благодаря использованию метафоры в заглавии повести «Отдушина». «Отдушина» обозначает отверстие для выхода нагретого воздуха. Например, отдушина в печи. В повести слово «отдушина» используется как иносказание. Это то, что дает выход каким-нибудь сдерживаемым чувствам, стремлениям, настроениям. Стрепетов приходит к Алевтине, чтобы забыть о суете, освободиться от нее. «Этот промежуток меж рабочим днем и домом он старается использовать так, чтобы хорошенько расслабиться и забыться — хотя бы раз в неделю, хотя бы редко, хотя бы иногда. Этот-то временной промежуток он и называет отдушиной»[3, с. 40]. Страх, который возникает в душе Стрепетова от ощущения статичности бытия, становится основным побуждением к игре. Напряжение внутренних движений души, порождённых страхом, заставляет его искать выход во внешнем движении, в хитросплетениях игры. Для Стрепетова и Михайлова Алевтина становится отдушиной. «Отдушина — это отдушина, и никак не меньше; это, пожалуй, индивидуально и избирательно, и не всякая женщина годится в жены…отдушина как никак от слова «душа» <…> детство, между прочим, тоже отдушина» [3, с. 42]. В сознании Стрепетова понятие «отдушина» материализуется, становится формой организации пространства, воспринимается как укрытие. «Но…не одиночество, и Алевтина, и чтение стихов, и кофе, и род любви…» [3, с. 43]. Для Михайлова же отдушиной является не только время, проведенное у Алевтины, но и процесс игры, а главное – обретение преимущества перед противником. Таким образом, заглавие тоже помогает писателю реализовать игровой принцип.

Маканинский текст представляет собой сложную игровую систему, все элементы которой ориентированы на то, чтобы вовлечь читателя в активные игровые отношения как с героями, так и с самим текстом. Игровое начало в повести «Отдушина», проявляясь как на уровне содержания, так и на уровне формы, способствует выявлению важных компонентов авторского художественного сознания.

Список литературы

1. Бондаренко В. Г. Время надежд. Звезда. 1986.№.8.С.184-194.

2. Каспаров Г.К. Шахматы как модель жизни [Текст] // Г.К. Каспаров. М.: Эксмо, 2007. 352 с.

3. Маканин В.С. Отдушина: Повести. Роман. М.: Известия, 1990. 558с.

4. Набоков В.В. Фёдор Достоевский // Набоков В. Лекции по русской литературе. М: Независимая газета, 1996. 440с.

5. Набоков В.В. Фёдор Достоевский // Набоков В. Лекции по русской литературе. М: Независимая газета, 1996. 440с.

6. Николина Н.А. Филологический анализ текста: Учеб. Пособие для студ. Высш. под. учеб. заведений// Н.А. Николина. М.: Академия, 2003. 256с.

7. Платон. Закон. // Соч. в 3 т. т.3.ч.2. М.: Мысль,1972. 731с.

8. Роднянская И.Б. Незнакомые знакомцы // Движение литературы. Т.1. М.: Знак: Языки славянских культур, 2006. 712с.

9. Тырышкина Е.А. Ассоциативное поле как элемент поэтической картины мира В. Набокова…канд. филол. наук. Новосибирск, 2002. 191с.

10. Хейзинга Й. Homo ludens; В тени завтрашнего дня [Текст] // Й. Хейзинга. М.: Пресс-Академия, 1992. 458с.

11. Эпштейн М.Н. Парадоксы новизны: О литературном развитии XIX-XX веков [Текст] // М.Н. Эпштейн. М.: Сов. писатель, 1988. 416с.

12. http://youtu.be/OODn6TraOWE Линия жизни. Владимир Маканин. Канал Культура.

Об авторе

Гун Цинцин – аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, qingqinggong@mail.ru

УДК 821.161.1

«АНТИТЕЗА» ТАЛАНТ-ГЕНИАЛЬНОСТЬ В РОМАНЕ В. С. МАКАНИНА «ПОРТРЕТ И ВОКРУГ»

Демирал Х.

В данной статье на примере романа известного современного писателя В. С. Маканина «Портрет и вокруг» рассматривается вопрос о таланте и гениальности в современном мире. В статье обсуждается связь таланта и общества, влияние общества на человека культуры в современном мире. Также анализируется связь материальной, бытовой и семейной составляющих жизни с процессом духовной деградацией человека культуры.
Ключевые слова: В. Маканин, талант, гениальность, творчество, человек культуры.

"ANTITHESIS" TALENT-GENIUS IN THE NOVEL OF V. S. MAKANIN "THE PORTRAIT AND AROUND IT"

Demiral H.

In the present article in terms of the novel of the famous modern writer V. S. Makanin "The portrait and around it" the question about the talent and genius in the man of culture is examined. In the article the connection of the talent with the society, how the society influences the man of culture in the modern world is discussed. Also, the contribution of the family life and spiritual degradation of the man of culture is analyzed.
Keywords: V. Makanin, talent, genius, creation, man of culture.

В философском энциклопедическом словаре даётся следующее определение: талант (от греч. talanton, букв. «весы, вес, взвешенное») – выдающиеся способности, необычная одарённость в какой-либо области, присущая индивиду от рождения или под влиянием упражнений, развивающаяся до высокой степени, обеспечивающая человеку возможность наиболее успешно выполнять ту или иную деятельность [5, с. 447]. В том же словаре гениальность означает (лат. genius) высшую степень творческой одарённости, которая проявляется как оригинальная способность понимания (интуиция), соединения разных элементов (фантазия), творческого формирования и изображения, а гений, соответственно, – человек, обладающий такой одарённостью. Как видно, общее в определениях – термин «одарённость» [5, с. 96]. Однако различаются два этих понятия тем, что гениальность основана на инстинктах и фантазии, а талант скорее является врождённым либо исходит из генетических характеристик. По словам В. Ф. Овчинникова, «критерием гениальности служит наивысшая степень интенсивности творческих усилий. Здесь уже говорилось о неисчерпаемости усилий гения, для которого процесс творчества тождествен смыслу жизни». Исследователь считает, что творческий процесс имеет иррациональное начало, являясь следствием гениальности, и В. Ф. Овчинников связывает этот факт с тем, что общество не способно в полной мере понять гениев.

Разницу же между талантом и гениальностью В. Ф. Овчинников объясняет так: «Талант – это феномен нормального человека, а гениальность – человека аномального, страдающего патологией» [4, с. 21]. Но трудно согласиться с этим мнениям исследователя. С точки зрения исследователя, талант, в отличие от гениальности, легче принимается обществом, поэтому имеет признаки канона и несёт определённую функцию. Заявляя, что талант занимает место между гениальностью и одарённостью, В. Ф. Овчинников тем самым утверждает, что талант следует за гениальностью и считает, что талант обладает такой особенностью, как устремленность к бесконечности. В. Ф. Овчинников определяет талант как социально-культурный феномен со своими собственными правилами, и считает, что талант укрепляется и развивается в своей национальной культуре, а вне её не может быть неповторимым и даже на шаг приблизиться к гениальности. Исследователь А. А. Аронов так отделяет талант от гениальности: «В абсолютном большинстве случаев гении отличаются исключительной интенсивностью и продуктивностью творчества, постоянным наращиванием оборотов, фактической непрерывностью творческого процесса» [1, с. 37]. И все же в русской литературе основ-

ными признаками гения является не просто более высокая степень одаренности. Гениальность - это способность создать такой шедевр, который бы интеллектуально, эмоционально и эстетически воздействовал на все человечество на протяжении столетий. Другим отличительным признаком гениальности является высочайший уровень этики творческой личности. (Гений и злодейство - две несовместимые вещи, о чем писал А. С. Пушкин в трагедии «Моцарт и Сальери».) Вместе с тем, тому же Пушкину принадлежат строки «Не продается вдохновение, // но можно рукопись продать».

Опубликованного в 1978 году герой романа В. С. Маканина «Портрет и вокруг» писатель Игорь Петрович ведёт борьбу за возможность писать. С целью зарабатывания денег на жизнь он работает в детском журнале. Однако в своём творчестве неспешен: «Работал я без гонки» [3, с. 351]. Детективная линия романа – это расследование Игорем Петровичем того, действительно ли известный драматург и управляющий «Сценарной мастерской» Павел Леонидович Старохатов после прочтения работ некоторых молодых драматургов, его учеников, заставлял их вписывать в эти произведения своё имя. Подтолкнула же Игоря Петровича к такому расследованию его бывшая подруга и любимая женщина Вера, работавшая помощницей Старохатова. Какое-то время Игорь и сам работал со Старохатовым, однако позже, посчитав себя недостаточно талантливым в сценарном деле, стал писать прозу: «Я ведь нюхнул кино. Самую малость нюхнул, но мне хватило» [3, с. 367].

Хоть Игорь Петрович и Старохатов работают в разных направлениях, их общая черта – прилагаемые ими творческие усилия. Рассматривая вопрос, являются ли таланты героев настоящими, В. С. Маканин стремится убедить читателя, что ни Игорь Петрович, ни Старохатов гениями не являются. Сколько бы в романе некоторые второстепенные персонажи не отзывались о Старохатове как о «большом» человеке, однако этого недостаточно, чтобы относить его к гениям. В конце концов, он всего лишь соавтор молодых сценаристов из своего окружения, присваивающий себе половину их гонораров. С точки зрения морали – это неправильно. Однако неверным будет сказать и то, что Старохатов совсем уж бездарен в своём ремесле. Всё-таки в романе сделан упор на то, что Старохатов знает, что любит современный человек: «Он знает, кому и что нравится. Вкусы знает. Вот тебе и вся его драматургия» [3, с. 398]. Поэтому Старохатов – не гений, но талантливый драматург, слышащий голос общества, его запросы и потребности.

Один из вопросов, особенно привлекающих внимание в романе, – есть ли у живущего в современном мире человека потребность в настоящем гении. Скорее, для людей важно не то, что они понимают в искусстве, а то, какое удовольствие получают от произведения искусства. Дело вкуса, о котором идёт речь, – слабое место не только человека, «интересующегося» искусством. Эта слабость овладела и людьми искусства. Основу этой слабости составляет естественное желание заработать деньги и обзавестись материальными ценностями. Например, имевшие в начале романа обычную однокомнатную квартиру Игорь Петрович и его жена к концу романа уже «… переехали из однокомнатной в трёхкомнатную» [3, с. 636]. Размышляя в таком контексте, мы понимаем, что, как и в других произведениях Маканина, в этом романе мы так же не видим образа гениального героя. Игоря Петровича особенно отличает от Петровича из «Андеграунда» то, что для Петровича литература является только восприятием и почти божественной системой убеждений, а для Игоря она более материальна. Каким герой Петровича из «Андеграунда» предстаёт в начале произведения, таким же остаётся и в конце. Однако относительно Игоря Петровича всё по-другому. По словам критика Н. Ивановой, «Поначалу мы герою безусловно сочувствуем и симпатизируем – надо же, какой интеллигентный, умница, денег не хватает, ребёнок больной, книги не выходят… Но чем дальше разворачивается сюжет, тем больше настораживает эта доверительная интонация, с которой он и про “упыря” скажет…» [2, с. 210]

При рассмотрении вопроса о том, с чем связан талант Старохатова, обращает на себя внимание вначале скрытая, а затем в ходе повествования все более двойственная натура героев. И Игорь Петрович, и Старохатов имеют как профессиональную, так и личную выгоду. Профессионализм Игоря Петровича – в его борьбе за то, чтобы написать повесть-портрет Старохатова, а также в осуществлённом им расследовании. Игорь Петрович приступает к

расследованию как писатель, движимый чувством ответственности и совестью. «…Нужно было намекнуть, что подлец Старохатов портит наше отечественное кино и что, если его не изобличить, в кинотеатрах будут показывать бог знает какую чушь» [3, с. 375]. Здесь особенно видно, что Игорь совсем не любит тех, кто занимается искусством кино, но, несмотря на это, руководствуется своим гражданским сознанием. «Манеры киношниц я не любил и отчасти переносил эту нелюбовь на самих киношниц» [3, с. 357]. Отказ Игоря от создания портрета Старохатова является тем индикатором, который проявляет тот факт, что обращение к личным интересам запускает процесс нравственной, а затем профессиональной деградации. То, что он бросает писать портрет Старохатова, к которому, пусть и не целиком, но всё же относился сначала критично, показывает, что он тоже встаёт на путь гонки за комфортом. Ведь он решает бросить писать портрет Старохатова, когда видит его дачу и говорит себе, что тоже может достигнуть такого же уровня жизни. «Я смотрел и удивлялся себе: дача Старохатова казалась мне вполне доступной и не поражала» [3, с. 584]. Игорь Петрович успокаивает себя тем, что каждый человек может совершить ошибку, и приходит к убеждению, что нужно расценивать это как человеческую слабость. «…Пытаясь смягчить минуту, говорил самому себе, что все мы люди, и все мы грешники, и все мы невиновны, как будто эти слова могли что-то оправдать или отменить» [3, с. 597]. То есть Игорь Петрович, который изначально являлся «антиподом Старохатова», [2, с. 211] затем становится его двойником. Однако ситуация с двойником, о которой идёт речь, в жизни Игоря Петровича связана, как и у Старохатова, с тем, что творчество и жизненные потребности поменялись местами. Ведь Игорь Петрович не стал соавтором ни одного из молодых писателей. Поэтому ему открыт путь к тому, что он сам назвал «повестью отдыха ради» [3, с. 614]. Увиденная им дача Старохатова и желание обладать такой же, а также диалог с самим собой привели его к мысли, что он и члены его семьи – тоже имеют потребности. Как результат, в конце романа Игорь представляет себе, что при встрече со Старохатовым тот скажет: «Тебе не хотелось писать о самом себе» [3, с. 637]. Таким образом, жизнь и творчество Игоря Петровича меняются местами. И здесь в романе возникает часто поднимаемая В. С. Маканиным тема расплаты. Герой романа Игорь Петрович расплачивается за материальные блага и комфортную жизнь своим профессионализмом и талантом. «Тогда я ещё не понимал, что со мной покончено и что творчества отныне нет, если осознавать творчество хотя бы как поиск чего-то своего и неповторимого» [3, с. 636].

Профессионализм же Старохатова заключается в том, что он помогает молодым драматургам, но может не становиться при этом их соавтором. Это делает его в глазах молодых драматургов большим человеком: «Великий это человек… Великий, великий» [3, с. 407]. Особенно слова тихого инженера и лысого сценариста характеризует о Старохатове как профессионального драматурга: «Старохатов Павел Леонидович, известный наш кинодраматург, а также руководитель Мастерской, помог этому лысому замухрышке написать сценарий – притом безвозмездно» [лысый сценарист; 3, с. 407–408]. «Он перелопатил весь сценарий вообще задаром» [тихий инженер; 3, с. 426]. Выражением того, как творчество Старохатова превращается в устройство личных интересов, стала осуществлённая им хитрость относительно соавторства произведений Коли Оконникова и Женьки Бельмастого. «А то, что этот драматург от бога в нашем сценарии не написал ни одного слова. Впрочем, нет – как раз одно-единственное слово. Свою фамилию» [Коля Оконников; 3, с. 397]. «… Он протолкнул сценарий. Пристроил, пустил в ход – за это стал соавтором» [Женька Бельмастый; 3, с. 456].

В метаниях между искусством и жизнью, речь о которых шла выше, нельзя не заметить роли семьи. В романе тема семьи в конечном итоге особенно привлекает внимание, ведь самый ярый приверженец Игоря Петровича – его жена Анна: «Ты же талантливый, и я тебя люблю» [3, с. 632]. Особенно в конце романа принятые им взгляды усилили его позицию в семье. Анна, сначала мало понимавшая в искусстве, в конце романа произносит немало достойных внимания суждений. Улучшение материального положения семьи также происходит благодаря Анне, которая советами помогает мужу в его творчестве: «Не перегни, милый. Лишнего не надо» [3, с. 632]. Мысль о том, что писать только для интеллектуальных кругов –

неправильно, и надо писать что-то и для простого народа, которую Анна подала Игорю, стала тем шагом, который проложил для Игоря путь. В итоге позднее Игорь в разговоре со своим «alter ego» пришёл к выводу, что не имел права поступить так со своей семьей: «Аня и дочка. Я и моя коробка. Плохонькая квартирка, которую мы имели. И ничего больше» [3, с. 612]. То, что дочь Маша начала ходить, в романе символизирует, что статьи Игоря стали больше публиковаться и материальное положение семьи улучшилось. «Двумя днями спустя, словно в отклик и в ответ этой наготе, на нас обрушилась радость. Она обрушилась неожиданно и почти с небес, как только и может обрушиться истинная радость. Маша стала ходить» [3, с. 613]. По этой причине символом будущей судьбы Игоря, который в начале романа испытывал сложности с творчеством и вёл бедную жизнь, стал момент, когда его дочь Маша начала ходить, «встала на ноги». После этого статьи Игоря стали чаще публиковаться: «Я стал заметно больше писать. Я стал заметно чаще публиковаться» [3, с. 635]. Более того, даже критики начали обсуждать его литературные тексты: «Ещё через год-два обо мне заговорили критики. Пришла известность» [3, с. 635]. Однако если борьба Игоря Петровича за то, чтобы написать портрет Старохатова, была угрозой для материального существования, то момент отказа от написания портрета стал угрозой для существования духовного. Следующие слова жены Анны производят на Игоря большой эффект: «Твой Старохатов, что там ни говори, был настоящий муж и отец, он умел семью кормить» [3, с. 631]. Таким образом, первая борьба Игоря Петровича была за талант, а вторая – борьбой за существование. И метафора «подняться на ноги» на фоне того, как дочь Маша начала ходить, – это не об искусстве, а только о материальной сфере.

История семьи Старохатова отличается от семьи Игоря Петровича, она более сложная. Первый и второй браки Старохатова, который был женат трижды, похожи друг на друга. В первом браке жена была умная, жёсткая, но некрасивая. Однако эту жену Старохатов любил и жил с ней вполне спокойно. Во время брака с этой женой Старохатов пишет произведения в прозе и стихах, делает первые шаги в кино. В этом браке у Старохатова рождается сын Виталик, но вместе с матерью погибает в аварии. Далее начинается вторая семейная жизнь Старохатова. На этот раз он женится на эффектной, красивой женщине – актрисе Олевтиновой. Хотя и в этом браке Старохатов очень счастлив («Она устроила ему сладкую жизнь» [3, с. 447], с женой у него бывали жёсткие споры. Этот брак продлился всего три года, а этот период был самым застойным в его творчестве: «…Стало ясно, что жить в ссорах и при этом всерьёз делать дело, хотя бы и киношное, невозможно» [3, с. 448]. В семейной жизни Старохатова наблюдается цикличность – третья его жена чрезвычайно похожа на первую, а рождённого от неё сына тоже зовут Виталием. Этот период создаёт впечатление, что Старохатов продолжает работать над своими незаконченными творческими произведениями. В конце концов, этот отрезок жизни носит название «периода большого кино» или «периода некрасивой жены». Это лучшие времена для Старохатова. Брак с этой женой – время его самой интенсивной работы и создания его лучших фильмов: «… в эти годы он сделал лучшие свои фильмы, которые и сейчас ещё можно смотреть, не слишком краснея» [3, с. 448]. Анализ семей Игоря Петровича и Старохатова показывает, что брак и любовь очень важны для творческого человека. Однако, это влияние оказывается все же в основном отрицательным для таланта.

--Выводы Игоря Петровича относительно семьи и женщины, сделанные им в своём романе, тоже достойны внимания: «… женщина, мол, для того и придумана, чтобы убить в мужчине его индивидуальность. Она для того и создана, чтобы свести художника на нет. Он попадает в женщину, как попадают в зев мясорубки, и уже после двух-трёх десятков хороших оборотов рукоятки оттуда выходят итоговые продукты, как-то: зарплата, квартира, дети, весёлые повести для чтения в электричке – творца же как такового уже нет...» [3, с. 572]. В итоге с помощью жены Анны Игорь Петрович достигает материального процветания, однако с точки зрения творчества она делает его слепым, и он теряет свой талант.

В итоге борьба за талант, начатая Игорем Петровичем ради достижения профессионализма, окончилась проигрышем, принеся ему только деньги и материальные блага. Талант и профессиональное понимание искусства про-

пали. Игорь Петрович, кажущийся в начале романа писателем – идеальным героем и борцом, к концу романа превращается в среднего человека, качествами которого обладают многие герои Маканина. Попытка написать портрет Старохатова, которую он предпринял для своей же творческой судьбы, окончилась неудачей, и при этом явилась причиной превращения автора в своего же героя (Старохатова).

В таком контексте образ потери, занимающий большое место в произведениях Маканина, проявляется и в этом романе. Если потери Старохатова – это слава и известность, то потери Игоря – это талант и право быть профессиональным писателем. Таким образом, в романе совершенно подчеркивается, что талант и гений отличаются друг от друга. Не остается сомнений в том, что талант приспосабливается ко вкусам общества, стремится понравиться, а гений нет. И оказывается, что гений не может примириться с конформизмом, а талант может. Ярким примером этого является тенденция вышеупомянутых героев к конформизму. И Старохатова и Игоря Петровича можно считать талантливыми людьми, но неверно их называть гениями.

Список литературы

1. Аронов А. А. Тайны и загадки гениальности: монография. М.: Экон-информ, 2012. 269 с.
2. Иванова Н. Б. Точка зрения: О прозе последних лет. М.: Советский писатель, 1998. 424 с.
3. Маканин В. С. Портрет и вокруг// На зимней дороге. 1980. 640 с.
4. Овчинников В. Ф. Феномен таланта в русской культуре: монография. Калининград: Янтарный сказ, 1999. 356 с.
5. Философский энциклопедический словарь / Ред.-сост. Е. Ф. Губский, Г. В. Кораблёва, В. А. Лутченко. М. : ИНФРА-М, 1997. 576 с.

Об авторе

Демирал Хилми – аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, hilmidemiral86@gmail.com

УДК 821(091)

ЛИРИЧЕСКАЯ СТРОФИКА ДЖ.Г. БАЙРОНА

Ковалев П.А.

Статья посвящена изучению строфического дискурса великого английского романтика Дж.Г. Байрона, в котором отразились сложные и противоречивые свойства новаторской эстетики. Анализ строфических приоритетов убеждает в том, что поэтический почерк Байрона складывался из системы выразительных приемов, направленных на трансформацию с помощью пересемантизации и рифменной инверсии традиционных строфических форм английской и мировой поэзии. Широта и диспропорции строфического репертуара свидетельствуют о том, что эстетика диссонансов в лирике Байрона реализуется с помощью новаторских поисков и структурных изменений внутри его поэтической системы.
Ключевые слова: Дж.Г.Байрон, строфа, строфические приоритеты, двустишие, катрен, октава, спенсерова строфа, сонет, астрофический стих, нерифмованный (белый) стих.

STANZAIC FORM IN BYRON'S LYRIC POETRY

Kovalev P.A.

Article is devoted to the study of a stanzaic discourse of the great english romantic poet George Gordon Byron, difficult and contradictory properties of his innovative esthetics are reflected. The analysis of the stanzaic forms convinces that Byron's poetic style consisted of system in which the expressive figures of speech were directed to the transformation of traditional stanzaic forms of english and world poetry by means of re-semantization and rhyme with substitution. Width and disproportions of the stanzaic repertoire demonstrate that the esthetics of dissonances in Byron's lyrics is realized by means of innovative searches and changes within his poetic system.
Keywords: G.G. Byron, stanza, stanzaic priorities, couplet, quatrains, octave, spenserian stanza, sonnet, atrophic verse, unrhymed (blank) verse.

Строфика Джорджа Гордона Байрона (1788–1824) до сих пор еще не становилась объектом самостоятельного исследования. И этот парадокс оказывается тем более значительным, чем чаще говорится об исключительном влиянии великого английского романтика на весь литературный процесс XIX столетия. Трудно представить, что бурная и насыщенная «актуальным общественным содержанием» [4, с.201] лирика Байрона не нашла своего отражения на формальном уровне поэтического текста. Настоящее исследование посвящено изучению именно этой перспективы.

Творчество Байрона принято разделять на три периода, каждому из которых соответствует свой жанровый приоритет:

Первый период (1798 – по июнь 1809 года) – время создания сборника «Часы досуга» (1807) и сатиры «Английские барды и шотландские обозреватели» (1809).

Второй период (с июля 1809 года по апрель 1816 года) включает первые песни «Паломничества Чайльд Гарольда», а также – стихотворения, созданные во время двухлетних путешествий по Европе (1809–1811) и в так называемый лондонский период (1812 – 1816), когда были написаны восточные поэмы, «Еврейские мелодии» (1814) и цикл стихов о Наполеоне.

Третий период начинается с отъезда в Швейцарию (25 апреля 1816), где был написан «Манфред», и продолжается в Италии (с ноября 1816 года по декабрь 1823 года), где были созданы поэмы «Жалоба Тассо» и «Пророчество Данте», трагедии «Марино Фальеро, дож Венеции» и «Двое Фоскари» и др., и в Греции (с декабря 1823 года). Самыми значительными произведениями этого сложного этапа творчества являются роман в стихах «Дон Жуан», поэма «Беппо» и мистерия «Каин».

Исследование строфической организации лирики Байрона обнаруживает явное тяготение к монострофичности: на 16 автономных строфических форм приходится более 90% всех случаев употребления, из которых 15% составляют однострофические структуры и 14% формы скрытой строфики.[1] Эти диспропорции свидетельствуют об избирательности поэтического дискурса и о стремлении (особенно во второй и третий периоды творчества) создать собственную систему строфических приоритетов на основе самого разнообразного круга феноменов. Важнейшим механизмом пополнения арсенала форм у Байрона являются переводы и подражания, во многом за счет которых при постепенном затухании в последний период творчества лирического импульса строфический репертуар достигает наибольшей широты. Такой тип художественной стратегии можно назвать максимально открытым и гиперпассионарным.

Уже в ранней лирике Байрона складывается система будущих приоритетов, среди которых оказываются 4-стишие – 50,5%, 2-стишие – 21,5%, 6-стистишие – 10,3% и 8-стишие – 7,5% (от числа всех текстов по первому периоду). При этом корпус двустиший в основном составляется из форм скрытой строфики, с помощью которой, например, в подражание «классицистической поэме» Александра Поупа (Alexander Pope) написана знаменитая сатира «Английские барды и шотландские обозреватели». В 5-стопнике, самом длинном в английской литературе ямбическом размере, разработанном еще Чосером по аналогии с александрийским стихом французской ренессансной поэзии [1, с.171–172], парная рифмовка была преобладающим типом, перекочевавшим из эпоса в лирику и попавшим в ореол «короткого» 4-ст. ямба. Не удивительно поэтому, что среди лирических произведений этого периода, в которых Байрон применял скрытое 2-стишие, можно встретить и переводы из Анакреонта (Оды 1, 3, 5), Катулла («Ad Lesbiam») и Вергилия («The episode of Nisus and Euryalus»), и гневную эпитафию («On the death of Mr. Fox»), и шуточное послание («Answer to some elegant verses sent by a friend to the author, complaining that one of his descriptions was rather too warmly drawn»), и эпиграмму на нового директора Общественной школы («On a change of Masters at a great public school»). Доля этой строфической формы снижается во втором и третьем периодах почти вдвое, составляя в общем строфическом репертуаре лирики Байрона 14,9%.

Модификации доминирующего во все периоды, но также постепенно снижающегося по употребительности 4-стишия (общий показатель – 40,9%) сводятся в основном к перекрестному abab (80% от числа всех 4-стиший) и смежному aabb (15%) типу рифмовки. Прочие формы единичны и во многом экспериментальны: в ранней лирике встречаются примеры неполной рифмовки, которые могут быть объяснены юношеской небрежностью стиля [9, p. 96], как в стихотворении «A woman's hair» (1806), где третья строка второго катрена теряет созвучие (aaxa^2). В поздней лирике есть два случая употребления кольцевой рифмовки (авва) в эпитафии «John Keats» и подражании «Stanzas to a Hindoo Air». В единственном случае встретился пример сквозного рифмования всех строк катрена – aaaa bbbb («By the waters of Babylon», 1815)[3], рудимент монорифмной арабской традиции, парадоксальным образом приспособленный Байроном для имитации так называемого библейского стиха. Очевидно, специфическая монотонизированность этой формы не способствовала ее применению в дальнейшем.

Особый интерес представляют случаи использования в катренах межстрофического корреспондирования, когда на последней позиции в 4-стишии оказывается строка-повтор (aaa***R*** ccc***R***^{4}), как в двух посланиях к издателю Джону Мюррею (1818, 1821). Выход рифмовки за пределы одной строфы – признак куртуазного стиля, но у Байрона это – средство создания комического эффекта, как в стихотворении «My boy Hobbie O», являющемся переделкой детской песенки шотландского поэта Гектора Макнилла «My Boy Tammy» в сатирический памфлет:

1.
How came you in Hob's pound to cool,
My boy Hobbie O?
Because I bade the people pull
The House into the Lobby O.

2.
What did the House upon this call,
My boy Hobbie O?
They voted me to Newgate all,
Which is an awkward Jobby O.

3.
Who are now the people's men,
My boy Hobbie O?
There's I and Burdett–Gentlemen
And blackguard Hunt and Cobby O. [14, p. 66–67]

Среди излюбленных Байроном монострофических форм выделяются 6-стишия, которые обнаруживаются во всех периодах с той лишь разницей, что при сокращении реального количества доля их употребительности в поздней лирике все же достигает 9% от числа всех текстов по периоду 1816-1824 годов. В ситуации сокращения лирического репертуара почти на треть по сравнению с предыдущими периодами данный факт является весьма показательным. Но модификации этой строфы мало разнообразны: в первый период лидирует тернарный тип – aabccb, в котором особенное место занимают два текста со сквозным рифмованием 3-й и 6-й строк за счет тавтологических повторов («Reply to some verses of J.M.B. Pigot, esq., on the cruelty of his mistress», «The tear»),

немного уступает ему модификация со смежной рифмовкой – aabbcc (в однострофических композициях – «Imitation of Tibullus», «Epitaph on John Adams, of Southwell», а также – в пронумерованных стансах с обязательным сквозным рифмованием последней строки во всех строфах «To my son», «Stanzas to a lady, on leaving England»). На этом фоне рифменных моделей с межстрофическим взаимодействием особенно показательны тексты с использованием так называемой «треугольной рифмовки» – abcabc, применявшейся в жанре староиспанской поэзии копла.[5] Примерами такого заимствования являются чрезвычайно вольный перевод нерифмованного 5-строчного стихотворения императора Адриана «Animula, vagula, blandula…» и элегия «Remind me not, remind me not», помещенная под названием «*A Love Song. To* —» в раздел «Imitated and Translated», что позволяет предположить существование какого-то претекста, до сих пор не известного биографам поэта.

Во второй период наряду с 6-стишиями со смежной рифмовкой, используемыми для переводов и подражаний («Translation of the Nurse's Dole in the Medea of Euripides», «Maid of Athens, ere we part», последнее со знаменательным повтором строки на греческом: «Ζωή μου, σᾶς ἀγαπῶ» [«*Моя жизнь, я люблю тебя!*»]), в строфическом репертуаре Байрона оказываются секстины с рифмовкой ababcc («Thou art not false, but thou art fickle» (из «Чайльд-Гарольда») и «The Wild Gazelle»), а также – со сквозной рифмовкой ababab («By the Rivers of Babylon we sat down and wept», «She walks in Beauty», «Thy Days are done» из цикла «Еврейские мелодии»), но без обязательного для провансальской традиции этой формы тавтологического повтора. [7, стб.609]

В третий период у Байрона по-прежнему сохраняется интерес к 6-стишию со смежной рифмовкой (перевод из Марциала, «Song to the Suliotes») и тернарной модели («Epistle to Mr. Murray», «The New Vicar of Bray», «Beneath Blessington's eyes…»), но при этом обнаруживается и определенный интерес к ее модификации, в которой применена перевернутая (инверсированная) структура, как в эпиграмме «From the French of Rulhières»:

If for silver, or for gold,	a
You could melt ten thousand pimples	b
Into half a dozen dimples,	b
Then your face we might behold,	a
Looking, doubtless, much more snugly,	c
Yet even then 'twould be damned ugly. [7, p. 62–63]	c

Еще один знаменательный эксперимент в этой области представляет собой 6-строчный отрывок «Из дневника в Кефалонии», который заканчивается многоточием, разрушающим потенциально возможную модель секстины abab***c***[***c***].[6] Следует отметить, что подобные лакунные трансформации чаще всего наблюдаются именно в однострофических формах, но не получают дальнейшего развития в общем арсенале байроновской лирики.

Среди 8-стиший у Байрона чаще всего встречается так называемый сдвоенный тип, когда два катрена образуют единый комплекс на 4 рифмы: ababcdcd – более 80% от всех случаев, aabbccdd – около 5% (и именно во втором периоде: «Answer to —'s Professions of Affection» (1814), «Sun of the Sleepless!» (1814) и др.). Смешанным типом можно считать 8-стишие, сочетающее перекрестный и смежный типы рифмования – ababccdd: «Fragments of School Exercises: From the "Prometheus Vinctus" of Æschylus» (1804), «There be none of Beauty's daughters…» (1816), «THE Son of Love and Lord of War I sing…» (1823).

Среди специфических форм 8-стишия следует отметить послание «To Thomas Moore» (1816) на две рифмы со сквозным тавтологическим повтором:

What are you doing now,	A
Oh Thomas Moore?	b
What are you doing now,	A
Oh Thomas Moore?	b
Sighing or suing now,	A
Rhyming or wooing now,	A
Billing or cooing now,	A
Which, Thomas Moore? [14, p. 43]	b

Единственный случай употребления классической октавы в «Epistle to Augusta» (1816) характеризуется четко проводимым принципом рифмовки, предваряющим архитектонический строй «Дон Жуана» и «Беппо»:

My Sister! my sweet Sister! if a name	a
Dearer and purer were, it should be thine.	b
Mountains and seas divide us, but I claim	a
No tears, but tenderness to answer mine:	b
Go where I will, to me thou art the same –	a
A loved regret which I would not resign.	b
There yet are two things in my destiny, –	c
A world to roam through, and a home with thee. [13, p. 57]	c

Прочие строфические формы появляются в творчестве Байрона без особой закономерности и довольно редко. Так, 3-стишия с рифмовкой ааа ввв ссс… фиксируются только в саркастическом стихотворении «On Lord Thurlow's poems» (1813). Все 5-стишия были написаны в последний период и построены по индивидуальным моделям: ababa («Bowles and Campbell»), abaab («Song for the Luddites»), ababR («Another Simple Ballat») и aabbR («A very Mournful Ballad on the Siege and Conquest of Alhama»). 7-стишие с рифмовкой aabccbb зафиксировано в шуточном однострофическом стихотворении «Remembrance» (1806). 9-стишия в лирике Байрона встретились только в выразительном стихотворении «And thou art dead, as young and fair» (1812), написанном перестроенной спенсеровой строфой[7], и в отрывке «To Dives» с рифмовкой ababcdcdd, напоминающей увеличенную октаву.

10-стишия чаще всего использовались поэтом в раннем периоде: одическая модель ababccdeed зафиксирована в двух стихотворениях с французским названием: «L'Amitié est L'Amour sans Ailes»[8] (1806) и посвященное Мэри Чаворт «The Adieu». Во втором периоде обнаруживается модель сдвоенного пятистишия с рифмовкой ababbcdcdd в «The Harp the Monarch Minstrel swept» из «Еврейских мелодий». По одному примеру приходится на использование смежной рифмовки aabbccddee в «On a Royal Visit to the Vaults» (1819) и сквозной на две рифмы в подражание сицилианской октаве [7, с. 27771] – в «Last Words on Greece» (1823).

11-стишие зафиксировано во фрагменте «Lucietta», начинающемся с холостой строки[9]:

Lucietta, my deary,	x
That fairest of faces!	a
Is made up of kisses;	b
But, in love, oft the case is	a
Even stranger than this is –	b
There's another, that's slyer,	c
Who touches me nigher, –	c
A Witch, an intriguer,	d
Whose manner and figure	d
Now piques me, excites me,	f
Torments and delights me… [14, p. 81]	f

В отличие от этих спорных случаев два примера 12-стишия в лирике Байрона не вызывают сомнений: это подражание Катуллу («Imitated from Catullus», 1806), выполненное скрытыми 2-стишиями (aabbccddee), и «Translation of the Romaic Song» (1811) – вольный перевод греческой песни, строки из которой поэт взял в качестве эпиграфа и отчасти имитировал в своем рифменном строе, смоделировав довольно громоздкую строфоидную структуру с кольцевой композицией:

ababbcbcdcdc efeffgfghihi klklmnmn**abab**

К этому разряду сверхдлинных форм можно прибавить 15-стишие из «Stanzas» («Could Love for ever», 1819) – aaabcccbdddeffe, а также – написанную двустишиями 16-строчную[10] эпитафию – «Epitaph for Joseph Blacket, late Poet and Shoemaker».

Особенное место в лирической строфике Байрона занимают сонеты, которых, по подсчетам специалистов, у него всего семь [2, с. 11–35], включая переводной сонет из Ж. Виторелли («On a Nun»). [3] Все они довольно архаичны по форме: классический тип октетов с кольцевой рифмовкой (abbaabba) и секстет на две (cdcdcd) или на три рифмы (cdecde или cdedce), но при этом разряд сверхдлинных форм пополняет ~~уникальное~~ 14-стишие модели aabbccddeeffgg, которое используется Байроном в сатирических зарисовках «Damætas» (1807) и «Versicles» (1817). Для поэмы «Пророчество Данте» им также было разработано уникальное по форме 14-стишное посвящение, в котором применена довольно сложная система рифмования в ~~первом~~ октете:

DEDICATION.

Lady! If for the cold and cloudy clime	a
Where I was born, but where I would not die,	b
Of the great Poet-Sire of Italy	c
I dare to build the imitative rhyme,	a
Harsh Runic copy of the South's sublime,	a
Thou art the cause; and howsoever I	b
Fall short of his immortal harmony,	c
Thy gentle heart will pardon me the crime.	a
Thou, in the pride of Beauty and of Youth,	d
Spakest; and for thee to speak and be obeyed	e
Are one; but only in the sunny South	d
Such sounds are uttered, and such charms displayed,	e
So sweet a language from so fair a mouth –	d
Ah! to what effort would it not persuade? [13, p. 241]	e

Есть определенный соблазн считать это посвящение неточным воспроизведением итальянской модификации сонета с кольцевой рифмовкой в октете (abbaabba), что, возможно, стало следствием ошибочного восприятия английским поэтом на слух рифмоидов, распространенных в

итальянской поэзии [4, с. 251–252].

Разнострофические и астрофические структуры составляют незначительную часть строфического репертуара лирики Байрона – 4,1% и 4,7% соответственно. При этом степень дифференциации между ними и скрытыми формами в ранний период часто довольно условна: строфоидные структуры разной длины (от 4 до 28 и более строк) представляют собой чаще всего примеры использования скрытого двустишия: «To a Beautiful Quaker» (1806), «To Edward Noel Long, Esq.» (1807), «Lines Written beneath an Elm in the Churchyard of Harrow» (1807), «Fragment of an Epistle to Thomas Moore» (1814) и др. В последующем механизм образования разнострофических композиций становится разнообразнее, как, например, в знаменитом стихотворении 1815 года «Oh! snatched away in Beauty's Bloom» («Hebrew Melodies»), в котором на три строфы приходится три разных модели 5-стишия и 6-стишия [12, p. 388–389]. Подчас прием строфического контраста достигает такой степени расподобления, что отдельные части, входящие в состав одного произведения, могут восприниматься как обособленные фрагменты, к тому же иногда написанные разными метрами и размерами, как, например, «Saul» из «Еврейских мелодий» (1 часть – ababccddeeffgg = 14 строк, 2 часть – aabbccddeeffgghh = 16 строк). Классификация таких композиций в ряде случаев оказывается затрудненной и может проводиться только с учетом формального членения текста самим автором. Эстетика подобных усложненных форм достигает предельного разнообразия в 1816–1818 гг., на которые приходится половина всех астрофических образований, практически вытесняющих в это время из байроновской лирики разнострофические конструкции.

Все описанные нами эксперименты ведутся Байроном в направлении повышения выразительности традиционных форм английской и мировой поэзии, как за счет их пересемантизации, так и за счет уникальной рифменной стратегии, что придает его поэтическому почерку сугубую индивидуализированность, особенно значимую в контексте эстетики диссонансов, целенаправленно разрабатывавшейся великим романтиком.

Анализ строфических приоритетов и маргинальных форм показывает, что неповторимый поэтический стиль Байрона складывался из взаимодействия разнонаправленных тенденций: он активно усваивал многовековой опыт европейской словесности и в то же время трансформировал его, зачастую без оглядки на традицию, взрывая своими новаторскими экспериментами как бы изнутри строго регламентированную жанровую систему классицизма.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. Приложение.

2. См.: Not though a thousand more adorn
The polished brow where once you shone,
Like rays which gild a cloudless sky
Beneath Columbia's fervid zone. [11, p.234]

3. Это знаменитое стихотворение из «Еврейских мелодий» входит в композиционный круг строфических экспериментов, которым будет посвящена отдельная статья.

4. (R) – рефренный повтор строки.

5. Основное отличие в том, что в копла «третий и шестой стих укорочены». [6, с.140]

6. В отличие от эпитафии Роберту Стюарту Кэстелри «Posterity will ne'er survey...», в которой цензурная купюра легко восстанавливается по контексту.

7. Вместо классической модели спенсеровой строфы на три рифмы ababbcbcc [6, с.278] Байрон создает уникальную структуру с опорой на четыре созвучия – ababccbdd без удлинения последней строки. Дж. Макганн называет это «проявлением выразительной свободы» [8, p. 167].

8. Афоризм «L'Amitié est L'Amour sans Ailes» [*Дружба, это – любовь без крыльев*] еще раньше использовала Шарлотта Смит в стихотворении «On The Aphorism». [10, p. 310]

9. Этот текст можно считать условным 11-стишием, как и отрывок из недописанного стихотворения «Aristomenes» – aabbccddeex[?].

10. Строфы свыше этого объема попадают в другой разряд форм.

ПРИЛОЖЕНИЕ

	1798–1809	%	1809–1816	%	1816–1824	%	Всего	%
2-стишия	23	21,5	12	10,8	9	11,5	44	14,9
3-стишия	-	-	1	0,9	-	-	1	0,3
4-стишие	54	50,5	40	36,0	27	34,6	121	40,9
5-стишие	-	-	2	1,8	3	3,8	5	1,7
6-стишие	11	10,3	9	8,1	7	9,0	27	9,1
7-стишия	1	0,9	-	-	-	-	1	0,3
8-стишие	8	7,5	30	27,0	6	7,7	44	14,9
9-стишие	1	0,9	1	0,9	1	1,3	3	1,0
10-стишие	2	1,9	1	0,9	2	2,6	5	1,7
11-стишие	-	-	-	-	2	2,6	2	0,7
12-стишие	1	0,9	1	0,9	1	1,3	3	1,0
14-стишие	1	0,9	-	-	1	1,3	2	0,7
сонет	0	0,0	2	1,8	6	7,7	8	2,7
15-стишие	-	-	-	-	1	1,3	1	0,3
16-стишие	-	-	1	0,9	0	0,0	1	0,3
разнострофический стих	4	3,7	6	5,4	2	2,6	12	4,1
астрофический стих	1	0,9	5	4,5	8	10,3	14	4,7
белый стих	-	-	-	-	2	2,6	2	0,7
Всего	107	100	111	100	78	100	296	100

Список литературы

1. Гаспаров М.Л. Очерк истории европейского стиха / 2-е изд., доп. М.: Фортуна Лимитед, 2003. 272 с.
2. Дудко А.Э. Особенности поэтического перевода: Английский романтический сонет в переводах русских поэтов второй половины XIX – начала XX века. Орел: ОГИК, 2016. 128 с.
3. Дудко А.Э. Первые русские переводы итальянских сонетов Дж.Г. Байрона // Художественный перевод и сравнительное литературоведение II: сб. научн. тр. / Отв. ред. Д.Н. Жаткин. М.: Флинта; Наука, 2014. С. 217–224.
4. Жирмунский В.М. Байрон // Жирмунский В.М. Из истории западно-европейских литератур. Л.: Наука, 1981. С. 188–244.
5. Жирмунский В.М. Рифма, ее история и теория. Петроград, 1923. 339 с.
6. Квятковский А.П. Поэтический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1966. 376 с.
7. Литературная энциклопедия: В 11 т. Т. 10. М.: Художественная литература, 1937. 759 стб.
8. McGann J.J. Byron and Romanticism. – Cambridge: Cambridge University Press, 2002. – 326 p.
9. Saintsbury G. A History of English Prosody: In 3 vol. London: Macmillian and Co., Limited, 1910. Vol. 3: From Blake to Mr. Swinburne. 565 p.
10. The poems of Charlotte Smith / Ed. by Stuart Curran. Oxford University Press, 1993. 335 p.
11. The works of Lord Byron: In 13 vol. / Ed. ву E.H. Coleridge and R.E. Prothero. London: John Murray, 1903. Vol. 1. 502 p.
12. The works of Lord Byron: In 13 vol. / Ed. ву E.H. Coleridge and R.E. Prothero. London: John Murray, 1904. Vol. 3. 546 p.
13. The works of Lord Byron: In 13 vol. / Ed. ву E.H. Coleridge and R.E. Prothero. London: John Murray, 1905. Vol. 4. Poetry. 590 p.
14. The works of Lord Byron: In 13 vol. / Ed. ву E.H. Coleridge and R.E. Prothero. London: John Murray, 1905. Vol. 7. 449 p.

Об авторе

Ковалев Петр Александрович – доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы XX-XXI веков и истории зарубежной литературы, Орловский государственный университет имени И.С.Тургенева, kavalller@mail.ru

УДК 821.161.1

КОНФОРМИЗМ ЖУРНАЛА «НОВЫЙ МИР» А.Т. ТВАРДОВСКОГО: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ (НА МАТЕРИАЛЕ ДНЕВНИКА А.В. ЖИГУЛИНА)

Колобов В.В.

Статья посвящена феномену журнала «Новый мир» А.Т. Твардовского, совершившего подлинный переворот в читательском сознании целого поколения советских людей в эпоху «оттепели». В статье впервые исследуются материалы личного архива крупнейшего поэта, прозаика, одного из постоянных авторов «Нового мира» Анатолия Владимировича Жигулина (1930 – 2000). Особый научный интерес представляет сопоставительный анализ дневника А.В. Жигулина и «Рабочих тетрадей» А.Т. Твардовского 1960-х годов. Делается вывод о схожести или даже полном совпадении взглядов их авторов по ключевым вопросам литературной и общественно-политической жизни страны.
Ключевые слова: Твардовский, Жигулин, журнал «Новый мир», конформизм, история отечественной литературы.

CONFORMITY OF THE MAGAZINE "NEW WORLD" TVARDOVSKY: MYTH OR REALITY (BASED ON THE DIARY OF A.V. ZHIGULIN)

Kolobov V.V.

The article discusses the phenomenon of the magazine «New world» Tvardovsky who has committed a true revolution in the reader's consciousness of a whole generation of Soviet people in the era of «thaw». The paper first examines the materials of the personal archive of major poets, prose writer, one of the regular contributors to the «New world» Anatoly Vladimirovich Zhigulin (1930 – 2000). Of special scientific interest is a comparative analysis of the diary of A.V. Zhigulin, and «workbooks» Tvardovsky 1960-ies. The conclusion about the similarity or even full coincidence of views of their authors on key issues in literary and socio-political life of the country.
Keywords: Tvardovsky, Zhigulin, the magazine «New world», the conformism, the history of Russian literature.

Почти полвека прошло с того момента в истории нашей страны, когда разгоном непокорной властям редакции журнала «Новый мир» и увольнением его главного редактора А.Т. Твардовского завершилась целая эпоха в развитии отечественной литературы и журналистики, а споры о «Новом мире», его роли в духовно-нравственном пробуждении общества, его влиянии на умы и души современников не утихают до сих пор.

Одним из самых актуальных вопросов дискуссии совсем еще недавно являлась тема о взаимоотношениях «Нового мира» и власти в период «оттепели» и начала эпохи «застоя». Квинтэссенцию спора образно и точно, на наш взгляд, определили В.А. и О.А. Твардовские, дочери автора «Страны Муравии» и «Василия Теркина»: «Советская власть обвиняла «Новый мир» и его редактора в недостатке партийности. В наше время либеральствующие критики <…> по-большевистски непримиримо уличают журнал Твардовского в излишней советскости. Партийное руководство находило в «Новом мире» «очернительство» и клевету на советскую действительность. Нынешние отважные противники тоталитарной системы бичуют новомирцев за склонность к компромиссам и «полуложь». Они по-своему согласны с партийной критикой в том, что задачам времени журнал не соответствовал» [1].

Не оспаривая данный полемический тезис, считаем необходимым сказать, что за минувшие полвека появилось немало интересных и объективных работ, посвящённых истории легендарного журнала. Это прежде всего воспоминания В.Я. Лакшина, А.И. Кондратовича, И.И. Виноградова, Ю.Г. Буртина, С.Г. Карагановой, много лет работавших с Твардовским и хорошо знавших его. Ценную и обширную информацию о журнале «Новый мир» содержат статьи и книги В.М. Акаткина, Н.П. Бианки, Н. Биуль-Зедгинидзе, П.С. Выходцева, Ю.А. Голубицкого, Д.П. Дмитриева, В.В. Ильина, В. Кардина, А.В. Македонова, Р.М. Романовой, Т.А. Снигиревой, А.М. Туркова.

Несмотря на большое количество научных работ на данную тему, следует признать, что целостного *энциклопедического исследования* о месте и роли журнала «Новый мир» в общественно-политической жизни страны и литературном процессе 1950–1960-х годов до сих пор нет. Мы полностью согласны с точкой зрения Г.Г. Водолазова, одного из ведущих сотрудников «Нового мира» 1960-х годов, который утверждает, что журнал Твардовского – «по-настоящему непонятое, а в силу этого и недооцененное явление нашей культуры» [2].

Материалы личного архива (дневники, письма, документы) известного писателя, быв-

шего узника сталинских лагерей, уроженца Воронежского края А.В. Жигулина, поступившие в 2011 – 2013 годах на постоянное хранение в Воронежский областной литературный музей имени И.С. Никитина, расширяют и уточняют информацию об основных этапах его жизненной и творческой биографии, вносят дополнительные штрихи в историю отечественной словесности [3]. Сразу отметим: обработка писательского архива сотрудниками литмузея еще не закончена, поэтому в данной статье приводится нумерация дневниковых книжек, сделанная в свое время самим А.В. Жигулиным.

Особый научный интерес представляет сопоставительный анализ дневника А.В. Жигулина и «Рабочих тетрадей» А.Т. Твардовского 1960-х годов. Проведенное исследование свидетельствует об очевидной схожести взглядов их авторов, несмотря на разницу в возрасте, различия в жизненном и творческом опыте.

А.В. Жигулин был одним из постоянных авторов «Нового мира». В октябре 1961 года молодой поэт по рекомендации воронежского критика А.М. Абрамова послал в «Новый мир» подборку стихотворений, посвященных «трудной теме». В январском номере журнала за 1962 год были напечатаны три стихотворения Жигулина, отобранных к печати лично Твардовским. Уже в первых строчках читателю нетрудно было почувствовать мотивы болезненной для общества темы политических репрессий [4, с. 78 – 79].

В марте 1962 года А.В. Жигулин был принят в Союз писателей СССР. Воодушевленный поддержкой Твардовского, в 1963 году он поступает на Высшие литературные курсы Союза писателей СССР при Литературном институте им. А.М. Горького и переезжает на постоянное место жительства в Москву [5].

Если перелистать подшивки «Нового мира», то мы увидим, что в 1960-е годы А. В. Жигулин регулярно публиковался на страницах этого журнала. Перечислим основные публикации:

– Флажки («Флажки на трассе в снежной шири…»), Ночная смена («Из штольни вышли в пыльных робах…»), Земля («Мы сначала снимали твой снежный покров…»). – 1962. № 1;

– Воспоминание: Дирижабль («Один и тот же незабываемый…»), Утиные Дворики («Утиные дворики – это деревня…»), Подмосковье («Гулко эхо от ранних шагов…»). – 1967. № 2;

– Из лирики: «О, Родина! В неярком блеске…», «Кто додумался правду на части делить…», «Все в этом мире ново, все здесь вечно…», Гадание («Смешное древнее искусство…»), «Себя ни капли не жалея…». – 1968. № 4;

– «Кукует поздняя кукушка…», «Осень, опять начинается осень…». – 1969. № 7;

– На родине («»Зеленые дали померкли…»), Углянец («За стылым лесом, за болотом…»), «Невыразимой сладкой тишью…», «Тихое поле над логом…». – 1969. №11.

Стоит также упомянуть рецензию А. Жигулина на книгу И. Шкляревского «Фортуна» (М., 1968), опубликованную в «Новом мире» (1970. №3).

Кроме этого на страницах «Нового мира» в период редакторства А.Т. Твардовского было опубликовано несколько рецензий на сборники стихов А.В. Жигулина .

Новомирских публикаций А. В. Жигулина могло быть гораздо больше, если бы не одно обстоятельство, с которым сталкивался каждый настоящий писатель советской эпохи, – цензура. Далеко не все стихи Жигулина пробились к читателю с первой попытки. Многие сражал шквальный огонь цензуры. Не спасал даже «знак качества» – «А.Т.» – инициалы главного редактора «Нового мира».

В его дневнике содержится интересная и ценная информация о встречах с А.Т. Твардовским, внутренней редакционной «кухне», принципах отбора произведений для публикации в «Новом мире», стратегии и тактике журнала во взаимоотношениях с властями и партийной цензурой.

По мнению А.В. Жигулина, основными составляющими успеха «Нового мира» были прежде всего личность самого А.Т. Твардовского, его неординарные организаторские способности, талант, редакторские чутье и опыт; профессионально подобранная редакционная команда; последовательная гражданская позиция журнала, идеологическую основу которой составляли либеральные и демократические ценности. Все это вместе взятое позволило изданию проводить самостоятельную новомирскую линию, во многом отличную от направлений других «толстых» литературных журналов. Под руководством Твардовского «Новый мир» продолжил лучшие традиции «Современника» А.С. Пушкина и Н.А. Некрасова, «Отечественных записок» Н.А. Некрасова и М.Е. Салтыкова-Щедрина, получил всесоюзную и мировую известность.

Несомненно, что А.В. Жигулин рассматривал второй приход А.Т. Твардовского в «Новый мир» (1958 – 1970) как следствие исторических решений XX съезда КПСС и реформаторской политики Н.С. Хрущева.

Осознавая свою миссию, Твардовский привлек к сотрудничеству с журналом лучшие литературные силы, писателей, стремившихся к честному и объективному отражению советской действительности. На страницах дневника А.В. Жигулина, посвященных «Новому миру», упоминаются имена В. Астафьева, Ф. Абрамова, Ч. Айтматова, В. Белова, В. Богомолова, Ю. Бондарева, В. Быкова, Р. Гамзатова, В. Гроссмана, Е. Дороша, С. Залыгина, Ф. Искандера, Е. Евтушенко, В. Каверина, В. Катаева, К. Кулиева, Б. Можаева, В. Некрасова, К. Паустовского, А. Прасолова, А. Рыбакова, К. Симонова, И. Соколов-Микитова, А. Солженицына, В. Тендрякова, Ю. Трифонова, В. Шукшина, А. Яшина и других известных писателей.

Не менее важное внимание А.Т. Твардовский уделял развитию публицистики и литературной критики в журнале. Не случайно, в обращении к читателям «Нового мира», которым закрывалась 12-я журнальная книжка 1961 года, А.Т. Твардовский подчеркнул: «Мы всегда помним, что на титульном листе нашего журнала сказано: «Литературно-художественный и общественно-политический», – и вторая половина этого обозначения не является случайной или формальной… Вокруг «Нового мира» сложился значительный актив авторов из числа видных советских ученых, общественных деятелей, публицистов, мастеров искусства и самих литераторов, тяготеющих к публицистической теме» [6, с. 252].

Смелая и честная постановка острых вопросов, накопившихся в сельском хозяйстве за годы сталинского правления, отличала очерки В. Овечкина, Е. Дороша, Г. Троепольского. Историческую и литературную ценность представляли такие произведения, как мемуары «Люди, годы, жизнь» И. Эренбурга, «Годы войны» генерала А.В. Горбатова, военные очерки С.С. Смирнова, записки дипломата И.М. Майского, воспоминания Е. Драбкиной и другие публикации «Нового мира».

Продолжая традиции В. Белинского и Н. Чернышевского, литературную критику в журнале представляли В. Лакшин, Ю. Буртин, А. Дементьев, И. Виноградов, Н. Ильина, А. Кондратович, Ст. Рассадин, М. Щеглов, И. Виноградов, Б. Сарнов, Ф. Светов, А. Синявский, И. Роднянская, А. Турков, М. Чудакова.

Обладая энциклопедическими знаниями и разносторонними вкусами, А.Т. Твардовский способствовал появлению в печати произведений А.А. Ахматовой, М.И. Цветаевой, И.А. Бунина, М.А. Булгакова, Б.Л. Пастернака, А.П. Платонова и других писателей, не вписавшихся в сталинскую модель советской литературы.

А.В. Жигулин восторженно принял публикацию повести А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» в ноябрьском номере «Нового мира» за 1962 год [7]. Запись в его дневнике:

«27 ноября 1962 года, вторник.

Сегодня прочитал повесть А. Солженицына. Сила! Это великое произведение великого писателя, жемчужина русской прозы! Думаю завтра дать в редакцию «Нового мира» телеграмму такого содержания:

«Москва, «Новый мир», Солженицыну, Твардовскому. С большой радостью прочел повесть «Один день Ивана Денисовича». Поздравляю автора и редакцию! Это очень здорово, что мы можем, наконец, написать и опубликовать полную правду о том, что нами пережито. Теперь легче дышать и работать, когда правда сказана. Пусть торжествует правда!

Поэт Анатолий Жигулин, бывший заключенный номер И–2–594 Особого лагеря» [Дн. № 78, с. 47 – 48].

Сравним этот фрагмент с записью в «Рабочих тетрадях» А.Т. Твардовского, сделанной после прочтения рукописи не известного ему до сих пор автора – учителя математики и физики одной из школ в Рязани:

«12.XII.61. М[оск]ва 5 ч. утра.

Сильнейшее впечатление последних дней – рукопись А. Рязанского (Солонжицына), с которым встречусь сегодня» [8, с. 171].

В начале ноября 1961 года А.И. Солженицын послал рукопись рассказа «Щ–854 (Один день одного зека)» А.Т. Твардовскому, но из-за промедления посредников она дошла до адресата лишь через полтора месяца. Из-за соображений конспирации рукопись была подписана псевдонимом «А. Рязанский». Твардовскому было сообщено настоящее имя автора, но «со слуха» он запомнил его неточно.

По инициативе А.Т. Твардовского редакция «Нового мира» выдвинула повесть А.И. Солженицына на соискание Ленинской премии за 1964 год. Твардовский, который являлся членом Комитета по Ленинским премиям, мотиви-

ровал это тем, что речь идет не только о талантливом произведении Солженицына, но и о судьбе советской литературы.

В дневнике А. В. Жигулина запечатлена хроника драматической борьбы А.Т. Твардовского за присуждение престижной премии автору «Одного дня…». Вот только одна из записей на эту тему:

«2 мая 1964 года, суббота, праздник.

<…> Много слышал (и часто из первоисточников – например, от Егора Исаева) о борьбе в Комитете по Ленинским премиям. <…> Страсти там здорово разыгрались. Какой-то дегенерат из правых <…> договорился до того, что во всеуслышанье заявил на Комитете, что Солженицын был осужден вовсе и не безвинно, что он вовсе не тот, за кого выдает себя. <…> Факт, однако, показательный. Подонки кочетовского лагеря прибегают к прямой клевете. <…> Эти измышления давно распространяются. Результаты голосования в Комитете стали известны задолго до их опубликования. Очень хорошо, что Исаев не получил премию. Это большая радость, она отчасти уравновешивает неудачу «Ивана Денисовича». Хотя, конечно, было бы лучше, если бы был достигнут компромисс. Но правые не пошли на него. <…> Сам Егор Исаев говорил мне, что его убили голоса защитников Солженицына. Вот почти дословные слова Егора: «Дело в том, что все мои сторонники выступали против Солженицына. И Твардовский решил: раз забаллотировали «Ивана Денисовича», значит, и Исаеву не быть лауреатом» [Дн. № 87. С. 3–6].

«Каким-то дегенератом из правых…» оказался первый секретарь ЦК ВЛКСМ С.П. Павлов, заявивший при обсуждении кандидатуры Солженицына в Комитете по Ленинским премиям на 1964 год, что писатель был осужден не по политическому, а по уголовному делу.

В ответ на клевету Твардовский представил на следующем заседании выписку из «дела Солженицына», полученную в Военной коллегии Верховного суда СССР. Документ подтверждал, что Солженицын был незаконно репрессирован по печально знаменитой 58-й статье УК РСФСР.

На страницах дневника А.В. Жигулина и «Рабочих тетрадей» А.Т. Твардовского подробно отражена история многолетнего идеологического конфликта «Нового мира» с властями, начавшегося практически сразу же после смещения Н.С. Хрущева с высших постов в октябре 1964 года.

После прихода к власти нового руководства во главе с Л.И. Брежневым курс на десталинизацию был свернут, в экономике и общественно-политической сфере наметился возврат к командно-административной системе, в идеологии «оттепель» сменилась «заморозками». Изменилось и отношение власти к «Новому миру».

Под бдительным оком Главлита (Главное управление по делам литературы и издательств – орган государственного управления СССР, осуществлявший цензуру печатных произведений и защиту государственных секретов в средствах массовой информации в период с 1922 по 1991 годы), постоянной опекой идеологических отделов ЦК КПСС, «Новый мир» был похож на осажденную, но не взятую врагом крепость.

Несколько записей А.В. Жигулина на эту тему:

«3 декабря 1968 года, вторник.

<…> «Новый мир» находится на последнем издыхании. Зарезали, задавили, задушили. Журнал из-за бесконечных цензурных терзаний опаздывает с выходом на 2–3 месяца. И все-таки, несмотря на рогатки, печатает великолепные вещи. Читал в эти дни девятый номер. Великолепная статья В. Лакшина «Посев и жатва». Радуешься, что есть в наше мрачное время люди, прекрасно понимающие, что к чему. Вот почему пронзает сердце вопрос: «Какие классовые, социальные принципы привели к перерождению аппарата власти?». И пусть вопрос, судя по статье, относится к Великой французской революции. Мы-то знаем, что это герои пьесы «Большевики» говорят о Французской революции. В пьесе М. Шатрова показан вечер 30 августа 1918 года, но герои пьесы, революционеры-ленинцы, как бы предчувствуют появление в будущем и Сталина, и прочих» [Дн. 109, с. 148 – 149].

«23 марта 1969 года, воскресенье.

<…> Пришел, наконец, первый номер «Нового мира». Истерзанный, изломанный, но живой! Выход каждого номера этого журнала – редкий праздник в тяжких буднях нашей многострадальной литературы. Когда берешь в руки свежий номер, сразу жадно смотришь содержание (что там?!). Ефим Дорош. Новые стихи Твардовского… Даже под невинной рубрикой «Из редакционной почты» чаще всего скрывается интересный, острый материал» [Дн. 110, с. 130 – 131].

Профессиональные приемы политиче-

ского дискурса, которые были вынуждены применять авторы «Нового мира», чтобы донести до читателя правду, нередко вызывали иронию у самих писателей. Например, в дневнике А.В. Жигулина запечатлен такой эпизод, связанный с придирками цензуры к его лагерным стихам:

«29 января 1966 года, суббота.

<…> В «Сов<етском> пис<ателе>» видел Давида Кугультинова. Он огорчился, когда я ему рассказал о своих злоключениях с книгой:

– Значит, о культе, о лагере ничего не пускают. Ну а намеки?..

Что ж, намеки на культ могут и пройти. Они, эти деятели вроде Кугультинова, Кулиева, Ручьева, в основном и пишут намеками на больные темы. Приспособились. Особенно Кайсын. Он и в «Октябре», он и в «Новом мире» [Дн. 94, с. 16 – 17].

Ситуация вокруг «Нового мира» значительно ухудшилась в августе 1968 года – после трагических событий в Чехословакии. Вторжение советских войск в братскую социалистическую республику было крайне негативно воспринято в редакционном коллективе «Нового мира», который во многом разделял и поддерживал идеи чехословацких коммунистов-реформаторов.

Твардовский был потрясен произошедшим. Об этом, в частности, свидетельствует его запись в «Рабочей тетради»:

«29.VIII.68. Пахра.

Страшная десятидневка.

Что делать нам с тобой, моя присяга,
Где взять слова, чтоб рассказать о том,
Как в сорок пятом нас встречала Прага
И как встречает в шестьдесят восьмом. —

Записывать – все без меня записано.

Встал в 4, в 5 слушал радио — в первый раз попробовал этот час. Слушал до 6, курил, плакал, прихлебывая чай» [9, с. 143].

Незадолго до этих событий А.Т. Твардовский обратился к Генеральному секретарю ЦК КПСС Л.И. Брежневу с просьбой принять его для разговора о проблемах «Нового мира». Поговорить с руководителем партии было о чем: непрекращающаяся травля «Нового мира», произвол цензуры, искусственно сдерживаемая на местах подписка на журнал, в том числе в Днепропетровской области, которой Брежнев руководил в послевоенные годы. После пролитой в Праге крови Твардовский уже не видел смысла в такой встрече.

Аналогичной была реакция на чехословацкие события и А.В. Жигулина. Дата начала военного вторжения в ЧССР в его дневнике обведена траурной рамкой.

«21 августа 1968 года, среда.

Очень сильно болит сердце!.. Утром, в восемь часов, услышал сообщение ТАСС:

«ТАСС уполномочен заявить, что партийные и государственные деятели Чехословакии обратились за братской помощью…» Цитирую по памяти и не ручаюсь за буквальную точность. Смысл утреннего сообщения таков: войска стран – участниц Варшавского договора сегодня вступили на территорию ЧССР. Впрочем, не вступили – сказано так: «введены».

В полдень сообщение было подробнее. <…> Можно предположить, что, во всяком случае, Прага пока не оккупирована. Возможно, что в Чехословакии идут бои…» [Дн. № 108, с. 126 – 128].

«22 августа 1968 года, четверг.

<…> Весь день эфир ломится от разноязыких и разноречивых сообщений. Только и слышно на разных языках: Чехословакия, Чехословакия… Пересказывать сообщения нет смысла. Как-нибудь историки со временем разберутся во всем происходящем. Я поэт. И у меня просто болит сердце» [Дн. № 108, с. 128 – 129].

5 сентября 1968 года А.Т. Твардовский ответил решительным отказом на предложение секретариата Союза писателей СССР подписать «Открытое письмо писателям Чехословакии».

«Рабочие тетради» неопровержимо свидетельствуют: в конце 1960-х годов А.Т. Твардовский шаг за шагом все дальше отходил от канонов марксистско-ленинской идеологии и все больше разочаровывался в социалистическом строе.

Руководство Союза писателей долго не решалось уволить А.Т. Твардовского с поста главного редактора «Нового мира», учитывая его внушительный общественный авторитет и былые заслуги. Было решено действовать в соответствии со старой русской поговоркой: «Не мытьём, так катаньем». После решения секретариата Союза писателей СССР о снятии ключевых фигур в редколлегии журнала и назначении на эти должности людей, совершенно не известных Твардовскому или состоявших в «противоположном лагере», в феврале 1970 года он был вынужден сложить редакторские полномочия.

Дневниковые записи А.В. Жигулина убедительно доказывают особую значимость «Нового

мира» А.Т. Твардовского в истории отечественной литературы и журналистики, большую роль журнала в духовно-нравственном пробуждении общества в послесталинскую эпоху [10].

Например, 2 апреля 1963 года А.В. Жигулин отмечал: «…При всех ошибках «Новый мир» сейчас – единственный настоящий журнал. Лет через 50 наши внуки в школе будут по учебникам изучать роль нынешнего «Нового мира» в создании советской литературы, как сейчас дети изучают в школах роль «Современника» [Дн. № 80, с. 77 – 78].

А незадолго до ухода А.Т. Твардовского из жизни А.В. Жигулин написал в дневнике: «Общественно-гражданская деятельность Твардовского и его поэзия в истории русской литературы сопоставимы только с жизнью и творчеством Н.А. Некрасова» [Дн. № 118-а, с. 5].

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

1. Введение в научный оборот материалов писательского архива А.В. Жигулина (дневники, эпистолярий, различные документы) позволит расширить знания об основных этапах его жизненной и творческой биографии, внести новые штрихи в историю отечественной литературы и журналистики второй половины XX века.

2. Дневниковые записи А.В. Жигулина дополняют и уточняют информацию о деятельности журнала «Новый мир» в годы «оттепели» и начала эпохи «застоя», о его роли в духовно-нравственном пробуждении общества, о взаимоотношениях редакции с властью и цензурой, полностью опровергают версию о конформизме А.Т. Твардовского.

3. Сопоставительный анализ дневника А.В. Жигулина и «Рабочих тетрадей» А.Т. Твардовского 1960-х годов позволяет сделать вывод о схожести или даже полном совпадении взглядов их авторов по ключевым вопросам литературного процесса и общественно-политической жизни страны.

4. В преддверии приближающегося 100-летия со дня рождения А.В. Жигулина нам представляется целесообразным безотлагательно начать подготовку научного издания его писательского дневника. Реализация сложного и перспективного проекта на наш взгляд, может стать крупнейшим событием не только в литературоведении и журналистике, но и в духовно-культурной жизни современной России.

Список литературы

1. Твардовская В. Золотоносов против «Нового мира» // Вопросы литературы. 2007. N 1. С. 56 – 65.

2. Водолазов Г.Г. «Новый мир» А. Твардовского и власть // Костромской гуманитарный вестник. 2012. № 2 (4). С. 5–17.

3. Фонд А.В. Жигулина / Воронежской областной литературный музей им. И.С. Никитина.

4. Колобов В.В. Жигулинский век: документальная повесть. Воронеж : Издательско-полиграфический центр ВГУ, 2011. 328 с.

5. Твардовский А. Несколько слов к читателям «Нового мира» // Новый мир. 1961. № 12.

6. Жигулин А. Флажки. Ночная смена. Земля // Новый мир. 1962. № 1.

7. Солженицын А. Один день Ивана Денисовича : повесть : [предисл. А. Твардовского] // Новый мир. 1962. № 11. С. 8–74.

8. Твардовский А. Рабочие тетради 60-х годов // Знамя. 2000. № 6.

9. Твардовский А. Рабочие тетради 60-х годов // Знамя. 2003. № 10.

10. Колобов В.В. Читая дневники поэта… (А.В. Жигулин о времени и о себе). Тамбов : Тамбовский полиграфический союз, 2016. 320 с.

Об авторе

Колобов Владимир Васильевич – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры связей с общественностью, Воронежский государственный университет, vvkolobov2015@yandex.ru

УДК 82-14

«ЛЕГКАЯ ПОЭЗИЯ» М.Н. МУРАВЬЕВА В ЭСТЕТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ПРЕДРОМАНТИЗМА

Никитина И.Н.

Творчество М.Н. Муравьева явилось новой страницей в исследовании эстетических принципов русского предромантизма. В статье рассматриваются частные аспекты проявления поэтики предромантизма в лирике М.Н. Муравьева. Выявляются основные тенденции освоения западноевропейской традиции применительно к литературной ситуации 70-80-х годов 18 века.
Ключевые слова: предромантизм, М.Н. Муравьев, «легкая поэзия», жанры «легкой поэзии», поэтика, любовная лирика, ода, «львовский кружок».

"EASY POETRY" OF M.N. MURAVYEV IN THE ESTHETIC CONCEPT OF PREROMANTISM

Nikitina I.N.

M.N. Muravyev's works turned out to be a new page in the research of the esthetic principles of Russian Preromantism. The article outlines some particular aspects of the manifestation of the poetics of preromantism in M.N. Muravyev's lyrics. The main tendencies of the capture of the Western European tradition in relation to the literary situation of 1770-80s come to light.
Keywords: preromantism, M.N. Muravyev, "easy poetry", genres of "easy poetry", poetics, love lyrics, ode, "the Lvov circle".

Вторая половина 70-х - начала 80-х годов 18 века характеризовалась новым взглядом на мир, новым воплощением его в словесно-пластической форме поэтического слова. Новый взгляд на окружающую действительность, новая форма отношения к ней объединила в одно целое группу молодых поэтов, музыкантов, художников. Это были поэты Н.А. Львов, В.В. Капнист, И.И. Хемницер, композиторы Е.И. Фомин, Д.С. Бортнянский, В.А. Пашкевич, художники Д.Г. Левицкий, В.Д. Боровиковский. В круг молодых литераторов и поэтов вошел и М.Н. Муравьев [7, с.4].

Широта и цельность взглядов на окружающий мир, действительность, стремление к познанию жизни, ее сложности, неоднозначности представляли неограниченные возможности для развития каждой индивидуальности в отдельности и целого литературного направления 80-х годов XVIII века. Именно это и объединяло поэтов, художников, композиторов в так называемый «львовский кружок».

Многие из членов кружка обладали и поэтическим, и музыкальным талантом. Так, Н.А. Львов был поэтом и музыкантом, архитектором и фольклористом, соединял в себе таланты энциклопедически развитого человека [8, с.18,54]. Он был другом Муравьева, адресатом его посланий, критиком его поэтических произведений. Они были близки по духу, отношению к жизни. Муравьев, как и Львов и другие члены кружка, старался постичь сложность и красоту жизни при помощи поэтического слова, увлекался искусством и театром, живописью, очень сожалел, что не смог в свое время постичь прелести музыки, что, по его личному свидетельству, обедняло душу и сердце [11, с.2, 29 оборот]. Увлечение искусством обогащало поэта, приносило счастье, радость, озарение:

Любовник прелести, где я ее найду?
Я чувствую ее в творениях природы:
Приемлют сердце дань искусством в их чреду
Они, что радость льют в мои цветущи годы.
Счастлив, что я могу лить слезы и дрожать.
В Вергильевых стихах учуся знать Дидону,
Душой ответствую Дмитревского я стону
И льзя ль, Белинду зря, ее не обожать?
[11, с.173]

Авторитет поэзии был безмерен, все члены львовского кружка пробовали силы в освоении различных поэтических жанров; поэзия для них представляла собой один из способов познания окружающей жизни, стала причиной и следствием многообразных интересов. Стремление познать мир порождало разнообразие форм и способов постижения его. В одном из писем Муравьева к сестре находим: «e est gve je diversifie la chose», «Z uniformite naquit un jour d'ennul», также признавался чистосердечно: «Я нынче читаю философов» [8, с.313]. Это был союз «разумных и добронравных», как называл членов кружка сам Муравьев [13, с.316]. Философия и музыка воплощались в поэтических произведениях различных жанров, в том числе и в оде. Но он подходил к этому традиционному жанру по- своему, видел ее особенности в музыке ее стихов, а потому неоднократно отмечал в своих записях, что «ода - это музыка и песни» [10, с.3]. Этот принцип музыки души и сердца пытался Муравьев воплотить в одах 1776 года.

В то же время следует отметить особую

значимость сборника од 1776 года в том плане, что в нем соединилось все то, что так постепенно, подспудно зрело в авторском сознании Муравьева. В ходе творческой работы, в процессе создания поэтических произведений второй половины 70-х годов завершилась давняя и долгая внутренняя работа. В дневниковых записях, планах, набросках, черновых вариантах стихотворных произведений проявился тот характер и ритм поэтических исканий, которые присутствовали в произведениях данного периода, стали основой поэтического видения мира в целом, в создании стихотворений последующих годов. Поэтические находки и открытия Муравьева в 70-е годы свидетельствовали о том, что новации, например, в оде восьмой сборника «Новые лирические оды» были необычайным явлением в поэзии того времени. Ода восьмая, отличаясь плавностью, отточенностью слога, четко разработанной вопросно-ответной формой повествования, позволяет говорить о вплетении в произведение элементов так называемой «легкой поэзии», которая получит свое развитие в поэтической практике Муравьева.

В 80-е годы XVIII века сложилось мнение, что родоначальником «легкой поэзии» (Poesie fuqitives) в России является И.Ф. Богданович и первое место по праву принадлежит ему. Вслед за Богдановичем в духе «легкой поэзии» писали А.Ф. Мерзляков, Ю.А. Нелединский-Мелецкий, Г.Р. Державин, Д.В. Давыдов. Наивысшего расцвета она достигла в творчестве К.Н. Батюшкова, молодого А.С. Пушкина [1, с.177]. Имени М.Н. Муравьева не упоминается ни в одном серьезном современном исследовании. А между тем он является одним из первых интереснейших авторов произведений «легкой поэзии».

Несомненно, учитывая особенности и художественное развитие поэтического дарования Муравьева, можно считать вполне закономерным его обращение к освоению жанров «легкой поэзии» второй половины XV111 века. Произведения «легкой поэзии» в первую очередь привлекали поэта легкостью и изящностью формы, отточенностью мысли и слога. Перед Муравьевым стояла задача постижения «словесного воплощения», без которого «не может быть в поэзии и великих мыслей» [15, с.26]. Одной из основных целей обращения поэта к освоению жанров «легкой поэзии» было стремление выразить внутренний мир человека в доступной, изящной, прекрасной форме.

Справедливо отмечал В.А. Жуковский, когда писал, что «изящные искусства украшают жизнь, чувство изящного есть одно из высоких качеств души человеческой, без этого чувства человек глух, нем и слеп» [6, с.83]. П.А. Плетнев по этому поводу замечал, что «можно любить поэзию, не заботясь ни о какой известности, ни даже о участии тех, чье одобрение дорого. Они имеют большую прелесть, но сладость поэтического создания сама по себе награда» считал поэзию высшим проявлением прекрасного [14, с.171]. Для Муравьева поэзия была тем высшим богатством, которым обладает человек, мир ее был для него отдохновением, возможностью воплощения мечты, мысли в слове изящном и прекрасном. Стремление к простоте, изяществу, тонкому остроумию обусловили подход в решении проблемы постижения формы произведений.

«Увлечение сентиментализмом и «легкой поэзией» оказало общее благотворное влияние на стих и язык и произведений Муравьева, помогло избавиться от риторичности, длиннот, не к месту были и церковнославянизмы, сокращаются усеченные формы прилагательных и причастий. Муравьев тяготеет к разговорному языку» [12, с.43].

Подобный вывод Л.И. Кулаковой имеет под собой серьезное основание. Так, особенности стихотворной формы, необычной и новой для того времени, характерны для таких произведений, как «О, Милое мечтанье», «Видали ль вы небесную Аглаю», «Любовь - отрада душ», и многие другие. В основе своей эти произведения относятся к 1777-1778 годам, времени выхода в свет «Душеньки» И.Ф. Богдановича. Так же, как и у Богдановича, основной темой стихотворных произведений Муравьева является любовь.

Интересным представляется тот факт, что Н.П. Жинкин подчеркивал в своей монографической работе, посвященной исследованию творчества М.Н. Муравьева, бедность любовной тематики поэта. Он отмечал: «До 1782-84 годов любовная лирика Муравьева вообще очень бедна: в поэте скорее виден человек, весело проводящий время в компании молодых людей, чем любовник, всецело занятый своими чувствами. Таковы его «Pleses fugitives», большая часть стихотворений посвящена некой Нине, которую юный обожатель называет и «моею», и «непослушной»:

Не знаешь, что вздыхаю
Я, Нина, по тебе.
Ты мне делаешь приветства,
Пляшешь весело со мной...» [5, с.13].

Анализируя сборник поэтических произведений Муравьева конца 70-х - начала 80-х годов, автор данных строк принимает во внимание в основном один аспект и фиксирует внимание на одной проблеме, а именно - проблеме выявления

возможных прототипов, которые послужили основой для создания стихотворных произведений Муравьева данного периода. Вполне возможно, что подобная точка зрения исследователя представляет несомненный интерес, но вполне вероятным кажется предположение того, что образы юных адресатов молодого поэта Нины, Аглаи, Розаны, Ирисы, Белинды и другие были условны и собирательны в какой-то степени в силу традиций XVIII века. Создавая их, воплощая в слове черты характеров отдельных лиц, Муравьев продолжал постигать тайну поэтического творчества. Интересным представляется тот факт, что, учитывая приобретенный опыт, он советовал впоследствии начинающим поэтам испытать силы и в «легкой поэзии»:

В легчайших опытах вы испытайте:
Пастушке из цветов венок вы соплетайте
Или в элегии любви гласите власть -
Так сверстник ваш Тибулл свою прославил страсть [9, с.15].

Не менее интересным представляется и тот факт, что образ Нины непокорной представлен и в других поэтических произведениях более позднего периода, которые довольно трудно даже приблизительно отнести к жанру «легкой поэзии». Примером может служить стихотворение «Сила гения о духе бунтарства» (1785, 1797 гг.), последние строки которого свидетельствуют о включении в текст произведения поэтического образа Нины. Заключительные строки этого произведения несут в себе большую смысловую нагрузку и наиболее важны для понимания основной идеи стихотворения:

Ах! юношества цвет
Уносит резвости, стыдливость, воздыханья,
Как роз благоуханья,
Которые зефир по воздуху лиет.
Не разгоняй сей рой сияющий и звучный
Веселий резвых, легких снов,
Которых общества желал бы философ
В своей пустыне скучной,
Желал бы суетно; меж тем как весь их строй
Сегодня учится в уборной
У Нины непокорной,
Которой рабствует и пастырь и герой
[12, с.228].

Герои поэтических произведений «легкой поэзии» этих лет обыкновенны и естественны: это Нина, Розана-плутовка, сам лирический герой, от имени которого ведется повествование. Сюжет каждого стихотворения также не отличается особой сложностью, более того, он довольно прост и ясен, так как каждое произведение раскрывает систему отношений между людьми. На первый план выступают любовь и дружба, которые в небольших по объему произведениях являются мерилом ценности человека. Автор проводит мысль о том, что ни богатство, ни знатность, ни высокое положение в обществе, - ничто не определяет личных достоинств человека. Для него важно совсем другое - он сторонник воспевания простых человеческих чувств, их цельности, глубины, чистоты. Именно эти качества человеческих характеров становятся основным предметом изображения в поэтических произведениях Муравьева, основной темой стихотворений 1776-1780-х годов. Герои Муравьева не рассуждают о своем чувстве, они отдаются его власти, и именно это приносит им радость и счастье.

В произведениях отсутствуют подробные психологические зарисовки и описания любви. Она выражается автором через мимику, жесты, то есть через непосредственное внешнее действие. Зрительная выразительность картин дополняется музыкой речи, мерной и строгой, лишенной внешних эффектов, но богатой скрытыми аллитерациями:

Все прелести увидишь в этом взоре,
Какие глаз вмещает голубой;
И ежели не дорожишь собой,
Зри подлинник: узнаешь что есть горе
[12, с.245].

Автору дороги дружеское общение, чистая и нежная любовь и привязанность, вдохновенная и свободная беседа с друзьями. В форме лирического монолога дано, например, стихотворение «Успех твой первый возвещая...», в котором содержится прямой ответ на причину обращения Муравьева к жанрам «легкой поэзии», его освоения и постижения. Автора интересуют в первую очередь постижения чувства любви, тайны сердца, внутреннее состояние человека, движения его души:

А я любил бы чрезвычайно,
Когда бы дар позволил мой,
Входить в сердца, хранящи тайны,
Быть зрителем минуты той,
Как склонность первая зачнется
Во всей невинности детей,
И сердце юное проснется
Под колереттою своей [12, с.183].

Подобные по характеру и манере изложения, запечатления в слове чувств человека получили развитие в лирике, например, Н.М. Карамзина. Г.А. Гуковский в свое время отмечал, что «основной характер поэзии Карамзина, основная задача ее - создание лирики субъективной и психологической, уловленное в коротких поэтических формулах тончайших настроений

души. Карамзин добивается в стихотворениях не вещественного материального образа, а определенной лирической тональности, соответствующей настроению, основной теме произведения» [4, с.92].

Подобное определение особенности поэзии Н.М. Карамзина, ее специфики, тонко отмеченной Г.А. Гуковским, с полным правом можно отнести к произведениям «легкой поэзии» Муравьева, которые предвосхищают расцвет этого жанра в творчестве поэтов начала XIX века. К.Н. Батюшков не случайно связывал начало «легкой поэзии» в России с именем М.Н. Муравьева. Он отмечал, что «произведениям «легкой поэзии» свойственны изящество, серьезность, лиризм, новая образность и метрика, отличные от классицизма» [2, с.87-116].

Изящество стихотворений «легкой поэзии» в основе своей достигается у Муравьева своеобразием синтаксической формы построения произведений, интонационная выразительность которых покоряет легкостью и мелодичностью. Грациозность и выразительность формы определяется также употреблением значительного количества обращений, а также довольно простых по конструкции сложных предложений; лексический состав произведений выражает непосредственно чувства и настроение автора. В этом плане возможно сопоставить лексический состав и синтаксис произведений 70-80-х годов. При этом отчетливо наблюдается у Муравьева тенденция к простоте и естественности, безыскусственности музыкальной выразительности стихотворений:

Замолкли вихри непогодны,
И бурны спер Борей уста,
Почув веленья неугодны,
Летит он в мрачные места.
И только лишь любовник Флоры
От всхода утренней Авроры,
Колеблясь, прохлаждает тень;
Непостоянный! лишь коснется —
И вдруг уже он инде вьется,
Из сени прилетая в сень [12, с.126].

Через несколько лет в произведениях 1778-1780-х годов в основном исчезают условные образы Борея, Флоры, заметно обновляется и изменяется лексика. Уходят в прошлое такие слова, как «сриновенный», «паки», «длани», «речет» и т.д. Деепричастные и причастные обороты заменяются легкими конструкциями сложносочиненных и сложноподчиненных предложений. Один и тот же образ, например, розы варьируется в стихотворениях 1775-1780-х годов по- разному:

Цвет розы не поблек, со стебля сриновенный,
- Уж тот, кто рвал ее, зрит бедственну ладью...
[12, с.128]

Если образ розы в этом произведении «Неизвестность жизни» наводит на раз-мышления, философское раздумье о смысле жизни и смерти, является центральным в решении темы жизни человека и его смерти, предназначения человека на земле, то в произведениях 80-х годов образ розы выполняет иную функцию, иное предназначение - он является символом любви, жизни прекрасной, счастливой и удивительной:

Из розы неопадшей,
Коль можешь, живость вынь,
Из граций самой младшей
Чертами вид накинь [12, с.112].

Простота, естественность, живость, обаятельность стихотворных произведений этих лет улавливаются и отображаются в ритме стиха. Точность рифмовки, не только созвучия в конце стихотворных строк, но и внутренняя рифмовка соответствуют общему настрою произведений, помогают увидеть слаженность и гармонию внутренней структуры стихотворения. Заклинание любви, благодарность судьбе за то, что любовь пришла, понимание того, что любовь - высшее благо, необыкновенный внутренний подъем, озарение, красота во всем, что окружает поэта, - подобные мысли и чувства отражены в поэтических творениях «легкой поэзии» Муравьева.

Любовь-озарение рождает и новую тематику произведений. Уходят из стихотворных произведений образы смерти, пространные рассуждения о жизни и смерти человека, абстрактные рассуждения о его судьбе, о неизвестности и скоротечности жизни. Мир, окружающий поэта, получает новую окраску и цветовую гамму. Он представлен в стихотворениях в радужных, ярких разнообразных очертаниях и красках. Мир представляется поэту полным любви, любовной жизни, плен которой приятен и неотступен:

Я жизнию доволен,
Ходя своей тропой,
Оставить приневолен –
Ты следуешь за мной [12, с.97].

В поэтических произведениях Муравьева проводится мысль о том, что любовь не только покоряет, она вызывает у человека необыкновенный прилив сил, открывает «дарование», талант и способности. К подобному выводу приходит поэт, мечтающий о том, чтобы ощущение любви, «прекрасные ее моменты, мгновения, в которых чувствуешь, что толь приятно жить», -

Не мчись ты от меня, едва успев родиться,
И дай мне от твоих мечтаний насладиться, -
[12, с.93]

звучат как заклинание, как обращение к «прекрасному мгновению, в котором жил, которое длиннее году сна». Жизнь входит в поэтические строки Муравьева свободно и вдохновенно. Любовь, ее прелести, сложности открывают в человеческом сердце и душе все новые и необычные стороны. Счастье любви длится мгновенья, оно немыслимо без страданий, без слез, и уже новые чувства охватывают поэта, перед ним открываются новые грани и возможности постижения жизни сердца. Он идет по пути понимания сложности жизни, ее неоднозначности, воспринимая ее романическую сторону, особую романтическую направленность. Произведения 1777-1780- х годов позволяют увидеть наполненность и насыщенность жизни самого поэта. Он назвал эти годы «цветущими», прекрасными, так как в этот период жизни пытался постичь красоту и гармонию окружающей жизни. Красоту истинную он видел в любви и творениях природы, в искусстве, которые соединяются в одно целое, в одно понимание им прекрасного:

Любовник прелести, где я ее найду?
Я чувствую ее в творениях природы:
Приемлют сердца дань искусства в их ряду
Они, что радость льют в мои цветущи годы [12, с.113].

Через постижение жизни сердца, через постижение своего «я» и воплощение его в стихотворных произведениях выходит поэт к пониманию и постижению окружающего мира, а главное - человека с его богатым внутренним миром, который становится главным героем его поэтических произведений.

В стихотворениях второй половины 70-х - начала 80-х годов Муравьев был смелым новатором. Он шел по пути освоения идей предромантизма, которые будут получать свое истинное развитие только в новом веке в творчестве поэтов-романтиков. Более того, вопреки традиционному представлению о том, что родоначальником в освоении жанров «легкой поэзии» является в России И.Ф. Богданович, следует отметить большую значимость поэтического творчества Муравьева, о чем неоднократно писал в своих исследованиях, посвященных истории бытования «легкой поэзии», К.Н. Батюшков. Первенство и предпочтение в этом плане он отдавал М.Н. Муравьеву, и к мнению интереснейшего поэта первой половины XIX века следует прислушаться [3, с.647].

Список литературы

1. Аониды или собрание разных новых стихотворений. Кн. 1 М., 1796. 327 с. Кн. II. М., 1797. 380 с. 31.
2. Батюшков К.Н. Письмо к И.М.М.А. о сочинениях г. Муравьева, изданных по его кончине // Сын Отечества. 1814. № 35. С. 87-116
3. Батюшков П.Н. Константин Николаевич Батюшков, письмо к редактору журнала «Русская старина» // Русская старина. СПб, 1883. Т. XXVII, март. С. 647-652.
4. Гуковский Г.А. История русской литературы. М.-Л., 1941. Т.5. 435 с.
5. Жинкин Н.П. М.Н. Муравьев / По поводу истекшего столетия со времени его смерти / Спб. 1913. 80 с.
6. Жуковский В.А. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т.7. М., 1976. 356 с.
7. Западов В.А. Поэтический путь Державина // Державин. Л., 1981. 284с.
8. Кулакова Л.И. Новиков Н.И. в письмах М.Н. Муравьева /Н.И. Новиков и общественно-литературное движение его времени. Л., 1976. 225 с.
9. Муравьев М.Н. Полн. Собр. соч. в 2 т.: А. Смирдин, 1847. С. 3-18.
10. Муравьев М.Н. Сборник драматических произведений, стихотворений, переводов. 1770-1780, 65 л.
11. Муравьев М.Н. Сборник переводов, отрывков из греческих, латинских, французских и английских авторов и собственных сочинений по литературе, истории, философии. 1772-1801, 89 л.
12. Муравьев М.Н. Стихотворения / Подготовка текстов Л.И. Кулаковой. Л., 1967. 385 с.
13. Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. 470 с.
14. Плетнев П.А. О жизни и сочинениях Жуковского. Спб, 1853. 188 с.
15. Розанов И.Н. Русская лирика: В 2 т. Т. 2. М., 1923. 186 с.

Об авторе

Никитина Ирина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской, зарубежной литературы и массовых коммуникаций, Брянский государственный университета имени академика И.Г. Петровского

УДК 82 - 31

ТИП НАДЛОМЛЕННОГО ВОЙНОЙ ЧЕЛОВЕКА В ВОЕННОЙ ПРОЗЕ КОНЦА 1950-х – СЕРЕДИНЫ 1980-х ГОДОВ

Старцева И.Л., Хасанова Г.Ф.

В статье выделяется и описывается один из типов героев военной прозы конца 1950-х – середины 1980-х годов: тип надломленного войной человека. Текстуальный анализ произведений А.А. Ананьева, Г.Я. Бакланова, Ю.В. Бондарева, В. В.Быкова, В.Л. Кондратьева позволяет выявить социально – психологический комплекс, присущий данному литературному типу.
Ключевые слова: военная проза, А.А. Ананьев, Г.Я. Бакланов, Ю.В. Бондарев, В.В.Быков, В.Л. Кондратьев, типология героев, надломленный войной человек.

TYPE WAR A BROKEN MAN IN MILITARY PROSE OF THE LATE 1950s – MID-1980-ies

Startseva I.L, Khasanova G.F.

The article stands out and describes one of types of characters in military prose of the late 1950s – mid 1980s: a war type person. A textual analysis of the works of A.A. Anan'eva, G.Ya. Baklanov, Y.V. Bondarev, V.V. Bykov, V.L. Kondratiev allows you to identify the socio – psychological complex, inherent to this literary type.
Keywords: military prose, A.A. Anan'ev, G.Y. Baklanov, Y.V. Bondarev, V.V. Bykov, V.L. Kondratiev, typology of the heroes, bruised by the war.

В военной прозе конца 1950-х – середины 1980-х годов, кроме образов, составляющих «ядро» типологии солдат и офицеров, присутствующих в творчестве большинства писателей (это образы русского мальчика, труженика войны, человека боя, тылового аристократа, маленького Наполеона и др.), выделяется ряд персонажей, находящихся на «периферии» типологии (например, комнатный человек, вымороженный и др.). Постижение роли и места на войне этих персонажей только началось или было переосмыслено писателями. К данным персонажам относится и тип надломленного войной человека.

Это «надломленный» разжалованный в рядовые Лукьянов (В.Быков «Третья ракета»), капитан Артаковский (Г.Я. Бакланов «Навеки – девятнадцатилетние»), «сломленный» рядовой Чибисов (Ю.В. Бондарев «Горячий снег»).

Вышеперечисленные персонажи участвовали в боях в первые месяцы войны, попали в немецкий плен, но смогли бежать или были освобождены.

В плену надломленный утрачивает здоровье. Капитан Артаковский не по годам, а по внешнему виду выглядит стариком («жизнь в нем еле-еле держится»). Лукьянов становится инвалидом («молодой, безвременно увядший человек»). Чибисов, после плена попав второй раз на фронт, переносит тяготы войны на пределе своих физических сил.

Как и другие герои военной прозы, до начала войны надломленный верит в Добро и неограниченные возможности человеческого Разума. Но пережитое и увиденное в плену привело к краху этих представлений. Герои стали свидетелями, на что способны те, кто получает неограниченную власть над другими, и что происходит с людьми, вынужденными выживать в условиях лагеря для военнопленных.

Большинство героев военной прозы воспринимает пребывание в плену как позор или малодушие (тыловые аристократы, чужие, молодые командиры, которые еще не участвовали в боях). Например, в романе А.А. Ананьева «Танки идут ромбом» штабист Грива считает, что находившийся в плену человек «должен застрелиться от позора» [1, с. 56]. Даже главные герои военной прозы осуждают попавших в плен (следует подчеркнуть, что после участия в сражениях это осуждение сменяется состраданием). Показательным является разговор Чибисова и лейтенанта Кузнецова, который первый раз едет на фронт (роман Ю.В. Бондарева «Горячий снег»):

– Знаете, как в плен-то я попал, товарищ лейтенант? Не говорил я вам, а сказать хочу. В овраг нас немцы загнали. Под Вязьмой. И когда танки ихние вплотную подошли, окружили, а у нас и снарядов уж нет, комиссар полка на верх своей «эмки» выскочил с пистолетом, кричит: «Лучше смерть, чем в плен к фашистским гадам!» – и выстрелил себе в висок. От головы брызнуло даже. А немцы со всех сторон бегут к нам. Танки их живьем людей душат. Тут и... полковник и еще кто-то...

– А потом что? – спросил Кузнецов.

– Я в себя выстрелить не мог. Сгрудили нас в кучу, орут «хенде хох». И повели...

– Понятно, – сказал Кузнецов с той серьезной интонацией, которая ясно говорила, что на месте Чибисова он поступил бы совершенно иначе.

– Так что, Чибисов, они закричали «хенде хох» – и вы сдали оружие? Оружие-то было у вас?

Чибисов ответил, робко защищаясь натянутой полуулыбкой:

– Молодой вы очень, товарищ лейтенант, детей, семьи у вас нет, можно сказать. Родители небось...

– При чем здесь дети? – проговорил со смущением Кузнецов, заметив на лице Чибисова тихое, виноватое выражение, и прибавил: – Это не имеет никакого значения» [2, с.10].

Плен и нахождение в немецком лагере можно считать началом возникновения надлома у героев названного типа. Так, Лукьянов с горечью отмечает, что плен разрушил его надежды и жизнь: «таково было начало моего конца» [3, с.220].

Надлом у героев проявляется по-разному.

Во-первых, в возникновении чувства страха, который подавляет волевое начало и желание действовать.

Писатели-фронтовики в своих произведениях подчеркивают, что не бывает людей, которые не испытывают страха вообще, поэтому даже подвиг – это итог преодоления себя и страха, а бесстрашие на войне может быть только показным. Все положительные герои военной прозы в той или иной степени испытывают страх, но преодолевают его, тогда как только надломленный не может после пережитого перебороть возникшее чувство.

Так, Чибисов, тихий и добросовестный солдат, с одной стороны, старается выполнять все возложенные на него обязанности («он был, пожалуй, не хуже и не лучше других заряжающих» [2, с. 253]. Будучи самым пожилым бойцом во взводе, он дает полезные бытовые советы неопытному лейтенанту. Но в то же время Чибисов боится всего: недоверия к нему как к бывшему военнопленному («Поверили... Как же сразу верить-то? – Чибисов скосился осторожно на Кузнецова»), гнева начальства («оробелый, ставший пришибленным взгляд» как реакция на приказы начальства), повторного пленения («Неужто второй раз в плен?»), смерти («Дети ведь… Нету мне права умирать!»). Из-за постоянного страха солдат напоминает затравленное животное («собачья тоска», «животное отчаяние», лицо, напоминающее мордочку «заморенного зверька», «по-собачьи мелко подергиваясь»). Чибисов не только становится бесполезен как солдат, но и своими действиями наносит вред (поставил под угрозу выполнение приказа, в панике ранил разведчика). Однако положительные герои, испытывая к Чибисову «брезгливую жалость», поступают с ним не по законам военного времени, а по законам Добра и Милосердия: надломленного войной человека отправляют ухаживать за ранеными солдатами.

Во-вторых, надлом проявляется в появлении чувства вины, в отчужденности от товарищей по оружию, в стремлении даже ценой своей жизни доказать причастность к кругу «своих» людей, которым можно доверять.

Если Чибисов сломался от пережитого во время плена и последующих сражений, то к надлому в душе Артаковского и Лукьянова привели не столько сражения и плен, сколько негативное отношение со стороны своих к вернувшимся из немецкого лагеря узникам и восприятие самими героями случившегося как позора.

Например, после бегства из немецкого лагеря, выхода из окружения капитан Артаковский, оказавшись в расположении советских частей, был вынужден объяснять и доказывать, что не струсил в бою, не предал Родину, не сдался врагам добровольно.

Унизительные допросы в особом отделе потрясли честного и смелого Артаковского больше, чем все увиденное и пережитое в немецком лагере: «В плену ничто Артаковскому не было обидно: враг есть враг, от него он не ждал для себя ничего хорошего, и сердце у него там было как каменное. Но когда не верят свои – нет тяжелей и обидней» [4, с.118].

Артаковский не может рассказать правду о плене и его последствиях, понимает, что ему не доверяют, поэтому чувствует себя «отделенным ото всех». Освобожденный Артаковский продолжает вести себя так, словно он находится в заключении: «Он все так же безучастно сидел в позе человека, привыкшего ждать подолгу» [4, 71]. <…> «Он говорил, не меняя выражения лица, одними губами. Со стороны никто бы не определил, что он говорит» [4, с.73].

Как и у главных героев военной прозы исследуемого периода, ощущение свободы возникает у Артаковского только на передовой: «там головы не подымешь, а душа разгибается в полный рост» [4, с. 119].

Долгие проверки в особом отделе привели к душевному надлому, который выразился у Артаковского в навязчивой потребности доказать свою невиновность и верность присяге. Он не просто воюет с немцами, а из боя в бой искупает кровью случившуюся с ним беду. Так,

глядя на награды изможденного, тяжело раненного капитана, лейтенант Третьяков, понимает, что тот «что-то немалое совершил, таким людям награды давались нелегко» [4, с. 66].

Артаковский, пытаясь перестать быть отделенным от остальных «незримым, несмываемым пятном» подозрений, совершает поступки, которые воспринимаются непосвященными в историю его жизни людьми как причуды. Например, капитан не расстается с боевыми наградами даже в госпитале и носит их, прикрепив к больничному халату. Это происходит потому, что ордена и медали для Артаковского перестают быть просто заслуженной наградой и свидетельством храбрости, а становятся «пропуском в жизнь».

Убеждение, что человека способен сломить не враг, а утрата доверия и уважения со стороны соотечественников, прослеживается не только в повести Г.Я. Бакланова, но и в произведениях В.Л. Кондратьева («Сашка»), В.В. Быкова («Западня»).

Например, главный герой повести «Сашка» первый раз за всю войну заплакал после того, как лейтенант из штаба заподозрил его в самостреле: «А Сашка, бывалый боец Сашка, у которого все смерти на передке не выжали ни одной слезинки, вдруг забился во всхлипах вперемежку с ругательствами» [5, с. 65].

В повести «Западня» это утверждение является центральным. Пленного лейтенанта Климченко немцы отпускают на свободу, объявив его своим пособником. Если до возвращения в расположение своей роты лейтенант считал, что смерть – это самое страшное, что может произойти с человеком, то теперь он понимает, что нет ничего страшнее, чем оказаться презираемым товарищами по оружию: «для этих людей он почему-то стал врагом. Это новое открытие ошеломило его. Что-то в нем сразу надломилось» [6, с.486].

Климченко понимает, что не сможет доказать свою невиновность, поэтому теряет желание жить и ожидает смерть как избавление от непоправимого горя. Однако слова немецкой пропаганды вводят в заблуждение только военных, прибывших из штаба, тогда как солдаты и офицеры, находящиеся на передовой, верят и искренне сочувствуют «своему» лейтенанту. Доверие боевых товарищей возвращает главному герою душевные силы и желание продолжить борьбу с врагом.

Лейтенант Лукьянов в повести В.В. Быкова «Третья ракета» после окружения и плена, как и Артаковский, проходил проверку. Однако наказанием для него стало не столько осуждение со стороны своих (лейтенант был разжалован в рядовые солдаты и отправлен на фронт), сколько муки совести за то, что, попав в окружение, отчаялся и сдался в плен: «Сам в плен сдался. В окружении. Поднял руки… Не выдержал» [3, с. 263].

Разжалованный лейтенант испытывает страх от мысли, что сослуживцы узнают правду о его «малодушии». Лукьянов не может рассказать о случившейся с ним беде даже близким родственникам. После освобождения он не написал ни одного письма отцу, предпочитая неизвестность «позору». Молодой человек, который до окружения и плена командовал взводом и, как многие его ровесники, мечтал о славе и подвигах, угнетен страхом и самоосуждением до такой степени, что утрачивает интерес к жизни, тяготится своим существованием: «Что ж, храбрость – талант. А я, видимо, бесталанный. Кому нужен такой человек-трава…» [3, с.264].

Создавая образ Лукьянова, В.В. Быков постоянно подчеркивает его покорность, страх, беспомощность («молчаливая робкая покорность», «неуверенно трет», «грустно отвечает», «беспомощно умолкает»).

Если Артаковский обретает свободу, находясь в окопах, то Лукьянов способен на некоторое время почувствовать себя уверенно, выполняя работу, напоминающую о довоенном прошлом (учебе в архитектурном институте), или рассуждая о науке и искусстве.

Пережитое в плену не только приводит к душевному надлому, но и делает героев описываемого типа уязвимыми перед человеческой подлостью. Например, хитрый и ловкий Задорожный, чувствуя правоту доводов Лукьянова, напоминает последнему о плене («Я брат, хоть институтов не кончал, но и в плен не сдавался, как ты»). После этого напоминания-упрека Лукьянов не решается продолжить разговор («словно от боли, дергается бледное лицо Лукьянова, руки его беспомощно падают на колени, и он умолкает» [3, с. 207].

Пытаясь защититься, герои замыкаются в себе. Капитан Артаковский не стремится сблизиться с людьми и редко принимает участие в разговорах, которые ведут в палате раненые. Если тема беседы становится интересной для Артаковского, он, как правило, начинает внимательно слушать говорящих, но при этом не высказывает своего мнения. Наблюдательный Третьяков верно отмечает, что капитан молчит

вынужденно, «не оттого, что сказать нечего, а оттого, что не каждому и не все, что знает, может сказать» [4, с. 66].

Бойцы расчета характеризуют Лукьянова как «задумчивого и замкнутого».

Выпавшие на долю Артаковского и Лукьянова испытания, с одной стороны, привели к внутреннему надлому, с другой стороны, изменили восприятие мира героями и их отношение к людям.

После допросов в особом отделе Артаковский пересмотрел сложившуюся до войны систему истин (представление об истории, о происходящем в стране). Защитившись от внешнего мира молчанием, все свободное время он читает газеты и книги, анализирует причинно-следственные связи, определяет значение происходящих событий не только для современников, но и потомков.

Лукьянов признается, что в немецком плену приблизился к пониманию сути человека: «Я долго ошибался, кое-чего не понимал. Плен научил меня многому» [3, с.222].

Поэтому именно надломленный, освободившись от мифологизированного представления, способен дать объективную оценку происходящим событиям, поддержать главных героев в трудные минуты жизни.

Артаковский стал единственным человеком, объяснившим лейтенанту Третьякову, которого однажды на фронте заподозрили в членовредительстве и отправили в особый отдел, смысл и возможные последствия этого страшного обвинения. Тогда как остальные раненые (даже кадровые офицеры старшего поколения) восприняли рассказ Третьякова о встрече с начальником особого отдела как веселое своей нелепостью приключение: «Артаковский странным взглядом внимательно посмотрел на него, а все засмеялись, и Третьяков вместе со всем и – еще раз» [4, с. 72].

Только Артаковскому Третьяков может рассказать о репрессированном отце и пропавшем без вести отчиме, поскольку капитан – это единственный человек, который знает правду о судьбе близких людей и способен о ней рассказать. С Артаковским делится пережитым Саша, так как чувствует, что последний поймет ее боль и тревоги.

Лукьянов, которого по праву считают «самым умным», не только способен разъяснить бойцам расчета сложные теоретические вопросы науки и искусства, но и помогает главному герою понять причины поступков окружающих. Например, разоблачает ложь Задорожного, оправдывает Люсю, таким образом возвращая уверенность главному герою: «Он сбрасывает с меня невидимый груз страданий и приоткрывает светлую желанную надежду» [3, с. 222].

Следует подчеркнуть, что осудить и обидеть подозрением надломленного могут только тыловые аристократы, «чужие» или предатели, тогда как положительные герои, утратившие во время боев «книжные представления» о жизни, жалеют этих невольных мучеников войны.

В повести В.В. Быкова «Его батальон» создан образ героя, судьба и поведение которого внешне напоминают судьбу и поведение надломленного.

Начальник штаба лейтенант Маркин после выхода из окружения утратил эмоции («никогда не улыбался, ничему не радовался»), стал отчужденным, погруженным в самого себя. Он старается не проявлять инициативу, безоговорочно исполняет приказы начальства («делал столько, сколько было отмерено распоряжением старшего начальника» [7, с. 190]).

Однако этими внешними признаками сходство между Маркиным и надломленным войной человеком исчерпывается.

Герои, относящиеся к типу надломленного, утратив здоровье, уверенность в себе, надежду на будущее, не утрачивают самого главного: человечности. Чибисов, Артаковский и Лукьянов понимают, что истинной ценностью является человек и его жизнь. Тогда как Маркин лишился этого понимания. Тщеславие, желание реабилитироваться, чтобы получить звание, жестокость и непреклонность – эти черты характера усилились и проявились после выхода из окружения.

Став комбатом и получив приказ о штурме высоты, Маркин со всей «безжалостной твердостью» посылает батальон на смерть, отказывается поддержать огнем роту Кизевича, назначает беременную женщину командиром.

Утратив в себе Человека, Маркин перестает восприниматься солдатами и офицерами как «один из них», тогда как надломленный продолжает оставаться в кругу «своих», вносит свой вклад в общее дело борьбы с врагом.

Список литературы

1. Ананьев А. Танки идут ромбом // А. Ананьев. Танки идут ромбом: роман, повесть. М.: Советская Россия, 1986.
2. Бондарев Ю. Горячий снег // Ю. Бондарев. Собр. соч. в 4 т. Т. 3. М., 1972.
3. Быков В. Третья ракета // В. Быков. Повести. М.: Советский писатель, 1986.
4. Бакланов Г. Навеки – девятнадцатилетние // Г. Бакланов. Собр. соч. в 4 т. Т. 3. М., 1983.
5. Кондратьев В. Сашка // В. Кондратьев. На поле овсянниковском. Повести. Рассказы. М., 1985.
6. Быков В. Западня // В. Быков. Собр. соч. в 4 т. Т. 1. М.: Молодая гвардия, 1985.
7. Быков В. Его батальон // В. Быков. Собр. соч. в 4 т. Т. 2. М.: Молодая гвардия, 1985.

Об авторах

Старцева Ирина Леонидовна – кандидат педагогических наук, доцент Брянского государственного университета, ekl9ier@mail.ru

Хасанова Галима Фазлетдиновна – кандидат филологических наук, учитель русского языка и литературы МБОУ Воробейнская СОШ, galima@bk.ru

УДК 821.161.1 – 31Рубина.06

ФЕНОМЕН ГОРОДСКОГО ТЕКСТА В РОМАНЕ Д. РУБИНОЙ «СИНДРОМ ПЕТРУШКИ»

Штыгашева О.Г.

Статья посвящена исследованию феномена городского текста в романе Д.Рубиной с точки зрения топонимических локусов как соотношения традиционных и новаторских способов изучения урбанистических тенденций в художественном тексте. Поставлен вопрос о влиянии архитектоники городского пространства на становление и развитие главных героев, а также на движение сюжетных линий.
Ключевые слова: городской текст, традиция, локус, миф, театральность, инобытие героя.

THE PHENOMENON OF URBANE TEXT IN THE NOVEL "SYNDROME OF PETRUSHKA" BY D. RUBINA

Shtygasheva O.G.

The article is devoted to study urbane text peculiarities in the novel by D. Rubina from the point of view of toponymical locuses considered as correlation of traditional and innovatory methods of study of urbanistic trends in a literary text. A question posed in the article is about architectonics of urban space influence on formation and further development of the main characters as well as progression of the narrative strands.
Keywords: urbane text, tradition, locus, myth, staginess, otherness of a character

«Городская тема» в русской литературе неотделима от мифотворческих вариаций в русской литературе XIX и XX веков, в произведениях, где Город сам по себе – аналитический минимум, состоящий в постоянном диалоге с социально-культурными вехами действительности, во многом определяет «развитие субъективно-оценочного подхода» [3, с.260]. Московский и Петербургский тексты предстают как локусы художественной мысли, соотносясь с визуальными формами городского пространства и культурного содержания, являются объектом средоточия работы воображения и памяти. Художественный характер топосов способен приоткрыть свои имплицитные свойства путем привычных, упорядоченных ассоциаций.

Благодаря возможности сохранения информации (архитектура, живопись, литература, театр, фольклорно-культурные традиции), Город становится субъектом, свободно порождающим свое прошлое из поколения в поколение. Конечно, говоря о мыслительном процессе, при котором прошлое сопоставимо с настоящим, имеет смысл говорить о словесном воплощении производных городской жизни. «Города с первого момента их возникновения были пространственными точками, несущими огромную нагрузку, не только функциональную, но и смысловую», – отмечает Н.Е. Меднис [1, с.9].

Урбанистическая традиция, сложившаяся в русской литературе, поставила Город в положение регенирирующего образного центра, способного стать непосредственным участником сюжетной динамики, вписывающимся в судьбы героев благодаря художественному и социально-культурному содержанию городских локусов. Возможно, это связано с тем, что городское пространство, вовлеченное в создание образа героев как субъективно, так и опосредованно, становится не просто хронотопом, который имеет собственные ценностные характеристики, но структурным элементом образного расширения. Постановка Города в фокус специфического взаимодействия между конечным продуктом художественной мысли автора в произведении (образом героя) и способом его создания функционирует как сюжетообразующий элемент. Причем отпечаток любого локуса городского пространства ложится не мертвым грузом во внутренний мир персонажа, это всегда коммуникативная связь. Что мы и наблюдаем в произведениях Ф.М. Достоевского, Н.В. Гоголя, А. Белого, М.А. Булгакова и др.

Начиная с XIX века, Город выступает фоном человеческой драмы, в которой образуется сложное единство воображения и истории, сознания и культуры, социума и его отношения к индивиду. Город в литературном произведении часто становится выражением интимных ожиданий, желаний и навязчивых идей главных героев, в которых отражаются все внутренние противоречия и культурная память поколений. При этом значимым становится не только то, ка-

ким образом городская тема выражается в творчестве конкретных писателей, но и то, как учитывается их опыт в дальнейшем литературном рассмотрении территории городских локусов.

Творимый в русской литературе городской миф складывался изначально по некой первичной сюжетной схеме, которая была настроена как на осмысление этой первичной информации, так и на руководство дальнейшими действиями. В более позднем своем воплощении в создании образа Города как средоточия художественных формул и ассоциативных связей, играющих формально-содержательную роль, в литературном произведении участвуют те же символы и мотивы, что были задействованы ранее для создания традиций, начиная с петербургского текста, но оформленных в соответствии с логическим продолжением городского мифотворчества. Контаминированная семантика сформировавшегося «сверхтекстового» уровня оказалась наиболее показательной в творчестве писателей на современном этапе. На наш взгляд, показателен в этой связи роман Д. Рубиной «Синдром Петрушки», вышедший в печать в 2013 году.

Прежде всего, следует начать с определения жанровой разновидности этого произведения. Это и психологическая драма, и детективная история, и любовный роман, и «фэнтези», в какой-то степени в романе присутствуют и элементы готических произведений XIX века. Возможно, точное жанровое определение и не имеет решающего значения для процесса смыслопорождения, но эклектика, заложенная в смешении жанров, точнее, в их взаимопроникновении, меняет внутреннюю структуру содержания романа, являясь своего рода иллюстративным материалом для понимания «архитектурной решетки» ~~смысла~~ романа Д. Рубиной. В этом случае жанровый синтез выступает как преднамеренное нарушение системных внутрижанровых отношений с целью достижения эффекта остранения и одновременно привязанности к канонических городским сюжетам. Кроме архитектурных, этнографических и мифологических образов, формирующих синтетическое жанровое пространство, автор избегает клишированной структуры городского текста, в которой бы просматривались конкретные аллюзии и формулы. Таким образом, нарушая жанровые границы, Д. Рубина достигает максимальной достоверности повествования, выражая свойственное синтетическому жанру стремление к философичности, к единичности и неповторимости созданных художественных образов.

Зыбкость ценностей XXI века позволила автору романа показать городское пространство как парадигму экзистенциальных и импрессионистских характеристик, как аналог осознания летящего в бездну небытия и – воскрешенного в силу той информации, которую хранила культурная память. Знаковые реалии городского текста (топонимы, образы-символы, соотношение их с внутренним миром героя, климатические характеристики и др.) не наделены в романе Д. Рубиной, как, например, в произведениях Ф.М. Достоевского и А. Белого, темпераментом человеческого персонажа. Культурная память, даже можно сказать кодовая память, заключенная автором в мифологизированное пространство, представлена как *совокупность* образов, уже устоявшихся и закрепленных за городской средой мифологем. Однако семантическая общность образов парадоксальным образом создается не в единичном локусе, а в нескольких – Южно-Сахалинске, Львове, Праге и Самаре. Несомненным смысловым лидером в этом квартете является Прага – город, наделенный способностью оформлять сложнейшие акты мыслительной деятельности героев и дифференцировать всю сложность и многоплановость человеческих чувств в романе.

Конечно, стилистическая традиция, ведущая свое начало от классики русской литературы, в романе Д. Рубиной прослеживается. Это и ожившие скульптуры возле подъезда во Львове (А.С. Пушкин), и обезумевшее сознание (Н. Гоголь, Ф.М. Достоевский, А. Белый), которое принимает двоякую форму: как «полноценного» безумия, так и безумия, скрывающегося за внешне адекватным поведением одержимого куклами героя. Это и мифологема трактира (Ф.М. Достоевский), трансформированного в пражское кабаре, место почти инфернальное, где происходит кульминационный момент в жизни Петра и Лизы, когда она уничтожает куклу-двойника. Мотив двойничества, характерный для городского текста русской литературы, в романе Д. Рубиной становится одним из главных стилеобразующих и сюжетообразующих компонентов, практически архитепичным. Лиза – кукла Эльза, Петр – кукловод, но

ведомый все теми же куклами, контаминированные образы, которые можно соотнести по природе своей с образами Раскольникова, Поприщина, Евгения, Николеньки Аблеухова, Германна. Однако было бы поспешным делать вывод об интертекстуальности содержательного пространства романа, хотя в определенном качестве, если рассматривать интертекст как часть художественной традиции, можно сказать, что в данном тексте присутствует определенное семантическое поле опознанных формул, происхождение которых можно обнаружить. Но это не проблема источника и его влияния на вторичный текст, как признано в теории интертекстуальности. Это, прежде всего, сознательная делегитимитизация автором уже мотивированных элементов городского текста, который строится с помощью определенного инструментария.

В романе Д. Рубиной происходит визуальное расширение пространства городского текста посредством совокупности географических реалий, каждая из которых имеет свою роль и соответствующее настроение. Южно-Сахалинск – город детства, город, где впервые Петр почувствовал непреодолимое желание войти в мир кукол. Этот топоним начинает формирование личности героя и мотивацию его дальнейшего поведения. Происходящая социализация подростка непосредственно связана с миром куклодейства и игры, что неизбежно приводит впоследствии к переакцентуации внутренних ориентиров героя и замещению реальности почти что театральной драмой.

Театральность проявляется в его жизни не только в поведенческой сфере как обыденный, бытовой процесс, когда возникает необходимость спрятаться от реальности в собственном герметичном от внешнего влияния мире. Это, скорее, *инобытие* героя, в основе которого лежит принцип игры, подчеркивающий условность, символичность сущности психологического состояния Петра. Именно в Южно-Сахалинске сформировалось перманентное отношение героя к жизненным процессам как театрализированному действу, главную роль в котором играли не люди, а куклы. Это и определило все дальнейшие действия героя, входящего во взрослый мир во Львове.

Во Львове прошли отрочество и юность Петра, случилось знакомство с семьей Лизы, в его жизнь раз и навсегда вошла сама Лиза, тогда еще маленькая девочка, окутанная старинной семейной легендой рождения, связанной опять же с кукольной историей. В сознании Петра к этому времени уже сложилось четко смоделированная реальность кукольного пространства, и Лиза заняла в нем главную роль. К герою, построившему свою ирреальную модель жизни как сценического действа, пришла потребность в выборе главной актрисы в своем спектакле, причем то, что его первая и единственная пока кукла была ребенком, Петра не волновало. Подмена в сознании уже произошла, в его душевном мире укрепилась мысль о театральном правдоподобии. Похищение Лизы можно рассматривать как приобретение ценного, а главное, пригодного для создания игрового пространства внутри себя экспоната, который на всю жизнь останется примой в кукольном театре героя. Детская хрупкость Лизы, непосредственность, удивительная внешность, действительно воплотившая в себе фарфоровую кукольность и почти мистическое «ненастоящество», обусловили отношение к ней Петра как к некоему драгоценному предмету, который требует особенной заботы и ухода, как и любая ценная коллекционная вещь.

Старинный, легендарный, почти сказочный Львов с его смешением национальностей, языков и культур стал для Петра и Лизы своеобразным смысловым фундаментом в их отношениях, навсегда связавшим в единое целое их внутренние миры на уровне *театр-кукла-роль*.

Следует отметить, что в романе «Синдром Петрушки» хронотоп имеет особенные признаки: нам не предлагается хронологически последовательная картина взросления героев, развития их отношений и временнàя обусловленность действий и поступков. Очень часто герои просто «уходят» от читателя в размышления автора и воспоминания самих персонажей, поэтому время в романе выступает как отраженное в сознании героя и не важное для развития действия. Таким образом, и сам сюжет, и мотивная структура обусловлены инверсией композиционной структуры, что позволяет пространство в произведении рассматривать как локальное, замкнутое, сосредоточенное в определенных топосах, а время дискретным – в соответствии с синкретичным сознанием героев. Особенно это ярко выражается во время болезни Лизы и ее душевного неспокойствия,

когда уже не Петр, а она сама создает собственную реальность, корректирующую ее кукольный функционал, для защиты от неприемлемой для нее театральности.

В Праге происходит психологическое перевоплощение Лизы в Эльзу – куклу, созданную Петром по ее образу и подобию, но более совершенную, потому что Эльза бессловесна, пластически неповторима, а главное – Эльза является для него воплощением мечты об идеальной кукле. Причем это не просто кукла – это марионетка, повторяющая действия своего создателя, полностью принадлежащая ему и беспрекословно подчиняющаяся, ведомая и управляемая кукловодом.

Конечно, не случайно Д. Рубина выбрала для кульминационных, знаковых сюжетных моментов город, являющийся древнейшей европейской культурной столицей кукловодческого искусства, ведущего свою историю с XVI века. Пражский Национальный театр марионеток (Národní divadlo marionet) возник в среде чешских театров 1 июня 1991 года, как часть культурной системы Via Praga. Он начинает свою работу под протекцией театра "Říše loutek" ("Царство кукол"). В этом театре в роли актеров были задействованы деревянные куклы в человеческий рост, созданные еще в прошлом столетии и одетые в великолепные костюмы. Правдоподобие, максимальная серьезность (в зависимости от постановок), приближенность внешнего сходства кукол с оригиналом были главнейшими требованиями сценических постановок.

Для Петра в Праге соединилось несколько мотивов, которые провоцировали и его творческую натуру, и его одержимое желание оградить, защитить Лизу от реалий действительности и подчинить своей воле, превратив ее тем самым в настоящую, живую марионетку. Город – сказка, город – театр, город – перевертыш, город – сцена, город – мастерская – многоликость Праги подчинила и без того свернутое сознание героя. Он чувствовал себя великим Йосефом Скупой, опровергнувшим мнение о кукольном театре как о несерьезном виде искусства и доведшим его до совершенства. Мысль эту подтверждала и беременность Лизы. Однако странное заболевание родившегося малыша, потеря ребенка и душевная болезнь Лизы, лежащие глубоко во львовских тайнах, заронили в Петре сомнение в своей творческой гениальности. Происходит двойная подмена: умерший от загадочного синдрома Петрушки сын и потерявшаяся в реальности от горя жена уходят из сознания героя как неподдающиеся манипуляции «бракованные» марионетки.

Прага со всей своей театральностью, мнимым упоением древней кукольной культурой и жаждой творческого выражения *ведет* Петра дальше в иллюзорное пространство марионеток, несмотря на трагедию разрыва с Лизой и отъезда ее на лечение в Иерусалим. И вот тогда приходят львовские воспоминания, время словно останавливается, становясь уже больше психологическим фактором, чем хронологическим. Герой осознает, что Лиза не безвольная театральная игрушка, а человек, близкий ему и бесконечно необходимый. Опытный кукловод словно потерял нити, за которые дергал свою любимую куклу, имитация жизни уже не может заменить саму жизнь без Лизы. Эльза – совершенное создание, венец творчества Петра как кукольника, он понимает, что эта кукла – лучшая марионетка, им созданная. Однако Эльза – это и ложность подаваемой им информации, и всего лишь кукла-актер, хотя и причастна к исполнительному творческому искусству кукольника-актера Петра. Потому он спокойно переносит уничтожение Лизой после возвращения в Прагу своего двойника, понимая уже, что мистификация не может сочетать *видимость* и *реальность.*

Существует определенный порог для восприятия произведений искусства как единого целого и значимости их фрагментов. При этом пороговое состояние имеет конкретные психологические параметры, которые варьируются от случая к случаю в зависимости от обусловивших их активацию обстоятельств. В данном случае фрагментами произведений Петра выступают куклы, созданные им в конкретных географических локусах. Находясь каждый раз на пике пороговой ситуации, обусловленной протеизмом сознания, желанием моделирования реальности в творческий процесс, герой зависим от значимого «места разворачивания смыслов», которое «коррелирует с каким-либо фрагментом» [2, с.87-94] реального пространства. Например, и Южно-Сахалинск, и Львов, и Прага могут рассматриваться как топосы общего пространственного смысла в художественном произведении. Но при наличии опре-

деленных обстоятельств в жизни героя, характерной особенностью которых является психологический эффект «правдоподобия» и «зрительной открытости», возникает закрытое и духовно, и бытийно, и творчески пространство, условно называемое локусом.

Таким образом, топос не сводится к текстуально-речевой «привязанности» объектов художественного пространства и их фиксации как части поэтического образа, скорее всего, он в романе выступает как формула коллективного сознания в структуре «городского текста», обеспеченного концептуальными отношениями в формально-содержательной среде произведения. Эти отношения поддерживаются и жанровыми традициями, сложившимися в литературе, и мотивной структурой, и интертекстуальными связями, и создают особое непространственное взаимодействие между речевой тканью и композиционной инверсией, тем самым «работая» уже в области таких понятий, как «сверхтекст» или «гипертекст». Локус же соотносится с конкретным пространственным образом города, имеет свои специфические особенности, обусловленные ассоциативным миромоделированием как отражением театрального правдоподобия, и является устойчивым художественным образом, заключающим в себе физическое и экзистенциальное самоощущение персонажа.

Список литературы

1. Меднис, Н.Е. Сверхтексты в русской литературе. – Новосибирск, 2003. – С.9.
2. Прокофьева, В.Ю. Категория пространство в художественном преломлении: локусы и топосы. // Вестник Оренбургского университета. – 2005. – №11. – С. 87-94.
3. Рубина, Д. Синдром Петрушки. – М., 2015.
4. Топоров, В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. – М.: Изд. группа «Прогресс». – 1995. – С.260.

Об авторе

Штыгашева Ольга Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы филологического факультета Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова, shtygasheva@rambler.ru

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.111-26

РОЛЬ ЗАГЛАВИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ

Асратян З.Д.

В статье анализируются основные структурные и семантические типы заглавий художественных произведений в британской и американской литературе XX-XXI вв. Заглавие рассматриваются как единица текста, диктема, в которой реализуются функции номинации, предикации, тематизации, стилизации и концептуализации. Показана концептуализация заглавия через предикацию его темы к авторской интерпретации. Рассмотрены возможности рематической трансформации заглавия по отношению к озаглавленному тексту.

Ключевые слова: заглавие, художественная литература, тема, диктема, концепт, когнитивно-пропозиционная структура, тема-рематические отношения.

THE ROLE OF THE TITLE IN A WORK OF ENGLISH FICTION

Asratyan Z.D.

The article analyses the main structural and semantic types of titles of XX-XXI c.' British and American works of imaginative literature. The title is looked upon as a unit of text, dicteme, in which the functions of nomination, predication, topicalization, stylization and conceptualization are fulfilled. The work demonstrates how a title is conceptualized through the predication of the topic to its interpretation by the author. Possible cases of rhematic transformation of titles in comparison to the texts entitled are also dealt with.

Keywords: title, works of fiction, topic, dicteme, concept, cognitive-propositional structure, theme-rheme relations.

Заглавие является важнейшим структурным и семантическим элементом текста. По мнению И.Р. Гальперина, оно представляет собой «компрессированное, нераскрытое содержание текста» [1, с.133]. Заглавие занимает сильную позицию и, как считает Н.А. Николина, обычно связано «с доминантой текста (тематической, композиционной, концептуальной, эмоциональной!)» [2, с.168]. Тематическая роль заглавия выделяется практически всеми исследователями (Н.С. Лесков, С.Д. Кржижановский, Л.М. Кольцова, О.А. Лунина, Н.А. Николина, О.Ю. Богданова и др.). Так, О.Ю. Богданова определяет заглавие как «диктемное имя текста» [3, с. 3]. Понятие диктемы было предложено М.Я. Блохом в качестве минимальной единицы систематизации и тематизации текста, формируемой предложениями или даже одним предложением (Блох, 1985,1994, 1999, 2000, 2004 – понятие диктемы) [4].

Однако нельзя не согласиться с Дж. Брауном и Дж. Йюлом, которые считали, что основания для выделения темы произведения редко представляются четко выделенными. По их мнению, «тему можно описать как наиболее часто употребляемый, необъяснимый термин» [5, с.70]. При этом данные авторы отмечают, что «те аспекты контекста, которые находят прямое отражение в тексте и которые необходимы для его интерпретации», являются активированными характеристиками контекста и именно «они создают контекстуальную рамку, в которой и формируется тема, или, другими словами, они создают тематическую рамку» [5, с. 75].

В качестве таких активированных характеристик контекста мы рассматриваем когнитивно-пропозиционную структуру текста. Эта структура включает в себя субъект/ы, предикаты, объекты, атрибуты, время и место действия, причины и следствия. На уровне диктемы формируется микро-тема, микро-темы объединяются в макро-темы, которые, в свою очередь, способствуют формированию глобальной темы всего произведения, которая является его объединяющим и формирующим фактором.

Заглавия художественных произведений исторически обусловлены. Мы ставим перед собой задачу рассмотрения структуры и функций заглавия в американской и британской литературе XX-XXI вв. Современные заглавия в отличие, например, от заглавий более ранних произведений гораздо лаконичнее. Они, как правило, представлены каким-нибудь одним объектом когнитивно-пропозиционной структуры:

субъектом/ами: Aldous Huxley *The Claxtons,* Jane Gardam *Groundings,* Kate Pullinger *My Mother, My Father and Me;*

предикатом: Hillary Mantel *Destroyed,* Rachel Seiffert *Reach;*

объектом: Kathrerin Mansfield *A Cup of Tea,* Virginia Woolf *The Legacy;* Deborah Moggach *Empire Building;*

обстоятельством места: George Orwell *Animal Farm,* David Lodge *Hotel des Boobs,* Harry Harrison *To the Stars;*

обстоятельством времени: Sebastian Faulks *A Week in December;* Stanley Ellin *The Moment of Decision,* Rose Tremain *A Shooting Season, F. Scott Fitzgerald S. Crazy Sunday;*

атрибутом: William Somerset Maugham *Red;*

причиной: Nick Hornby *Faith ,* Clive Sinclair *Bedbugs;*

следствием: Kathrerin Mansfield *Taking the Veil,* John Galsworthy *The Broken Boot;*

обстоятельством образа действия Evelyn Waugh *On Guard.*

Тематическая информация в заглавии может быть выражена и более развернуто, в виде предложения: Rose Tremain *My Wife is a White Russia;,* Beryl Bainbridge *Clap Hands, Here Comes Charlie;* Martin Amis *Let Me Count the Times.*

Более развернутые заглавия, не ограниченные одной предикативной структурой, привносят дополнительную информацию в заглавие. Так, *For Colored Girls Who Have Considered Suicide When the Rainbow Is Enuf* Ntozake Shange, по мнению автора, - новый своеобразный жанр, хореографическая поэма. В романе М. Хаддона «Странное происшествие с собакой в ночное время» (Haddon Mark *The Curious Incident of the Dog in the Night-Time*) нарратор-подросток страдает аутизмом, и в столь подробном и развернутом заглавии отразилась его обусловленная болезнью страсть к подробной детализации окружающего мира.

Во многих произведениях субъект представлен именем собственным: Kathrerin Mansfield *Miss Brill,* Richard Bach *Jonathan Livingston Seagull.* По справедливому замечанию Джона Маллена, «озаглавить произведение именем его главного героя означает проявить к нему симпатию» [6, с. 17]. Поэтому, чтобы сохранить определенную дистанцию, авторы часто вводят субъект через род его деятельности: Sherwood Anderson *The Teacher;* через семейные отношения: David Laurence *The Horse Dealer's Daughter,* через физические или психологические характеристики субъекта: William Somerset Maugham *Red,* Machael Frayn *Headlong, и т.д.* Однако не бывает правил без исключений. Так, в рассказах Олдоса Хаксли (*Chawdron* и *The Claxtons)* Шодрон – законченный мерзавец, страшно необразованный, с бульдожьей хваткой, и с такой же внешностью, а семья Клакстонов – отвратительный образчик лживости и лицемерия. Возможно, в этом проявился идиостиль О. Хаксли.

Однако достаточно широко дискутируемый вопрос, является ли заглавие словом или предложением, решается нами ни в пользу первого, ни в пользу второго. Мы, разделяя точку зрения О.Ю. Богдановой, что заглавие – «диктемное имя текста», считаем, что заглавие – единица текста, так как лишь на уровне текста и его минимальной единицы, диктемы, возможна функция тематизации. Таким образом, в заглавии реализуются и функции слова (номинация), и функции предложения (предикация), и функции текста (тематизация и стилизация). Как мы уже отмечали, диктема формируется предложениями, а заглавие часто бывает представлено словом или словосочетанием, однако и у слова, и у словосочетания в заглавии есть скрытая предикативность, которая и определяет его когнитивно-пропозиционную структуру. Более того, заглавие может быть также носителем еще одной текстовой функции, а именно, функции концептуализации.

О.Ю. Богданова считает, что «концептуально-содержательная функция является основополагающей для диктемного имени художественного текста» [7, с. 141]. Как справедливо замечал еще С.Д. Кржижановский, «поскольку заглавие лишь конденсирует тему... оно должно отливаться в форму логического суждения: S есть P» [8, с. 9]. Эта форма предполагает предикацию темы произведения к ее авторской интерпретации. По мнению Н.А. Николиной, заглавие художественного текста – это «первая интерпретация произведения, причем интерпретация, предлагаемая самим автором» [2, с. 171]. В.А. Кухаренко полагает, что заглавие – это «главная, а часто единственная авторская формулировка концепта [9, с. 96]. Авторская интерпретация концептуализирует заглавие.

Тема художественного произведения преломляется через ее авторскую интерпретацию и таким образом концептуализируется по схеме: X есть Y, где X – это тема художественного произведения, а Y – ее авторская оценка. А поскольку в основе концепта художественного произведения тоже лежит когнитивно-пропозиционная структура, то он (концепт) тоже может быть представлен через субъект/ы, объект/ы, предикат, атрибут, хронотоп, причины и следствия т.д. И тема, и концепт художественного произведения не всегда выражаются рационально, иногда либо тема, либо ее интерпретация, либо и то, и другое предстают

в виде образа, иконической картинки или тропа. Так как оценка не бывает нейтральной, концепт всегда эмоционально окрашен. Эта окраска может присутствовать в семантике слова: Machael Frayn *Headlong,* William de Mille *Ruthless.* Оценка может выражаться через троп: метафору: Rose Tremain *A Shooting Season*; метонимию: John Galsworthy *The Broken Boot*; иронию: Ruth Rendell *The Proffessional*; через метафорический эпитет: *F. Scott Fitzgerald S. Crazy Sunday* и т.д.

Концептуализация иконического образ больного, умирающего сознания в рассказе Самуила Бекетта *Ping* имеет более сложную природу. Борьба сознания, мучительно пытающегося то ли в жизни, то ли в воспоминаниях уцепиться за реальность, не может не вызывать сочувствия у читателя. Описание этой борьбы преломляется через сопереживание читателя и порождает его, читательскую, эмпатию. Таким образом, концепт как бы возникает на читательском уровне. Однако эта эмпатия первоначально возникает у автора произведения и лишь потом повторяется на читательском уровне. Именно авторская эмпатия позволяет ему создать произведение, аналогичным образом воздействующее на читателя. Таким образом, концепт в данном произведении – это эмотивная информация, передающая эмоциональное состояние героя, автора и, как следствие, читателя.

Иногда в заглавии присутствует и тема, и ее оценка, т.е. концепт: Hanif Kureishi *My Son the Fanatic,* где *My Son* – это тема рассказа, а *the Fanatic* – ее авторская интерпретация. В рассказе Джонатана Коу *Ivy and Her Noncence* тема представлена через субъект когнитивно-пропозиционной структуры, сестру бабушки нарратора Айви, которая считает, что ее сестра, будучи среди присяжных заседателей, оправдавших женщину, убившую своего мужа, поступила беспринципно и должна понести наказание. И она предрекает появление покойника, чтобы наказать бабушку нарратора за несправедливость. Такое предсказание всем кажется глупостью (nonsense), однако нарратору, который в то время был ребенком, привиделось, что он видит мстителя с ножом в руке в комнате бабушки. И по прошествии многих лет, став взрослым, нарратор так и остался до конца не уверенным в том, что он видел в ту рождественскую ночь. Концептом того, что предрекла Айви, нарратор предлагает считать «глупость» (nonsense), однако ни он, ни тем более читатель не могут быть до конца уверены, было ли данное предсказание на самом деле глупостью.

В романе Джонатана Коу *What a Carve Up!* оценка выражается синтаксически через эмотивное предложение с эмфатическим интродуктором. «Какое надувательство!» или «Какое свинство!» – это авторская интерпретация жизни известного английского семейства, с одной стороны, а с другой, – итог жизни и смерти нарратора этого произведения, связанного с этим семейством контрактом описывать их жизнь.

По мнению ряда исследователей (В.А. Лукин, Н.А.Кожина, Н.А. Николаева), заглавие и текст находятся в своеобразных тема-рематических отношениях, которые по мере прочтения текста претерпевают определенные изменения. Так, Н.А. Кожина считает, что «функция номинации (присвоения имени) текста постепенно трансформируется в функцию предикации (присвоения признака) текста» [10, с. 5]. Однако нам представляется, что рематическая фукция у заглавия возникает не всегда, а лишь в том случае, если это заглавие концептуализировано, т. е. содержит концептуальный, оценочный элемент.

Попытаемся на примере рассказа Роуз Тремейн «Сезон охоты» (Rose Tremain *A Shooting Season)* посмотреть, как осуществляются такого рода трансформации. Не прочитав рассказ, мы соотносим его заглавие с тематической когнитивно-пропозиционной структурой. Оно представляет обстоятельство времени в этой структуре, каковым и является, передавая время действия рассказа: утро, в которое началась охота на уток. Однако прочитав рассказ, мы понимаем, что «сезон охоты» – это не только время действия рассказа, тем более что действие начинается вечером, а утром уже заканчивается. Убийство уток во время открытия охоты – это не тема произведения, а метафора разрушения, которое привносит в жизнь главной героини рассказа Анны визит ее бывшего мужа Маркуса. Таким образом, заглавие «Сезон охоты» – это, с одной стороны, тема рассказа, а с другой – оценка этого визита, т.е. концепт.

Заглавие рассказа Деборы Моггак «Империя» (Deborah Moggach *Empire Building*) –объект тематической когнитивно-пропозиционной структуры: название магазинов главного героя, Хамида. Однако прочитав рассказ, мы понимаем, что это не просто магазины, а сооружение и гордость всей жизни главного героя. И в этом названии не только метафора, но и ирония, ибо все грандиозное сооружение, дело всей жизни Хамида, рушится, так как его сын, ради которого и создавалась вся эта «империя», демонстрирует

самое худшее, что мог себе представить Хамид.

Наличие в заглавии оценочного атрибута концептуализирует заглавие, как это и происходит в романе М. Фрейна «Одержимый» (Machael Frayn *Headlong*), однако до прочтения романа «одержимость» – скорее тематическая характеристика главного героя, и только после ознакомления со всем произведением эта одержимость наполняется новыми, рематическими характеристиками, показывающими причину, степень и глубину этой одержимости.

Таким образом, о рематизации заглавия можно говорить лишь в том случае, если в нем есть концептуализирующий, оценочный элемент, который в полной мере осознается только после прочтения всего произведения.

Список литературы

1. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981. – 138 с.

2. Николина Н.А. Филологический анализ текста: Учеб. пособие для студентов. высших учебных заведений. 3-е изд., стер. М.: Издательский центр «Академия», 2008. – 272 с.

3. Богданова О.Ю. Заглавие как семантико-композиционный элемент художественного текста (на материале английского языка) [Текст]: Автореф. дисс… канд. филол. наук. М., 2009. – 18 с.

4. Блох М.Я. Диктема в уровневой системе языка // Вопросы языкознания. 2000. № 4. С. 56-67.

5. Brown G. & Yule G. Discourse Analysis. Cambridge University Press, 1983. – 283 p.

6. Mullan John. How Novels Work. Oxford University Press. N. Y. 2006. – 346 p.

7. Богданова О.Ю. Сопоставление функциональных особенностей заглавий художественных произведений и современной публицистики (на англоязычном материале) // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 3. Том I (Гуманитарные науки). С. 140-143.

8. Кржижановский С.Д. Поэтика заглавий. М., 1931. – 34 с.

9. Кухаренко В.А. Интерпретация текста: Учеб. пособие для студентов педагогических институтов по специальности № 2103 «Иностранный язык». – 2-е изд., перераб. М.: Просвещение, 1988. – 192 с.

10. Кожина Н.А. Заглавие художественного произведения: Структура, функции, типология (на материале русской прозы XIX-XX вв.): Автореф. дисс... канд. филол. наук. – М., 1986.

Об авторе

Асратян Зоя Дмитриевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Набережночелнинский государственный педагогический университет, asratyan@mail.ru

УДК 17.51.81-22

ОБРАЗ ЭТНОСОВ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА НАРОДА САХА

Борисова И.З.

В статье речь идет об исследованиях в области межэтнических взаимоотношений, которые являются условно табуированными. В ходе анализа преданий о межнациональных взаимоотношениях народов Якутии и результатов ассоциативного эксперимента на слова-стимулы с названием этносов сделана попытка представить характер межэтнических контактов и восприятий чужого народа.
Ключевые слова: межэтнические взаимоотношения, народы Якутии, территория Якутии, предания, ассоциативный эксперимент, авто стереотипы, гетеро стереотипы.

IMAGE ETHNIC GROUPS IN THE LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD OF THE SAKHA

Borisova I.Z.

In this article we are talking about in the field of interethnic relations studies, which are conventionally taboo. The analysis of the traditions of international relations of the peoples of Yakutia and the results of associative experiment on the word-stimulus with the name of ethnic groups, attempted to present the nature of inter-ethnic contacts and perceptions of other nations.
Keywords: inter-ethnic relations, Yakutia territory, the peoples of Yakutia, legends, associative experiment, autostereotypes, heterostereotypes.

Исследования в области межэтнических взаимоотношений являются условно табуированными в силу хрупкости межнациональных взаимоотношений. Между тем результаты лингвокультурологических и социолингвистических анализов необходимы в условиях многонациональных государств. В первую очередь негативное взаимоотношение между этносами проявляется в языке. Как отмечают исследователи: «В связи с активизацией межэтнических отношений, прежде всего конфликтных, наблюдается появление некоторого количества прозвищных этнонимов, которые обычно носят сниженный стилистический характер и обладают яркой уничижительной окраской. Причина их возникновения связана экономическими и социальными причинами, имея также различный психологический базис». [1, с.69] На примере Республики Саха (Якутия) рассмотрим некоторые аспекты межэтнических взаимоотношений.

Предки эвенов и эвенков заселили территорию, начиная с середины I тысячелетия н. э., а к XIII в. они расселились на Средней Лене, Вилюе, Олёкме. Пришлые тюркоязычные саха заставили их отойти к западу и востоку от Лены. Тюркоязычные народы заселили Якутию за несколько периодов, последний из которых приходится на XIV—XV века. Якуты (самоназвание саха) как народность сформировались в бассейне

Средней Лены на основе смешения пришлых тюркоязычных племен с местными палеоазиатскими родами, а также с пришлыми монголоязычными хоринцами и тунгусами.

Взаимоотношения между разными этносами, живущими в современной Якутии, описаны ранее в древних якутских преданиях, которые бережливо собраны Д.И.Дьячковским – Сэһэн Боло, известным якутским краеведом, фольклористом и талантливым исследователем. Эти предания о других народах, отличных от якутов (самоназвание саха), о их жизни и быте, о происхождении тех или иных якутских наслегов и улусов. Предания являются иллюстрацией исторически сложившихся взаимоотношений, которые базировались на непростом прошлом, связанном с войнами, завоеванием, захватом земель. Предания, которые записаны со слов старожилов в 30-е г. прошлого столетия, можно тематически разделить на следующие: Война тунгусов с саха/Тоҥус саханы кытта сэриилэһиитэ; Саха төрүттэрэ тоҥуһу кытта былааспыттара/ Взаимоотношения предков Саха с тунгусами; Тоҥус олоҕун саха ылбыт/ Саха отбирает земли тунгусов.

<u>Война тунгусов с саха/Тоҥус саханы кытта сэриилэһиитэ:</u> Бэт былыр тоҥус, саха буоланнар бэйэ-бэйэлэрин икки ардыгар сурах хоту кэлэн араас бултарыттан, баайдарыттан сылтаан иссэн кыргыһаллара уһу.

Арай биир кэмҥэ бултуу сылдьар тоҥус Амма сахаларыгар (Хатылы, Тыараһа нэһилиэктэрэ) киирэ сылдьан суорат сиэн баран, олус хайҕаан тахсан дойдутугар доҕор-атас тоҥуһугар кэпсиэбит: «Бу сахалар астарыттан суораттара олус эбит», - диэн.

Онуоха анараа тоҥуһа – «Ол кир тайах силиититтэн, атыыр саарба мэйиититтэн эмиэ ордук дуо! – диэн ыйыппыт». – «Ээ, олорго сыһыана суох ордук – сирдэрэ, олохторо даҕаны олус!» - диэн наһаа хайгыыр. Онуоха

бары чугастааҕы оруода тоҥустар мунньустаннар, 40 табалаах буоланнар Аммаҕа Даайа, Саһыл Сыһыы диэн сирдэринэн киирэн сируот, быйаҥ былдьаһа саханы кытта кыргыһаллар да, кыаттаран бары төннөн, үрэх баһын аайы быданаллар.

Силэпсиэп, Бүөтүр Силиипэбис, 72 саастаах, Бахсы нэһ., Чурапчы оройуона, 19-VII 34 с.Көмүк. [2, с. 43]

Резюме: В древности саха и тунгусы воевали между собой, нападали друг на друга. Тунгусы завидовали укладу жизни, новым для них молочным продуктам и нападали на жилища пришлых якутов. Часто эти нападения заканчивались поражением и заставляли в дальнейшем тунгусов покинуть насиженные места.

Саха төрүттэрэ тоҥуһу кытта былааспыттара/ Взаимоотношения предков Саха с тунгусами: Эллэй Боотур бастың уола Лабаҥха Сүүрүк диэн сытыы, алгыстаах, (ыһыах ойууна, - С.Б.) бары сири-дойдуну олоччу аат аатаан олохтотолообут, билээччи, алын бырааттарын кини тус-туспа олохтуур. Кинилэргэ тоҥус ойохторун былдьаталаан ылан ойох биэттэлиир. Ол кэннэ илин эҥэргэ олохтотолуур. Куобарап, Миитэрэй Мэхээлэйэбис, 88 саастаах, II Өльтөк нэһил.Уус-Аллан ор, 14-VIII 1934 с. Олуйа.

Резюме: Богатые саха отбирали жен и дочерей тунгусов и насильно выдавали замуж за своих приближенных и родственников.

Тоҥус олоҕун саха ылбыт/ Саха отбирает земли тунгусов: Былыр мин аҕам Куома оҕонньор кэпсиирэ – «Былыр бу Мөҥкүүрдэ алааска уонна Хатың күрүөҕэ, саха суох эрдэҕинэ, тоҥус олоҕо эбит. Оччоҕо бу Хатың күрүөҕэ сэттэ ини-бии тоҥустар таба сүөһүлээх – баайдаах дьон олорбуттар. Ону сахалар кэлэн сэриилээн туран, тоҥустары үүрэн, олохторун былдьаан ылан, Хатың күрүөнэн, Мөҥкүүдэнэн, Ымааҕынан олоҕурбуттар. Тоҥустар кыаттаран илин урэхтэринэн Аллаҥҥа бааттара уьу», - диэн. Баттакап Дьөгүөр. 43 саастаах, Көмөкөн нэһ. Нам оройуона, Бэс ыйын 19 к., 1934 с. Үкэчи сайылык. [2, с.44]

Резюме: Плодородные земли на территории современной центральной Якутии, где жили семьями, оседлые тунгусы насильно отбирались саха, а тунгусы переселялись в сторону Алдана.

Из данных примеров мы ясно видим, что с коренным населением якуты враждовали, отнимали жен, земли. Следовательно, отношение к «тунгусам» у якутов было негативное. Можно заметить положительные отзывы со стороны тунгусов о представителях народа саха: У якутов жизнь лучше, они сильнее, проворнее, удачливее («сирдэрэ, олохторо даҕаны олус!/ уклад жизни, земли у них лучше»; «сытыы, алгыстаах/ ловкие и удачливые»).

Отношение к русским, которые по величайшему повелению русского престола начали освоение Сибири, можно увидеть в ранних произведениях, статьях, выступлениях, воспоминаниях Д. К. Сивцева – Суоруна Омоллоона, народного писателя, мыслителя. «Ни для кого не секрет, когда в этот нелюдимый край впервые ступила нога смелого русского землепроходца, якуты находились почти в полупервобытном состоянии. В межродовых войнах они пальмою и стрелами истребляли друг друга. <…>. Им было тогда чуждо даже понятие национального единства. Как ни парадоксально, но национальная консолидация якутского народа – дар русского народа. Именно русские, которые пришли сюда 325 лет тому назад, приучили якутов к порядку, к общественному бытию, к государственности. Память народа сохранила следующий рассказ о приходе русских в край: «Однажды якуты увидели, что с верховьев Лены, на плотах из целых деревьев приплыло множество людей, совершенно не похожих на якутов. Якутские богачи, встревожившись появлением чужеземцев, прибегали к шаманам. Один из знаменитых шаманов три дня бил в бубен и заклинал, но безрезультатно. Шаман под конец объявил, что он не в состоянии что-либо сделать, так как последние, по-видимому, предназначены свыше. <…>. Русские приобщили предков якутов к материальной и духовной культуре своего народа. Пашенные крестьяне, насильно пригнанные сюда из западных районов Российской империи, учили якутов сеять хлеб, косить литовкой, пользоваться огнестрельным ружьем на охоте. А мастеровые показывали им, как возводить дома и сооружать целые города. Первая азбука для якутов 130 с лишним лет тому назад была составлена русскими учеными. Первая научная публикация устного народного творчества якутов, включая олонхо, была сделана на русском и немецком языках 115 лет тому назад, русским академиком Миддендорфом. Первую научную грамматику «О языке якутов» классически разработал другой русский академик Бетлингк. Составлению капитального «Словаря якутского языка», единственного в своем роде в семье тюркских языков, академик Пекарский посвятил 45 лет своей жизни. Первый литературный памятник художественного слова на якутском языке был написан век с лишним тому назад Уваровским, русским по происхождению. <…>

Та счастливая солнечная жизнь всех больших и малых народов Советского Союза, которую мы видим сегодня, - это плоды преисполненного доброй воли бескорыстного героического деяния великого русского народа – народа-богатыря, народа-титана, совершившего величайшую из всех революций – Октябрьскую». Слово об октябре, 1953 [3]

Эти изречения народного писателя передают идеи в духе советского интернационализма и теории добровольного присоединения Якутии к России. Свой якутский же народ Суорун Омоллоон признает отсталым и неспособным к объединению («нелюдимый край», «почти в полупервобытном состоянии», «чуждо даже понятие национального единства» и т.д.).

В примерах из исследовательских наблюдений А.П. Окладникова, заслуженного деятеля науки, археолога, исследователя древних культур Азии можно увидеть свидетельства о приходе первых русских. Его статьи основаны на материалах полевых исследований, в частности на преданиях, записанных со слов представителей народа.

«В дни наибольшего расцвета могущества Тыгына в его владениях появляются небывалые люди – сероглазые, высокие и плечистые, с сильными и ловкими руками. Тыгын, согласно преданию, сразу оценил эти качества. «С выдающимися вперед носами, с глубоко сидящими глазами, должно быть они умные, рассудительные люди; они бедняги, очень сильны, трудолюбивы и способны», - сказал Тыгын и немедленно захватил пришельцев в свои руки, чтобы превратить их в работников. Одинаково поступают позже и дети Тыгына, Чаллайы и Мэчэкэ (Бэджэкэ). Захватив казаков, они решили: «Это люди, годные для работы, они будут у нас работниками, заставим их косить сено. Чтобы уменьшить их силу, перерезали их мышцы и жилы. Летом, снабдив рабочих провизией, тушей одного быка и кумысом в двух посудах – симирях, отправили на остров Харыйалах косить сено». Так обрисована в легенде первая встреча якутов с русскими, сила, трудолюбие и иная культура которых сразу поразили жителей Крайнего Севера. Не менее характерно и то, что простодушные, трудолюбивые русские люди контрастно противопоставляются в легенде алчному и коварному деспоту-тойону и его сыновьям, единственным стремлением которых является угнетение людей труда. Но это злодеяние не принесло Тыгыну пользы. Пришельцы строят судно и уплывают под парусами вверх по Лене. После первого появления русских сыновья Тыгына, как рассказывает предание, обратились за предсказанием судьбы к шаманке Таалай, жившей у нынешнего «Талого озера» в г. Якутске. Боясь сыновей Тыгына, шаманка всегда превращалась при их приближении в большое пламя. Но на этот раз старуха согласилась на мольбу сыновей Тыгына, затушила свое пламя и, камлая, сказала им: «Беглецы уже доплыли до верховьев реки (Лены). Сидя на облаках, я вижу, как они топорами с широкими лезвиями обтесывают бревна и говорят: «поедем к старику Тыгыну, сыну Мунньана, он людям не дает житья, всех угнетает и убивает». Русские – вот подлинные избавители от гнета Тыгына, и при этом не русский царь, ырахтааҕыта, далеко пребывающий, не купцы и чиновники, а сам многомиллионный, могучий и трудолюбивый русский народ, - вот кто помог якутскому народу начать подлинно новую жизнь. Таков вывод, который сделал якутский народ из бурных событий XVI-начала XVII вв. в этой своей легенде, верно отражающей историческую действительность. Не назад к патриархальной старине и отсталости, куда звал Тыгын, а вперед и навсегда с великим русским народом, таков был выбор, который сделал якутский народ в это переломное время своей истории».[4, с.94]

Прибывшие русские понравились якутам за их ум, силу и простодушие. Исследователи советского периода в силу идеологии своего времени придерживались мысли, что именно русские помогли якутам зажить полноценной жизнью. Теория добровольного присоединения якутского края к России не оспаривалась никем, Суорун Омоллоон был одним из самых активных приверженцев популяризации данной теории. Наблюдения и комментарии Окладникова тоже не лишены идеологического составляющего, несмотря на то, что Тыгын для народа саха является национальным героем, объединившим разрозненные тюркские племена, одним из тех, кто оказал весомое сопротивление русскому завоеванию. Бесспорен тот факт, что приход тюркоязычных народов на территорию Якутии, также присоединение Якутии к России имели большое значение в освоении этого сурового края.

И.В. Пухов, посвятивший жизнь изучению якутского героического эпоса, писал: «…в сюжете олонхо не отражено такое важнейшее событие в жизни якутского народа, как прибытие русских в Якутию. Нет также упоминания о земледелии, товарообмене, денежной системе, городах, обо всем о том, что связано с прибытием русских и давно стало достоянием якутского народа» [5, с.26]. Олонхо является якутским героическим

эпосом, древним ценнейшим памятником якутской культуры, вместилищем всей якутской фантазии и духовного богатства. В тексте олонхо, по Пухову И.В., можно найти свидетельства недоброго отношения якутов к тунгусам. Но, тем не менее, их связывали тесные экономические связи. Именно умение и навыки, сформированные веками северными народами, помогли пришлым саха выжить и развиваться в условиях северного климата. К тунгусам исследователь, вслед за общепринятыми положениями, приписывает всех коренных народов Якутии, в том числе и эвенков. Пухов анализирует образ тунгусского богатыря как отражение отношений якутов с тунгусами (эвенками). «В якутских олонхо наряду с богатырями айыы и абаасы появляются также образы тунгусских богатырей: Ардьамаан-Дьардьамаана, Ачырыман-Чачырымана, Уот Сёксёрюкээна, Айыы Халыана, Хаан Олбохтоя, Эллигэн Кулантая и других. Трактовка их образов бывает более сложной и противоречивой, чем, скажем, трактовка образов богатырей абаасы или героев. Как противники героя, они наряду с отрицательными обладают и некоторыми положительными чертами. Если же тунгусский богатырь – герой, то в нем отмечают комические черты, несколько снижающие его образ в сравнении с обычным образом героя. Кроме того, в олонхо изображение отношений героя с тунгусским богатырем сопровождается описанием многих бытовых деталей, показывающих жизнь людей севера, их занятия, обычаи и т.д.» [6, с.149].

Межплеменные конфликты якутов и тунгусов, происходившие не в форме организованной войны между всеми якутами и всеми тунгусами, а в форме столкновения отдельных родов и даже семей, отражены в олонхо как бой героя с одиночными тунгусским богатырем, причем тунгусский богатырь изображается не в качестве рядового тунгуса, а больше всего в качестве родоначальника или тунгусского тойона.

В известной монографии «Якуты» политического ссыльного поляка, бунтаря В.Л. Серошевского, автор также видит конфликты во взаимоотношениях тунгусов и якутов.

<…> Откуда бы ни шли якуты в присвоенные ими теперь места, они должны были прорываться сквозь кольцо, образуемое тунгусами. <…> Горцы-тунгусы хотя и сопротивлялись нашествию, но уступили перед натиском хорошо вооруженных и прекрасно организованных пришельцев, они отошли глубже в горы, к верховьям речек, недоступных и ненужных конным всадникам. <…> Возможно, что было время, когда тунгусы пробовали ужиться бок о бок с якутами, как это до сих пор водится на окраинах. Но якуты, пуская ежегодно по лугам «палы», жгли лес, пугали зверя, которого и без того стало меньше с увеличением числа охотников. Кроме того, хитрые и ловкие торгаши, они обманывали и эксплуатировали тунгусов, похищали у них женщин, отнимали добычу. Простодушные горцы, уходя от якутских становищ, всегда уносили в сердцах обиду и недоброжелательность. «Знаем мы якутов, обсыпающих свои дома землей…» - с горечью отвечает тунгус, в одном из сказаний, на миролюбивые увещевания якутов (Худяков, ibid., стр.68) <…> Якуты относятся к тунгусам высокомерно, но боевым их способностям отдают должное: «ловкий, как тунгус», говорят они. «Тунгус верток, он сквозь сон может чувствовать направленное в него железо и ускользнуть» (Колым. ул.,1882 г.). «Мы побеждали тунгусов благодаря их глупости… построим деревянные дома с отверстиями и щелкаем их оттуда»(Колым. ул.,1882 г).. «Тунгус может стрелять на ходу, на лыжах, на лодке, верхом на олене, лежа, стоя, прыгая… и попадать в цель. Он может вбежать на высокую гору, ни разу не передохнув, может не есть, не пить, не спать, по несколько суток…»(Колым. ул.,1882 г.). Борьба с такими противниками была трудная и продолжительная. Олекминско-витимские, алданские и вообще южные тунгусы издавна слыли за богатый, независимый, воинственный народ». [6, с. 214]

Серошевский В.Л. также подмечает отношение якутов к юкагирам и русским, отношение, которое как показали результаты актуального ассоциативного эксперимента, которые приводятся ниже, в какой-то степени повторяются, доказывая живучесть.

«…приморских тунгусов якуты зовут то просто о м у к, то ю к а г и р. Оба эти названия общеизвестны; названия племен и родов знают немногие. Русских якуты зовут н у ч ч а, у ч ч а, л у ч ч а, смотря по местности. <…> Слово это по-якутски лишено значения, но по-тунгусски оно означает «чучело», «пугало», «урод». Что русские, особенно вначале, казались уродами якутам – это доказывают описания дьявола в якутских сказках, где он всегда схож с русским. По-видимому, им особенно были противны именно типичные черты арийцев: длинный нос, борода, впалость глаз. И теперь еще якуты относятся с отвращением к этим признакам. «Носатый, волосатый, с ледяными глазами туда и сюда», - говорят они брезгливо. Белизна кожи, если она не переходит в красноту, им нравится; о темных своих сородичах говорят: «Краснокожий, точно медный котел». М а г а н

– белый, значит то же, что красивый; Н ю р – у л а н – светлолицая, нарицательное имя сказочных красавиц. Русые, золотистые волосы тоже очень нравятся якутам, но они терпеть не могут рыжих. Голубые, светлые глаза насмешливо называют: м у у с – х а р а х (ледяные глаза); теперь якутам начинает все больше и больше нравиться светлые волосы и глаза с отчетливо обозначенным зрачком; я не раз слышал восхищения якутских женщин по поводу синих или голубых глаз и светло-русых волос. Растительность на лице все еще вызывает насмешки и отвращение среди простолюдинов, и только богатые, обрусевшие якуты изредка осмеливаются отпускать усы и небольшие бородки или баки. <…> К н у ч ч а якуты причисляют всех европейцев, хотя уже знают названия некоторых народностей : б е л я к (поляк), п р е н ь ц у с (француз), н е м е ц (немец), а м е р и к а н (американец), к о к о л (хохол-малоросс)». [6, с. 240]

Таким образом, исторические предпосылки показывают непростые взаимоотношения между народами, проживающими на территории современной Якутии. В настоящее время предания, запись как бытовых рассказов, так и просмотр некоторых застывших выражений, которые определяют стереотипное восприятие соседствующих народов, позволяют констатировать наличие большой скрытой напряженности в плане межнационального, стереотипного взаимовосприятия. Одним из методов изучения современного состояния взаимоотношений является ассоциативный эксперимент. Представители трех разных национальностей записали ассоциации на слова-стимулы: «Якут», «Эвенк», «Русский», «Юкагир», «Эвен». Слова были даны в общем списке наиболее употребительных слов- стимулов, которые обычно используются при изучении языкового сознания в ходе работы над ассоциативным словарем якутского языка. [7] . Во второй части ассоциативного эксперимента, когда надо было записать ассоциацию-характеристику, приняла участие молодежь в возрасте от 17-ти до 23-х лет.

По результатам проведенных экспериментов перечислены слова-ассоциации, слова –ассоциативные реакции, преобладающие в ответах.

1.Якуты: Первые места заняли следующие наиболее частотные ассоциации на слово «русский», по мнению якутов: Омук/народ (84), якут (65), голубые глаза (39), резкий запах пота (32), светлый (20), нос (18), Россия (14), Убайдар/ Старшие братья (12), клюв (12), длинный нос (11), красные, светлые волосы (8), пришлый (7). [7] Характеристики-ассоциации: лицемерный (7), Иван-дурак (6), туповатый (6), жадность (6), высокомерный (6), общительный (5), наглые (5), Ванька (4), добрый (4), добродушный(4), назойливые (4), дерзкие (4), всегда прав (4), превосходство (4), культурные (3) незакомплексованные, великодушные, эмоциональные, отзывчивые, приветливые, щедрость, шустрые, многословные, разговорчивые, веселые, грубые, чувствительные, трудолюбивые, понимающие, с чувством юмора, целеустремленные, ум, радостные, всегда в настроении, нетерпеливые, верующие, религия, эгоистичные, слабые, искренние.

Дано 15 отрицательных коннотаций, 6 наиболее частотных положительных коннотаций. Частотная ассоциативная реакция «убайдар»/ «старшие братья», является исторически сложившимся клише.

В ассоциациях якутов на слово-стимул «Эвенк», «Эвен» даются в основном черты характера малочисленных народов Севера (эвенов, эвенков): Вспыльчивые (13), хитрые (10), Якут (10), узкие глаза (9), националистические (8), недоверчивые (7), закрытые (6), скрытные (6), злопамятные (5), обидчивые (5), ленивые (5), жадные, расчетливые (4), наивные (4), эгоистичные (3), доброжелательные (3), тонус (местное наименование северных народов) (3), нехозяйственный (3), общительные (3), трудолюбивые (2), Север (2), Оленек, Надя, табалар (олени), хайдахтар эрэ (странные), акаары (дурак), аҥала (тупой).

Ассоциации на этноним «Эвенк» – Нация (214), народ (67), тунгус (57), север (52), олень (50), чукча (37), человек (36), эвен (27), тундра (16), юкагир (13), малочисленный, танец һээдьэ (9), олени (8), холодно (7), маадьым/ убъю (6). [7] Ассоциации на этноним «Эвен» – Нация (142), север (84), тунгус (74), чукча (65), олень (50), человек (41), эвенк (37), Бытантай (20), тундра (13), маадьым (6), олени (6) [7].

Имеется 16 частотных отрицательных коннотаций, 5 наиболее частотных положительных коннотаций.

На слово «Юкагир» выделены следующие ассоциации и ассоциации-характеристики: Нация (108), народ (57), чукча (44), север (42), тунгус (35), человек (30), тундра, эвен (16), редкий (11), юрта ураса (9), юрта (7). [7] Малочисленный (8), древний (7), абориген (7) гордый (7), национал (6), Андрюшкино (4), Терентий (2), Курилов (2), дьукээбил (2), не знают язык, их мало.

Имеется 2 отрицательные коннотации, 1 наиболее частотная положительная коннотация.

Представление тех же респондентов-якутов как школьников, так и студентов о своем народе: Нация, народ (262), русский (65), язык (52), исконный (20), родина (17), традиционный дом /балаган (14), эвен (10), тунгус, традиция, чукча.[7] В основном даны характеристики: прямые (11), честные (10), (9), щедрые (9), душа (8) упрямые (8), храбрые (7), целеустремленные (6), справедливые (6), умные (5), понимающие (5), преданные (5), одаренные (5), талантливые (4), ловкий (4), умелый (4), умеющий найти общий язык со всеми (3), завистливые (3), малообщительные (3), ленивые (3), гостеприимные (2), простодушные, высокомерные, дисциплинированные, скрытные, грубые, легкомысленные.

Имеется 17 наиболее частотных положительных коннотаций, 8 менее частотных отрицательных коннотаций.

2. Русские: Первые десять мест заняли следующие наиболее употребительные слова о черте характера якутов по мнению русских: Серьезные (9), творчество (8), заботливые (7), семейные (7), приветливые (6), вспыльчивые (6), компанейские, отзывчивость (4), гостеприимство (4), настырные (3), целеустремленные (3), ворчливые (3), непосредственные (2), упрямые (2), тупые.

Имеется 11 наиболее частотных положительных коннотаций, 4 частотные отрицательные коннотации.

Вот то, что русские написали о своем народе: Душевные (9), добродушные (9), менее настойчивые (6), лень (6), гостеприимные (5), отзывчивые (4), отчаянность (3), духовные, сочувствующие, агрессивные, упрямые, с чувством юмора.

Неожиданными оказались автостереотипы русских о себе. Характеристика «менее настойчивые» написана по сравнению с якутами.

Имеется 7 наиболее частотных положительных коннотаций, 4 менее частотных отрицательные коннотации.

На задание написать об ассоциациях, связанных с малочисленными народами Севера почти все представители русского народа ответили: «над этим не задумывались», «а что, они отличаются от якутов?», «не знаю», «затрудняюсь ответить».

3.Малочисленные народы Севера: На те же слова-стимулы были получены результаты анкетирования представителей эвенкийского и эвенского народов. В ассоциациях в основном представлены черты характера якутов: Грубые (7), целеустремленные (7), знающий (6), некультурные (6), нахальные (6), дерзкие (5), ловкий (5), умелые (4), обидчивые (4), закрытые (3), не уважают друг друга (2), ленивые, высокомерные, незакомплексованные, открытые, неразговорчивые, сильные, коммуникабельные, умные, смелые, храбрые, лживость, хитрый, проныра.

13 отрицательных ассоциаций, которые встречаются наиболее часто при характеристике якутов малочисленными народами Севера, говорят, скорей всего, о скрытом враждебном отношении к якутам. Не частотными являются положительные ассоциации (4), 7 положительных ассоциаций единичны.

Что качается русского народа, здесь имеется всего 5 отрицательных характеристик.

Преобладающие слова-ассоциации на слово-стимул «русский» состоят из определений, то есть в основном дана характеристика русских: Иван (7), отзывчивые (6), трудолюбивые (5), алчность (5), добрые (5), наглость (4), умные (4), разговорчивые (4), не признают власть (4), старший брат (4), Россия (3), вежливые (2), культурные (2), высокомерные (2), открытые, простые, пьянство, гордые, искренние, веселые. Наличие всего 5 отрицательных ассоциаций, которые встречаются наиболее часто при характеристике русских малочисленными народами Севера, говорят, скорей всего, о более терпимом отношении к русским по сравнению с восприятием якутов. Частотными являются положительные ассоциации на стимул «русский» (12).

Автостереотипы северных народов содержат как положительные, так и отрицательные нюансы: Ленивые (8), простые (8), открытые (8), доверчивые,(7) терпеливые (6), закрытость (4), закомплексованные (4), понимающие (4), экономные (4), добрые (4), националистические (3), трудолюбивые (3), жестокие, упрямые, хитрые, отчаянные, смелые, агрессивные, бедность.

7 положительных ассоциаций, которые встречаются наиболее часто при характеристике своего народа, говорят, скорей всего, о приписывании своей нации положительных качеств, что в принципе характерно и описано в теории и практике изучения автостереотипов. Наличие 3 ассоциаций, выражающих отрицательные черты и преобладание по частотности одной из отрицательных коннотаций, не является типичным для автостереотипа. Имеются также нечастотные отрицательные ассоциации (5).

4.Юкагиры: На слово-стимул «Йахал»/ «Якут» тундренные юкагиры представили следующие ассоциации: Якутия (3), омо (народ) (3), Аня (3), крупный (2), йахадаасья (якутское лицо) (2), жадность (1), язык (1), национал (1), люди (1), друг (1), человек (1), мама, папа (1)

В отличие от ассоциаций русских, якутов, эвенов и эвенков ассоциации юкагиров содержат всего 2 ассоциации, определяющие качества якутов.

На слово- стимул «Эрпэйэ»/ «эвен» получены следующие ассоциации: Олень (4), омо (народ) (3), тайга (3), национал, плоский, аркан, убийца, аасьэ (лицо), кровь, Андрей.

Немного отличаются ассоциации лесных юкагиров: 1. Йохол (якут) – маленький, Якутия (2), ньарчэ лавйэ (водка), йоходилэ (лошадь) (3), якутский, коневод, но (3), ко*дэ (человек), молоко коровы; ньаҕа – но (4), льэн*и, помогать друг другу, туалет; Хойл – вера, всемогущий, амуриҕааг, хуруул, молитва 2, огня; ньаавэй – снег (2), чистый, угурчэ, ньаачэ, нотинэй, лицо. 2. Эрпэйэ (эвен) – тепло, свет, но (5), илэлэн* (оленьи), пиэ (вошь), эвенский язык (2), оленевод, илэ (олень) (2).3. На слово-стимул «ваавэчэ»/ «русский» получены следующие ассоциации: Ваавэчэ (русский) – народ, Ленин (2), чамуонь йуодии (большие глаза), аруу (язык) (4), ананпугучэ (запах), русский, турист, Ваавэчэ (русский) – но (3), ко*дэ (человек)

Краткий анализ ассоциаций представляет фрагмент авто и гетеро стереотипов народов, проживающих на территории Якутии. Прежде всего следует отметить, что авто и гетеро стереотипы не являются абсолютно объективными, они лишь могут показателями тенденции и промежуточным подтверждением гипотезы исследования.

Результаты опроса среди малочисленных народов были в некоторых отношениях неожиданными. Так, абсолютными лидерами при характеристике русских по частотности употребления оказались слова «добрый», «отзывчивый». Именно такими представляют себе русских малочисленные народы Якутии. К русским отношение более терпимое и положительное чем к якутам.

В Республике Саха (Якутия) в разное время наблюдались проявления межэтнической нетерпимости, имеет место мало изученная проблема бытового национализма. Причиной данных негативных явлений является стереотипное восприятие другого народа, его культуры. Нередко негативный стереотип существует не только между народами, соседствующими с недавних исторических времен, но и между народами, которые испокон веков считаются местным населением. Стереотипы складываются на фоне исторических событий – войн, завоеваний, различных контактов. Иногда они, в самом деле, являются метко подмеченным результатом векового наблюдения за народом. Но в большинстве случаев они – результат соперничества и недоброжелательности, чувства превосходства над чужими. Например, среди якутов имеется следующий стереотип о братских малочисленных народах Севера – они вспыльчивы и не думают о завтрашнем дне (не делают запасы). Автостереотип малочисленных народов утверждает, что они чистосердечны и открыто выражают свои мысли и эмоции, а запасы не делают, потому что берут от природы только то, что необходимо. Гетеростереотип о якутах, сложившийся у северных народов утверждает, что якуты лживы и хитры. Автостереотип якутов о себе: ловкий, умелый, умеющий найти общий язык со всеми.

Как показывает анализ, 8 отрицательных черт, наиболее часто встречающихся в ответах представителей малочисленных народов, говорят о самоуничижительном отношении к себе, о наличии комплексов, которые, прежде всего, связаны с исторической судьбой этих народов.

Отрицательные, то есть критические замечания в основном наблюдались у якутов при характеристике малочисленных народов Севера (эвенков, эвенов) и малочисленных народов Севера (в основном, эвенков) при характеристике якутов. В каждом ответе преобладали на первом месте слова «вспыльчивые», «обидчивые», «злопамятные».

И наоборот, неумеренные похвалы приписывают в свой адрес якуты. Автостереотипы ставят их в положение самых лучших из всех населяющих Республику народов. Более положительный образ русских в ассоциациях наблюдается у северных народов. Что касается мнения русских студентов, то оказалось, что они не смогли охарактеризовать северные народы, это объясняется скорей всего тем, что русские в большинстве случаев не различают коренных народов Республики.

Таким образом, можно сделать следующие выводы: как показывает анализ гетеро- и автостереотипов, представители разных национальностей имеют стереотипное восприятие друг друга. Отрицательный характер стереотипов соседствующих народов связан, естественно, с историческими фактами. Известно, что многие северные народы забыли свой родной язык и потеряли национальную идентификацию. Данное обстоятельство усилено стереотипным образом якута, который был сформирован в ходе исторического развития взаимоотношений данных народов – «хитрый, сильный, умелый, ловкий, знающий, себе на уме». Предполагается, что исторический опыт общения с народом, вытеснившим малочис-

ленные народы с насиженных мест, породил стереотип, который был достоин подражания. Такое отношение, продиктованное экономическим превосходством народа-завоевателя, заставил многих представителей малочисленных народов забыть свои корни. У оленекских и сюльдюкэрских эвенков, почти полностью объякученных, есть выражение, которое употребляется при характеристике этнических якутов, при проявлении положительных хозяйских черт – «Саха буоллаҕа дии»/ «Он же якут». Выражение «сатабыллаах саха», распространенное среди северных народов характеризует якутов как ловких, умелых, то есть достойных для копирования. Признание положительных качеств смешано с чувством ревности и неприязни, которое проявляется в ассоциациях. Стереотипное, негативное отношение к своей культуре и языку перевоспитало и деформировало национальное самосознание многих представителей малочисленных народов. Такая же тенденция отмечается и у якутов по отношению к русскому языку и русской культуре. Признание русского языка и культуры как признаков элитарности, избранности, позволило воспитать 2-3 поколения маргинализированных городских жителей, совершенно чуждых якутской культуре. Обрусевшие потомки, как правило, относятся к своей родине, к народу пренебрежительно, свысока. Здесь происходит та же картина, что и в случае с малочисленными народами Севера. Выражения «убайдар, эдьиийдэр» – «старший брат, старшая сестра» показывают отношение якутов к русской культуре и к русскому языку как превосходящим их собственную культуру и язык. Это связано с историческим фактом присоединения Якутии к Российской империи дальнейшей политикой Советского Союза.

В заключении можно предположить, что маргинализация, духовное обнищание многих представителей народа ведет к постепенной утрате языковой и культурной идентификации. Объясняется это отрицательным влиянием положительного стереотипа о чужом этносе и отрицательным и уничижительным стереотипом к собственному народу. Данная тема является условно табуированной как в научной, так и популярной литературе, между тем глубинные процессы, которые проявляются при простом ассоциативном анализе, наталкивают на мысль о необходимости широкомасштабных психолингвистических и социокультурных исследований в данной области. Как показывает анализ, стереотипное, негативное отношение к своей культуре и языку перевоспитало и деформировало национальное самосознание многих представителей малочисленных народов. И именно преодолев стереотипы, представители всех народов сколь малочисленными они бы не были, будут чувствовать себя равноправными членами мирового сообщества.

Список литературы

1. Борисова И.З. Этноним «Китаец»/ «Chinois» в этнофолизмах на примере французского языка//Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Филология, история, востоковедение. 2014. № 2. С. 69–74.

2. Дьячковский Д.И. Прошлое якутов до прихода русских на Лену. М.: 1938. С. 236.

3. Сивцев Д. К. – Суорун Омоллоон. Все мы – дети одной матери: [очерк, посвящ. 370-летию вхождения Якутии в состав России]//Якутия. 2002. 14 сент.; 18 сент.; 19 сент.

4.Окладников А.П. Открытие Сибири. М.: Молодая гвардия, 1981. С. 100.

5. Пухов И.В. Олонхо – древний эпос якутов. От фольклора к литературе. Якутск. 1980. С. 22-23.

6.Серошевский В.Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. 2 – е изд. М.,1993. С. 713

7. Ассоциативный словарь якутского языка. – Режим доступа: http://adictsakha.nsu.ru (дата обращения: 20.08.2016).

Об авторе

Борисова Изабелла Захаровна – кандидат педагогических наук, доцент, Северо- Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, isborissova@mail.ru

УДК 81`255.4

АНАЛИЗ СООТНОШЕНИЯ «СЛОВО/ФРАЗЕОЛОГИЗМ» ПРИ ИЗУЧЕНИИ СТИЛЕВОГО ЗАМЫСЛА АВТОРА И ПЕРЕВОДЧИКА (НА ПРИМЕРЕ ФРАНЦУЗСКОГО РОМАНА А.КАМЮ «ЧУМА» И ЕГО ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК)

Гришечкина А.М., Скачкова Л.В.

В статье речь идет об анализе перевода нейтральной французской лексики посредством русских фразеологических выражений. Относительно большое количество подобных случаев в переводе романа А. Камю «Чума» позволяет увидеть, как представляется, намеренное использование переводного фразеологизма вместо нейтральной лексемы оригинала. Изучая такое соотношение «слово/фразеологизм», можно выявить случаи целесообразности рассматриваемого переводческого взгляда на предмет сохранения исходного стиля для того, чтобы подойти достаточно близко к замыслу автора оригинального произведения. В учебном процессе результаты приводимого анализа могут быть использованы при формировании умения находить наиболее достоверные переводные языковые средства из арсенала имеющихся в родном языке.
Ключевые слова: оригинальная литература, достоверность перевода, нейтральная лексика, перевод лексики, фразеологизмы, А.Камю «Чума».

ANALYSIS OF THE RATIO «WORD/PHRASEOLOGICAL UNIT» WHEN STUDYING THE STYLE PLAN OF THE AUTHOR AND TRANSLATOR (ON THE EXAMPLE OF THE FRENCH NOVEL OF A. CAMUS «PLAGUE» AND HIS TRANSLATION INTO RUSSIAN)

Grishechkina A.M., Skachkova L.V.

This article is about the analysis of the translation of neutral French lexicon by means of Russians phraseological units. Rather a large number of similar cases in translation of the novel of Camus "The Plague" allows to see how it is represented, intending the use of the translated phraseological unit instead of a neutral lexeme of the original. Studying such ratio "word/phraseological unit", it is possible to reveal cases of expediency of the considered translation look regarding preservation of initial style to approach rather close plan of the author of the original work. In educational process the results of the provided analysis can be used when forming ability to find the most reliable translated language means from the arsenal available in the native language.
Keywords: original literature, accuracy of translation, neutral lexicon, translation of lexicon, phraseological units, A. Camus "Plague".

Язык художественной прозы – это язык особенный по причине наличия своеобразной авторской «игры» языковыми средствами. В отношении своего рода платформы для изучения иностранного языка художественная литература демонстрирует самые разнообразные возможности использования данных средств носителями языка. Именно поэтому чтение и изучение иностранной художественной литературы является обязательным компонентом образовательных программ на языковых факультетах. Одним из произведений, входящих в список, рекомендуемый к прочтению на старших курсах, является роман А. Камю «Чума», и по этой причине он подвергается детальному изучению.

Во многих случаях при чтении оригинальной литературы обучающаяся аудитория пользуется переведенными на родной язык произведениями. Выбор «родного» варианта, как правило, осуществляется как из-за нехватки времени или сложности заданий, так и в целях сопоставления оригинала с его переводом. Последнее мы рассматриваем как один из приемлемых способов изучения различных вариантов передачи мысли, без чего студенту непросто постичь авторский замысел изучаемого иноязычного произведения.

Сопоставление оригинала и одного из вариантов профессионального перевода предполагает возможность непосредственного анализа двуязычного материала. Кроме того, наличие авторитетного, как правило, художественного варианта передачи средств иностранного языка средствами родного способствует развитию умений сравнивать отобранный переводчиком материал с имеющимся в арсенале родного языка, и, как следствие, активизации полученных знаний по многим языковым дисциплинам, в частности, сопоставительной типологии, практической и теоретической грамматике, лексикологии и стилистики. Поиск всех других средств передачи авторского содержания проводится также в целях развития умений использовать научные методы анализа языкового материала.

В этой связи необходимо отметить, что даже ограниченное количество грамматических средств в некоторых случаях позволяет выразить одну и ту же мысль как родного, так и изучаемого языков несколькими способами. Лексические же возможности любого из языков предлагают гораздо больше способов формулирования мысли. Другими словами, и лексические, и трансформационные морфолого-

синтаксические возможности языков хотя и небезграничны, но, тем не менее, предоставляют некоторую свободу в выражении мыслей. Эта же свобода есть и у переводчика, но при этом он «...должен стремиться к тому, чтобы его перевод вызывал у читателя перевода те же чувства и эмоции, какие возникают у носителя языка при прочтении оригинала художественного произведения» [4, с. 54].

В нашем понимании определенные чувства и эмоции, прежде всего, связаны со стилевым оформлением произведения. Широко известное изречение К.Чуковского говорит именно об этом: «В идеале перевод должен вызывать у читателей то же стилистическое впечатление, какое испытывают читатели подлинника» [7, с. 48]. Современные лингвисты и переводчики также это подчеркивают: «Перевод художественной литературы имеет целью не только передать содержание произведений, но и воссоздать стиль автора, то есть эмоциональные и эстетические особенности подлинника» [1, с. 18]. Таким образом, добиваясь формальной и содержательной равноценности текстов в целом, переводчик не может пренебречь стилистическими нюансами.

В настоящей статье проводится анализ того, как нейтральные с позиции стиля лексические единицы французского текста передаются устойчивыми оборотами в русском переводном тексте романа А. Камю «Чума». Более чем частые случаи подобного перевода подвигли авторов статьи рассмотреть словарный состав оригинального произведения и словарь переводчика в отношении наличия:

1) в предлагаемом словарями списке лексических значений французского слова того значения, которое соответствует используемому в переводе русскому фразеологизму;

2) в русском языке потенциальных нейтральных лексических единиц, которые могли бы стать переводной версией французскому слову;

3) во французском языке фразеологизмов, которые выступают аналогами русскому фразеологизму, употребляемому в переводе, но не использованы в тексте оригинала.

Таким образом, своего рода критерием отбора лексических единиц для анализа стилистической выдержанности перевода следует считать наличие группы, состоящей из нейтральной лексической единицы в оригинальном произведении и фразеологизма в переводном варианте. На основе метода сплошной выборки была сопоставлена лексика двух романов, что позволило говорить о значительной роли контекстуальных значений в обогащении словаря изучающих иностранный язык.

Нейтральные и другие стилистически окрашенные лексические единицы, переведенные соответственно нейтральными и стилистически окрашенными лексическими единицами, а также фразеологизмы, переведенные фразеологизмами, не являлись предметом рассмотрения.

Суждение о стилистической достоверности передачи оригинального текста основывается на изучении многозначности и синонимии оригинальной и переводной лексики. Подобный анализ базируется на работе со словарным материалом. Одноязычные и переводные двуязычные онлайн-словари, словари синонимов и т.п. позволили составить своего рода картотеку возможных вариантов перевода лексики романа фразеологическими оборотами.

В данной статье приводится пример общей схемы анализа некоторого количества лексических единиц, переведенных устойчивыми выражениями:

I. Qu'on pense alors à celui qui *va mourir*, pris au piège derrière des centaines de murs crépitants de chaleur, pendant qu'à la même minute, toute une population, au téléphone ou dans les cafés, parle de traites, de connaissements et d'escompte [8, с. 7]. / Каково же тому, кто *лежит на смертном одре*, в глухом капкане, за сотнями потрескивающих от зноя стен, меж тем как в эту минуту целый город по телефону или за столиками кафе говорит о коммерческих сделках, коносаментах и учете векселей [2, с. 10].

В данном примере нейтральная в плане стиля лексическая единица *mourir* переведена стилистически возвышенным фразеологизмом *на смертном одре* [6, с. 434]. Согласно первому пункту анализа, установлено, что русское слово *умирать* многозначно, но среди имеющихся значений нет того, которое представлено переведенным фразеологизмом:

1. умирать; погибать; чахнуть (о растениях);
2. вянуть; пресекаться; прекращаться; гаснуть; исчезать; ослабевать;
3. замирать; трудиться до самой смерти; довести себя работой до смерти; вымереть;

тех.:

4. выклиниваться (о жиле или пласте);
5. затухать [9].

В соответствии со второй задачей анализа, для фразеологизма *на смертном одре* не

выявлено других лексических единиц, кроме как глагола *умирать* [9].

При выявлении фразеологизмов, аналогичных русскому фразеологизму, используемому в переводе, установлено, что во французском языке существует множество фразеологизмов, синонимичных устойчивому словосочетанию *на смертном одре*: arriver (être, se trouver) au bout de son rôle; arriver (être, se trouver) au bout de son rouleau; avoir l'âme sur les lèvres (sur les bords des lèvres); avoir (tenir) la mort entre (sur) les dents; avoir la mort sur les lèvres; avoir le (être au dernier) hoquet; avoir un pied dans la fosse (tombe); avoir du plomb dans l'aile (en avoir (un coup) dans l'aile); avoir plus de la moitié de son pain de cuit; boucler son bagage (faire ses bagages); casser sa pipe; deviner (sentir) le cadavre; en être réduit (à la dernière extrémité); être à l'article de la mort (à deux doigts de la mort, à la mort, à sa dernière heure, à son lit de mort); être à la dernière extrémité; être à l'extrémité (à toute extrémité); être à la mort; être à son dernier terme (à son terme fatal); être au (sur le) bord de la fosse (de la tombe, du tombeau); être au bout de sa carrière (au bout du rouleau); être près de mourir; être réduit à la chandelle bénite; être sur le point de mourir; être sur son lit de mort; faire perdre son adresse (son agilité); filer du (un) mauvais (vilain) coton; filer de l'huile (arg); graisser (les) ses bottes; heurter à la porte du paradis; n'aller pas loin; n'aller que d'une patte (pop); n'avoir plus que le souffle; n'avoir qu'un filet de vie; ne battre (plus) que d'une aile; ne tenir ni à fer ni à clou; perdre le goût du pain; sentir la terre; sentir (sonner) le sapin; toucher à son terme; voir la mort de près [5, c. 53].

Данный синонимичный ряд, безусловно, демонстрирует языковое богатство в отношении рассматриваемого понятия. Однако, несмотря на наличие такого числа фразеологизмов с различной стилистической окраской, автор романа использует нейтральное слово *mourir*. Возможно, тем самым автор подчеркивает явление, ставшее неожиданно быстро обыденным в подобной трагичной ситуации. Думается, если бы требовалось образное выражение, то найти наиболее соответствующее для обозначенной ситуации романисту-носителю языка не составило бы труда. Но при этом излишняя языковая образность отягощала бы восприятие и без того суровой картины, что, судя по конкретному набору лексем, вряд ли входило в замысел автора.

Кроме того, известно, что употребление нейтральной лексики характерно для произведений-очерков или хроники. К таковым, скорее всего, и следует отнести данный роман. С этих позиций, на наш взгляд, наиболее близким переводом для (*qui*) *va mourir* является словосочетание *вот-вот умрет*. Однако смеем предположить, что при переводе на язык народа, не знавшего ужасов описываемой эпидемии, страшные картины чумного города в романе могут быть изображены реалистичнее лишь благодаря образным выражениям. С учетом подобного подхода предлагаемый переводчиком фразеологизм русского языка, не будучи точной копией рассматриваемой лексемы, не нарушает авторский замысел в данном стилевом контексте в целом, и его (фразеологизма) выбор, на наш взгляд, вполне оправдан.

II. On y portait les morts durant la nuit, mais la place manquait et les vivants se battaient à coups de torches pour y placer ceux qui leur avaient été chers, soutenant des luttes sanglantes plutôt que d'*abandonner* leurs cadavres. [8, c. 8]. / Туда ночью сносили трупы, но берега уже не хватало, и живые дрались, пуская в ход факелы, лишь бы отвоевать место в огне тому, кто был им дорог, готовы были выдержать любую кровопролитную схватку, лишь бы не бросить *на произвол судьбы* своего покойника [2, с. 50].

Данный пример, и таковых немало в практике перевода, показывает немаловажную роль контекста. Однако если подобный перевод используется в учебном тексте, то составители учебников или учебных пособий должны использовать, как правило, помету «здесь», поскольку в словарной статье *abandonner* не имеется фразеологизма *на произвол судьбы* 'без какой-либо помощи, поддержки, без присмотра (оставлять, бросать)' [6, с. 536].

Тем не менее, это широко используемый фразеологизм вполне применим в данном контексте по соображениям, описанным в первом примере. Более того, подобные нестандартные примеры перевода способствуют своеобразному обогащению словаря при формировании переводческого умения.

III. Pour tous nos concitoyens, ce ciel d'été, ces rues qui pâlissaient sous les teintes de la poussière et de l'ennui, avaient le même sens menaçant que la centaine de morts dont la ville *s'alourdissait* chaque jour. [8, c. 35]. / В глазах всех наших сограждан это по-летнему яркое небо, эти улицы, принявшие белесую окраску пыли и скуки, приобретали столь же угрожающий смысл, как сотни смертей, новым *бременем ложившихся на плечи* города. [2, с. 97].

В этом примере глагол *s'alourdir* переведен модифицированным фразеологическим оборотом (*бременем*) *ложиться на плечи* [10, с.232]. Как и следовало ожидать, анализ словарных статей не выявил употребляемого переводчиком фразеологизма среди указанных значений французского глагола: отяжелеть; облениться; тяжелеть; становиться тяжелее [9].

Наиболее соответствующим переводом для глагола *s'alourdissait* является *становились более тяжелыми*.

В свою очередь, близкими по значению русскому фразеологизму *ложиться бременем на плечи* является выражение французского языка *peser lourdement* [9].

Исходя из указанного, мы делаем вывод о сугубо контекстуальном переводе, обращающем внимание читателя на невольное отношение героя к описываемым событиям, когда человек не в силах что-либо исправить.

IV. Il pensa que décidément, oui, il était tout à fait *ivre* [8, с. 112]. / И решил про себя: да, действительно, Рамбер сильно *на взводе* [2, с. 115].

В данном примере нейтральное слово *ivre* переведено фразеологизмом (*быть*) *на взводе* [6, с.70]. При анализе значений слова *ivre* не было найдено ни одного образного выражения: хмельной, пьяный [9].

В отношении количества образных синонимов для нейтральной лексической единицы *ivre* по приблизительным подсчетам во французском и в русском языках их имеется около 200 [5, с. 53]. Логика употребления русского фразеологизма объяснима. Перевод в большей степени концентрирует внимание читателя не столько на состоянии конкретного человека, сколько на вполне определенной позиции части населения в лице этого героя, выражающейся, с одной стороны, в своеобразном уходе от действительности, с другой, в желании как-то, пусть даже в состоянии алкогольного опьянения, эту свалившуюся на них (жителей города) действительность пережить. Употребление же просторечного варианта образного выражения (*быть*) *на взводе* в данном случае оправдывается.

V. Les tramways étaient toujours *pleins* aux heures de pointe, vides et sales dans la journée [8, с. 136]. / По-прежнему в часы пик трамваи были *набиты битком*, а днем ходили пустые и грязные [2, с. 139].

В указанном примере нейтральное слово *plein* переведено при помощи фразеологического оборота *набит(ый) битком* [3] , который, как и вышеприведенные примеры, отсутствует в списке значений:

общ. полный; переполненный; исполненный; изобилующий; целый; цельный; полнотелый; сплошной; весь; круглый; всецело занятый; всецело поглощённый; проникнутый (чем-л.)

геральд. полный

разг. повсюду на/в; пьяный

тех. наполненный; непрозрачный

бизн. сплошной; полнотелый; полный

общ. наполненный (чем-л.)

стр. сплошной [9].

Итак, предложенные к рассмотрению примеры перевода нейтральной французской лексики русскими фразеологизмами отражают, на наш взгляд, стремление переводчика привлечь внимание к трагичной ситуации, в которую попали герои французского романа, к их отношениям и поступкам в это нелегкое время, их отношению к самой ситуации. Следует даже предположить, что именно фразеологизмы 'как атрибуты образного языка' целенаправленно применялись переводчиком для внушения русскому читателю вполне определенного настроения. Избыточность образного языка при описании собственных трагических событий, лично пережитых французским народом, как представляется, ни к чему. В то же время образный язык вполне уместен, когда перевод делается для того народа, который имеет об этих событиях весьма отдаленное представление. Из этого мы делаем вывод, что образность фразеологизма использована переводчиком для погружения читателя в атмосферу романа.

На основе проведенного анализа соотношение «слово/фразеологизм» в романе А. Камю «Чума» и его русском переводе обозначено нами как контекстуальный переводческий прием по причине того, что около одного процента лексических единиц произведения, нейтральных с точки зрения стиля во французском языке, переведены фразеологическими оборотами в русском варианте. Однако, несмотря на нарушение стиля в отношении отдельно взятого слова, данный прием позволяет переводчику сохранять стилевой замысел автора в целом, делая произведение доступным, глубоким и ярким для русского читателя. С позиций переводоведения, рассмотренные примеры демонстрируют настоящие случаи авторского творчества. Кроме того, такие переводы могут быть обозначены как контекстуальные, поскольку среди значений данных лексических единиц в переводных словарях не фигурируют представленные переводчиком фразеологические обороты. Однако такие случаи могут быть включены

в словари, в том числе электронные.

Таким образом, предпринятая в настоящей статье попытка определения чистоты перевода некоторых лексических единиц показала, что в большинстве случаев их передача фразеологическими единицами была использована не в угоду стилевой точности отдельного слова. При этом считаем, что в целом эмоционально-стилистическая канва произведения-оригинала, переданная автором в существенном количестве случаев нейтральной лексикой, в переводе представлена адекватными фразеологическими оборотами, взывающими к более живому участию читателя в повествовании. В этой связи изучение уже готовых профессиональных переводов в сопоставлении с оригиналом помогает глубже осознать авторский замысел.

Список литературы

1. Василенко А.П. Перевод русских образных фразеологизмов на французский язык (к вопросу о составлении русско-французского фразеологического словаря) // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2010. № 2. С. 18–24.

2. Камю А. Чума: роман-притча. М.: АСТ, 2016. 384 с.

3. Михельсон М.И. Большой толково-фразеологический словарь. С-Пб.: ETS Publishing hous, 2008. 2208 с.

4. Нелюбин Л.Л. Введение в технику перевода: учебное пособие. М.: Флинта, Наука, 2009. 216 с.

5. Сушок Э.И., Гришечкина А.М., Болейко А.Ф. Словарь синонимов фразеологических оборотов русского и французского языков (электронная версия) // Хроники Объединенного фонда электронных ресурсов «Наука и образование». 2013. № 3(46). С. 53.

6. Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель, 2008. 828 с.

7. Чуковский К.И. Высокое искусство. М.: Азбука-Аттикус, 2014. 448 с.

8. Camus A. La peste. Gallimard, 2008. 358 p.

9. Словарь Мультитран [Электронный ресурс]. URL: http://www.multitran.ru/ (дата обращения 10.04.2017).

10. Фразеологический словарь русского языка под ред. А.И.Молоткова. Изд. 4. М.: «Русский язык», 1986.

Об авторах

Гришечкина Анна Михайловна – кандидат педагогически наук, доцент кафедры французского языка, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, grishana26@mail.ru

Скачкова Любовь Владиславовна – аспирант, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, lyuba-skachkova@mail.ru

УДК 81`373.611

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В ОБЛАСТИ ВАГОНОВ И ВАГОНОСТРОЕНИЯ

Денисова И. В.

В статье рассматриваются некоторые аспекты исторического развития терминов в области вагонов и вагоностроения. История развития общества, науки и техники является одним из главных источников возникновения новых терминов, осмысления и преобразования уже существующих терминов в терминосистемах отдельных языков и интернациональной терминологии.
Ключевые слова: историческое развитие, создание новых терминов, отраслевые терминосистемы, когнитивный характер, развитие науки, вагон, железнодорожная терминология.

SOME HISTORICAL ASPECTS OF ORIGIN AND DEVELOPMENT OF ENGLISH TERMINOLOGICAL SYSTEM IN THE FIELD OF CARS AND CAR BUILDING

Denisova I.V.

The article considers some aspects of historical development of terms in the field of cars and car building. The history of social evolution, science and technology is one of the main sources of the origin of new terms, as well as comprehension and transformation of terms which already exist in terminological systems of particular languages and international terminology.
Keywords: historical development, new terms development, industry term systems, cognitive factor, development of science, car, railway terminology.

Историю развития терминов невозможно отделить от развития социума, науки и техники. Появление новых терминов и их проникновение в дискурс науки определяется и обусловливается историей развития страны, уровнем ее научного и технического развития. Все новое должно найти свою языковую форму, появляются новые термины, изменяют значение или исчезают старые, существующие ранее. Как отмечала О. А. Макарихина «...история научных терминов, их вхождения в науку и закрепления в отраслевой терминосистеме отражает процесс развития самой науки» [1, с. 146]. По мере социального и исторического развития общества продолжали и продолжают развиваться термины, однако динамика их развития – сложный процесс. Взаимосвязь научного познания и мышления, изменения этой взаимосвязи определяют когнитивный характер терминов, играющих свою роль в научном развитии и осмыслении действительности. Как отмечают А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева «...почти каждый шаг в процессе науки знаменуется созданием или уточнением терминов. Обычные слова обладают свободой употребления и нечеткого смысла, так как обыденное знание недостаточно точно, и общий язык приспосабливается к такому знанию. Когда наши знания становятся абсолютно точными, нам требуется точный язык, где каждый термин имеет строго фиксированное значение. Таковым язык науки становится благодаря употреблению терминов» [2, с.13].

Любой исторический этап в развитии науки и техники определяет развитие терминологии и появление новых терминов, либо расширение значения или приобретение нового значения уже существующих терминов или обычных словарных единиц языка.

Развитие транспорта, появление новых, более совершенных транспортных систем способствовало расширению значения наречия (предлога) *aboard*, которое сначала использовали по отношению к пароходам и кораблям, *to be in or on the ship*. С возникновением новых видов транспорта, железнодорожного и авиа, *aboard* сохранило свое начальное значение, но сфера его применения расширилась.

Как справедливо отметила С. Э. Меркель, «терминология представляет собой наиболее динамичную и подвижную лексическую систему языка, поэтому исследования в этой области имеют зачастую историческую ориентированность, показывая, как возникает, развивается и сменяется во времени терминология в зависимости от развития соответствующих наук и общего стиля мышления эпохи» [3]. В США и Великобритании говорят на одном языке и многие термины используются в обоих языках, но различное восприятие одного и того же понятия приводит к возникновению двух различных терминов, обусловленных историческими особенностями развития терминосистем. Например, для осмотра состояния пути используют небольшую железнодорожную вагонетку: в США – *handcar*, а в Великобритании

– *pumptrolley*. В термине *handcar* выделяется ручной способ управления, в термине *pumptrolley* (вагонетка с использованием насоса) акцентируется внимание на другом механизме управления. В США термин *subway* используется для обозначения железной дороги, которая проходит под землей обычно в большом городе. В британском английском *subway* – это туннель под железнодорожными путями, который позволяет пассажиром переходить с одной платформы на другую. Эти термины носят когнитивный характер, и язык, как механизм познания, отражает восприятие, которое трансформируется различными народами в соответствии со своим образом мышления.

История развития науки и техники любой страны в той или иной степени связана с историей развития мирового научно-технического сообщества. В процессе общения многие слова входят в словарный состав языка других стран, адаптируются к языку народа и с появлением новых исторических реалий данной страны могут приобретать новое значение, сохраняя при этом первоначальное. В XV-XVI веках из латинского были заимствованы глаголы:

connect – ‘соединять’ < *connectus, connectere*

protect – ‘защищать’, ‘покровительствовать’, ‘защищать’ < *protectus*.

В процессе развития общества, науки, техники от этих глаголов были образованы, подчиняясь правилам английского языка, следующие словарные единицы:

connected – ‘соединенный’

connecting – ‘соединительный’

connection – ‘соединение’, ‘связь’

connecter – ‘сцепщик’, ‘соединительное звено’, ‘муфта’

protector – ‘защитное устройство’, ‘предохранитель’

protective – ‘защитный’, ‘предохранительный’

protection – ‘защита’, ‘предохранение’.

Из испанского языка в XVII веке в Англии появился термин *cargo* – ‘корабельный груз’, но с появлением железных дорог и других видов перевозок он расширил свое значение. В современном языке *cargo* – это ‘груз, который перевозят корабли, самолеты, железнодорожные поезда и грузовики’.

Слово *coach* появилось в XVI веке. В венгерском языке оно имело значение ‘коляска’ (*kocsi*), затем этот термин перешел во французский язык со значением ‘карета’ (*coche*). В английском языке термин *coach* означал ‘повозку, которую тянули лошади’. Появление железных дорог в Великобритании дало новое значение этому термину: ‘длинный комфортабельный вагон для перевозки большого числа пассажиров на большие расстояния’ или ‘одна из секций поезда’. В американском английском – ‘вагон’.

Историческое развитие страны определяет все аспекты развития языка, его словарного состава, в том числе и терминологии. В связи с этим не только появляются новые слова, но и трансформируются, расширяются значения уже имеющихся в языке слов. Термин *carriage* до появления железных дорог означал ‘карету’, ‘экипаж, который тянули лошади’. Лексическое значение этого слова, связанное в сознании носителей языка со средством перевозок, сохранилось, но перешло с развитием железных дорог в другую область жизнедеятельности человека. В британском английском *carriage* – ‘вагон’, в американском английском используется сокращенная форма *car*. Историческая последовательность развития этого термина привела к возникновению большого числа новых железнодорожных терминов.

Термин *Schnabel car* происходит от немецкого термина *Tragschnabelwagen*, что означает ‘вагон для перевозки супергабаритных и тяжелых грузов, которые невозможно перевезти в других вагонах’.

Международными историческими связями можно объяснить появление терминов с атрибутивным использованием имени изобретателя, создателя какого-либо устройства или исследователя какого-либо технического явления, если их терминологическое значение слишком длинное. На локомотивах может быть установлен *Johnson bar* – ‘длинный тяжелый рычаг, который приводит в действие реверсивный механизм’.

Термины появляются и развиваются на основе общепринятого национального языка, однако история развития общества и науки приводит к тому, что в какой-либо области знания или деятельности возникают реалии, не существовавшие ранее. Это приводит к возникновению искусственно созданных новых словарных единиц, не существовавших ранее в общенациональном языке. Р. Уэвелл и М. Фарадей (XVIII-XIX вв.) ввели новые термины *electrode*, *anode*, *kathode*, используя по традиции греческий язык и латынь, языки науки, которые являлись основой для создания многих интернациональных терминов [4].

При образовании нового термина может иметь место переосмысление или перенос значения существующих в языке словарных единиц. Одно из значений существительного *drag* – ‘кто-то или что-то медлительное, раздражающее, создающее проблемы’. В железнодорожной терминологии термин *drag* приобрел значение ‘длинный тяжело груженный состав, двигающийся с малой скоростью’.

Для обозначения железнодорожной платформы, по всей длине которой с обеих сторон проходят пути, возник двухкомпонентный термин *island platform*. По нашему мнению, термины, образованные таким способом, несут в себе элементы экспрессии.

До 60-х годов XX века в Великобритании по железным дорогам курсировал *slip coach* – пассажирский вагон, который отцепляли от состава во время движения поезда, используя собственный тормозной механизм вагона. Затем эта практика была ограничена и исчезла в 60-х годах XX столетия. Термин остался в истории.

Термины устойчивы и стабильны, но несмотря на это, они представляют собой социальное явление и поэтому трансформируются по мере развития общества. Исчезновение некоторых реалий приводит к изменению словаря, а новые реалии требуют новых терминов и это закономерный процесс.

Реальное место и время создают условия для существования термина. Приведем некоторые примеры из истории возникновения и развития терминологических единиц. Словарная единица *wagon* существует с древних времен: в старом английском языке *wəegn*, в голландском *wagen*, в немецком *Waggon*. Еще в середине XVI века в Германии появились примитивные дороги *wagonways* с деревянными рельсами, по которым лошади тянули повозки. И это можно считать началом современных железных дорог. Термин *железная дорога*, заимствованный из французского языка *chemin de fer*, появился впервые в словарях в 1847 году. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners дает следующее определение слова *wagon*:

1. транспортное средство с 4 колесами, которое обычно тянут лошади и которое используется для перевозки тяжелых грузов (повозка);

2. большой вагон в составе поезда, используемый для перевозки грузов (Британский английский);

3. маленькая тележка с 4 колесами и длинной ручкой – детская игрушка [5].

На примере слова *wagon* видно, что одна и та же словарная единица может быть и термином, и оставаться в языке обиходным словом. Иногда такая языковая единица имеет две области применения:

water wagon

1. водовозка

2. железнодорожная автоматическая цистерна для перевозки воды.

На Западе США, когда еще не было железных дорог, людей и грузы перевозили в повозках различного назначения. Классическая *Conestoga wagon* – ‘тяжелая, крытая матерчатым тентом повозка’ – использовалась фермерами для перевозки грузов и домашнего скарба. Переселенцы пользовались различными типами *wagons* для конкретных целей: *one-horse farm wagon*, *a chuck wagon (provision-cart)*, *a fire wagon*, *a sleep wagon*, *a hay wagon*, *a farm wagon* и другими. Длинный караван повозок *wagon train* с переселенцами в период освоения Запада в США в XIX веке можно считать своеобразным прототипом поезда.

Возникновение словосочетания *dinner wagon*, ‘столик на колесиках для подачи кушаний’, можно соотнести со значением слова *wagon* – ‘маленькая тележка на колесиках с ручкой’.

Wagon как железнодорожный термин появился в Великобритании с возникновением и развитием железных дорог. Простые крытые и открытые повозки на колесах, приспособленные для перевозки грузов по рельсам, прошли длинный путь преобразования и совершенствования. Развитие общества, промышленное, научное и техническое развитие определили развитие и совершенствование транспорта. Различные виды перевозок грузов и пассажиров требовали многообразных типов и конструкций вагонов, создания специальных вагонов. Практическое назначение вагонов и требования к ним менялись, совершенствовалась конструкция в соответствии с типами грузовых перевозок, а основной термин *wagon* оставался в составе новых многокомпонентных терминов:

wagon with folding roof panels – ‘вагон с крышей из складных панелей’

two-axle refrigerator wagon – ‘двухколесный изотермический вагон’

wagon with roller-shutter roof – ‘вагон со свертывающейся в рулон крышей’

covered wagon with end doors – ‘крытый вагон с торцевыми дверями’

central self-discharging wagon – ‘саморазгружающийся вагон с кузовом их двух частей, опрокидывающихся к середине’

covered wagon with special openings for loading and discharging – ‘крытый вагон с загрузочными и разгрузочными люками’.

Атрибутивные компоненты этих терминологических сочетаний, являясь существительными, прилагательными, глагольными формами, предлогами, сохраняют лексическую и грамматическую самостоятельность. Структура таких терминов является результатом объединения в единую терминологическую единицу общеупотребительных слов и специального, профессионального термина. Изучение и анализ литературы, связанной с железнодорожной терминологией, показало, что термин *wagon* используется только для обозначения видов различных грузовых вагонов.

История термина *gondola* для обозначения вагона-платформы с невысокими бортами относится к начальным годам существования железных дорог. Такие вагоны использовались для перевозки различных грузов. Однако в XX веке для перевозки больших объемов угля, для крупногабаритных грузов были сконструированы специализированные вагоны с боковой разгрузкой (*side-dump*), но опорное, ключевое слово *gondola* осталось.

Итак, изменение языковых реалий в историческом плане определяется развитием социума, науки и техники, а также взаимных связей между странами и народами. Все это нашло свое отражение в истории терминологии. Ее историческое развитие – это постепенный, глубокий, но неизбежный процесс в общем развитии языка.

Список литературы

1. Макарихина, О. А. История терминов в истории гуманитарной науки (на примере термина «ЭТНОС») / О. А. Макарихина // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2009. – № 1. – С. 146 –152.

2. Суперанская, А. В. Общая терминология: вопросы теории / А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева. – Изд. 5-е. – М.: Литроком, 2009. – 248 с.

3. Меркель, С. Э. Семантико-дистрибутивная верификация терминологического знака: на материале документов немецкого гражданско-процессуального права: дис. канд. филол. наук / С. Э. Меркель. – Волгоград, 2001. – 187 с.

4. Энциклопедия Кругосвет. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/ANGLISKI_YAZIK.html (дата обращения: 15.05.2016).

5. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners – Macmillan Education, 2006. – 1692 с.

Об авторе

Денисова Инна Валерьевна – старший преподаватель кафедры «Русского и иностранных языков», Омский государственный университет путей сообщения, innad2003@gmail.com

УДК 37'026'3

МЕТОДЫ КОГНИТИВНОЙ СЕМАНТИКИ В ОБУЧЕНИИ ВРЕМЕНАМ АНГЛИЙСКОГО ГЛАГОЛА

Дружинин А.С.

Статья посвящена описанию методики когнитивно-семантического подхода к обучению английской грамматике в рамках когнитивно-дискурсивной (коммуникативной) парадигмы языка, который понимается не как замкнутая система знаков, обмен которыми обеспечивает процесс коммуникации, а как способность человека создавать эти знаки в своем сознании, достигая тем самым особое состояние нейронной активности, при котором происходит процесс порождения речи и ее интерпретации. На примере так называемого «настоящего совершенного времени» показано, как методы когнитивной семантики помогают построить новую модель интерпретации и объяснения видовременных глагольных форм английского языка: это не аналитический способ выражения времени и вида, а комбинация глаголов, значение одного из которых переосмысляется до такой степени абстрактности (а не «вспомогательности»), что он может сочетаться с формой другого глагола для выражения особого смысла пространственной ориентации.
Ключевые слова: когнитивно-коммуникативный подход, когниция, значение, знак, когнитивная семантика, видовременные глагольные формы, Present Perfect.

METHODS OF COGNITIVE SEMANTICS IN ENGLISH TENSES INSTRUCTION

Druzhinin A.S.

The article deals with the explanatory aspect in EFL Grammar instruction within the cognitive-communicative approach to language which is treated not as a system of signs, whose exchange makes communication possible, but as a person's ability to create signs in his/her mind by experiencing such a state of neural activity that makes it possible to communicate, or else produce and interpret speech. Thus, all grammar phenomena are nothing short of a person's language competence as a knowledge (the result of hs/her cognitive activity) they have to be sure that they can make themselves clear and be adequately understood in a given situation of communication. By taking the so-called Present Perfect as an example, the author showcases how at the explanatory stage of EFL Grammar instruction all grammar forms (verb aspect-tense forms, in particular) should be viewed as word combinations of verbs, one of which comes to be understood to such a point of abstraction (rather than 'being auxiliary'), that it can be used together with another verb to express certain ideas of orientation in time and space.
Keywords: cognitive-communicative approach, cognition, meaning, sign, cognitive semantics, aspect-tense verb forms, Present Perfect.

Идея о том, что общение и познание едины в той степени, что познание составляет основу процесса коммуникации, которая контролируется в свою очередь процессом познания, не новая в педагогической практике (см. Б. Ф. Ломов, В. А. Барабанщиков, Е. С. Самойленко: [2], [5]). Коммуникативный подход к обучению иностранному языку в настоящее время бесспорно зарекомендовал себя практически на всех уровнях освоения языкового материала, причем важное значение отводится также когнитивной деятельности субъекта коммуникации: лексический и грамматический материал презентуется и практикуется исключительно в преломлении к контекстуальной релевантности и последующей речевой практики. К тому же на передний план среди целей обучения выводятся компетенции как совокупность (опытных) знаний и умений учащихся, которыми необходимо овладеть прежде всего в процессе коммуникации на иностранном языке.

Тем не менее, нужно признать, что принципы данного подхода реализуются не на всех этапах обучения иноязычным компетенциям. В частности, представляется, что **компонент экспланаторности** в системе преподавания грамматики неродного языка остается до сих пор неохваченным практикой когнитивно-коммуникативного подхода. Например, в обучении грамматике английского языка можно наблюдать определенный методологический кризис в способах интерпретации и объяснения функциональных особенностей видовременных глагольных форм. Существующий подход к экспланаторному аппарату и подаче теоретического материла можно охарактеризовать как попытку описать языковые явления в качестве структур, обладающих значением, его меняющих или «теряющих» (в случае с так называемыми вспомогательными глаголами) в зависимости от контекста. Такой структурно-семантический крен в сторону форм, единиц языка и других всевозможных материализованных «языковых объектов» оставляет изучающим свод правил с десятками случаев употребления и почти столькими же исключениями, которые не поддаются толкованию с позиции принятых норм и вовсе.Этот взгляд на сущность языковых явлений противоречит фундаментальным принципам когнитивно-коммуникативной концепции, оставляя в стороне работу сознания носителя языка как коммуниканта и превращая

его речь в объект математических, логических и даже метафизических исследований на простом уроке английского языка. Яркий тому пример – различные формулировки и термины структурно-семантической грамматики: «будущее в прошедшем», «вспомогательный глагол», «прошлое, связанное с настоящим» и т.д.

Исследования языка в русле когнитивно-дискурсивной парадигмы (по Е. С. Кубряковой) позволяют по-новому взглянуть на привычные вещи и предложить альтернативное видение традиционных тем, зачастую помогая наметить более легкий и быстрый способ решения, казалось бы, нерешаемых вопросов. В рамках новой парадигмы язык рассматривается не как замкнутая система знаков, обмен которыми обеспечивает процесс коммуникации, а как способность человека создавать эти знаки в своем сознании, достигая тем самым особое состояние нейронной активности, при котором происходит процесс порождения речи и ее интерпретации. Успех коммуникации, следовательно, напрямую зависит от адекватности (необходимого объема и уровня конгениальности) накопленных знаний и опыта коммуницирующих сознаний [1]. Как известно, данная компетенция (продукт познавательной деятельности языковой личности), включающая и языковые знания, складывается из многократных наблюдений за реалиями окружающего мира, в ходе чего вырабатываются механизмы «запоминания», обеспечивающие устойчивые реакции на одни и те же внешние стимулы [9, 10]. Иными словами, организм буквально «*зна*ет» (понимает *знач*ение того), что стоит за поступающим извне сигналом и как в соответствии с этим выстраиватьсобственную координационную деятельность. Исходя из этого, любое накопление языкового (и в частности, грамматического) опыта и пользование им в процессе коммуникации было бы неправильно рассматривать в разрезе правил, схем и моделей как первоочередных условий обеспечения лингвистического взаимопонимания между участниками общения. **Носители языка не думают о правилах, диктующих им, как говорить, – они просто полагаются на свои знания (память значений) языковых форм и способах их комбинирования**. Эти знания в совокупности с потребностями ситуации «подсказывают» выбор нужной формы. Соответственно, если изучающие иностранный язык анализируют грамматические явления сквозь призму правил о случаях употребления,например, «времени Презент Перфект», это приводит к искажению истинности объекта изучения, ведь носители языка не знают (и вряд ли могут знать, если они специально не изучали) этих правил, а мы (учителя и все изучающие язык) по умолчанию считаем, что именно так и происходит.

Методика когнитивно-коммуникативной грамматики представляет собой такой инструментарий анализа того или иного грамматического явления, который направлен на интерпретацию того самого психического состояния говорящего, при котором в его сознании в конкретной коммуникативной ситуации происходит процесс создания знака, или означивания. Иными словами, в центре внимания – **коммуникативно ориентированное содержание когнитивной активности и когнитивное содержание коммуникативной активности одновременно**. Для когнитивно-коммуникативного подхода важно учитывать то, о чем думает говорящий в момент порождения речи, а точнее то, какими языковыми знаниями он пользуется в отдельно взятой ситуации речи. Под языковыми знаниями стоит понимать весь опыт познавательной, речевой и абстрагирующей деятельности человека, «запечатленный» в памяти в виде системных значений языковых единиц, или системно-языковых значений.

Данные значения, в свою очередь, не могут храниться в памяти в качестве списка или набора всех возможных смыслов языковой единицы подобно тому, как в словарях представлены определения того или иного слова. Доказано, что функциональные особенности человеческой памяти и мышления не позволяют носителю выбирать значение слова из списка или следовать алгоритму языковых действий каждый раз в коммуникативном цейтноте при нормальном осуществлении процесса порождения речи (И. К. Архипов, Н. П. Бехтерева, А. А. Брудный) [3], [4]. Вместо этого языковая личность пользуется «яркими образами», воплощающими в себе наиболее существенные семантические признаки языковой формы, которые отличают ее от другой и позволяют корректно идентифицировать себя в ассоциации с этой языковой формой в той или иной ситуации речи. Иными словами, это прототипическое ядро в виде содержательной сущности, системного значения, которое связывается с образом языковой формы в сознании носителя языка. Все другие «второстепенные» значения представляют собой продукты смысловой интерпретации, имеющей место в наиболее или наименее типичных коммуникативных ситуациях, когда языковая форма означивается в сознании коммуникантов. Эти «новые» смыслы появляются в

результате речевой актуализации языковой формы посредством механизма метафоризации и метонимизации, отражающими иногда непредсказуемый ход человеческой мысли. Тем не менее, в основе данных семантических вариантов языковой формы лежит тот самый прототип, то самое системное значение, которое инвариантно, неизменно при любых метафорических трансформациях, в противном случае процесс ассоциации формы с содержанием в коммуницирующем сознании не состоялся бы.

Далее хотелось бы продемонстрировать на примере одного из грамматических явлений, в частности, так называемого «Настоящего совершенного» времени, как экспланаторный потенциал когнитивно-коммуникативной методики в отличие от традиционного подхода, распространенного сейчас в учебном процессе, позволяет добиться большей смысловой прозрачности и лингвистической реалистичности при описании грамматической формы.

О том, что глагол *have* в традиционной трактовке английского перфекта «теряет» или таинственным образом выхолащивает свое значение, превращаясь в некий вспомогательный компонент, – известно практически любому изучающему язык. Действительно, в привычном толковании глагол *have* «лишается» всего смысла и делается его некой «бессмысленной вспомогательной пешкой», которая в совокупности с якобы основным глаголом выражает значение «завершенного к настоящему моменту действия, но оставившего в нем результат».

В действительности, глагол *have* не может просто так взять и лишиться какого-нибудь смысла и выступать в качестве междометия «ой». Когнитивный подход к функциональной, семантической и семиотической природе языковых явлений, по всей вероятности, откроет нам новое понимание перфектной формы, которое необходимо для успешного и упрощенного решения всех грамматических проблем, связанных с выбором форм Present Perfect – Past Simple в языковых упражнениях и в естественных речевых ситуациях.

Итак, всем знакомо значение глагола *have* «иметь». Из-за высокочастотной употребительности слова, смысл имения, наличия переосмысляется в разные соответствующие понятия в зависимости от ситуации. Мы можем «иметь» обед или завтрак (*have dinner / breakfast*) и его «*хав*ать»; у нас могут быть, иметься гости (*Iwashavingguestsoverwhenyoucame*), которые благодарят нас фразой *Thankyouforhavingus* (наиболее часто это можно услышать в интервью или новостных телепрограммах); мы можем иметь в своем наличии сигарету или хорошее время, т.е. покурить и повеселиться (*have a cigarette* / *have a good time*); иногда мы можем попасться в сферу влияния или своеобразного «имения» других объектов, например, фильма, который может довести нас до слез или буквально «иметь нас в слезах» – *ithadmeintears*. Другими словами, можно сказать, что *have* указывает на то, что мы можем иметь или что может **иметься** у нас в **сфере «жизненного охвата» нашего тела** (телесных ресурсов): *dinner, a cigarette, a talk, a run, sex, a dog* и т.д. Говоря *Ihavetodo*, мы также указываем на то, что в ближайшей жизненной сфере своего тела (точнее, сознания) имеем то, что предстоит (to) еще совершить (do), т.е. «носим» мысль о предстоящем действии, потому что мы должны, вынуждены его сделать. Иногда эта мысль может переноситься на других лиц, и какие-то действия в нашей сфере должен или вынужден сделать кто-то другой, поэтому мы даем соответствующие распоряжения, делаем все так или просто получается, что они *у нас* (*wehavethem*) ведут себя так или иначе:

He always **has** the stereo playing in his room.
The next moment he **had** the audience laughing.
I'll **have** Hudson show you to your room.

Еще более абстрактно, но все же не менее понятным выглядит другое употребительное сочетание с этим глаголом. В английском языке смысл неличной формы глагола *toknow*, например, можно выразить с помощью глагола *tolearn*, а понятие *tobefriends* – с помощью формы *tomakefriends*:

know = have learnt
be friends = have made friends
bemarried = havegotmarried

Не случайно также, что в английском языке наблюдается тесная смысловая связь глагола *have* со значением состояния, выражаемого глаголом *be* в аналогичном сочетании с причастием II:

Have you finished? = Are you finished?
He has gone = He is gone.
He has come = He is come (устаревшее).

Дело в том, что сочетание слов *have* и причастия глагола стало настолько употребительным в англоговорящем обществе, что вошло в устойчивую языковую привычку. Почему? Вероятно, под влиянием различных факторов носители английского языка чувствуют

необходимость передать такой смысл, который помогает им лучше ориентироваться в речевой ситуации. Другими словами, иногда им важно подчеркнуть, что они не просто «знают», а «имеют (*have*) узнанным (*learnt*)»; не просто «друзья» (*befriends*), а «имеют (*have*) состоявшееся (*made*) знакомство (*friends*)».

Любопытно, что в современном английском языке наметилась тенденция взаимозаменяемого употребления *have* и *havegot*, что отмечается почти всеми словарями и грамматическими справочниками. Глагол *get*, обозначая широкий спектр действий от *tofind, toobtain* (*getaseat, ajob*) до *starttobe* (*getwarmer*), всегда неизменно передает один существенный смысловой признак **обретения чего-либо** (*starttohaveortobe*). Исходя из этого, носители языка привыкли выражать одну и ту же ситуацию двумя способами: У них может просто быть (*have*) собака или быть обретенной (*havegot*). О причинах такой «любви» носителей языка к сочетанию *havegot* можно только догадываться: предположим, что им нравится подчеркивать оттенок своеобразной жизненной динамики при описании состояния или наличия чего-то. Это, как представляется, отражает их «деловитость» или своеобразную активность.

Теперь стоит обратиться непосредственно к временной отнесенности, в данном случае – к сфере настоящего времени. Здесь мы воспользуемся глаголом*get* в качестве яркой иллюстрации разницы между настоящим и прошедшим. Наверное, каждый изучающий английский язык сможет безошибочно определить разницу между предложениями:

(1) I ***got*** *a letter (2) I* ***have got*** *a letter*

В первом случае речь идет о действии, состоявшимся в прошлом – *я получил письмо тогда*. Во втором примере, само собой разумеется, сочетание *havegot* реализует понятный всем смысл «иметь», выражая настоящее время: *у меня есть письмо сейчас*. В результате мы приходим к весьма справедливой и корректной интерпретация: *got* указывает на прошедшее время, *havegot* явно описывает настоящее. Однако почему всеми известные учебные справочники по грамматике отходят от данной логики описания словосочетаний на основе семантики слов, в них входящих, и при объяснении других сочетаний с глаголом *have*уходят в область размытых формулировок о «прошедшем, связанном с настоящим»? Ведь если сравнить следующие пары предложений, можно с очевидностью очертить смысловую грань, разделяющую (при чем резко) две глагольные формы:

(1) He became popular (2) He ***has*** *become popular*

He discovered it. (2) He ***has*** *discovered it*

В первых ситуациях говорится о прошедших событиях (стал популярным, узнал случайно), в то время как во второй паре примеров подразумевается состояние в настоящем (он сейчас популярен, он сейчас знает) как результат завершенных действий (приход популярности, случайное узнавание). Исходя из этого, можно сказать, что форма так называемого Present Perfect **выражает не совсем действие, и тем более не прошедшее**, а описывает ситуацию **наличия в актуальном настоящем завершенного действия (у нас что-то сейчас есть сделанным)**, а точнее его результатов; грубо говоря, всего того, что осталось и еще (до сих пор) осознается, ощущается и наблюдается после завершившегося действия. В таком описании говорящий начинает включать дополнительный «фактор» собственных ощущений: посредством глагола «иметь» он обозначает себя в том пространстве, которое находится в его собственной сфере (подобно глаголу *be*), и в этом пространстве имеется что-то состоявшееся и завершенное, что осознается как **актуальныйопыт** во многих смыслах этого слова. Это может проявляться в виде знакомства с местом, предметом или человеком (опыт посещения, встречи, использования: I*have*visited / met / used); в форме ощущения, осознания в настоящем уже состоявшегося только-что события (ср. Хорошая *сейчасбыла* лекция – It*hasbeen*-agoodlecture) или побывавшего уже сколько-то времени события, состояния (Ihavelivedherefor 5 years). В любом случае интерпретировать это словосочетание уместно только через глагол «иметь» в настоящем времени – именно такой прием анализа помогает определить коммуникативный смысл грамматической формы, который говорящий создает в ситуации речи для передачи того или иного оттенка актуального для него опыта. Например:

‘What’s wrong with your bag?’ ‘I *dropped* (не *I have dropped) it into a puddle’.

При выборе нужной глагольной формы в данной ситуации стоит понимать, что *havedropped* подразумевало бы, скорее всего, что «у меня сейчас сумка уронена в лужу», т.е. ее падение актуально и присутствует в настоящем (сумка пребывает в луже). Либо говорящий подчеркивает имеющийся жизненный опыт

«ронения» сумки («Я знаю, каково это»). Однако очевидно, что ситуация речи противоречит данному реконструированному коммуникативному смыслу, и форма прошедшего времени наиболее точно описывает произошедшее (падение состоялось тогда, т.е. I *dropped*).

Таким образом, когнитивно-коммуникативный подход призван рассматривать грамматические явления как продукт познавательной деятельности субъекта – говорящего, в конкретной коммуникативной ситуации пребывающем в особом психическом состоянии «знакосозидания», в основе которого лежит накопленный им в виде системных абстрактных значений языковой опыт речевых актуализаций слов и словоформ. Это положение отрицает «участие» многочисленных правил и прескриптивных инструкций в качестве необходимого когнитивного «фона» для порождения речи, а ставит во главу угла прототипические семантические признаки, ассоциируемые с языковой формой и в каждой ситуации речи переосмысливаемые в той или иной степени. Экспланаторная составляющая грамматики английского языка, соответственно, должна складываться из подобного понимания функционирования слов и словоформ, подразумевая, в частности, что видо-временные глагольные формы, представляющие собой конструкции как сочетания формальных модификаций лексем, должны рассматриваться не как аналитический способ выражения времени и вида, а как комбинация глаголов, значение одного из которых переосмысляется до такой степени абстрактности (а не «вспомогательности» или «функциональности»), что он может сочетаться с формой другого глагола для выражения особого смысла пространственной ориентации (например, «иметь взгляд», т.е. «взглянуть» в лексическом сочетании *havealook* и «иметь завершившийся взгляд, законченное смотрение», т.е. «уже посмотреть» в грамматикализованном *havelooked*). Исходя из этого, методология экспланаторного этапа обучения видов-временным глагольным формам приобретает совершенно иную структуру, состоящую из приемов когнитивно-семантической интерпретацииязыковых реалий, которые призваны раскрывать истинную природу функционирования этих реалий (т.е. их «жизни» в сознании их непосредственного пользователя), вместо того, чтобы вуалировать их сущность в форму логико-функциональных описаний (т.е. описаний их «жизни» вовне, отдельно от человека). Более подробно теоретические основы и принципы практической реализации данной методики на примере видо-временных глагольных форм представлены в работах [7], [6], [8].

Список литературы

1. Архипов И. К. Язык и языковая личность. СПб: ООО «Книжный дом», 2008. 248 С.
2. Барабанщиков В. А., Самойленко Е. С. Познание и общение: теория, эксперимент, практика. М.: ИП РАН, 2009. 235 с.
3. Бехтерева Н. П. О мозге человека. Размышления о главном. СПб.: Нотабене, 1994. 249 с.
4. Брудный А.А. Значение слова и психология противопоставления // Семантическая структура слова. М.: «Наука», 1971. С. 19-27.
5. Ломов Б. Ф., Беляева А. В., Коул М. Познание и общение. М.: Наука, 1988. 208 с.
6. Дружинин А.С. Английский перфекет: понять и объяснить // Иностранные языки в школе. 2016. № 2. С. 49-56.
7. Дружинин А. С. Времена английского глагола: новый подход (быстрый английский). М.: АСТ, 2017. 224 с.
8. Дружинин А.С. Когнитивный подход к объяснению грамматики английского языка (на примере форм PresentPerfect) // Интерактивный научно-методический журнал «Сообщество учителей английского языка». 2016. №8-1. С.4.
9. Кравченко А. В. Когнитивный горизонт языкознания. Иркутск: БГУЭП, 2008. 320 с.
10. Песина С.А., Дружинин А.С. Когнитивный и антропоцентрический подход к процессу коммуникации // Вестник Брянского госуниверситета. 2016. № 3 (39). С. 161-166

Об авторе

Дружинин Андрей Сергеевич – кандидат филологических наук, старший преподаватель, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел России, andrey.druzhinin.89@mail.ru

УДК 81.255

ТИПЫ ТЕКСТА И ИХ ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ НАПОЛНЕНИЕ

Евтеев С.В., Латышев Л.К.

В статье рассматривается понятийно-терминологический аппарат функционального анализа текстов и воздействен-ный потенциал текстов разного типа на основе корреляций «тип текста – тип функции». Это открывает перспективы создания функциональной типологии текстов, что можно использовать при подготовке переводчиков широкого профиля и их работе с текстами различного типа. Даётся определение рационально-информативной, эмотивной, эстетической, побудительной, контактной функций речи, а также монофункциональным и полифункциональным текстам.
Ключевые слова: тип текста, функция речи, функциональная типология текстов, монофункциональные и полифункциональные тексты, подготовка переводчиков.

TEXT TYPES AND THEIR FUNCTIONAL CONTENT

Evteev S.V., Latyshev L.K.

The article considers the conceptual and terminological apparatus of the functional analysis of texts and the impact potential of different text types on the basis of the correlation “a text type – an impact type”. It opens new perspectives for creating functional typology of texts that can be used in training translators of a wide profile and their work with different types of texts. The definitions are given to rational and informative, emotive and aesthetic, motive and contact functions of speech as well as monofunctional and polyfunctional texts.
Keywords: type of text, function of speech, functional typology of texts, monofunctional and polyfunctional texts, training translators.

Ради чего люди общаются друг с другом, обмениваются речевыми произведениями/текстами? Известный психолингвист А.А. Леонтьев подчёркивал: речь не является самоцелью, а «средством, оружием», «речь всегда предполагает неречевую цель» [7, с. 31; 8, с. 25]. Такого рода орудийная природа речи дала основание исследователю её социально-психологических аспектов Т.М. Дридзе считать допустимым такой анализ текста, когда вопрос «зачем, ради чего что-то говорится» предшествует традиционным вопросам «что говорится в тексте?» и «как говорится?» [1, с.58]. Удивительно, но о приоритете вопроса «Зачем?» перед вопросом «Что?» за много десятилетий до Т.М. Дридзе сказал персонаж пьесы М. Горького «На дне» Лука: «Ты погоди, милый, не в слове дело, а почему слово говорится…».

Отправитель речи (говорящий/пишущий) всегда стремится оказать на адресата речи (слушающего/читающего) нужное ему (отправителю) воздействие: вызвать сочувствие, добиться поддержки, согласовать с ним совместные действия. Запланированное воздействие на адресата осуществляют и профессиональные производители речи – журналисты, писатели и т.п. В этом случае запланированное воздействие может быть нужно не им самим, а тем, на кого они работают, то есть заказчикам.

Запланированное воздействие, «вкладываемое» отправителем в текст, мы будем называть его функцией. Мы говорим только о текстах, а не о более мелких речевых произведениях, которые не поддаются систематизации и типологизации. Следует отметить, что, как и многие другие лингвистические понятия, понятие «текст» достаточно размыто. В частности, неясно, какова минимальная протяжённость речевого произведения, чтобы оно могло считаться текстом, можно ли, например, считать текстами краткие реплики в процессе коммуникации. В лингвистике уже давно существует понятие типа текста и поэтому имеется объективная возможность описать воздейственный потенциал текстов разного типа на основе корреляций «тип текста – тип функции». Лингвистами разработано понятие функции текста, создана номенклатура этих функций, которой мы и воспользуемся.

Информативно-логическую функцию речи выделяют Л.А. Киселева [3, с. 45] и А.А. Леонтьев [9, с. 31-32]. Для этой функции характерна направленность к разуму, рациональному мышлению адресата в отличие, например, от эмотивной функции (о которой речь пойдет далее). В рамках информативно-логической функции цель отправителя – добиться определённого «сдвига в системе ценностей адресата» [3, с. 40-41], изменения информационного запаса адресата [2, с. 11], его представления о тех или иных явлениях, отношениях между ними. Существенно, что при этом отправитель абстрагируется от воздействия на эмоциональную сферу и не стремится побудить получателя к каким-либо действиям. Это,

конечно, не исключает того, что запланированный сдвиг в системе ценностей может привести и к действенной реакции адресата, но это уже должно рассматриваться как побочный продукт информационно-логического воздействия.

Из данной трактовки информативно-логической функции речи следует, что её смысл в том, чтобы адресат *понял* передаваемый ему текст, и с этой точки зрения термин «информативно-логический» представляется не вполне удачным. О чем «логическом» может идти речь в объявлении о предстоящем ремонте в подъезде дома или в положении о ношении военной формы одежды? С другой стороны, возможны тексты, в которых логическое значительно перевешивает информативное. Чтобы избежать данной ассиметричности, мы предлагаем заменить термин «информативно-логическая» на термин «рационально-информативная» (от латинского ratio - разум). *Рационально-информативная функция* – часть воздейственного потенциала речи, рассчитанная на понимание, разумность.

Эмотивная функция речи упоминается А.А. Лентьевым [8, с. 245] и Л.А. Киселевой [3]. В отличие от рационально-информативной эмотивная функция речи обращена не к «холодному разуму» а к эмоциональной сфере адресата. Она реализуется путём «эмоционального заражения» адресата [3, с. 26]. В принципе эмоции могут быть вызваны и сухим изложением фактов, которые «говорят за себя», без расчета на «эмоциональное заражение» [4, с. 67]. Однако и здесь (в системе принятых понятий) «эмоциональный резонанс» следует рассматривать как побочный продукт интеллектуальной функции.

Побочные эффекты такого рода говорят о том, что расчленение воздейственного потенциала текстов на отдельные функции не более чем научное абстрагирование с целью изучения такого сложного объекта, как речь.

Эстетическая функция речи упоминается теми же авторами – А.А. Леонтьевым и Л.А. Киселевой в уже названных работах. Эту функцию правомерно рассматривать как разновидность эмотивной функции. Но если эмотивная функция вызывает самые разные эмоции – от радости до отвращения, то об эстетическом воздействии мы говорим тогда, когда человек наслаждается чем-то прекрасным [4, с. 67-68], получает эстетическое наслаждение от прочитанного [2, с. 12]. Речь, несущая эстетическую функцию, - это, прежде всего, поэзия и художественная проза. Однако и здесь следует отметить, что наслаждаться можно и иными текстами, например, красотой научного дискурса (четкостью его логики, парадоксальностью изложенной мысли, научной новизной). Но это тоже является побочным («непредусмотренным») продуктом рационально-информативной функции речи.

Побудительную функцию речи Л.А.Киселева определяет как предназначенность языковых средств для передачи волеизлияния субъекта речи с целью побуждения адресата к тому или иному действию или поведению [3, с. 44]. Если суть предыдущих трех функций – изменение внутреннего состояния адресата, безотносительно к тому, повлечет ли это изменение какие-либо действия со стороны адресата, то побудительная функция рассчитана как раз на то, чтобы склонить адресата к определенному действию или к принятию определенного решения.

Она реализуется по-разному: через обращение к разуму (в приказах, распоряжениях, директивах, предписаниях), путем воздействия на эмоции (обращения о сборе пожертвований, призывы к протестам) и комбинированным способом (очень часто в рекламе). Побуждение может быть побочным продуктом интеллектуальной функции. Например, чтение уголовного кодекса может побудить кого-то отказаться от задуманного преступления, а знакомство с медицинской статистикой – побудить человека перейти к здоровому образу жизни.

Контактная функция речи упоминается А.А. Леонтьевым, однако трактуется им очень узко: стандартные реплики, служащие для вхождения в контакт и его поддержания типа «Алло!», «Слушаю Вас!», «Угу!», «Да-да!» [8, с. 245]. Полагаем, что логично было бы трактовать эту функцию речи шире, исходя из того, что все другие, перечисленные выше функции, могут реализовываться только при наличии контакта с адресатом – при его расположенности вообще воспринимать речь отправителя. В этом смысле контактная функция занимает особое положение среди других функций речи, поскольку является предпосылкой для их реализации. Контактная функция речи как бы предшествует другим функциям и присутствует во всех типах текста. Именно поэтому имеет смысл рассматривать способы её реализации, прежде чем это будет сделано в отношении других функций.

В специальных текстах (адресованных специалистам) контакт с адресатом поддерживается за счёт соблюдения принятой в данном

типе текста речевой нормы (узуса). Её несоблюдение может вызвать сомнение в компетентности отправителя, недоверие к нему. Так, в русских боевых приказах задачи подразделениям и частям ставятся в форме побудительных конструкций *существительное в дательном падеже + инфинитив*: «Первой роте наступать в направлении перекрёстка дорог». В немецких боевых приказах используется иная форма побуждения: *существительное в именительном падеже + глагол в 3-ем лице изъявительного наклонения*: «Die 1. Kompanie greift in Richtung Straßenkreuzung an».

Контактная функция реализуется в два этапа: 1) установление контакта, 2) его поддержание. При устном общении при установлении контакта большую роль играет правильное обращение. Приходилось наблюдать, как неверное обращение к женщине средних лет «мамаша» вызывало гневный отпор со стороны адресата. В газетах широко используются такие приёмы привлечения внимания, как так называемая подводка к собственному тексту статьи – несколько строк (обычно жирным шрифтом), вводящих читателей в её тему. В начале научной статьи могут быть перечислены вопросы, которые будут в ней рассмотрены.

Важным средством поддержания контакта адресата с письменным текстом является правильное построение тема-рематической цепочки, обеспечивающей, если так можно сказать, «логическую ритмичность» текста. Контакт адресата с текстом обеспечивается также его ритмичностью и в обычном значении этого слова – регулярным повторением соизмеримых речевых единиц [6, с. 103-108]. Ритмичность речи сравнима с равномерно текущим потоком. Она позволяет без напряжения слушать или читать. Противоположность ритмически выдержанной речи – устное диалогическое общение [10, с. 416], когда партнеры подчиняются внезапным внутренним импульсам. Такая речь изобилует ритмическими сбоями. Подержанию контакта способствует также отказ от чрезмерного употребления сложных синтаксических конструкций, например, распространённых препозитивных определений или конструкций с вводными предложениями.

Между *функциями речи и типами текста* существуют определённые корреляции, и это открывает перспективы создания функциональной типологии текстов (распределение функций речи по типам текста). Прежде всего, представляется целесообразным разбить все тексты на две группы: монофункциональные (несущие одну единственную функцию) и полифункциональные (те, которым свойственны несколько функций).

Монофункциональными текстами являются:

- тексты нормативных документов (конституция, другие законы, кодексы, уставы, регламенты, ведомственные и местные правила);
- тексты, фиксирующие согласование интересов или действий юридических или физических лиц (межгосударственные договоры, договоры между хозяйствующими субъектами, трудовые соглашения, договоры купли-продажи, брачные договоры и т.д.);
- инструктирующие тексты (инструкции по пользованию техникой, по использованию лекарств, правила техники безопасности, правила для пассажиров метро, наставление молодому бойцу и т.п.);
- описания (например, технических средств, маршрута; словесный портрет разыскиваемого человека);
- отчеты (например, о проделанной работе, об израсходованных средствах);
- планы.

Перечисленные типы текста несут одну-единственную функцию – рационально-информативную. Важнейшее требование к подобным текстам: они должны исключать возможность разных интерпретаций (особенно – злонамеренных). В них не должно быть эмоционально окрашенных компонентов.

Помимо рационально-информативной функции в качестве монофункции может выступать и побудительная функция, но только в весьма ограниченном круге ситуаций – применительно к автоматически выполняемым командам («На старт! Внимание! Марш!», «Равняйсь! Смирно!») и к элементарным побуждениям и запретам («Уходя, гасите свет!», «Вход запрещен»).

Говоря о побудительной функции, нельзя не отметить, что она нередко реализуется в имплицитной (неявной) форме. Например, именно таким является побуждение, «спрятанное» в известном немецком рекламном лозунге «Persil bleibt Persil!» (*дословно*: «Персил остается персилом!»). Смысл этого призыва к покупателям заключается в том, что названный стиральный порошок был первым высокоэффективным моющим средством и остаётся самым эффективным и сейчас, несмотря на множество новинок – значит, покупайте персил!

В других (кроме описанных) ситуациях встречается *полифункциональность речи*. Все

функции речи, за исключением указанных случаев, реализуются в комбинациях и при обязательном участии рационально-информативной функции. Ссылка на то, что встречаются тексты с единственной эмотивной функцией типа брюсовского «Фиолетовые руки/На эмалевой стене/ Полусонно чертят звуки/ В звонко-звучной тишине» не является убедительным аргументом, поскольку процитированное вряд ли может быть признано текстом, классификационным (обязательным) признаком которого является «внутренняя осмысленность» [10, с. 107]. Вопрос о том, можно ли считать заумную поэзию осмысленной, не имеет однозначного ответа.

Эмотивная функция текста реализуется по-разному. Парадоксально, когда она реализуется с помощью нейтральной лексики, без эпитетов, образных определений, метафор и других тропов, только с помощью стихотворного ритма и рифмики:

Я вас любил: любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам бог любимой быть другим.
[А.С. Пушкин]

Можно утверждать, что сильный эмоциональный эффект в этих стихах достигается их простотой. Способ эмоционального воздействия может быть и противоположным:

Зацелована, околдована,
С ветром в поле когда-то обвенчана,
Вся ты словно в оковы закована,
Драгоценная моя женщина!
Не веселая, не печальная,
Словно с темного неба сошедшая,
Ты и песнь моя обручальная,
И звезда моя сумасшедшая…
Отвори мне лицо полуночное,
Дай войти в эти очи тяжелые,
В эти черные брови восточные,
В эти руки твои полуголые…

Это стихотворение Николая Заболоцкого, озаглавленное «Признание», из поэтического цикла «Последняя любовь», изобилует экспрессивными средствами языкового выражения (более подробный разбор языковых средств в рамках данной статьи вряд ли нужен и возможен).

Эстетическая функция речи реализуется как в стихах, так и в художественной прозе. Читателя привлекает не только то, о чем повествует автор, но и то, как он повествует. Если текст не соответствует эстетическим вкусам читателя, он может не дочитать текст. Поэтому автор должен иметь представление о предпочтениях того, кому он адресует текст.

Стоит отметить особенность публицистических текстов, в которых также реализуется полифункциональность речи и преобладающее значение имеет не только рационально-информативная функция, но и в равной степени эмотивная и побудительная функции, что объясняет использование соответствующих языковых средств, например, деонимов [11]. Именно через текст журналист намерен донести информацию, оказать запланированное влияние на читателя и побудить его к тем или иным поступкам или действиям.

Актуальность проблематики разработки функциональной типологии текстов представляется очевидной. Так, «в зависимости от функции (функций) текста осуществляется выбор языковых средств автором, а в процессе создания переводного текста и переводчиком» [2, с. 13]. Надеемся, что данная статья может послужить такой работе в качестве «наброска». В этом её актуальность. Как преподавателей нас интересует также вопрос, может ли она быть полезна в лингводидактическом плане. Полагаем, что может. Из собственного опыта преподавания перевода знаем, что при подготовке переводчиков наряду с практическими упражнениями нужны и теоретические разъяснения. Понятно, что переводческая деятельность не может быть чисто рациональной. В ней всегда будет присутствовать интуитивная составляющая. Однако, как показывает практика преподавания, в ряде случаев теоретические разъяснения бывают просто необходимы [5, с. 75-77]. Представляется, что материал данной статьи может быть использован в качестве теоретического комментария при подготовке переводчиков широкого профиля, которым предстоит работать с текстами разного типа.

Список литературы

1. Дридзе Т.М. Язык и социальная психология: учебное пособие / Т.М. Дридзе, А.А. Леонтьев. М.: Высшая школа, 1980. 224 с.

2. Евтеев С.В. Немецкий язык : практика перевода : учеб. пособие : уровни B2-C1 / С.В. Евтеев; под ред. М.А. Чигашевой. М.: МГИМО-Университет. 2016. 289 [1] с.

3. Киселева Л.А. Вопросы теории речевого воздействия / Л.А. Киселева. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. 160 с.

4. Латышев Л.К. Перевод: проблемы теории, практики и методики преподавания. М.: Просвещение, 1988. 160 с.

5. Латышев Л.К. Как готовить переводчиков? // Тетради переводчика (научно-теоретический сборник). Вып. 24. М.: Международные отношения, 1999. С.73-84.

6. *Латышев Л. К. Технология перевода*: учебное пособие для вузов / Л. К. Латышев. *3- е изд.*, стереотип. *М.*: Издательский центр «Академия», *2007.* 317 с.

7. Леонтьев А.А. Объект и предмет психолингвистики и ее отношение к другим наукам о речевой деятельности // Теория речевой деятельности (проблемы психолингвистики). М.: Наука, 1968. С. 14-36.

8. Леонтьев А.А. Функции и формы речевой деятельности // Основы теории речевой деятельности. М.: Наука, 1974. С. 241-254.

9. Леонтьев А.А. К психологии речевого воздействия // Материалы IV всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. М., 1975. С. 31-72.

10. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой; Ин-т языкознания АН СССР. М.: Сов. энцикл., 1990. 682 с.

11. Чигашева М.А. Деонимы как особенность политического дискурса СМИ Германии // Вестник МГЛУ. Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 2 (765). С. 50-58.

Об авторах

Евтеев Сергей Валентинович – кандидат филологических наук, доцент, начальник Управления языковой подготовки и Болонского процесса Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, sergevt@inbox.ru

Латышев Лев Константинович – доктор филологических наук, профессор кафедры германской филологии, Институт лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета, nsprepod07@gmail.com

УДК 801.7

ОБУЧЕНИЕ ДИАХРОНИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКЕ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ У ВЬЕТНАМСКИХ СТУДЕНТОВ

Ершов Д.И.

Статья посвящена разработке и апробированию метода обучения диахронической лексике при формировании англоязычной лексической компетенции у вьетнамских студентов. В современной методической науке важной целью является овладение необходимым лексическим минимумом иностранного языка с тем, чтобы его можно было свободно использовать в общении, чтении аутентичных текстов и их переводе, в свободном аудировании иноязычной речи. Всего этого нельзя достичь, не зная всех пластов лексики, существующих в изучаемом языке. Особенно это заметно при чтении классической литературы на иностранном языке, где часто встречаются архаизмы, историзмы и диалектизмы. Знание этих видов лексики просто необходимо для современной кросс-культурной личности.
Ключевые слова: модульное обучение, архаизмы, диалектизмы, историзмы, лексическая компетенция, технологическая карта занятия, синхронический и диахронический аспект, ретроспективный взгляд на язык.

TEACHING VIETNAMESE STUDENTS DIACHRONIC LEXIS WHILE FORMING THEIR ENGLISH LEXICAL COMPETENCE

Ershov D.I.

The article is devoted to developing and testing the method of teaching Vietnamese students diachronic vocabulary in forming their English lexical competence. In modern methodological science an important goal is to master the necessary minimum vocabulary of a foreign language so that it can be freely used in communication, in reading authentic texts and in translating and listening to and understanding authentic speech. All this cannot be achieved without knowing all the layers of vocabulary that exist in the target language. This is especially noticeable when reading classical literature in a foreign language, where there are a lot of archaisms, and historicisms, dialectisms. Knowing these types of language is essential for a modern cross-cultural personality.
Keywords: modular training, archaisms, dialect words, historicisms, lexical competence, technological card of classes, synchronic and diachronic aspects, a retrospective glance at the language.

В науке, как правило, в основном изучается язык в его современном состоянии. Это обусловлено тем, что язык необходим прежде всего для общения, для его практического применения в перспективном плане. В этом смысле методика, как практическая и теоретическая наука по теории и практике преподавания иностранного языка, больше уделяет внимание синхронии. Диахрония и синхрония–это два противопоставленных аспекта, сложившихся в рамках исторической лингвистики. Наиболее подробно их описал Фердинанд де Соссюр.

Итак, на сегодняшний день диахрони́я (от греч. *δια*–‘через, сквозь’ и греч. *χρονος*–'время'), в первую очередь, представляет собой рассмотрение исторического развития тех или иных языковых явлений и языковой системы в целом как предмет определённого лингвистического изучения. Эта лингвистическая категория уже с самого начала своего существования противопоставляется такой известной в науке категории, как синхрония (от греч. *συν*–‘совместно' и греч. *χρονος*– 'время’), которая предполагает рассмотрение такого состояния языка, которое представляет собой заранее установившуюся систему, существующую в определённый момент времени. Этот термин в своём основном значении 'исторического подхода' к исследуемым явлениям получил самое широкое распространение во многих существующих в настоящее время общественных науках: литературоведении, семиотике и ряде других. Вместе с тем следует отметить, что основной тезис де Соссюра состоит именно в том, что в каждый данный момент человеческая речевая деятельность сама по себе предполагает одновременно и возникшую ранее систему, и её эволюцию; при этом в любую минуту язык представляет собой как саму живая деятельность, так и продукт прошлого [1, с.34].

Как ранее нами уже было сказано, оба термина впервые были введены в научный обиход основателем современной структурной лингвистики Ф. де Соссюром, который изначально рассматривал синхронию (С.) прежде всего в качестве некоего «статического аспекта языка», исключающего всякое внешнее вмешательство такой философской категории, как время, тогда как под диахронией (Д.) он главным образом понимал «эволюцию языка во времени» [1, с. 33]. Кроме того, важно подчеркнуть, что в самом понимании Соссюра С. имеет чётко выраженный системный характер, в силу которого она изначально статична и не обнару-

живает никакой тенденции к своему изменению. Вместе с тем следует отметить, что в процессе так называемого внешнего воздействия изменению, как правило, подвергаются лишь отдельные элементы, что так или иначе проявляется на всей системе в целом и одновременно ведет к её неизбежному очень быстрому изменению. При этом возникновение новой системы, по мнению Соссюра, уже не детерминируется прежней системой, так как её зарождение носит прежде всего сугубо случайный характер. Следовательно, противопоставление двух понятий, таких как С. и Д., строго очерчено и абсолютно, а значит не может допускать никакого внешнего компромисса. Одновременно следует отметить, что саму попытку объединить в рамках одной дисциплины С. и Д. Соссюр уже изначально считал так называемым ‘фантастическим предприятием'. Однако в современных науках, которые рассматривают синхронию и диахронию как особые философские категории, вполне возможно их встретить уже в рамках одной дисциплины. Кроме того, Соссюр ещё рассматривал С. и Д. и, как своего рода, дополнительные категории: пренебречь одной из истин значило бы видеть лишь половину объективной действительности. Впоследствии известные структуралисты подвергли серьёзному сомнению соссюровскую дихотомию статического и исторического подходов. Чтобы понять, как они это сделали, следует разобраться в свойствах дихотомии с точки зрения логики. Именно дихотомический подход к синхронии и диахронии, к ретроспективному и перспективному взгляду на язык позволит нам разработать специальную методику обучения диахронической лексике в процессе формирования англоязычной лексической компетенции у вьетнамских студентов.

Итак, дихотоми́я (греч. *διχοτομία*: *δῖχῇ*– 'надвое' + *τομή*, 'деление') представляет собой раздвоенность, последовательное деление на две части, не связанные между собой. Это своего рода некий способ логического деления целого класса на определённые подклассы, который заключается именно в том, что делимое понятие целиком может делиться сразу на два взаимоисключающих понятия. При этом дихотомическое деление в таких общеизвестных общественных науках, как математика, философия, логика и лингвистика подразумевает особый способ образования определённых одновременно взаимоисключающих подразделов одного и того же понятия или термина и в этой связи служит главным образом для образования целой классификации изучаемых элементов. Для конкретизации рассмотрим такой простой пример: объём всем известного понятия ‘человек’ можно успешно разделить сразу на два взаимоисключающих класса: мужчины и женщины. При этом такие понятия, как ‘мужчины' и 'женщины' являются одновременно дополнительными друг другу, поэтому их объёмы ни в коем случае не могут пересекаться. Кроме того, дихотомическое деление отличается от других логических операций прежде всего своей простотой. Так, при дихотомии мы всегда имеем дело всего лишь с двумя определёнными классами, которые вместе с тем полностью исчерпывают объём делимого нами понятия. Отсюда следует подчеркнуть, что дихотомическое деление всегда является соразмерным; при этом члены деления всегда исключают друг друга, так как каждый объект исследуемого делимого множества попадает только в один из классов *‘a’* или не ‘*a*’; при этом само деление может проводиться лишь только по одному основанию - наличие или отсутствие некоторого общеизвестного признака. Если мы обозначим делимое понятие строчной латинской буквой *a* и выделим в его объёме некоторый вид, скажем, *b*, то сможем разделить объём *a* одновременно на две части - *‘b’* и не *‘b’* [2, с.476–480].

При этом очень важно подчеркнуть, что дихотомическое деление само по себе, как правило, имеет такой довольно существенный недостаток: при производимом нами делении определённого объёма понятия на два противоречащих друг другу понятия всякий раз остаётся крайне неопределённой та его часть, к которой относится сама отрицательная частица ‘не'. Для пояснения этой мысли мы можем привести следующий пример: если разделить всех существующих в мире учёных на историков и не историков, то вторая группа может оказаться весьма неясной. Кроме того, следует отметить, что если в начале проводимого нами дихотомического деления по общему правилу довольно легко «установить наличие некоего противоречащего исходному понятия, то по мере производимого нами в процессе проведения очередной логической операции удаления от первой пары понятий найти его становится всё труднее и труднее» [2, с.477]. Из этих рассуждений ясно видно, что при производимом нами дихотомическом делении диахрония и синхрония уже сами по себе не являются

настолько отчуждёнными понятиями, чтобы не существовать в строго очерченных рамках одной дисциплины.

Так, уже всем известный учёный Р. Якобсон акцентировал своё внимание на достаточно вредной иллюзии существования некой пропасти между такими важными проблемами, как С. и Д. Согласно точке зрения другого учёного К. Леви-Строса, даже самая элементарная структура родства может существовать сразу в синхроническом, и в диахроническом измерении, тогда как при исследовании нами мифов лишь только глубокое изучение истории может предоставить возможность выявить саму сложную структуру, лежащую в основе таких философских категорий, как С. и Д. При этом следует отметить, что распространённый повсеместно полный и абсолютный методологический приоритет С. перед Д., как правило, возникает из смешения этих понятий. Вместе с тем, по мнению Р. Якобсона, было бы ошибочно рассматривать статику и синхронию как своего рода синонимы, так как статический срез есть не что иное, как фикция: это лишь некий вспомогательный метод, но ни в коем случае не частная форма бытия. Важно подчеркнуть, что столь же ошибочным будет являться и само смешение понятий С. и структуры, поскольку такой широко известный всем тезис ‘о том, что само по себе изучение генезиса определённой структуры возможно лишь на основе предварительного заранее очерченного знания этой структуры’, совершенно не эквивалентен другому тезису ‘абсолютного приоритета С’. При этом если такая структура выступает неким инвариантным элементом при всех производимых нами изменениях самой системы, то С. будет представлять собой уже не саму структуру такого процесса, а некоторое заранее фиксированное в какой-то определённый, строго очерченный момент состояние этой системы. Отсюда вытекает, что понятие Д. характеризует собою уже достаточно последовательную серию таких новых и старых состояний, фиксирующих всю происходящую во времени эволюцию данной изучаемой нами системы. В этой связи все глубокие очень качественные изменения системы приводят уже к непосредственному разрушению ее особого инвариантного ядра, т.е. изменением самой структуры всей изучаемой нами в определённые промежутки времени данной системы, что совсем не тождественно понятию Д. Более того, следует так же подчеркнуть, что такое логическое понятие, как ‘состояние системы' как раз и фиксирует изначальную глубинную связь С. и Д. Это явление очень характерно для различных уровней и систем любого языка. Одним из подтверждений тому факту может служить всем известная порождающая грамматика А.Н.Хомского, где язык рассматривается не в качестве неких ‘законченных образований', а как своего рода 'динамический процесс порождения новых речевых актов'. Хотя сами порождаемые вариации так и остаются в одной, строго очерченной синхронической плоскости, все же в современной структурной лингвистике эта плоскость, как правило, может подразделяться одновременно на статику и динамику, и на этом основании структурная лингвистика определяется уже как своего рода наука о диахроническом аспекте С. языка. При этом сам А.Н.Хомский уже полагает, что его порождающая грамматика, учитывающая весь творческий аспект языка, представляет собой определённое продолжение всем известной концепции языка В. Гумбольдта, согласно которой язык нам необходимо рассматривать «не как результат порождения, а как сам процесс такого порождения» [1, с 34].

На наш взгляд, с понятием диахронии системы и структуры языка будет напрямую связан ретроспективный взгляд на язык. Итак, что же такое ретроспективный взгляд на язык? Поясним это понятие. Вообще ретроспекти́ва (от лат. *Retrospectare*–‘взгляд назад’) означает определённый взгляд в прошлое; прилагательное ‘ретроспективный’ (от лат. ‘*retro*’–'назад' и ‘*specto*– 'смотрю’) (книжн.) подразумевает «содержащий изложение или обзор прежнего состояния системы, переходящий от настоящего к прошлому» [3, с.175]. Следовательно, ретроспективный взгляд на изучаемый язык позволяет нам акцентировать определённое внимание на обучении диахронической лексике при формировании англоязычной лексической компетенции у вьетнамских студентов. Что мы будем понимать под 'диахронической лексикой'? Это вся та лексика, которая в современном иностранном языке является несколько устаревшей, менее понятной, практически вышедшей из употребления либо имеющей иные особенности, относящие её к прошлому. На наш взгляд, архаическая лексика, или диахроническая лексика будет включать в себя в первую очередь следующие виды лексики: историзмы, архаизмы и диалектизмы ретроспективного характера. Следует отметить, что к проблемам архаизмов и историзмов в разное время обращались такие известные лингвисты, как А.И. Гальперин, Г.Б. Антрушина, О.В. Афанасьева, Н.Н. Морозова, А.Н. Мороховский, И.В. Арнольд, Р.С. Гинзбург и

многие другие. Но нас будет интересовать не сама по себе проблема их существования, а важность разработки методики их усвоения при обучении иностранному языку. Данный вопрос недостаточно изучен в отечественной методологической и лингвистической науках.

Итак, истори́змы представляют собой «слова или устойчивые словосочетания, обозначающие названия существовавших когда-то, но исчезнувших предметов, явлений человеческой жизни. Историзмы относятся к нашему пассивному словарю и не имеют синонимов в современном языке, на котором общаются люди» [4, с .87]. Как указывает Арнольд И.В, никто в наше время не носит кринолинов, поэтому слово *hoop-skirt* является историзм [5, с.229]. Важно отметить, что историзмы в современном английском языке, как правило, синонимов не имеют и поэтому являются единственным известным нам выражением соответствующего понятия, которое относится лишь к определённому прошлому английского народа. Однако, как указывает Арнольд И.В., объединить эти слова можно тематически. Приведём несколько примеров:

1) Слова, обозначающие определённое старинное снаряжение, вооружение и целые доспехи воина:

Battleax – ‘боевой топорик’, *cross-bow* – ‘самострел’, *halberd* – ‘аллебарда’, *musket* –‘мушкет’, “sword” – меч, coatofmail-кольчуга, gauntlet-рыцарская перчатка, visor-забрало и т.д.

2) Слова, обозначающие некоторые общеизвестные типы кораблей, на которых плавали в старину военные и гражданские лица:

Caravel – ‘каравелла’, *frigate* – 'фрегат’, *galley* – 'галера’.

3) Слова, обозначающие вышедшие в настоящее время из употребления определённые типы повозок:

Brougham – 'одноместная карета’, *chaise* – 'легкая повозка с откидным верхом’, *coach* – 'почтовая карета’, *hansom* – 'двухместный экипаж, в котором сидение кучера расположено, как правило, позади и несколько выше других мест для остальных седоков’ и т.д.

Далее идёт названия старинных музыкальных инструментов: *harpsichord* – ‘клавикорды’, *lute* –'лютня’, *lyre*-‘лира’ и т.д.

Вместе с тем следует отметить, что число подобных историзмов, которые, как правило, обозначают различные понятия, общественные отношения, музыкальные инструменты, т.е. всю известную материальную культуру прошлого, в английском языке довольно велико. И в основном все они главным образом находятся в литературных произведениях. Но, чтобы сформировать современную кросс-культурную личность, которая будет способна вести диалог культур и быть носителем всех особенностей как своей, так и иноязычной культуры, необходимо её обучать диахронической лексике.

В своей работе «Очерки по стилистике» (1958г.) А.И.Гальперин даёт понятие архаизмов, их классификацию, а также их функции. [6, с. 67-71].

В научном обиходе архаи́зм (от латинизированного др.-греч. *ἀρχαῖος* —'древний') обозначает ‘устаревшее слово, которое в современной речи, как правило, заменено синонимом’. Оно имеет довольно строгую формулировку в лингвистике, т.е. означает «лексему или грамматическую форму, которые в процессе развития языка были заменены другими, но всё ещё продолжают использоваться как стилистически маркированные, например, в поэтической речи для создания высокого стиля» [9, с. 15]. Архаизмы необходимо отличать от историзмов (их примеры приведены выше) которые представляют собой слова, полностью вышедшие из употребления. В науке существует мнение, что в высокостратифицированных развитых языках, как, например, английском, архаизмы иногда могут выполнять функцию профессионального жаргона, что довольно характерно для такой общественной науки, как юриспруденция [9, с.16].

Кроме того, следует подчеркнуть, что архаизм является лексической единицей, которая на настоящий момент уже полностью вышла из употребления, несмотря на то, что соответствующий предмет (явление) всё ещё продолжает существовать в реальной жизни и приобретает новые всем известные названия (устаревшие слова, вытесненные или замененные современными общепринятыми синонимами). Причина появления архаизмов заключается прежде всего в непосредственном развитии языка, в постоянном и непрерывном обновлении его словарного запаса: на смену одним словам, как правило, приходят другие. При этом сами вытесняемые из употребления слова не могут исчезнуть навсегда бесследно: все они непременно в какой-то степени сохраняются как в литературе прошлого, так и в составе некоторых уже к настоящему времени устоявшихся выражений, употребляемых в определённом художественном контексте; они являются неотъемлемой частью исторических романов и очерков, выполняя при этом функцию средства воссоздания быта и своеобразного языкового колорита эпохи.

Исследователи отмечают, что, как правило, читать оригинальную английскую литературу достаточно сложно. Так, М.М. Морозов подчёркивает, что читать Шекспира в подлиннике непросто, потому что он, помимо общеизвестного книжного языка, широко использовал и живой разговорный язык своего времени; кроме того, язык Шекспира можно сравнить с "целым множеством маленьких зеркал, в которых отразилась окружавшая его действительность, в детальных своих чертах зачастую нам неизвестная" [7, с.178]. Приведём несколько примеров:

1. *Loins* означает 'чресла' – лексический архаизм,

From forth the fatal loins of these two foes a pair of star-cross'd lovers take their life… [8, с.3].

2. *Ay* 'да' – лексический архаизм, устарелое слово (еще не потеряло своего лексического значения);

Ay, while you live draw your neck out o' the collar [8, с.4].

3. *Nay* 'нет' - лексический архаизм, устарелое слово;

Nay, as they dare [8, с.6].

4. *Hind* 'деревенщина' – лексический архаизм, старинное/забытое слово;

What, art thou drawn among these heartless hinds? [8, с.7].

5. *Bill* 'алебарда' – лексический архаизм, историзм;

Clubs, bills, and partisans! [8, с.7].

6. *Partisan* (алебарда, пика) – лексический архаизм, историзм;

Clubs, bills, and partisans! [8, с.7].

7. *Mistemper'd* 'приводить в беспорядок' - лексический архаизм, старинное/забытое слово»;

…throw your mistemper'd weapons to the ground, and hear the sentence of your moved prince [8, с.8].

8. *Thrice* 'трижды' – лексический архаизм, устарелое слово;

…have thrice disturb'd the quiet of our streets [8, с.8].

9. *Beseeming* 'подобающий, соответствующий' – лексический архаизм, устаревшее слово;

…cast by their grave beseeming ornaments, to wield old partisans…

10. *Forfeit* 'расплата' – лексический архаизм, устаревшее слово;

…your lives shall pay the forfeit of the peace [8, с.8].

11. *Abroach* 'в движении' – лексический архаизм, устарелое слово;

Who set this ancient quarrel new abroach? [13, с.9].

По мнению И.В. Арнольд, отмирая, слова могут переходить в разряд архаизмов. Так, в произведениях, написанных не в современную эпоху, встречаются архаизмы, которые стали таковыми гораздо позже времени их написания, т.е. не были архаизмами для авторов и потому не могут рассматриваться как архаизмы стилистического употребления. Таковы, например, многие слова в произведениях У.Шекспира или Шеридана [5, с. 147].

В качестве примеров архаизмов, которые можно встретить в поэзии XIX века и которые несут на себе стилистическую функцию, Арнольд приводит следующие: *billow*– 'волна', *behold*– 'видеть', *brow*–'чело', *ire*– 'гнев', *perchance*–'может быть', *slavy*–'бивать', *steed*–'конь', *woe*–'горе', *yon (yonder)*– 'тот'. Все эти слова в современном языке вытеснены синонимами, образованными от другого корня. Их Арнольд характеризует как собственно лексические архаизмы. Так, синонимами приведенных выше слов в современном английском являются слова: *wave, see, forehead, anger, periaps, kill,horse*, *sorrow, that*. Как полагает Арнольд, архаизм может обрести «новую жизнь и начать употребляться наравне со своим более молодым синонимом, как это произошло с заимствованным в средние века из французского слова '*curfew'*, которое в современной лексике встречается даже чаще чем *black-out*. По мнению Арнольд, «лексические архаизмы, т.е. собственно лексические, словообразовательные и семантические», следует уметь отличать от «грамматических, т.е. форм слов, которые вышли из употребления в связи с развитием грамматического строя» [5, с.150-168]. В современном английском языке грамматические архаизмы представлены такими формами глагола во 2-м лице единственного числа настоящего времени с окончанием–st *(mou) knowest, speakest* и соответствующей форма глагола be: *(thou) art* и сами местоимения 2-го лица ед. ч.: *thou, thee, thy, thine, thyself* и 2-го лица множ. числа *ye,* формы глагола в 3-м лице ед. ч. настоящего времени с окончанием *–th:hath,doth*. В настоящее время науке известно, что место устаревшего слова в словарном составе занимает синонимичное ему слово того же корня, но отличающееся от него аффиксом, аффиксами или, наоборот, отсутствием их. Характерными примерами могут служить такие пары, как: *beauteous-beautiful; darksome-dark; even-evening; morn, morrow-morning; oft-often; bepaint-paint*. Такие архаизмы можно назвать

словообразовательными Арнольд относит к разряду словообразовательных [5, с.170]. Кроме того, существуют и «семантические архаизмы. Они имеют место тогда, когда с появлением у слова новых значений, старое или одно из старых значений отмирает». Поэтому у семантических архаизмов, как правило, существуют омонимы. Например: *pray* является архаизмом в значении ‘пожалуйста’, но не является таковым в значении 'молиться'; *fair* 'прекрасный' – архаизм, *fair* 'белокурый – слово современного языка; *maid* 'девушка'– архаизм, современное значение слова *maid*– 'служанка' [5, с.175-180].

Среди диахронической лексики следует также выделить диалектизмы (лексические). О них Гальперин А.И. говорит, что эта группа слов более или менее четко выделяется в словарном составе английского языка и поэтому стилистические функции диалектизмов тоже довольно ясно определены. Под лексическими диалектизмами вслед за Гальпериным А.И. мы будем понимать слова разных диалектов английского общенародного языка, которые в процессе интеграции национального языка, остались за пределами его литературной формы». Именно эта особенность позволяет диалектизмам появляться только в живой разговорной речи крестьянства, областных говорах, в которых долго живут архаические особенности английских диалектов [6, с.58-75].

По мнению исследователей, диалектизмы используются главным образом в целях речевой характеристики персонажей не с точки зрения их психологических особенностей, а с точки зрения их принадлежности к определенной социальной группе или определенной части Англии [10,с.22].

Проф. Б. А. Лариным приводит весьма важный анализ употребления диалектизмов в художественной литературе, где квалификация случаев употребления диалектизмов строится на степени целесообразности их введения в литературное произведение. Под диалектизмами здесь понимаются и социальные диалектизмы (т. е. жаргонизмы) [6,с.79]. Так, Ларин, группируя образцы литературной работы по целям и приемам включения диалектизмов, определяет первую группу как коллекционерскую, для которой характерны своего рода ‘экзотичность' диалектной лексики в контексте нормального литературного языка и безразличие к выбору источника, словно бы для автора из этой группы равноценны были все диалекты [6, с.84]. Далее учёный выделяет 'следующую и более высокую ступень в овладении диалектным материалом', которая представляет собой 'стихийное включение элементов речи рабочих и крестьян, как важнейших классов нового общества'. Причина, согласно которой писатель придаёт такое большое значение всем этим обновлением языка литературы, как правило, коренится в его прочных связях с этими классами, но он не взвешивает критически и не отрабатывает эстетически облюбованных им диалектизмов [6, с.92]. Более того, Ларин подчёркивает, что наиболее сильную по мастерству и влиятельную в развитии нашего литературного языка группу составляют те писатели, кто преодолел ‘стихийность' и пользуется не внешними, грубыми диалектизмами: фонетическими 'чаво’, ‘топерь’, ‘востер’ или лексическими 'кулиянка’, ‘на базу’, ‘дербалызнем’, а смысловыми и конструктивными. Эти писатели, как правило, стремятся ввести в свой язык 'семантические идиомы диалекта’, т. е. своеобразные и специфические смысловые построения и комплексы его, — не ради натуралистической точности, а в поисках наиболее эффективных языковых средств при создании образа [Б. Ларин «Диалектизмы в языке советских писателей». «Литературный критик» № 11, 1935 г.].

В качестве примера таких диалектизмов Гальперин А.И. приводит реплику *Mrs. Burlacombe* из пьесы Дж. Голсуорси "*A Bit O'Love*", где почти все слова представлены либо как фонетико-морфологические, либо лексические диалектизмы:

Mrs. Burlacombe: Zurely! I give 'im a nummit afore 'e gets up; an' 'e 'as 'is brekjus reg'lar at nine. Must feed un up. He'm on 'is feet all day, goin' to zee folk that widden want to zee an angel, they'm that buzy; an' when 'e comes in 'e'll play 'is flute there. He'm wastin' away for want of 'is wife. That's what 'tis. An' 'im so sweet-spoken, tu, 'tes a pleasure to year 'im—Never says a word! [6, с.120-132].

Теперь перейдём непосредственно к разработке методики обучения диахронической лексике. Поскольку поликультурная личность представляет собой индивида с развитым лингвистическим сознанием, то знание родного и государственного языков, изучение иностранного языка расширяют кругозор личности, содействуют ее многогранному развитию, способствуют формированию установки на толерантность и объемное видение мира. [11, с.18]. Таким образом, поликультурная личность–это прежде всего индивид с рельефным историческим сознанием, поэтому

обучение диахронической лексике при ретроспективном взгляде на иностранный язык тут особенно важно, так как оно помогает не просто сформировать англоязычную лексическую компетенцию у вьетнамских студентов, но развить у них историческое сознание. Ведь именно историческое сознание есть основа и этнического, и общегосударственного сознания. Национальный менталитет, складывающиеся у этноса за тысячелетнюю историю, равно как и мифы, символы, образы, стереотипы могут быть познаны только через знание истории народа и его составной части—диахронической лексики. Знание истории народов, населявших страну, истории государства и истории языка чрез его диахроническую лексику при ретроспективном взгляде на язык порождает чувство исторической преемственности, исторических корней, ощущение причастности к истории земли, общности судеб народов, живущих бок о бок многие годы и века. Разработка методики обучения в данном случае происходит исходя из свойств кросс-культурной личности, прежде всего её исторического миросозерцания и диахронической лексики как основной подоплёки формирования поликультурной личности. Слово ‘подоплёка' в данном контексте мы употребили не случайно, так как само это слово в современном русском языке употребляется главным образом в значении `действительная, но скрытая основа, причина чего-нибудь' (каких-нибудь действий, событий). Например, социальная подоплека, вскрыть подоплеку дипломатических интриг и т. п. Это значение и употребление сложилось не раньше 40—50-х годов XIX в. [12, с.24-32].

Итак, как же сформировать кросс-культурную личность, владеющую историей языка, умеющую понимать при чтении иностранную литературу с диалектизмами, архаизмами и историзмами. Для этого необходимо разработать комплекс упражнений по работе с оригинальными текстами иноязычной литературы. Следует разбивать занятия по модулям. Диахроническая лексика будет служить семой, ядром, из которого будет построено семантическое поле. На его основе выделены модули занятий, построена технологическая карта таких занятий. А для работы с диахронической лексикой следует выбрать какое-нибудь крупное классическое произведение. Это может быть и «Ромéо и Джульéтта» — трагедия Уильяма Шекспира, рассказывающая о любви юноши и девушки из двух враждующих старинных родов — Монтекки и Капулетти [13, с.25].

При разработке метода обучения исходя из данной концепции интенсификации процесса обучения мы будем учитывать как общеметодические принципы обучения иностранному языку, так и принципы обучения второму иностранному языку, созданные вьетнамскими методистами непосредственно для студентов-востоковедов, филологов и лингвистов, изучающих второй иностранный язык на базе родного и сформулированные в статье профессора Фан Ван Зыонга. Вот перечень этих основных положений, которые позволят использовать культурологический и коммуникативно-когнитивный подходы при разработке технологии обучения диахронической лексике:

Студенты будут изучать иностранный язык наиболее эффективно, когда:

-1.Они рассматриваются как индивиды с потребностями и индивидуальными предпочтениями;

-2. Они имеют возможность участвовать в деятельности по использованию вьетнамского языка для общения с другими людьми через множество различных ситуаций;

-3.Они расходуют вьетнамские пользовательские данные, связанные со своими потребностями и предпочтениями, так что они могут быть применены к коммуникации;

-4.Они различают различные формы языка, навыки и способы обучения таким образом, чтобы они стали более восприимчивы к языку.

-5.Они могу знакомить с культурными и социальными событиями, а также порождать чувства культурных ценностей, выраженные через вьетнамский язык.

-6. Они понимают роль и характер вьетнамского языка и культуры Вьетнама.

-7. Они должны быть обучены умению делать прогресс на том уровне в той области знаний, результатов которой они достигнут.

-8. У них есть возможность организовать, наладить процесс обучения [17, с.2-8].

Перед началом изучения диахронической лексики из этого произведения необходимо ознакомит с историей его создания, чтобы у учащихся сложилось первое впечатление, положительные эмоции, интерес к изучению его диахронической лексики, чтобы в конце концов они были мотивированы. Для этого на занятии вкратце предоставим следующие исторические сведения о данной трагедии:

Сочинение обычно датируется 1594-1595 годами. Более ранняя датировка пьесы возни-

кала в связи с предположением о том, что работа над ней могла быть начата ещё в 1591 году, затем отложена и окончена примерно два года спустя. Таким образом, 1593 год оказывается наиболее ранней из рассматриваемых дат, а 1596 год –позднейшей, так как в следующем году текст пьесы был напечатан. Достоверность данной истории не установлена, но приметы исторического фона и жизненные мотивы, присутствующие в итальянской основе сюжета, сообщают определённое правдоподобие повести о веронских влюблённых. Античным аналогом трагедии верных влюблённых является история Пирама и Фисбы (*Pyramus and Thisbe*), рассказанная в «Метаморфозах» римским поэтом Овидием (*Publius Ovidius Naso*, 43 г. до н. э. — 17 г. н.э)[13, с.10-23].

При этом для справочной информации назовём труды исследователей, которые изучали произведение У.Шекспира, где учащиеся смогут пополнить свои знания по поводу истории изучения трагедии, что немаловажно на начальной стадии их работы с диахронической лексикой. После этого, распределяя работу по обучению лексике по главам и разделам, с обязательным её анализом, о чём говорилось чуть выше в настоящей статье, строим непосредственно сами занятия. В конце изучения каждой главы с её лексикой следует проводить контрольные тесты с проверкой, насколько усвоена диахроническая лексика и как учащиеся могут ею оперировать при анализе произведения, описании образов главных героев, сцен из действий по главам и частям трагедии. Для удобства, произведение можно разбить по частям и подразделам.

Приведём ещё один пример работы с диахронической лексикой на основе романа Артура Конана Дойля, "Затерянный мир". («*The Lost World» by Arthur Conan Doyle*). Как и в предыдущем случае, даём краткую историческую справку о романе:

The Lost World is a novel released in 1912 by Sir Arthur Conan Doyle concerning an expedition to a plateau in the Amazon basin ofSouth America where prehistoric animals (dinosaurs and other extinct creatures) still survive. It was originally published serially in the popular Strand Magazine and illustrated by New-Zealand-born artist Harry Rountree during the months of April–November 1912. The character of Professor Challenger was introduced in this book. The novel also describes a war between indigenous people and a vicious tribe of ape-like creatures [14, p.7].

Чтобы не повторяться, так как вся остальная работа над произведением проводится точно так же, как и в предыдущем случае, здесь мы покажем непосредственную работу над текстом. Итак, в первой главе при чтении в предложениях мы находим следующие примеры архаической лексики: *rideeculous* и *supposeetion*

Chapter 1 - There Are Heroisms All Round Us

Talking of the blank spaces of the map gives me an idea. What about exposing a fraud--a modern Munchausen--and making him 'rideeculous'? You could show him up as the liar that he is! Eh, man, it would be fine. How does it appeal to you? [15,p.68].

Переводим отрывок с примером диахроническое лексики на родной язык: в случае с вьетнамскими студентами, это будет вьетнамский язык, в случае со студентами-востоковедами, где вьетнамский язык будет первым восточным языком, а родным будет русский язык, то перевод делается на русский язык соответственно: 'Кстати, о белых пятнах. А что, если мы развенчаем одного шарлатана, современного Мюнхгаузена,и поднимем его на смех? Отчего бы вам не разоблачить его ложь? Это будет неплохо. Ну, как вы на это смотрите?'

И ещё одна цитата:

Went to South America on a solitary expedition two years ago. Came back last year. Had undoubtedly been to South America, but refused to say exactly where. Began to tell his adventures in a vague way, but somebody started to pick holes, and he just shut up like an oyster. Something wonderful happened--or the man's a champion liar, which is the more probable supposeetion.

И её перевод на родной язык: 'Два года тому назад отправился один в экспедицию в Южную Америку. Вернулся оттуда в прошлом году. В Южной Америке побывал, несомненно, однако указать точно, где именно, отказывается. Начал было весьма туманно излагать свои приключения, но после первой же придирки замолчал, как устрица. Произошли, по-видимому, какие-то чудеса, если только он не преподносит нам грандиозную ложь, что, кстати сказать, более чем вероятно'.

После этого, из контекста поняв перевод выделенной диахронической лексики, проводим её классификацию методом исключения: что это, архаическая, диалектическая или историческая лексика. После отнесения указанных слов к одному из вышеуказанных разрядов дан-

ной лексики, проводим дальнейшее её изучение: *supposeetion* сравниваем с известным нам современным словом *supposition*, а *rideeculous* соответственно с *ridiculous.* Всё это позволяет нам выделить в обоих словах диахронический (архаический) элемент *ee*, которые в первом случае входит в состав суффикса *–eetion,* а во втором случае–в состав корня слова соответственно: *rideecul*. Из сопоставления современной и новой формы слов можно сделать вывод, что в процессе преобразования некоторой диахронической лексики (прежде всего архаизмов) в современную в ней происходили изменения гласных не только в написании, но и в звучании. Диахронический (архаический) элемент *ee* по нормам произношения, принятым в современном английском языке, характеризует звуком *[i:]* как в слове: *beet*, тогда как гласный звук *[i]* – краткий монофтонг. В процессе произнесения этого звука масса языка располагается в передней части ротовой полости. При этом кончик языка находится непосредственно у основания нижних зубов. Тогда как середина языка несколько продвинута вперед и немного приподнята. Пример: *bullet.* Как можно заметить, в английском языке существует такое понятие как долгота звука, которая и будет отличать Диахронический (архаический) элемент *ee* от его современного эквивалента *i*. Долгий звук обозначается двумя точками справа, расположенными вертикально (например: *u:*). Очень важно на это обратить внимание, так как неправильное произношение может провести к неправильному пониманию. К примеру: *hit* (краткий) – ‘удар’, *heat* (долгий) – ‘жара’. Всё это свидетельствует о том, что за прошедшие сто лет нормы произношения и написания слов с диахроническими (архаическими) элементами существенно изменились. Некоторые долгие звуки преобразовались в краткие, как в приведённом выше примере: долгий диахронический (архаический) элемент ее перешёл в его современный, краткий эквивалента i по закону стяжения гласных: под этим термином современное языкознание разумеет слияние двух непосредственно соприкасающихся от-дельных раздельных гласных звуков, которые, как правило, могут произноситься отдельными толчками выдыхаемого воздушного тока, или даже двух гласных, принадлежащих только одному определённому слогу, т. е. входящих в состав дифтонга. Такой звуковой процесс часто происходил уже в индоевропейском праязыке. Так, славянскому ‘несть’ отвечает индоевропейский **nêsti* из *ne* + *esti*, как это видно из следующего примера, взятого из санскрита: *nâsti,* лит. *nésti*, др. ирл. *nîh*. Долгий гласный в санскрите в именительном падеже множественного числа *vrkâs* ‘волки' возник, вероятнее всего, путем непосредственного слияния тематического – в **vlko* – гласным е окончания именительного падежа множественного числа -es, сохранившегося в некоторых языках у основ на согласный звук (лат. homin-es, patr-es и т. д.). Вместе с тем, на славянской почве имеем такие случаи стяжения гласных звуков в формах: добраго из более древнего варианта добра-его, добрем из добре-ем и т. д. Так же возникает ещё одна старославянская форма прити из при-ити, русское ‘приду’, ‘приму’ из при-иду, при-иму. Случаи нового стяжения, сделавшегося возможным лишь после исчезновения согласного j, стоявшего некогда между гласными *a* и *e*, *o* и *a*, *e* и *e* (в сочетаниях *aje. qja, eje)* представляет современный русский язык: знает, хозяева, делаем, копеек, белеется и т. д. превращаются в некоторых северо-восточных великорусских говорах в знат, хозява, делам, копек, белется и т. д. Кроме того, имевшее место стяжение oja в а в формах боярин, боярыня, боярышня, давших теперешнее барин, барыня, барышня, свойственно, вероятно, всем известным и дошедшим до наших дней великорусским говорам. Случаи стяжения гласных в дифтонгах свойственны почти всем отдельно взятым индоевропейским языкам. Так, индоевропейский дифтонг ai в **laivos д*ает латинское l*aevus*, славянское современное ‘левый’, индоевропейский дифтонг oi дает в новогреческом языке i, а в санскрите e, в славянских языках ѣ. Рассмотрим приверы: древнегреческое *λύκοις* отвечает санскритскому варианту *vrkeshn* и славянскому слову влцех. Строго говоря, возможно было бы применять термин С. и к случаям образования долгих (так называемых двойных) согласных из двуходинаковых или близких друг к другу согласных, напр. в русск. ссылать (старослав. *с-сылати*), длинный (старославянское *длиньный*), народное *вертисся* из ‘вертишься’ и т. д. Логически это и было бы вполне последовательно, но в практическом употреблении такое применение данного термина еще не встречалось [16, с.24-75].

Как видно из описания закона «стяжения гласных», учёные полагают, что его действие прекратилось ещё в индоевропейский период развития языка. Однако приведённый выше

пример анализа диахронической лексики из романа Артура Конана Дойля, "Затерянный мир". («The Lost World» by Arthur Conan Doyle) показывает, что это далеко не так. И в девятнадцатом и в двадцатом веке происходят аналогичные процессы стяжения гласных, которые существенно не влияют на семантику слова, но лишь меняют фонетический рисунок в процессе его произношения в живой речи в процессе общения. Таки образом обучение диахронической лексике позволяет не только сформировать англоязычную лексическую компетенцию, но и глубже изучить фонетические законы, понять их действие как в современном языке в рамках синхронического подхода к изучению языка, так и в ретроспективном взгляде на его развитие, на всю его структуру и систему в условиях диахронической эволюции языка. На основе анализа диахронической лексики можно сделать вывод, что фонетическая система более подвижна и изменчива в процессе развития языка, тогда как семантика лексических единиц и вся лексическая система менее подвержена изменениям за короткий промежуток времени. Всё это служит основанием придания большого значения разработанной и приведённой в настоящей статье методике обучения диахронической лексике вьетнамских студентов и не только (и вообще студентов) в процессе формирования англоязычной лексической компетенции.

Подводя итог научным исследованиям, проведённым в настоящей статье, стоит подчеркнуть важность обучения диахронической лексике английского языка студентов языковых вузов, поскольку это позволяет им глубже изучить и понять историю английского языка, провести необходимые параллели с современным языков, вывести законы и закономерности, действующие в каждый период времени развития языка, как в синхроническом плане, так и в диахроническом плане. Всё это позволит поднять методику преподавания иностранного языка на качественно новый уровень, равно как и будет способствовать развитию и других, смежных с методикой педагогических, филологических и лингвистических наук и учебных дисциплин. В статье была разработана и представлены методика работы с различными видами диахронической лексики: историзмами, архаизмами и диалектизмами. Каждый из этих разрядов диахронической лексики был подробно описан, приведены примеры и отличия одних форм диахронической лексики от других при ретроспективном формировании англоязычной лексической компетенции. В процессе исследования было обнаружено действие закона стяжения гласных в современном состоянии английского языка.В процессе исследования была разработана методика формирования англоязычной лексической компетенции у вьетнамских студентов путём обучения их диахронической лексике английского языка. Исходя из основных положений были выбраны подходы к обучению лексике: культорологический и коммуникативно-когнитивный. С понятием диахронии системы и структуры языка будет напрямую связан ретроспективный взгляд на язык. В статье было рассмотрено понятие «ретроспектива», которое представляет собой взгляд в прошлое; ретроспективный подразумевает содержащий изложение или обзор прежнего, переходящий от настоящего к прошлому. Ретроспективный взгляд на язык позволяет нам акцентировать внимание на обучении диахронической лексике при формировании англоязычной лексической компетенции у вьетнамских студентов. Диахроническая лексика— это вся та лексика, которая в современном иностранном языке является несколько устаревшей, менее понятной, практически вышедшей из употребления либо имеющей иные особенности, относящие её к прошлому. Архаическая лексика, или диахроническая лексика включает в себя в первую очередь следующие виды лексики: историзмы, архаизмы и диалектизмы ретроспективного характера. В статье был дан подробный анализ основных видов диахронической лексики: историзмов, архаизмов и диалектизмов. На примере произведений Шекспира и Конана Дойля был проведён анализ этого вида лексики, поставлена проблема необходимости её изучения и на основании основных методических принципов, принятых во вьетнамской методической науке, разработана система упражнений, лёгшая в основу технологии обучения диахронической лексике.

Список литературы

1.Философия: Энциклопедический словарь. М.: Гардарики. Под редакцией А.А. Ивина. 2004.

2. Левитин А. В. Глава 11. Преодоление ограничений: Метод деления пополам // Алгоритмы. Введение в разработку и анализ. М.: Вильямс, 2006. 576 с.

3. Толковый словарь Ушакова. Д.Н. Ушаков, 1940.

4. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М., "Флинта", "Наука". Под редакцией М.Н. Кожиной. 2003.

5. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка. Учебное пособие / 2-е изд., перераб. М.: ФЛИНТА : Наука, 2012. 376 с.

6. Гальперин А.И. Очерки по стилистике английского языка. - М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1958. 458 с.

7. Анисимов И.И. Из истории английского реализма. М.: Издательство Академии наук, 1941. 243 с.

8. W. Shakespeare. The Tragedy of Romeo and Juliet. New York: The Macmillan Company, 1911. 166 p.

9.Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М.: ″Флинта″, ″Наука″. Под редакцией М.Н. Кожиной. 2003.

10. Адмони В. Г. и Сильман Т. И. Отбор языковых средств и вопросы стиля. «Вопросы языкознания» № 4, 1954.

11.StudAll. org, Режим доступа: http://studall.org/all2-163146.html

12. Виноградов В. В. История слов, 2010. Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/wordhistory/145/ПОДОПЛЁКА.

13. «Уильям Шекспир. Ромео и Джульетта: история сюжета, текста и переводов трагедии» автор О.Николаева

14. Артур Конан Дойль, "Затерянный мир". - The Lost World (Conan Doyle novel). Режим доступа: https://en.wikipedia.org/wiki/The_Lost_World_(Conan_Doyle_novel)

15. Conan Doyle Arthur - The Lost World. Режим доступа: http://royallib.com/book/Conan_Doyle_Arthur/The_Lost_World.html.

16. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. С.-Пб.: Брокгауз-Ефрон. 1890—1907.

17. Фан Ван Зыонг. // NGUYÊN TẮC DẠY và HỌC NGÔN NGỮ //Принципы преподавания и обучения иностранному языку. Ханой.2014.

Список сокращений

И. о.—интенсивное обучение; т.е.— то есть или так если; греч.–греческий; , синхрония (С.); диахрония (Д.).

См. — смотрите выше.

Об авторе

Ершов Денис Иванович – магистрант 2-го курса, факультет иностранных языков, Московский педагогический государственный университет, pismo-69@rambler.ru

УДК 81-11

ФРАКТАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ САМООРГАНИЗАЦИИ ПРОСТРАНСТВА СТИЛИСТИЧЕСКОЙ КОНВЕРГЕНЦИИ КАК ИКОНИЧЕСКИЙ ЗНАК

Коваленко Г.Ф.

Статья посвящена фрактальному моделированию текстового пространства стилистической конвергенции. В ходе исследования описаны фрактальные модели самоорганизации «спираль», «кольца дерева» и «встроенные восьмерки». В работе доказывается возможность рассмотрения фрактальной модели как иконического знака, позволяющего определить то общее, что лежит в основе организации текстового пространства в местах конвергенции, тем самым обеспечить более адекватное декодирование информации, заключенной в структуре этого пространства.
Ключевые слова: иконический знак, фрактальное моделирование, фрактальная модель, текстовое пространство, стилистическая конвергенция.

THE FRACTAL SELF-ORGANIZATION MODEL OF STYLISTIC CONVERGENCE SPACE AS AN ICON SIGN

Kovalenko G.F.

The article is devoted to the fractal modelling of contexts with stylistic convergence. During the analysis the fractal models “spiral”, “rings of the tree” and “enclosing eights” are revealed. The possibility to consider the fractal model of self-organization as an icon sign is proved. Fractal modelling allows the reader to state a common basis of the converged contexts and to ensure more adequate decoding of the information encoded in the structure of the textual space.
Keywords: icon sign, fractal modelling, fractal model, textual space, stylistic convergence.

Самое простое определение знака сводится к следующим трем моментам: 1) форма знака всегда материальна; 2) форма знака служит для представления о чем-то; 3) замещая или представляя нечто отличное от своей формы, знак тем самым сообщает информацию (об этом свидетельствует и этимология слова *знак* – от *знать*, ‘обладать знанием’) [4, с. 8]. Один из основоположников семиотики, науки о знаках и знаковых системах, Ч. С. Пирс, выделяет три вида знаков: символы, индексы и иконические знаки. «Одной из важнейших черт семиотической классификации Пирса является тонкое осознание того, что различие трех основных классов знаков – это лишь различие в относительной иерархии. В основе разделения знаков на иконические знаки, индексы и символы лежат не наличие или отсутствие подобия или смежности между означающим и означаемым, равно как и не исключительно фактический или исключительно условный, привычный характер связи между двумя составляющими, а лишь преобладание одного из этих факторов над другими» [14, с. 115–116].

Для данного исследования представляют интерес иконические знаки, форма и денотат которых сходны, похожи друг на друга в том или ином отношении. Иконические знаки могут быть не только словесными. Р. О. Якобсон приводит в качестве примера иконического знака латинскую пословицу *Veni, vidi, vici*, где порядок слов «копирует» временную последовательность обозначаемых действий (хотя предложение может быть построено и иначе, не иконически: *Победил, как только пришел и увидел*) [4, с.11]. Ч. Пирс отчетливо понимал, что «аранжировка слов в предложении должна служить в качестве иконического знака, чтобы предложение было понято» [14, с. 117].

Действие иконического знака основано на фактическом подобии означающего и означаемого, например, рисунок какого-либо животного и самого животного, первое заменяет второе «просто потому, что оно на него похоже» [14, с. 113]. Принципиальная особенность иконических знаков состоит в том, что форма их выражения берет на себя функции значения – она сама по себе есть информация о денотате. «Иконические знаки обозначают (денотируют) те объекты, которые имеют те же свойства, что и сами знаки, или – чаще – некоторый ограниченный набор этих признаков» [6, с. 66]. Пространственные отношения между знаками могут не соответствовать пространственным отношениям между вещами, но здесь, возможно, есть некоторое отношение корреляции, а именно: каждому пространственному отношению между знаками соответствует некоторое отношение между объектами, обозначенными этими знаками [6, с. 68]. Из всего сказанного следует, что иконический знак преимущественно расчитан на зрительное восприятие. Ч. Пирс отмечал: «Мы обнаруживаем, что в действительно-

сти Иконические знаки могут быть весьма полезны для получения информации – например, в геометрии, – но все же справедливо то, что Иконический знак не может сам по себе передавать информацию, так как его Объект – это все что угодно, что может быть подобно данному Иконическому знаку, и это любое нечто является его Объектом в той степени, в которой оно подобно данному Иконическому знаку» [10, с. 169].

Целью данной работы является попытка показать правомерность рассмотрения фрактальных моделей самоорганизации пространства стилистической конвергенции как иконический знак. Под стилистической конвергенцией мы вслед за И. В. Арнольд понимаем «схождение в одном месте пучка стилистических приемов, участвующих в единой стилистической функции» [1, с. 100]. Конвергенции интересны не только тем, что выделяют наиболее важное в тексте, но и тем, что на основе обратной связи могут служить критерием наличия стилистической значимости у тех или иных элементов текста [1, с. 102].

Исследование фрактальных моделей самоорганизации дискурса находит отражение в работах современных исследователей. Так, Н. С. Олизько рассматривает синергетические механизмы реализации интердискурсивных отношений [8, с. 66–79], Н. В. Мамонова изучает особенности фрактальной самоорганизации британского сказочного дискурса [5], а возможности применения дискретной фрактальной парадигмы в исследованиях по метафоре проанализированы С. А. Хахаловой [13, с. 96–101], фрактальность пространства стилистической конвергенции исследуется Г. Ф. Коваленко [3, с. 129–132].

Понятие фрактала и фрактальности вошли в науку благодаря открытию Б. Мандельборта, который ввел термин «фрактал» (от лат. *frangere* – ‘разрывать’, ‘дробить’ и *fractus* – ‘неровный’, ‘прерывистый’). Отсюда фрактал (*fractal*) – «нерегулярный фрагмент» и фрактальность – «способность распадаться на нерегулярные фрагменты» [18, с. 4]. Фрактальная парадигма из естественных наук стала проникать в гуманитарные науки. Синергетика исследует особо сложные процессы в культуре, обществе, природе, связанные с проявлениями самоорганизации, порядка и противопоставленного им хаоса [11, с. 41–42].

По определению С. Н. Плотниковой, фрактал, – это такая часть целого, которая структурно подобна каждой другой части и всему целому. В свою очередь, фрактальность – это рекуррентно-итерационный алгоритм, благодаря которому образуется фрактальное множество – множество самоподобных структур [9, с. 127]. «Многие природные структуры обладают фундаментальным свойством геометрической регулярности, известной как инвариантность по отношению к масштабу, или самоподобие» [8, с. 68]. Принцип динамической симметрии, регулирующий отношения порядка и хаоса в пространстве дискурса, находит реализацию в моделях фрактальной самоорганизации, которые позволяют представить динамический сценарий дискурса [8, с. 69]. Исследователями описаны такие фрактальные модели самоорганизации дискурса, как «концентрические круги», «ризома», «спираль», «дерево» и прочие. Среди различных видов моделирования текста фрактальное моделирование является одним из наиболее значимых, поскольку представляет собой его логико-смысловое моделирование с учетом структурирования.

Обращение к стилистической конвергенции обусловлено ее недостаточной изученностью с позиций лингвосинергетической теории фракталов. Текстовое пространство стилистической конвергенции представляет собой зону бифуркации, где одна и та же совокупность языковых единиц обладает возможностью реализовывать разные смыслы [3, с. 129-132]. Рождение новых смыслов языковой единицы в синергетическом тексте может проявляться на фонетическом, синтаксическом, грамматическом и на лексическом уровнях. Е. Ю. Муратова отмечает значимость тропеических средств при формировании новых смыслов [7, с. 13].

Мы рассматриваем стилистическую конвергенцию как фрактальную семиотическую систему. В качестве примера семиотической фрактальной системы исследователи приводят эволюционно-семиотический ряд «средства передвижения» Ю. С. Степанова [12, с. 21–26]. Каждая часть этой системы (лошадь, олень, слон, телега, повозка, карета, экипаж, фаэтон, кабриолет, купе и т. п) представляет собой «одно и то же», несмотря на их содержательное и формальное различие. У «одного и того же» единая когнитивная сущность, она трудно уловима, но все же может быть сформулирована («передвижение верхом на животном», «передвижение в транспортном средстве на четырех колесах» и т.д.). В более абстрагированном виде вся фрактальная система мыслится как целое, как единый семиотический фрактал «средство передвижения» [9, с. 131]. Стилистическую конвергенцию мы рассматриваем как

фрактальную систему (фрактал), характеризующуюся набором представленных стилистическими приемами элементов, – назовем их «коституентами» фрактальной системы (от англ. *constituent* – component part [17, с. 182]).

Обратимся к материалу исследования, биографическому очерку американского писателя И. Стоуна “Clarence Darrow For The Defense”, посвященному известному в прошлом адвокату Кларенсу Дарроу, который всегда отстаивал интересы рабочих. Рассмотрим контекст, в котором И. Стоун описывает отношение людей к известному правозащитнику:

(1) *It was his abstention from judgment, his refusal to condemn on the standard codes of good and evil, that made him a fire to which chilled human beings came to warm their hands and hearts. To the men and women who were struggling against a fear of psychosis in a confused and competitive world, living in constant dread of a slip or mistake, an accident or a failure, of somehow breaking down, not making the grade, of being judged and found wanting, he seemed a tiny spark of the godhead that saw everything, understood and never condemned* [19, с. 178].

Пространство стилистической конвергенции заполнено следующими фрактальными конституентами: 1) развернутой метафорой *made him a fire to which chilled human beings came to warm their hands and hearts*; 2) парным эпитетом *a confused and competitive world*; 3) градационным рядом *living in constant dread of a slip or mistake, an accident or a failure, of somehow breaking down, not making the grade, of being judged and found wanting*; 4) метафорой, усиленной градацией *a tiny spark of the godhead that saw everything, understood and never condemned*.

Далее рассмотрим смысловую общность каждого элемента фрактальной системы. Развернутая метафора, репрезентирующая часть стилистического фрактала, состоит из двух метафор: *made him a fire* и *human beings came to warm their hands and hearts*, характеризующих Дарроу как человека, согревающего людей своим теплом подобно огню. Смысловой общностью метафор, входящих в развернутую метафору (следующую часть фрактальной системы), является смысл «тепло» (*fire – a small controlled mass of burning material that is used for heating* [15, с. 321]; *heat – warmth* [15, с. 404]). Следующий компонент (конституент) фрактальной системы, представленный эпитетами, характеризует мир, в котором людям «холодно»: *a confused and competitive world* (*confuse – to cause to feel uncertain or unclear* [15, с. 178]; *compete – to do an activity with others and try to do better than they do* [15, с. 171]; *when people compete they feel unclear*). Эпитеты объективируют общий смысл «неуверенность». Градация репрезентирует еще один элемент фрактальной системы: *living in constant dread of a slip or mistake, an accident or a failure, of somehow breaking down, not making the grade, of being judged and found wanting*. Градонимы (элементы градационного ряда) актуализируют общий смысл «страх / переживания» . Метафора и взаимодействующая с ней градация, репрезентирующие фрактальные конституенты (*a tiny spark of the godhead that saw everything, understood and never condemned*), представляют смысловую общность «понимать людей как Бог».

Важным этапом фрактального моделирования является определение характера смысловых связей между частями фрактальной системы. На наш взгляд, это взаимодействие в рассмотренном примере происходит под действием креативного аттрактора «противопоставление». С одной стороны, Стоун описывает мир, в котором люди чувствуют себя некомфортно из-за постоянных страхов, а с другой стороны, в этом мире есть тепло огня, к которому люди тянутся, чтобы согреться и быть понятым. Выявленный характер взаимодействия элементов фрактальной системы реализуется во фрактальной модели «вложенные восьмерки», где две верхние петли репрезентируют части, имеющие смысловую общность «постоянный страх людей, живущих в смутном мире», а две нижние петли – элементы, представляющие общий смысл «Дэрроу был огнем, согревающим людей, как Бог он их понимал и никогда не осуждал». Вся фрактальная система мыслится как единое семиотическое целое «В смутном мире был человек, который мог согреть сердца людей». Выявленную фрактальную модель «вложенные восьмерки» правомерно считать иконическим знаком, своеобразным образом текстового пространства стилистической конвергенции.

Проанализируем следующий пример: (2)*… for forty years the smiling, booming sunshine City of Los Angeles became immersed in a half century of bloodshed, violence, hatred, class war, oppression, injustice and a destruction of civil liberties which was to turn into the slow spot of American culture and democracy* [19, с. 196]. В данном примере фрактальные конституенты представ-

лены следующими стилистическими приемами: 1) метафорическими эпитетами *the smiling, booming sunshine City of Los Angeles*; 2) градационным рядом *bloodshed, violence, hatred, class war, oppression, injustice and a destruction of civil liberties*; 3) метафорой *the slow spot of American culture and democracy*.

Первая фрактальная часть (конституент), представленная метафорическими эпитетами *smiling, booming sunshine city*, имеет смысловую общность «счастье». Фрактальный конституент, представленный восходящей градацией *bloodshed, violence, hatred, class war, oppression, injustice and a destruction of civil liberties*, репрезентирует общий смысл "*violence and cruelty"*(насилие и жестокость), обнаруживаемый в результате анализа значений градонимов (*bloodshed – killing or wounding of people; putting to death* [17, с. 89]; *violence – state of being violent; violent – severe* [17, с. 957]; *severe – rigorous, violent* [17, с. 783] *hatred – hate, strong dislike* [17, с. 393]; *war – the use of armed forces; (fig) any kind of struggle or conflict* [17, с. 965]; *oppression – the condition of being oppressed; oppress – rule injustly or cruelly; cause to be troubled* [17, с. 590-591]; *injustice – lack of justice* [17, с. 439]; *justice – the quality of being right and fair* [17, с. 461]; *destruction – destroying or being destroyed; destroy – break to pieces, put an end to* [17, с. 235]). Следующая часть фрактальной системы, заполняющая пространство конвергенции, представлена метафорой *slow spot of American culture and democracy*, удерживающей смысл "*the attitude toward each other as equals"* (*culture – the way of life of a particular people, esp as shown in their ordinary behavior and habits, their attitudes toward each other, and their moral and religious beliefs* [15, с. 207]; *democracy – (society in which there is) treatment of each other by citizens as equals and with absence of class feeling* [17, с. 229]; *democracy – the belief in freedom and equality between people* [15, с. 226]).

Выявленные конституенты фрактальной системы поддерживают общий смысл «разные этапы истории города». Изучение характера взаимодействия смыслов, представленных частями фрактальной системы в пространстве конвергированного текста, позволяет говорить о том, что между ними существуют отношения развития, следовательно, фрактальная самоорганизация может быть представлена моделью «спираль», где каждый виток отражает определенный этап развития, роста ситуации. Восприятие смыслового пространства стилистической конвергенции в виде непрерывной линии, которая образует круги вокруг центра, помогает распознать признаки фрактальности, выделенные исследователями [5, с. 9]: динамичность (способность к саморазвитию), рекурсивность (процесс повторения чего-либо самоподобным образом), самоподобие (отдельная часть фрактала содержит информацию о всей фрактальной системе).

Поскольку фрактальная модель самоорганизации «копирует» ситуацию, описываемую в тексте, ее можно позиционировать как иконический знак, оптический образ, обладающий зрительно воспринимаемой формой, при этом восприятие всегда является интерпретирующим [16]. Здесь уместно привести высказывание Ф. Джонсона-Лэрда о том, «что из значений предложений в связном дискурсе слушающий имплицитно создает сокращенную и не обязательно языковую модель повествования и что воспроизведение текста по памяти в большой мере является активной реконструкцией, базирующейся на том, что сохранилось от этой модели» [2, с. 234]. Иными словами, выявление фрактальной модели самоорганизации на этапе восприятия текста в местах конвергенции способствует более адекватному декодированию содержания текста.

Обратимся к контексту, демонстрирующему фрактальность самоорганизации конвергированного текстового пространства по типу «кольца дерева»: (3) *To Otis all this was another Civil War; it was his bounden duty to crush the Rebels. Battle was breath in his nostril. When his Civil War II began his cohorts promoted him from captain to general, and he was known as General Otis to the end of his days* [19, с. 196].

В данном текстовом отрывке речь идет о «войне», которую объявил управляющий издательством газеты *The Times*. Развязанная борьба с недовольными названа *another Civil War; his Civil War II* (Метафоры взаимодействуют с антономасией, зависимые слова *another*, *his* указывают на то, что речь идет не о настоящей Гражданской войне в Соединенных Штатах). Противники Отиса названы *The Rebels* (употребление имени нарицательного как имени собственного передает иронию автора, которая поддержана метафорой *promoted him from captain to general* (по логике после звания капитана невозможно получить сразу звание генерала и, более того, это звание «присвоили» гражданскому человеку).

Первое «кольцо» заполнения пространства стилистической конвергенции репрезентировано фрактальным конституентом, выраженным метафорами, взаимодействующими с антономазией (*another Civil War; his Civil War II*), следующее «кольцо» (часть фрактальной системы) представлено антономазией *to crush the Rebels*, далее следуют фрактальные конституенты, соответственно представленные метафорой *battle was breath in his nostril* и антономазией *his cohorts promoted him from captain to general and he was known as General Otis.*

Подобно тому, как кольца на срезе дерева в природе отражают изменение климатических условий разных лет, так и фрактальная модель «кольца дерева» акцентирует внимание на смысловом развитии, росте. Креативный аттрактор «дополнение» притягивает смыслы, репрезентированные частями фрактальной системы. Фрактальная модель самоорганизации пространства стилистической конвергенции является своеобразным «ключом» к декодированию смыслового развития текста: каждое кольцо – это новая подробность о войне, объявленной газетой *The Times*.

Однако следует отметить, что фрактальная модель, как любой знак, с точки зрения прагматики, замещает обозначаемые объекты только до известной степени. «Интерпретатор не смешивает по-настоящему знак с объектом, который знак означает: описанный или нарисованный человек может, разумеется, быть назван человеком, но при этом более или менее четко осознается статус знака – это только нарисованный или описанный человек» [6, с. 81]. Значимость выявления фрактальной модели заключается в том, что она создает в нашем уме некоторую интерпретацию.

Проанализируем следующий контекст, в котором один из соотечественников характеризует Отиса как воинственно настроенного человека:

(4) *Otis was a large, aggressive man with a walrus mustache, a goatee and a warlike demeanor, resembling Buffalo Bill and General Custera. The military bee buzzed in his bonnet. He called his home in Los Angeles The Bivouac, and when the boom was at its height he built a new plant for the Times, which resembled a medieval fortress, with balliements, sentry boxes, surmounted by a screaming eagle. He was a natural warrier and not a man to be crossed. He was a holy terror in his newspaper plant; his natural voice was that of a game warden roaring at seal poachers* [19, с. 194].

Текстовое пространство стилистической конвергенции заполнено фрактальными конституентами, репрезентированными следующими стилистическими средствами: 1) эпитетами, характеризующими внешность Отиса (*a large, aggressive man; a walrus mustache; a goatee*) и его голос (*the voice of a game warden roaring at seal poachers*); 2) эпитетом, образным сравнением и буквализацией фразеологизма *to have a bee in one's bonnet*, иронично описывающими его воинствующее поведение (*warlike demeanor, resembling Buffalo Bill and General Custera*; *The military bee buzzed in his bonnet*); 3) антономазией *the Bivouac* и образным сравнением *resembled a medieval fortress*, раскрывающими его отношение к своему дому как военному лагерю и к издательскому дому как к средневековой крепости; 4) метафорой *a natural warrier and not a man to be crossed* и оксюмороном *a holy terror*, характеризующими Отиса как воинственно настроенного тирана. Каждая часть фрактальной системы репрезентирует определенную характеристику персонажа, при этом семантическим аттрактором, точкой притяжения фракталов, является смысл «Отис – настоящий воин».

Самоорганизация смыслов реализуется во фрактальной модели «кольца дерева», образно показывающей, как растет помешательство Отиса на объявленной войне против несогласных работников издательства газеты. Совместное существование и общность места под воздействием креативного аттрактора «дополнение» заставляют элементы фрактала действовать согласованно, в результате чего стилистическая конвергенция превращается в диссипативную структуру, рассеивающую новые смыслы: «Отис был помешан на войне», «Отис – агрессивно настороенный человек», «Ироничное отношение автора к Отису».

Таким образом, выявленные в ходе исследования фрактальные модели «спираль», «вложенные восьмерки» и «кольца дерева» репрезентируют возникающее в тексте особое виртуальное денотативное пространство (семантическое пространство), которое может расширяться, углубляться, увеличиваться. При этом мы не видим жестко фиксированных «движений», имеет место упорядоченность в виде превалирующей тенденции. Фрактальная модель правомерно может считаться экономным средством представления текстового пространства стилистической конвергенции, иконическим знаком, на который можно смотреть, понимая, как устроено представляемое им текстовое пространство.

Список литературы

1. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык. - М.: Флинта; Наука, 2002. 384 с.

2. Джонсон-Лэрд. Процедурная семантика и психология значения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка: Пер. с. англ. / Сост., ред., вступ. ст. В. В. Петрова и В. И. Герасимова. М. : Прогресс, 1988. С. 234–257.

3. Коваленко Г. Ф. Фрактальность пространства стилистической конвергенции в поэтическом тексте (на материале поэзии Рональда Стюарта Томаса) //Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 1 (67): в 2–х ч. Ч.1. С. 129–132.

4. Лукин В. А. Художественный текст: Основы лингвистической теории и элементы анализа: Учеб. для филол. спец. Вузов. – М. : изд-во «Ось–89», 1999. 192 с.

5. Мамонова Н. В. Фрактальная самоорганизация британского сказочного дискурса: автореф. дис…. канд. филол. наук. – Челябинск, 2015. 23 с.

6. Моррис Ч. У. Из книги «Значение и означивание». Знаки и действия // Семиотика: Антология / Сост. Ю. С. Степанов. Изд. 2–е, испр. и дор. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. С.129–143.

7. Муратова Е. Ю. Лингвосинергетика поэтического текста: Монография. М.: ИНФРА–М, 2012. 220 с.

8. Олизько Н. С. Синергетические механизмы реализации интердискурсивных отношений // Вопр. когнитивной лингвистики. 2010. №1. С. 66–73.

9. Плотникова С. Н. Фрактальность дискурса как новое лингвистическое понятие // Вестник ИГЛУ. Сер. Филология. 2011. № 3 (15). С. 126– 134.

10. Пирс Ч. С. Из работы «Элементы логики. GrammaticaSpeculativa» // Семиотика: Антология / Сост. Ю. С. Степанов. Изд. 2-е, испр. и дор. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. С. 165–226.

11. Степанов Ю. С. В мире семиотики // Семиотика: Антология / Сост. Ю. С. Степанов. Изд. 2–е, испр. и дор. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. С. 2–42.

12. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Академический Проект, 2004.

13. Хахалова С. А. возможности применения дискретной фрактальной парадигмы в исследованиях по метафоре // Вестник ИГЛУ. Сер. Филология. 2008. № 4. С. 96–101.

14. Якобсон Р. В поисках сущности языка // Семиотика: Антология / Сост. Ю. С. Степанов. Изд. 2–е, испр. и дор. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. С. 111–126.

15. CDAE – Cambridge Dictionary of American English. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 1069 p.

16. Hochberg J. E. Perception. Englewood Cliffs, N. J.: Prentice-Hall, 1964. P. 361–364.

17. Hornby A. S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Oxford: Oxford University Press, 1988. 1040 p.

18. Mandelbrot B. The Fractal Geometry of Nature. N. Y., Freeman, 1983. 468 p.

19. Stone I. Clarence Darrow For The Defense // The Irving Stone Reader. Garden City - N. Y.: Doubleday & Company, Inc., 1963. P. 176–232.

Об авторе

Коваленко Галина Федоровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Тихоокеанский государственный университет, Kovalenkogf@mail.ru

УДК 808.5

КЛЮЧЕВОЕ СЛОВО В СОВРЕМЕННЫХ УЧЕБНИКАХ ПО РИТОРИКЕ

Кудрявцева П. Б.

Рассматривается пять этапов работы над публичным выступлением (от первичного формулирования темы до его произнесения на публике) в их связи с идеей ключевого слова. Постулируется, что ключевые слова образуют систему и формируют смысловое ядро текста, что позволяет рассматривать их как неотъемлемую часть любого риторического произведения. Освещаются результаты анализа более 20 учебников и учебных пособий (разных авторов и годов издания) для четырех групп обучающихся. Перечисляются наиболее яркие особенности тактик выделения и практического применения ключевых слов в практической риторике. Делается вывод о том, что ключевое слово является средством, формирующим вокруг себя целый спектр методических приемов, способных эффективно обучить базовым принципам риторики всех желающих, независимо от возраста и социального статуса.
Ключевые слова: риторика, ключевое слово, методика преподавания, риторический канон, практическая риторика, учебные пособия, смысловая веха, гармонизирующая речь.

KEYWORD IN MODERN RHETORIC TEXTBOOKS

Kudryavtseva P. B.

The study examines five stages of creating a public speech (from the first formulation of its topic to delivering the speech in public) in relation to the keyword concept. The author states that keywords constitute a system and form a semantic core of the text which makes it possible to consider them as an essential part of any rhetorical work. The results of the analysis of more than 20 textbooks and study guides (different authors and publication dates) for 4 learning groups are covered. The article considers the most salient features of strategies for marking out keywords and provides examples of practical application of keywords in rhetoric. The author concludes that a keyword is an effective means of developing a whole range of methods of teaching the basics of rhetoric to anyone regardless of their age and social status.
Keywords: rhetoric, keyword, teaching methodology, rhetorical canon, practical rhetoric, learning materials, pivot words, harmonizing speech.

В современном мире риторические навыки и умения становятся необходимыми, ведь массовая коммуникация приобретает все большее значение в жизни общества. Потребность в грамотном устном изложении своей мысли обусловлена для многих не столько профессиональными обязанностями (учителя, адвокаты, политики и др.), сколько обилием бытовых ситуаций (застольная речь, обоснование своей точки зрения перед начальником, самопрезентация и т.д.), требующих от человека искусства красноречия.

Однако не всегда говорящий от природы одарен умением высказать свою мысль так, чтобы она не только была понятна аудитории, но и достигла поставленной оратором цели. В зависимости от ситуации произнесения эта цель может варьироваться, но всякое риторическое высказывание стремится к тому, чтобы стать действенным, способным вызвать прогнозируемую ритором эмоцию аудитории. Здесь необходимо развести такие понятия, как действенность и влиятельность речи. Под последним термином мы, вслед за А. А. Волковым, будем понимать способность риторического высказывания организовывать, объединять и обучать общество [5, с. 7]. Влиятельные высказывания, как правило, содержат созидательное начало, они не встречаются в сфере бытового общения и редки в среде профессиональных риторов. Поэтому учебные издания по риторике последних десятилетий обычно ставят своей целью сформировать у различных групп учащихся навык создания и произнесения не влиятельных, но эффективных речей. Этой точки зрения придерживается большинство специалистов по речевой коммуникации, которые считают эффективным такое общение, в ходе которого потеря информации трех типов (понятийно-логическая, оценочная, эмоциональная) в процессе ее передачи от говорящего к слушающему минимальна [14, с. 37]. Тем не менее, по мнению А. К. Михальской, при постановке педагогических целей необходимо ориентировать учащихся прежде всего на создание гармонизирующей речи — риторического идеала, сложившегося в истории отечественной культуры. Эта позиция заставляет задуматься о важности гармонизации отношений между адресатом и адресантом, которые по сути своей напоминают известную модель кодирования и декодирования сообщения, где кодирующее устройство адресанта противопоставляется декодирующему адресата. «Протоколом» в этой модели будут ключевые слова текста, позволяющие передать основную идею

текста, а основная сложность заключается в отсутствии тождества между процессами кодирования и декодирования информации. Пользуясь одним и тем же инструментарием, адресант и адресат обращают внимание на различные функции ключевых слов в тексте, что приводит к несимметричности отношений между участниками риторического акта [11, с. 64].

Являясь неотъемлемой частью риторического выступления, ключевые слова образуют систему и формируют смысловое ядро текста. Именно поэтому для многих исследователей система ключевых слов представляет собой некий «клубок» смыслов, разматывание которого может быть обозначено как интерпретация текста посредством их структурно-семантического анализа [2, с. 143]. Таким образом, мы приходим к выводу, что, несмотря на разнообразие подходов к определению, методике выделения, интерпретации полученных результатов, в самом широком смысле **ключевое слово** можно рассматривать как маркированный член оппозиции «ключевой-неключевой элемент», являющийся вербальным выразителем главной мысли и/или задачи речи.

В ходе работы над статьёй было рассмотрено более 20 учебников и учебных пособий по риторике и культуре речи разных авторов и годов издания. Адресаты этих изданий — это и будущие специалисты по риторике, и студенты гуманитарных специальностей, и школьники, и просто заинтересованные в усовершенствовании своих риторических навыков читатели. Подобная неоднородность позволила нам условно разделить все рассматриваемые издания на четыре группы:

1) **Учебники для школьников среднего и старшего возраста.** К ним отнесем, например, учебник по риторике за авторством М. Р. Львова (1995 год издания), «Риторику для 10-11 классов» В. И. Аннушкина (2012 год издания), курс «Риторика» для 9 и 10 классов под редакцией Т А. Ладыженской (2012, 2002 год издания), «Риторика в интеллектуальных играх и тренингах» Д. Х. Вагаповой (2001 год издания).

2) **Учебники и учебные пособия для обучающихся в высших учебных заведениях.** Здесь стоит упомянуть такие издания, как «Основы риторики» А. А. Волкова (2005 год издания), «Риторика. Кредитно-модульный курс» И. Б. Ивановой (2012 год издания), «Практическая риторика» И. А. Стернина (2007 год издания), «Риторика. Учебник для бакалавров» под общей редакцией профессора В. Д. Черняк (2015 год издания), «Риторика и культура речи» Л. А. Введенской и Л. Г. Павловой (2012 год издания), «Риторика» под общей редакцией С. И. Володиной (2014 год издания).

3) **Учебные пособия для всех заинтересованных.** Здесь отметим такие издания, как «Дорога к слову» А. А. Росинской (2012 год издания), «Риторика, или русское красноречие» Д. Н. Александрова (2014 год издания).

4) Кроме того, в отдельную группу нами были выделены **научно-популярные издания по риторике**, такие как «Вам слово! Выступление без волнения» Нины Зверевой (2013 год издания), «Популярная риторика» Л. В. Смехова (2011 год издания), «Впечатляющая речь. 51 подсказка оратору» А. Сударкина (2017 год издания).

Большинство из вышеупомянутых авторов также разделяет всю лексику риторического произведения на две группы, ориентируясь при этом на признак маркированности. На наш взгляд, это несколько упрощает реальную структуру текста, но в то же время облегчает восприятие учащимися его дихотомической модели. Сразу отметим терминологические расхождения среди авторов учебников и пособий: взяв за основу признак маркированности лексических единиц, далеко не все из них оперируют термином «ключевое слово». Терминологические расхождения вообще характерны для этой единицы текстового анализа. Из-за того, что данный термин использовался в различных областях знаний (риторическая критика, литературоведение, текстология, психолингвистика и др.), никем и никогда не была сформулирована единая его трактовка. Каждый учёный по-своему определял понятие «ключевое слово», говоря только о тех свойствах, которые затрагивали сферу его научных интересов. С одной стороны, это усложнило понимание термина, сделав его неоднозначным. С другой стороны, разнообразие трактовок позволило рассмотреть такое количество свойств ключевого слова, которое невозможно было бы выделить силами одной научной дисциплины.

Так, например, в рассматриваемой нами книге А. А. Росинской «Дорога к слову» все языковые единицы риторического текста подразделяются на группу значимых слов, которая несет основную смысловую нагрузку, и группу вспомогательных слов, которая описывает, уточняет, углубляет смысл основных слов [15, с. 104]. В. И. Аннушкин в «Риторике для 10-11 классов» также подразделяет слова текста на

главные и неглавные. «В обычной речи «главные» слова, на которые приходится логическое ударение, выделяются сами собой, автоматически, но у одних людей эти акценты выразительны, а у других «съедаются» в словесном потоке и не слышны. Задача для говорящего или читающего здесь одна — решить, какое слово основное, выражающее главную «новую» мысль. Все другие слова не «главные», поэтому они пусть произносятся ясно, но несколько однообразно, а логическое ударение выделяет именно «главное» слово, ведь в нём как раз проявляется всё интонационное богатство произнесённой фразы» [1, с. 147]. Как мы видим, здесь восприятие идеи ключевого слова (которое автором называется «главным») помогает учащемуся правильно расставить интонационные акценты в произносимом тексте.

Эти два примера подталкивают нас к постановке важнейшего вопроса статьи — как изменяется интерпретация идеи ключевого слова в рамках практической риторики на различных этапах создания риторического произведения. Мы приведём наиболее интересные закономерности и выводы, которые не претендуют на полноту, являясь лишь иллюстративными примерами, позволяющими сделать вывод о необходимости более детальной проработки данного материала.

1. Инвенция (изобретение). Основным для данного этапа работы с текстом является понятие пропозиции (главной идеи, которую ритор намеревается высказать публично). Опираясь на ранее сформулированное определение, мы можем заключить, что ключевое слово органически связано с тезой речи. Как правило, современные пособия по риторике рекомендуют не только вербализовать центральную мысль, но и многократно повторить ее в наиболее сильных частях выступления — вступлении и заключении [16, с. 131]. Что до характеристики самих лексем, входящих в состав тезы и выражающих предмет и предикат речи, то здесь мнения разнятся: одни авторы предлагают избегать абстрактную, обобщающую лексику при формулировке мысли, руководствуясь принципом наглядности [18, с. 34], другие рекомендуют обращаться именно к абстрактным понятиям, выражающим ценности слушателей, чтобы достигнуть единства с аудиторией [19, с. 13-14]. Возражение против употребления в тезе речи слов с расплывчатым содержанием встречаем и у А. К. Михальской, которая отмечает их полемический потенциал в дискуссии, могущий привести к подмене тезиса оппонентом [14, с. 422-423]. Несмотря на эти противоречия, сделаем вывод о необходимости четкой формулировки тезы на этапе инвенции, о важности отбора лексических средств, в неё входящих, а также о том, что предмет речи, выраженный в пропозиции вербально, почти наверняка станет одним из ключевых слов текста.

2. Диспозиция (расположение). Композицией речи в теории риторики называют такое построение выступления, при котором отдельные его части соотносятся друг с другом и формируют единую структурную схему текста, сообразную с его содержанием, жанром, типом аудитории. Композиционные особенности напрямую связаны с развитием главной темы выступления, поэтому в большинстве учебников особое внимание уделяется формированию навыка составления плана речи. Так, например, в учебнике «Риторика и культура речи» Л. А. Введенской и Л. Г. Павловой учащимся предлагается составлять рабочий план текста, пунктами которого «бывают не только законченные, но и незаконченные предложения, а также предложения и даже отдельные слова» [4, с. 271]. Именно на этом этапе работы предмет речи вовлекается в целый спектр внутритекстовых и ассоциативных отношений с другими лексемами. Ведь сам феномен ключевого слова можно трактовать и как «слова, носители определенных значений, смыслов, характеризующие предмет мысли, его признаки, и как служебные слова, выразители внутритекстовых … связей» [По: 10, с. 39]. Подобное понимание ключевого слова в рамках практической риторики интерпретируется и в упражнениях на создание отрицательного и положительного денотатного графа, что помогает ученикам на собственном опыте понять важность последовательного вербального выражения главной идеи текста [3, с. 142-143]. Эту же цель ставят перед собой задания, направленные на формирование навыка создания смысловой схемы речи с помощью смысловых вех [14, с. 197]. Заметим, что термин «смысловая веха» встречается в трудах психолингвистов и нередко замещает термин «ключевое слово».

Кроме того, еще раз напомним о важнейшей роли вступления и заключения в построении речи. На это обращают внимание все авторы учебников, предлагая следовать закону края, который рекомендует проговаривать основную идею текста и в начале речи, и в завершении выступления. В некоторых пособиях эта

идея углубляется, и распределение ключевых слов напрямую связывают с его логической моделью (индуктивной или дедуктивной): если выступление строится индуктивно (от аргументов, фактов к выводу), то во вступлении и в основной части надо упомянуть ключевые слова, а в конце основной части и заключении — полный тезис речи; если выступление строится дедуктивно (от тезиса к аргументам), то главный тезис должен прозвучать в конце вступления, в первой трети основной части и в заключении, а в главной части обязательно должны фигурировать ключевые слова из этого тезиса [6, с. 129].

3. **Элокуция (стиль).** Элокуцией называют завершающий этап работы с риторическим произведением, в рамках которого ритор использует комплекс средств словесного выражения замысла. Слова, составляющие высказывание, в совокупности создают образ ритора, предмета речи и аудитории [5, с. 259, 265]. Так, например, И. Б. Иванова связывает идею ключевого слова с одним из важнейших компонентов образа ритора — логосом. Следуя в своих рассуждениях за Аристотелем, она последовательно доказывает учащимся устойчивую связь слова и мысли. И. Б. Иванова отталкивается от разведения поверхностного и глубинного понимания текста, где последнее является уровнем смыслов единиц, составляющих высказывание, в условиях определенных дискурсов (ситуаций, социальных позиций) [9, с. 188]. Автор учебного пособия не только привлекает понятийный аппарат герменевтики, но и обосновывает с его помощью важность правильного выбора лексических средств, их ключевую роль в риторическом тексте, ведь «сознание человека есть принципиально важное для риторики свойство, оно воплощает логику с помощью языковых средств, они же принципиально не укладываются в логические операции. А потому понимание текста происходит не столько на уровне логики, сколько на уровне языка» [9, с. 188-189].

Методически иного подхода придерживается М. Р. Львов. Говоря о выборе слов, он акцентирует внимание на коммуникативной цели предстоящей речи и указывает будущим риторам на необходимость поиска таких лексических средств, которые бы точно соответствовали мысли, замыслу, были бы понятны слушателям, возбудили бы их интерес и воздействовали бы на их чувства [Львов:49]. Кроме того, он отмечает фактор стилистической целесообразности выбора лексем, что подталкивает его к введению особой единицы текста — сложного синтаксического целого [13, с. 62]. Эти компоненты текста должны восприниматься учащими как организованное целое единство, обладающее особой структурой и внутренними связями. Эта трактовка отсылает нас к наработкам в области неориторики и лингвистики текста и демонстрирует, что даже в рамках школьной программы риторика быстро адаптирует теоретические концепции для практического применения.

Сразу несколько авторов учебных пособий отмечают необходимость отказаться от нейтральных слов в пользу экспрессивно окрашенных, что позволит привлечь внимание к теме речи. «Публика не питает интереса к обычному. Ее интересует все новое, не похожее на старое, однако имеющее к нему непосредственное отношение» [17, с. 197]. Языковые средства в таком случае должны быть чем-то сродни неожиданному повороту сюжета в рамках обсуждения того или иного предмета речи, то есть слушатель должен «зацепиться» за ключевое слово текста. Схожего подхода придерживается в своем учебнике и В. И. Аннушкин: «Всякий ритор должен искать уместный индивидуальный стиль в том виде речи, в котором он участвует волею житейских обстоятельств. При этом, чтобы добиться своей цели, необходимо не пользоваться нейтральными (блёклыми, срединными) словами, а максимально разнообразить и обогащать слововыражение, обращаясь, если это уместно, и к возвышенному стилю, и к самым простым словам» [1, с. 24].

4. Мемория (запоминание). Когда первичная структура текста дополнена богатством лексических средств выражения, ритор начинает следующий этап работы с текстом — меморию. При этом отмечается, что есть несколько способов запоминания: либо оратор заучивает речь наизусть, либо пользуется рабочим планом, составленным на этапе расположения. Очевидно, что во втором случае вербализуется не только теза речи, но и совокупность аргументов, представленных в виде схемы «предмет речи – предикат речи».

Кроме того, авторы учебников и учебных пособий обращают внимание читателей на различные мнемонические тактики запоминания, среди которых мы особо выделим закон «триады», описанный в научно-популярном издании Нины Зверевой «Вам слово! Выступление без волнения». В своей книге она говорит об ограничении количества ключевых мыслей в речи, иначе говоря, о своеобразной триаде ключевых слов текста. «Таково, видимо, свойство нашей

памяти. Легко и приятно запоминать ровно три слова, три понятия, три тезиса, три мысли. Почему-то триады легко воспринимаются и головой, и ушами. Они легко складываются почти что в стих. Четное число — два или четыре — воспринимается много хуже, может быть, потому, что нечетное всегда помогает сделать акцент, то есть наводит на принятие нужного решения. Сначала числитель, потом знаменатель – а затем и результат, который вы искали! Формула поиска решения почти всегда состоит из трех важных компонентов. С одной стороны — вот так. С другой — вот эдак. И значит, мы должны поступить вот так, а не иначе» [2, с. 102]. Эта мысль созвучна и с теорией риторики, где одной из наиболее эффективных является триада «тезис — антитезис — синтез». Подтверждение этому находим и в учебнике И. А. Стернина, где начинающему ритору рекомендуется рассматривать три вопроса, приводить три аргумента, которые лучше усваиваются как оратором, так и аудиторией [18, с. 100].

5. Акцио (представление сообщения публике). Произнесение речи перед публикой является стрессовой для ритора ситуацией. От его психологической устойчивости зависит качество материала, который он представит аудитории. Именно поэтому вербальные и интонационные средства передачи главной мысли речи приобретают решающее значение. Это было известно еще в Древнем Риме, где один из выдающихся учителей красноречия Марк Фабий Квинтилиан сформулировал принцип ясности речи, который требовал от оратора такого произнесения текста, чтобы даже невнимательный слушатель уловил суть вопроса, освещаемого ритором. Для этой же цели современные учебники предлагают пользоваться разнообразными приемами выделения основной идеи риторического высказывания. К примеру, одним из эффективных способов акцентирования внимания является риторический вопрос. В начале нашей статьи мы уже отмечали, что ключевое слово является маркированным членом оппозиции. Риторический вопрос, равно как и риторическое восклицание, также воспринимаются аудиторией как нечто маркированное, выходящее за пределы «обычного» текста. Поэтому нередко ключевое слово вводится в речь именно через эту фигуру диалогизма. Однако важно помнить, что «тема, поставленная в начале выступления риторическим вопросом, должна далее быть немедленно развита, конкретизирована другими, частными риторическими вопросами или аргументами; одиночный риторический вопрос выглядит часто слишком декларативно» [18, с. 110].

Итак, нами было рассмотрено пять этапов работы над публичным выступлением, от первичного формулирования темы до его произнесения на публике. Проанализировав разнообразные учебники и учебные пособия по практической риторике, мы можем заключить, что идея ключевого слова так или иначе пронизывает все эти этапы. Иногда трактовки того или иного методического принципа не вызывают разногласий среди авторов, иногда в учебниках отстаиваются противоположные точки зрения. Одно можно сказать наверняка: ключевое слово — это не только предмет исследования многих учёных, которые хотят как можно детальнее изучить данный инструмент текстового анализа, но и средство, формирующее вокруг себя целый спектр методических приемов, способных более эффективно обучить азам риторики всех желающих, независимо от возраста и социального статуса.

Список литературы

1. Аннушкин В. И. Риторика: 10-11 классы: пособие для учащихся общеобразовательных учреждений. М., 2012. 239 с.

2. Антипенко Е. М. Правила семантического вывода в текстах художественной литературы (на материале романов Дж. Фаулза «Коллекционер», «Маг» и «Женщина французского лейтенанта»). М., 2000. 196 с.

3. Вагапова Д. Х. Риторика в интеллектуальных играх и тренингах. М.: Цитадель, 2001. 460 с.

4. Введенская Л. А., Павлова Л. Г. Риторика и культура речи. Ростов-на-Дону: Феникс, 2012. 537 с.

5. Волков А. А. Основы риторики. М., Академический Проект, 2005. 304 с.

6. Володина С. И. Риторика. М., Проспект, 2014. 280 с.

7. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов: Изд. 5-е, испр-е и дополн. Назрань, 2010. 488 с.

8. Зверева Нина. Вам слово! Выступление без волнения. М., 2013.

9. Иванова И. Б. Риторика: кредитно-модульный курс: учебное пособие для бакалавров. М., 2012.

10. Корытная М. Л. Роль заголовка и ключевых слов в понимании художественного текста. Тверь, 1996.
11. Кудрявцева П. Б. Ключевое слово как инструмент анализа текста // Риторика. Семиотика. Языкознание. Сборник статей к 70-летию профессора А. А. Волкова. М., Добросвет, 2016. С. 56-65.
12. Кудрявцева П. Б. Ключевые слова как инструмент формирования образа ритора в эпидейктической речи // Вестник Брянского государственного университета. 2017. №1(31). С. 292-296.
13. Львов М. Р. Риторика: учебное пособие для учащихся 10-11 классов. М., 1995.
14. Михальская А. К. Русский язык: Риторика. 10-11 кл. М.: Дрофа, 2011, 491 с.
15. Росинская А. А. Дорога к слову. Учебное пособие. М., 2012.
16. Смолененкова В. В. Основы риторической критики. М., 2012. 188 с.
17. Сопер Л. Поль. Основы искусства речи. М., 2005.
18. Стернин И. А. Практическая риторика: М.: Издательский центр «Академия», 2008. 272 с.
19. Сударкин А. Впечатляющая речь. 51 подсказка оратору. СПб.: Питер, 2017. 112 с.

Об авторе

Кудрявцева Полина Борисовна — аспирант Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, филологический факультет, pbkudryavtseva@gmail.com

УДК 81-23

НАЦИОНАЛЬНЫЕ МЕНТАЛИТЕТЫ РУССКИХ И АМЕРИКАНЦЕВ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕРМИНОВ КОНСТИТУЦИЙ РФ И США)

Левчук Л.К.

В данной статье рассматривается понятие национальных менталитетов и их выражение в разных языках. Анализ приводится на примере нескольких эквивалентных пар русского и американского английского языков. Основой для изучения сходств и различий данных понятий послужили конституции РФ и США.
Ключевые слова: конституция, РФ, США, менталитет, языковая картина мира.

NATIONAL MENTALITIES OF RUSSIAN AND AMERICAN (BASED ON THE MATERIAL OF THE RUSSIAN FEDERATION'S AND THE USA's CONSTITUTIONS)

Levchuk L.K.

In this article the concept of national mentalities and their manifestations in different languages is discussed. The analysis is developed on the example of several equivalent Russian and American English pairs. Constitutions of the Russian Federation and the USA formed the basis of study similarities and differences between these concepts.
Keywords: constitution, the Russian Federation, the USA, mentality, linguistic picture of the world.

Исследование национальных менталитетов и картин мира – вопрос, волнующий исследователей уже не первое десятилетие. Но до сих пор ученые, занимающиеся им, сталкиваются со многими трудностями. Как писала М. К. Голованивская, «исследования менталитета, основанные на объективных данных, то есть на данных языка и особенно лексико-семантической его стороны – тонкая и изощренная процедура, во многом напоминающая «хождение по минному полю». Прежде всего потому, что язык – гибок и многомерен и находящиеся в его поле факты подлежат множественному толкованию» [1, с. 47]. Давно известно, что «…понятийная система этноса неотделима от понятийной системы того языка, на котором этот этнос говорит и пишет» [1, с. 55.] Именно поэтому язык – важнейший материал, который помогает нам изучать особенности характера различных народов, «язык - это мощное общественное орудие, формирующее людской поток в этнос, образующий нацию через хранение и передачу культуры, традиций, общественного самосознания данного речевого коллектива» [2, с. 23]. По мнению М. К. Голованивской, «мировоззренческие системы не совпадают прежде всего в силу несовпадения знаковых систем, языков, которые хранят, отражают, развивают эти системы…мировоззрение и язык…являются неразделимыми и представляют собой менталитет в его целостности» [1, с. 55].

Для начала нужно поподробнее остановиться на понятиях *менталитет* и *ментальность*. Часть исследователей не разграничивает данные термины, используя их как синонимы. Но большинство ученых все же понимают под этими словами разные явления. «Ментальность – это миросозерцание в категориях и формах родного языка, которые соединяют в себе интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях… Менталитет – категория, которая отражает внутреннюю организацию и дифференциацию ментальности, склад ума, склад души народа» [3, с. 49]. Менталитет можно считать «своего рода игрой в ассоциации, устанавливающей между базовыми понятиями для этноса связи, нетривиальные с точки зрения другого этноса» [1, с. 40]. При этом важно помнить, что «...менталитет, будучи явлением умственного порядка, вовсе не идентичен общественному сознанию, а характеризует лишь специфику этого сознания относительно общественного сознания других групп людей» [4, с. 11]. Данные определения показывают, что филологи в своих работах обращаются именно к менталитету, а не к ментальности, поэтому и мы будем придерживаться данной традиции.

Почему же сформировались отличия в национальных менталитетах? Это обусловлено множеством факторов: географическим положением, климатом, культурными нормами, образом жизни народа, государственным устройством… А так как эти отличия так или иначе выражены в языке, то наша задача будет их обнаружить и попытаться объяснить. По мнению С. Г. Тер-Минасовой, «все (или почти все) языковые единицы социокультурно обусловлены. Иными словами, они принадлежат к определенной социокультурной общности в определенное

время и в определенном месте, отражают и формируют культуру и общественной устройство этой общности и поэтому наделены специфическими, присущими данной культуре и данному обществу оттенками значений, коннотациями и особенностями речеупотребления» [2, с. 146]. Здесь мы уже можем говорить о таком понятии, как языковая картина мира, которая «отражает реальность средствами языка, но не прямо, а через культурную картину мира («язык - как зеркало культуры»)» [2, с. 23]. По словам С. Г. Тер-Минасовой, «путь от внеязыковой реальности к понятию и далее к словесному выражению неодинаков у разных народов, что обусловлено различиями истории и условий жизни этих народов, спецификой развития их общественного сознания. Соответственно, различна языковая картина мира у разных народов. Это проявляется в принципах категоризации действительности, материализуясь и в лексике, и в грамматике» [2, с. 24].

В данной работе будут рассмотрены русские и американские термины, употребляющиеся в Конституциях данных стран, проведено сравнение их лексического значения и сочетаемости, после чего можно будет сделать вывод о том, являются ли они аналогами друг другу при переводе и есть ли различия в языковых картинах мира данных народов: «Контрастивный анализ лексики проводится путем сопоставления понятийных эквивалентов» [1, с. 51]. Конституции взяты за основу неслучайно: «Социальная регуляция поведения людей осуществляется с помощью различных механизмов. Ведущее по силе воздействия место занимают в этом ряду существующие законы, начиная с конституции государства и заканчивая уголовным кодексом. Санкции за невыполнение законов наиболее строги...» [4, с. 191]. Именно в этих документах отражена социальная жизнь людей данного государства, что позволяет проследить ее через текст. Ведь «...картины мира за пределами их целенаправленного описания существуют в скрытом, неосознаваемом виде в текстах, производимых в данной культуре. Анализ текстов позволяет реконструировать картину мира определенной культуры» [4, с. 258]. Как и М. К. Голованивская, мы «описывали слова в двух языках, утверждая эти слова взаимными периодическими эквивалентами, и через них пытались разглядеть особенности менталитетов, выработавших и давших дальнейшую жизнь тем понятиям» [1, с. 14].

Первая сложность подобного анализа – правильно выбрать нужные слова для сравнения. Здесь мы последуем примеру М. К. Голованивской: «В нашем исследовании мы описывали только существительные, исходя из весьма спорного интуитивного представления о том, что именно существительное «конденсирует» в себе первоначальные опорные точки представлений, из которых дальше может строиться система взглядов, структура менталитета. Это не означает, что глаголы или предлоги не годились бы для нашей цели, однако выбор так или иначе сделать было необходимо, да и энциклопедические словари, представляющие ту или иную произвольную сферу знаний, поддержали нашу интуитивную выборку: представление любой сферы знаний происходит на девяносто процентов при помощи растолковывания понятий, выраженных существительными» [1, с. 14].

Первым понятием, которое мы рассмотрим, является *личность*. «В современной русской жизни личность – слово, скорее, второго плана, принадлежность интеллигентской речи; в общем же языке оно передало свое основное концептуальное значение слову человек. Так, говорят о правах человека, скорее, чем о правах личности…в этом вытеснении слова личность словом человек нужно видеть наследие не столько европейского гуманизма, сколько советского прошлого» [5, с. 696]. И действительно, оно менее частотно в Конституции Российской Федерации, чем слово *человек* (2 и 24 словоупотребления соответственно). Как считает Ю. С. Степанов, «главным термином, со времен «Русской Правды» и до конца XVII в. остается лицо (лице). Через посредство прилагательного, не от него, но к нему образованного, личный, в XVIII в. утверждается личность, которое и связывается с концептом «Личность» в это время. Внутренняя история этого слова не так проста, как может показаться на первый взгляд. Прилагательное личный, личьныи образовано, собственно говоря не от русского лице, а от церковнославянского ликъ…» [5, с. 714]. Само понятие *личность* «несет в себе как бы следующий тезис: индивидуальность человека, его неповторимость связана с его индивидуальным внешним ликом, обликом» [5, с. 715].

Американский эквивалент русского понятия личность – *person*, однако он включает в себя не только значение *личность*, но и значение *человек*. Почему же в русском языке эти понятия выражены отдельными лексемами, а в

английском для этого используется лишь одна? Для русского сознания *личность* стоит выше *человека*. При этом *личность* составляет как бы естество человека, его натуру. Если *человеком* можно стать, просто родившись, то *личность* должна сформироваться в процессе взросления (в современном русском языке часто встречаются выражения «*формирование личности*», «*становление личности*», «*развитие личности*»). В английском же *person* изначально включает в себя оба аспекта, человек и личность здесь неразделимы, в языке даже нет возможности существования одного отдельно от другого. А так как это понятие заменяет целых 2 русских слова, то и частотность в его тексте очень велика – оно встречается в Конституции США 49 раз.

Выше уже было сказано, что на формирование национального менталитета оказывает влияние множество факторов. Не последнюю роль здесь играет и географическое положение: «Климатические и географические факторы, воздействовавшие на сознание россиян, огромная вытянутость территории России вдаль, сильно отличаются от европейских. Прежде всего, огромная территория России не является средой, хорошо проводящей информацию. Российская география непосильна для человека, реки, горы, тысячекилометровые расстояния, тяжелый климат, - все это разделяет этнос, вырастает на его пути, как стена. Огромные масштабы, на которых теряется человек, вся палитра климатов…все это только усугубляет островной эффект сознания россиянина…» [1, с. 67]. Что же касается США, то картина здесь принципиально иная. Относительно молодая страна, «объединившая в себе множество идей, никогда не воспринималась как содержательная провинция. Напротив, впитав в себя европейские социально-мировоззренческие концепты во всем их многообразии, наравне с латиноамериканскими, иудейскими, индейскими и так далее, США превратили этот коктейль в гремучую смесь, мощно воздействующую на все относительно старые цивилизации. Америка, опирающаяся на энергичных эмигрантов, выстраивала свою государственность и ментальность без строгого арбитража элит, одна из функций которых следить за соблюдением социо-культурных смыслов во вновь возникающих контекстах» [1, с. 65-66].

Обратимся теперь к понятию *суд*. *Суд* в русском сознании является выражением высшей справедливости, будь то высший суд (божественный) или суд государственный, как в Конституции. По словарю Д. Н. Ушакова, суд – это «1. Мнение, суждение, заключение (книжн.). 2. Орган, ведающий разрешением споров в области гражданских правоотношений и рассмотрением уголовных дел. 3. Разрешение и рассмотрение таких дел этим органом, а также (прежде) различными учреждениями или лицами, имеющими право на это. 4. Организация, система, порядок рассмотрения правовых споров и дел о правонарушениях. 5. Судебное заседание» [6]. В Конституции Российской Федерации данное слово встречается 64 раза, причем в разных значениях:

1. *Государственную власть в Российской Федерации осуществляют Президент Российской Федерации, Федеральное Собрание (Совет Федерации и Государственная Дума), Правительство Российской Федерации, суды Российской Федерации.* (ст. 11)

1. Все равны перед законом и судом. (ст. 19) [7]

В Конституции США мы можем наблюдать другую картину. Там, где в русском языке используется один термин, в английском их несколько. В Конституции США используются слова trial и court. Trial имеет значение «A formal examination of evidence by a judge, typically before a jury, in order to decide guilt in a case of criminal or civil proceedings» [8], то есть это судебный процесс, судебное разбирательство. В Конституции данное слово встречается 6 раз:

Judgment in cases of impeachment shall not extend further than to removal from office, and disqualification to hold and enjoy any office of honor, trust or profit under the United States: but the party convicted shall nevertheless be liable and subject to indictment, trial, judgment and punishment, according to law. (Article I, Section 3)

The trial of all crimes, except in cases of impeachment, shall be by jury; and such trial shall be held in the state where the said crimes shall have been committed; but when not committed within any state, the trial shall be at such place or places as the Congress may by law have directed. (Article III, Section 2)[9]

Термин court имеет несколько значений: 1. A body of people presided over by a judge, judges, or magistrate, and acting as a tribunal in civil and criminal cases; 1.1 The place where a court meet [8]. Таким образом, court употребляется для обозначения либо суда как отдельного органа, либо места, где происходит суд. В Конституции США данное слово употребляется 10 раз:

The judicial power of the United States, shall be vested in one Supreme Court, and in such inferior courts as the Congress may from time to time ordain and establish. The judges, both of the supreme and inferior courts, shall hold their offices during good behaviour, and shall, at stated times, receive for their services, a compensation, which shall not be diminished during their continuance in office. (Article III, Section 1)

In all cases affecting ambassadors, other public ministers and consuls, and those in which a state shall be party, the Supreme Court shall have original jurisdiction. In all the other cases before mentioned, the Supreme Court shall have appellate jurisdiction, both as to law and fact, with such exceptions, and under such regulations as the Congress shall make. (Article III, Section 2) [9]

Сопоставление русского понятия *суд* и его английских эквивалентов *trial* и *court* показывает, что в данном случае русское сознание легко справляется с омонимией термина, тогда как в английском требуется другое слово для передачи нового оттенка значения.

Следующая пара слов, которую мы рассмотрим, - это *преступление* и *crime*. Опираясь на данные толковых словарей и примеры из текстов, попытаемся выяснить, являются ли данные слова полными эквивалентами или между ними все же есть семантические различия. *Преступление* - это «1. действие по глаг. преступить-преступать (книжн. устар). 2. Общественно опасное действие (или бездействие), нарушающее существующий правопорядок и подлежащее уголовной ответственности (право). 3. перен. Неправильное, вредное поведение» [6]. Но так как в Конституции представлены лишь общие положения касаемо преступлений (больше информации о них мы можем встретить в различных кодексах), то частотность употребления данного термина сравнительно невелика – в тексте он встречается 14 раз:

Смертная казнь впредь до ее отмены может устанавливаться федеральным законом в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления против жизни при предоставлении обвиняемому права на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей. (гл. 2, ст. 20, ч.2)

Обвиняемый в совершении преступления имеет право на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей в случаях, предусмотренных федеральным законом. (гл. 2, ст. 47, ч.2) [7]

В американской Конституции слово crime встречается и того реже – 9 раз:

The trial of all crimes, except in cases of impeachment, shall be by jury; and such trial shall be held in the state where the said crimes shall have been committed; but when not committed within any state, the trial shall be at such place or places as the Congress may by law have directed. (Article III, Section 2)

A person charged in any state with treason, felony, or other crime, who shall flee from justice, and be found in another state, shall on demand of the executive authority of the state from which he fled, be delivered up, to be removed to the state having jurisdiction of the crime. (Article IV, Section 2) [9]

Термин crime имеет значение «1.An action or omission which constitutes an offence and is punishable by law; 1.1[mass noun] Illegal activities; 1.2 An action or activity considered to be evil, shameful, or wrong». [8] Таким образом, получается, что понятия преступление – crime действительно являются эквивалентами, хотя подобные полные соответствия в разных языках можно встретить нечасто.

Но стоит отметить, что в тексте, наряду с crime, употребляется еще термин felony – «a crime regarded in the US and many other judicial systems as more serious than a misdemeanor» (то есть он обозначает более серьезный проступок, нежели crime) [8]. В Конституции он встречается всего трижды:

The Senators and Representatives shall receive a compensation for their services, to be ascertained by law, and paid out of the treasury of the United States. They shall in all cases, except treason, felony and breach of the peace, be privileged from arrest during their attendance at the session of their respective Houses, and in going to and returning from the same; and for any speech or debate in either House, they shall not be questioned in any other place. (Article I, Section 6)

To define and punish piracies and felonies committed on the high seas, and offenses against the law of nations. (Article I, Section 8)

A person charged in any state with treason, felony, or other crime, who shall flee from justice, and be found in another state, shall on demand of the executive authority of the state from which he fled, be delivered up, to be removed to the state having jurisdiction of the crime. (Article IV, Section 2) [9]

В данном случае английский язык требует от своих носителей более точной информации о ситуации, нежели русский язык. В русском же здесь используется более описатель-

ный способ: чтобы уточнить термин, достаточно употребить его вместе с прилагательным или уточняющими словами («уголовное преступление», «тяжкое преступление» и т.д.).

Особый разряд преступлений, выделяемый как в Конституции Российской Федерации, так и в Конституции США, - это *измена*. Причем *измена* в Конституции РФ рассматривается лишь в одном значении – поступок главы государства по отношению к своей стране. *Измена* в толковом словаре описывается как «1. Предательство интересов родины, переход на сторону врага, 2. Нарушение верности кому-чему-нибудь» [6]. В тексте термин употребляется дважды:

1.Президент Российской Федерации может быть отрешен от должности Советом Федерации только на основании выдвинутого Государственной Думой обвинения в государственной измене или совершении иного тяжкого преступления, подтвержденного заключением Верховного Суда Российской Федерации о наличии в действиях Президента Российской Федерации признаков преступления и заключением Конституционного Суда Российской Федерации о соблюдении установленного порядка выдвижения обвинения. (Статья 93 гл. 4)

7. Конституционный Суд Российской Федерации по запросу Совета Федерации дает заключение о соблюдении установленного порядка выдвижения обвинения Президента Российской Федерации в государственной измене или совершении иного тяжкого преступления. (гл. 7 ст. 125) [7]

И оба раза термин измена употребляется в сочетании с определением «государственная», остальные же разновидности остаются за пределами внимания составителей данного документа.

В Конституции США мы можем наблюдать другую картину. Treason употребляется не только по отношению главы государства, но и по отношению ко всем гражданам:

The President, Vice President and all civil officers of the United States, shall be removed from office on impeachment for, and conviction of, treason, bribery, or other high crimes and misdemeanors. (article II, section IV)

Treason against the United States, shall consist only in levying war against them, or in adhering to their enemies, giving them aid and comfort. No person shall be convicted of treason unless on the testimony of two witnesses to the same overt act, or on confession in open court. (article III, section III)

A person charged in any state with treason, felony, or other crime, who shall flee from justice, and be found in another state, shall on demand of the executive authority of the state from which he fled, be delivered up, to be removed to the state having jurisdiction of the crime. (article IV, section II) [9]

И здесь важно посмотреть на толкование слова treason: 1[mass noun] The crime of betraying one's country, especially by attempting to kill or overthrow the sovereign or government, 1.1 The action of betraying someone or something, 1.2 [historical] The crime of murdering someone to whom the murderer owed allegiance, such as a master or husband. [8] Сразу же бросается в глаза разница акцентов в русском и английском эквивалентах: если русское понятие подразумевает предательство родины и переход на сторону врага, то английское уточняет это значение и показывает, что под предательством страны здесь понимается попытка убийства или свержения управляющих государством людей. То есть в английском государство и люди, управляющие им, равнозначны, тогда как русскому сознанию присуща соборность, поэтому здесь даже используется не нейтральное слово государство, а более эмоциональное - родина.

Язык способен показать нам, каким образом видят мир представители того или иного народа. Конечно, здесь предстоит еще очень большая работа, ведь чтобы описать мировоззрение народа, нужно взять во внимание весь массив текстов, созданных на данном языке. Но сейчас этой темой интересуется все больше и больше ученых, поэтому можно надеяться, что через какое-то время появятся подобные описания менталитетов различных народов.

Список литературы

1. Голованивская М. К. Ментальность в зеркале языка. Некоторые базовые мировоззренческие концепты французов и русских. М.: Языки славянских культур, 2009. 374 с.

2. Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур. М.: Слово, 2008. 344 с.

3. Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2007. 208 с.

4. Ментальность россиян (Специфика сознания больших групп населения России). М.: Имидж – Контакт, 1997. 478 с.

5. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2001. 990 с.

6. Толковый словарь русского языка. Под ред. Д. Н. Ушакова. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ushakovdictionary.ru/ (дата обращения: 21.02.2017)

7. Конституция РФ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 20.02.2017)

8. English Oxford Living Dictionaries. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://en.oxforddictionaries.com/ (дата обращения: 20.02.2017)

9. Конституция США. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.uznal.org/constitution.php?country=United_States_of_America&constitution=102&language=e (дата обращения: 21.02.2017)

Об авторе

Левчук Лора Константиновна – аспирант, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, loralevchuk@yandex.ru

УДК 81'37; 81'42

СЕМАНТИКА ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОСТИ В СОДЕРЖАНИИ КОНЦЕПТА «СКУКА»

Маханова Г.Е.

Рассматриваются средства экспликации экзистенциальной семантики, в соответствии с которой концепт получает метафизическое измерение; устанавливаются некоторые признаки, позволяющие судить о специфике культурно-ментально-языкового образования, стоящего за именем «Скука».
Ключевые слова: концепт «Скука», экзистенциальный аспект, когнитивные признаки, репрезентанты.

SEMANTICS OF THE EXISTENTIALITY OF THE CONCEPT "BOREDOM"

Makhanova G.E.

The means of explication of existential semantics are considered, according to which the concept receives a metaphysical dimension; Certain signs are established that allow one to judge the specificity of the cultural-mental-language education behind the name "Boredom".
Keywords: the concept "Boredom", existential aspect, representants of the concept, cognitive signs.

Концепт как капсула для хранения социально значимой информации о мире представляет эти знания в различных языковых формах – лексических, морфологических, синтаксических. Свойства явлений и предметов действительности запечатлены в микрокомпонентах информационной структуры – концептуальных признаках, которые эксплицируются через языковые значения. Выяснение того, как отражено в семантике единицы национально-специфическое восприятие народом фрагмента действительности, – основная задача семантико-когнитивных описаний [Подробнее об этом: 5; 6].

В числе средств вербализации концепта «Скука», высвечивающих некоторые метафизические составляющие в русской языковой картине мира, – фразеологизмы. По меткому высказыванию Ф.И. Буслаева, они представляют собой своеобразные микромиры, которые содержат «и нравственный закон, и здравый смысл, выраженные в кратком изречении, которые завещали предки в руководство потомкам» [4, с.82]. Поэтому во фразеологизмах национально-культурное своеобразие проявляется ярче, чем в собственно лексических средствах.

Источником языкового материала послужило наследие А.П.Чехова [14], представляющее лингвокогнитивный интерес в связи с частотностью ключевой лексемы и ее мировоззренческой нагруженностью.

Понятийное ядро микрообласти концепта помогают очертить философские дефиниции. Так, Н.А. Хамитов определяет “скуку” как «чувство усредненного и обезличенного существования, переживания отсутствия полноты жизни, отсутствия ее смысла. В скуке перед нами распахивается бездна бессмысленности обыденного бытия. Поэтому мы всегда спешим уйти от скуки в состояния иллюзорной или действительной полноты жизни» [8, с.153-154].

Среди данных лингвистических словарей с экзистенциальной семантикой в большей степени соотносится значение (по толковому словарю В.И. Даля): «тягостное чувство от косного, праздного, недеятельного состояния души» [2, т.4, с.212].

В контексте прямой речи совершенно очевидно, что за лежащим на поверхности общеизвестным значением “скуки” скрыт глубинный семантический комплекс. Так, в письме к Максиму Горькому находим: *«Мне **скучно** не в смысле Weltschmorz {**мировой скорби** (нем.).}, не в смысле **тоски существования**, а просто скучно без людей, без музыки, которую я люблю, и без женщин, которых в Ялте нет. Скучно без икры и без кислой капусты»* (М. Горькому, 15 февраля 1900 г., Ялта). Таким образом, часть спектра значений концептополя «Скука» входит в семантическую зону «Тоски».

Бытование концепта «Тоска» в русской лингвокультуре характеризуется в исследованиях когнитологов (А. Вежбицкая, Ю.С. Степанов, В.В. Колесов, А.Д. Шмелев и др.) многими чертами, среди которых чувство безнадёжности и безысходности, глубокой подавленности, пессимистичности, безразличия к окружающему миру и т.п. Словарные определения “тоски” даются через описания родственных ей душевных состояний, которыми не исчерпывается глубина концепта. Поэтому лучше всего для “тоски” подходят развернутые описания, предложенные А. Вежбицкой: «*тоска* – это то, что испытывает человек, который чего-то хочет, но не знает

точно, чего именно, и знает только, что это недостижимо. А когда объект тоски может быть установлен, это обычно что-то утерянное и сохранившееся лишь в смутных воспоминаниях: ср. *тоска по родине, тоска по ушедшим годам молодости*. В каком-то смысле всякая тоска могла бы быть метафорически представлена как тоска по небесному отечеству, по утерянному раю» [10, с.92].

Рассмотрим метафизический аспект в концептуализации явления «Скуки», обратившись непосредственно к фразеосредствам его объективации.

Идиомой *сидеть сложа руки* дается оценочно-обобщающая характеристика сложившейся ситуации в обществе. Словарной пометой «экспрес.» уточняется культурная коннотация. Бездействие *(лень)*, моральный упадок (*разврат*) являются последствием всеобщей потери смысла жизни (*скука жизни, неверие*) и целеустремленности, объединяемых признаками «смыслоутрата» и «бесцельность»: *«В наше больное время, когда европейскими обществами обуяли* ***лень, скука жизни*** *и* ***неверие****… когда даже лучшие люди* ***сидят сложа руки,*** *оправдывая свою* ***лень*** *и свой* ***разврат*** *отсутствием определенной цели в жизни, подвижники нужны, как солнце»* (Н.М. Пржевальский (статья Чехова)). Фразеологическая единица в окружении конкретизирующих ее лексических репрезентантов концепта одновременно выступает и семантической частью «Скуки», и ее следствием.

Без смысла как связующей нити жизнь протекает бесцельно, и поэтому скучно, неинтересно, вяло, медленно. В *скуке* оценка такого пустого существования выражается в презрительной коннотации фразеоединицы, являющейся маркером культурной информации: ***«Скучно****… Жизнь проходит так,* ***нога за ногу»*** (разг. пренебр. «очень медленно, еле-еле» [7, с.390]) (Л.С. Мезиновой, 22 января 1899 г., Ялта).

Процессы, протекающие в духовной сфере личности, могут проявляться в подавленности душевного состояния, номинируемого оборотом ***упадок духа,*** в котором закреплено представление о человеке, впавшем в уныние, отчаяние, утратившем бодрость и не находящем ни в чем утешения: *«Когда, наконец, Матвей ушел, он продолжал читать, но уже удовольствия не было, от земных поклонов тяжелела голова и темнело в глазах, и было скучно слушать свой тихий, заунывный голос. Когда такой* ***упадок духа*** *бывал у него по ночам, то он объяснял ею тем, что не было сна, днем же это его пугало…»* (Убийство).

Образная основа фразеологизма соотносится с религиозными представлениями об отчаянии и унынии как о греховных состояниях, связанных с ослаблением веры в Бога или ее утратой, и отражается в противопоставлении верха и низа. В пространственном коде культуры мировосприятие верха ассоциируется с божественным миром, небом, а низа – с подземным царством, преисподней [1].

Содержание «Скуки», как это представлено у А.П. Чехова, напрямую связано с непониманием назначения жизни, отсутствием духовного поиска. В этом как раз проявляется концептуальная связь «Скуки» с жизнью: жизнь, лишенная смысла, заполняется “скукой”. Предельное обобщение наблюдений за человеческим существованием у Чехова в результате выливается в идиому *«скука жизни»,* в которой абсолютизируется душевное состояние [3, с.204]. Очевидна синонимичность данной идиомы *«тоске существования»* (*Мне* ***скучно*** *не в смысле…* ***тоски существования****, а просто скучно…»*).

Концептуализация выражения *«скука жизни»* достигает своего пика в одноименном рассказе, лаконично констатирующем трагизм бегства от одного занятия к другому, заменяющего смысл жизни, невозможность скрыться от разъедающей существование “скуки”. И хотя сам текст не содержит ни слова *скука*, ни однокоренных лексем, он весь пронизан описываемыми смыслами. Кроме этого, приобретению в аксиосфере Чехова выражением «скука жизни» устойчивого статуса способствует неоднократная его реализация в различных контекстах, в которых оно становится одним из центров притяжения смыслов: *«В поисках за правдой люди делают два шага вперед, шаг назад. Страдания, ошибки и* ***скука жизни*** *бросают их назад, но жажда правды и упрямая воля гонят вперед и вперед. И кто знает? Быть может, доплывут до настоящей правды...»* (Дуэль); *«Громадные пространства, длинные зимы, однообразие и* ***скука жизни*** *вселяют сознание беспомощности, положение кажется безнадежным, и ничего не хочется делать, – все бесполезно»* (В родном углу).

На данном этапе описания языкового функционирования концепта «Скука» свидетельствуют об основополагающем значении концепта в мировоззрении человека, что и находит свое выражение в расширении и конкретизации общеязыковой семантемы лексемы-имени. Так, сущность экзистенциальной формы ментального образования формируется

признаками, вбирающими в себя общественные и индивидуальные представления о духовных ценностях. Полагаем, что именно в наличии духовного смысла, интерпретаций «Скуки» как пограничного состояния личности, позволяющего задуматься над законами мироздания, сущностью человеческого бытия, – одно из доказательств универсальности и одновременно национально-культурной специфичности одноименного концепта.

Список литературы

1. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий [Электронный ресурс]/ Отв. ред. В.Н. Телия. М.: АСТ-Пресс книга, 2006. 784 с. URL: http://phrase_dictionary.academic.ru/1623/ падать_духом

2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. М.: Рус.яз. Медиа, 2003. Т.4.

3. Козакова А.А. Концепт «Скука»/ А.А. Козакова // Концептосфера А.П. Чехова: сб. статей. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2009. С. 197–209.

4. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 208с.

5. Пименова М.В. Проблемы когнитивной лингвистики и концептуальных исследований на современном этапе // Ментальность и язык: коллективная монография; отв. ред. М.В. Пименова. Кемерово: КемГУ, 2006. Вып.7. (Серия «Концептуальные исследования»).

6. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2010. 314 с.

7. Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка/ Сост. А.И. Фёдоров. М.: Астрель, АСТ, 2001. 720 с.

8. Хамитов Н.А. Философия человека: от метафизики к метаантропологии. Киев: Ника-Центр, 2002. 334 с.

9. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т./ АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького; редкол.: Н.Ф. Бельчиков (гл. ред.), Д.Д. Благой, Г.А. Бялый, А.С. Мясников, Л.Д. Опульская (зам. гл. ред.), А.И. Ревякин, М.Б. Храпченко. М.: Наука, 1974 – 1983.

10. Шмелев А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М.: Школа «Языки славянской культуры», 2002. 496 с.

Об авторе

Маханова Галина Евгеньевна – кандидат филологических наук, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского

УДК 81-114/2

СПЕЦИФИКА ЭКОНОМИЧЕСКИ КОРРЕКТНОГО ДИСКУРСА

Нечаева Н.А.

В статье анализируется *экономически корректный* дискурс, специфика которого обусловлена выполнением двух коммуникативных задач: фиксации научного знания и его популяризации. *Экономически корректный* дискурс представлен как особый тип текста, который вербализует информацию, подвергшуюся когнитивной обработке. Специфика данного текста связана с особенностями структуры объективированного им знания, являющегося результатом интеграции нескольких видов знания. С этой точки зрения *экономически корректный* дискурс рассматривается как проявление когнитивного процесса концептуальной интеграции, приводящего к созданию интегративного дискурсивного пространства. Данный процесс понимается как результат отображения взаимосвязи исходных дискурсивных пространств, при котором происходит актуализация смысла одного пространства во внутреннем пространстве другого. Эксплицитная и имплицитная репрезентация смыслов, сформированных в процессе интеграции дискурсивных пространств, позволяет выделить в *экономически корректном* дискурсе два типа интеграции — информационную и структурную.

Ключевые слова. Экономический дискурс; интегративное дискурсивное пространство; информационная интеграция; структурная интеграция; эффект опоры.

SPECIFICITY OF ECONOMICALLY CORRECT DISCOURSE

Nechaeva N.A.

The article analyzes economically correct discourse, the specificity of which is conditioned by the fulfillment of two communicative tasks: fixation of scientific knowledge and its popularization. Economically correct discourse is presented as a special type of text that verbalizes information that has undergone cognitive processing. Specificity of this text is related to the peculiarities of the structure of the objectified knowledge, which is the result of the integration of several types of knowledge. From this point of view, economically correct discourse is viewed as a manifestation of the cognitive process of conceptual integration leading to the creation of an integrative discursive space. This process is understood as the result of mapping the relationship of the original discursive spaces, in which the actualization of the meaning of one space in the inner space of another occurs. Explicit and implicit representation of meanings formed in the process of integration of discursive spaces allows us to distinguish in the economically correct discourse two types of integration - informational and structural.

Keywords. Economic discourse; Integrative discursive space; Information integration; Structural integration; Support effect.

Наиболее доступную форму экономического научного знания, способного заинтересовать адресата современным состоянием экономики и перспективами её развития, представляют собой научно-популярные тексты экономического содержания, значение которых особенно возросло в последнее время. Научно-популярный текст рождается в определённой социально-культурной и исторической среде, что в той или иной форме отражается в его содержательной и формальной структурах. Создавая данный текст, автор не просто фиксирует определённые знания в письменной форме, но и включает в данный текст элементы воображаемого диалога с адресатом, стремится реализовать с помощью определённых языковых структур текста свои интенции, довести до адресата определённые прагматические установки [См. 3, с. 67], то есть научно-популярный текст есть результат «целенаправленного процесса распространения и передачи информации, в котором превалирующее значение имеет прагматическая направленность на массового адресата» [14, с. 19].

Когнитивно-дискурсивный подход к данному тексту позволяет охарактеризовать его как особый тип текста, вербализующий информацию, подвергшуюся когнитивной обработке (то есть представляющую концептуализированные и категоризованные результаты человеческого опыта), и представить его как языковое явление, связанное с определенным фрагментом картины мира его автора и отражающее этот фрагмент.

Создавая текст, автор погружается в дискурсивное пространство той науки или того знания, на фоне которого рождается конкретный текст, используя все возможности дискурса с целью аргументированного изложения своих взглядов, предположений, выводов и т.д. Дискурс определяется как «un objet concret, produit dans une situation déterminée sous l'effet d'un réseau de déterminations extralinguistiques (sociales, idéologiques)» / конкретный объект, созданный в определенной ситуации под влиянием ряда экстралингвистических факторов (социальных, идеологических) [C. Fuchs, цит. по 15, с. 15-16].

Интересными представляются выводы о соотношении понятий текста и дискурса, сделанные Е.С. Кубряковой и О.В. Александровой: «Под дискурсом следует иметь в виду именно когнитивный процесс, связанный с реальным рече-

производством, созданием речевого произведения, текст же является конечным результатом процесса речевой деятельности, выливающимся в определённую законченную (и зафиксированную) форму» [7, с. 19-20]. В нашей работе текст и дискурс могут рассматриваться как синонимы с одной позиции, поскольку, как справедливо замечает Е.С. Кубрякова, «общим для анализа текста и дискурса является очень важное для их понимания обращение к декодированию неочевидных смыслов и в том, и в другом» [8, с. 22].

Наиболее ярким и показательным примером существования научно-популярного дискурса является тип дискурса, который, по аналогии с политической корректностью, французский лингвист Лоредана Руссела характеризует как *экономически корректный*, который, по словам автора, «se présente … comme une tendance de la presse à soutenir, volontairement ou involontairement, le modèle économique néolibéral, et à le présenter comme seul modèle possible, comme un modèle unique et «intouchable» [16, с. 46] /представляет собой … тенденцию прессы поддерживать вольно или невольно неолиберальную экономическую модель и представлять её в качестве единственно возможного, уникального и «неприкасаемого» стандарта.

Цель нашего исследования – провести анализ механизма репрезентации экономического знания в *экономически корректном* дискурсе. Данная цель определяет следующие задачи:

1. Установить основные параметры *экономически корректного* дискурса;

2. Выявить дискурсообразующие факторы, определяющие специфику данного типа дискурса.

Экономически корректный дискурс представлен в разнообразных популярных и влиятельных изданиях в рубрике Economie, среди которых мы выбрали самые популярные и влиятельные ежедневные издания, доступные, в том числе, и на интернет-сайтах: Le Monde, Le Figaro. Эти газеты были выбраны, потому что они пользуются заслуженной репутацией и большим авторитетом у читательской аудитории.

Анализ фактического материала показал, что *экономически корректный* дискурс характеризуется, с одной стороны, простой внешней формой презентации материала, а с другой – определённой степенью сложности, что обусловлено выполнением двух основных коммуникативных задач: «фиксации научного знания и его популяризации» [13, с. 198]. Реализация данных задач обеспечивается актуализацией экстралингвистической информации, которая может быть представлена в виде конкретных фактов, представлений, утверждений, образов, ассоциаций, результатов познавательной деятельности человека.

Особенностью данного типа дискурса, который характеризуется одновременно строгостью научного изложения экстралингвистической информации и упрощённым представлением научного знания, является «язык, особая регламентация речи, связанная с представлением о том, что путём «исправления» языка можно повлиять на способ мышления, поведение и действия людей, и изменить таким образом культурную традицию» [9, с. 11]. Это обеспечивает лингвистическую, логическую, смысловую и формально-грамматическую связность, благодаря которой весь дискурс оказывается пронизанным различного рода связями.

Специфика *экономически корректного* дискурса связана с особенностями структуры представляемого им знания, которое, являясь результатом когнитивной деятельности специалиста и неспециалиста, представляет собой интеграцию нескольких видов знания, объективирующего широкий спектр информации о мире. Осмысление и классификация информации, составляющей их социокультурный и индивидуальный опыт, приводит к образованию концептов, категорий, а также концептуальных структур, то есть является многоуровневой операцией формирования знаний. Данный процесс проявляется не одним текстом, но интертекстуально, в комплексном взаимодействии отдельных текстовых конструкций, так или иначе коррелирующих друг с другом, объединенных содержательными, коммуникативными, функционально-целевыми характеристиками.

Очевидно, что при анализе данного типа дискурса на первый план выходит понятие *интеграции*. Понимая под интеграцией, вслед за Н. Н. Болдыревым, «слияние простых единств в более сложные структурные единства» [1, с. 6] (от лат. ‘integer’- ‘полный, цельный’, согласно Логическому словарю-справочнику Н.И. Кондакова – ‘объединение в целое, в единство каких-либо элементов, …в теории систем – состояние взаимосвязи отдельных компонентов системы и процесс, обусловливающий такое состояние’ [6, с. 207]), мы рассматриваем *экономически корректный* дискурс как *явление интеграции лингвистической и экстралингвистической информации, которое представляет собой сложный феномен, главным функциональным назначением которого является осуществление коммуникации между автором текста и его реципиентом, а также отражение*

целей участников коммуникации.

Подобная специфика *экономически корректного* дискурса является проявлением когнитивного процесса концептуальной интеграции, под которой понимается свойство нашего сознания смешивать в рамках дискурса разнообразные концептуальные структуры – *ментальные пространства.* А.И. Новиков характеризует ментальное пространство как психическую сущность, которая непосредственно не наблюдается, но активизируется, как при создании текста/дискурса, так и при его понимании (интерпретации) [10, с. 24]. В основе создания ментального пространства находится импликационная связь двух и более концептуальных структур, основанная на отражении реальных связей, взаимодействий и взаимозависимостей действительности. «Смешение» созданных в дискурсе пространств реализуется благодаря установлению того общего, что есть в исходных пространствах и осуществляется за счёт проекции перехода, часто неосознанного и автоматического, из дискурсивного пространства-источника в дискурсивное пространство-мишень. Взаимодействие этих пространств создает в дискурсе *интегративное дискурсивное пространство,* под которым мы понимаем *результат отображения взаимосвязи исходных дискурсивных пространств, при котором, в соответствии с коммуникативной интенцией, происходит актуализация смысла одного пространства во внутреннем пространстве другого,* что делает текст своего рода «диахронической матрицей» (В.Н. Топоров 1987).

В рамках этого процесса происходит формирование и интеграция различных знаний, что приводит к увеличению объёма информации и интенсивности взаимосвязей и взаимодействий между пространствами. Процесс интеграции *дискурсивного пространства-источника* (ДПИ) и *дискурсивного пространства-мишени* (ДПМ) обеспечивает открытость и гибкость *интегративного дискурсивного пространства* (ИДП), что позволяет проецировать и смешивать, а также добавлять дополнительные пространства ($И_2И_3И_4$...). Данный процесс может быть представлен в следующем виде: ДПМ + ДПИ→ ИДП ($МИ_2И_3И_4$...). Проиллюстрируем это положение на следующем примере:

(1) … *les banques* dont *les marges* tendent à *se réduire comme peau de chagrin* ne peuvent s'en tirer que si *elles gagnent* par ailleurs *sur le volume global* de *leurs prêts* redynamisés par *les taux bas* [17].

Анализ данного интегративного пространства показывает, что в статье представлено взаимодействие дискурсивного пространства-мишени и нескольких пространств-источников. Пространство-мишень объективируется специальными терминами *les banques, leurs prêts, les marges, les taux bas*. Данное пространство транслирует специальное экономическое знание и создает экономический контекст. Знания об определенном фрагменте мира составляют ментальную базу интегрированного пространства-источника, то есть совокупность обязательных знаний и представлений этнического сообщества, которыми обладают все носители того или иного национально-культурного менталитета и языка. В данном примере эти пространства выражены следующими концептами: *tendent à se réduire, gagnent sur le volume global*. Ментальная база этих пространств основана на расширении восприятия обязательного класса объектов и идей, что придаёт этим знаниям рациональный характер, обобщает его и верифицирует, доказывает его истинность. Пространство-источник, отражающее индивидуальное знание, обеспечивается употреблением фразеологического выражения *peau de chagrin,* придающего динамичный характер сообщению и создающего эмоциональный образ научного понятия *банковского кризиса*. Для декодирования информации, передающейся данным пространством, необходимо сопоставление данных понятий с уже известными сущностями, поэтому, чтобы понять его смысл, адресат должен обладать некоторым культурным багажом, читать О. де Бальзака. Таким образом созданное взаимодействием нескольких ментальных пространств интегративное дискурсивное пространство не только транслирует специальную информацию, в которой говорится о банковском кризисе, но и дает оценку этому кризису, добавляя эмоционально-отрицательную модальность созданному дискурсивному пространству, в котором говорится о банках, прибыль которых сокращается как шагреневая кожа.

Исследование фактического материала дает основание полагать, что при интеграции дискурсивных пространств наблюдается явление, связанное с актуализацией одних смыслов, свойственных одному дискурсивному пространству, и нейтрализация других смыслов, свойственных другому дискурсивному пространству. В основе этого явления лежит нерасчленимая противопоставленность *ядра* и *периферии*, *фона* и *фигуры*, *объектов* и *среды,* определяемая некоторыми исследователями как *дефокусирование* [4, с. 70]. Французская школа анализа дискурса использует понятие *эффект опоры* [5].

Смыслы, сформированные в процессе интеграции, могут быть представлены эксплицитно или имплицитно, что позволяет выделить в *экономически корректном* дискурсе два типа интеграции — *информационную* и *структурную.* Информационная интеграция обеспечивает содержательное единство дискурса, при которой фокусируется текстовая структура, содержащая специальную экономическую информацию. Структурная интеграция подчинена информационной и обеспечивает существование дискурса как лингвистического целого.

Информационная интеграция

Информационная интеграция связана с выполнением задачи фиксации научного знания, со смысловым содержанием материала, особой его структурацией и организацией, необходимостью представления известных экономических фактов и явлений. Подобная своеобразная когнитивная программа формирования дискурса строится таким образом, чтобы обеспечить максимально полное декодирование информации адресатом, так как передаваемая информация должна быть структурирована – автор сообщения передаёт адресату информации не беспорядочный набор элементов (pièces de puzzle), но уже составленную из них «картинку», то есть такое распределение и презентацию информации через формальные единицы и структуры, которые не просто соотносятся с ментальными структурами хранения знаний, с экономической картиной мира, но и сами служат для вербализации структур.

При информационной интеграции в *экономически корректном* дискурсе актуализируются ядерные смыслы, транслирующие *специальные знания*, которые полностью соответствуют научному представлению о мироустройстве с экономической точки зрения, они встраиваются в научное знание как его неотъемлемая составляющая и могут рассматриваться как основные, универсальные, а иные, периферийные, прагматически значимые смыслы нейтрализуются, поскольку они не важны для научной категоризации и концептуализации. Анализ исследуемого материала показал, что, в зависимости от коммуникативной интенции, специальная экономическая информация может фокусировать *коллективное, социальное и индивидуальное знание.* Рассмотрим примеры:

(2) Le milliardaire américain George Soros affirme que *“la chancelière allemande Angela Merkel mène l'Europe dans la mauvaise direction*". Il craint une répétition *des erreurs de la crise de 1929*. … Soros préconise de "ranimer la conjoncture dans les Etats européens en crise par *l'injection d'argent* plutôt que de forcer les gouvernements à *réaliser des économies*", affirme-t-il [18].

В (2) примере пространство-мишень, представленное выражениями: *Le milliardaire américain George Soros affirme, Soros préconise* взаимодействуя с пространством-источником, репрезентирующим высказывание американского миллиардера Джорджа Сороса: *“la chancelière allemande Angela Merkel mène l'Europe dans la mauvaise direction",* создает интегративное дискурсивное пространство, функционирующее как одно целое, которое приобретает смысловую структуру, нейтрализуя одни элементы исходных пространств и актуализируя другие. Эффект опоры здесь составляют высказывания, объективирующие *коллективное знание* (о Великой депрессии в Америке): *des erreurs de la crise de 1929*, которое позволяет дать рекомендацию выхода из кризиса для современных государств*: l'injection d'argent* вместо *forcer les gouvernements à réaliser des économies.* Так интеграция двух дискурсивных пространств соотносит созданное дискурсивное пространство с экономической картиной мира;

(3) Le Figaro.- Quel est *le rôle d'un dirigeant*? Bertrand Parmentier.- Le dirigeant réussit son rôle s'il arrive à *être un accoucheur de consensus fort* autour *d'une vision, d'une stratégie et d'une conduite opérationnelle, créatrices de valeur,* dans lesquelles les collaborateurs se reconnaissent [19].

Во (3) примере взаимодействие пространства-источника и пространства-мишени акцентирует экстралингвистическое *социальное знание* и представления коммуникантов, оно отмечено многочисленными терминами и специальными единицами, «приспособленными» к этой области: *le rôle d'un dirigeant, consensus fort, une vision, une stratégie, une conduite opérationnelle, créatrices de valeur*. Как видно из данного примера, язык экономического поведения несёт в самом широком смысле «нравственную идею», и этика управления задумана с точки зрения двух координат: личная этика *(être un accoucheur de consensus fort)* и социальная этика *(une vision, une stratégie et une conduite opérationnelle, créatrices de valeur, dans lesquelles les collaborateurs se reconnaissent)*;

(4) Dans une interview au quotidien allemand FAZ du vendredi 29 mai, la directrice générale du Fonds monétaire international (FMI) Christine Lagarde a confié qu’une sortie de la Grèce de l’euro (*le «Grexit»)* était une *«possibilité»,* qui ne signifierait *«probablement pas» la fin de l’euro* [20].

В (4) примере интеграция двух исходных

дискурсивных пространств фокусирует *индивидуальное знание*, объективируемое выражением *le «Grexit» était une «possibilité», qui ne signifierait «probablement pas» la fin de l'euro,* нейтрализуя непосредственный экономический контекст, в котором говорится о финансовом кризисе в Греции. Эффект опоры создается высказыванием личного мнения директора ВМФ о возможном урегулировании данного кризиса и последствиях этого для зоны евро, выражающее неуверенность в позитивном разрешении данной проблемы выражением *le «Grexit»… ne signifierait «probablement pas» la fin de l'euro,* усиленное наречием *probablement.*

Структурная интеграция транслирует *дополнительную информацию*, связанную не столько с представлением конкретной экономической информации, сколько с семантическим переосмыслением, оценкой данной информации, создавая второй, экспрессивный, эмоционально-окрашенный слой интегративного дискурсивного пространства, что позволяет в полной мере декодировать его смысл. «Именно… прорыв эмоционального, лично переживаемого, собственно субъективного отношения к обозначаемому в высказывании и составляет <…> эффект экспрессивно окрашенного значения» [12, с. 11]. А. Вежбицкая подчёркивает универсальный и интегральный характер эмоций, который определяется их национально-культурной спецификой, отражающей субъективную сферу *homo loquens* [2].

Экспрессивное отражение информации создает «эффект ореола» и всегда связано «с главным субъектом, с *Эго* всего текста, с творящим текст человеком» [11]. Используя предыдущую формулу, создание интегративного дискурсивного пространства может быть дополнено в следующем виде: ДПМ + ДПИ → ИДП ($МИ_2И_3И_4$...) + *X,* где *X* – модусная (эмоционально–оценочная) переменная, которая выражает положительную, нейтральную или отрицательную оценку. Таким образом осуществляется не только передача конкретной информации, но и достигается воздействие на адресата, что объясняется конкретной целью – создать максимально доступное, окрашенное личностным отношением дискурсивное пространство, создающее иллюзию прямого диалога между коммуникантами.

Анализ фактического материала показал, что дополнительная информация в *экономически корректном* дискурсе представлена имплицитно, определённым подтекстом, при котором автор часто лишь обозначает общеизвестные факты, события, явления и т.д., содержание и суть которых имплицируется в расчете на наличие у адресата текста знания о них, для чего используются разнообразные «фигуры переосмысления» (М.Л. Гаспаров 1987), создающие в дискурсе «эффект опоры», придающие ему смысловую целостность, аксиологичность, образность и выразительность, изменяющие его эмоциональную окраску, служащие эффективным средством компрессии, направленной на экономию дискурсивного пространства. Рассмотрим примеры:

(5) *La Berezina boursière* des *banques européennes* cette semaine fait flotter *un inquiétant parfum de crise financière,* qui rappelle à tous le (très) mauvais souvenir de Lehman Brothers. *Les investisseurs* ont à l'esprit toutes les prédictions distillées par *leurs «Doctor Doom», ces oiseaux de mauvais augure*... [21].

В (5) примере дискурсивное пространство-мишень объективируется специальными терминами *banques européennes, crise financière, investisseurs,* транслирующими экономическое знание. Пространства-источники, представленные синтагмами *Berezina boursière, inquiétant parfum de crise financière, «Doctor Doom», ces oiseaux de mauvais augure* передают прагматическую информацию: метонимическое использование слова *la Berezina* во французском языке является не только географическим названием, но и синонимом поражения, полной катастрофы ('échec catastrophique', 'échec total'). Благодаря ассоциативным связям с событиями 1812 года это пространство несет отрицательную коннотацию в данном экономическом контексте - *Berezina boursière* ('биржевая катастрофа'). Кроме того, использование персонажа, имеющего репутацию суперзлодея, *Doctor Doom* (Доктор Дум) из американских комиксов, усилено выражением *ces oiseaux de mauvais augure* ('предвестники беды'). Таким образом созданное интегративное дискурсивное пространство не только транслирует специальную информацию, в которой говорится о финансовом кризисе, но и дает оценку этому кризису, эмоционально-отрицательная модальность которой является доминантой дискурсивного пространства, поскольку несет смысл 'фатального и обидного поражения';

(6) Ce serait un scénario qualifié de *«Frexit»,* une sortie de la France de la zone euro. Un retour vers une souveraineté monétaire et une monnaie nationale *(le franc?)* garantie par une banque centrale autonome se traduirait par une dépréciation de cette nouvelle monnaie vis-à-vis de l'euro [22].

В (6) примере термин *Frexit,* созданный

по типу *Grexit,* вводит в дискурсивное пространство финансового кризиса, который грозит Франции, как в свое время Греции. Эффект опоры создает использование вопроса *le franc?,* благодаря которому автор выражает мнение о возможной новой (старой?) национальной валюте и свою критику отсутствия финансового суверенитета страны. Субъективность, которая транслируется имплицитно, может быть заменена на: *à mon avis, d'après moi, que je considère,* что выражает не столько вопрос, сколько желание и надежду автора на изменение финансового климата в стране;

(7) …des responsables du gouvernement américain …ont dit publiquement en 2007 que *les problèmes sur le marché du subprime* semblaient maîtrisés. [23].

В (7) примере «эффект опоры» создается использованием гиперонима, выражающего более общее понятие *(problème*) вместо гипонима, передающего конкретное понятие *(crise),* что приводит к некоторой неточности, неоднозначности, которая представляет финансовую ситуацию менее трагичной, чем есть в действительности. Автор намеренно использует данный прием для снижения отрицательной модальности дискурсивного пространства, что позволяет представить ипотечный кризис как очередную проблему, которую необходимо решать, но которая не имеет катастрофических последствий. Использование гипо- и гиперонимии может приводить к расширению или сужению смысла дискурсивного пространства, при этом гипонимия предоставляет адресанту конкретную информацию, гиперонимия же характеризуется отсутствием точности, передачей общей информации;

(8) Le directeur financier, Fritz Henderson, a précisé que la *réduction envisagée des coûts de personnel* se ferait via des primes au départ et des plans de retraite anticipée [24].

В (8) примере использование перифраза позволяет назвать объекты, не называя их, хотя идея, к которой отсылает перифраз, легко уловима. Вместо термина *réduction des coûts de personnel,* корректнее было бы употребить *réduction de personnel* или *licenciement.* Фокусирование смысла дискурсивного пространства на термине *réduction des coûts de personnel* изменяет смысл пространства, перспективу представленной проблемы, поскольку если *licenciement* – это проблема для работающих, *réduction des coûts* – это проблема для работодателей.

Таким образом, *экономически корректный* дискурс является особой областью репрезентации научно-популярного дискурса, который характеризуется определённой спецификой, в основе которой лежит создание интегративных дискурсивных пространств, являющихся результатом отображения взаимосвязи исходных пространств, что приводит к актуализации одного смысла во внутреннем пространстве другого. Помимо задачи трансляции научного знания, данный тип дискурса имеет целью оказание воздействия на аудиторию. Использование в *экономически корректном* дискурсе приема дефокусирования, предполагающего перенос семантической доминанты, служит не только эффективным средством компрессии, направленным на экономию текстового пространства, но и создаёт второй, эмоционально-окрашенный слой повествования, что облегчает восприятие и понимание информации.

Список литературы

1. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии // Н.Н. Болдырев. Тамбов: ТГУ, 2001. 123 с.

2. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языка. М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. С. 268-284.

3. Дроздова Т.В. Научный текст и проблемы его понимания: дис. … докт. филол. наук. 10.02.19, 10.02.04. М., 2003. 390 с.

4. Ирисханова О.К. Концептуальный анализ и процессы дефокусирования//Концептуальный анализ языка: современные направления исследований: сб. науч. тр. М.-Калуга: Эйдос, 2007. С. 69-80.

5. Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. Общ. ред. П. Серио. Москва: Прогресс, 1999. 416 с.

6. Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. М.: Изд-во Наука, 1975. 720 с.

7. Кубрякова Е.С., Александрова О.В. Виды пространств текста и дискурса // Категоризация мира: пространство и время: материалы научной конференции. М.: Диалог МГУ, 1997. С. 19-20.

8. Кубрякова Е.С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике. Сборник обзоров. Серия "Теория и история языкознания". М., РАН. ИНИОН. 2000. С. 7-25.

9. Лобанова Л.П. Новый стиль речи и культура поколения: политическая корректность. МГУЛ, Москва, 2004. 164 с.

10. Новиков А.И. Семантическое пространство текста и способы его членения // Категоризация мира: пространство и время. М: Наука, 1997. 264 с.

11. Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности//Язык и наука конца 20 века. Сб. статей. М.: РГГУ, 1995. 432 с.

12. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. 141 с.

13. Троянская Е.С. Особенности жанров научной литературы и отбор текстов на различных этапах обучения научных работников иностранному языку. Сб. Функциональные стили. Лингвометодические аспекты. Академия наук СССР. Отв. Редактор М.Я. Цвиллинг. М.: Наука, 1985. С. 189-202.

14. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого взаимодействия: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2006. 136 с.

15. Adam J.-M. Les textes : types et prototypes, 2e éd., Paris, Armand Colin 2008; 1ère éd. 1997, Nathan. 223 p.

16. Ruccella L. L'économiquement correct. Analyse du discours euphémique sur la crise dans la presse française et italienne. Thèse en cotutelle internationale en vue de l'obtention du grade de Docteur en Sciences du Langage. Sous la direction de M. Jean-François Jeandillou, C. Marello. Jury: M. M. Jean-François Jeandillou, C. Marello, D. Le Pesant, M.Velcic-Canivez, M. Prandi. 2014, Université Paris Ouest Nanterre-la Défense et de l'Université de Turin, Ecole doctorale 139. 371 p.

Список цитируемых источников

17. Le Figaro. La politique de taux négatifs de la BCE a atteint ses limites, estime le FMI [Электронный ресурс]. Дата обращения 11/08/2016. http://www.lefigaro.fr/conjoncture/2016/08/11/20002-20160811ARTFIG00209-la-politique-de-taux-negatifs-de-la-bce-a-atteint-ses-limites-estime-le-fmi.php

18. Le Figaro. 12/02/2012. Soros: Merkel reproduit les erreurs de 29. [Режим доступа]: http://www.lefigaro.fr/flash-eco/2012/02/12/97002-20120212FILWWW00061-soros-merkel-reproduit-les-erreurs-de-29.php

19. Le Figaro. 24/10/2016. Bertrand Parmentier: «Je crois aux vertus d'une gouvernance collégiale». [Режим доступа]: http://www.lefigaro.fr/decideurs/parole-patron/2016/10/24/33003-20161024ARTFIG00003-bertrand-parmentier-je-crois-aux-vertus-d-une-gouvernance-collegiale.php

20. Le Monde. 25/05/2015. Christine Lagarde évoque un Grexit. [Режим доступа]: http://www.lemonde.fr/economie/article/2015/05/29/christine-lagarde-evoque-un-grexit_4643174_3234.html?xtmc=vendredi_matin_les_negociations_entre_athenes_et_ses_creanciers_se_poursuivaient_et_si_la_grece_ne_remboursait_pas_le_fmi&xtcr=1

21. Le Figaro. 11/02/2016. «Banques : les fantômes de la crise de 2008. [Режим доступа]: http://www.lefigaro.fr/societes/2016/02/11/20005-20160211ARTFIG00371-banques-les-fantomes-de-la-crise-de-2008.php

22. Le Monde. 25/02/2014. Sortir de l'euro, stratégie viable ou scénario du pire [Режим доступа]: http://www.lemonde.fr/idees/article/2014/02/25/sortir-de-l-euro-strategie-viable-ou-scenario-du-pire_4373128_3232.html?xtmc=credit_crunch&xtcr=3

23. Le Monde. 04/02/2013. «Subprimes : Washington prépare une plainte contre Standard and Poor's». [Режим доступа]: http://www.lemonde.fr/economie/article/2013/02/04/crise-financiere-les-etats-unis-preparent-une-plainte-contre-standard-and-poor-s_1827049_3234.html?xtmc=le_probleme_des_subprime&xtcr=5

24. Le Monde. 15/07/2016. «Face à la crise du marché, General Motors annonce un plan de restructuration» [Режим доступа]:

http://www.lemonde.fr/economie/article/2008/07/15/face-a-un-effondrement-du-marche-general-motors-reduit-ses-couts-salariaux_1073699_3234.html?xtmc=le_directeur_financier_fritz_henderson_a_precise_que_la_reduction_envisagee_des_couts_de_personnel_se_ferait_via_des_primes_au_depart_et_des_plans_de_retraite_anticipee&xtcr=1

Об авторе

Нечаева Наталья Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого и французского языков Дипломатической академии МИД Российской Федерации, dip-inyaz@yandex.ru

УДК 811.161.1'373

ПЕРЦЕПТИВНЫЕ ГЛАГОЛЫ В ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ (НА ПРИМЕРАХ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ Ф.И. ТЮТЧЕВА)

Петрова А.В.

В статье рассматриваются перцептивные глаголы в поэзии Ф.И. Тютчева. Поэтический текст предусматривает наличие лирического героя, который может быть как выраженным в тексте (эксплицитным), так и скрытым (имплицитным). В зависимости от семантики перцептивного глагола и типов объектов восприятия автор выделяет три вида перцептивных ситуаций и подробно анализирует каждую из них.

Ключевые слова: перцептивный глагол, перцептивная ситуация, субъект восприятия, объект восприятия, имплицитная перцепция, эксплицитная перцепция, созерцательная перцепция

PERCEPTIVE VERBS IN THE POETIC DISCOURSE (POETIC TEXTS BY TUTCHEV F.I. AS EXAMPLES-BASED)

Petrova A.V.

This article considers perceptive verbs in poetic texts by Tutchev F.I. The poetic text foresees the presence of the persona who can be either expressed in the text (explicit person) or invisible one (implicit person).The author gives accent to three kinds of perceptive situations and analyses each of them point by point depending on the semantics of the perceptive verb and sorts of objects of perception.

Keywords: perceptive verb, perceptive situation, subject of perception, object of perception, implicit perception, explicit perception, contemplative perception.

Используемый в настоящее время в лингвистике термин *перцептивность*, или *восприятие,* изначально был предметом изучения таких наук, как философия и психология. Восприятие (перцепция) – психический познавательный процесс, заключающийся в целостном отражении в психике человека непосредственно воздействующих на его органы чувств вещей, предметов, явлений в целом [9].

Современная психология в качестве единицы восприятия рассматривает перцептивную систему, в которой взаимодействующими компонентами являются субъект и объект восприятия. Под субъектом понимается индивид воспринимающий (наблюдатель, слушатель и т.д.), под объектом – реальная действительность [2, с. 7]. Взаимодействие между ними опосредуется понятийным аппаратом, то есть выражается словом, называющим процесс восприятия. С лингвистической точки зрения именно перцептивные глаголы отражают непосредственное взаимодействие человека с окружающим миром.

Перцептивные глаголы, иначе глаголы восприятия, обозначают «отражение сознанием человека внешней среды, свойств и предметов внешнего мира» [4, с. 52]. Традиционно эти глаголы входят в группу модусных глаголов[1] и выражают «актуальное состояние мира в его предметном, процессуальном и событийном аспектах» [1, с. 412].

В настоящее время в лингвистической литературе уже имеется классификация перцептивных глаголов (Ю.Д. Апресян, Е.В. Падучева, Л.М. Васильев, А.Н. Тихонов, Н.Ю. Муравьёва). Лингвистическим принципом объединения является наличие у глаголов общей семы 'восприятие'. В обыденном смысле понятие 'восприятие' подразумевает получение информации о внешнем мире с помощью пяти органов чувств, однако тематическая группа глаголов восприятия существенно шире пяти основных лексем (*видеть, слышать, обонять, осязать, ощущать на вкус*) и их непосредственных синонимов. Дело в том, что «перцептивный компонент легко входит в семантику глаголов самых разных классов» [8, с. 197]. Действительно, само человеческое восприятие имеет очень широкие границы: «Восприятие выражает непрекращающуюся связь индивида со средой, человека с миром, в рамках которой среда, мир непосредственно открываются человеку и оказываются доступными ему» [2, с. 15]. Таким образом, поскольку сема 'восприятие' может обнаруживаться в огромном количестве глаголов, то границы этого глагольного класса ученые называют «размытыми».

Для систематизации лексических единиц с общим компонентом 'восприятие', выделенных в поэтических текстах Тютчева, воспользуемся понятием **лексико-семантической**

[1] К модусным также относят глаголы *знания, речи, мысли, памяти, эмоций, ощущения, представления, оценки*.

группы, которая включает единицы одной части речи, объединённые по общим семам.

Для нашего дальнейшего исследования разделим лексико-семантическую группу перцептивных глаголов[1] на две подгруппы: основную, куда войдут базовые глаголы, имеющие интегрирующий признак «видеть/слышать» (ядро и центр группы), и дополнительную, содержащую дескриптивные глаголы, включающие в семантическую формулу дополнительный компонент цвета/света, звучания (периферия группы).

Центр лексико-семантической группы ‘восприятие’ составляют лексемы, покрывающие сферу зрительного и слухового восприятия. К базовым глаголам, репрезентирующим перцептивный процесс, относятся *видеть, глядеть, смотреть, зреть, слушать, слышать, внимать*. Их появление в тексте выражает актуальность воспроизведения ситуации восприятия в смысловой структуре высказывания.

Периферийная глагольная лексика этой группы находится на пересечении с другими лексико-семантическими группами; здесь находятся лексемы, включающие в семантическую формулу какой-либо дополнительный компонент: цвета (*белеть, алеть)*, света (*сиять, светить)*, звучания (*звучать, раздаваться)*, движения (*мелькать, проступить).* Функция дескриптивного глагола заключается в передаче впечатления, получаемого в результате восприятия предмета или звука.

Поскольку данная статья ориентирована на поэтический текст, то все глаголы будут взяты в определённом поэтическом контексте. Поэтому мы будем иметь дело не столько с перцептивными глаголами, сколько с перцептивной ситуацией, созданной в тексте с помощью этих глаголов. «Перцептивная ситуация, заключающая образ, – это фрагмент текста, изображающий наблюдаемую ситуацию, в которой находится активный перцептор» [12]. Компонентами перцептивной ситуации являются: перцептор (субъект восприятия), объекты восприятия (художественные образы), перцептивные предикаты. К перцептивным предикатам относятся как базовые глаголы зрительного и слухового восприятия, так и периферийные глаголы, передающие видимый/слышимый признак или состояние предмета.

А.В. Бондарко рассматривает перцептивность как «языковую и речевую интерпретацию наблюдаемости явлений внешнего мира с точки зрения перцептора – прежде всего говорящего (в письменной речи – автора, повествователя, персонажей, воспринимающих обозначаемую ситуацию)» [3, с. 273].

Перцептивность тесно связана с понятием наблюдаемости, которая реализуется в художественном тексте, поэтому А.В. Бондарко выдвигает понятие «литературной перцептивности», «однако это особый тип перцептивности – не прямой, непосредственной и конкретной, а образной и отвлечённой»[2] [3, с. 277]. При этом наблюдаемость может быть представлена с точки зрения автора или с точки зрения персонажа – участника ситуации.

Особой разновидностью литературной перцептивности является образно-поэтическая перцептивность, особенность которой – изображение настоящего как «остановившегося мгновения» [3, с. 279]. А.В. Бондарко выделяет три варианта образно-поэтической перцептивности в зависимости от представления участника перцептивной ситуации (перцептора):

- перцептивность вводится поэтическим *я*; в этом случае восприятие природы или ситуации находится «в единстве с поэтическим выражением связанных с этим чувств и мыслей» [3, с. 279];
- изображаемая картина представлена с точки зрения любых наблюдателей: «перцептор *я* оказывается представителем обобщённой точки зрения и обобщённого (потенциально любого возможного) перцептора» [3, с. 280];
- перцептивность может быть «обобщённой»: «картина по своей сути такова, что она наблюдаема, однако конкретные условия и источники (субъекты-наблюдатели) не выражены» [3, с. 281].

В современных лингвистических работах понятию *участник перцептивной ситуации* соответствует термин *Эксперимент* (*Экспериенцер*). Е.В. Падучева различает несколько конструкций с глаголами восприятия в зависимости от синтаксической выраженности Эксперимента:

- Эксперимент в позиции субъекта (является членом предложения);
- Эксперимент «за кадром», то есть в позиции Наблюдателя (субъект восприятия синтаксически не выражен);

[1] В данном исследовании из этой группы нас интересуют только визуальные и аудиальные глаголы.

[2] Прямая, непосредственная и конкретная – это перцептивность, соответствующая моменту речи, переживаемому говорящим и слушающим в процессе речевой коммуникации.

- конструкции с «врождённым» Наблюдателем [8, с. 208].

Н.В. Халикова выделяет имплицитную и эксплицитную литературные перцепции в прозаическом тексте: «Имплицитная литературная перцепция предполагает коммуникацию персонажа и читателя без личного участия повествователя. <…> Второй тип литературной перцепции может совмещать объективного, как говорят – всеведущего, автора и перцептора-персонажа. <…> Это эксплицитная литературная перцепция, так как в ней отражается личность повествователя» [13].

В поэтическом тексте повествователю соответствует лирический герой. Как отмечает Е.В. Падучева, в художественном пространстве текста наличие повествователя не является обязательным, тогда как в поэтическом тексте лирический герой обязательно находится в том мире, который порождается текстом [7, с. 209]. Однако с точки зрения субъектно-предикатной структуры высказывания «присутствие» лирического героя может быть как выраженным (эксплицитным), так и скрытым (имплицитным).

В зависимости от семантики перцептивного глагола, выраженности в тексте лирического героя и типов объектов восприятия мы выделяем три вида перцептивных ситуаций в поэтических текстах Ф.И. Тютчева: эксплицитная перцепция, имплицитная перцепция, созерцательная перцепция.

Рассмотрим последовательно каждую ситуацию на примерах поэтических текстов Ф.И. Тютчева.

Эксплицитная перцепция: лирический герой и субъект восприятия (Эксперимент) совпадают, перцептивность вводится поэтическим *я*, в частности формой глагола 1-го лица единственного числа; ситуация восприятия вербализуется базовым перцептивным глаголом; объектом восприятия является окружающее пространство, природный мир, городской пейзаж, явления природы, воображаемые картины и т.д.

С точки зрения поэтического текста субъект восприятия – это не только воспринимающий, но и автор-поэт, интерпретирующий увиденное/услышанное в художественные образы. Н.Д. Арутюнова отмечает: «Личный субъект перцептивного глагола синкретичен. В нем совмещены две роли – роль субъекта опыта, восприятия (experiencer) и роль субъекта ментального действия, агенса» [1, с. 423].

Субъект восприятия в форме номинатива при визуальном глаголе *зреть* выражает собственное восприятие, которое может быть как реальным, так и воображаемым:

Давно ль, давно ль, о Юг блаженный,
***Я зрел** тебя лицом к лицу…*
(«Давно ль, давно ль, о Юг блаженный…») [1]

***Я** много узнал мне неведомых лиц,*
***Зрел** тварей волшебных, таинственных птиц…*
(Сон на море)

В первом примере объект восприятия – реально существующее место, в котором недавно пребывал лирический герой; место, безусловно, привлекательное, «блаженное», радостно-счастливое. Во втором представлено ирреальное восприятие, «сон на море» лирического героя, который описывает иную реальность с присущими ей атрибутами необъяснимости (*неведомых лиц*) и загадочности (*таинственных птиц*).

Предложение может не содержать личного местоимения при перцептивном глаголе, но сохранять при этом семантику личностного восприятия происходящего:

***Гляжу** тревожными глазами*
На этот блеск, на этот свет...
Не издеваются ль над нами?
Откуда нам такой привет?..
(Лето 1854)

Здесь объект восприятия обладает слишком яркими, нестандартными характеристиками; в эмоциональном состоянии лирического героя усматривается смятение, беспокойство, недоверие к происходящему вокруг него, что выражается эпитетом *тревожными (глазами).*

Визуальный глагол в форме 1-го лица множественного числа может передавать совместное наблюдение, придавая перцептивной ситуации обобщённый характер:

Одна другой наперерыв
Спешат-бегут струи
<…>
*Но чем **мы** долее **глядим**,*
Тем легче нам дышать...
(Успокоение)

В этой неопределённой множественности лиц, выраженной местоимением *мы*, находится

[1] Все цитаты приводятся по: Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений. Письма. В 6-ти томах. / Сост. В.Н. Касаткина. М.: Издательский центр «Классика», 2003.

и лирический герой. Объект восприятия, описанный в предыдущих строках стихотворения, – водная стихия, наблюдение за которой приносит душевное успокоение лирическому герою.

Таким образом, эксплицитная перцептивная ситуация, выражая восприятие от 1-го лица, определяет положение в пространстве субъекта восприятия, изображает окружающие его предметы, процессы, явления и в большей степени передает эмоциональное состояние лирического героя.

Имплицитная перцепция: лирический герой синтаксически не выражен и находится в роли Наблюдателя[1] другого субъекта/объекта восприятия.

Особенностью художественных текстов является то, что повествователь и субъект восприятия – часто несовпадающие «величины». С.А. Моисеева пишет: «Важно отличать нарратора от субъекта восприятия. Он является третьим актантом после субъекта и объекта восприятия. В отличие от последних он находится вне субъектно-предикатной структуры высказывания» [6, с. 161]. Подобное высказывание справедливо и для поэтических текстов (если под нарратором понимать лирического героя).

Безусловно, Наблюдатель в поэтическом тексте не просто «закадровый» субъект восприятия, это создатель художественного мира; это языковая личность, познающая мир и подвергающая увиденное и услышанное тщательному анализу и интерпретации в художественные образы.

Приведем пример, когда субъект восприятия описывается третьим лицом – говорящим (субъектом речи), который, не будучи выраженным в тексте, является Наблюдателем, воспроизводит ситуацию восприятия и привносит субъективную оценку в происходящее:

Брала знакомые листы
И чудно так на них ***глядела****,*
Как души смотрят с высоты
*На ими брошенное тело****…***
(«Она сидела на полу...»)

В этом и подобных текстах имплицитный субъект восприятия играет роль «случайного» свидетеля перцептивного события, которое он описывает и оценивает, передавая свои впечатления от увиденного и создавая целостный визуальный образ. В данном примере наречие *чудно* и придаточное сравнительное предложение *как души смотрят с высоты на ими брошенное тело*, относящееся к глаголу *глядела*, указывают на состояние безысходности, душевной опустошённости той женщины, которую описывает поэт[2].

Позиция Наблюдателя также проявляется в случаях, когда глагол восприятия сочетается с неантропонимом (*звёзды, солнце, небо* и др.). При этом именно для поэтического языка Тютчева характерно, что глагол *глядеть/смотреть* выражает не направленность взгляда, а процесс распространения света, что является семантической единицей авторского словаря:

Сии ***светила****, как живые очи,*
Глядят *на сонный мир земной…*
(«Душа хотела б быть звездой...»)
Неохотно и несмело
Солнце смотрит *на поля…*
(«Неохотно и несмело...»)

По своему смыслу данные высказывания являются метафорой. Взаимная обращённость поэта и пространственных реалий даёт то самое пересечение «взглядов», которое вылилось в поэтическую метафору, изображающую не столько состояние предмета, сколько состояние лирического героя, воспринимающего это действие. В подобных предложениях Наблюдатель передаёт собственное видение происходящего, при этом значение глагола полисемантизируется, поскольку «особенность поэтического текста в том, что здесь намного ярче раскрывается семантический потенциал слов. С когнитивной точки зрения в поэтическом тексте происходит актуализация сразу нескольких значений слова» [5, с. 192]. Перцептивные глаголы в данном случае использованы для обозначения интенсивности света: в первом примере – темнота ночного неба рассеивается светом ярких звёзд; во втором – эпитеты *неохотно и несмело* придают глаголу ослабленное значение: земля освещена тусклыми лучами солнца.

Имплицитная перцепция также характерна для высказываний с предикативом *слышен*[3]. Объектом восприятия могут быть как обычные, реально издаваемые звуки, так и уникальные, улавливаемые только тонким слухом поэта:

Музыки *дальной* ***слышны восклицанья****.*
(«Как сладко дремлет сад тёмно-зелёный...»)
Мотылька полёт *незримый*
Слышен *в воздухе ночном...*
(«Тени сизые смесились...»)

В обоих примерах объект представлен

[1] Термин Е.В. Падучевой [8, с. 208].
[2] Стихотворение посвящено Эрнестине Тютчевой – первой жене поэта.
[3] Предикатив *виден/видна* употреблен Тютчевым всего в двух случаях, поэтому здесь мы не приводим эти примеры.

«несомненно реальным, постоянно бытующим, независимо от присутствия перцептора» [14, с. 114] и одновременно эмоционально окрашенным «невидимым» присутствием лирического героя.

Как видно, основное отличие имплицитной перцепции состоит в том, что она передаёт внешние образы (видимые или слышимые) без чёткого указания на присутствие перцептора. Настоящим перцептором здесь является, конечно, автор-поэт (говорящий), наблюдающий за происходящим, оценивающий его и характеризующий объект наблюдения.

Созерцательная перцепция[1]**:** лирический герой воспроизводит картины природы «постоянной наблюдаемости» (субъект восприятия в тексте не выражен); ситуация восприятия вербализуется перцептивным глаголом дескриптивной семантики.

Эти конструкции описывают «конкретную локализованную во времени и пространстве ситуацию, причём эффект соприсутствия говорящего сохраняется» [9, с. 119]. Этот тип перцептивной ситуации не предполагает синтаксически выраженного Эксперианта в связи с наличием признака наблюдаемости в семантике глагола: цвета/света (*белеть, блестеть, сиять*), звука (*звучать*, *шуметь*). Имплицитный перцептор воссоздаёт в художественном тексте ситуацию собственного в**и**дения/слышания:

Звёзды светят *так высоко*,
И ***Донец*** *во тьме* ***блестит****.*
(Святые горы)
Над виноградными холмами
Плывут златые облака.
Внизу зелёными волнами
Шумит *померкшая* ***река****.*
(«Над виноградными холмами...»)

В первом примере создан зрительный образ яркой ночи: звёздное свечение, отражающееся в воде, придает ей дополнительный блеск. Во втором – созданный звуковой образ (*шум реки*) дополняет визуальный, завершает картину, придает перцептивную целостность объекту восприятия.

Дескриптивные глаголы *алеть, белеть, зеленеть, синеть* и др., подобно прилагательным, реализуют цветовую составляющую в поэтических текстах Тютчева. В большинстве случаев с помощью этих глаголов передаётся красочное разнообразие мира природы:

Смотри, как роща ***зеленеет****,*
Палящим солнцем облита…
(«Смотри, как роща зеленеет...»)
Синеет *даль – с её угрюмым лесом…*
(На возвратном пути)

Наибольшим разнообразием отличается вода – у Тютчева она может приобретать любые краски: *«****белела*** *оледенелая река», «****синеют*** *озера струи», «струя в Босфоре* ***залела****», «****потемнели*** *воды».*

Созерцательная перцепция отличается тем, что в наибольшей степени тяготеет к описанию, пейзажным зарисовкам. С помощью неё создается «картина заведомо объективного бытия, действительности, которую принято называть реальностью, независимой от субъекта восприятия» [13]. Поэт, являясь с лингвистической точки зрения Экспериентом за кадром, то есть Наблюдателем, воспроизводит в своей речи им самим наблюдаемые явления, события, картины природы.

Таким образом, с помощью перцептивных глаголов в поэтической речи описываются ситуации, из которых можно выделить как наблюдаемые автором объекты, так и авторское отношение к миру, выражаемое через «окологлагольные» эпитеты, сравнения, метафоры. Перцептивные глаголы, относящиеся к поэтическому *я*, не только передают наблюдаемую ситуацию, но и характеризуют душевное состояние лирического героя. Перцептивные глаголы, относящиеся к неантропонимам, выражают особенности в**и**дения самого поэта. Дескриптивные глаголы, подобно прилагательным, участвуют в реализации цветовой и световой составляющих поэтических текстов Тютчева, передавая не действие, а признак предмета (образа).

[1] Термин «созерцательное наблюдение» введен Н.В. Халиковой в монографии, посвященной категории образности художественной прозы. Под созерцательным наблюдением автор монографии понимает такую перцептивную ситуацию, при которой «не человек останавливается, чтобы «смотреть», а объект останавливает человека, требуя характеризующего описания», поскольку обладает нестандартными, яркими субмодальными характеристиками. Со стороны субъекта созерцательное наблюдение предполагает напряженное перцептивное действие, душевный труд, ярко выраженное эмоциональное состояние. К глаголам, выражающим это значение, Н.В. Халикова относит глаголы активной перцептивной деятельности *любоваться, созерцать, восторгаться, ужасаться, следить за…* [14, с. 110].

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Школа, 1998. 895 с.
2. Барабанщиков В.А. Психология восприятия : орг. и развитие перцептив. процесса : учеб. пособие по курсу "Общ. психология", М., 2006. 238 с.
3. Бондарко А.В. Варианты перцептивности / А.В. Бондарко // Теория значения в системе функциональной грамматики. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 273–285.
4. Васильев Л.М. Семантика русского глагола. М.: Высшая школа, 1981. 184 с.
5. Горяинова Н.В. К опыту исследования поэтической метафоры // Вестник Брянского государственного университета. Брянск. 2010. №2. С. 191-193.
6. Моисеева С.А. Семантическое поле глаголов восприятия в западно-романских языках: монография / С.А. Моисеева. Белгород: Изд-во БелГУ, 2005. 248 с.
7. Падучева Е.В. Семантические исследования : Семантика времени и вида в рус. яз. Семантика нарратива. М.: Шк. "Языки рус. культуры", 1996 - 464 с.
8. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004. 607 с.
9. Примова М.Б. Предложения восприятия в русском языке// Идеографические аспекты русской грамматики. М., 1988. 201 с.
10. Психологическая энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа http://www.psyoffice.ru/5-enc_psychology-122.htm (дата обращения 12.07.2017)
11. Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений. Письма. В 6-ти томах. / Сост. В.Н. Касаткина. М. : Издательский центр «Классика», 2003.
12. Халикова Н.В. Визуально-перцептивная ситуация в художественном тексте [Электронный ресурс]. URL: http://www.vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/3250 (дата обращения 16.06.2016)
13. Халикова Н.В. Категория образности художественного прозаического текста : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.02.01, [Электронный ресурс]. Режим доступа : http://cheloveknauka.com/kategoriya-obraznosti-hudozhestvennogo-prozaicheskogo-teksta (дата обращения 05.01.2017)
14. Халикова Н.В. Образность русской художественной прозы (лингвистический аспект): монография. М.: МГОУ, 2004. 162 с.

Об авторе

Петрова Анна Владимировна – аспирант кафедры современного русского языка, Московский государственный областной университет; преподаватель русского языка и литературы, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Московский приборостроительный техникум (РЭУ МПТ), a.v.petrova@mpt.ru

УДК 811.111

О ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ НЕЛИНЕЙНОСТИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА И ДИСКУРСА

Пономаренко Е.В.

В статье рассматривается роль нелинейных свойств системы языка/речи в формировании общего функционального (прагма-семантического) пространства английского дискурса. Нелинейность определяется как зависимость свойств системы от множества процессов внутри и вне ее и способность системы порождать общий результат ее деятельности, неравный простой сумме результатов деятельности ее компонентов (образно говоря, 2+2=5). Автор приводит примеры нелинейных эффектов в эволюции английского языка, а затем транспонирует данный постулат на функциональный план дискурса. Главный результат нелинейности в дискурсе – это функциональный синергизм, то есть формирование новых смыслов путем комплексного когерентного и взаимоусиливающего взаимодействия всех элементов и частей системы. Данное явление иллюстрируется функциональным анализом фрагментов английского дискурса. В заключение автор излагает свое понимание практической значимости языковедческих концепций (в частности концепции нелинейности) для повышения коммуникативной компетентности лиц, изучающих иностранные языки.
Ключевые слова: функционализм в лингвистике, функциональная нелинейность, система дискурса, синергизм, асимметрия означаемого и означающего, интегративное обучение.

ON FUNCTIONAL NON-LINEARITY OF ENGLISH LANGUAGE AND DISCOURSE

Ponomarenko E.V.

The article focuses on the role of non-linear properties of the language/speech system in forming the total functional (pragmasemantic) space of English discourse. Non-linearity is generally defined as the dependence of a system on a lot of inner and outer processes, that enables the system to generate the overall result of its activity which cannot be confined to pure addition of the results of its components' activities (figuratively speaking, when 2+2=5). The author gives examples of some non-linear effects in the English language evolution, and then transposes the postulate in question to the functional plane of discourse. The main result of non-linearity in discourse is functional synergism, i.e. new sense formation through a complex coherent and mutually enhancing interaction of all elements and parts of the system. This phenomenon is illustrated by the functional analysis of English discourse excerpts. In conclusion the author shares her understanding of linguistic concepts' (particularly non-linearity) significance for improving communicative competence of those learning foreign languages.
Keywords: functionalism in linguistics, functional non-linearity, discourse system, synergism, asymmetry of the signified and the signifier, integrated learning.

Исходя из того, что дискурс – это «речь, погруженная в жизнь» [24, с. 137], то есть обогащенная всеми ситуативными параметрами, можно утверждать, что изучение функциональных свойств дискурса предполагает анализ тех *семантических и прагматических приращений*, которые языковые единицы приобретают в процессе речевой реализации текста. В живом общении текст (устный или письменный) становится дискурсом, когда его восприятие совокупно определяется под влиянием всех сопутствующих обстоятельств – конкретной речевой ситуации, участвующих в ней коммуникантов, а также общего «состояния умов» в социуме, которое порождает то или иное отношение к реалиям жизни, идеям, вкусам и т.п. [10; 16; 26].

При этом важно понимать два момента. Во-первых, такие приращения образуются в том смысловом диапазоне, который логически возможен в сознании нормального человека (оставим в стороне вербальную эксцентрику, проводимую в качестве эксперимента или по иным причинам), а это, соответственно, накладывает некоторые структурные и смысловые ограничения на комбинирование языковых единиц. Даже окказиональные авторские образования обычно строятся по аналогии с моделями, существующими в системе языка (как, например, «серпастый», «молоткастый» В.В. Маяковского или знаменитая «глокая куздра» Л.В. Щербы). В противном случае они вряд ли будут восприняты адресатом сообщения.

Во-вторых, несмотря на подобные ограничения, прагма-семантические приращения дискурса обладают практически неисчерпаемым потенциалом создания новых смысловых компонентов. Разнообразные сочетания языковых средств, даже оставаясь в рамках системных правил речемыслительной деятельности, способны отражать бесконечно вариативные процессы смыслообразования в мозгу и психике носителя языка. Это в свою очередь объясняется тем, что менталитет человека формируется и функционирует по принципу нелинейности [21], а вербальные (поверхностные) структуры закономерно отражают нелинейность мозговых (глубинных) структур. Отсюда и огромное множество речевых комбинаций, порождаемых неисчислимым множеством смысловых комбинаций.

Соответственно, в ракурсе заявленной

темы *цель* данной статьи заключается в том, чтобы выявить роль нелинейности в формировании общего функционального (прагма-семантического) пространства дискурса на материале английского языка.

Прежде всего необходимо определить, что такое нелинейность и как она связана с системой языка и речи. В общей теории систем, а также в теории самоорганизации сложных систем *нелинейность* понимается как зависимость свойств системы от множества процессов, которые в ней протекают (даже от участия мельчайшего элемента), и от внешних воздействий [20]. Особенность нелинейности в том, что эта зависимость реализуется как комплексное взаимодействие компонентов и их функций, неравное простому механическому сложению: общий результат деятельности системы не равен сумме результатов деятельности компонентов, так же, как и общий результат суммы воздействий на систему не равен сумме их результатов (то есть, образно выражаясь, «2+2=5») [1; 16].

Способность системы языка актуализировать подобные свойства в речи давно признана языковедами, что было удачно сформулировано академиком Л.В. Щербой в статье «О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании» (1931), где он отмечал «правила сложения смыслов, дающие не сумму смыслов, а новые смыслы» [23, с. 24]; причем, по мнению академика, эти правила важнее правил синтаксиса. Нелинейные свойства компонентов системы порождают так называемый синергийный эффект – комплексное когерентное и взаимоусиливающее взаимодействие всех элементов и частей системы, иллюстрацией чего может служить следующий пример:

Abe's remarks struck me as total disorder of time and space [30].

Очевидно, что при линейном, строго последовательном, восприятии данное высказывание звучало бы как неприемлемое, причем речь идет не о переводе, а о том, в каком ключе происходит осмысление данного высказывания носителем языка. Чисто механическое сложение смысловых компонентов приведет к нелепому результату – сообщению о том, что высказанные человеком замечания «ударили» говорящего как «полный беспорядок во времени и пространстве». Понятно, что в таком виде это речевое образование не может служить нормальным коммуникативным актом, ибо оно противоречит здравому смыслу: слова не могут физически ударить, а полный беспорядок во времени и пространстве вообще недоступен человеческому восприятию. В то время как адекватное смысловое поле формируется именно на основе функциональной нелинейности речемыслительного процесса, благодаря которой в сознании человека включаются невербализованные ассоциативные связи: во-первых, между физическим эффектом от удара и аналогичным по эмоциональному впечатлению психологическим эффектом от услышанных слов, а во-вторых, – между ощущением полного дискомфорта в процессе описываемого общения и фоновым представлением о том, насколько глубоким может быть дискомфорт в ситуации «полного беспорядка во времени и пространстве». Тогда множество прагма-семантических компонентов приведенного высказывания сплетается в общий комплекс смысловых взаимосвязей, дополняющих друг друга, и реципиент воспринимает фразу вполне осмысленно: «Замечания Эйба поразили меня полным несоответствием месту и времени происходящего».

Как видим, функциональная нелинейность дискурса породила те самые «новые смыслы», о которых упоминал Л.В. Щерба, и которые оказались возможны благодаря системным ассоциативным связям в сознании человека и в соответствующих речевых структурах, а также свойству асимметрии между означаемым и означающим (о чем речь пойдет ниже). Таким образом, говоря о нелинейных свойствах дискурса, следует подразумевать не структурное, а именно *функциональное* пространство речи, которое охватывает семантику и прагматику дискурса, рассматриваемые в неразрывном единстве и в процессе реализации речи, то есть в динамике.

Понимание дискурса как системы базируется на признании системности не только языка, но и речи. Понятие *системы дискурса* определяется как самоорганизующаяся *система смыслов* дискурса, формируемая через их *речевое выражение* и синергийно мобилизующая *функциональный потенциал* всех элементов на пути к (коммуникативной цели, содержанию-намерению автора [16, с. 13]. Трактовка языка и речи как систем сложных, неравновесных (склонных к изменениям) и открытых (взаимодействующих с внешней средой – сознанием коммуникантов и речевой ситуацией), обладающих свойством нелинейности, связана с их внутренней неоднородностью, многомерностью, структурной иерархичностью. Наличие нелинейных свойств языка как функциональной системы (в понимании известной Пражской школы) означает, что существенное влияние на проявление его характеристик оказывают раз-

личные внутренние и внешние колебания и преобразования, ведущие систему от равновесия, упорядоченности, устойчивости, симметрии к неравновесности, неупорядоченности и асимметрии и затем – к новому уровню развития (необязательно более высокому).

Приведенные далее примеры новых тенденций в эволюции английского языка показывают, что язык не может быть исключительно линейной, детерминированной системой. В этом случае поступающее извне воздействие либо вообще не отражалось бы на положении языка (так как не могло бы преодолеть детерминизм сложившейся системы), либо не могло бы в состоянии неравновесности достаточно быстро, а порой и радикально, преобразовывать (не разрушая при этом) какие-то участки языковой системы. Для английского языка это особенно актуально, так как он веками подвергается многочисленным влияниям как со стороны носителей, так и со стороны «неестественных» (non-native) пользователей, которые неизбежно привносят элементы родных языков в английский (и не только лексику). Кроме того, английскому языку приходится сохранять «самотождественность» в условиях существования нескольких системных, официально признаваемых вариантов (британского, американского, австралийского), и «суржиков» типа Spanglish, Yinglish, Franglais [25] и т.п.

Способность к нелинейным реакциям позволяет языку достаточно гибко осуществлять внутреннюю и внешнюю реструктуризацию, перерабатывать (если это приемлемо для большого числа носителей) или отвергать какие-то признаки новизны и при этом сохранять системную основу и целостность: «Универсальная пригодность языка «для всех и для каждого» существует за счет его способности подстраиваться, адаптироваться по типу органической целостности, открытой к внешнему воздействию, способной в то же время навязывать свои требования к его пользователю» [8, с. 19]. Можно привести целый ряд примеров такой адаптации – и не только из длительной истории языковой эволюции (наподобие отмирания английских флексий, умлаута, аблаута), но и современных фактов, наблюдаемых в наше время [7; 16]:

- изменение коннотации каких-либо единиц – вплоть до противоположного восприятия; так, в Великобритании лет 20 назад понятия consultant, consulting business и соответствующий род занятий считались очень респектабельными; однако громкие скандалы, вызванные моральной нечистоплотностью ряда представителей этой сферы деятельности во многом изменили восприятие общества, и теперь предпочтительной считается, например, должность managing director, chief operating officer и т.п.;
- «легализация» какого-либо ненормативного грамматического/лексического/фонетического элемента в силу его повсеместного распространения, в том числе в среде образованных людей; например, в английском языке – закрепление американского варианта произношения некоторых слов в речи британцев, ранее относивших такие варианты к диалектным (/i:/ в словах типа *ei*ther, n*ei*ther, звучащее /t/ в слове of*t*en и т.д.) [31]; в русском – склонение по падежам несклоняемых существительных: «в Переделкин*е*», «(битва) при Бородин*е*» (или «у Бородин*а*»);
- вытеснение каких-либо лексем из широкого употребления из-за исчезновения соответствующих реалий либо замена их на эквиваленты, более соответствующие очередному этапу развития общества и, соответственно, чаще мелькающие в средствах массовой информации, в языке литературы и телевидения и т.п., как, например, популяризация английских слов в речи немецкоязычной молодежи [19];
- процессы метафоризации, эвфемизации, косвенной номинации и т.п., вызванные идеологическими потребностями; например, использование в СМИ выражения gentle inflation вместо recession, unpriviledged / disadvantaged вместо poor и др. [11; 13; 27] и т.д.

Для нашего исследования неважно, позитивной или негативной оценки заслуживают названные примеры преобразований в языке, но имеет значение осуществление нелинейных самоорганизационных процессов как возможности стабилизации неравновесного состояния открытой системы языка/речи при появлении дезорганизующих систему элементов или процессов.

Нелинейность языка базируется на принципе асимметрии. Это понятие, введенное в языкознание представителем Пражской школы С. Карцевским, предполагает, во-первых, несоответствие членения плана обозначающего и обозначаемого, то есть плана выражения и плана содержания. С. Карцевский считал, что обозначающее (звучание, по С. Карцевскому) и обозначаемое (функция) постоянно выходят из рамок, назначенных для них «партнером»: обозначающее стремится обладать иными функциями, нежели его собственная (первичная); а обозначаемое стремится выразить себя иными средствами, нежели закрепленный за ним соб-

ственный знак [6, с. 90]. Иными словами, реализуются не одно-однозначные соответствия между объектом высказывания и формой его номинации, а вариативные отношения, когда одно означаемое может быть вербализовано по-разному, а одно означающее (единица языка) может использоваться для номинации разных объектов. Однако каждая из возможных номинаций будет привносить свои собственные функциональные приращения и, в зависимости от контекста, программировать определенный ракурс восприятия текста [9]. Это приводит к появлению полисемии, синкретизма, синонимии, средств образности (как в случае с описанными ассоциативными связями в нашем первом примере) и т.п., то есть к нелинейным прагма-семантическим эффектам.

Во-вторых, асимметричные отношения рассматриваются как проявление различий между ядерными и периферийными элементами языковой системы, в том числе в функциональном плане (в центре появляются более употребительные формы, а на периферии – менее употребительные [2]). Но положение или статус той или иной языковой формы как центральной (ядерной) или периферийной также может изменяться: «В процессе развития языка одни элементы могут переходить из центра на периферию и наоборот» [24, с. 47].

То есть в лингвистике утверждается тезис о том, что в любых звеньях языковой системы наблюдается как симметричная упорядоченность элементов, так и асимметрия, неравновесность, подвижность, вариативность. Однако самосохранение языка требует осторожного отношения к накоплению признаков неустойчивости или дезорганизации, с тем чтобы не допустить полного перерождения (фактически разрушения) языковой системы, в случае если удельный вес новых компонентов превысит долю «родных» компонентов (например, при количественном преобладании некоренных этнических групп). Иначе изменения могут быть столь существенными, что сама система языка станет другой (как в случае с отмиранием флексий и другими кардинальными модификациями английского языка).

Периодически, пережив моменты бифуркации (ветвления), язык закрепляет на определенное время возникшие новые структуры (будь то функции, формы или содержание компонентов) и, таким образом, вновь упорядочивает свою организацию; и уже на новом уровне на определенный период вновь устанавливается состояние относительного (подвижного, или динамического) равновесия. Так, например, в английском языке в период до второй мировой войны нормативной структурой специального вопроса с предлогом, относящимся к вопросительному слову, считалось употребление предлога в начале предложения (***For*** what has he done it? ***With*** whom do you live?), а вынесение предлога в конец фразы (What has he done it ***for***? Who(m) do live ***with***?) квалифицировалось языковедами как просторечное. Однако после войны второй вариант структуры завоевал положение нормы, «оттеснив» конкурента на периферию. Тут снова проявляется функциональная нелинейность речевой деятельности («2+2=5»), ибо именно так можно объяснить тот факт, что структурная оторванность предлога от слова, с которым он семантически связан, не мешает носителям языка абсолютно органично воспринимать такое структурно-смысловое оформление фразы как целостную «рамку», внутри которой сплетены и взаимно дополняют друг друга все элементы речи.

Таким предстает процесс самоорганизации и функциональной нелинейности английского языка как целостной открытой эволюционирующей системы, способной порождать эффекты, несводимые к механическому последовательному суммированию компонентов. Поскольку объективно в дискурсе тем или иным образом актуализируются свойства, присущие языковой системе, то и свойство нелинейности транспонируется на дискурс.

При этом следует учитывать ряд важных аспектов, прежде всего – что речь идет о нелинейности смыслов (семантики и прагматики), а не структур поверхностного уровня. Кроме того, в дискурсе может отражаться не только норма языка, но и отклонение от нее, а это уже само по себе – явление, нарушающее равновесие системы, способствующее формированию нелинейных свойств, задающее спектр возможных флуктуаций, а, следовательно, при создании благоприятных условий – и эволюционных переходов смысловой системы на новый уровень. Наконец самый значимый момент – то, что хотя текстовая репрезентация дискурса и выстраивается в некую последовательность высказываний, это отнюдь не значит, что в такой же линейной последовательности развивается семантика и прагматика текста. Напротив, в любом типе дискурса неизбежны разносторонние смысловые, формальные, модальные связи, отражающие процесс формирования суждения, который сам по себе обладает свойством нелинейности и неравновесности и к тому

же основывается на концептуальной системе (картине мира) коммуникантов. Эта система, естественно, у каждого своя и тоже нелинейна, так как связана с асимметрией мозга и различным предшествующим опытом: состояние системы зависит от ее истории – из каких предыдущих состояний она пришла к настоящему состоянию [21].

Далеко не всегда формирующиеся смысловые и эстетические эффекты можно обосновать линейным ходом развертывания дискурса, что иллюстрирует хотя бы существование косвенных речевых актов или известное явление семантических и прагматических транспозиций. Например, высказывание Where is my book? I need it! в соответствующей ситуации будет восприниматься не только как вопрос, но и как имплицитное выражение просьбы вернуть или помочь найти книгу; ответ на вопрос Is Mary here? в виде фразы She's on vacation также реализует семантическую транспозицию, поскольку не напрямую, а косвенно сообщает, что Мэри отсутствует; а комплимент, выраженный ироничным тоном, может на самом деле прозвучать как оскорбление. Подобных, вполне очевидных, примеров можно привести огромное количество.

Дискурс образуется как «живой» организм, со всеми присущими организму флуктуациями, бифуркациями, фазовыми переходами и т.п. Поэтому утверждение структурной лингвистики о том, что на линейности покоится *весь* механизм языка (Ф. де Соссюр) в современной функциональной научной парадигме вряд ли может приниматься как всесторонне обоснованное. Напротив, идея о нелинейности открытых систем вполне правомерно, как видим, транспонируется на систему языка и речи в аспекте их функциональных свойств [29].

Последовательность восприятия прагма-семантических компонентов дискурса не может быть полностью детерминирована последовательностью расположения языковых единиц в речевой цепи. Дискурс представляет собой образование, наполненное множеством осознаваемых или неосознаваемых формальных и семантических связей, своего рода «подсказок» – как отсылающих коммуникантов к предыдущему опыту и этапу(-ам) коммуникативного взаимодействия, так и предваряющих характер развертывания дальнейшего хода общения, создающих известный эффект «напряжения» в тексте (К. Боост), образующих пресуппозиции, «подтекстовый» смысл через косвенные речевые акты, вызывающих какие-то ассоциации, порождающих порой неожиданные и даже непредсказуемые умозаключения или впечатления, вызывающих прагма-стилистические модификации и т.п.

Подобное явление наблюдаем в следующем примере из произведения Олдоса Хаксли "Crome Yellow". Говорящий – пожилой опытный мужчина – высказывает предположение о литературном опусе романтически настроенного светского молодого человека:

I'll describe the plot for you. Little Percy, the hero, was never good at games, but he was always clever. He passes through the usual public school and the usual university and comes to London, where he lives among the artists. He is bowed down with melancholy thought; he carries the whole weight of the universe upon his shoulders. He writes a novel of dazzling brilliance; he dabbles delicately in Amour and disappears, at the end of the book, into the luminous Future [28].

В данном отрывке внешняя серьезность стилистики изложения создает юмористическую, на самом деле, модальность дискурса. И хотя здесь нет фраз, откровенно высмеивающих замысел обсуждаемого романа, юмористический эффект достигается комбинацией различных линейных и нелинейных средств, настойчиво подчеркивающих банальность и незрелость сюжета, как, например, синтаксический и семантический параллелизм (was never good – was always clever, the usual public school – the usual university, dazzling brilliance – luminous Future, многократное использование так называемого «исторического настоящего»), лексика детства или несерьезного отношения к жизни (little Percy, games, school, dabbles delicately), преувеличенно высокопарные фразы (bowed down, melancholy thought, the whole weight of the universe upon his shoulders, Amour, disappears… into the luminous Future). Выстроенные линейно, данные средства как-будто должны придавать пафос возвышенной патетики всему описанию. Однако в реальности противоположно окрашенное функциональное пространство образуется, во-первых, благодаря потенциалу нелинейности дискурса (комплексное взаимодействие разноуровневых средств вызывает спонтанные функциональные свойства системы смыслов как отражение асимметрии между системной парадигматикой используемых языковых средств и их синтагматикой в данном дискурсе), а во-вторых, благодаря взаимодействию со средой (общей логикой мышления коммуникантов), из которой привносится смысловой компонент «избитости» обсуждаемого сюжета.

Таким образом, неуловимо рождается ироничное отношение самого рассказчика, а

вслед за ним и адресата, к описываемой ситуации. Отсюда очевидно, что вся гамма смысловых, в том числе модально-прагматических, компонентов данного фрагмента дискурса образуется по принципу нелинейности, при котором общий результат оказывается больше простого линейного суммирования составляющих.

Таким образом, в процессе самоорганизации общения дискурс отражает возникающие в концептуальной системе флуктуации (колебания), которые усиливают неравновесность и рождают новые функциональные структуры различного уровня (семантического, стилистического, прагматического и др.). В этом случае вполне убедительно проявляется нелинейность, неравновесность и открытость изучаемой системы (английского дискурса). Данные свойства речевой деятельности представляют не только чисто научный, но и практический интерес, поскольку для совершенствования коммуникативного взаимодействия участникам этого процесса весьма полезно овладеть способностью через речь формировать желаемые смысловые компоненты в сознании партнера и таким путем (необязательно манипулятивным, лучше убеждением) добиваться более конструктивной позиции участвующих сторон.

Такой подход к общению особенно актуален для институционального дискурса, например, сферы деловых отношений, где центральной коммуникативной задачей является продуктивное сотрудничество, сближение целей и позиций, улучшение партнерских отношений, причем это может происходить на фоне конфликта интересов или иных неблагоприятных факторов [14; 15; 17]. Если учесть конвенциональный и регламентированный этикетом характер делового общения, то очевидно, что далеко не всегда коммуниканты имеют возможность использовать любые языковые средства, отражающие их истинные чувства и намерения [5; 22]. Поэтому для того, чтобы развивать умение выражаться достаточно откровенно, но в рамках этикета и не во вред отношениям с партнером, можно рекомендовать освоение навыков целенаправленного выстраивания речи на основе функциональной нелинейности – с тем, чтобы способствовать желаемой реакции партнера, создавая не категоричный, а по возможности гибкий и конструктивный функциональный план дискурса, порождающего смысловые компоненты через нелинейное взаимодействие всех единиц текста. Таким образом, наиболее эффективный подход к языковой подготовке – это взаимодополняющее сочетание собственно профессиональных и лингвистических знаний [3; 4], то есть так называемый интегративный подход к обучению (CLIL – Content and Language Integrated Learning), причем сам по себе синтез разнородных знаний также носит нелинейный характер.

Список литературы

1. Буданов В.Г. Принципы синергетики и язык // Философия науки. Вып. 8: Синергетика человекомерной реальности. М.: ИФРАН, 2002. С. 340-354.

2. Гак В.Г. От хаоса к порядку и от порядка к хаосу («Анархия мать порядка, порядок отец анархии») // Логический анализ языка. Космос и хаос: Концептуальные поля порядка и беспорядка. М.: Индрик, 2003. С. 286-293.

3. Десятова О.В. Особенности иноязычной профессиональной подготовки экономистов-международников // Вопросы прикладной лингвистики. 2016. № 22. С. 29-40.

4. Зинкевич Н.А. Пути интеграции предметных и языковых компетенций магистрантов-менеджеров // Магия ИННО: Новые технологии в языковой подготовке специалистов-международников. Материалы Научно-практической конференции к 70-летию факультета международных отношений. Отв. ред.: Д.А. Крячков; Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел России, 2013. С. 174-180.

5. Икатова И.И., Россихина Г.Н. Концептуальные основы прагмалингвистического анализа первичного контактоустановления в английской культуре // Вестник Брянского государственного университета. 2014. № 2. С. 344-348.

6. Карцевский С. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 2. М.: Просвещение, 1965. С. 85-93.

7. Киселева А.В. Эволюционные тенденции и перспективы развития английского языка // Вопросы прикладной лингвистики. 2016. № 22. С. 48-61.

8. Киященко Л.П. В поисках исчезающей предметности (очерки о синергетике языка). М.: ИФРАН, 2000.

9. Леденева С.Н. О психолингвистических аспектах понимания связного текста // Вопросы прикладной лингвистики. 2016. № 22. С. 74-85.

10. Леденева С.Н. Функционально-прагматические свойства языковых средств рекламного дискурса // Вестник Брянского государственного университета. 2017. № 1. С. 306-312.

11. Малахова В.Л. Вербализация концептуального содержания фразеологическими средствами // Фразеологические чтения памяти профессора В.А. Лебединской. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2006. Вып. 3. С. 230-232.

12. Малахова В.Л. Функциональные свойства категории притяжательности в английском дискурсе: автореферат дисс. … канд. филол. наук: 10.02.04. Самара, 2011. 26 с.

13. Малюга Е.Н. К вопросу о жанрово-стилевой парадигме газетного текста // Вестник Университета Российской академии образования. 2008. № 2. С. 68-71.

14. Малюга Е.Н. Профессионально ориентированное обучение иностранным языкам на современном этапе // Вопросы прикладной лингвистики. 2010. № 3. С. 83-97.

15. Паршутина Г.А. Функциональная многоплановость глаголов коммуникации в английском деловом дискурсе // Вопросы прикладной лингвистики. 2014. № 13. С. 53-63.

16. Пономаренко Е.В. Основания функциональной лингвосинергетики: учебное пособие: спецкурс по специальности 10.02.04 (германские языки). М.: МГИМО-Университет, 2015. 317 с.

17. Практический курс современного английского языка для бакалавриата. Часть 2. Продвинутый уровень (B2) / Л.К. Раицкая, О.А. Вдовина, О.В. Кокарева, М.В. Никитина, Н.П. Никитина, С.С. Польская; под ред. Л.К.Раицкой; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, каф. англ. яз. №5. М.: МГИМО-Университет, 2010. 208 с.

18. Раицкая Л.К. Дидактическая концепция самостоятельной учебно-познавательной деятельности студентов в интернет-среде: Автореферат дис. … доктора педагогических наук: 13.00.01. М., РУДН, 2013. 55 с.

19. Россихина М.Ю., Россихина Г.Н. Специфика употребления немецкого молодежного языка в художественной литературе // Вестник Брянского государственного университета. 2016. № 4 (30). С. 214-219.

20. Современный философский словарь / Под общ. ред. Кемерова В.Е. Лондон, Франкфурт-на-Майне, Париж и др.: ПАНПРИНТ, 1998. 1064 с.

21. Хакен Г., Хакен-Крелль М. Тайны восприятия. Синергетика как ключ к мозгу. М.: Ин-т компьютерных исследований, 2002. 272 с.

22. Харьковская А.А., Дюмина О.В. Лингводидактические аспекты английских учебных материалов по обучению деловой коммуникации // Наука и культура России. 2016. Т 1. С. 286-290.

23. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. М.: Едиториал УРСС, 2004. 428 с.

24. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. 688 с.

25. Crystall D. English as a global language. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 232 p.

26. Dijk T.A. van (2014). Discourse-Cognition-Society Current state and prospects of the socio-cognitive approach to discourse // Contemporary Studies in Critical Discourse Analysis / Hart Ch., Cap P. (Eds). London: Bloomsbury, pp. 121-146.

27. Fowler R. Language in the news: discourse and ideology in the press. London: Routledge, 2013. 254 p.

28. Huxley A. Crome Yellow. M.: Progress Publishers, 1979. 278 p.

29. Mwinlaaru I.N., Xuan W.W. A survey of studies in systemic functional language description and typology // Functional Linguistics. 2016. N 3. [Electronic resource]. URL: https://functionallinguistics.springeropen.com/articles/10.1186/s40554-016-0030-4 (accessed: 20.04.2017).

30. Przystup J.J. Japan-China Relations: Past as Prologue // Comparative Connections. A Triannual E-Journal on East Asian Bilateral Relations. 2014. Vol. 16 (1). [Electronic resource]. URL: http://csis.org/files/publication/1401qjapan_china.pdf (accessed: 26.04.2017).

31. Wells J.C. Longman Pronunciation Dictionary. 3rd ed. Longman, 2008. 960 p.

Об авторе

Пономаренко Евгения Витальевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка № 4, Московский государственный институт (университет) МИД России, 1pev2009@mail.ru

УДК 811.111

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ, РЕАЛИЗУЕМЫЕ ПРИ ЭКСПЛИКАЦИИ ЭПИСТЕМИЧЕСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Сафина А.Р.

Данная статья посвящена рассмотрению понятий коммуникативной стратегии и тактики в современном языкознании, интерес к которым обусловлен недостаточной разработанностью проблемы, в частности, отсутствием единого определения и общепринятых классификаций данных понятий. В работе были выделены и классифицированы наиболее распространенные коммуникативные стратегии и тактики, влияющие на выбор маркеров эпистемической возможности и необходимости в английском языке.
Ключевые слова: эпистемическая модальность, эпистемическая возможность, эпистемическая необходимость, модальное слово, модальный глагол, коммуникативная стратегия, коммуникативная тактика.

COMMUNICATIVE STRATEGIES AND TACTICS REALIZED IN EXPLICATING EPISTEMIC MODALITY IN THE ENGLISH LANGUAGE

Safina A.R.

This article is devoted to consideration of concepts of communicative strategy and tactic in modern linguistics. Linguistic interest is caused by the fact that the problem has not been worked out sufficiently yet, in particular, there is no uniform definition and the standard classifications of these concepts. The author of the article makes an attempt to classify the most common communicative strategies and tactics which influence on markers of epistemic probability and epistemic necessity in the English language.
Keywords: epistemic modality, epistemic probability, epistemic necessity, modal word, modal verb, communicative strategy, communicative tactic.

В рамках неконфликтного речевого взаимодействия общей интенцией партнеров по коммуникации является передача в ходе построения диалога тех или иных сведений об объектах реальной действительности без значительного искажения их достоверности, что способствует формированию объективного представления о получаемых данных, и последующему оказанию влияния на восприятие адресата, достижению соглашения и взаимопонимания. Данная интенция реализуется при помощи стратегии коммуникативной комфортности, оказывающей влияние на создание дружелюбной и эмоционально стабильной, психологически комфортной атмосферы, способствующей возникновению у коммуникантов желания продолжать общение. В рамках данного исследования будут рассмотрены частные коммуникативные стратегии и тактики, эксплицирующие эпистемическую семантику и способствующие реализации основного коммуникативного намерения партнеров речевого взаимодействия, а также языковые средства их выражения.

В настоящее время коммуникативные стратегии и тактики остаются предметом исследования не только в рамках коммуникативной лингвистики, но и лингвистической прагматики, психолингвистики, социолингвистики и некоторых других областей лингвистических знаний. Интерес исследователей обусловлен как отсутствием единого определения данных понятий, так и общепринятой классификации стратегий и тактик, реализуемых в рамках того или иного дискурса, что, как отмечает О.С. Иссерс, связано, в первую очередь, с разнообразием коммуникативных ситуаций [4, с. 105]. В разных источниках можно найти термины «коммуникативная стратегия / тактика» (Е.В. Клюев, Н.П. Формановская, И.А. Стернин, М.Ю. Олешков), «речевая стратегия» (С.А. Сухих, О.С. Иссерс, О.Я. Гойхман и Т.М. Надеина), «дискурсивная стратегия» (диссертационные исследования Л.А. Фирстовой, П.М. Дайнеко, Г.В. Димовой). Стоит подчеркнуть, что выделение одних коммуникативных явлений в качестве стратегий, а других – в качестве тактик является достаточно субъективным и основывается на особенностях дискурса в целом и ситуации общения (место и обстановка, сопутствующие обстоятельства) в частности.

На выбор коммуникативной стратегии оказывает влияние не только личность говорящего, но и личность слушающего. Так называемый фактор адресата учитывает особенности аудитории, на которую оказывается речевое воздействие, личностные характеристики адресата, социальное положение и дистанция, межличностные отношения между коммуникантами и так далее. Благодаря наличию фактора адресата общение приобретает интерактивный характер, поскольку адресат, являясь активным реципиентом поступающей извне информации, не только воспринимает, но и интерпретирует ее, на основе этого выстраивая линию своего речевого поведения и реализуя собственные стратегии и тактики

в зависимости от ситуации общения. Учет фактора адресата во многом предопределяет успешность протекания речевого взаимодействия, осуществление коммуникативного намерения собеседников, выбор адекватных ситуации стратегий и тактик, а также языковых средств их реализации. Правильный выбор коммуникативной стратегии и тактик позволяет манипулировать сознанием собеседника на когнитивном, эмоционально-психологическом и интеллектуальном уровнях, «подталкивая» его к проявлению необходимой для говорящего реакции и совершению определённого речевого хода.

Ряд таких исследователей, как О.Я. Гойхман и Т.М. Надеина, Т.А. ван Дейк, указывают на гибкость стратегии и ее зависимость от ситуации в целом, от локальных контекстуальных ограничений, которые определяют направление развития и организацию воздействия в интересах достижения цели общения [3, с. 145; 2, с. 274]. Стратегия представляет собой последовательность действий, способствующих максимально успешному осуществлению интенции (-ий) коммуникантов, и характеризуется выбором, накладываемым особенностями ситуации общения, в первую очередь, невозможностью с точностью спрогнозировать реакцию партнера, его коммуникативное поведение и будущие ходы, а также то направление, в котором продолжит развертываться диалог после ответной реплики слушающего. Следовательно, задачей говорящего является адаптация к изменяющимся условиям ситуации общения с целью нахождения оптимальной альтернативы предусмотренным заранее коммуникативным стратегиям и тактикам. Выбор тесно связан с наличием обратной связи и осуществляется в зависимости от предварительного «образа» развертывания диалогического единства в сознании участников общения, от результативности предшествующей стратегии, от полученных и ожидаемых ответных реплик собеседника и корректируется на каждом этапе коммуникативного взаимодействия. Я.Т. Рытникова рассматривает коммуникативную стратегию как основную задачу, генеральную интенцию в рамках данного коммуникативного процесса [5, с. 94], в то время как И.Н. Борисова разграничивает понятия интенции и стратегии, обозначая коммуникативную стратегию как способ организации речевого поведения в соответствии с замыслом, интенцией коммуниканта. В рамках своего исследования, она выделяет два основных типа коммуникативных стратегий в диалогах:

1) осознанные стратегии, поддающиеся рефлексивному выявлению и связанные преимущественно с достижением предметно- или социально-практической цели;

2) подсознательные стратегии, не определяемые обдуманным планом, рациональным замыслом, а заданные общей установкой [1].

Схожей точки зрения на определение речевой стратегии придерживается О.С. Иссерс, рассматривая ее как «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативных целей» [4, с. 54]. Она принимает во внимание важную роль таких прагматических факторов, как условия общения и личность участников речевого взаимодействия, которые оказывают непосредственное влияние на то, какие коммуникативные результаты ожидаются, и какие действия коммуниканты осуществляют для достижения своих коммуникативных планов. Под тактикой большинством лингвистов понимаются речевые действия, реализующие стратегию.

Как видим, понятия коммуникативной и речевой стратегии и тактики в интерпретации различных лингвистов являются синонимичными. Общим во всех определениях стратегии можно отметить указание на наличие некой генеральной интенции коммуникантов, инструментом достижения которой выступает последовательность речевых действий. Следовательно, коммуникативная стратегия – это теоретический план, включающий в себя совокупность определенных коммуникативных (речевых) действий, оказывающих речевое воздействие на слушающего и строящихся в рамках основной коммуникативной интенции говорящего с учетом прагматических факторов. Под коммуникативной тактикой будут пониматься практические действия, предпринимаемые говорящим в ходе реализации коммуникативной стратегии.

Выбор наиболее эффективных коммуникативных стратегий и тактик их осуществления, их корректировка в процессе развертывания речевого взаимодействия, а также использование адекватных стилистических и языковых средств обусловлены ситуацией и правилами речевого общения, этикетностью речи, и говорят о сформированности не только коммуникативной, но и прагматической компетенции говорящего, способного адаптироваться к изменяющейся ситуации общения.

В связи с наличием или отсутствием установки на кооперацию О.С. Иссерс выделяет два типа речевых стратегий: кооперативные и некооперативные (конфронтационные) [4, с. 70]. Стоит подчеркнуть, что первые максимально учитывают не только интересы говорящего, но

и интересы слушающего, в то время как последние ориентированы лишь на интересы говорящего и не учитывают принцип сотрудничества и категорию вежливости. С точки зрения «глобальности» автором различаются общие, которые в свою очередь делятся на основные и вспомогательные, и частные стратегии [4, с. 105].

В ходе исследования были проанализированы коммуникативные ситуации, имеющие отношение к эпистемической модальности, содержащие лексические и лексико-грамматические маркеры эпистемической необходимости и эпистемической возможности. Полученные результаты позволяют выделить несколько коммуникативных стратегий и тактик, проиллюстрированных нами примерами из ресурсов художественного текста.

1. Коммуникативная стратегия искренности, при которой говорящий стремится предоставить достоверные сведения, может быть представлена следующими тактиками:

а) аргументирующая тактика: «What about twenty-four?» «Twenty-four is out of the question. The wound was fresh, Nels. Four hours – *maybe*, at the outside. No more than four, *absolutely*» [7].

б) тактика приведения примера: «That, Mr. Gudmundsson, would be the most cockeyed procedure imaginable. *Absolutely* the most cockeyed, see. If one fellow wanted to kill another he *could* find a way less foolhardy and dangerous. <...> Just shoot him, you see, then tie up to him real easy, then toss him overboard and wash your hands. He's going down hard to the bottom of the sea and won't be seen again» [7].

в) тактика апелляции к «доводам разума» / логике: «With all those lights drawing, sheriff? Batteries still strong?» «*Must* have been. Because she started with no trouble» [7].

г) тактика апелляции к авторитету:

• известному адресату и достоверному источнику: «Missus Stein said somebody *must*'ve felt sorry for us in the Harper and Row publicity department and made some calls» [8].

• реальному человеку, авторитетному лицу: <...> if I do not pass on in the next ten years I will *certainly* do so in the next twenty. <...> I say this because as an older man I am prone to ponder matters in the light of death in a way that you are not [7].

д) тактика усиления категоричности высказывания: «If the defendant had tied up to Carl Heine's boat would these two cleats in question line up?» «You bet they'd line up. And if he – Miyamoto there – had gotten in a hurry to cast off from the deceased's boat, he *could* have left a line behind tied off to that second cleat» [7].

2. Коммуникативная стратегия неискренности используется тогда, когда говорящий стремится предоставить недостоверные или ложные сведения. Это может быть обусловлено как личными мотивами (сокрытие совершенного проступка, преступления, наличие недоброжелательных мыслей), так и стремлением оградить слушающего от знания горькой правды (ложь во благо). Данная стратегия раскрывается при помощи таких тактик, как:

а) тактика лжи: «It's not forever, Jutta. Two years, *maybe*. Half the boys who get admitted don't manage to graduate. But *maybe* I'll learn something; *maybe* they'll teach me to be a proper engineer. *Maybe* I can learn to fly an airplane <...> *Maybe* we could ride all the way to Paris.» «Don't tell lies. Lie to yourself, Werner, but don't lie to me» [6].

б) тактика отвлечения: «Ain't this just a accident?» «*Of course* it is. But still, a man's dead, William. I've got a report to write up» [7].

в) тактика уклонения / смены темы: «Doesn't it make more sense just to send them a check?» «You cannot give these tribal people money, Mary Joline. <...> how would we know if they're even feeding their kids with it? They're *likely* to go to the local voodoo tent and get a satanic tattoo with our money» [8].

г) тактика контратаки: «Mother <...> did you fire Constantine?» «Did I ... what? <...> Eugenia, I told you, her sister was sick so she went up to Chicago to live with her people. Why? Who told you different?» <...> «I heard it this afternoon. In town.» «Who would talk about such a thing? <...> It *must*'ve been one of the other Nigras» [8].

3. В коммуникативной стратегии манипулирования, характеризующейся желанием говорящего добиться необходимой для него ответной реплики от слушающего, можно выделить две группы коммуникативных тактик с точки зрения эмоционального воздействия.

1) позитивные и нейтральные тактики:

а) тактика апелляции к нравственности, совести адресата: «I want them back, Hilly. You took them and they don't belong to you.» «*Of course* I took them. You have no business carrying around something like that. What if somebody saw those things?» [8]

б) провокационная тактика: Why didn't you tell anyone? It seems like the sort of thing that *would* constitute news. It would seem you *might* tell your mother, for example, or your sisters, *perhaps* – someone [7].

в) тактика намека: Does this seem odd to you? If this fishing gaff were in fact used to inflict a

head wound, would you not expect to see evidence of that? In the shape of, say, strands of hair? Or bits of skull bone? Or particles of scalp? <...> Because, as you've said, one of every ten Caucasian males has blood of the B positive type, don't they? And on an island like this one that means, *probably*, two hundred men, doctor? Would that be about right? [7]

г) тактика разоблачения: «Good soil. Good rain. Sunshine. Six children.» «There *must* be a secret you're not mentioning. I've tried growing strawberries myself, a few times, and with most of the same ingredients.» <...> «More children, yes, that is the secret. That is important, Mr. Chambers» [7].

д) тактика убеждения: «It's forever.» «There's a shore somewhere right now where the tide is up. And that's the end of the ocean.» «It doesn't end. It meets another one and pretty soon the water is back and it all mixes together.» «Oceans don't mix. They're different temperatures. They have different amounts of salt.» «They mix underneath. It's all *really* just one ocean» [7].

е) тактика уговоров: «I reckon in a few days, after you go to the store and pick up what we need.» <...> «*Maybe* you ought to go, Minny, since you know what to buy and all» [8].

ж) тактика неожиданности: «We'd been dating since we were fifteen. You know how it is, when you've been steady with somebody that long.» <...> «Actually, I *would*n't know. I've never dated anybody» [8].

з) тактика предостережения о возможных негативных последствиях: <...> on the bad parts she takes off her black reading glasses and says, «I know I wrote it, but you *really* want to put that in about the –» [8].

2) негативные тактики, такие как тактика запугивания: The first voice is suddenly right beside her ear. «They're mad for blind girls, you know.» <...> Someone else says, «They'll *probably* take the blind girls before they take the gimps» [6] и тактика угрозы: «I am here to inform your mother of what you've done.» «You're going to tell my mother on me?» «I most *certainly* am» [8].

4. Коммуникативная стратегия доброжелательности, направленная на выражение вежливости, дружелюбного, уважительного отношения говорящего к слушающему, может быть представлена тактикой похвалы: «Deena, you *might* be the most talented cook in the League! <...> The bake sale committee *really* needs somebody like you» [8] и тактикой снижения категоричности высказывания: Celia, you think that dress *might* be a little bit too ... um ... open at the top? [8]

5. Коммуникативная стратегия позитивной самопрезентации, находящая отражение в ситуациях, когда говорящий хочет произвести на аудиторию максимально положительное впечатление о себе или изменить ее представление о собственном образе в лучшую сторону, выражается при помощи:

а) тактики самооправдания: He's a good person, Mother, you know his family, he's *really* a very good person. But none of that matters, does it? I wanted to tell him it was over, Mother, but I <...> didn't *really* know what I felt. I was confused [7].

б) тактики самозащиты: We want to show your perspective ... so people *might* understand what it's like from your side. We – we hope it *might* change some things around here» [8].

6. Коммуникативная стратегия создания атмосферы эмоционально-психологического комфорта способствует снятию психологического напряжения у слушающего, поддержанию дружелюбной атмосферы и повышению эффективности общения. Данная стратегия представлена тактикой юмора: If they knew we were out here in this tree together ... <...> Your father'd *probably* kill me with a machete. He'd slice me into little pieces» [7].

7. Коммуникативная стратегия создания эмоционально-психологического дискомфорта, напротив, используется для усиления напряженной атмосферы общения и может быть реализована при помощи коммуникативной тактики иронии / сарказма: «A bill that requires every white home to have a separate bathroom for the colored help.» <...> «*Maybe* we ought to just build you a bathroom outside, Hilly» [8].

8. Коммуникативная стратегия дискредитации выражается в стремлении говорящего зародить сомнения в достоверности высказываний слушающего, снизить его авторитет, умалить достоинства в глазах окружающих и реализуется посредством:

а) тактики сомнения: But after her, you *really* think other maids will talk to you? [8]

б) тактики критики: «How's your mama? <...> She get settled in the home alright?» «I guess. <...> *Of course* she doesn't appreciate a thing I do. I had to fire that maid for her <...>» [8].

в) тактики обвинения: *Maybe* you just want me to tell you all this stuff so I get in trouble [8].

г) тактики упрека: *Perhaps* you believe you are somebody now? Somebody of importance? [6]

д) тактики оскорбления / издевки: «Sounds like a ploy to me, to find a husband. Becoming an expert on keeping house.» «Well, you *must* be a genius. You've figured out my whole scheme» [8].

9. Коммуникативная стратегия мистифи-

кации применяется в тех случаях, когда говорящий вводит в заблуждение слушающего, намеренно искажая положение дел в объективной действительности, преследуя собственные цели. Данная стратегия находит отражение в тактике маскировки (говорящий «примеряет» на себя роль «незнайки», стремясь избежать неприятного / нежелательного разговора): «Aibileen. <...> You *really* think Constantine was fired?» But Aibileen's face has gone blank as the blue sky. «I *must* be misrememoring» [8].

Рассмотрев вышеизложенное, можно прийти к нескольким выводам. Во-первых, к кооперативным коммуникативным стратегиям можно отнести стратегии искренности, доброжелательности, позитивной самопрезентации, создания атмосферы эмоционально-психологического комфорта; к некооперативным (конфронтационным) – стратегии неискренности, манипулирования, создания атмосферы эмоционально-психологического дискомфорта, дискредитации; стратегия мистификации выступает чем-то пограничным, так как коммуникант не идет на открытый конфликт, однако и не стремится к сотрудничеству. Во-вторых, можно заметить, что каждая коммуникативная стратегия и соответствующие тактики реализуются при помощи определенных языковых средств. Так, стратегия искренности отмечена преобладанием модальных маркеров эпистемической необходимости, в то время как стратегия неискренности, наоборот – маркерами эпистемической возможности в случаях, когда говорящий использует ложь во благо или для самозащиты. В стратегии манипулирования чаще встречаются маркеры эпистемической возможности; это объясняется тем, что прямому воздействию слушающий, вероятнее всего, не подчинится. В противоположность этому стратегия дискредитации реализуется при помощи модальных маркеров эпистемической необходимости, так как говорящий преследует цель максимально снизить авторитет слушающего в глазах окружающих. Как видно из примеров, в остальных коммуникативных стратегиях и тактиках чаще фигурируют языковые средства выражения эпистемической возможности, что говорит о желании говорящего снизить силу своего речевого воздействия. В заключение подчеркнем, что различные прагматические факторы оказывают влияние на выбор эпистемических маркеров, например, стратегия создания эмоционально-психологического дискомфорта в зависимости от межличностных отношений между коммуникантами может выражаться как языковыми средствами эпистемической возможности (дружеские отношения), так и эпистемической необходимости (враждебные отношения); при общении коммуникантов, находящихся на разных ступенях социальной иерархии, стратегия доброжелательности будет эксплицироваться маркерами эпистемической возможности (подчиненный – начальник) и эпистемической необходимости (начальник – подчиненный) и другое.

Список литературы

1. Борисова И.Н. Категория цели и аспекты текстового анализа // Жанры речи: Сборник научных статей. Саратов: Изд-во Государственного учебно-научного центра «Колледж», 1999. С. 81-96.

2. Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. Б. : БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 308 с.

3. Гойхман О.Я., Надеина Т.М. Речевая коммуникация: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ИНФРА-М, 2008. 207 с.

4. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 5-е. М. : Изд-во ЛКИ, 2008. 288 с.

5. Рытникова Я.Т. Гармония и дисгармония в открытой семейной беседе // Русская разговорная речь как явление городской культуры. Екатеринбург: Арго, 1996. С. 94–115.

6. Doerr A. All the Light We Cannot See. New York: Scribner, 2014. URL: http://www.anyreads.net/read/All_the_Light_We_Cannot_See/index.html (дата обращения: 16.02.2017).

7. Guterson D. Snow Falling on Cedars. Houghton Mifflin Harcourt, 1994. [Electronic book (PDF)].

8. Stockett K. The Help. London: Penguin Books, 2010. URL: http://royallib.com/book/Stockett_Kathryn/The_Help.html (дата обращения: 16.02.2017).

Об авторе

Сафина Аделина Ренатовна – ассистент кафедры иностранных языков, Набережночелнинский государственный педагогический университет, safina-adelina@mail.ru

УДК 811.111′373

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ МОДАЛЬНОСТЬ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Филичкина Т.П.

Статья посвящена вопросу идеологической модальности фразеологизмов в англоязычном политическом дискурсе. Идеологическая модальность информационно-аналитических медиатекстов отражает идеологию общества, государства и самого издания. Идеологическая модальность непосредственно связана с аксиологической, эмотивной и деонтической модальностями фразеологизмов.
Ключевые слова: идеологическая модальность, фразеологизм, аксиологическая модальность, эмотивная модальность, деонтическая модальность, медиатекст, политический дискурс.

IDEOLOGICAL MODALITY OF IDIOMS IN ENGLISH LANGUAGE POLITICAL DISCOURSE

Filichkina T.P.

The article is devoted to the problem of ideological modality of idioms in the english language political discourse. The ideological modality of mediatexts reflects the ideology of the society, of the state and political views of the media outlet. The ideological modality is closely connected with axiological, emotive and deontic modality.
Keywords: ideological modality, idiom, axiological modality, emotive modality, deontic modality, political discourse.

Средства массовой информации играют важную роль в формировании информационной картины мира общества и являются активным участником всех политических процессов. С одной стороны, СМИ стремятся объективно отражать реальную действительность (события, явления, персонажей), а с другой – создают собственную реальность, в том числе и реальность политическую. Политическая жизнь общества зависит от того, как ее события и участники представлены в медийном пространстве. СМИ могут создать положительный имидж и репутацию политика, а могут его уничтожить.

Политический дискурс представляет собой «совокупность процессов и продуктов речевой деятельности в сфере политических коммуникаций во всем богатстве и сложности их взаимодействия» [1, с. 197], то есть включает сообщение (сам медиатекст), канал передачи, а также экстралингвистические факторы (социально-исторический, культурный и политико-идеологический контекст) и прагматические факторы (интерпретацию, оценку). Выделяют три основных типа презентаций событий в средствах массовой информации: отражение, реконструкция, миф. «Отражение» представляет наиболее беспристрастное воспроизведение событий и отсутствие комментария и оценок. При «реконструкции» реальное событие интерпретируется, комментируется и оценивается, исходя из политико-идеологических установок. Презентация «миф» – это образ события, часто не соответствующий реальной действительности, целью которого является идеологическое воздействие для достижения политических целей.

Идеология традиционно определяется как совокупность идей, взглядов, система ценностей и социальных отношений, существующих в определенном сообществе. Идеологическое влияние СМИ на формирование общественного мнения осуществляется с помощью языковых средств, используемых для интерпретации политических событий и оценки их участников. Интерпретация подразумевает определенную свободу в толковании события, которая обусловлена семантикой лексико-фразеологического состава медиатекста, а также идеологическими факторами. Сравнивая информационно-аналитические статьи различных источников, освещающих одинаковые явления общественной жизни, можно отметить различную трактовку событий и определить идеологическую направленность издания. Идеологическая модальность – это особый мировоззренческий оттенок, который передается с помощью различных языковых средств [2, с. 65]. Идеологическая модальность определяется при интерпретации текстов политического дискурса, анализа их лексико-фразеологического состава.

В лингвистике модальность представляет собой функционально-семантическую категорию, которая выражает разные виды отношения высказывания к действительности, а также разные виды субъективной оценки сообщаемого, то есть, передаёт отношение говорящего к содержанию высказывания, целевую уста-

новку речи, отношение содержания высказывания к действительности. Различают субъективную и объективную модальность. В текстах политического медиадискурса особая роль принадлежит субъективной модальности. Субъективная модальность текстов СМИ содержит идеологическую составляющую, связанную с отношением автора к происходящим событиям в обществе. Определить идеологическую модальность можно, проведя дискурсивный анализ медийного текста с учетом экстралингвистических, лингвистических и прагматических факторов, имеющих отношение к тексту.

К экстралингвистическим факторам следует отнести экономическую и политическую ситуацию в стране и в мире в целом, события (текущие и предшествующие, если они имеют отношение к содержанию текста), идеологию общества, государства, а также идеологическую направленность самого источника информации.

Лингвистические факторы включают коннотативный аспект семантики лексических единиц, содержащих рациональную и эмоциональную оценку событий, происходящих в мире.

Прагматический аспект идеологической модальности фразеологизмов в медиатексте – это коммуникативная стратегия автора, направленная на формирование у читателя определенного отношения к сообщаемому.

Все перечисленные факторы взаимосвязаны, но определяющим в идеологической модальности, на наш взгляд, является лингвистический аспект, в котором эксплицитно или имплицитно присутствуют различные виды оценок.

В лингвистическом аспекте языка СМИ следует выделить фразеологические обороты, пословицы, поговорки и крылатые выражения, которые являются обязательным стилистическим компонентом текстов политического дискурса. Они придают тексту определенную воздействующую силу, создают специфическую образность. Фразеологизмы способны не только выразить соответствующую мысль более колоритно, но и передать отношение к событию, различные оценки явлений, фактов, участников.

Окружающий мир определяется говорящим с точки зрения его ценностной картины мира, это членение социально обусловлено и отражено в лексико-фразеологическом составе языка. В сознании каждого носителя языка хранятся усвоенные им в процессе социализации культурно-значимые коннотации и оценки, которые содержатся во фразеологических единицах лингвокультурного сообщества. Как правило, возникновение фразеологизма связано с каким-либо прецедентным феноменом: прецедентным именем, прецедентной ситуацией, прецедентным текстом или прецедентным высказыванием. Иногда трудно проследить этимологию возникновения идиом, но ассоциации, связанные с ними, существуют в общей когнитивной базе социума и в индивидуальной когнитивной базе каждого носителя языка [3].

Текстам политического дискурса свойственно субъективно-оценочное отношение к содержанию высказывания. Функция медийных статей – дать оценку фактам, изложенным в информационных сообщениях. Оценка, как правило, свойственна авторским материалам (авторская статья, редакционная статья, очерк, репортаж с места событий, интервью). Оценочность медиатекста отражает представление автора (или редакции) о положительном или отрицательном содержании описываемого политического события или персонажа.

Поскольку основными функциями текстов политического дискурса являются информирование и воздействие, то фразеологизмы как единицы вторичной номинации играют особую роль в формировании оценки события, явления или действующего лица, описываемого в медиатексте. Разные виды оценки наиболее очевидно присутствуют в информационно-аналитических текстах и в меньшей степени в информационных, или новостных текстах. Оценка в информационных текстах часто содержится в цитатах или в их передаче косвенной речью.

В ценностной картине мира любого этноса можно выделить два аспекта – это рациональная оценка объективного мира и эмотивная, или эмоциональная, оценка. Но в естественном языке не существует чисто эмоциональной оценки, так как язык всегда предполагает рациональный аспект. Разделение чисто рационального и чисто эмоционального в языке является условным.

Рациональная оценка непосредственно связана с аксиологической модальностью, которая различает негативные, позитивные и нейтральные оценки. Рациональная оценка содержит мнение субъекта о положительной или отрицательной ценности обозначаемого в целом или какого-либо его свойства, основанное на знании узуальных норм ценностной картины мира, которая сформирована на обиходно-бытовом образе мира, сложившемся в данном лингвокультурном сообществе.

В сущности, любая фразеологическая единица окрашена аксиологически. Оценка выражается эксплицитно, если хотя бы один компонент фразеологизма является оценочным или его внутренняя форма носит оценочный характер. Если все компоненты идиомы являются безоценочными и ее внутренняя форма стерта, то оценка является имплицитной. Процедуру оценивания (рациональной оценки) можно описать, используя когнитивно-модальные операторы «считать, что хорошо, плохо, нейтрально», которые выводятся из аксиологических операторов «хорошо», «нейтрально», «плохо».

Фразеологические единицы текстов политического дискурса в подавляющем большинстве содержат как рациональную, так и эмотивную, или эмоциональную, оценку. Рациональная и эмоциональная оценки взаимосвязаны и взаимообусловлены. В каждом конкретном случае очень трудно разграничить чувственную и когнитивную стороны деятельности, поскольку «сами эмоции человека представляют единство эмоционального и интеллектуального, так же как познавательные процессы обычно образуют единство интеллектуального и эмоционального» [4, с. 141].

Эмоции являются формой отражения действительности, ее познания и выражаются средствами языка. Это такой способ отношения человека к окружающему миру и себе самому, который связан с образным основанием и выражается в виде непосредственного переживания. Эмоциональный мир представляет собой неотъемлемую часть человеческой психологии. «Человек разумный» – это обязательно еще и «человек эмоциональный». Динамическое единство рационального и эмоционального в медиатексте обеспечивает возможность доминирования в высказывании то интеллекта, то аффекта, при обязательном сохранении обоих компонентов в каждом случае.

Являясь ядром национально-культурной коннотации, образность выполняет роль основы эмотивной коннотации. По определению В. Н. Телия, эмотивность, или эмотивная коннотация, – это не только след эмоциональной реакции на образ, лежащий в основе значения, но еще и результат интерпретации образного основания в пространстве установок культуры и ее «идеалов». Гармония с этими установками выражается в спектре положительных чувств-отношений в диапазоне одобрения, а дисгармония – в диапазоне неодобрения (презрения, осуждения, пренебрежения, уничижения и т.п.) [5, с. 232].

Эмотивность – это эмоциональность в языковом преломлении, т. е. чувственная оценка объекта, выражение языковыми или речевыми средствами чувств, настроений, переживаний человека. Эмоциональная оценка передается в языке при помощи различных языковых средств, среди которых особенное место занимают фразеологизмы. Информацию об эмотивном отношении говорящего, содержащуюся в семантической структуре фразеологической единицы, можно установить с помощью когнитивно-модальных операторов «испытай неодобрение, презрение, пренебрежение, уничижение, порицание… или одобрение, восторг, восхищение…».

Наряду с аксиологической и эмотивной модальностью во многих фразеологических единицах присутствует деонтическая модальность, которая также относится к субъективным модальностям. Деонтическая модальность – это тоже оценка, но оценивается соответствие действия или состояния нормам, принятым в обществе (правовым, морально-этическим, социальным). Деонтические нормы связаны с обозначением социального поведения людей и предписывают, что должно, следует, что разрешено и что запрещено (модальные операторы «следует» или «нужно», «разрешено», «запрещено», «безразлично»). Они включают нормы поведения индивидов, необходимые для функционирования общества, которые закрепляются в сознании и выступают в качестве обязательных регуляторов поведения.

Таким образом, идеологическая модальность представляет собой широкую категорию, которая включает основные субъективные модальности: аксиологическую, эмотивную и деонтическую. Аксиологическая модальность различает негативные, позитивные и нейтральные оценки. Эмотивная модальность отражает широкий диапазон чувств и эмоций: одобрение, восхищение, нейтральное отношение, неодобрение и его различные оттенки (восхищение, осуждение и т. д.). Деонтическая модальность предписывает, что должно, что разрешено и что запрещено. Идеологическую модальность фразеологизмов текстов политического дискурса можно формализовать, применив модальные операторы аксиологической, эмотивной и деонтической модальностей.

Предлагается рассмотреть несколько примеров употребления фразеологизмов в информационно-аналитической статье британской газеты *The Guardian* ***"The Guardian view on President-elect Donald Trump: a dark day for***

the world" и определить идеологическую модальность идиом [7].

Для анализа фразеологических единиц данной статьи необходимо учитывать ряд экстралингвистических факторов. Газета *The Guardian* относится к серьезной журналистике (quality paper) и отражает взгляды лейбористской партии Британии, ее политического истеблишмента. Статья была опубликована на следующий день после выборов президента в Соединенных Штатах. Многие политические деятели стран Европы, в том числе Великобритании, поддерживали кандидата от демократической партии Хиллари Клинтон. Победа Дональда Трампа на выборах оказалась неожиданной для многих как в США, так и в Европе. Газета *The Guardian* опубликовала редакционную статью и попыталась проанализировать результаты выборов, отразив мнение многих представителей политической элиты Великобритании. В тексте статьи используются различные стилистические приемы, содержится много коннотативно окрашенной лексики и фразеологизмов, которые определяют идеологическую модальность медиатекста. Для определения идеологической модальности предлагается рассмотреть несколько фразеологизмов, встречающихся в статье.

1. *Republican congressional candidates who had scrabbled to put distance between themselves and their nominee after the ugly TV debates found themselves* ***riding to victory on Mr Trump's coattails***.

To ride on smb's coattails – 'пользоваться чьим-либо покровительством, добиться незаслуженного успеха с помощью влиятельного лица' [6].

Многие кандидаты в палату представителей от Республиканской партии США старались дистанцироваться от Дональда Трампа в период предвыборной кампании, но оказались в составе Палаты представителей в результате его победы. Незаслуженный успех вызывает отрицательную рациональную оценку (модальный оператор «плохо»), неодобрительную эмотивную оценку (модальный оператор «осуждение»). Такое поведение и такие действия не соответствуют моральным нормам общества, т.е. «не следует» осуждать человека, его действия и взгляды, а затем воспользоваться его успехом в своих целях (деонтическая модальность).

2. *President Trump is the shock heard round the world. Now that he has won, the instant explanations have already started to flood in: that the mobilisation (or not) of this or that demographic was decisive; that he tapped the angry anti-establishment mood; that he spoke for millions who felt abandoned by the prosperous and progressive; that American nativism was always far stronger than liberals wanted to think; that he* ***rode the tiger*** *of post-truth politics; that the mainstream media failed to call him out; that it was the Russians who won it for him.*

To ride the tiger – 'шутить с огнем, сильно рисковать' [6].

Газета *The Guardian* пытается дать объяснение победе Дональда Трампа на президентских выборах и представить ее как неожиданное стечение обстоятельств. С точки зрения газеты избранный президент сильно рисковал в своей предвыборной кампании, игнорируя объективные факты и обращаясь к эмоциям избирателей, т. е. для формирования общественного мнения обращался к «политике постправды».

Рациональную оценку фразеологизма можно представить модальным оператором «плохо», эмотивная оценка отражает неодобрение газеты (модальный оператор «осуждение»), деонтическая модальность определяется модальным оператором «не следует» искажать факты. Искажение фактов, так называемая постправда, не является нормой, хотя и часто присутствует в политической предвыборной борьбе. Моральные нормы общества запрещают прибегать ко лжи для достижения своих целей. Это рискованно, так как истина может обнаружиться.

3. *In that sense, the Trump triumph has echoes of the increasingly alarming general rightward shift in the politics of other post-industrial western democracies, to which progressives have again produced inadequate responses. The parallel with Britain's Brexit vote is obvious and real. So, perhaps, is the further boost that the Trump triumph may hand to nationalists in many parts of Europe – Marine Le Pen* ***jumped quickly on that bandwagon***.

To jump on the bandwagon – примкнуть к побеждающей на выборах стороне, присоединиться к популярному делу или движению [6].

Избрание Дональда Трампа приветствовали партии и политики правого националистического толка в Европе, например, Марин Ле Пен во Франции. Но в статье поддержка вновь избранного президента США со стороны националистических лидеров имеет отрицательную рациональную оценку, вызывает неодобрение и осуждение с точки зрения эмоций. Политическая программа Дональда Трампа не соответствует социальным нормам «демокра-

тического общества» с его либеральными ценностями и толерантностью (деонтическая модальность).

Следует отметить, что фразеологические единицы в данной статье приобретают идеологическую модальность и связанные с ней оценки, которые идеологически мотивированы, отражают отношение редакции газеты *The Guardian* и большей части британского истеблишмента к неожиданной победе Дональда Трампа на президентских выборах в США. Идеологическая модальность фразеологизмов статьи направлена на формирование у читательской аудитории определенных мировоззренческих установок, негативного отношения к избранному президенту США.

Исходя из указанных выше типов презентаций, статья представляет собой «реконструкцию» и «миф», поскольку результаты выборов в США интерпретируются, оцениваются, и образ победившего президента преподносится в искаженном виде, который не соответствует реальности. Цель данного медиатекста – вызвать чувство беспокойства за будущее своей страны, за свое собственное будущее, тревогу и страх перед грядущими изменениями в мировом порядке, вызвать протест у читателей и, возможно, подтолкнуть их к выражению недовольства.

Таким образом, идеологическая модальность медиатекстов – это комментарий и интерпретация информации с целью формирования общественного мнения, побуждения к определенным действиям. Фразеологические единицы в текстах политического дискурса являются важным средством не только для выражения авторской оценки события, факта или персонажа, но и для ее навязывания адресату.

Список литературы

1. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. Москва, 2008. 203 с. [Электронный ресурс] // http://www.ffl.msu.ru/research/publications/dobrosklonskaya/dobrosklonskaya-medialingvistika.pdf (дата обращения: 17.04.2017).

2. Добросклонская Т.Г. Язык средств массовой информации. М.: КДУ, 2008. 116 с.

3. Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. М.: Гнозис, 2002. 284 с.

4. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М. Наука, 1989. Т.2. 396 с.

5. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 284 с.

6. Словарь Мультитран. [Электронный ресурс] // https://yandex.ru/search/?text=multitran.ru&lr=10 (дата обращения 17.04.2017).

7. "The Guardian view on President-elect Donald Trump: a dark day for the world", The Guardian, 9 Nov 2016. [Электронный ресурс] // https://www.theguardian.com/commentisfree/2016/nov/09/the-guardian-view-on-president-elect-donald-trump-a-dark-day-for-the-world (дата обращения: 10.11.2016).

Об авторе

Филичкина Татьяна Петровна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных и русского языков, Академия ФСО России, filitchkina_orel@mail.ru

УДК 811.111

О МОДАЛЬНОСТИ ПЕРСУАЗИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Червяков А.А.

Конфликт представляет собой противоречие во взглядах и является естественной площадкой для реализации стратегии убеждения. На эффективность диалогического общения и убеждения влияют не только собственно вербальные конструкции, но и внешние факторы – время, место, коммуникативные портреты участников, что формирует т.н. коммуникативную ситуацию. В коммуникативной ситуации убеждения реализуется несколько типов модальных значений. Каждое из значений обладает собственным набором средств выражения. На грамматическом уровне активно употребляются формы сослагательного наклонения и будущего времени для моделирования в сознании слушающего привлекательности аргументируемой говорящим точки зрения. На лексико-синтаксическом уровне для этой цели чаще используются вводные слова, постулирующие уверенность и убежденность говорящего, на синтаксическом уровне – утвердительные конструкции и разделительные вопросы, выполняющие функцию риторических либо наводящих, на стилистическом уровне часто отмечены повторы, сравнения, метафоры и т.д. Эффективная реализация убеждения способствует успеху человека во всех жизненных сферах.

Ключевые слова: убеждение, стратегия, диалог, модальность, лексические, грамматические, стилистические средства.

ON MODALITY OF PERSUASIVE CONSTRUCTIONS IN MODERN ENGLISH

Chervyakov A.A.

A conflict is a controversy in view points and is a natural site for persuasion strategy realization. The effectiveness of dialogical communication and persuasion is influenced not only by verbal constructions but also exterior factors, such as the time, place, communicative portraits of the participants which form the so-called communicative situation. In a communicative situation several types of modal meanings are used at once. Each meaning has its own set of means of expression. On a grammatical level subjunctive forms and future tense forms are actively used to model a pleasant image of the point of view promoted. On a lexical and syntactic level introductory words showing assurance of the speaker are used. On a syntactic level declarative constructions and disjunctive questions, functioning as rhetoric ones or hints are used. On a stylistic level repetitions, similes, metaphors etc are often observed. Effective persuasion makes a person successful in all life spheres.

Keywords: persuasion, strategy, dialogue, modality, lexical, grammatical, stylistic means.

В жизни каждого человека возникают конфликтные ситуации. Наиболее эффективный способ избежать их – это адаптироваться в конфликтном мире: учиться контролировать конфликтные ситуации, эффективно использовать конструктивный потенциал конфликта и свести до минимума его деструктивный потенциал, а также следовать оптимальным моделям поведения и успешно противостоять агрессивным намерениям других людей. Умение управлять конфликтами закономерно дает человеку чувство, что это он влияет на ситуацию, а не ситуация на него. Анализ правильной коммуникативной линии поведения при столкновении интересов и особенностей выражения собственной позиции с целью убедить слушающего в ее правильности составляют актуальность и новизну данной статьи.

Целью статьи является описание реализации говорящим стратегии убеждения (персуазивной стратегии) и используемых при этом языковых средств. Для достижения цели ставятся следующие задачи: 1) определить принципы коммуникативного взаимодействия в диалоге; 2) описать коммуникативные роли говорящего и слушающего; 3) показать особенности построения коммуникативной стратегии; 4) раскрыть модальную семантику конструкций при реализации стратегии убеждения; 5) проанализировать средства выражения модальной семантики, используемые для убеждения собеседника.

В качестве материала исследования использованы примеры различных ситуаций убеждения, собранные методом сплошной выборки из текстов художественной литературы современных английских и американских авторов.

Убеждение – это метод воздействия на сознание людей, обращенный к их собственному критическому восприятию. Его суть заключается в том, чтобы с помощью логических аргументов сначала добиться от человека внутреннего согласия с определенными умозаключениями, а затем на этой основе сформировать и закрепить новые установки (или трансформировать старые), соответствующие поставленной цели. Цель убеждения – изменить взгляды человека, чтобы повлиять на его последующее поведение.

Согласно теории речевых актов, Дж. Остина и Дж. Серля, каждый речевой акт имеет собственную иллокутивную цель. В исследовании было выявлено, что для эффективной коммуникации и реализации стратегии убеждения

говорящему необходимо представлять иллокутивную цель своего высказывания, учитывать все компоненты коммуникативной ситуации, ясно видеть коммуникативный портрет слушающего и иметь определенную коммуникативную интенцию, а также учитывать тактики реализации стратегии убеждения.

Потребность в общении является одной из базовых потребностей человека. Любое общение осуществляется в конкретной социальной ситуации. Для каждой ситуации общения характерны конкретные условия, обстоятельства, цели, участники общения. Таким образом, под коммуникативной ситуацией понимается сложный комплекс внешних условий общения и внутренних состояний общающихся, представленных в речевом произведении, направляемом адресату. [1, с. 43 – 48.]

Для адекватной коммуникации говорящий и слушающий должны представлять коммуникативные портреты друг друга. О. Л. Каменская в своей теории коммуникативного портрета выделяет следующие его составляющие: 1) язык; 2) пол и возраст; 3) профессиональные интересы и уровень образования; 4) особенности характера и темперамент, состояние здоровья, эмоциональное состояние, 5) опыт общения [2, с. 21]. Таким образом, коммуникативный портрет – это совокупность определенных характеристик и особенностей личности в контексте речевого общения.

Кроме того, для реализации коммуникативной стратегии убеждения говорящий должен передавать собственное отношение к сообщаемой информации – модальность. Модальность – понятийная категория со значением отношения говорящего к содержанию высказывания и отношения содержания высказывания к действительности (отношение сообщаемого к его реальному осуществлению), выражаемая разными средствами. Объективная модальность обязательна для любого высказывания. Данный вид модальности передает отношение сообщаемого к действительности в плане реальности (осуществленности или осуществимости). Субъективная модальность – это отношение говорящего к сообщаемому. Она является факультативным признаком высказывания в отличие от объективной модальности. Кроме того, семантический объем объективной модальности значительно уже семантического объема субъективной модальности [3, с. 66-69].

Обратимся к модальной семантике и рассмотрим типы, которые выделяют в языке. Согласно теории Л. А. Бирюлина и Е. Е. Корди, в языке выделяют шесть модальных значений, каждый из которых обладает собственным набором средств выражения [4, с. 67-72].

1) Реальность/нереальность сообщаемого.

Данный тип модальности выражается на грамматическом уровне с помощью категории наклонения и форм времени.

Реальность выражают изъявительное наклонение и прошедшее, простое и завершенное настоящее время. Нереальность события выражают повелительное и сослагательное наклонение, будущее время и настоящее длительное время:

“I know many of you are upset. But I did not show you this film today just to get an emotional reaction from you. I want you to think about what you saw and what I told you. Does anybody have any questions?” [11, p. 17]

2) Достоверность, уверенность говорящего в сообщаемом.

“Well, I know one thing”, she interpolated at this point, “and that is, you will never really be beaten. You are too wise and too clever.” [8, p. 19]

В данном примере субъективная модальность выражается как на синтаксическом уровне (вводными словами), так и на морфологическом (усилительными частицами, наречиями), а, кроме того, на стилистическом уровне (повторами).

3) Возможность, вероятность, желательность.

Субъективная модальность выражается на грамматическом уровне модальными глаголами и конструкциями и на лексическом уровне – глаголами с модальной семантикой.

“The Nazis might have been a minority, but they were a highly organized, armed, dangerous minority…” [11, p. 18]

4) Утверждение/отрицание.

Данный тип модальности выражается при помощи оператора отрицания *not/no/never* и реализуется на грамматическом уровне.

“Indeed, Mamma, you are mistaken”, said Elizabeth blushing for her mother, “You quite mistook Mr. Darcy. He only meant that there was not such a variety of people to be met with in the country as in the town, which you must acknowledge to be true.” [5, p. 36]

5) Целевая установка высказывания.

Данное модальное значение передается определенным типом предложения по цели высказывания и реализуется на синтаксическом уровне.

"Now listen carefully!" Ben shouted at them. "There is no National Youth Movement. There is no leader. But if there was, he would have been it. Do you see what you've become? Do you see where you were headed? How far would you have gone? Take a look at your future!" [11, p. 139]

6) Эмоциональная оценка.

Данное значение встречается наиболее часто и показывает трактовку автором события или ситуации. На фонетическом уровне выражается интонацией, на лексическом – лексическими единицами, передающими эмоциональную семантику, на лексико-синтаксическом уровне – вводными словами. Таким образом, модальное значение эмоциональной оценки – это результат сопоставления автором внешних событий со своими собственными представлениями о высказываемом, которые вырабатываются на основе опыта, воспитания и т.д.

"Has it never occurred to you that that miserable clown may have a soul–a living, struggling, human soul, tied down into that crooked hulk of a body and forced to slave for it? You that are so tender-hearted to everything–you that pity the body in its fool's dress and bells–have you never thought of the wretched soul that has not even motley to cover its horrible nakedness? <…>" [12, p. 161-162]

Рассмотрев типологию модальной семантики, мы можем систематизировать средства выражения модальности, используемые для убеждения собеседника.

1. На **морфологическом** уровне средства выражения модальности в персуазивных конструкциях представлены модальными глаголами и модальными частицами, формами наклонения и временными формами.

"I'm going to have a word with every patient he saw this morning. There's just the possibility that he may have said something to one of them that will put us on the right track". [6, p. 58]

В приведенном примере модальное значение нереальности представлено формами простого будущего времени *will put*, конструкцией *I'm going to* и значение вероятности, возможности – модальным глаголом *may*. Также подчеркивается модальное значение реальности формой прошедшего времени *saw*.

"Imp! Be serious, Bevy!" [8, p. 151]

Говорящим использовано повелительное наклонение, таким образом выражается нереальность события в высказывании.

"Well, I know one thing", she interpolated at this point, "and that is, you will never really be beaten. You are too wise and too clever." [8, p. 19]

В примере употреблено изъявительное наклонение и формы настоящего простого времени, чтобы показать слушающему реальность события в высказывании. Кроме того, говорящим использованы усилительные элементы *too, really* и наречие *never*, подчеркивающее уверенность говорящего в высказываемом и достоверность сообщаемого.

2. На **синтаксическом** уровне модальность в персуазивных конструкциях реализуется типами предложений по цели высказывания, предложениями с обособленными членами предложения, синтаксическими конструкциями с усилением отрицания, синтаксическими конструкциями с многоточием, вводными словами, модальными конструкциями.

"It's complicated", Rudolph said. "I'd rather we didn't discuss it until you've read it". [10, p. 349]

Модальное значение желательности выражено конструкцией *would rather….*

"It was some broken wittles – that's what it was – and a dram of liquor, and a pie". [7, p. 45]

Модальность реализуется за счет предложения с обособленными членами предложения и выражает значение желательности говорящего.

"Yes. Perhaps I ought to mention", said Herbert, who had become curiously crestfallen and meek, since we entered on the interesting theme, "that she is rather below my mother's nonsensical family notions. Her father had to do with the victualling of passenger-ships. I think he was a species of purser?" [7, p 239]

Модальное значение сомнения передается вводным словом *perhaps*, значение вероятности, возможности передано конструкцией *she is rather… .*

"What I mean is… we're in this for the money, and you could be too!" [9, p. 84]

В пример введена синтаксическая конструкция с многоточием для того, чтобы указать неуверенность говорящего, показать его сомнение.

"Yacht! Yacht!" exclaimed Berenice, excitedly, and at the same time laying a finger on his lips. "Oh, no, no! Now you're treading on my plans. Fixing things I want to fix. You see…" [8, p.150-151]

Героиня выражает свою радость к сообщаемому, используя восклицательные предложения. В данном примере отражено модальное значение эмоциональной оценки и цели установки.

3. На **лексическом** уровне модальность в персуазивных конструкциях передается за счет слов с модальной семантикой.

"But she is so amusing, so extremely amusing!

I am very fond of hearing Miss Bates talk. And I need not bring the whole family, you know". [5, p. 750]

Данный пример подчеркивает модальное значение эмоциональной оценки, которое передается лексической единицей extremely, передающей эмоциональную семантику.

"Yet I hardly know haw", cried Marianne, "unless it had been under totally different circumstances. But this is the usual way of heightening alarm, where there is nothing to be alarmed at in reality." [5, p. 376]

Модальное значение эмоциональной оценки в данном примере введено при помощи лексических единиц *hardly, totally, heightening,* которые обладают эмоциональной семантикой.

4. На **стилистическом** уровне модальность выражается тропами, стилистическими фигурами речи, например, метафорой, иронией, сравнением, парцелляцией, инверсией, анафорой, эпифорой, повторами.

"He tried – he tried – to murder me. Bear – bear witness". [7, p. 42]

Говорящим употреблены повторы для выражения его уверенности в достоверности сообщаемого.

"Evening, partner", said Peregrine, pronouncing the words with sodden irony. [9, p. 264]

Говорящим использована ирония для выражения модального значения эмоциональной оценки.

Выводы:

1. Конфликт в широком понимании представляет собой противоречие во взглядах и является естественной площадкой для реализации стратегии убеждения. Грамотное поведение в ситуациях конфликта предполагает умение разрешить его вербальными средствами с помощью диалога.

2. Диалог представляет собой взаимодействие коммуникативных ролей говорящего и слушающего. Однако на эффективность диалогического общения и убеждения влияют не только собственно вербальные конструкции, но и внешние факторы – время, место, коммуникативные портреты участников, что формирует т.н. коммуникативную ситуацию. Под коммуникативной ситуацией понимается сложный комплекс внешних условий общения (место, время, участники коммуникации) и внутренних состояний общающихся, представленных в речи (язык, психологическое состояние, возраст и т.д.).

3. Каждый речевой акт имеет собственную иллокутивную цель. Для эффективной реализации стратегии убеждения говорящему необходимо иметь четкую коммуникативную интенцию, представлять иллокутивную цель своего высказывания, учитывать все компоненты коммуникативной ситуации, ясно видеть коммуникативный портрет слушающего.

4. В языке существует несколько типов модальных значений. Каждое из значений обладает собственным набором средств выражения. Практически все средства выражения модальных значений могут способствовать реализации стратегии убеждения. При аргументации собственной точки зрения в персуазивной ситуации говорящий активно использует средства выражения модальности. На грамматическом уровне активно употребляются формы сослагательного наклонения и будущего времени для моделирования в сознании слушающего привлекательности аргументируемой говорящим точки зрения. На лексико-синтаксическом уровне для этой цели чаще используются вводные слова, постулирующие уверенность и убежденность говорящего, на синтаксическом уровне – утвердительные конструкции и разделительные вопросы, выполняющие функцию риторических либо наводящих, на стилистическом уровне часто отмечены повторы, сравнения, метафоры и т.д.

3. Для успешной реализации стратегии убеждения говорящему следует учитывать психологическое состояние собеседника, обращать внимание на особенности восприятия слушающего, уметь правильно преподнести аргументы в свою пользу и направить разговор в нужное оратору русло. Для этого рекомендуется строить свою речь согласно следующим принципам: аргументы должны быть доказательны, соответствовать законам формальной логики, быть конкретными и содержать разнообразные факты. Продуктивность аргументов во многом зависит от истинности фактов, к которым апеллирует говорящий, а также от условий, в которых презентуется информация. Знание языковых средств и приемов реализации стратегии убеждения и умение их применять на практике помогает эффективно презентовать свою точку зрения и доказывать ее правильность собеседнику. Эффективная реализация убеждения способствует успеху человека в личной, социальной и профессиональной сферах.

Список литературы

1. Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 22-129.

2. Каменская, О. Л. Текст и коммуникация / О.Л. Каменская. Москва: Высшая школа, 1990. 152 с.

3. Мусаева Г. Ф. Роль категории модальности в реализации прагматических установок в художественном тексте Текст.: дис. канд. филол. наук / Г. Ф. Мусаева. Баку, 1991. 230 с.

4. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. / Отв. ред. А.В. Бондарко. Л.: Наука, 1990. 264 с.

5. Austen, J. The Best of Jane Austen. Pride and Prejudice. Sense and Sensibility. Emma. Москва: Эксмо, 2013. 944 с.

6. Christie, A. One, two, buckle my shoe. Москва: Айрис-Пресс, 2011. 352 с.

7. Dickens, Ch. Great Expectations. New York: Collier Books, 1962. 448 p.

8. Dreiser, T. The Stoic. Санкт-Петербург: КАРО, 2009. 512 p.

9. Macintyre M. Whirligig. London: Short Books, 2013. 302 p.

10. Shaw, I. Rich Man, Poor Man. London: Hodder & Stoughton Paperbacks, 1988. 767 p.

11. Strasser, T. The Wave. New York: Dell Publishing Co., Inc., 1981. 144 p.

12. Voynich, E. L. The Gadfly. Los Angeles: Norilana Books, 2006. 312 p.

Об авторе

Червяков Алексей Аркадьевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка, Педагогический институт, Вологодский государственный университет, kpskl@yandex.ru

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 372.874

ДИАЛОГ УЧИТЕЛЯ И УЧЕНИКОВ В ПРОСТРАНСТВЕ ИСКУССТВА КАК УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ОТНОШЕНИЯ К МИРУ[1]

Асташова Н.А., Волкова М.Г.

В статье определяется потенциал использования диалога как инструмента формирования эстетического отношения к миру у младших подростков. Авторы проводят исследование на основе личностно ориентированного, аксиологического, культурологического и деятельностного подходов. Подчеркивается роль коммуникативной деятельности на уроках изобразительного искусства и целесообразность включения в педагогический процесс таких форм работы, как фронтальная, комплексная и коллективно-производственная. В статье представлены результаты исследования уровней сформированности эстетического отношения младших подростков к окружающему миру.
Ключевые слова: диалог, формирование эстетического отношения к миру у младших подростков, коммуникативная деятельность на уроках изобразительного искусства.

THE DIALOGUE OF TEACHERS AND STUDENTS IN THE FIELD OF ART AS THE CONDITION FOR THE FORMATION OF AESTHETIC RELATIONSHIP TO THE WORLD

Astashova N.A., Volkova M.G.

The article defines the potential of using dialogue as a tool that the formation of aesthetic relationship to the world in younger adolescents. The authors conduct the study on the basis of personality-oriented, axiological, culturological-tion and activity approaches. Emphasizes the role of communicative activities in the classes of art and the appropriateness of the pedagogical process of such forms of work as a front-end, integrated and collective production.
The article presents the results of a study of levels of formation of esteti-IC relationships of younger adolescents to the world.
Keywords: dialogue, formation of aesthetic attitude to the world among younger adolescents, communicative activities in the classroom visual arts.

Общеизвестно, что понятие «диалог» чаще всего употребляется как встреча двух или нескольких мнений, позиций, уникальность которых доказывается, отстаивается и в конечном результате сохраняется или трансформируется. Потенциал диалога огромен, он стимулирует активность мышления, развитие психических процессов, эмоциональных проявлений и интеллектуальных умений. Именно поэтому в формировании эстетического отношения к окружающему миру у младших подростков роль диалога «учитель-ученик» может быть ключевой. Во-первых, если речь идет о подростковом возрасте, то взаимодействие приобретает особый смысл, ведь у подростка качественно перестраивается система отношений к себе, к другим людям, к окружающему миру. Во-вторых, когда в центре внимания участников диалога находится искусство, то пространство диалога заполняется художественными образами, которые стимулируют развитие эстетического восприятия, эстетического мышления, эстетических чувств и эстетической деятельности.

И возможно, самое главное – использование диалога «учитель-ученик» как условие формирования эстетического отношения к окружающему миру у младших подростков дает толчок углубленному развитию способности к творчеству и созданию образцов культуры и искусства, которые не только отвечают характеристикам «прекрасного», но и могут экстраполироваться на другие сферы жизни.

Понятие «диалог» рассматривается нами как «способ познания себя и окружающей действительности в условиях субъектно-смыслового общения [1, с.136]. Важным в нашем исследовании является ключевой тезис русского философа М.М. Бахтина: «Жить - значит участвовать в диалоге» [2, с. 118], что позволяет увидеть противоречия, спорные моменты, разные точки зрения и относиться к ним с уважением. Вызывает интерес и позиция М.Бубера, который подчеркивал, что диалог- это бытие, в котором возникают и существуют этические, эстетические, теоретико-познавательные вопросы, а также вопросы культуры [4]. При этом ученый выделял три вида диалога: подлинный,

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Брянской области в рамках научного проекта № 17-16-32003

в котором с помощью слова (молчания) осуществляется попытка установить и развивать живое взаимоотношение; технический, вызванный лишь необходимостью объективного взаимопонимания; «замаскированный под диалог монолог, в котором два человека или несколько собравшихся людей странными извилистыми путями говорят с самими собой, полагая при этом, что они избавлены от мучительного пребывания лишь с самими собой» [4].

Изучение проблемы использования диалога учителя и учеников в пространстве искусства актуализировало важную идею М.С. Кагана о том, что диалог - это такой тип общения, для которого свойственно создание общего нового интеллектуального продукта (идеи, решения и т.п.) [5]. Иными словами, диалог - это совместное творчество, где участники познают себя, выясняют детали, проясняют смыслы, ощущают себя полноценными партнерами, взаимодействуют и взаимообогащаются.

В рамках проводимого нами исследования мы, используя ресурсы диалога в формировании эстетического отношения к миру младших подростков, пришли к выводу, что диалог задает смысловые характеристики рассматриваемых процессов, явлений, предметов, он направлен на интерпретацию полученной информации и является эффективным инструментом результативного педагогического процесса. А в условиях пространства искусства диалог приобретает уникальные формы, поскольку в этой ситуации активно включается эмоционально-ценностный компонент, доминирующий при восприятии искусства, анализа его выразительных средств и художественного творчества в целом.

Наше обращение к документам, регламентирующим деятельность современной школы, убедило нас в том, что использование пространства искусства и его ресурсов, включение механизмов диалога в образовательный процесс как никогда актуально и результативно. В частности, согласно «Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025» важным в работе современной школы является «эффективное использование уникального российского культурного наследия, в том числе литературного, музыкального, художественного, театрального и кинематографического»[8]. Особое внимание в «Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России в сфере общего образования» уделяется формированию у школьников базовых национальных ценностей, к которым, в частности, относится «искусство и литература – красота, гармония, духовный мир человека, нравственный выбор, смысл жизни, эстетическое развитие, этическое развитие»[6].

Среди задач, каждодневно решаемых учителем, важнейшей является задача приобщения воспитанников к миру прекрасного, формирования у них эстетических чувств, эстетических потребностей, развитие эстетических ценностей, позволяющих им постоянно обращаться к произведениям искусства как источнику и средству изменения себя к лучшему. Между тем, вопросы приобщения младших подростков к культуре, изобразительному искусству не решаются на том уровне, который бы соответствовал личностным результатам освоения основной образовательной программы основного общего образования, отмеченным в ФГОС ООО: «развитие эстетического сознания через освоение художественного наследия народов России и мира, творческой деятельности эстетического характера» [7].

Формирование эстетического отношения к окружающему миру у младших подростков в нашем исследовании осуществляется на основе личностно ориентированного, аксиологического, культурологического и деятельностного подходов. Личностно ориентированный подход подчеркивает важность учета индивидуальных особенностей учащихся и поддержки самобытности личности; аксиологический подход предусматривает определение ценностных доминант в культуре личности и общества. Идеи развития культуры, влияние человека на социокультурные процессы, формирование эстетического отношения к окружающему миру у младших подростков представлены в контексте культурологического подхода, который осуществляется на основе идеи развития творчества личности, реализации духовных и культурных традиций России. При этом мы опираемся на культурологическую концепцию Е.В.Бондаревской[3], на ее основную идею, смысл которой сводится к тому, что необходимо стремиться воспитывать человека культуры через сохранение культуры как среды, которая питает и растит личность через диалог культур и наполнение образования смыслами. Исходное положение концепции связано *с ценностным отношением к человеку как самоцели, к поиску «человека в человеке».* Столь же важной является и выстроенная система отношений к ученику, учителю, образованию в плоскости культуры.

Е.В. Бондаревская выделила основополагающие ценности культурологического подхода в педагогической системе: естественно, это **человек** как субъект культуры, **образование** как развивающая культурная среда, система личных и культурных смыслов, **диалог и творчество** как пути развития человека в культуре.

Ученик, согласно этой концепции - это субъект образования, способный к культурному саморазвитию. Учитель - это связующее звено между ребенком и культурой, человек, вводящий в мир культуры (ценностей). Образование - это процесс присвоения культуры через личностные смыслы, сотрудничество и диалог. Таким образом, созидается образовательное пространство, где происходит становление человека культуры, приобщение к ценностям культуры, а *высшей ценностью является человек*.

Особую роль в исследовании играет деятельностный подход, ориентирующий на активность личности в разных видах деятельности, которые непосредственно влияют на получение качественного результата и в развитии личности, и в развитии отношения к окружающему миру, и в определении перспектив культурного строительства. Нами была организована серия диалогов учителя и учеников - Диалоги об искусстве, о художниках, о картинах, о цвете в искусстве - и выяснилось, что такого рода деятельность развивает способности воспринимать и оценивать красоту в искусстве и жизни, формирует эстетические вкусы, чувства и идеалы личности.

В современных условиях каждый учитель понимает, что эстетическое воспитание младших подростков является важной составной частью развития целостной личности, способной к творческой, а также любой созидательной деятельности. Включение в этот процесс диалога «учитель-ученик» делает развитие ребенка полноценным, поскольку происходит познание истины, познание мира и себя в нем.

Формирование эстетического отношения к окружающему миру у младших подростков на уроках изобразительного искусства может быть организовано в условиях продуманной и точно выстроенной коммуникативной деятельности. Мы рассматриваем коммуникативную деятельность как активность личности, предметом которой выступает другой человек, являющийся партнером по общению. Между тем, коммуникативная деятельность может быть направлена на природу, искусство, окружающий мир и др. и является достаточно сложной многоканальной системой взаимодействия людей, а также социальных общностей, влияющей на формирование эстетического отношения к окружающему миру.

Организуя коммуникативную деятельность диалогической направленности, мы учитывали особенности диалога:

- объективная проблемность;
- субъективно переживаемая ситуация поиска смысла;
- потенциал искусства как многоканальной системы;
- отношения общности между участниками диалога;
- особое отношение к Другому, «другодоминантность»;
- незавершенность результата, стимулирующая мыслительную активность и т.д.[1, с. 136-137].

Коммуникативная деятельность на уроках изобразительного искусства является основой для оказания мощного эстетического воздействия на учащихся, и, что очень важно, она способна корректировать деятельность и отношения личности. Основными структурными компонентами личностно ориентированной коммуникативной деятельности выступают предмет общения, задачи общения, потребность в общении, коммуникативные мотивы, действия общения, средства общения, продукт общения.

Диалогичны цели коммуникативной деятельности на уроках изобразительного искусства:

- развитие коммуникативных способностей младших подростков;
- появление у учащихся стремления к эстетическому общению;
- развитие умения слушать других, а также отстаивать собственную точку зрению во время совместного занятия творческой деятельностью;
- активизация познавательного процесса, а также расширение возможностей для того, чтобы реализовать полученные знания;
- формирование эстетического отношения к окружающему миру;
- активизация изобразительного творчества в учебной деятельности.

Благодаря коммуникативной эстетической деятельности на уроках изобразительного искусства у учеников формируются позитивные взаимоотношения с одноклассниками, приобретается умение работать в коллективе, а также высоко ценить художественное творчество других учеников.

Определение функций коллективной изобразительной деятельности позволило нам установить ресурсы формирования эстетического отношения к окружающему миру у младших подростков:

- информационная функция: обмен чувственной и познавательной информацией;
- контактная: готовность принимать, а также передавать информацию;
- координационная: согласование действий и организация взаимодействия;
- перцептивная: восприятие (и понимание) друг друга учениками младшего подросткового возраста;
- развивающая: положительное изменение личных качеств учеников-участников коллективной деятельности.

В образовательный процесс нами были включены такие формы коммуникативной деятельности, как:

- фронтальная форма, которая заключается в коллективной работе учеников, направленной на соединение их индивидуальных рисунков, сделанных с учетом поставленной задачи, либо на основе общего замысла композиции;
- комплексная форма, которая состоит в выполнении коллективной работы на одной плоскости, когда младший подросток выполняет свою часть задания, обладая представлением о том, каким должен быть общий результат и согласовывая свои действия с другими учащимися;
- коллективно-производственная форма, которую также именуют индивидуально-производственной. Данная форма выстраивается по принципу конвейера, при котором каждый ученик выполняет определенную операцию, которая была ему поручена.

Представленные формы коммуникативной деятельности содержат диалогический компонент, который ориентирует школьников на взаимодействие, активизацию изобразительного творчества в учебной и внеклассной работе, развитие умений сотрудничать, уважать чужое мнение, а также отстаивать собственные творческие идеи.

Для проверки идеи включения диалога как инструмента формирования эстетического отношения к окружающему миру у младших подростков, нами была проведена экспериментальная работа на базе МОУ СОШ №43 г. Брянска на уроках изобразительного искусства в 5 классах и учреждении дополнительного образования «Созвездие медведя» г. Брянска. Всего в эксперименте приняли участие 60 учеников (экспериментальная и контрольная группы).

Оценка уровней сформированности эстетического отношения младших подростков к окружающему миру проводилась по методике Б. Блума, включающей когнитивный компонент - «знание», «понимание»; практический - «применение»; ценностно-смысловой компонент - «анализ», «синтез», «оценка». Дополнительно использовались наблюдение, беседа, тесты, опросники, написание эссе, анализ практических работ.

Предложенный диагностический инструментарий дал возможность проследить динамику роста эстетического развития учащихся от начального этапа эксперимента до получения итогового результата.

Для определения уровней эстетического отношения к окружающему миру у младших подростков были разработаны критерии и показатели.

Таблица 1

Уровни, критерии и показатели эстетического отношения к окружающему миру у младших подростков

Критерии Показатели	**Уровни**		
	Низкий	Средний	Высокий
Знания Информация об искусстве, выразительных средствах, художественных умениях, о художниках, творчестве	Имеет общее представление об искусстве, может использовать конкретный материал	Наличие достаточной информации об эстетике, искусстве, выразительных средствах художественной деятельности	Обладает широкими знаниями об эстетике, искусстве, художественном творчестве, выразительных средствах
Понимание Объяснение эстетических явлений, художественного языка, основ эстетического отношения к миру	Может описать характеристики эстетических явлений, художественного изображения	Демонстрируется восприятие и интерпретация полученной информации по искусству, художественной деятельности	Объяснение полученной информации об искусстве, художественной деятельности, развитие эстетических убеждений
Применение Использование имеющихся знаний об искусстве, выразительных средствах, решение художественных задач	Может применить имеющиеся знания в стандартной ситуации, возможны ошибки	Может решать поставленные задачи, используя имеющиеся знания теории и практики художественной деятельности	Применение знаний об искусстве, выразительных средствах в стандартных и не стандартных ситуациях

Анализ Выделение компонентов из эстетической системы, искусства, основ эстетического отношения к миру, проведение эксперимента в художественной деятельности	Может разделить целое на части, например, художественное произведение, однако, критерии деления не всегда определены	Может определить компоненты целого, показать связи между ними, выявить различия	Выделение частей целого на основе определенных критериев, подчеркивание главного компонента, проведение эксперимента
Синтез Соединение компонентов искусства, художественных средств в нечто целое, поиск и эксперимент	Может объединить разные компоненты в единое целое	На основе выделенных связей может соединить имеющиеся компоненты в единое целое	Творческая переработка информации об искусстве, художественном произведении для создания нового целого
Оценка Определить критерии оценки значимости искусства, выразительных средств, эстетического отношения к миру	Может определить роль и значение художественного произведения	Может определить значение искусства, выразительных средств, художественных произведений, представив аргументы	Определение качества эстетической деятельности на основе доказательств и аргументов; умение защитить свою точку зрения

Констатирующий эксперимент позволил установить показатели уровня эстетического отношения к окружающему миру у младших подростков – в контрольной группе: низкий -52%, средний - 39 %, высокий – 9% испытуемых; в экспериментальной группе: низкий уровень – 50%, средний – 43%, высокий - 7% (см. Таблица 2).

Таблица 2

Уровни эстетического отношения к окружающему миру у младших подростков

№ п/п	Показатели	Методика диагностики	Уровни, %					
			Высокий		Средний		Низкий	
			КГ	ЭГ	КГ	ЭГ	КГ	ЭГ
1	Знание	опрос	0	0	60	64	40	36
2	Понимание	опрос	4	0	1	0	99	99
3	Применение	Практическое задание	10	7	23	32	65	61
4	Анализ	тест	8	7	2	8	90	86
5	Синтез	тест	2	5	90	85	7	10
6	Оценка	тест	10	15	70	70	19	15
Итог (средний показатель):			9	**7**	39	**43**	52	**50**

Анализ результатов констатирующего эксперимента позволяет сделать вывод о низком уровне развития эстетического отношения к окружающему миру у младших подростков.

После проведения в рамках формирующего эксперимента серии уроков «Городской пейзаж», диалогов об искусстве в экспериментальной группе и учебного курса «Изобразительное искусство и художественный труд» в обеих группах, повторно диагностировался уровень эстетического отношения к окружающему миру у младших подростков с использованием тех же методов диагностики.

У подростков экспериментально группы: низкий уровень - 3% испытуемых, средний - 56%, высокий - 39%, в контрольной группе: низкий уровень проявился у 15% испытуемых, средний - у 54%, высокий - у 31% (Таблица 3).

Полученные результаты свидетельствуют о том, что внедрение экспериментальной программы – серии уроков «Городской пейзаж», использование потенциала диалога учителя и учениковпривели к росту уровня эстетического отношения младших подростков к окружающему миру.

Таблица 3

Уровни эстетического отношения к окружающему миру у младших подростков (формирующий эксперимент)

№ п/п	Показатели	Методика диагностики	Уровни, %					
			Высокий		Средний		Низкий	
			КГ	ЭГ	КГ	ЭГ	КГ	ЭГ
1	Знание	опрос	30	28	64	63	4	4
2	Понимание	опрос	41	41	48	55	12	4
3	Применение	Практическое задание	57	63	43	37	0	0
4	Анализ	тест	30	50	47	47	33	3
5	Синтез	тест	5	7	85	88	10	5
6	Оценка	тест	27	45	37	50	36	5
Итог (средний показатель):			31	**39**	54	**56**	15	**3**

На наш взгляд, на рост уровня сформированности эстетического отношения к окружающему миру у младших подростков повлияли: обращение специального внимания на развитие эстетических мотивов и потребностей; эстетического восприятия и чувств, эстетических ценностей и эстетической (практической) деятельности; использование диалогических механизмов в организации образовательного процесса, повлиявших на принятие школьниками нестандартных решений, выбор ими технических приемов и изобразительных методов. Следует отметить, что при выполнении художественных работ младшие подростки передавали личное настроение, эмоции, владеющие ими в моменты создания своего произведения.

Таким образом, в нашем исследовании удалось определить теоретические основы формирования эстетического отношения младших подростков к окружающему миру, обосновать важность использования диалога учителя и учеников в этом процессе; в контексте результатов опытно-экспериментальной работы показать динамику уровня эстетического отношения младших подростков к окружающему миру.

Список литературы

1. Асташова Н.А. Учитель: проблема выбора и формирование ценностей. М.: МПСИ; Воронеж: «МОДЭК», 2000. 272 с. С. 136.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М: Искусств. 1979. 424 с.
3. Бондаревская Е.В., Кульневич С.В. Педагогика: личность в гуманистических теориях и системах воспитания: Учеб.пособие для студентов сред. и высш. пед. учеб. заведений, слушателей ИПК и ФПК. Ростов н/Д: Учитель, 1999. 560 с.
4. Бубер М. Два образа веры. Переводчик В.В.Рынкевич М., 1995. С. 108-110 http://lib.ru/FILOSOF/BUBER/ihunddu2.txt
5. Каган М.С. Морфология искусства. Л., 1972. 180 с.http://padabum. com/d.php?id=44660
6. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. 2-е изд./ А.Я. Данилюк, А.М. Кондаков, В.А. Тишков. Рос.акад. образования. М.: Просвещении, 2011. 24 с. (Стандарты второго поколения) http://aistenok-dom.ucoz.ru/Dokumenty/koncepcija_dukhovno-nravstvennogo_vospitanija.pdf
7. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования (с изменениями на 31 декабря 2015 года): Приказ МОиН РФ от 17 декабря 2010 года N 1897 http://s11027. edu35.ru/uchitelyam/639-fgos-s-izmeneniyami
8. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжением Правительства РФ от 29 мая 2015 г. № 996-phttp://government.ru/media/files/f5Z8H9tgUK5Y9qtJ0tEFnyHlBitwN4gB.pdf

Об авторах

Асташова Надежда Александровна – доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой педагогики, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, nadezda.astashova@yandex.ru

Волкова М.Г. – аспирант кафедры педагогики, Брянский государственный университет имени академика И.Г Петровского, Volkova.marina32@yandex.ru

УДК 37

ПРОФОРИЕНТАЦИОННЫЕ ТВОРЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ У СТАРШЕКЛАССНИКОВ ГОТОВНОСТИ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ САМООПРЕДЕЛЕНИЮ

Ретивых М.В., Пересыпко А.Г.

В статье раскрывается сущность и структура готовности старшеклассников к профессиональному самоопределению и обосновываются возможности профориентационных творческих проектов как эффективного средство формирования этой готовности.

Ключевые слова: профессиональное самоопределение, готовность к профессиональному самоопределению, проектная деятельность, профориентационные творческие проекты.

CAREER-ORIENTED CREATIVE PROJECTS AS A MEANS OF FORMATION OF STUDENTS READINESS TO PROFESSIONAL SELF-DETERMINATION

Retivykh M.V., Peresypko A.G.

The article reveals the essence and structure of readiness of senior pupils to professional self-determination and justifies the possibility of professional orientation of creative projects as an effective means of formation of this readiness.

Keywords: professional self-determination, readiness to professional self-determination, project activities, career-oriented creative projects.

Подготовка молодежи к обоснованному профессиональному самоопределению является актуальной проблемой. В соответствии с Конституцией РФ в нашей стране каждый человек имеет право на самостоятельный выбор рода деятельности и профессии.

В законе «Об образовании в Российской Федерации» (ст.2) подчеркивается, что общее образование должно быть направлено на формирование компетенций, необходимых для жизни человека в обществе, осознанного выбора профессии и получения профессионального образования [3, с.4].

В ФГОС среднего (полного) общего образования установлено, что одним из результатов освоения основной общеобразовательной программы должен быть осознанный выбор будущей профессии и что учащиеся старших классов должны выполнить индивидуальный проект в рамках одного или нескольких изучаемых учебных предметов и курсов в любой избранной области деятельности [4, с.23-24].

Выбор профессии – это сложный и ответственный шаг в жизни каждого молодого человека и правильно сделать этот шаг без педагогической помощи практически невозможно. Старшеклассники имеют потребность в получении разнообразной информации о профессии, помощи и поддержке на этапе профессионального самоопределения.

В разработку теоретических основ профессионального самоопределения большой вклад внесли отечественные психологи и педагоги Э.Ф. Зеер, Е.А. Климов, К.К. Платонов, В.Д. Симоненко, С.Н. Чистякова, П.А. Шавир и др. Ими обоснованы социологический, психологический и психолого-педагогический подходы в теории профессионального самоопределения. В обобщенном виде профессиональное самоопределение рассматривается как процесс и результат развития личности в качестве субъекта будущей профессиональной деятельности.

Психологи и педагоги считают, что наибольшую значимость проблема профессионального самоопределения приобретает в возрасте ранней юности. Так, Э.Ф. Зеер отмечает, что спецификой раннего юношеского возраста является быстрое развитие специальных интересов и способностей, продолжение процессов развития самосознания, которое все более приобретает черты профессионального самосознания… Все это позволяет считать раннюю юность судьбоносным возрастом, в котором ценой ошибки может стать неудовлетворенность всей своей последующей жизнью [1, с.31].

В психолого-педагогической литературе обосновано понятие готовности к профессиональному самоопределению, под которым понимается интегральное качество личности, способствующее осознанному и самостоятельному осуществлению стратегии профессионального выбора.

Анализ специальных источников позволил нам выделить нравственно-психологический, теоретический и практический компоненты готовности старшеклассников к профессиональному самоопределению, содержание которых представлено на рисунке 1.

Рис.1. Структура и содержание готовности старшеклассников к профессиональному самоопределению

Таким образом, под готовностью старшеклассников к профессиональному самоопределению следует понимать интегральное качество личности школьника, включающее в себе нравственно-психологический, теоретический и практический компоненты и способствующее адекватному профессиональному самоопределению выпускников школы.

Готовность старшеклассников к профессиональному самоопределению выражается в сформированности потребности в адекватном профессиональном самоопределении, ценных мотивов профессионального выбора и адекватной самооценки своих профессиональных способностей и возможностей. Эффективным средством формирования у старшеклассников готовности к профессиональному самоопределению является творческая проектная деятельность.

Ретроспективный анализ показывает, что теория и практика проектного метода обучения начала активно развиваться параллельно за рубежом и в России в конце XIX – начале XX в. Решающий вклад в становление и развитие этого метода внесли такие зарубежные исследователи, как Дж. Дьюи, У.Х. Килпатрик, Е. Коллингс, а также отечественные дидакты П.П. Блонский, П.Ф. Каптерев, С.Т. Шацкий. Дальнейшее развитие теории и практики проектного обучения получило в трудах таких отечественных ученых, как И.А. Зимняя, Н.В. Матяш, Е.С. Полат, В.Д. Симоненко и др.

Проектная деятельность способствует реализации личностно-ориентированной парадигмы образования, развивает творческую активность обучающихся. Наиболее полно проектная деятельность школьников реализуется в образовательной области «Технология».

Процесс проектной деятельности включает в себя три этапа: организационно-подготовительный (исследовательский), технологический и заключительный. На каждом этапе решаются определенные задачи.

Н.В. Матяш отмечает, что «в процессе выполнения творческих проектов школьники осуществляют профессиональные пробы, моделирующие элементы конкретного вида профессиональной деятельности, имеющие завершенный процесс и способствующие адекватному профессиональному самоопределению. Именно при выполнении творческого проекта учащиеся проявляют свои профессиональные способности, получают первоначальную профессиональную подготовку, в результате чего у них формируется осознанное профессиональное намерение» [2, с.47].

Мы предположили, что эффективным средством формирования у старшеклассников готовности к профессиональному самоопределению могут быть профориентационные творческие проекты «Я выбираю профессию» (10 класс) и «Моя будущая профессия» (11 класс).

В содержание профориентационного творческого проекта «Я выбираю профессию» мы включили следующие разделы: «Смысл и цель в жизни человека», «Значение правильного выбора профессии в жизни человека», «Ситуация выбора профессии», «Возможные ошибки при выборе профессии», «Источники

получения информации о профессиях», «Возможные пути приобретения профессии», «Профессионально-важные качества человека», «Какую профессию я хотел(а) бы приобрести», «Что я знаю об этой профессии», «Согласованность моего выбора профессии с родителями».

Профориентационный творческий проект «Моя будущая профессия» предполагает обоснование учащимися 11 класса своего профессионального выбора: содержания будущей профессиональной деятельности, профессиографических характеристик предполагаемой профессии (тип, класс, отдел, группа профессии), своих способностей к избираемой профессиональной деятельности, способа приобретения профессии.

В современных педагогических исследованиях все чаще применяется модельное представление сложных объектов. Модель является условным образом этих объектов. Важным является положение о том, что ценность моделирования заключается не в его всеохватности, а в выделении существенного в изучаемом объекте. Модель реализует передовую практику, но вместе с этим она выполняет роль средства изучения и совершенствования этой практики.

Модель педагогического процесса как системы обычно включает в себя теоретико-методологический, программно-целевой, процессуальный, технологический, организационно-педагогический и результативный компоненты.

Кратко раскроем содержание этих компонентов применительно к теме нашего исследования.

Содержание *теоертико-методологического компонента* модели составляют теоретические основы профессионального самоопределения, психолого-педагогические основы формирования готовности к профессиональному самоопределению и теоретико-методические основы проектной деятельности.

Программно-целевой компонент включает в себя формулировку цели и задач формирования у старшеклассников готовности к профессиональному самоопределению.

Технологический компонент определяет этапы выполнения профессиональных творческих проектов «Я выбираю профессию» и «Моя будущая профессия».

Организационно-педагогический компонент модели обуславливает соблюдение условий эффективного функционирования модели формирования у старшеклассников готовности к профессиональному самоопределению.

С учетом этих компонентов мы графически построили модель формирования у старшеклассников готовности к профессиональному самоопределению в процессе выполнения профориентационных творческих проектов (рис.2).

Эффективность формирования этой модели мы проверили опытно-экспериментальным способом. Педагогический эксперимент проводился в течение двух лет, в нем приняли участие 50 учащихся 10-11-х классов.

Раскроем содержание опытно-экспериментальной работы.

Вначале мы провели констатирующий эксперимент. С помощью методик «Ценностные ориентации» М.Рокича, опросника профессиональной готовности Л.Н. Кабардовой и авторского опросника готовности старшеклассников к профессиональному самоопределению мы выявили состояние сформированности у учащихся 10-11 классов готовности к профессиональному самоопределению и получили следующие результаты: 46% опрошенных старшеклассников имеет средний уровень, 42% -низкий уровень и только 12% старшеклассников можно отнести к высокому уровню готовности к профессиональному самоопределению. Эти результаты подтвердили необходимость совершенствования профессиональной работы со старшеклассниками путем выполнения и защиты профориентационных творческих проектов.

Организация этой работы включала следующие этапы и формы:

- проведение занятий по спецкурсам «Выбор профессии- сложная и ответственная задача» (10 класс) и «Мир труда и профессии» (11 класс);

- выполнение и защиту профориентационных творческих проектов «Я выбираю профессию» (10 класс) и «Моя будущая профессии» (11 класс);

- выявление и оценка качества выполнения старшеклассниками профориентационных творческих проектов с заполнением соответствующих протоколов;

-проведение диагностики сформированности у старшеклассников готовности к профессиональному самоопределению после выполнения каждого профориентационного творческого проекта.

По завершению формирующего эксперимента мы провели оценку его эффективности по тем же методикам, которые мы использовали при проведении диагностического эксперимента, и получили следующие результаты.

Рис. 2. Модель формирования у старшеклассников готовности профессионального самоопределения в процессе выполнения профориентационных творческих проектов

Условные обозначения в модели:

Теоретико-методологический компонент:

1- теоретические основы профессионального самоопределения;

2- психолого-педагогические основы формирования готовности к профессиональному самоопределению;

3- теоретико-методологические основы проектной деятельности.

Организационно-педагогический компонент (организационно-педагогические условия):

1- осуществление дифференцированного подхода к учащимся 10-х и 11-х классов;

2- организация педагогической поддержки проектной деятельности старшеклассников (проведение спецкурсов, оценка качества выполнения проектов, проведение защиты проектов);

3- выдача Аттестатов готовности старшеклассников к профессиональному самоопределению.

Таблица 1

Общие результаты опытно – экспериментальной работы (в %)

Критерии готовности старшеклассников к профессиональному самоопределению	Уровни сформированности			
	Высокий	Средний	Низкий	Итого
1. Ценностно-целевой критерий: - до формирующего эксперимента	14	58	28	100
- после эксперимента	53	44	3	100
2. Когнитивный критерий: - до формирующего эксперимента	10	48	42	100
- после эксперимента	50	43	7	100

3. Деятельностно-практический критерий: - до формирующего эксперимента	12	32	56	100
- после эксперимента	53	21	26	100
Общий уровень готовности к профессиональному самоопределению (в среднем) - до формирующего эксперимента	12	46	42	100
- после эксперимента	52	36	12	100

Из таблицы видно, что за период эксперимента количество старшеклассников, имеющих высокий и средний уровень готовности к профессиональному самоопределению, увеличилось в 1,5 раза, а количество старшеклассников, имеющих низкий уровень готовности, сократилось в 3,5 раза.

Эти данные подтверждают высокую эффективность профориентационных творческих проектов как средства формирования у старшеклассников готовности к профессиональному самоопределению.

Мы также провели сравнительный анализ эффективности профориентационных творческих проектов в процессе формирования у старшеклассников готовности к профессиональному самоопределению, результаты которого представлены в таблице 2.

Таблица 2

Сравнительный анализ эффективности профориентационных творческих проектов (в %)

Уровни сформированности готовности старшеклассников к профессиональному самоопределению	До эксперимента	После выполнения и защиты творческих проектов «Я выбираю профессию», 10 класс	После выполнения и защиты творческих проектов «Моя будущая профессия», 11 класс
Высокий уровень	12	36	52
Средний уровень	46	40	36
Низкий уровень	42	24	12
Итого	100	100	100

Из таблицы видно, что после выполнения и защиты учащимися 10 класса творческих проектов «Я выбираю профессию» количество учащихся с высоким и средним уровнями готовности к профессиональному самоопределению увеличилось в 1,3 раза, а количество учащихся с низким уровнем этой готовности сократилось в 1,75 раза.

После выполнения и защиты учащимися 11 класса творческих проектов «Моя будущая профессия» количество старшеклассников с высоким и средним уровнями готовности к профессиональному самоопределению увеличилось в 1,4 раза, а количество учащихся с низким уровнем этой готовности сократилось в 2 раза.

Таким образом, наиболее эффективным средством формирования у старшеклассников готовности к профессиональному самоопределению оказались творческие проекты «Моя будущая профессия», что обусловлено личностной значимостью этих проектов, связанной с выбором для себя конкурентной профессии. Общие результаты опытно-экспериментальной работы представлены в таблице 3.

Таблица 3

Общие результаты опытно – экспериментальной работы (в %)

Уровни сформированности у старшеклассников готовности к профессиональному самоопрededелнию	Юноши		Девушки		Итого в среднем	
	До эксперимента	После эксперимента	До эксперимента	После эксперимента	До эксперимента	После эксперимента
Высокий уровень	10	50	14	54	12	52
Средний уровень	44	34	48	38	46	36
Низкий уровень	46	16	38	8	42	12
Итого	100	100	100	100	100	100

Из этой таблицы видно, что за период эксперимента количество старшеклассников с высоким и средним уровнями готовности к профессиональному самоопределению увеличилось в 1,5 раза, а количество старшеклассников с низким уровнем этой готовности сократилось в 3,5 раза.

В процессе выполнения профориентационных творческих проектов уровень готовности к профессиональному самоопределению в наибольшей степени повысился у девушек.

Так, из таблицы видно, что за период эксперимента количество старшеклассников с низким уровнем готовности к профессиональному самоопределению среди девушек сократился в 4,75 раза, а среди юношей – только в 2,9 раза.

По итогам заключительной профдиагностики выпускникам школы мы выдали Аттестаты готовности к профессиональному самоопределению, в которых отражены следующие показатели:

- профессиональная направленность (техника, природа, знак, человек, художественный образ);
- профессиональное намерение (будущая профессия и способ ее приобретения);
- ведущий мотив (причина) профессионального выбора;
- наличие общеобразовательных знаний, связанных с будущей профессией;
- степень соответствия состояния здоровья требованиям будущей профессий;
- наличие первоначального опыта, связанного с будущей профессиональной деятельностью (профпробы, проекты, наблюдения и т.д.);
- выполнение и защита творческого профориентационного проекта «Я выбираю профессию» (оценка);
- выполнение и защита творческого профориентационного проекта «Моя будущая профессия» (оценка);
- согласованность профнамерения с родителями;
- общий уровень готовности к профессиональному самоопределению (высокий, средний, низкий).

Степень реализации профессиональных намерений выпускниками школы можно будет определить в сентябре по итогам их поступления в профессиональные учебные заведения или трудоустройства.

Список литературы

1. Зеер Э.Ф., Рудей О.А. Психология профессионального самоопределения в ранней юности. М.: МПСИ; Воронеж: «МОДЕК», 2008. 256 с.
2. Матяш Н.В. Проектная деятельность школьников: Монография. М.: Высшая школа, 2000. 308 с.
3. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации». М.: Проспект, 2013. 160 с.
4. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего (полного) образования. М.: Минобрнауки, 2012. 45 с.

Об авторах

Ретивых Михаил Васильевич – доктор педагогических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского

Пересыпко Александра Геннадьевна – магистрант факультета педагогики и психологии, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, aleks.rudckovsckaja@yandex.ru

УДК 378

РОЛЬ КЕЙС-ТЕХНОЛОГИЙ В ПОДГОТОВКЕ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ К ОВЛАДЕНИЮ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМИ КОМПЕТЕНЦИЯМИ

Сидорина М.С., Чухачева Е.В.

В статье рассматривается потенциал использования кейс-технологии в формировании профессиональных компетенций студентов в образовательном процессе вуза. Дается определение кейс-технологии, выделены ее задачи и этапы реализации. Обосновывается роль кейс-технологий в современном образовании и их применения в будущей профессиональной деятельности.
Ключевые слова: кейс-технология, профессиональные компетенции, модульная технология, педагогические ситуации, профессиональная деятельность.

CASE-TECHNOLOGIES IN TRAINING FUTURE TEACHERS TO ACQUIRE PROFESSIONAL COMPETENCES

Sidorina, M.S., Suhacheva E.V.

The article discusses the potential of using case-technologies in formation of professional competence of students in the educational process of the University. The definition of a case-technology, highlighted its tasks and stages of implementation. Examines the role of case technology in the learning of the theoretical and practical material, understanding and training skills quickly to apply pedagogical knowledge in a wide range of situations that may arise in future professional activity.
Keywords: case technology, professional competence, modular technology, pedagogical situation, professional activity.

Для выполнения своих функциональных обязанностей будущий педагог в образовательном процессе вуза овладевает профессиональными компетенциями: определенными знаниями, умениями, навыками, способностью осуществлять педагогическую деятельность в учреждениях образования. В ФГОС ВО «Педагогическое образование» подробно представлены компетенции, позволяющие будущему бакалавру сверять его содержание с уровнем своей подготовки, выявлять затруднения и заниматься профессиональным самосовершенствованием. К ним относятся такие профессиональные компетенции, как ПК-1, ПК-2, ПК-3, ПК-4, ПК-5, ПК-6, ПК-7 [3, с. 7].

Овладение высоким уровнем профессиональной компетентности будущими педагогами указывает на актуальность проблемы повышения качества учебного процесса вуза, что требует применения в образовательном процессе интерактивных методов и технологий. Ряд исследователей указывает на актуальность использования различных педагогических технологий в высшем образовании (Н.В. Борисова, Т.А. Бударина, В.Б. Закорюкин,В.В. Карпов, М.Н. Катханов, Ю.Б. Кузьменкова, С.И. Куликов, Л.М. Никонорова, В.И. Панченко, В.Ю. Пасвянскене, Т.И. Царегородцева, П.А. Юцявичене и другие).

По мнению В.П. Беспалько, педагогическая технология – это описание-проектирование процесса формирования личности учащегося, которое гарантирует педагогический успех независимо от мастерства учителя [1, с.38]. В качестве основополагающего критерия технологического подхода исследователь определяет целеполагание и выдвигает принцип диагностической его целенаправленности.

С точки зрения Г. К. Селевко, педагогическая технология определяется как система функционирования всех компонентов образовательного процесса, построенная на научной основе, запрограммированная во времени и в пространстве и приводящая к намеченным результатам [4, с.12]. Определение, данное Г.К. Селевко, является для нас базовым в рассмотрении процесса формирования готовности будущих педагогов к самостоятельной образовательной деятельности, так как раскрывает процессуальный характер взаимодействия ее субъектов и указывает на применение различных видов и форм обучения в образовательном процессе вуза.

Следовательно, учеными доказана эффективность педагогической технологии в создании благоприятных условий для формирования профессиональных компетенций у студентов. Общеизвестно, что компетенция студентов проявляется и формируется в реальной учебной деятельности. Значит, процесс формирования готовности будущих педагогов реализовывать образовательные программы, взаимодействовать с участниками образовательного процесса, а также решать задачи воспитания студентов для их успешной социализации и профессионального самоопределения необходимо с позиций деятельностного подхода.

В рамках научного исследования нами было выдвинуто предположение о том, что формирование готовности будущих педагогов к

овладению профессиональными компетенциями будет эффективным, если содержание подготовки обучающихся соответствует уровню сформированности их профессиональных компетенций посредством применяется кейс-технологий.

В рамках проверки данной гипотезы нами было проведено анкетирование будущих педагогов с целью изучения уровня сформированности у них деятельностного компонента готовности к практической деятельности в условиях дошкольной образовательной организации. Критериями сформированности данного компонента у будущих педагогов были следующие умения:

- изучать индивидуальные особенности, качества личности детей дошкольного возраста и выявлять динамику их развития;
- анализировать педагогические явления, вычленять педагогическую задачу (проблему) и определять способы ее оптимального решения;
- проектировать и практически осуществлять процесс воспитания и социализации детей средствами педагогической деятельности.

Анализ результатов анкетирования показал, что студенты 2 курса (экспериментальная группа) испытывают значительные трудности в организации предметно-пространственной среды дошкольного учреждения, при этом 70% респондентов неправильно определили ее назначение. У 90% студентов особые трудности вызывает разработка образовательной программы, проектирование индивидуальной образовательной траектории ребенка, так как студенты отождествляют эту деятельность с реализацией индивидуального подхода в традиционном его понимании.

По оценкам собственной готовности к реализации образовательной деятельности в условиях дошкольной образовательной организации, студенты затрудняются в проектировании и планировании образовательного процесса и в осуществлении различных моделей образования дошкольников. У 80% будущих педагогов дошкольных образовательных учреждений недостаточно систематизированы знания о сущности воспитания и социализации детей дошкольного возраста. Также недостаточно сформировано умение формулировать педагогические цели и решать профессиональные задачи, а также способность анализировать педагогические явления, вычленять педагогическую задачу (проблему) и определять способы ее оптимального решения.

Результаты анкетирования представлены в таблице 1.

Таблица 1

Уровни сформированности деятельностного компонента у студентов 2 курса направления подготовки «Педагогическое образование» (%)

Группа студентов	Уровни		
	высокий	средний	низкий
Экспериментальная группа	20	80	0

В целях преодоления этих недостатков в обучении будущих специалистов работе с дошкольниками и проверки выдвинутой гипотезы нами была разработана программа обучения на основе кейс-технологий, которые в последнее время получили широкое развитие в системе подготовки педагогических кадров. Кейс-технология рассматривается в современном высшем образовании как технология целенаправленного создания и разрешения проблемной ситуации на основе фактов из профессиональной реальности.

Актуальность применения кейс-технологий определяется потребностями обучающихся к самоопределению и самовыражению в условиях современного информационного общества. В профессиональном образовании, где студент в процессе обучения должен овладеть компетенциями, необходимыми ему в реальной профессии, использование кейс-метода наиболее оправдано, так как этот метод позволяет на примере реальной ситуации из профессиональной деятельности определить способы и средства неоднозначных решений образовательных проблем. В рамках этих требований студентам на занятиях предлагается проанализировать реальную ситуацию и решить определенную практическую проблему, описание которой не только отражает, но и актуализирует определенный комплекс знаний, которые необходимо применить в процессе разрешения данной проблемы.

В нашем эксперименте кейсы были представлены в печатном виде, дополнены наглядным материалом в виде фотографий, таблиц и диаграмм. Использование кейс-метода было направлено на формирование у студентов таких умений, как:

- участвовать в дискуссии;
- высказывать свое мнение;
- отстаивать свою точку зрения;
- контролировать себя и учитывать мнения других;
- приобретать устойчивый навык решения практических задач.

Кроме перечисленных умений, применение кейс-технологии было направлено на:

• обобщение, систематизацию, углубление, закрепление полученных теоретических знаний и практических умений по конкретным темам учебных дисциплин;

• формирование общепрофессиональных компетенций;

• активизацию познавательной деятельности студентов;

• развитие их аналитических способностей, способности к самостоятельному поиску знаний;

• умение работать в команде;

• вовлечение в активную учебную деятельность всех студентов группы;

• выработку объективной и адекватной оценки знаний и умений.

Охарактеризуем более подробно применение кейс-технологии в образовательном процессе студентов 2 курса, которая способствовала не только усвоению материала по курсам профессионального цикла, осмыслению сущности и взаимосвязей рассматриваемых педагогических явлений, но и формированию у обучающихся умения работать с информацией в ситуациях «диалога» и «полилога», тренировке умения оперативно применять полученные педагогические знания в широком спектре ситуаций, которые могут возникать в будущей профессиональной деятельности.

Разработанная нами кейс-технология предполагала использование описаний конкретных реальных ситуаций в виде профессионально-ориентированных задач для их анализа обучающимися, определение сущности проблемы и выбора возможных решений. Систематическое решение профессионально-ориентированных задач позволяло студентам на конкретных примерах «создать модель» ситуации, с которой будущий специалист может столкнуться в своей профессиональной деятельности.

Профессионально-ориентированные задачи представляли собой результаты осознания студентами опыта обучения или воспитания дошкольников. Решение профессионально-ориентированных задач студенты реализовывали в три этапа:

• аналитический этап, который начинается с анализа и оценки сложившейся ситуации и заканчивается формулированием самой задачи, подлежащей решению. Группы студентов совместно обсуждают и анализируют профессионально-ориентированную задачу.

• моделирующий этап, на котором планируются и моделируются способы решения поставленной задачи и разрабатывается конкретная модель этого решения. На данном этапе студенты вырабатывают варианты практического решения сформулированной проблемы.

• исполнительский этап, связанный с реализацией модели, ее практическим воплощением. Студенты обсуждают и обосновывают правильность выбора путей решения обсуждаемой проблемы.

В результате практической реализации данной модели нами было выявлено, что необходимость проигрывания ситуации перед членами группы с обоснованием своего мнения заставляла студентов вырабатывать и логически выстраивать свои точки зрения, что явилось дополнительным стимулом для овладения коммуникативными умениями.

Учитывая уровень сформированности профессиональных компетенций студентов, кейс-технологии применялись поэтапно. На первом этапе нами была использована репродуктивная деятельность (решение конкретных ситуаций по образцу). На втором этапе была организована эвристическая деятельность (студенты самостоятельно искали пути решения профессионально-ориентированных задач, на основе известных закономерностей и критериев). На третьем этапе была организована исследовательская деятельность: студенты самостоятельно формулировали ряд проблем, характерных для их будущей профессии и анализировали их [6, с. 18].

На стадии подготовки студенты делятся на микрогруппы по 3–4 человека. Каждая группа знакомится с ситуацией, требующей решения. При этом они:

• анализируют информацию,

• сортируют информацию для решения заданной задачи,

• выявляют ключевые проблемы,

• генерируют альтернативные пути решения проблемы и оценивают их,

• выбирают оптимальное решение проблемы и формируют программы дальнейших действий.

В ходе реализации данной кейс-технологии преподаватель выступает в роли ведущего, направляющего дискуссию, формулирующего вопросы и фиксирующего ответы студентов. Он выступает со вступительным и заключительным словом, поддерживает эмоционально-благоприятную атмосферу и деловой настрой в аудитории, оценивает вклад студентов в анализ ситуации, а также результат работы с точки зрения объективности и обоснованности путей решения проблемы.

Таким образом, опыт разработки и приме-

нения в реальной практике кейс-технологии показал, что эта интерактивная технология обучения на основе реальных или моделируемых ситуаций направлена на формирование у обучающихся широких исследовательских умений.

Для выявления эффективности сформированности деятельностного компонента профессиональной компетентности студентов нами был проведен контрольный этап эксперимента. Применение кейс-технологий оказало положительное влияние на формирование деятельностного компонента студентов, что представлено в таблице 2.

Таблица 2

Уровни сформированности деятельностного компонента профессиональной компетентности у студентов 2 курса направления подготовки «Педагогическое образование» (%)

Группа студентов	Уровни		
	высокий	средний	низкий
Экспериментальная группа	70	30	0

Результаты эксперимента показали, что 70 % студентов имеют высокий уровень, который характеризуется сформированностью таких личностных качеств студентов, как коммуникативность, креативность и организованность. Кроме этого, у будущих педагогов систематизированы знания в области теории и практики осуществления педагогической деятельности с дошкольниками и сформированы знания о сущности воспитания и социализации детей.

Наблюдение и опрос студентов показали, что будущие педагоги научились более успешно формулировать педагогические цели, решать профессиональные задачи и анализировать педагогические явления, вычленяя педагогическую проблему как задачу, и определяя способы ее оптимального решения. 30% студентов незначительно повысили свои умения и у них выявился средний уровень обследуемых умений и навыков, что свидетельствует о необходимости продолжения работы с применением кейс-технологий.

Таким образом, наш практический опыт разработки и применения кейс-технологии при выполнении практико-ориентированных учебно-методических заданий показал, что они занимают значительное место в современном профессиональном образовании и позволяют:

- систематизировать различные направления и формы профессионально-педагогической деятельности будущих педагогов;
- развивать студента не только как субъекта образовательной деятельности, но и как субъекта исследовательской, познавательной деятельности;
- формировать у студентов творческое отношение к реализации педагогических задач;
- обеспечить обмен педагогическим опытом между студентами в процессе создания и решения профессионально-ориентированных проблем.

Список литературы

1. Беспалько В.П. Педагогика и прогрессивные технологии обучения. М.: Изд-во Ин-та проф. обр-я МО России, 1995. 126 с.

2. Данюшенков В.С. Активизация учебной деятельности школьников в условиях личностно-ориентированного обучения. Монография / В.С. Данюшенков, С.А. Барамзина. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2005. 160 с.

3. Об утверждении федерального государственного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 44.03.01 Педагогическое образование (уровень бакалавриата): приказ Минобрнауки России от 04.12.2015 № 1426, рег. номер 40536 от 11 января 2016 г.

4. Селевко Г.К. Технологии воспитания и обучения детей с проблемами. М.: НИИ школьных технологий, 2005. 144с.

5. Смолянинова О.Г. Инновациионые технологии обучения студентов на основе метода Case Study// Инновации в российском образовании: сб. - М.: ВПО, 2000

6. Чухачева Е.В. Формирование готовности будущих педагогов к развитию монологической речи детей дошкольного возраста в образовательном процессе вуза Автореф. дис. … к.п.н. Брянск, 2012. 23с.

Об авторах

Сидорина Марина Сергеевна – кандидат педагогических наук, профессор, зав. кафедрой педагогики и психологии детства, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского

Чухачева Екатерина Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии детства, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, chukhaheva@ mail.ru

УДК 378.14

ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В КУРСЕ ОБУЧЕНИЯ МАТЕМАТИКЕ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ: КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД

Тонких А.П.

Модернизации Российского высшего педагогического образования показывает, что одной из ключевых идей преобразований в последние годы является идея развития компетентности и компетенций специалиста с позиций компетентностного подхода. В статье рассматривается проблема формирования у будущего учителя начальных классов общекультурных и общепрофессиональных компетенций на основе технологии проектного обучения. Рассмотрены этапы выполнения проекта, при выполнении которых формируются конкретные компетенции у студентов в ходе работы над проектом при изучения дисциплины «Теоретические основы курса математики».
Ключевые слова: метод проектов, компетентностный подход, общекультурные и общепрофессиональные компетенции, математическая подготовка.

PROJECT ACTIVITY IN THE COURSE OF TRAINING THE MATHEMATICS OF THE FUTURE TEACHER OF THE INITIAL CLASSES: A COMPETENT APPROACH

Tonkikh A.P.

Modernization of Russian higher pedagogical education shows that one of the key ideas of transformations in recent years is the idea of developing the competence and competence of a specialist from the perspective of a competence approach. The article deals with the problem of the future teacher's formation of primary classes of general and professional competences based on the technology of project training. The stages of the project implementation are considered, in the course of which specific competencies are formed among the students in the course of the project work while studying the discipline "Theoretical Foundations of the Mathematics Course".
Keywords: project method, competence approach, general cultural and general professional competence, mathematical preparation.

Современная модернизация Российского высшего педагогического образования направлена на реализацию требований ФГОС ВПО третьего поколения и ФГОС ВО 3++ (направление подготовки 44.03.01 «Педагогическое образование» (уровень бакалавриата)), которые связаны с формированием общекультурных и профессиональных компетенций педагога, способного решать актуальные проблемы педагогики и самостоятельно принимать ответственные решения, владеющего современными образовательными технологиями и информационной культурой, имеющего высокий уровень общей культуры, профессионализма, и творчества, ориентированного на постоянное самосовершенствование и развитие [5]. В Российских вузах в настоящее время наблюдаются инновационные изменения во всех направлениях деятельности: в организационной структуре педагогического процесса, в обновлении содержания и методов образования, в технологиях обучения и воспитания, в научно-исследовательской работе и управленческой деятельности. Все они взаимосвязаны и направлены на реализацию компетентностного подхода в образовании.

Компетентностный подход позволяет:

– согласовать цели обучения, поставленные преподавателем, с собственными целями студентов;

– облегчить труд преподавателя за счет постепенного повышения самостоятельности и ответственности студентов в ходе обучения;

– разгрузить студентов не за счет сокращения объема содержания, а за счет повышения доли индивидуального самообразования;

– не в теории, а на практике обеспечить единство учебного и воспитательного процессов;

– подготовить студентов к сознательному и ответственному обучению.

Профессиональные компетенции описывают требования к качеству профессиональной подготовки выпускника по определенному направлению и непосредственно связаны с конкретной сферой предполагаемой профессиональной деятельности. Общекультурные компетенции ориентированы, прежде всего, на общее умение выпускника жить в современном мире, что подразумевает полноценное участие в социокультурной жизни общества, взаимодействие с окружающими в сфере личного и профессионального общения, применение различных источников и средств получения, обработки и сохранения информации, оперирование легальными средствами защиты своих прав и свобод в случае их нарушения, корректное проявление своей религиозной, национальной, культурной, профессиональной идентичности и т.д. [5].

Следует отметить, что особое значение общекультурные и общепрофессиональные компетенции имеют для будущих учителей начальных классов, так как их профессиональная деятельность связана с непосредственным взаимодействием с представителями различных куль-

турных, социальных и профессиональных общностей, предполагает работу с разными социальными группами населения (городские жители, жители сельской местности, молодые родители, бабушки и дедушки, представители общественных и государственных организаций и фондов и т.п.).

Безусловно, математическое знание – необходимая составляющая общекультурных и общепрофессиональных компетенций учителя начальных классов, который в ходе осуществления своей профессиональной деятельности должен показать учащимся красоту и изящество математических методов, решений и образов, побудить и у многих закрепить интерес к этой вечно живой и развивающейся науке, приблизить содержание математического образования к решению жизненно важных задач, научить школьников использовать математические знания и умения при изучении других школьных предметов и в повседневной жизни.

Перспективной технологией организации учебной деятельности студентов является хорошо известный метод проектов [3], на который, согласно Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации, делает ставку современная Россия [1]. Этот метод является дидактическим средством активизации познавательной деятельности обучаемых, развития креативности и одновременно формирования определенных личностных качеств. Фундаментальной основой данной технологии являются: самостоятельность в получении знаний, творческая деятельность, нацеленность на реальный конечный результат.

Серьезная работа над проектом позволяет студентам сформировать общекультурные и общепрофессиональные компетенции, некоторые из которых не всегда удается сформировать, используя традиционные методы обучения. Хороший проект всегда:

- имеет заданный интервал времени, то есть у проекта есть начало и конец;
- имеет практическую ценность;
- предполагает проведение студентами самостоятельных исследований;
- является гибким в направлении работы и скорости ее выполнения;
- предполагает возможность решения актуальных проблем школьного и вузовского математического образования;
- даёт студенту возможность учиться в соответствии с его способностями;
- способствует налаживанию взаимодействия между студентами;
- уникален и неповторим.

В процессе нашего исследования метод проектов используется в ходе изучения дисциплины «Теоретические основы курса математики» для бакалавров по направлению подготовки 44.03.01 «Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)», профили «Начальное образование» и «Информатика» на факультете педагогики и психологии БГУ имени И.Г.Петровского. Для успешного осуществления проектной деятельности на факультете есть необходимое информационно-технологическое оборудование: компьютерные классы, доступ к Интернет, мультимедийные проекторы, интерактивные доски, медиатека, электронная библиотека и т.п. [4].

Тематика проектов разнообразна. Так, за последние годы в ходе изучения дисциплины «Теоретические основы курса математики» были подготовлены и успешно прошли защиту следующие проекты: «Быстрый счет без калькулятора», «Симметрия в нашей жизни», «Математика в загадках», «Математика в пословицах», «Математика царица наук или слуга?», «Золотое сечение», «Графы и их применение» «Вероятность вокруг нас», «Комбинаторика в нашей жизни», «Стохастика в современной школе», «В мире ребусов и лабиринтов», «Задачи на переливание жидкости», «Шифры и математика», «Геометрия в быту» и др.

Каждый проект включает цели, задачи и методы исследования проблемы, визитную карточку, буклет, презентацию и выступление по защите проекта, сайт проекта, аудио- и видео материалы и т.п. В процессе работы над проектом студенты демонстрируют грамотное владение не только уже изученным материалом из курса математики и других дисциплин, но и компьютерными программами пакета *Microsoft Office*, Интернет и др., а, самое главное, приобретают новые знания из различных разделов математики и других наук, которые им будут нужны в профессиональной деятельности.

Так, например, проект «Золотое сечение» направлен на метапредметную интеграцию знаний, формирование общекультурной компетентности, создание представлений о математике как науке, возникшей из потребностей человеческой практики и развивающейся из них.

Цель проекта: познание математических закономерностей в мире, определение значения математики в мировой культуре и дополнение системы знаний представлениями о «Золотом сечении» как гармонии окружающего мира.

Методические задачи данного проекта:

- расширить сферу математических знаний студентов: познакомить студентов с золотой пропорцией и связанных с нею соотношениях;
- развить эстетическое восприятие математических фактов: расширить представления студентов о сферах применения математики не только в естественных науках, но и в такой области гуманитарной сферы деятельности, как искусство;
- расширить общекультурный кругозор студентов посредством их знакомства с лучшими образцами произведений искусства;
- продемонстрировать разнообразное применение математики в реальной жизни;
- применить приобретенные геометрические представления, алгебраические преобразования для описания и анализа закономерностей, существующих в окружающем мире;
- провести обобщения и открыть закономерности на основе анализа частных примеров, эксперимента, выдвинуть гипотезы и сделать необходимые проверки;
- помочь осознать степень своего интереса к предмету и оценить возможности овладения им с точки зрения будущей профессиональной деятельности.

Золотое сечение (*золотая пропорция*) – деление непрерывной величины на две части в таком отношении, при котором большая часть (b) так относится к меньшей (a), как вся величина ($c = a+b$) к большей (b), т.е. $b : a = c : b$ (см. рисунок 1,а).

Число, равное отношению b/a, обычно обозначается прописной греческой буквой Φ в честь древнегреческого скульптора и архитектора Фидия. Доказано, что $\Phi = \frac{1+\sqrt{5}}{2}$. Обратное число, обозначаемое строчной буквой φ, $\varphi = \frac{1}{\Phi} = \frac{-1+\sqrt{5}}{2}\varphi$. Отсюда следует, что $\varphi = \Phi - 1$. Число Φ называется *золотым числом*.

Для практических целей ограничиваются приблизительным значением $\Phi = 1{,}618$ или $\Phi = 1{,}62$. В процентном округлённом значении золотое сечение - это деление какой-либо величины в отношении 61,8 % и 38,2 % (см. рисунок 1,б).

а) б)

Рис. 1. Геометрическое изображение золотого сечения

Золотое сечение имеет множество замечательных свойств, так как это геометрическое понятие затрагивает такие сферы деятельности, как архитектура, живопись, музыка, литература, рыночные отношения, биология и т.п. Каждый из нас ежедневно сталкивается с золотым отношением, но не каждый это знает. Например [2]:

1. Отношение длины здания Парфенона в Афинах к его высоте равно Ф: $KB : AB = CB : AC = AB : BC = \Phi$ (см. рисунок 2).

Рис. 2. Золотое сечение в архитектуре

2. Египетские пирамиды построены в соответствии с пропорциями золотого сечения. Это же явление обнаружено и у мексиканских пирамид.

3. В биологических исследованиях было показано, что, начиная с вирусов и растений и кончая организмом человека, всюду выявляется золотая пропорция, характеризующая соразмерность и гармоничность их строения. Золотое сечение признано универсальным законом живых систем. Так, деление тела человека точкой пупа – важнейший показатель золотого сечения. Пропорции мужского тела колеблются в пределах среднего отношения 13 : 8 = 1,625 и несколько ближе подходят к золотому сечению, чем пропорции женского тела, в отношении которого среднее значение пропорции выражается в отношении 8 : 5 = 1,6. Пропорции золотого сечения проявляются и в отношении других частей тела – длина плеча, предплечья и кисти, кисти и пальцев и т.д. (см. рисунок 3,а,б,в).

4. Золотая пропорция применялась многими художниками и скульпторами при созда-

нии их произведений. Примером служит золотая пропорция статуи Аполлона Бельведерского: рост изображенного человека делится пупочной линией в отношении Ф (см. рисунок 3,г). Великий художник Леонардо да Винчи говорил: «Пусть никто, не будучи математиком, не дерзнет читать мои труды». В большом количестве его картин присутствует золотая пропорция.

5. У ящерицы длина ее хвоста относится к длине остального тела, как 62 к 38. Золотые пропорции прослеживаются при детальном рассмотрении яйца птицы (см. рисунок 4). Раковины улиток, морские звезды, бабочки и стрекозы, ветви и цветы растений – всё это создано природой по законам золотого сечения, а потому их строение носит строгий математический характер.

6. Подавляющее большинство выдающихся музыкальных произведений можно легко разделить на части или по теме, или по интонационному строю, или по ладовому строю, которые находятся между собой в отношении золотого сечения. Причем, чем талантливее композитор, тем в большем количестве его произведений найдено золотое сечение. У Аренского, Бетховена, Бородина, Гайдна, Моцарта, Скрябина, Шопена и Шуберта золотые сечения найдены в 90% всех произведений.

а) б) в) г)

Рис. 3 Золотое сечение и пропорции человеческого тела

Наблюдение за работой студентов, анализ особенностей использования метода проектов в разные годы и в разных группах позволяет прийти к следующему выводу. Использование метода проектов в ходе изучения дисциплины «Теоретические основы курса математики» по направлению подготовки 44.03.01 «Педагогическое образование» позволяет студентам, в конечном счете, приобрести соответствующие общекультурные и общепрофессиональные компетенции, предусмотренные программой курса, федеральным государственным образовательным стандартом третьего поколения, тем самым формируя компетентную личность, способную плодотворно работать в новых реалиях XXI века.

Рис. 4 Золотое сечение в живой природе

Постараемся это пояснить, рассмотрев этапы выполнения проекта, типы проектов, учебные цели проекта, способности, которые формируются у студентов в ходе работы над проектом.

1. На этапе анализа, формулирования замысла и целей проекта рождается идея проекта, конкретизируется проблема, выдвигаются гипотезы разрешения проблемы, происходит перевод проблемы в серию задач. На данном этапе работы над проектом возможно формирование таких компетенций, как: «способность использовать естественнонаучные и математические знания для ориентирования в современном информационном пространстве (ОК-3)», «готовность осознавать социальную значимость своей будущей профессии, обладать мотивацией к осуществлению профессиональной деятельности (ОПК-1)».

2. На этапе поиска путей решения обозначенной проблемы важно заинтересовать студента целью проекта, тем самым обеспечить его плодотворную самостоятельную деятельность по поиску решения поставленной задачи. Выбрав (или получив) тему проекта, студент начинает сам находить и анализировать различную информацию, делать выводы и выбирать пути решения, в том числе и с применением современных информационных технологий. При этом формируются такие компетенции: «способность использовать основы философских и социогуманитарных знаний для формирования научного мировоззрения (ОК-1)», «способность использовать естественнонаучные и математические знания для ориентирования в современном информационном пространстве (ОК-3)».

3. В процессе работы над проектом у студента формируются и развиваются такие компетенции, как: «способность использовать естественнонаучные и математические знания для ориентирования в современном информационном пространстве (ОК-3)», «способность работать в команде, толерантно воспринимать социальные, культурные и личностные различия (ОК-5)», «способность к самоорганизации и самообразованию (ОК-6)», «способность использовать базовые правовые знания в различных сферах деятельности (ОК-7)», «готовность сознавать социальную значимость своей будущей профессии, обладать мотивацией к осуществлению профессиональной деятельности (ОПК-1)». Если в процессе сбора информации требуется изучить иноязычные материалы, то студенты могут углубить знания по иностранному языку («способность к коммуникации в устной и письменной формах на русском и иностранном языках для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия (ОК-4)»).

4. Использование метода проектов позволяет преподавателю активизировать интеллектуальные, творческие, личностные и другие качества студентов, расширить их кругозор, повысить ответственность за результаты работы, что суммарно повышает профессиональный уровень будущего учителя начальных классов. В этом случае происходит формирование таких компетенций, как: «способность к самоорганизации и самообразованию (ОК-6)», «способность к коммуникации в устной и письменной формах на русском и иностранном языках для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия (ОК-4)», «готовность сознавать социальную значимость своей будущей профессии, обладать мотивацией к осуществлению профессиональной деятельности (ОПК-1)», «владением основами профессиональной этики и речевой культуры (ОПК-5)». В частности, при выполнении проекта «Быстрый счет без калькулятора» студенты самостоятельно осваивают приемы и правила рациональных вычислений, совершенствуют вычислительные навыки, знакомятся с историей математики и её приложений, тем самым пополняя багаж своих математических знаний, которые будут востребованы в ходе осуществления профессиональной деятельности.

5. Метод проектов позволяет научить студентов создавать профессионально подготовленные материалы, используя возможности современного программного обеспечения, а также способствует развитию умений студентов пользоваться новыми информационными и телекоммуникационными технологиями для успешной работы над проектом и организации их общения с преподавателем (руководителем проекта) в случае удаленного проживания студентов от места нахождения факультета. При этом происходит формирование компетенции «способность использовать естественнонаучные и математические знания для ориентирования в современном информационном пространстве (ОК-3)».

6. В процессе организации учебно-познавательной деятельности студентов на основе проектной деятельности можно применять разные типы проектов. В зависимости от предметно-содержательной области выделяют монопроект (в рамках одной области знаний) и

межпредметный проект. В этом случае происходит формирование таких компетенций, как: «способность использовать основы философских и социогуманитарных знаний для формирования научного мировоззрения (ОК-1)», «способность использовать естественнонаучные и математические знания для ориентирования в современном информационном пространстве (ОК-3)».

По характеру координации проекта выделяют проекты с открытой, явной координацией (непосредственный) и со скрытой координацией (неявный, имитирующий участника проекта). Причем проекты со скрытой координацией больше способствуют формированию самостоятельности студентов, ответственности. Что позволяет сформировать такие компетенции, как: «способность использовать естественнонаучные и математические знания для ориентирования в современном информационном пространстве (ОК-3)», «способность к самоорганизации и самообразованию (ОК-6)».

Учитывая характер контактов, в методической литературе можно встретить проекты для реализации участниками одного учебного заведения, одной группы, города, региона, одной страны, разных стран мира, внутренний или региональный, международный. При этом развиваются коммуникативные компетенции студентов, формируется толерантность к представителям других культур и национальностей. Подобные проекты позволяют сформировать у студентов такие компетенции, как: «способность работать в команде, толерантно воспринимать социальные, культурные и личностные различия (ОК-5)», «способность к коммуникации в устной и письменной формах на русском и иностранном языках для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия (ОК-4)».

По количеству участников проекта выделяют проекты индивидуальные, парные, групповые. Работая в группах, студенты формируют коммуникативные компетенции, необходимые в современном мире. Проектная деятельность опирается на принцип коллективной деятельности. Принцип коллективной деятельности опирается на то, что правильно организованная деятельность (с учетом знаний о функционировании группы, об условиях повышения ее эффективности, факторов, которые должны быть учтены в процессе формирования групп) представляется благоприятной для возможности научиться сотрудничеству; развития коммуникативных, лидерских способностей; повышения мотивации к изучению иностранного языка как средства общения; подготовка к самостоятельной жизни в сообществе людей; преодоление трудностей общения и повышения уровня подготовленности группы. Таким образом, работа в группе способствует формированию таких компетенций, как: «способность работать в команде, толерантно воспринимать социальные, культурные и личностные различия (ОК-5)», «готовность сознавать социальную значимость своей будущей профессии, обладать мотивацией к осуществлению профессиональной деятельности (ОПК-1)», «способность к коммуникации в устной и письменной формах на русском и иностранном языках для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия (ОК-4)».

Индивидуальные проекты, в свою очередь, способствуют формированию навыков самостоятельной работы, когда и замысел и его выполнение полностью зависят от творчества студента (формирование компетенции «способность к самоорганизации и самообразованию (ОК-6)»).

7. На этапе подготовки итогового продукта происходит оформление конечных результатов (презентации, защиты, творческие отчеты и т.д.), сбор, систематизация и анализ полученных результатов, подведение итогов. В этом случае происходит формирование таких компетенций, как: «готовность к профессиональной деятельности в соответствии с нормативными правовыми актами в сфере образования (ОПК-4)» «владением основами профессиональной этики и речевой культуры (ОПК-5)».

8. Проектная деятельность на занятиях дисциплины «Теоретические основы курса математики» создает устойчивую положительную мотивацию к изучению соответствующего материала и самостоятельному решению текущих задач. В этом случае происходит формирование таких компетенций, как: «способность использовать естественнонаучные и математические знания для ориентирования в современном информационном пространстве (ОК-3)» «способность к самоорганизации и самообразованию (ОК-6)», «готовность сознавать социальную значимость своей будущей профессии, обладать мотивацией к осуществлению профессиональной деятельности (ОПК-1)».

9. На этапе рефлексии происходит обсуждение проекта, выводы, выдвижение новых проблем исследования, оценка достигнутого результата. Формирование общекультурных и общепрофессиональных компетенций входит в

стадию оценки и рефлексии, когда о степени их сформированности у разных студентов уже можно судить, делать определённые выводы и корректировать результаты. Важной частью любого проекта должна быть активная рефлексия студентов после создания готового продукта обучения. Она позволяет студентам продуктивно продвигаться по образовательной траектории, исправляя ошибки, выбирая направление дальнейшей деятельности. Рефлексия способствует формированию личностных и метапредметных результатов обучения.

Таким образом, проектная деятельность в учебном процессе позволяет сделать обучение максимально эффективным, так как подразумевает самостоятельную творческую деятельность студентов. В процессе проектной деятельности создаются условия для формирования общекультурных и общепрофессиональных компетенций, определённых потребностями развития современного общества. Безусловно, перечень компетенций можно корректировать в зависимости от специальности и изучаемой дисциплины, но универсальность проектной деятельности позволяет подготовить студентов к любым реалиям социальной и профессиональной жизни в современном обществе.

Список литературы

1. Концепция долгосрочного развития Российской Федерации. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/strategicPlanning/concept

2. Лаврус В.С. Золотое сечение. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://n-t.ru/tp/iz/zs.htm

3. Полат Е.С. Метод проектов. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://refdb.ru/look/2917205.html

4. Тонких А.П. Метод проектов как средство формирования общекультурных и общепрофессиональных компетенций будущего учителя начальных классов. Теоретические и прикладные вопросы образования и науки: Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 30 ноября 2016 г.: в 8 частях. Часть 3. – Тамбов: ООО «Консалтинговая компания Юком», 2016. С.107 - 108.

5. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 44.03.01 Педагогическое образование (уровень бакалавриата). [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvob/440301.pdf

Об авторе

Тонких Александр Павлович – кандидат физико-математических наук, доцент, профессор кафедры теории и методики начального общего и музыкального образования, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, a_tonkih@mail.ru

Правила предоставления рукописей

В журнале «Вестник БГУ» публикуются статьи теоретического, методического и прикладного характера, содержащие оригинальный материал исследований автора (авторов), ранее нигде не опубликованные. Материал исследований должен содержать научную новизну и/или иметь практическую значимость.

Статьи обзорного характера к публикации не принимаются.

Научный журнал формируется по следующим отраслям и группам научных специальностей:
07.00.00 – исторические науки и археология;
10.01.00 – литературоведение;
10.02.00 – языкознание;
13.00.00 – педагогические науки.

Требования к структуре статей

(см. образец оформления статьи)

Все указанные структурные элементы статьи отделяются друг от друга пропуском строки.

1. <u>В начале статьи указываются:</u>
- номер по Универсальной десятичной классификации – УДК (Times New Roman 14 pt, обычный, выравнивание по левому краю);
- фамилия и инициалы автора (Times New Roman 14 pt, жирный), ученая степень, ученое звание, название образовательной организации, страна – на русском языке (Times New Roman 14 pt, обычный, выравнивание по ширине, межстрочный интервал одинарный);
- название статьи (10-12 слов, заглавными буквами, Times New Roman, 14 pt, жирный, выравнивание по центру, межстрочный интервал – одинарный);
- аннотация на русском языке (150-250 слов, см. образец оформления статьи);
- ключевые слова (8-10 слов и словосочетаний, Times New Roman 14 pt, надпись «Ключевые слова» - жирный, выравнивание по ширине, междустрочный интервал одинарный).

2. Текст статьи на русском языке (Times New Roman 14 pt; обычный; выравнивание по ширине; междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 1см.)

3. <u>После текста статьи размещаются</u>:
- список литературы на русском языке (Times New Roman 14 pt, выравнивание по ширине, междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 1 см., нумерация автоматическая, см. образец оформления статьи);
- название статьи на английском языке;
- аннотация на английском языке («Abstract»);
- ключевые слова на английском языке («Keywords»);
- список литературы на английском языке (References);
- информация об авторе (фамилия, имя, отчество полностью; ученая степень, ученое звание; должность; название образовательного учереждения, страна; адрес электронной почты) на русском и английском языках.

Статьи предоставляются в редколлегию в печатном и электронном виде, подготовленные с помощью текстового редактора Microsoft Word (*.doc, *.docx, *.rtf) и разбитые на страницы размером А4. Поля страницы: левое — 2 см, правое – 2 см, верхнее – 2 см, нижнее – 2 см. Текст – шрифтом Times New Roman, 14 pt, межстрочный интервал — одинарный, красная строка (абзац) 1 см (формата А-4), выравнивание по ширине. Страницы не нумеруются. Ручные и автоматические переносы <u>не допускаются</u>. Если статья выполнена при поддержке гранта или на основе доклада, прочитанного на конференции, то необходимо сделать соответствующую сноску в заголовке статьи (*). Объем статей, как правило, не должен быть менее 5 страниц А4 (14 000 знаков с пробелами) и не превышать 12 страниц А4 (32 000 знаков с пробелами), включая список литературы (10-15 источников). Желательно привлечение источников, индексируемых в Scopus. Все источники в тексте статьи обязательно должны быть процитированы хотя бы один раз.

Аннотация на русском языке должна содержать 150-250 слов (актуальность темы исследования, постановка проблемы, цели и методы исследования, результаты и ключевые выводы). После аннотации размещаются ключевые слова (8-10). Через строку размещается текст статьи, который должен содержать следующие обязательные элементы:

- ***Введение*** (актуальность темы, обзор литературы, постановка проблемы, формулирование целей и задач данного исследования);

- ***Методы*** (детально описываются методы и схема экспериментов/ наблюдений, позволяющие воспроизвести результаты, пользуясь только текстом статьи);

- ***Результаты*** (представляются фактические результаты исследования);

-***Обсуждение*** (содержит интерпретацию полученных результатов исследования, включая: соответствие полученных результатов гипотезе исследования; ограничения исследования и обобщения его результатов; предложение по практическому применению; предложения по направлению будущих исследований);

- ***Заключение*** (содержит краткие итоги разделов статьи без повторения формулировок, приведенных в них).

После основного текста статьи автор или авторы могут поместить благодарности коллегам за помощь в подготовке статьи, за финансовую поддержку и другие.

На титульной странице оформляется исключительное авторское право на статью путем перечисления фамилий и инициалов всех авторов после знака Copyright © на русском и английском языках.

После текста статьи размещается «Список литературы» (14 pt) с выравниванием по ширине (см. пример оформления статьи). В этот список включаются только те источники, на которые в тексте статьи имеются ссылки. Он формируется в алфавитном порядке (вначале источники на русском языке, затем на иностранных языках).

Ссылки на литературу по тексту статьи необходимо давать в квадратных скобках, через запятую номер страницы [5, с. 17]. Ссылки оформляются в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Работы одного и того же автора цитируются в хронологическом порядке независимо от наличия соавторов.

Затем размещается английский блок: фамилия, имя, отчество автора, ученая степень, ученое звание, название организации, страна, название статьи, аннотация и ключевые слова (Abstract + keywords), список литературы (References), см. образец оформления статьи).

Если статья содержит таблицы или рисунки, в тексте должны быть ссылки на эти элементы (см. рис. 1 или см. табл. 1).

Оформление таблицы. Обратите внимание, что надпись «Таблица 1» не имеет знака номера и точки. Обязательно должно быть название таблицы (располагается перед самой таблицей), после которого также не ставится точка. Шрифт Times New Roman 14 pt, (жирный), интервал – одинарный.

Таблица 1

Результаты исследования уровня волевого самоконтроля

Все рисунки и чертежи выполняются четко, в формате jpeg, обеспечивающем ясность понимания всех деталей; это особенно относится к фотокопиям и полутоновым рисункам. Весь иллюстративный материал должен быть выполнен в черно-белой гамме. (Цветные иллюстрации будут удаляться). Язык надписей на рисунках (включая единицы измерения) должен соответствовать языку самой статьи. Поясняющие надписи следует по возможности заменять цифрами и буквенными обозначениями, разъясняемыми в подписи к рисунку или в тексте. Название иллюстративного материала оформляются исключительно под рисунком. Подписи к рисункам – шрифт Times New Roman 14 pt, (обычный), интервал – одинарный.

Рис.1. Результаты изучения мотивации студентов

Авторов, использующих при подготовке рисунков компьютерную графику, просим придерживаться следующих рекомендаций: графики делать в рамке; штрихи на осях направлять внутрь; по возможности использовать шрифт Times; высота цифр и строчных букв должна быть в пределах 3-4% от максимального размера (высоты или ширины) рисунков, это относится и к цифрам на осях вставки; обозначения единиц измерения на осях графиков приводить в скобках. Таблицы, рисунки и подписи к ним помещаются непосредственно в тексте. Векторные величины выделяются прямым полужирным шрифтом. Все сколько-нибудь громоздкие формулы выносятся на отдельные строки. В тексте статьи допускаются системы физических единиц СИ и СГСЭ.

Всего автор оформляет и подает 3 электронных документа:

1. Текст статьи, оформленный в соответствии с указанными требованиями;
2. Авторская справка (см. образец);
3. Отчет о проверке в системе «Антиплагиат». Оригинальность статьи должна быть от 80%.

К работам аспирантов или соискателей необходимо приложить рекомендацию, подписанную научным руководителем и справку из отдела аспирантуры, к статьям кандидатов и докторов наук должны быть приложены две рецензии (внутренняя и внешняя).

Каждая статья в обязательном порядке проходит процедуру закрытого рецензирования. По результатам рецензирования редколлегия оставляет за собой право либо вернуть автору статью на доработку, либо отклонить ее публикацию в журнале.

Контактная информация доступна на сайте журнала: vestnik-brgu.ru
Адрес: 241036, г. Брянск, Бежицкая, 20, редакционно-издательский отдел.
Телефон: (4832) 66-67-58; **E-mail:** gumvest.bgu@yandex.ru

Вестник Брянского государственного университета

№2 (32) 2017

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
ПИ № ФС77-51557 от 26.10.2012

Подписной индекс «Пресса России»: 40705

Главный редактор журнала:
доктор педагогических наук, профессор
Степченко Т. А.

Адрес учредителя:
ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»
241036, г. Брянск, Бежицкая, 14.

Адрес редакции и издателя:
РИО ФГБОУ ВО «Брянский государственный
университет имени академика И.Г. Петровского»
241036, г. Брянск, Бежицкая, 20.

Адрес типографии:
241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, 20

Подписано в печать: 15.06.2017.
Дата выхода журнала в свет: 30.06.2017.
Формат 60x84/8. Печать на ризографе. Бумага офсетная.
Усл. п.л. 37. Тираж 500 экз. Свободная цена. **16+**